

ВЕСТНИК

КЕМЕРОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

2017 № 4(72)

Издается с 1999 года

Учредитель: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Кемеровский государственный университет»

Объединенная редакционная коллегия:

Невзоров Б. П., д-р пед. наук, профессор, ответственный редактор, КемГУ (Кемерово, Россия) – председатель коллегии; *Бабич О. О.*, д-р техн. наук, профессор, проректор по научной и инновационной работе, КемГУ (Кемерово, Россия) – зам. председателя.

Редакционная коллегия:

Серый А. В., д-р психол. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия) – главный редактор.

Аникин А. Е., д-р филол. наук, чл.-корр. РАН, Институт филологии РАН (Новосибирск, Россия).

Араева Л. А., д-р филол. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).

Бобров В. В., д-р ист. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).

Гаврилов С. О., д-р ист. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).

Кремер Р., д-р, проф. Потсдамского университета, главный редактор журнала «WeltTrends» (Потсдам, Германия).

Лушникова Г. И., д-р филол. наук, проф., КГУ (Ялта, Россия).

Молодин В. И., д-р ист. наук, академик РАН, Институт археологии и этнографии СО РАН (Новосибирск, Россия).

Овчинников В. А., д-р ист. наук, проф., КРИПО (Кемерово, Россия).

Проскурин С. Г., д-р филол. наук, проф., НГУ (Новосибирск, Россия).

Тюпа В. И., д-р филол. наук, проф., РГГУ (Москва, Россия).

Хьюитт К., Кавалер ордена Британской Империи, магистр гуманитарных наук, проф., Институт непрерывного образования Оксфордского Университета (Оксфорд, Великобритания).

Юревич А. В., д-р психол. наук, чл.-корр. РАН, Институт психологии РАН (Москва, Россия).

Яницкий М. С., д-р психол. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).

BULLETIN

OF KEMEROVO STATE UNIVERSITY

2017 no 4(72)

Founded in 1999

Founder: Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education Kemerovo State University

United editorial board:

B. P. Nevzorov, Dr. of Pedagogic, Prof., Executive Editor, Kemerovo State University (Kemerovo, Russia) – Chair; *O. O. Babich*, Dr. of Technical Sciences, Prof., Vice-rector for scientific and innovative work, Kemerovo State University (Kemerovo, Russia) – Vice-Chairman.

Editorial board:

Andrey V. Seriy, Dr. of Psychology, Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia) – Editor-in-Chief.

Alexander E. Anikin, Dr. of Philology, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Institute of Philology of the Siberian Branch of the RAS (Novosibirsk, Russia).

Ludmila A. Araeva, Dr. of Philology, Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

Vladimir V. Bobrov, Dr. of History, Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

Stanislav O. Gavrilov, Dr. of History, Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

Raimund Krämer, Dr., Prof. at Potsdam University, Editor-In-Chief of WeltTrends Journal (Potsdam, Germany).

Galina I. Lushnikova, Dr. of Philology, Prof., Crimean University for the Humanities (Yalta, Russia).

Vyacheslav I. Molodin, Dr. of History, Institute of Archeology and Ethnography of the Siberian Branch of the RAS (Novosibirsk, Russia).

Vladislav A. Ovchinnikov, Dr. of History, Prof., Kuzbass Regional Institute for Professional Education Development (Kemerovo, Russia).

Sergey T. Proskurin, Dr. of Philology, Prof., Novosibirsk State University (Novosibirsk, Russia).

Valeriy I. Tyupa, Dr. of Philology, Prof., Russian State University for the Humanities (Moscow, Russia).

Karen Hewitt, M.B.E., M.A. (Oxon.), Prof. of Department for Continuing Education, University of Oxford (Oxford, England).

Andrey V. Yurevich, Dr. of Psychology, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Institute of Psychology of the RAS (Moscow, Russia).

Mikhail S. Yanitskiy, Dr. of Psychology, Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

Журнал издается по решению редакционно-издательского совета Кемеровского государственного университета.

Выходит 4 раза в год.

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Свидетельство о регистрации: ПИ № ФС 77 – 67989

Адрес редакции:

Россия, Кемеровская область, 650000, г. Кемерово,
ул. Красная, 6

Сайт издания: <http://vestnik.kemsu.ru>

Адрес учредителя, издателя:

Россия, Кемеровская область, 650000, г. Кемерово,
ул. Красная, 6.

Тел.: 8(3842) 58-12-26

Факс: 8(3842) 58-12-26

E-mail: rector@kemsu.ru

Подписной индекс:

Объединенный каталог «Пресса России» – 42150

Журнал представлен в открытом доступе на сайте Российской универсальной научной электронной библиотеки и включен в базу данных «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ).

Правила для авторов опубликованы на сайте издания.

Контакты для сотрудничества:

Невзоров Борис Павлович,

ответственный редактор

Тел.: 8 (384-2) 58-13-01

Факс: 8(3842) 58-38-85

E-mail: nevzorov@kemsu.ru

Старикова Людмила Семеновна,

технический редактор

Тел.: (3842) 58-13-01

Факс: 8(3842) 58-38-85

E-mail: vestnik@kemsu.ru

Ни одна из частей журнала либо издание в целом не могут быть перепечатаны без письменного разрешения авторов или издателя.

16+

© Кемеровский государственный университет, 2017

© Авторы научных статей, 2017

Printed by the decision of Scientific Editorial Publishing Council of Kemerovo State University

Published 4 times a year

The Journal is registered in the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Communications (Roskomnadzor)

Certificate of registration: ПИ № ФС 77 – 67989

Editorial Office Address:

Russia, Kemerovo region, 650000, Kemerovo,
6 Krasnaya St.

Web-site: <http://vestnik.kemsu.ru>

Address of the founder, publisher:

Russia, Kemerovo region, 650000, Kemerovo,
6 Krasnaya St.

Tel.: (3842) 58-12-26

Fax: (3842) 58-12-26

E-mail: rector@kemsu.ru

Subscription indices:

42150 – in the United catalogue "The Press of Russia"

Free access to the Journal is provided at the website of the Russian Universal Scientific Electronic Library. The Journal is included into the database of the "Russian Science Citation Index".

Information for Authors published on the website Edition.

Contacts for co-operation:

Boris P. Nevzorov,

Executive Editor

Тел.: 8 (3842) 58-13-01

Fax: 8(3842) 58-38-85

E-mail: nevzorov@kemsu.ru

Lyudmila S. Starikova

Technical Editor

Тел.: 8 (3842) 58-13-01

Fax: 8(3842) 58-38-85

E-mail: vestnik@kemsu.ru

No part of the Journal can be republished without the permission of the authors or the publisher.

16+

© Kemerovo State University, 2017

© The authors of scientific articles, 2017

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ И АРХЕОЛОГИЯ

Право-популистские региональные движения в ФРГ

Александр Е. Антонов, Лидия Н. Корнева

Идея европейской интеграции в рамках проекта «Eurotopia»

Светлана В. Арапина, Игорь А. Сюзев

Региональная практика изучения местной истории в музеях Алтая во второй половине 1940-х – первой половине 1950-х гг.

Евгения Н. Беневалянская

Колыванские заводы в политике кузнецких воевод во второй четверти XVIII в.

Денис С. Бобров

Минусинско-Хакасская археологическая экспедиция 1930 г. для «Новоэкспорта»

Александр С. Вдовин, Людмила Ю. Китова,

Елена И. Кочкина, Владимир А. Конохов

Биография врача-хирурга Б. И. Фука в контексте истории советской эпохи

Елена С. Генина, Борис Б. Фука

Зачем купцам в традиционном Китае нужна была ученая степень?

Александр В. Даньшин

Экомuseum-заповедник «Тюльберский городок» как учебно-научный центр этноэкологический исследования Притомья

Валерий М. Кимеев, Максим Е. Голубев,

Борис П. Невзоров

Коллекция нелегальных изданий ЦСПИ ГПИБ: документация организаций РСДРП Приморья (1906–1909 гг.)

Сергей В. Макаrchuk, Сергей П. Звягин

История депортации чеченского и ингушского народов в Кокчетавскую область по материалам архивов Республики Казахстан

Гульнара Е. Мамаева

Случайные находки археологических предметов в южных районах нижнего Притомья

Алексей Г. Марочкин, Лариса Ю. Боброва

Польша и Восточный пакт

Станислав В. Морозов

К вопросу о зарплатах иностранных военнопленных, занятых на предприятиях Удмуртии в 1942–1948 гг.

Дмитрий В. Перевошиков

Русская археология Кузнецкого Притомья: история изучения, современное состояние и перспективы

Александр С. Сизёв

Освоение территории Колосовского района Омской области в XVI – начале XX вв.

Евгения В. Соколова

Административно-территориальная реформа правителя Ямато – Государя Хомуда в области Кибии

Дмитрий А. Суровень

Сохранение культурного наследия народов автономных краев Сербии. Институциональный аспект

Леонас Толвайшис

CONTENT

HISTORY AND ARCHEOLOGY

Right-Wing Populist Regional Movements in Germany

Alexander E. Antonov, Lydia N. Korneva 10

The Idea of the European Integration Development in the Eurotopia Project

Svetlana V. Arapina, Igor A. Suzev 14

Regional Practice of Studying Local History in Altai Museums in the Second Half of the 1940s – First Half of the 1950s

Evgeniya N. Benevalenskaya 20

The Kolyvan Factories in the Policy of the Kuznetsk Voivodes in the Second Quarter of the XVIII Century

Denis S. Bobrov 28

The Minusinsk-Khakas Archaeological Expedition of 1930 for “Novoexport”

Alexandr S. Vdovin, Ludmila Yu. Kitova, 34

Elena I. Kochkina, Vladimir A. Konokhov 34
Biography of Surgeon B. I. Fuks in the Context of the Soviet Era History

Elena S. Genina, Boris B. Fuks 43

Why did Merchants in Traditional China Need an Academic Title?

Alexandr V. Danshin 49

Ecological Museum «The Tyulbersky gorodok» as an Educational and Scientific Center for Ethnoecological Research of the Tom' River Valley

Valeriy M. Kimeev, Maxim E. Golubev, 54

Boris P. Nevzorov 54
Collection of Illegal Publications of the Center for Social and Political History at the State Public Historical Library: Documentation of the Organizations of the RSDRP of Primorye (1906–1909)

Sergey V. Makarchuk, Sergey P. Zvyagin 61

History of Deportation of the Chechen and Ingush Peoples to the Kokchetav Region according to the Kazakhstan Archival Materials

Gulnara E. Mamaeva 68

Accidental Archaeological Finds in the South Areas of the Lower Tom' River Valley

Alexey G. Marochkin, Larisa Yu. Bobrova 77

Poland and the Eastern Pact

Stanislav V. Morozov 83

On the Matter of the Wages of Foreign Prisoners of War on Udmurt Enterprises in 1942–1948

Dmitry V. Perevoshchikov 88

Russian Archeology of the Kuznetsk Tom' River Valley: History of Research, Current Condition and Prospects

Alexandr S. Sizyov 96

The Development of the Territory of Kolosovsky District (Omsk Region) in the XVI – early XX Century

Evgenia V. Sokolova 103

The Administrative-Territorial Reform of Yamato Ruler – Emperor Homuda in Kibi Region

Dmitry A. Surowen 109

Preserving Cultural Heritage of Peoples in Serbia's Autonomous Provinces. The Institutional Aspect

Leonas Tolvaišis 115

ПСИХОЛОГИЯ

Структура адаптационного потенциала одаренных подростков <i>Ольга О. Андронникова, Юлия М. Перевозкина</i> <i>Наталья В. Дмитриева, Надежда А. Щукина</i>	117
Лонгитюдное исследование формирования конструктивных стратегий отцовства <i>Юлия В. Борисенко</i>	125
Психологические корреляты эмоционально-личностного благополучия <i>Лариса В. Карпетян</i>	132
Возрастные особенности становления представлений у школьников и студентов <i>Вадим П. Песков</i>	141
Применение отдельных проективных техник психодиагностики для выявления мотивов совершения несовершеннолетними преступлений против собственности <i>Дмитрий В. Устинов, Наталия В. Устинова</i>	153
Зависимость установочных эффектов от эмоциональной окраски объекта <i>Михаил И. Яновский</i>	160

ФИЛОЛОГИЯ

Семантика и прагматика глагольной метафоры еды (на материале семантической группы «поглощение пищи при помощи зубов») <i>Наталья А. Живаго</i>	167
Глагольное наклонение как средство выражения категории вежливости в русском и персидском языках <i>Ирана Замани, Джоландан Н. Шейхи</i>	175
Текстово-стилистическая вторичность как базовая категория современной рекламы <i>Лидия А. Исаева, Светлана Г. Буданова, Алевтина Г. Рябинина</i>	181
Лингвостилистические средства выражения конфликта материальных ценностей и аутентичности в романе Джона Брейна «Путь наверх» <i>Юлия А. Куцевич, Елена Е. Маркадеева</i>	190
Лингвоперсонологические стратегии восприятия текста (на материале интернет-комментариев к политическим статьям) <i>Наталья В. Мельник, Ирина В. Савельева</i>	197
История развития представлений о частях речи в российской лингвистической науке <i>Дмитрий А. Самарин</i>	205
Благопожелания в России и Китае: лингвистическая точка зрения <i>Ангелина В. Тихонова, Ольга В. Чибисова</i>	211
Мастерство читателя <i>Валерий И. Тюпа</i>	219

PSYCHOLOGY

Adaptation Potential Structure in Gifted Adolescents <i>Olga O. Andronnikova, Yulia M. Perevozkina, Natalia V. Dmitrieva, Nadezhda A. Shchukina</i>	123
Longitude Study of Constructive Fatherhood Strategies Development <i>Yuliya V. Borisenko</i>	130
Psychological Correlates OF Emotional-Personal Well-Being <i>Larisa V. Karapetian</i>	139
Age Peculiarities of Representation Formation in Schoolchildren and Undergraduate Students <i>Vadim P. Peskov</i>	151
Projective Psychodiagnostic Techniques in Identification of Motives for Juvenile Property Crimes <i>Dmitry V. Ustinov, Natalia V. Ustinova</i>	159
Dependence of Affirmation Effects on the Emotional Coloring of the Object <i>Mikhail I. Yanovsky</i>	166

PHILOLOGY

Semantics and Pragmatics of Verbal Metaphor of Food (The Semantic Group «Food Consumption with the Aid of Teeth») <i>Natalia A. Zhivago</i>	173
Verbal Mood as a Medium of the Politeness Category in Russian and Persian <i>Irana Zamani, Jolandan N. Sheikhi</i>	180
Text-Stylistic Replication as a Basic Category of Modern Advertising <i>Lidiya A. Isaeva, Svetlana G. Budanova, Alevtina G. Ryabinina</i>	188
Linguostylistic Means of Expressing the Conflict of Material Values and Authenticity in the Novel «Room at the Top» by John Braine <i>Yuliya A. Kutsevich, Elena E. Markadeeva</i>	196
Linguopersonological Strategies of Text Perception (Case Study of Internet Comments to Political Discourse) <i>Natal'ia V. Mel'nik, Irina V. Savel'eva</i>	202
The History of the Development of Ideas about Parts of Speech in the Russian Linguistic Science <i>Dmitry A. Samarin</i>	209
Good Wishing in Russia and China: Linguistic Point of View <i>Angelina V. Tikhonova, Olga V. Chibisova</i>	217
Reader's Skill <i>Valery I. Tyupa</i>	223

УДК 94(930):329.17

ПРАВО-ПОПУЛИСТСКИЕ РЕГИОНАЛЬНЫЕ ДВИЖЕНИЯ В ФРГ

Александр Е. Антонов^{1, @1}, Лидия Н. Корнева^{1, @2}

¹ Кемеровский государственный университет, Россия, 650000, г. Кемерово, ул. Красная, 6

@1 derchef.kem@mail.ru

@2 korneva_21@mail.ru

Поступила в редакцию 22.07.2016. Принята к печати 23.10.2017.

Ключевые слова: правый популизм, «про Кёльн», «про НРВ», исламофобия, мультикультурность, демонстрация, выборы, расизм.

Аннотация: Статья посвящена право-популистским движениям Германии, которые являются прямым следствием кризиса мультикультурного сообщества. В своей агитационной работе они спекулируют на настроениях в обществе, используя главным своим оружием исламофобию. Явление исламофобии, или критики ислама, и борьба с его возрастающим влиянием разгораются на пространстве ЕС и в частности в ФРГ вокруг иммигрантов мусульман. Правые движения акцентируют внимание на проблеме беженцев с Востока для укрепления своего положения на политическом ландшафте. В качестве предмета исследования выделяются наиболее активные и значимые право-популистские движения в современной Германии. В тексте статьи кратко проанализирована суть термина правого популизма и наиболее благоприятные условия для его возникновения. В тексте работы рассматривается история, анализ политической деятельности, идеологическая составляющая предмета исследования. Также был сделан краткий прогноз по проблеме степени влияния антиисламских настроений в европейском и германском обществе.

Для цитирования: Антонов А. А., Корнева Л. Н. Право-популистские региональные движения в ФРГ // Вестник Кемеровского государственного университета. 2017. № 4. С. 5–10. DOI:10.21603/2078-8975-2017-4-5-10.

Право-популистские и правозкстремистские партии присутствуют на политическом ландшафте Европы как на западе, так и на востоке. Они есть на севере и юге Европы, в развитых экономически и особенно в кризисных странах.

Подъем правых сил безусловно связан с финансовыми и экономическими кризисами в Европе. Часть населения европейских стран обнищала за последнее время, что сделало ее предрасположенной к правой идеологии. Те, кто не уверен в своем будущем, легче всего поддаются убеждению со стороны правых, использующих простые выражения и лозунги, указывающие пути разрешения проблем. Именно такими обстоятельствами пользуются популистские политики, в частности правые политики, для продвижения своей идеологии среди общества и дальнейшего укрепления своего положения на политической арене.

Но что конкретно представляет собою правый популизм и популизм вообще?

Пожалуй, основополагающим в популизме является политика идентичности. В центре популистской идеологии стоит «народ» как однородное, не фрагментированное единство, которому присущи следующие обозначения: «маленький человек», «умелые и прилежные», «молчаливое большинство». Эти «маленькие люди» четко отделяются от «коррупцированной» элиты, истеблишмента и «политического класса». Равным образом нападкам со стороны популистов подвергается интеллигенция. Политика, по мнению популистов, должна снова стать выражением «истинной народной воли». Идеология популизма базируется на своеобразной вертикальной дихотомии народ-элиты, или же «мы внизу, вы наверху». Параллельно добавля-

ется негативное отношение к «другим», «чужим». Правый популизм в этой плоскости чаще всего оперирует расистскими предрассудками в обществе, стремясь вызвать либо усилить их, что является коренным отличием от левых популистов, где господствует универсальная идеология всеобщего равенства [1, с. 7].

В 1970-е гг. в США социолог Лоренс Гудвин создал теорию так называемого «популистского фактора». Суть ее заключалась в том, что популизм (или правый популизм) – такое течение, которое пробуждается при наличии особых исторических условий. Такие условия именуются Гудвином как «популистский фактор». Возникновению данного фактора способствуют определённые события, когда темпы модернизации общества происходят слишком стремительно и люди не успевают следовать за ними [1, с. 5]. Поэтому финансовые и экономические кризисы стали добротной питательной почвой, на которой восходят ростки правых популистов. На сегодняшний день существует лишь малое количество стран, где правые партии не входят в правительство. К таким странам относится Германия. Однако это не мешает правым присутствовать на политической арене современной ФРГ. Партиям правого спектра в послевоенной истории Германии еще ни разу не удалось войти в правительство республики, но это не значит, что они не пытались этого сделать. В разные времена различные праворадикальные партии добивались политического успеха в Германии, который вполне мог служить стартом их политической деятельности, находясь уже в правительстве самой страны. Но все эти попытки приводили, несмотря на их изначальный успех и практически без сомнения уверен-

ную победу на федеральных выборах, к краху и разочарованию ее сторонников результатами выборов, что приводило к неминуемой внутривыборной борьбе и ослаблению позиций, вплоть до ее бездействия в политике страны. Ярким примером подобного изложения служит Национал-демократическая партия Германии (далее НДП). Она была образована в федеральной земле Нижняя Саксония и зарегистрирована в государственном реестре общественных объединений 14 ноября 1964 г. Ее лидером стал «бетонный» фабрикант Фридрих Тилен. НДП быстро набирала популярность и к 1969 г. с 61 депутатами вошла в 7 ландтагов. С наибольшим результатом она вошла в ландтаг Баден-Вюртемберга, набрав 9,8 % голосов [2].

Стремительному подъему НДП способствовала остановка экономического чуда в 1966–1967 гг. в молодой ФРГ. Она подогревала страхи не только среднего класса перед экономическим спадом, но и рабочих, которые ранее отдавали свои голоса за социал-демократов. Она стремилась получить выгоду от разрастающихся страхов перед общественной модернизацией и либерализацией, студенческих протестов. Ее лозунги о безопасности и порядке нашли поддержку у части населения. Но, несмотря на это, НДП упустила свой шанс войти в Бундестаг, сумев набрать на выборах 1969 г. только 4,3 % голосов.

После поражения на выборах в Бундестаг 1969 г. начался упадок внутри НДП, длившийся десятилетия. Партия была разобщена внутренними спорами между разными направлениями. В результате долгой предвыборной борьбы партия оказалась на пороге финансового кризиса. Количество партийных членов НДП сократилось с 30 тыс. до 3,5 тыс. человек [2]. Множество раз партия обдумывала свой самороспуск. НДП на политической арене заменили другие правые партии. Долгие годы, вплоть до воссоединения Германии, она не играла никакой заметной роли на политической арене.

Тем не менее, даже если партии и движения правых не могут в настоящее время пройти в Бундестаг, они в то же время смогли найти свою нишу в политической сфере. Партии и движения наиболее активны на региональном уровне. Они регулярно участвуют в предвыборной борьбе и стремятся продвинуть своих кандидатов в органы управления земель Германии на все уровни, начиная с коммун и заканчивая ландтагами. Вдобавок некоторые правые организации изначально стремятся распространить свою деятельность только на местный, региональный уровень, не захватывая Бундестаг. К ним относятся региональные правые партии и движения, среди которых наибольшую популярность и актуальность имеют так называемые гражданские движения, созданные в городе Кёльн: «Гражданское движение за Кёльн» (далее «про Кёльн»), «Гражданское движение за Нордрейн-Вестфален» (далее «про НРВ»). Город Кёльн был выбран не случайно, так как именно здесь традиционно сильны праворадикальные антиисламские группы. Главным критерием для этих организаций является их открытое противостояние мультикультурному сообществу и острая критика ислама как религии и всех мусульман, проживающих в Германии соответственно. Эти движения являются характерным примером правого популизма в Германии, который будет рассмотрен в данной статье.

Сегодня мечети и минареты, мусульманские общины Европы стали настоящим объектом жесткой критики.

Особенно это ощущается в западноевропейских странах. Ислам как религия стал объектом нападков правых, которые считают, что исламу и мусульманам нет места в Европе. В основном это связано с культурными различиями и противоречиями, которые возникают между мигрантами и коренным населением. В то же время масло в огонь подливают исламские террористические группы. Теракты во Франции в 2014–2015 гг., организованные террористами из исламского государства, серьезно повлияли не только на европейцев, но и на весь мир. Еще одним важнейшим фактором стало массовое бегство жителей из стран Ближнего Востока и Северной Африки в страны ЕС из-за террора вышеназванного исламского государства. Преимущественно весь поток беженцев продолжает идти именно в страны Западной Европы, особенно в Германию. Но эти события не стали катализатором исламофобии, а скорее наоборот – усилили ее. В частности, в Европе это связано с кризисом мультикультурного сообщества, который был порожден массовой иммиграцией жителей стран Ближнего Востока и Африки в Европу преимущественно в такие благоприятные страны, как Франция, Германия, Нидерланды и т. д. На протяжении десятилетий в этих западноевропейских странах существуют и активно действуют праворадикальные партии и движения, направленные главным образом против иммиграции и исламизации стран Европы. При этом идет вражда не только в плане культур. Многие социальные проблемы были «этнизированы», например преступность и бедность. Таким образом, пути их решения и удовлетворения нужд коренного населения возможно только ограничением прав мигрантов в социальной сфере и немедленным запретом на иммиграцию, чтобы приостановить новый приток мигрантов. «Если ранее к «турецким иммигрантам» относились отрицательно в силу их причастности к другой культуре, а также из-за дополнительного бремени возлагаемого на экономику и государство всеобщего благосостояния, то сегодня «иммигранты-мусульмане» отвергаются из-за их предполагаемых антидемократических убеждений и культуры насилия» [3, с. 92].

Культурный расизм и разжигаемые предрассудки среди населения – тактика правых, которая направлена против мигрантов, главным образом против мусульман и особенно против строительства мечетей. «Свобода вместо ислама» звучит лучше и привлекательнее для избирателей, чем «Иностранцы прочь». «Про движение» продемонстрировало эти право-популистские приемы программно: враждебная агитация против мусульман как предложение в участии в управлении делами общества. Именно в таком контексте «про НРВ» заявило о создании «гражданкой инициативы ЕС», которая должна совместно развиваться с другими европейскими праворадикальными партиями, такими как бельгийская «Фламандский интерес» и «Свободная партия Австрии» [4, с. 8; 5]. Эти меры предприняты не случайно, стоит отметить тот факт, что тема ислама и исламизма активно обсуждается в СМИ и обществе ФРГ. А это значит, что, манипулируя сознанием толпы по острой теме, правые намерены упрочить свое влияние и набрать побольше голосов. Немаловажным фактом является то, что кампания против строительства мечетей началась по всей Европе. «Про НРВ» и «про Кёльн» регулярно проводят агитационную работу среди граждан, они активно сотрудничают с бель-

гийскими и австрийскими правыми радикалами, которые аналогично занимаются подобным мероприятием.

Летом 1996 г. было образовано объединение «Гражданское движение за Кёльн» («про Кёльн»). С самого начала первым ее руководителем был избран Свен Мёллер, бывший ранее членом правозэкстремистской партии «Германская лига за народ и Родину» (далее DLVN). Изначально эта организация не имела никакого серьезного политического влияния. Ситуация начала меняться с 1999 г., когда на коммунальных выборах в земле Нордрейн-Вестфален фракция от DLVN потерпела поражение с результатом в 0,1 % голосов. С того момента в организацию «про Кёльн» начали переходить бывшие представители DLVN, среди которых были издатель Манфред Роус из Кёльна и адвокат из Леверкузена Маркус Бейзихт. В докладе по защите Конституции от земли Нордрейн-Вестфален «про Кёльн» была охарактеризована как филиал утратившей свое значение DLVN, который стал пристанищем для ее бывших функционеров. В докладе Конституции за 2003 г. было добавлено следующее: «Объединение стремится изобразить себя консервативным, но в то же время оно (прим. автора: «про Кёльн») было замечено в совместной работе с неонацистами и с другими правозэкстремистскими группами» [4, с. 10].

На коммунальных выборах в 2004 г. «про Кёльн» удалось заработать 4,7 % голосов избирателей (16531 голосов). Благодаря этому она прошла в городской совет Кёльна, имея в своем распоряжении 4 мандата. Затем благодаря переходу в ряды движения члена городского совета от партии Республиканцев она получила 5-й мандат. С того времени движение «про Кёльн» имеет районные представительства в городе Кёльн [4, с. 11].

С декабря 2004 г. руководителем объединения был избран Маркус Бейзихт. В 2014 г. его сменил Михаэль Габель – районный представитель в городе движения «про Кёльн». Маркус Бейзихт остался на посту председателя «про НРВ», ранее он занимал оба поста.

С 2005 г. движение «про Кёльн» стало активно расширяться в пределах региональной политики земли Нордрейн-Вестфален. В 2005 г. было образовано движение «про Германия» и движение под названием «про НРВ». Движение «про НРВ» было образовано для распространения организационной модели «про Кёльн» в другие города земли Нордрейн-Вестфален. Что касается движения «про Германия», то его инициатор и руководитель Манфред Роус создавал его как независимую политическую организацию, которая стремится защищать западноевропейский характер Германии. Целью «про Германия» является распространение организационной модели «про Кёльн», но в отличие от «про НРВ» «про Германия» стремится это сделать на федеральном уровне, то есть по всей Германии.

В начале объектом нападков со стороны «про Кёльн» были различные меньшинства, беженцы, проституция и наркозависимые. Затем с течением времени оно начало концентрировать свое внимание на антиисламской кампании, в частности против запланированного строительства мечети в районе Эренфельд города Кёльн. В 2002 г. мэрия города Кёльн начала поиски подходящего земельного участка для строительства мечети. «Про Кёльн» отреагировала на это началом сбора подписей против данного мероприятия. Данная акция была распространена по всему городу. Незадолго до выбо-

ров в коммунальный парламент в 2004 г. «про Кёльн» представила в городской комитет по рассмотрению жалоб 28 тыс. подписей против строительства [1, с. 114]. В 2007 г. «про Кёльн» собрало 15940 подписей против строительства мечети, но тем не менее этого было недостаточно для принятия соответствующего решения [4, с. 11]. Вместе с тем важным фактом остается то, что благодаря сбору необходимых подписей движение могло в дальнейшем снабжать своей пропагандой тех адресатов, которым принадлежат эти подписи, тем самым сделав себя популярной у определенной части жителей города и таким образом набирать новый персонал для себя.

В 2006 г. объединение начало пропагандировать свои взгляды среди молодежи, выпуская листовки с надписью «Немецкий это классно!». 14 августа 2006 г. «про Кёльн» начало распространять во многих школах города Кёльн молодежную газету под названием «Объектив». В 2008 и 2009 годах «про Кёльн» организовывала каждый месяц пикеты в центре города. Тематами этих демонстраций были «Активная позиция за права человека против угнетения женщин в исламе», «Нет турецкому национализму и шовинизму – предостережение судьбы армян», «Против туркизации и исламизации – Кёльн не должен стать Стамбулом» и т. д. Кроме того, по примеру нидерландского политика Геерта Вилдерса «про Кёльн» изготовило 2 фильма, остро критикующих ислам [1, с. 115].

Во время предвыборной кампании в коммунальный парламент в 2009 г. «про Кёльн» организовало крупные демонстрации и агитационные мероприятия перед мечетью в Эренфельд. Однако в этих мероприятиях движению удалось задействовать только собственный персонал и людей из «про НРВ».

Одним из ключевых моментов в истории «про Кёльн» стал так называемый «Конгресс против исламизации», проведение которого было запланировано в 2008 г. на центральной площади города Кёльна. К участию в этом мероприятии были приглашены 5 тыс. человек, связанных с разными праворадикальными партиями из стран Европы. На конгресс были приглашены члены таких партий, как бельгийская «Фламандский интерес», «Свободная партия Австрии», «Лига Севера» из Италии, «Британская национальная партия» и др. Стоит отметить, что данный конгресс потерпел полный крах благодаря демонстрации противников конгресса, которые полностью блокировали его работу, в связи с чем он был запрещен органами полиции и прекращен. В 2009 г. была повторная попытка его проведения, которая, равно как и прошлая, потерпела фиаско. Второй конгресс был также полностью блокирован, а в СМИ «про Кёльн» была уличена в тесном сотрудничестве с правозэкстремистской сценой, от которой «про Кёльн» всегда себя отделяло. Благодаря этим двум крупным неудачам на предстоящих выборах в 2009 г. аналитики прогнозировали для «про Кёльн» скромные результаты всего в 3 % голосов. Но результаты голосования оказались лучше. «Про Кёльн» сумело набрать 5,4 % голосов и 5 мандатов в городской совет. Особенно сильную поддержку «про Кёльн» получила от жителей кварталов с высокой долей иммигрантов [6, с. 5, 17].

Главными программными требованиями «про Кёльн» являются борьба против исламизации Германии и массовой иммиграции со стороны мигрантов мусульман. При этом немало-

важным фактом является то, что «про Кёльн» зачастую уравнивает между собой такие понятия, как ислам и радикальный исламизм, в своей партийной работе. Борьба с этнической преступностью, борьба против нелегальной иммиграции и распределение средств прежде всего между коренными жителями Кёльна – главные требования движения.

По результатам коммунальных выборов 2014 г. оказался для «про Кёльн» неудачным. Движение смогло набрать только 2,6 % голосов избирателей, и таким образом оно потеряло 3 мандата в городском совете и статус фракции. Теперь в городском совете заседает только два его представителя [7, с. 7, 13]. Но как указано далее в документе, «про Кёльн» по-прежнему пользуется большой поддержкой в районах с высокой долей иммигрантов, а в своей агитационной работе «про Кёльн» направляет свои усилия главным образом на людей с малыми доходами и безработных [7, с. 30].

6 февраля 2007 г. по инициативе «про Кёльн» было образовано объединение под названием «Гражданское движение за Нордрейн-Вестфален» («про НРВ»), с которым оно тесно сотрудничает и, по сути, «про НРВ» – расширенный вариант «про Кёльн». Основателем и председателем движения был выбран Маркус Бейзихт. Его заместителями стали Жудит Вольтер и Кевин Гарет Хауер, которые ранее были функционерами правоэкстремистской партии «Республиканцы». Своей целью объединение «про НРВ» поставило не только расширение организационной модели движения «про Кёльн» на другие города земли Нордрейн-Вестфален, но и участие в предстоящих выборах в ландтаг. Для этого на собрании по поводу основания движения была поставлена цель: «Координация и концентрация неконформистских объединений избирателей».

«Мы убеждены, что нашу модель можно перенести на любой другой большой город», – заявил Бейзихт. «Последовательная и настойчивая работа есть ключ к успеху. Мы говорим с людьми на месте прямо о тех проблемах, которые их отягощают и которые игнорируются правящими партиями: исламизация, засилье иностранцев, преступность и неконтролируемая коррупция политиков в администрации. Когда граждане с этим сталкиваются, то представляется возможным организовать патриотические неконформистские политические силы» [4, с. 13]. 25 марта 2007 г. «про НРВ» провело большую демонстрацию в Дормаген-Нивенхайме в поддержку своих притязаний на участие в предстоящих выборах 2010 г. в ландтаг земли Нордрейн-Вестфален.

На учредительном партийном съезде 9 сентября 2007 г. «про НРВ» объявило себя региональной партией. «Про НРВ станет антиисламской партией!» [8, с. 59], – заявил на одном из собраний ее председатель Маркус Бейзихт.

В 2009 г. после коммунальных выборов «про НРВ» удалось войти в 7 городских и окружных советов. В Кёльне с поддержкой в 5,4 % голосов, Гелзенкирхен – 4,3 % голосов и Леверкузен – 4 % «про НРВ» получила статус фракций в городских советах. По результатам выборов 2010 г. в ландтаг «про НРВ» смогла набрать только 1,4 % голосов из необходимых 5 %, тем самым провалив попытку войти в земельный парламент Нордрейн-Вестфален [1, с. 117].

Во время предвыборной борьбы в ландтаг в 2012 г. «про НРВ» провело целую серию демонстраций перед многими мечетями, во время которых ее участники держали в руках

плакаты, на которых были изображены карикатуры на пророка Мухаммеда. Тем самым они спровоцировали жесткую ответную реакцию. Во время демонстраций в Золингене (Нордрейн-Вестфален) и в Бонне (Нордрейн-Вестфален) произошли серьезные нарушения общественного порядка с серией нападений со стороны радикального движения салафитов, которые были спровоцированы карикатурами на пророка Мухаммеда. Они сломали полицейские ограждения, забросали камнями и били палками участников демонстрации, полицейских и очевидцев события. При этом 31 полицейский был ранен, среди них 2 тяжелораненых [9, с. 113].

Позже на спровоцированную реакцию салафитов Бейзихт заявил следующее: «Утверждение о том, что мы несем ответственность за те бесчинства и беспорядки, устроенные салафитами, можно приблизительно трактовать следующим образом, как если бы насильник хотел бы извиниться перед своей жертвой за то, что она спровоцировала себя раздеться. Нет, мы тем самым показали на заданное место разрыва нашего мультикультурного общества, в котором насильственно сплетены несовместимые ценностные представления, которые себя не оправдали, так как чужие навязывают свои правила» [9, с. 114].

Партийные члены и сторонники «про НРВ» хоть и сочувствовали раненым полицейским, всё же приветствовали высказывания некоторых блогеров в Интернете, которые поддерживали эскалацию конфликта: «Митинги должны стать более жесткими. Размер и количество карикатур на Мухаммеда должно стать больше!» [9, с. 114].

На выборах в ландтаг за «про НРВ» проголосовало всего 1,5 % избирателей, тем самым партия второй раз подряд потерпела поражение на региональных выборах.

В конце 2013 г. «про НРВ» была представлена в 8-ми городских советах, имея в общей сложности 18 мандатов, а также в 3-х окружных советах с 4 мандатами.

«Про НРВ» получает поддержку в основном из среды исламских критиков и националистов, которых объединяют такие интернет блоги, как «Политически некорректный». Здесь создается резонансное поле для расистских толкований «про НРВ». Это позволяет «про НРВ» создавать темы для обсуждения, которые наполнены различными стереотипами и расистскими высказываниями в отношении ислама и мусульман, тем самым разжигая страхи и предрассудки. Все это служит для создания и усиления напряжения в обществе путем инсценировки подобных тем в политически ориентированных СМИ, благодаря чему намерена выиграть «про НРВ» [8, с. 53].

Ислам традиционно расценивается «про НРВ» как нечто не совместимое с демократией Германии. Ислам = чужой = опасный – такова формула пропаганды и демонстраций, проводимых движением. При этом разграничение самой религии от различных радикальных политических движений, построенных на исламе, сознательно отклоняется, а знак равенства сознательно ставится [8, с. 61]. Федеральная служба по защите Конституции в своем докладе за 2011 г. включила движение «про НРВ» в главу «правый экстремизм» как подозрительный случай [10, с. 26]. С того года про НРВ фиксируется в каждом из докладов службы защиты Конституции в главе «правый экстремизм».

Численность движения на 2012 г. составляла 1 тыс. человек [9, с. 111]. По состоянию на 2013 г. согласно докладу по

защите Конституции от земли Нордрейн-Вестфален общая численность «про Кёльн» и «про НРВ» оценивается в 1000 человек [11, с. 72].

По результатам коммунальных выборов 2014 г. «про НРВ» представлена во многих крупных городах земли Нордрейн-Вестфален, а также в окружных советах. В общей сложности она обладает 57 мандатами. Наибольшее количество мандатов у про НРВ в Дуйсбурге (11 мандатов) при 4,3 % голосов, в Эссене (8 мандатов) 1,7 % голосов, Гельзенкирхен (8 мандатов) 4,3 % голосов избирателей [12].

Таким образом, проявления исламофобии – не просто единичные случаи в общественной жизни, а постоянно нагнетаемая правыми силами идеология, построенная на расизме и религиозной нетерпимости. Данная ситуация сложилась из-за кризиса мультикультурного сообщества в Европе еще в конце прошлого века, но повесткой дня она стала в начале XXI в. благодаря усиленной агитационной работе правых сил, которые отбросили старые лозунги, требовавшие изгнания всех иностранцев, переключились главным образом на проблему исламизации Германии и стран Европы. В ФРГ в этом плане лидируют гражданские движения «про Кёльн» и «про НРВ», которые в тесном обоюдном сотрудничестве при поддержке своих иностранных коллег из других стран ЕС, представляют достаточно мощную силу правых радикалов Германии и ЕС.

В одной исследовательской работе при поддержке фонда Фридриха Эберта был проведен анализ с целью выяснить степень антиисламских настроений в обществе Германии. Результаты опрошенных показали возрастающую динамику: в 2003 г. – 44,2 % опрошенных высказались отрицатель-

но по отношению к арабам, в 2010 г. – уже 55,4 %. В 2012 г. сбор данных при опросе показал, что приблизительно 60 % опрошенных поддерживают антиисламские настроения [10, с. 26].

Данные этих опросов, теракты во Франции, как и недавние серии сексуального насилия в Кёльне, устроенные мигрантами с Ближнего Востока и Северной Африки в новогоднюю ночь создают опасную взрывную ситуацию. На этом основании можно сделать некоторое предположение, что если правительства стран Европы не предпримут никаких действенных шагов по урегулированию данной опасной проблемы, тогда исламофобия будет идти дальше, постепенно набирать обороты, от чего постараются выиграть праворадикальные политики.

Впрочем в настоящее время праворадикальные и популистские партии, спекулирующие в том числе на исламофобии и расистских предрассудках, не имеют серьезного влияния в политике стран ЕС и в частности в Германии. Достаточным примером доказательства будет то, что, несмотря на все усилия агитационной работы, правым не удастся мобилизовать избирателей, чтобы одержать победу на очередных выборах. Им удастся в большинстве случаев закрепиться только в окружных и городских советах, на уровне коммун без необходимого им большинства на местах. Кроме того, благодаря сильному гражданскому обществу в ФРГ многие митинги и мероприятия правых оборачиваются для них крахом, так как они не способны мобилизовать общество, где доминирует сильное демократическое самосознание.

Литература

1. Werner T. B. Rechtsextreme und rechtspopulistische Parteien in Europa. Wien: ÖGPP, 2015. 149 s.
2. Die Geschichte der NPD. Режим доступа: <http://www.netz-gegen-nazis.de/artikel/die-geschichte-der-npd> (дата обращения: 16.01.2016).
3. Касс М. Популистские праворадикальные партии в современной Европе // Берегиня. 777. Сова: Общество. Политика. Экономика. 2014. № 4(23). С. 91–100.
4. Häusler A. Rechtspopulismus in Gestalt einer „Bürgerbewegung“. Düsseldorf. Neufassung 2010. 43 s.
5. Schreiner P. Rechtspopulismus in Europa – Gründe und Hintergründe: [enth.: Interview mit Alexander Häusler]. Hannover: Friedrich-Ebert-Stiftung, Landesbüro Niedersachsen, 2014. 5 s.
6. Wahlen in Köln – Kurzanalyse der Kommunalwahl 2009. Режим доступа: <http://www.stadt-koeln.-de/mediaasset/content/pdf32/wahlen/kommunalwahl2009/kurzanalyse.pdf> (дата обращения: 16.01.2016).
7. Wahlen in Köln – Analyse der Kommunalwahl 2014. Режим доступа: http://www.stadt-koeln.de/mediaas-set/content/pdf11/wahlen/kw2014_05_25-analyse.pdf (дата обращения: 16.01.2016).
8. Clemens D., Puls H. (Hg.): 33 Fragen und Antworten zu Pro Köln und Pro NRW. Entwicklung, Ideologie und Strategien einer vermeintlichen Bürgerbewegung. NS-Dokumentationszentrum der Stadt Köln Info- und Bildungsstelle gegen Rechtsextremismus (ibs) 1. Auflage, 2014. 142 s.
9. Verfassungsschutzbericht 2012. Berlin: Bundesministerium des Innern, 2013. 452 s.
10. Rechtsextremismus in Deutschland. Режим доступа: http://pax.spinnenwerk.de/~stadtteilvhs/fileadmin/-gedenkst/web_argumente_rechtsextremismus.pdf (дата обращения: 16.01.2016).
11. Verfassungsschutzbericht des Landes NRW über das Jahr 2013. Режим доступа: http://www.mik.nrw.-de/fileadmin/user_upload/Redakteure/Verfassungsschutz/Dokumente/VS-Berichte/Verfassungsschutzbericht_2013.pdf (дата обращения: 16.01.2016).
12. Pro NRW. Режим доступа: <http://pro-nrw.net/pro/menschen-2/> (дата обращения: 16.01.2016).

RIGHT-WING POPULIST REGIONAL MOVEMENTS IN GERMANY

Alexander E. Antonov^{1, @1}, Lydia N. Korneva^{1, @2}

¹ Kemerovo State University, 6, Krasnaya St., Kemerovo, Russia, 650000

@¹ derchef.kem@mail.ru

@² korneva_21@mail.ru

Received 22.07.2016. Accepted 23.10.2017.

Keywords: right-wing populism, pro Cologne, pro NRW, Islamophobia, racism, multiculturalism.

Abstract: The article is devoted right-wing populist movements in Germany, which are the direct consequence of the crisis of multicultural community. In their propaganda they speculate on the mood in the society, using Islamophobia as their main weapon. The phenomenon of Islamophobia, or criticism of Islam, as well as the fight against its growing influence, has been heating up on the territory of the EU and, in particular, in Germany, where it is connected with Muslim immigrants. The right-wing movements bring the refugee issue into focus of public attention to strengthen their position in the current political landscape. The subject of the research is the most active and significant right-wing populist movements in modern Germany. The article defines the term of right-wing populism, as well as the most favorable conditions for its occurrence. The paper features the history, political activity and the ideology of the right-wing populist movements in Germany. It also offers a brief outlook on the degree of influence of anti-Islamic attitude in the European and German society.

For citation: Antonov A. E., Korneva L. N. Pravo-populistskie regional'nye dvizheniia v FRG [Right-wing Populist Regional Move-ments in Germany]. *Bulletin of Kemerovo State University*, no. 4 (2017): 5–10. DOI:10.21603/2078-8975-2017-4-5-10.

References

1. Werner T. B. *Rechtsextreme und rechtspopulistische Parteien in Europa*. Wien: ÖGPP, 2015, 149.
2. *Die Geschichte der NPD*. Available at: <http://www.netz-gegen-nazis.de/artikel/die-geschichte-der-npd> (accessed 16.01.2016).
3. Cas M. Populistskie pravoradikal'nye partii v sovremennoi Evrope [Populist radical-right parties in Europe today]. *Bereginya*. 777. Sova: Obshchestvo. Politika. Ekonomika = Bereginia. 777. Owl: Society. Policy. Economy, no. 4(23) (2014): 91–100.
4. Häusler A. *Rechtspopulismus in Gestalt einer „Bürgerbewegung“*. Düsseldorf. Neufassung 2010, 43.
5. Schreiner P. *Rechtspopulismus in Europa – Gründe und Hintergründe*: [enth.: Interview mit Alexander Häusler]. Hannover: Friedrich-Ebert-Stiftung, Landesbüro Niedersachsen, 2014, 5.
6. *Wahlen in Köln – Kurzanalyse der Kommunalwahl 2009*. Available at: <http://www.stadt-koeln.de/mediaas-set/content/pdf32/wahlen/kommunalwahl2009/kurzanalyse.pdf> (accessed 16.01.2016).
7. *Wahlen in Köln – Analyse der Kommunalwahl 2014*. Available at: http://www.stadt-koeln.de/mediaasset/-content/pdf11/wahlen/kw2014_05_25-analyse.pdf (accessed 16.01.2016).
8. Clemens D., Puls H. (Hg.): *33 Fragen und Antworten zu Pro Köln und Pro NRW. Entwicklung, Ideologie und Strategien einer vermeintlichen Bürgerbewegung*. NS-Dokumentationszentrum der Stadt Köln Info- und Bildungsstelle gegen Rechtsextremismus (ibs) 1. Auflage, 2014, 142.
9. *Verfassungsschutzbericht 2012*. Berlin: Bundesministerium des Innern, 2013, 452.
10. *Rechtsextremismus in Deutschland*. Available at: http://pax.spinnenwerk.de/~stadtteilvhs/fileadmin/gedenkst/-web_argumente_rechtsextremismus.pdf (accessed 16.01.2016).
11. *Verfassungsschutzbericht des Landes NRW über das Jahr 2013*. Available at: http://www.mik.nrw.de/-fileadmin/user_upload/Redakteure/Verfassungsschutz/Dokumente/VS-Berichte/Verfassungsschutzbericht_2013.pdf (accessed 16.01.2016).
12. *Pro NRW*. Available at: <http://pro-nrw.net/pro/menschen-2/> (accessed 16.01.2016).

УДК 930.1+316.42

ИДЕЯ ЕВРОПЕЙСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ В РАМКАХ ПРОЕКТА «EUROTORIA»**Светлана В. Арапина^{1, @1}, Игорь А. Сюзев^{1, @2}**¹ Кемеровский государственный университет, Россия, 650000, г. Кемерово, ул. Красная, 6@¹ arapina77@mail.ru@² nonemez86@mail.ru

Поступила в редакцию 25.07.2016. Принята к печати 17.10.2016.

Ключевые слова: европейская интеграция, «Eurotopia», теория раз-
мера, распад государств,
интегральный федерализм,
Соединенные Малые
Государства Европы.

Аннотация: В статье рассматривается возможность альтернативного пути развития европейской интеграции на примере идеи образования Соединенных Малых Государств Европы, наиболее ярко представленной в рамках проекта «Eurotopia». Показаны лежащие в основе проекта концепции, в частности размерная теория австрийского философа Леопольда Кора, базирующаяся на принципах ухода от крупных национальных государств-гигантов к малым регионам-государствам, таким, к примеру, как Богемия, Моравия, Бургундия и др. Кратко представлены ее обоснования, основные этапы развития и реализации. Особое внимание уделяется аспектам выбора личности для публичного представления теории. Так, каждый в свое время, ими становились крупные европейские промышленники Фриц Тиссен и Альфред Хайнекен, и выверенности выбора подходящего для этого момента – 1941 и 1992 года соответственно. Также рассматриваются перспективы обращения к теории размера и проекту «Eurotopia» в будущем в рамках возможных новых концепций развития процесса европейской интеграции и указывается на создание подходящей для этого конъюнктуры.

Для цитирования: Арапина С. В., Сюзев И. А. Идея европейской интеграции в рамках проекта «Eurotopia» // Вестник Кемеровского государственного университета. 2017. № 4. С. 11–15. DOI:10.21603/2078-8975-2017-4-11-15.

Европейский Союз является уникальным политическим и экономическим партнерством между 28 европейскими державами, которые вместе охватывают большую часть континента [1]. Об этом каждый желающий может прочитать на 24-х языках на официальном сайте Евросоюза. Там же сообщается о главных этапах и событиях, которые выглядят наиболее значимыми и которые привели к возможности заключения данного партнерства. Но основное внимание в описании истории Европейского Союза уделяется двум определившим процесс его становления датам – это подписание Римского договора о создании Европейского экономического сообщества (ЕЭС) и Европейского сообщества по атомной энергии (Евратом) 25 марта 1957 г. и подписание Договора о Европейском Союзе 7 февраля 1992 г. в городе Маастрихт. Эти события стали настоящими вехами в мощных, волнующих Европу на всем протяжении двадцатого века потоках интеграционных течений. Сложно судить, каковы были шансы пойти процессам европейской интеграции по другому руслу, и как бы в таком случае сегодня выглядел этот регион, но имеется достаточно сведений, чтобы утверждать о существовании других, отличающихся от реализованного вариантов объединения Европы.

Доказательством разнообразия видений будущей Европы может служить запущенный приблизительно в тот же период времени, что и подписание Договора о Европейском Союзе, проект «Eurotopia», который представляет собой альтернативный путь европейской интеграции, суть которого заключается в создании Соединенных Малых Государств Европы (The United Statelets of Europe). Название проекта является результатом сложения слов «Europe» и «Utopia», что само по себе демонстрирует одновременно масштаб-

ность и сложность достижения устанавливаемых авторами целей. Лоббированием этого проекта на тот момент занимался голландский пивоваренный магнат Альфред Хайнекен (1923–2002), в 1992 г. была издана его работа «The United States of Europe: Eurotopia?» и прилагающиеся к ней карты возможного разделения Европы [2]. Основная идея проекта заключалась в создании общеевропейской федерации, включающей в себя 75 регионов-государств, таких, к примеру, как Богемия, Моравия, Бургундия и т. д. Доводы А. Хайнекена были таковы – европейские государства преимущественно слишком большие, чтобы органично на равных взаимодействовать между собой в рамках Европы, и слишком маленькие, для того чтобы поодиночке отстаивать свои позиции на мировых площадках. По сути, этот проект предлагал разделение современных европейских государств (большинства из них) «по традиционным границам расселения народов» [3, с. 249], и последующее создание на их основе крупнейшей в мире федерации, которая стала бы седьмым в мире государством по размеру территории и третьим по численности населения. Итог – интеграция через дезинтеграцию.

Столь революционная для своего времени мысль о необходимости образования «малых государств» путем разделения существующих национальных государств первоначально принадлежит не самому А. Хайнекену; вдохновляла его теория размера австрийского экономиста и философа Леопольда Кора (1909–1994), которую тот подробно изложил и обосновал в своей главной книге «Распад государств» еще в 1957 г. В связи с этим даже странно, что за помощью в написании своей работы А. Хайнекен обратился не к автору теории, а к профессору Лейденского университета Хенку Весселингу, возможно, причиной этому

послужил почтенный возраст австрийца – на тот момент Л. Кору исполнилось 83 года.

Смысл размерной теории Л. Кора заключается в необходимости разделения национальных государств-гигантов с целью избегания крупных конфликтов, так как размер государства является базовой величиной для накопления объема силы (один из ключевых параметров теории), а критическая величина объема силы является причиной агрессии в отношении более слабых соседей, и не обязательно только их. Именно размер государства и накопленный с его помощью объем силы, а вовсе не экономические, политические, геополитические или другие причины, Л. Кор называет истинным побудителем любого вооруженного конфликта. Это вполне логично, ведь слабый не нападает на сильного, руководствуясь хотя бы инстинктом самосохранения, а критический объем силы – параметр, искушающий и мотивирующий желание этой силой злоупотребить [4]. Но то, что Л. Кор, имея докторскую степень по политологии, называл эти факторы именно первопричиной всех войн: *«похоже, это единственная и всегдашняя причина всех войн в целом и каждой войны в отдельности»* [3, с. 57], – кажется необычным, что и делает эту теорию уникальной.

Разумеется, Л. Кор не предполагал, что распад государств приведет к избавлению человечества от войн как таковых, его главный тезис заключался скорее в следующем – «малые государства» (по мнению автора теории, малыми государствами могут считаться государства, население которых не превышает 10 млн человек [3, с. 129]) будут склонны вести «малые войны», а «малые войны» будут нести в себе меньший разрушительный потенциал и соответственно приводить к меньшим жертвам. К тому же на «малые государства» в случае двустороннего конфликта проще влиять третьей стороне, в лице миротворческого союза таких же «малых государств». Казалось бы, этого уже достаточно для того, чтобы рассматривать размерную теорию как реальную программу, способную трансформировать нашу «социальную Вселенную» в лучшую сторону, а ведь помимо этого Л. Кор писал о возможности существования демократии лишь в «малых государствах», ведь там проще быть услышанным, а все происходящее происходит на виду; о возможности большей реализации гражданами их творческого потенциала, о «законе убывающей продуктивности» и т. д. Почему же тогда применить ее попытались лишь полвека спустя?

Действительно, впервые свои взгляды для широкой общественности Л. Кор изложил в статье, опубликованной 26 сентября 1941 г. в американском католическом журнале «The Commonweal» [5]. Но XX век – это период расцвета национальных государств, поэтому даже логично, что, завершив написание своей книги «Распад государств» в 1951 г., он смог издать ее только спустя шесть лет, примечательно, что произошло это в год подписания упомянутого выше Римского договора, а в США книга вышла в свет лишь в 1978 г. Хотя это вовсе не значит, что теория оказалась мертворожденной, скорее, общество было не готово воспринимать идеи столь радикального переустройства мира, а потому для ее озвучивания каждый раз был остро необходим правильный момент, когда вокруг и без того назревали перемены.

Одним из таких моментов можно считать конец тридцатых – начало сороковых годов двадцатого века. А рупором

размерной теории в то время мог послужить известный немецкий промышленник Фриц Тиссен. Вот его слова из предисловия к книге «Я заплатил Гитлеру»: *«Во избежание гибели человеческой цивилизации необходимо сделать все для того, чтобы война в Европе стала невозможно. <...> Чтобы нынешние тяжкие испытания не оказались бессмысленными, они должны привести к созданию Соединенных Штатов Европы в той или иной форме, а затем «опыт 1914, 1938 и 1939 годов показал, что существование в Европе государства с шестьюдесятью-восемьюдесятью миллионами подданных, управляемого политиками-империалистами, располагающими огромным военным потенциалом современной промышленности, – постоянная угроза безопасности континента»* [6, с. 19, 20]. В последующих главах книги он развивает мысль о разделении Германии как объективной необходимости. Два основных тезиса о создании Соединенных Штатов Европы и невозможности мира в условиях сосуществования государств-гигантов указывают на то, что Ф. Тиссен либо был знаком с концепцией Л. Кора, либо имел аналогичные взгляды. Учитывая, что в 1939–1940 гг. местом пребывания Ф. Тиссена и в 1937–1938 гг. Л. Кора являлись Швейцария и Франция, вполне допустимо, что сведения о размерной теории могли дойти до немецкого промышленника через третьих лиц. Допустимо и то, что Ф. Тиссен мог посещать одну из этих стран именно в тот период, когда там находился Л. Кор. Но мог ли молодой австриец привлечь внимание одного из самых состоятельных жителей Европы? Пожалуй, да. Ведь за несколько месяцев, проведенных в Испании в 1937 г., ему удалось расположить к себе Джорджа Оруэлла, Эрнеста Хемингуэя и Андре Мальро [7]. Впрочем, даже если допустить, что Ф. Тиссен и Л. Кор никогда не виделись и даже не догадывались о существовании друг друга, факт того, что «размерная теория» (в данном случае в кавычках, потому как вряд ли Ф. Тиссен мог присвоить ей идентичное название) имела своих идеологов и широко озвучивалась в Европе еще в 1941 г. (год издания книги «Я заплатил Гитлеру»), очевиден.

В таком случае прослеживается интересная закономерность, что каждый раз доводы в пользу образования Соединенных Малых Государств Европы оглашались именно в момент глобальных структурных изменений в этом регионе (1941, 1957 и 1992 г.) и дважды исходили от крупных европейских промышленников. Вряд ли из этих двух фактов можно сделать какие-то однозначные выводы, однако то, что сегодня в Европе сложились благоприятные условия для очередной попытки применения размерной теории, кажется весьма вероятным.

Сегодняшний европейский кризис, который нарастает в экономической, миграционной, социальной политиках, может оказаться тем самым «нужным» моментом. Упрощает ситуацию и тот факт, что вопрос необходимости национальных государств давно перешел из разряда табуированных в разряд активно обсуждаемых, особенно в Европе. Более того, многие европейские политики видят причины неудач Европейского Союза именно в сохранении внутри него национальных государств с самостоятельными правительствами. Вот лишь один из примеров такой позиции: в 2012 г. во время Манковских дискуссий (дискуссии, проводимые Питером Манком с 2008 г., являются мировым форумом для ведущих интеллектуалов, среди которых Г. Киссинджер, П. Мендельсон, Т. Блэр [8]) под заголовком

«Провалился ли европейский эксперимент?», учествовавший в них Даниэль Кон-Бендит (на тот момент сопредседатель партии «зеленых» в Европейском парламенте) заявил следующее: *«Сегодня у европейцев есть существенные культурные различия, но через тридцать лет национальные государства на континенте прекратят свое существование»* [8, с. 97–98]. Его главный оппонент в тех дебатах британский историк Нил Фергюсон вместо возражений продолжил критику национальных государств: *«чем хуже становится на государственном уровне, тем более вероятным становится решение на уровне федеральном. Думаю, сегодня мы в том числе наблюдаем именно протестное голосование против национальных политиков. <...> Европейская интеграция продолжает оставаться достойным проектом, более предпочтительным, чем скверные старые времена национальных государств»* [8, с. 121, 123]. Хотя по поводу самостоятельности национальных государств существует и другое мнение, правда, опять же не в пользу национальных правительств, высказанное в том же 2012 г. управляющим Европейского центрального банка Марио Драги: *«Многие правительства до сих пор не понимают, что национального суверенитета давно нет. При их попустительстве суверенный долг достиг рекордного уровня, и теперь они могут полагаться только на добрую волю финансовых рынков. Обрести суверенитет можно, лишь делегировав его Европе»* [9].

Продолжает развиваться и идея создания Соединенных Штатов Европы. Доказательством этого является книга Ги Верхофстадта «Соединенные Штаты Европы», изданная в 2005 г., когда автор еще находился в должности действующего премьер-министра Бельгии (1999–2008), и оцененная Европейской книжной премией [10]. В отличие от книги другого европейского политика Умберто Босси (на момент издания книги являлся депутатом Европарламента) «Революция» Ги Верхофстадт не затрагивает темы деволюции и регионализма, однако, настаивает на необходимости передачи части суверенитета с национального на европейский уровень и обосновывает важность перехода к федеративной системе всей Европы. О своей приверженности идеям создания Соединенных Штатов Европы в 2014 г. упоминал глава итальянского правительства Маттео Ренци [11].

Перечисленные факты указывают на наличие двух проблемных вопросов: кризиса национального государства, где под кризисом зачастую подразумевается сам факт существования суверенных национальных правительств, и кризиса Евросоюза. По поводу второго исчерпывающе высказался американский политолог Збигнев Бжезинский в своей книге «Стратегический взгляд: Америка и глобальный кризис», указав, что *«Европейское экономическое сообщество, расширившееся после «холодной войны» до Европейского союза, осталось союзом только на словах, на самом же деле названия следовало бы поменять местами», и что «Евросоюз*

как таковой нельзя назвать крупной независимой величиной на глобальной арене» [12, с. 35]. И если второй его тезис кажется относительно спорным, то первый звучит весьма убедительно, ведь Евросоюз действительно так и не предал в образе единого государства, даже несмотря на введение единого гражданства внутри ЕС. Таким образом, за Маастрихтским договором, который должен был стать лишь первым шагом в переходе от созданного в 1950-х гг. общеевропейского экономического пространства к общеполитическому, а также общегосударственному, последовал «интеграционный вакуум» (подразумевается отсутствие существенных интеграционных продвижений «не вширь, а вглубь»), указывающий на существующие внутри европейских элит разногласия, ярким примером которых может служить итоговое отклонение проекта Конституции ЕС. Обе «проблемы», как взаимно, так и по-отдельности, коррелируют с предложениями Л. Кора и А. Хайнекена о европейском интегральном федерализме. А потому логично, что для их решения может быть предложена концепция, близкая в своих основных тезисах к размерной теории.

Резюмируя, можно сказать о том, что сегодня на публичной политической сцене Европы не наблюдается явных последователей идей Л. Кора, но при этом созданы такие условия, о каких невозможно было мечтать не в 1941 г., не в 1992 г., а сама теория набирает популярность буквально день ото дня. Так, в 2012 г. журнал «euobserver» назвал А. Хайнекена за его предложения по разделению Европы пророком [13], а в 2015 г. тем же эпитетом был награжден Л. Кор в статье доктора философии Стивена Йетса для издания «Abbeville Institute» [14]. В 2014 г. вышла, написанная журналистом Джеральдом Ленером, очередная биография австрийского философа. Все это свидетельствует о том, что теория размера Л. Кора по-прежнему востребована; продолжаются исследования вопроса оптимального размера для современных государств [15]. Практически нет сомнений в том, что Европу ждут перемены, процесс европейской интеграции все еще не завершен. И кто знает, быть может серьезный всплеск активности европейского регионализма (референдумы в Шотландии и Каталонии, обострение ситуации во Фландрии), ситуация на Балканах, где, по мнению экспертов, протекают процессы архаизации, порождающие возможность образования отдельных социокультурных районов – Истрии, Далмации, Сербской Краины, Восточной Славонии [16] или какой-либо другой, не очевидный на данный момент фактор побудит новую волну разговоров о Соединенных Малых Государствах Европы. В таком случае интересно будет проследить за тем, кем окажется следующий идеолог данной концепции – будет это ученый, политик или крупный европейский предприниматель, как когда-то Фриц Тиссен и Альфред Хайнекен.

Литература

1. Официальный сайт Евросоюза. Режим доступа: http://europa.eu/about-eu/basic-information/about/index_en.htm (дата обращения: 20.04.2016).
2. My Kingdom for a Beer? Heineken's «Eurotopia». Режим доступа: <http://bigthink.com/strange-maps/386-my-kingdom-for-a-beer-heinekens-eurotopia> (дата обращения: 20.04.2016).
3. Кор Л. Распад государств. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2007. 262 с.

4. Сюев И. А. Леопольд Кор и его «размерная теория социальных бедствий» // Вестник магистратуры. 2016. № 1-5(52). С. 4–7.
5. «Disunion Now: A Plea for a Society based upon Small Autonomous Units», originally published in The Commonwealth (26 September 1941) under the pseudonym Hans Kohr. Режим доступа: <http://www.panarchy.org/-kohr/1941.eng.html> (дата обращения: 20.04.2016).
6. Тиссен Ф. Я заплатил Гитлеру. Исповедь немецкого магната. 1939–1945. М.: Центрполиграф, 2008. 255 с.
7. Lehner G. Das menschliche Maß. Eine Utopie? Gespräche mit Leopold Kohr über sein Leben. Verlag Edition Tandem. Salzburg, 2014. 186 S.
8. Провалился ли европейский эксперимент?: Манковские дискуссии о Европе: Найл Фергюсон и Йозеф Йоффе против лорда Питера Мендельсона и Даниэля Кон-Бендита. М.: АСТ, 2013. 154 с.
9. Interview with ECB President Mario Draghi: 'We Couldn't Just Sit Back and Do Nothing' // Der Spiegel. 28.10.2016. Режим доступа: <http://www.spiegel.de/international/europe/spiegel-interview-with-ecb-president-mario-draghi-a-863971-2.html> (дата обращения: 20.04.2016).
10. Сайт Европейской книжной премии. Режим доступа: <http://www.livre-europeen.eu/?cat=29> (дата обращения: 20.04.2016).
11. Italy to push for 'United States of Europe' when it holds the EU presidency // Telegraph.co.uk. 22 June 2014. Retrieved 30 December 2014. Режим доступа: <http://www.telegraph.co.uk/news/worldnews/europe/eu/10918134/Italy-to-push-for-United-States-of-Europe-when-it-holds-the-EU-presidency.html> (дата обращения: 20.04.2016).
12. Бжезинский З. Стратегический взгляд: Америка и глобальный кризис. М.: Астрель, 2012. 285 с.
13. Эбелс Ф. Соединенные Малые Государства Европы // EUobserver. 01.08.2012. Режим доступа: <https://euobserver.com/opinion/117123> (дата обращения: 20.04.2016).
14. Стивен Йетс Леопольд Кор: Пророк грядущей децентрализации // The Abbeville Review. 24.03.2015. Режим доступа: <http://www.abbevilleinstitute.org/review/leopold-kohr-prophet-of-a-coming-decentralization/> (дата обращения: 20.04.2016).
15. Alesina A., Spolaore E. The Size of Nations. MIT Press, 2003. 272 p.
16. Пономарева Е. Евросоюз и Балканы погружаются в темное вековье // ИА REGNUM. 18.03.2016. Режим доступа: <http://regnum.ru/news/2100319.html> (дата обращения: 20.04.2016).

THE IDEA OF THE EUROPEAN INTEGRATION DEVELOPMENT IN THE EUROTOPIA PROJECT

Svetlana V. Arapina^{1, @1}, Igor A. Suzev^{1, @2}

¹ Kemerovo State University, 6, Krasnaya St., Kemerovo, Russia, 650000

@1 arapina77@mail.ru

@2 nonemez86@mail.ru

Received 25.07.2016. Accepted 17.10.2016.

Keywords: European integration, «Eurotopia», the theory of size, the breakdowns of nations, integral federalism, The United Statelets of Europe.

Abstract: The paper considers the possibility of alternative Europe integration development, such as the idea of the United Statelets of Europe, represented in the Eurotopia project. It focuses on the main stages of its implementation, development and origins. The latter includes the theory of size proposed by Austrian philosopher Leopold Kohr. This theory is based on the necessity of breakdowns of large national states and formation of statelets, such as Bohemia, Moravia, Bourgogne and others. Special attention is given to 1) the choice of people to represent the theory in public, e. g. such major European industrialists as Fritz Thyssen and Alfred Heineken, and 2) accurate selection of a moment suitable for this, for instance, 1941 and 1992. The paper features future possibilities for the theory of size and the Eurotopia project as a new concept of European integration development, as well as options for creating a suitable conjuncture.

For citation: Arapina S. V., Suzev I. A. Ideia evropeiskoi integratsii v ramkakh proekta «Eurotopia» [The Idea of the European Integration Development in the Eurotopia Project]. *Bulletin of Kemerovo State University*, no. 4 (2017): 11–15. DOI:10.21603/2078-8975-2017-4-11-15.

References

1. *Ofitsial'nyi sait Evrosoiuz* [Official website of the European Union]. Available at: http://europa.eu/about-eu/basic-information/about/index_en.htm (accessed 20.04.2016).
2. *My Kingdom for a Beer? Heineken's «Eurotopia»*. Available at: <http://bigthink.com/strange-maps/386-my-kingdom-for-a-beer-heinekens-eurotopia> (accessed 20.04.2016).
3. Kor L. *Raspad gosudarstv* [The Breakdowns of Nations]. Moscow: Tovarishestvo nauchnykh izdaniy KMK, 2007, 262.

4. Suzev I. A. Leopold Kor i ego «razmernaia teoriia sotsial'nykh bedstvii» [Leopold Kohr and his theory of size]. *Vestnik magistratury* = *Bulletin of magistrates*, no. 1-5(52) (2016): 4–7.
5. «Disunion Now: A Plea for a Society based upon Small Autonomous Units», originally published in *The Commonwealth* (26 September 1941) under the pseudonym Hans Kohr. Available at: <http://www.panarchy.org/kohr/1941.eng.html> (accessed 20.04.2016).
6. Tissen F. *Ia zaplatil Gitleru. Ispoved' nemetskogo magnata* [I paid Hitler. Confession of a German tycoon. 1939-1945]. Moscow: ZAO Tsentrpoligraf, 2008, 255.
7. Lehner G. *Das menschliche Maß. Eine Utopie? Gespräche mit Leopold Kohr über sein Leben*. Verlag Edition Tandem. Salzburg, 2014, 186.
8. *Provalilsia li evropeiskii eksperiment?: Mankovskie diskussii o Evrope: Nail Fergiuson i Iozef Ioffe protiv lorda Pitera Mendel'sona i Danielia Kon-Bendita* [Has the European experiment failed?: The Munk Debate on Europe (Munk Debates)]. Moscow: AST, 2013, 154.
9. Interview with ECB President Mario Draghi: 'We Couldn't Just Sit Back and Do Nothing'. *Der Spiegel*. 28.10.2016. Available at: <http://www.spiegel.de/international/europe/spiegel-interview-with-ecb-president-mario-draghi-a-863971-2.html> (accessed 20.04.2016).
10. *Sait Evropeiskoi knizhnoi premii* [Official website of the European books prize]. Available at: <http://www.livre-europeen.eu/?cat=29> (accessed 20.04.2016).
11. Italy to push for 'United States of Europe' when it holds the EU presidency. *Telegraph.co.uk*. 22 June 2014. Retrieved 30 December 2014. Available at: <http://www.telegraph.co.uk/news/worldnews/europe/eu/10918134/Italy-to-push-for-United-States-of-Europe-when-it-holds-the-EU-presidency.html> (accessed 20.04.2016).
12. Bzhezinskii Z. *Strategicheskii vzgliad: Amerika i global'nyi krizis* [Strategic Vision: America and the Crisis of Global Power]. Moscow: Astrel, 2012, 285.
13. Ebels F. *Soyedinennye Malye Gosudarstva Yevropy* [For the United Statelets of Europe]. *EUobserver*, 01.08.2012. Available at: <https://euobserver.com/opinion/117123> (accessed 20.04.2016).
14. Stiven Yyets Leopold Kor: Prorok gryadushchei detsentralizatsii [Leopold Kohr: Prophet of a Coming Decentralization?]. *The Abbeville Review*, 24.03.2015. Available at: <http://www.abbevilleinstitute.org/review/leopold-kohr-prophet-of-a-coming-decentralization/> (accessed 20.04.2016).
15. Alesina A., Spolaore E. *The Size of Nations*. MIT Press, 2003, 272.
16. Ponomareva Y. Evrosoyuz i Balkany pogruzhayutsya v temnovokov'e [The European Union and Balkans plunge in temnovokove]. *IA REGNUM*, 18.03.2016. Available at: <http://regnum.ru/news/2100319.html> (accessed 20.04.2016).

УДК 94.47 ([069:908] 571.150)

РЕГИОНАЛЬНАЯ ПРАКТИКА ИЗУЧЕНИЯ МЕСТНОЙ ИСТОРИИ В МУЗЕЯХ АЛТАЯ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1940-Х – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1950-Х ГГ.

Евгения Н. Беневаденская¹, @*

¹ Алтайский государственный педагогический университет, Россия, 656031, г. Барнаул, ул. Молодежная, 55
@ работа-ben11@yandex.ru

Поступила в редакцию 14.07.2017. Принята к печати 13.09.2017.

Ключевые слова: музеи, местная история, Алтай, идеологические установки, первое послевоенное десятилетие.

*** Статья выполнена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований Отделения гуманитарных и общественных наук, проект № 17-11-22005 «Историк в региональном социокультурном пространстве второй половины XX в.».**

Аннотация: Предметом проведенного исследования являются закономерности и региональная специфика, направления, формы и содержание историко-краеведческой деятельности музейных учреждений в контексте социокультурного развития Алтайского края первого послевоенного десятилетия. С опорой на теоретико-методологические наработки новой локальной истории в работе рассмотрены трансформации региональной практики изучения местной истории в музеях в послевоенные годы в связи с изменениями социокультурного ландшафта, политического и идеологического дискурса. В статье проанализированы ключевые персоналии и события, формирующие в рассматриваемый период каркас исторической памяти регионального сообщества, воссоздана смысловая структура конструируемого в ходе просветительских мероприятий образа региона. Установлено, что в послевоенное десятилетие были созданы предпосылки для восстановления работы музеев Алтайского края по изучению, хранению и воспроизводству местного историко-культурного наследия. Жесткая регламентация и стандартизация деятельности данных учреждений в условиях развернувшейся в стране идеологической кампании по борьбе с «космополитизмом» выдвигала на первый план пропаганду достижений русской науки и культуры на основе местных материалов.

Для цитирования: Беневаденская Е. Н. Региональная практика изучения местной истории в музеях Алтая во второй половине 1940-х – первой половине 1950-х гг. // Вестник Кемеровского государственного университета. 2017. № 4. С. 16–22. DOI:10.21603/2078-8975-2017-4-16-22.

В наши дни под влиянием социокультурных вызовов глобализации актуализируется проблема использования историко-культурных ресурсов музейных учреждений для создания позитивного образа региона на основе сохранения и трансляции значимых для российского общества элементов историко-культурного наследия [1, с. 95–96; 2, с. 237]. Основными источниками исследования практики изучения местной истории и популяризации краеведческих знаний в музейных учреждениях Алтая в первое послевоенное десятилетие являются материалы фондов краевого музея и управления культуры Алтайского крайисполкома в Государственном архиве Алтайского края (ГААК) и Алтайском государственном краеведческом музее.

В сложной общественно-политической, экономической и социокультурной ситуации второй половины 1940-х – первой половины 1950-х гг. осуществлялась работа музейных учреждений страны. С 1945 г. руководство музейным делом было передано Управлению музеев Комитета по делам культурно-просветительных учреждений при Совнаркоме (с марта 1946 г. – Совете Министров) РСФСР. Он рассматривал ключевые вопросы их развития, подготавливал и вносил в правительство предложения по работе музеев и осуществлял контроль над их деятельностью [3, с. 229]. С 1953 г. управление данными социокультурными институтами в стране осуществляло вновь созданное Министерство культуры РСФСР. На местах их деятельность координировалась органами культуры исполкомов Советов [4, с. 404].

Краеведческая работа музеев в первые послевоенные годы была предметом постоянного внимания партийно-го-

сударственных органов. Вопросы изучения прошлого регионов и распространения исторических знаний данными учреждениями обсуждались на Всероссийских совещаниях по культурно-просветительной работе в 1945 и 1947 гг., расширенной сессии Ученого совета Научно-исследовательского института краеведческой и музейной работы в ноябре 1948 г. [5, с. 55–56, 85].

В соответствии с разработанными Управлением музеев Комитета по делам культурно-просветительных учреждений при Совете Министров РСФСР нормативными и методическими документами музейные учреждения объявлялись основными хранилищами коллекций памятников истории и культуры [6, л. 4–6, 24–34]. Перед ними ставились задачи систематического изучения своих собраний, широкого использования их в экспозиционной и просветительской деятельности [7]. Экспозицию рекомендовалось формировать из подлинных музейных экспонатов, сократив число научно-вспомогательных материалов [8, с. 21–24; 9, с. 10].

Однако, как отмечает О. Н. Труевцева, послевоенная концепция развития краеведческого музея имела заметные противоречия, характерные для своего времени [10, с. 75]. Составители вышеназванных документов призывали использовать рекомендации творчески, как принципы организации музейного материала; создавать оригинальные, отражающие особенности края экспозиции. Одновременно в нормативных и методических документах краеведческая работа музейных учреждений детально регламентировалась [9, с. 15–18].

В приказе председателя Комитета по делам культурно-просветительных учреждений при Совете Министров РСФСР от 27 июля 1946 г. «О состоянии и дальнейшем развитии краеведческой работы» [6, л. 24–34] государственным музеям отводилось важное место в активизации изучения истории регионов. Кроме этого, Комитет в целях активизации краеведческой работы в стране предлагал создать на местах общества по изучению края. В соответствии с положениями примерного типового устава планируемого объединения оно являлось общественной организацией на добровольной основе, имеющей главной целью изучение региона по единому с краеведческим музеем плану работы для содействия местным государственным организациям и учреждениям в решении проблем социокультурного и экономического развития края. В целом приказ создавал предпосылки для повышения роли музейных учреждений в работе по изучению и сохранению историко-культурного наследия.

Согласно протоколам производственных совещаний работников Алтайского краевого краеведческого музея (АККМ) за 1946–1948 гг., они поддерживали идею создания общества по изучению края [11]. Тем более что в 1920-е гг. на Алтае уже был успешный опыт совместной научно-исследовательской, собирательской и просветительской деятельности сотрудников краеведческих организаций с музеем [12, с. 232]. По данным отчета АККМ за 1946 г., музей не получил разрешения крайисполкома на создание общества по изучению края, вместо этого было предложено учредить при нем краеведческий совет [13, л. 7–8].

После согласования директором АККМ Н. Н. Денисовым состава участников краеведческого совета в крайкоме ВКП(б) и утверждения его устава в крайисполкоме, он начал свою работу в январе 1949 г. В Совет вошли представители от государственных и партийных инстанций, работники организаций культуры и образования и известные краеведы Алтайского края, всего 30 человек [14, л. 29–31].

Протоколы заседаний краеведческого совета при АККМ и отчеты о работе музея позволяют установить, что он регулярно собирался в конце 1940-х–первой половине 1950-х гг. [15; 16]. На собраниях обсуждались вопросы возобновления исследовательской деятельности по местной истории. Присутствующие краеведы считали, что изучение прошлого следует начать с проблем Октябрьской революции и партизанского движения, экономического и социокультурного развития региона в годы советской власти.

Членами Совета предпринимались меры для привлечения к работе по изучению региона любителей-энтузиастов [17, с. 289] и созданию при отделах музея сети корреспондентов. В 1950-е гг. местные исследователи получали от АККМ удостоверения, которые давали им право обращаться в различные инстанции для решения вопросов сбора исторических материалов [18, л. 101–102].

Музейно-краеведческие советы в этот период были созданы при Горно-Алтайском областном, Бийском и Каменском краеведческих музеях [19; 20; 21]. После разгрома краеведческого движения в 1930-е гг. и фактического прекращения научно-исследовательских изысканий музеев [22, с. 565] деятельность краеведческого совета при АККМ впервые создавала предпосылки для повышения качества музейной работы и развития практики изучения местной истории.

В годы Великой Отечественной войны был нанесен серьезный ущерб материально-технической базе музеев Сибири и Алтая. Осложняли возобновление их работы нехватка квалифицированных кадров, скудное финансирование и недостаток экспозиционных площадей [10, с. 99, 125].

В мирное время музеи региона постепенно возобновляют собирательскую деятельность. Первой крупной экспедицией для пополнения историко-технической коллекции АККМ стала поездка его сотрудников в Змеиногорский район в мае-июне 1949 г. [23, л. 157] Поездка была связана со сбором краеведческих материалов к памятным датам: 150-летию со дня смерти талантливого изобретателя К. Д. Фролова и 175-летию со дня рождения одного из основателей музея П. К. Фролова. В ходе обследования территории бывшего Змеиногорского рудника были обнаружены ценные источники по истории горного дела в Алтайском крае [24, с. 27]. На Змеиногорском руднике и Колыванском камнерезном заводе из числа инженеров и техников был создан краеведческий актив для информирования АККМ о новых находках, сбора и хранения исторических памятников до их передачи музею [14, л. 6–7].

В фонды Горно-Алтайского областного краеведческого музея в конце 1940-х – начале 1950-х гг. поступили археологические находки V–III вв. до н. э., обнаруженные в ходе раскопок Пазырыкских курганов экспедицией Института истории материальной культуры АН СССР под руководством профессора С. И. Руденко [25, л. 13, 15; 26]. В эти годы фонды этого музея пополнились коллекцией алтайских народных песен, собранных известным композитором и этнографом А. В. Анохиным. Изучением его музыкального архива, хранящегося в музейном собрании, занимался сибирский композитор А. М. Ильин [22, л. 17].

Во второй половине 1940-х – первой половине 1950-х гг. более целенаправленной и финансово обеспеченной была собирательская работа музеев региона по проблемам советской истории. В соответствии с официальными установками все относившееся к этому периоду воспринималось как современность, как свидетельство новой прогрессивной эпохи [27, с. 603]. Музейные сотрудники записывали воспоминания, собирали личные вещи, документы и фотографии партизан Алтайского края [25, л. 16; 28, л. 1–3]. В 1949 г. в с. Алтайском работниками АККМ были получены материалы о жизни и деятельности организатора первого в Сибири детского приюта для сирот «Муравейник» В. С. Ершова [14, л. 7].

В связи с Постановлением Совета Министров СССР от 19 июня 1950 г. «О постановке дела пропаганды и внедрения достижений науки и передового опыта в сельское хозяйство» Алтайский краевой отдел культурно-просветительной работы 3 октября 1950 г. издал приказ, по которому в краеведческих музеях требовалось создать отделы сельского хозяйства [29, л. 1–1 об.]. Для содействия собирательской деятельности в этом направлении отдел культурно-просветительной работы Алтайского крайисполкома подготовил и разослал информационные письма секретарям райкомов партии и председателям исполкомов об оказании помощи в сборе экспонатов по развитию сельского хозяйства [19, л. 29, 37–38 об.].

В послевоенное десятилетие сотрудниками музеев региона уделялось значительное внимание сбору источников, характеризующих историю и современное состояние мест-

ной промышленности. Их собрания пополнились переданными предприятиями края образцами продукции Алтайского вагоностроительного завода, Барнаульских Меланжевого комбината и завода Транспортного машиностроения; текстильных фабрик и мастерских Горно-Алтайска и Бийска, ремонтного и маслوبيйного заводов и союза Промкооперации Бийска и Каменской межрайонной мастерской капитального ремонта [18, л. 22; 19, л. 59 об.; 30, л. 6]. Тем не менее из-за нехватки финансов музейщики не могли приобрести необходимые для репрезентации промышленного развития региона послевоенного времени подлинные экспонаты, а местные предприятия и организации неохотно отдавали свою продукцию бесплатно [23, л. 2–3].

Ведущим направлением работы музейных учреждений страны была экспозиционная деятельность, имевшая определенную идеологическую направленность [22, с. 565]. Экспонирование отдельных сторон исторического прошлого должно было наглядно подтверждать концептуальные положения марксизма-ленинизма и постановлений советской власти [31, с. 437–438]. В послевоенные годы сотрудники музеев Алтая приводят в порядок имеющиеся коллекции и экспозиции дооктябрьского и советского периодов истории и занимаются созданием новых. Анализ источников позволяет выделить проблемы и ключевые сюжеты репрезентации местного прошлого и проанализировать особенности формирования образа региона в их экспозициях на данном этапе.

Хронологический период до колонизации региона русскими был представлен в музеях в основном археологическими коллекциями. В АККМ она состояла из 166 орудий труда и керамики, украшений разных эпох периодов древности и средневековья; ценными экспонатами являлись три, найденные в Алтайском крае, кольчуги XVI в. В отчете музея за 1949 г. отмечалось, что известный археолог, профессор М. П. Грязнов дважды осматривал эту коллекцию и оказал помощь в научной систематизации находок [14, л. 9]. На стенде «Ранние кочевники Алтая» в Горно-Алтайском областном краеведческом музее экспонировались удила от конской узды, бронзовые котлы для варки мяса, наконечники копий, клевцы, бронзовые кинжалы и другие предметы, украшения и зеркала, гончарная посуда, отражавшие образ жизни древнего населения Горного Алтая [25, л. 12].

Специфические черты облика региона репрезентовали музейные коллекции по истории края в период русской колонизации. Экспонируемые этнографические коллекции включали предметы материальной и духовной культуры алтайцев, казахов и русских переселенцев и передавали местный колорит многонационального Алтая [25, л. 17; 25].

Экспозиции в отделах дореволюционной истории музеев региона показывали сюжеты об основании первых острогов на его территории [32, л. 9].

В АККМ реконструировалось развитие горной промышленности в XVIII–XIX вв. Выставленные на обозрение посетителей материалы показывали роль известных изобретателей и общественных деятелей региона К. Д. и П. К. Фроловых, И. И. Ползунова, Ф. В. Стрижкова и С. В. Литвинова в развитии экономического и культурного потенциала страны и края [14, л. 8–14].

В краевом музее экспонировался стенд об исследователях региона Г. Е. Щуровском, Ф. А. Геблере, Г. Н. Потанине, В. В. Радлове, П. Н. Крылове, М. П. Грязнове и дру-

гих ученых и путешественниках, изучавших край в XVIII в.–1940-х гг. [34, л. 2–3].

Однако из-за идеологизации музейной работы в экспозициях отделов дореволюционной истории учреждений не были отражены важные для культурной памяти локального сообщества стороны местной истории, в искаженном свете представлялись некоторые события и явления прошлого. Оставался нераскрытым или был показан в идеологическом духе облик местных городов и их сельской округи в XVIII–XIX вв. Фотографии архитектурных сооружений и их видов сопровождалась пояснительными текстами, характеризующими низкий уровень жизни населения в дореволюционный период [25, л. 11–12; 30, л. 9]. В связи с кампанией по борьбе с «буржуазным объективизмом» в исторических исследованиях критика культуры социальных слоев неревolutionционного толка служила подтверждением политической идейности в работе [33, с. 31–32].

В отделах советской истории краеведческих музеев экспонировались реликвии партизанского движения: пушки, огнестрельное и холодное оружие (шашки, тесаки, ружья, пистолеты и пики), образцы снарядов и боевые знамена; фотографии и документы командиров партизанских отрядов; фотоснимки исторических мест и памятников братских могил борцов за советскую власть [14, л. 20; 25, л. 12; 30, л. 11].

По истории Великой Отечественной войны были представлены заявления добровольцев на фронт; документы о помощи местных жителей армии (подписки о займе, фотографии сбора средств и пожертвований); знамена сформированных в регионе дивизий; пули и осколки, которыми были ранены бойцы; письма алтайских солдат с фронта; фотоснимки и портреты местных участников и героев войны, символизировавшие для локального сообщества ценность Победы над фашизмом [23, л. 27; 34, л. 19].

Экспозициям отделов советской истории были свойственны схематизм, избирательность и тенденциозность в показе материалов, обусловленные жесткими идеологическими требованиями к их содержанию [10, с. 150]. Разделы о событиях Октябрьской революции в крае практически полностью, за исключением фотографий, портретов и нескольких документов о деятельности местных борцов за советскую власть и партийных организаций, были построены на научно-вспомогательных материалах, показывающих революционные процессы и их участников в центре страны.

Существенное место в работе музеев страны занимала пропаганда краеведческих знаний [35, с. 40]. Их сотрудники для различных социальных и возрастных групп населения читали лекции по вопросам древней истории Алтая: о происхождении и жизни первобытных людей, об археологических находках в ходе раскопок Пазырыкских курганов в Горном Алтае, о прошлом алтайцев [26; 27, л. 4–5; 36, л. 46]. В лекциях и экскурсиях по истории XVIII–XIX вв. освещались знаковые для коллективной памяти местного сообщества сюжеты о жизни и творчестве выдающихся изобретателей и общественных деятелей И. И. Ползунова, К. Д. и П. К. Фроловых, по истории горно-металлургического и камнерезного производства [5, л. 1 об.; 23, л. 14; 37]. В 1947 г. сотрудники АККМ проводили по субботам цикл бесед по радио «Изучай свой край» [38, л. 21 об.]. По советскому периоду тематика лекций и экскурсий, выступлений по радио с беседами посвящалась истории революционного и партизанского движения, преобразованиям в экономическом

и культурном облике городов и сел края в годы советской власти, местным новаторам сельского хозяйства и промышленности [13, л. 7–8; 14, л. 25; 30, л. 4–5].

В общественно-политических реалиях послевоенного времени идеологической основой большинства культурно-просветительных мероприятий музеев во второй половине 1940-х–первой половине 1950-х гг. была провозглашенная в стране политика борьбы с «космополитизмом» и «низкопоклонством» перед Западом, отрицания достижений науки и культуры капиталистических государств [39, с. 137]. В духе санкционированных государством кампаний по пропаганде русского патриотизма музейщики в лекциях и экскурсиях подчеркивали приоритет алтайских инженеров горного дела XVIII–XIX вв. И. И. Ползунова, К. Д. и П. К. Фроловых, С. В. Литвинова перед зарубежными изобретателями в мировой науке и технике [37]. В содержании проводимых сотрудниками музеев культурно-просветительных мероприятий по истории края дореволюционного периода акцентировалось внимание на сюжетах, иллюстрирующих упадок промышленности и сельского хозяйства, тяжесть труда рабочих заводов и бедность крестьян, борьбу местного населения против царских чиновников. В публичных выступлениях перед различными социальными и возрастными группами на местных материалах о социалистических преобразованиях в регионе, развитии промышленности и лучших работниках сельского хозяй-

ства, экономическом и культурном облике Алтайского края, его городов и сел показывалось преимущество советского общества над устройством капиталистических стран [15, л. 4–5; 23, л. 20; 40].

Таким образом, в сложных условиях перехода к мирной жизни в послевоенное десятилетие были созданы предпосылки для восстановления работы музеев Алтайского края по изучению, хранению и воспроизводству местного историко-культурного наследия. Жесткая регламентация и стандартизация деятельности музеев и последовательная политика превращения их в пропагандистские организации, выполнявшие идеологические требования, во многом предопределяли развитие краеведческой работы данных учреждений. В рамках развернувшейся в стране идеологической кампании по борьбе с «космополитизмом» на первый план выдвигалась пропаганда достижений русской науки и культуры на основе местных материалов. Ключевыми темами репрезентации в экспозициях и просветительных мероприятиях музеев являлись сюжеты о вкладе выдающихся изобретателей Алтайского края XVIII–XIX вв. в развитие отечественной и мировой науки и техники, экономическом и социокультурном облике городов и сел региона в годы советской власти, подтверждающих преимущество государственного устройства СССР над капиталистическими странами.

Литература

1. Томилов Н. А. Музеология (музееведение) как наука // Музееведение и музеи России. Избранные научные работы: в 2 ч. Омск: Издательство Омского государственного университета, 2016. Ч. 1. С. 50–65.
2. Демин М. А. Государственные музеи Алтайского края середины 1950-х гг. (по материалам инспекционных проверок) // Культура и взаимодействие народов в музейных, научных и образовательных процессах – важнейшие факторы стабильного развития России: сборник научных трудов (21–23 сентября 2016). Омск: Наука, 2016. С. 237–240.
3. Златоустова В. И. Государственная политика в области музейного дела (1945–1985 гг.) // Музей и власть. Государственная политика в области музейного дела (XVIII–XX вв.): в 2-х ч. М.: НИИ культуры, 1991. Ч. 1. С. 226–298.
4. Златоустова В. И., Каспаринская С. А., Кузина Г. А. Музейное дело в России // Большая Российская энциклопедия музеев, частных собраний и коллекций. М.: РИПОЛ классик, 2009. С. 401–405.
5. Игнатьева В. Н. Организация музейного дела и музейное строительство в РСФСР в послевоенные годы (1945–1953) // Очерки истории музейного дела в СССР. М.: Советская Россия, 1968. Вып. 6. С. 54–96.
6. Государственный архив Алтайского края (ГААК). Ф. Р-1041. Оп. 1. Д. 23.
7. Постановление Совета Министров СССР от 14 октября 1948 г. «О мерах улучшения охраны памятников культуры» // Законодательство СССР. Библиотека нормативно-правовых актов СССР. Режим доступа: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_4718.htm (дата обращения: 25.06.2017).
8. Положение об областном, краевом, республиканском (АССР) краеведческом музее // О краеведческих музеях (Основные положения). М.: Госкультпросветиздат, 1949. С. 21–24.
9. Основные положения о научно-исследовательской, собирательской, экспозиционной и массовой культурно-просветительской работе краеведческих музеев. М.: Госкультпросветиздат, 1950. 36 с.
10. Труевцева О. Н. Музеи Сибири во второй половине XX века. Томск: Национальный исследовательский Томский государственный университет, 2000. 335 с.
11. Алтайский государственный краеведческий музей (АГКМ). Ф. Р-7. Оп. 1. Д. 4.
12. Тишкина Т. В. Деятельность краеведческих организаций Алтая в 1918–1931 гг. Барнаул: Алтайский государственный университет, 2004. 312 с.
13. ГААК. Ф. Р-288. Оп. 2. Д. 3.
14. ГААК. Ф. Р-288. Оп. 2. Д. 4.
15. АГКМ. Ф. Р-7. Оп. 1. Д. 5.
16. АГКМ. Ф. Р-7. Оп. 1. Д. 6.
17. Демин М. А. Историческое краеведение в Алтайском крае в конце 1980-х–1990-е гг. // Краеведение как феномен провинциальной культуры: материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 125-летию со дня рождения Андрея Федоровича Палашенкова (1886–1971) (27–29 октября 2011 г.). Омск: Омский государственный историко-краеведческий музей, 2011. С. 287–294.
18. ГААК. Ф. Р-232. Оп. 1. Д. 9.

19. ГААК. Ф. Р-1041. Оп. 1. Д. 12.
20. ГААК. Ф. Р-1041. Оп. 1. Д. 25.
21. ГААК. Ф. Р-1041. Оп. 1. Д. 728.
22. Вибе П. П. Краеведческий музей как ресурсная база формирования историко-культурного пространства региона: анализ исторического опыта Омского государственного историко-краеведческого музея // Седьмые Всероссийские краеведческие чтения (Москва – Омск, 13–17 мая 2013 г.). М.: Краеведение, 2013. С. 558–570.
23. ГААК. Ф. Р-1041. Оп. 1. Д. 34.
24. Гусельникова М. В., Тишкина Т. В. Сотрудник Алтайского краевого краеведческого музея Николай Яковлевич Савельев // Труды молодых ученых Алтайского государственного университета. 2014. № 11. С. 26–29.
25. ГААК. Ф. Р-1041. Оп. 1. Д. 106.
26. Брюхов Н. Итоги работы и задачи областного краеведческого музея // Звезда Алтая. 1950. 8 янв.
27. Красильникова Е. И. Репрезентация исторического прошлого в экспозиции Барнаульского краеведческого музея (20–30-е гг. XX в.) // Седьмые Всероссийские краеведческие чтения (Москва – Омск, 13–17 мая 2013 г.). М.: Краеведение, 2013. С. 597–606.
28. ГААК. Ф. Р-288. Оп. 2. Д. 5.
29. ГААК. Ф. Р-1041. Оп. 1. Д. 19.
30. ГААК. Ф. Р-1041. Оп. 1. Д. 107.
31. Юренева Т. Ю. Музееведение. М.: Академический Проект, 2003. 560 с.
32. АГКМ. Ф. Р-7. Оп. 1. Д. 37.
33. Сидорова Л. А. Советская историческая наука середины XX века: синтез трех поколений историков: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 2009. 49 с.
34. АГКМ. Ф. Р-7. Оп. 1. Д. 10.
35. Мазур Л. Н. Историческое краеведение в системе современного исторического знания // Региональная история, локальная история, историческое краеведение в предметных полях современного исторического знания: сборник статей и материалов Всероссийской научной конференции (25–26 октября 2012 г.). Ижевск: Удмуртский университет, 2012. С. 39–46.
36. ГААК. Ф. Р-1041. Оп. 1. Д. 9.
37. АГКМ. ОФ. 15308/2.
38. АГКМ. Ф. Р-7. Оп. 1. Д. 36.
39. Мамонтова М. А. Формы контроля общественно-популяризаторской деятельности провинциального историка в первое послевоенное десятилетие // Мир историка: историографический сборник. Омск: Издательство Омского государственного университета, 2007. Вып. 3. С. 137–156.
40. Панова З. Горно-Алтайскому музею – 25 лет // Звезда Алтая. 1952. 1 нояб.

REGIONAL PRACTICE OF STUDYING LOCAL HISTORY IN ALTAI MUSEUMS IN THE SECOND HALF OF THE 1940S – FIRST HALF OF THE 1950S

*Evgeniya N. Benevalenskaya¹, @, **

¹ Altai State Pedagogical University, 55, Molodezhnaya St., Barnaul, Russia, 656031
@ rabota-ben11@yandex.ru

Received 14.07.2017. Accepted 13.09.2017.

Keywords: museums, local history, Altai, ideological statements, the first post-war decade.

** The article was supported by the Russian Foundation for Basic Research of the Department of Humanitarian and Social Sciences, project No. 17-11-22005 “The Historian in the Regional Socio-Cultural Space of the Second Half of the 20th Century”.*

Abstract: The subject of the study is the regularities and regional specifics, directions, forms and content of historical and regional studies of museum institutions in the context of the socio-cultural development of the Altai Territory during the first post-war decade. With the support of the theoretical and methodological developments of the new local history, the paper examines the transformation of the regional practice of studying local history in museums in the postwar years in connection with the changes in the socio-cultural landscape, political and ideological discourse. The article analyzes the key personalities and events that form the framework of the historical memory of the regional community in the period under consideration. It recreates the semantic structure of the image of the region constructed in the course of educational activities. It has been established that the post-war decade saw many prerequisites for the restoration of museum work in research, preservation and reproduction of local historical and cultural heritage. The strict regulation and standardization of the activities of these institutions in the context of the ideological campaign against «cosmopolitanism» promoted the propaganda of the achievements of Russian science and culture on the basis of local materials.

For citation: Benevalenskaya E. N. Regional'naia praktika izucheniia mestnoi istorii v muzeiakh Altaia vo vtoroi polovine 1940-kh – pervoi polovine 1950-kh gg. [The Regional Practice of Studying Local History in the Museums of Altai in the Second Half of the 1940s – First Half of the 1950s]. *Bulletin of Kemerovo State University*, no. 4 (2017): 16–22. DOI:10.21603/2078-8975-2017-4-16-22.

References

1. Tomilov N. A. *Muzeevedenie i muzei Rossii. Izbrannye nauchnye raboty* [Museology and museums in Russia. Selected scientific works]. Omsk: Izdatel'stvo Omskogo gosudarstvennogo universiteta, part 1 (2016): 50–65.
2. Demin M. A. Gosudarstvennye muzei Altaiskogo kraia serediny 1950-kh gg. (po materialam inspektsionnykh proverok) [State museums of the Altai Territory in the mid-1950s. (Based on inspection inspections)]. *Kul'tura i vzaimodeistvie narodov v muzeinykh, nauchnykh i obrazovatel'nykh protsessakh – vazhneishie faktory stabil'nogo razvitiia Rossii: sbornik nauchnykh trudov (21–23 sentiabria 2016)*. [Culture and interaction of peoples in museum, scientific and educational processes are the most important factors of Russia's stable development: Proc. Sc. Works (September 21–23 2016)]. Omsk: Nauka, 2016, 237–241.
3. Zlatoustova V. I. Gosudarstvennaia politika v oblasti muzeinogo dela (1945–1985 gg.) [State policy in the field of museum business (1945–1985 gg.)]. *Muzei i vlast'. Gosudarstvennaia politika v oblasti muzeinogo dela (XVIII–XX vv.)* [Museum and power. State policy in the field of museum business (XVIII–XX centuries)]. Moscow: NII kul'tury, part 1 (1991): 226–298.
4. Zlatoustova V. I., Kasparinskaia S. A., Kuzina G. A. Muzeinoe delo v Rossii [Museum work in Russia]. *Bol'shaia Rossiiskaia entsiklopediia muzeev, chastnykh sobranii i kollektsii* [The Great Russian Encyclopedia of Museums, Private Collections and Collections]. Moscow: Ripol klassik, 2009, 401–405.
5. Ignat'eva V. N. Organizatsiia muzeinogo dela i muzeinoe stroitel'stvo v RSFSR v poslevoennye gody (1945–1953) [The organization of museum business and museum building in the RSFSR in the post-war years (1945–1953)]. *Ocherki istorii muzeinogo dela v SSSR* [Essays on the history of museum business in the USSR]. Moscow: Sovetskaia Rossiia, no. 6 (1968): 54–96.
6. *Gosudarstvennyi arkhiv Altaiskogo kraia* (GAAK) [State Archive of the Altai Territory]. Found R-1041, List 1, File 23.
7. Postanovlenie Soveta Ministrov SSSR ot 14 oktiabria 1948 g. «O merakh uluchsheniia okhrany pamiatnikov kul'tury» [Resolution of the Council of Ministers of the USSR of 14 October 1948 “On measures to improve the protection of cultural monuments”]. *Zakonodatel'stvo SSSR. Biblioteka normativno-pravovykh aktov SSSR* [The legislation of the USSR. The library of normative legal acts of the USSR]. Available at: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_4718.htm (accessed 25.06.2017).
8. Polozhenie ob oblastnom, kraevom, respublikanskom (ASSR) kraevedcheskom muzee [Regulations on the regional, territorial, republican (ASSR) museum of local lore]. *O kraevedcheskikh muzeiakh (Osnovnye polozheniia)* [About local lore museums (Basic provisions)]. Moscow: Goskul'tprosvetizdat, 1949, 21–24.
9. *Osnovnye polozheniia o nauchno-issledovatel'skoi, sobiratel'skoi, ekspozitsionnoi i massovoi kul'turno-prosvetitel'skoi rabote kraevedcheskikh muzeev* [The main provisions on research, collecting, exposition and mass cultural and educational work of local lore museums]. Moscow: Goskul'tprosvetizdat, 1950, 36.
10. Truevtseva O. N. *Muzei Sibiri vo vtoroi polovine XX veka* [Museums of Siberia in the second half of the XXth century]. Tomsk: Natsional'nyi issledovatel'skii Tomskii gosudarstvennyi universitet, 2000, 335.
11. *Altaiskii gosudarstvennyi kraevedcheskii muzei* (AGKM) [Altai State Museum of Local Lore]. Found R-7, List 1, File 4.
12. Tishkina T. V. *Deiatel'nost' kraevedcheskikh organizatsii Altaia v 1918–1931 gg.* [The activity of the Altai local lore organizations in 1918–1931]. Barnaul: Altaiskii gosudarstvennyi universitet, 2004, 312.
13. *Gosudarstvennyi arkhiv Altaiskogo kraia* [State Archive of the Altai Territory]. Found R-288, List 2, File 3.
14. *Gosudarstvennyi arkhiv Altaiskogo kraia* [State Archive of the Altai Territory]. Found R-288, List 2, File 4.
15. *Altaiskii gosudarstvennyi kraevedcheskii muzei* [Altai State Museum of Local Lore]. Found R-7, List 1, File 5.
16. *Altaiskii gosudarstvennyi kraevedcheskii muzei* [Altai State Museum of Local Lore]. Found R-7, List 1, File 6.
17. Demin M. A. Istoricheskoe kraevedenie v Altaiskom krae v kontse 1980-kh–1990-e gg. [Historical local studies in the Altai Territory in the late 1980s–1990s]. *Kraevedenie kak fenomen provintsial'noi kul'tury: materialy Vseros. nauch.-prakt. konf., posviashchennoi 125-letiiu so dnia rozhdeniia Andreia Fedorovicha Palashenkova (1886–1971) (27–29 oktiabria 2011 gg.)* [Regional studies as a phenomenon of provincial culture: Proc. Sc.-Prac. Conf. Dedicated to the 125th anniversary of the birth of Andrei Fedorovich Palashenkov (1886–1971) (October 27–29 2011)]. Omsk: Omskii gosudarstvennyi istoriko-kraevedcheskii muzei, 2011, 287–294.
18. *Gosudarstvennyi arkhiv Altaiskogo kraia* [State Archive of the Altai Territory]. Found R-232, List 1, File 9.
19. *Gosudarstvennyi arkhiv Altaiskogo kraia* [State Archive of the Altai Territory]. Found R-1041, List 1, File 12.
20. *Gosudarstvennyi arkhiv Altaiskogo kraia* [State Archive of the Altai Territory]. Found R-1041, List 1, File 25.
21. *Gosudarstvennyi arkhiv Altaiskogo kraia* [State Archive of the Altai Territory]. Found R-1041, List 1, File 728.
22. Vibe P. P. Kraevedcheskii muzei kak resursnaia baza formirovaniia istoriko-kul'turnogo prostranstva regiona: analiz istoricheskogo opyta Omskogo gosudarstvennogo istoriko-kraevedcheskogo muzeia [Local History Museum as a resource base for the formation of the historical and cultural space of the region: an analysis of the historical experience of the Omsk State Historical and Local History Museum]. *Sed'mye Vserossiiskie kraevedcheskie chteniia (Moskva – Omsk, 13–17 maia 2013 g.)* [The Seventh All-Russian Local History Readings (Moscow – Omsk, May 13–17 2013)]. Moscow: Kraevedenie, 2013, 558–570.
23. *Gosudarstvennyi arkhiv Altaiskogo kraia* [State Archive of the Altai Territory]. Found R-1041, List 1, File 34.
24. Gusel'nikova M. V., Tishkina T. V. Sotrudnik Altaiskogo kraevogo kraevedcheskogo muzeia Nikolai Iakovlevich Savel'ev [Nikolai Yakovlevich Saveliev, an Altai regional museum of local lore employee]. *Trudy molodykh uchenykh Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta = Proceedings of young scientists of the Altai State University*, no. 11 (2014): 26–29.

25. Gosudarstvennyi arkhiv Altaiskogo kraia [State Archive of the Altai Territory]. Found R-1041, List 1, File 106.
26. Briukhov N. Itogi raboty i zadachi oblastnogo kraevedcheskogo muzeia [Results of the work and tasks of the regional museum of local lore]. *Zvezda Altaia = The Star of the Altai*, January 8 (1950).
27. Krasil'nikova E. I. Reprezentatsiia istoricheskogo proshlogo v ekspozitsii Barnaul'skogo kraevedcheskogo muzeia (20–30-e gg. XX v.) [Representation of the historical past in the exposition of the Barnaul Local History Museum (20–30th of the XXth century)]. *Sed'mye Vserossiiskie kraevedcheskie chteniia (Moskva – Omsk, 13–17 maia 2013 g.)* [The Seventh All-Russian Local History Readings (Moscow – Omsk, May 13–17 2013)]. Moscow: Kraevedenie, 2013, 597–606.
28. Gosudarstvennyi arkhiv Altaiskogo kraia [State Archive of the Altai Territory]. Found R-288, List 2, File 5.
29. Gosudarstvennyi arkhiv Altaiskogo kraia [State Archive of the Altai Territory]. Found R-1041, List 1, File 19.
30. Gosudarstvennyi arkhiv Altaiskogo kraia [State Archive of the Altai Territory]. Found R-1041, List 1, File 107.
31. Iureneva T. Iu. *Muzeevedenie* [Museology]. Moscow: Akademicheskii Proekt, 2003, 560.
32. *Altaiskii gosudarstvennyi kraevedcheskii muzei* [Altai State Museum of Local Lore]. Found R-7, List 1, File 37.
33. Sidorova L. A. *Sovetskaia istoricheskaia nauka serediny XX veka: sintez trekh pokolenii istorikov*. Avtoref. diss. doktora ist. nauk [Soviet historical science of the middle of the XXth century: the synthesis of three generations of historians. Dr. hist. Sci. Diss. Abstr.]. Moscow, 2009, 49.
34. *Altaiskii gosudarstvennyi kraevedcheskii muzei* [Altai State Museum of Local Lore]. Found R-7, List 1, File 10.
35. Mazur L. N. Istoricheskoe kraevedenie v sisteme sovremennogo istoricheskogo znaniia [Historical Local Studies in the System of Contemporary Historical Knowledge]. *Regional'naia istoriia, lokal'naia istoriia, istoricheskoe kraevedenie v predmetnykh poliakh sovremennogo istoricheskogo znaniia: sbornik statei i materialov Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii (25–26 oktiabria 2012 g.)* [Regional history, local history, historical regional studies in the subject fields of modern historical knowledge: Proc. Sc. Conf. (October 25–26 2012)]. Izhevsk: Udmurtskii universitet, 2012, 39–46.
36. Gosudarstvennyi arkhiv Altaiskogo kraia [State Archive of the Altai Territory]. Found R-1041, List 1, File 9.
37. *Altaiskii gosudarstvennyi kraevedcheskii muzei* [Altai State Museum of Local Lore]. Found list 15308/2.
38. *Altaiskii gosudarstvennyi kraevedcheskii muzei* [Altai State Museum of Local Lore]. Found R-7, List 1, File 36.
39. Mamontova M. A. Formy kontrolia obshchestvenno-populiarizatorskoi deiatel'nosti provintsial'nogo istorika v pervoe poslevoennoe desiatiletie [Forms of control of the public-popularization activity of a provincial historian in the first post-war decade]. *Mir istorika: istoriograficheskii sbornik* [The World of the Historian: a Historiographic Collection]. Omsk: Izdatel'stvo Omskogo gosudarstvennogo universiteta, no. 3 (2007): 137–156.
40. Panova Z. Gorno-Altaiiskomu muzeiu – 25 let [Gorno-Altai Museum – 25 years]. *Zvezda Altaia = The Star of the Altai*, November 1 (1952).

УДК 94(571.1).05/06

КОЛЫВАНСКИЕ ЗАВОДЫ В ПОЛИТИКЕ КУЗНЕЦКИХ ВОЕВОД ВО ВТОРОЙ ЧЕТВЕРТИ XVIII В.**Денис С. Бобров¹, @, ***¹ Алтайский государственный университет, Россия, 656049, г. Барнаул, пр. Ленина, 61

@ BDS-eureka@yandex.ru

Поступила в редакцию 26.07.2017. Принята к печати 14.11.2017.

Ключевые слова:

А. Н. Демидов, приказчики, кузнецкие воеводы, Колывано-Воскресенское ведомство, Кузнецкий уезд.

*** Публикация подготовлена при финансовой поддержке РФФИ и Министерства образования и науки Алтайского края в рамках реализации совместного проекта № 17-11-22006 «Историческое развитие Алтая в контексте общегосударственных и региональных процессов XVIII – начала XXI в.».**

Аннотация: Статья посвящена выделению и анализу направлений взаимодействия кузнецких воевод с частновладельческими приказчиками Колыванских предприятий А. Н. Демидова во второй четверти XVIII в. Источниковую основу исследования составили неопубликованные документы из фондов Российского государственного архива древних актов. Освещается реакция уездных администраторов на организацию охраны медеплавильного производства в междуречье Оби и Иртыша. На примере вопросов использования казенной соли, а также подсудности преступлений показаны системные противоречия между интересами гражданских властей и управленцев А. Н. Демидова. Возникавшие коллизии и конфликты рассматриваются в качестве следствия неурегулированности в законодательстве и имперском дискурсе процедуры взаимоотношения соответствующих административных субъектов. Автор ставит под сомнение утвердившееся в историографии мнение об отсутствии конкуренции государственного и частновладельческого начал при освоении Верхнего Обь-Иртышья, а также приходит к выводу о перманентном стремлении кузнецких воевод к расширению своего административного влияния на приказчиков Колывано-Воскресенского ведомства.

Для цитирования: Бобров Д. С. Колыванские заводы в политике кузнецких воевод во второй четверти XVIII в. // Вестник Кемеровского государственного университета. 2017. № 4. С. 23–29. DOI:10.21603/2078-8975-2017-4-23-29.

Одной из отличительных черт проникновения Российского государства в верховья и междуречье двух крупных сибирских рек Оби и Иртыша (Верхнего Обь-Иртышья) в первой половине XVIII в. явилось взаимодействие в ходе административного строительства разностатусных субъектов. Едва ли не ведущим актором освоения процесса становился не царь / император и даже не сибирский губернатор (поскольку принимавшиеся ими в отношении порубежных районов указы были не столь многочисленны и отражали лишь общие принципы и постулаты имперской доктрины), а воевода Кузнецкого уезда. С одной стороны, он выступал связующим звеном между центральными органами власти и местными структурами (земскими комиссарами, приказчиками острогов и слобод, командами служилых людей), а с другой стороны, – в реалиях восточных окраин России XVIII в. обладал внушительной степенью административной самостоятельности.

На протяжении второй четверти XVIII в. должность воеводы и управителя Кузнецка занимали: 1) управитель, томский дворянин Б. И. Серединин (1722–1727 гг.); 2) воевода, полковник П. Нефедьев (1728–1730 гг.); 3) воевода, майор С. С. Зиновьев (1731–1732 гг.); 4) управитель, кузнецкий дворянин П. А. Мельников (1732 г.); 5) управитель С. Иванов (1732–1733 гг.); 6) воевода, капитан А. Ф. Бартенев (1734–1738 гг.); 7) воевода, майор А. Г. Шапошников (1738–1745 гг.) [1, с. 185; 2, с. 21]. При этом стоит подчеркнуть, что Д. А. Ананьев и И. Ю. Усков определяют верхнюю дату воеводского правления А. Г. Шапошникова «не ранее 1741 г.».

На самом деле архивные материалы, посвященные конфликту гражданских властей и управителей А. Н. Демидова 1743–1744 гг. адресованы еще А. Г. Шапошникову или подписаны им [3, л. 1–2, 63–65, 67–67 об.]. Кроме того, в одном из опубликованных В. А. Моисеевым, И. А. Ноздриной и Р. А. Кушнерик документов содержится фрагмент рапорта А. Г. Шапошникова командующему войсками Сибирских линий Х. Х. Киндерману, датированный августом 1745 г. [4, с. 107–108]. Таким образом, хронология нахождения А. Г. Шапошникова в должности главы уезда должна быть установлена в интервале «1738 – не ранее 1745 гг.».

Начиная со второй четверти XVIII в., административная повестка кузнецких воевод дополнялась темой Колыванских предприятий. Активное освоение недр Обь-Иртышского междуречья, инициированное А. Н. Демидовым во второй половине 20-х гг. XVIII в., привело к возведению сначала «Колыванского ручного завода», а затем к открытию в 1729 г. Колывано-Воскресенского завода [5, с. 60–61] и формированию специфического административно-хозяйственного субъекта: Колывано-Воскресенского ведомства (ведомства Колывано-Воскресенских заводов). Формально территория зарождавшегося производственного комплекса относилась к Кузнецкому уезду [6, с. 48], хотя и находилась на его юго-западной периферии, вплотную примыкая к государственной границе России с Джунгарским ханством. Организация производства и решение административных задач на Колыванских предприятиях выстраивались на основе принципов централизации и единоначалия администрирования, а ключевой

управленческой единицей становились приказчики. Несмотря на то, что абсолютное большинство социально-экономических сюжетов регулировалось демидовскими управителями через Невьянскую контору [6, с. 48], ряд смежных с производством вопросов в реалиях имперской административно-правовой системы первой половины XVIII в. не мог быть решен без участия Кузнецкой воеводской канцелярии. Вследствие этого одним из значимых параметров управленческой среды Верхнего Обь-Иртышья на первоначальном этапе освоения региона становилось выстраивание взаимоотношений по линии «частновладельческие приказчики – уездная администрация».

В сибиреведческой литературе подробно, но все же изолированно освещены вопросы административного строительства в Колывано-Воскресенском ведомстве. Иерархия управления Колывано-Воскресенскими заводами в период владения А. Н. Демидовым, а также роль приказчиков в организации производства представлены в трудах А. В. Контева и О. Е. Контевой [6, с. 48–49; 7, с. 137–140; 8, с. 47–49]. Кроме того, перу О. Е. Контевой принадлежит обширное по своему замыслу исследование системы управления Колывано-Воскресенским комплексом образца середины – второй половины XVIII в. [9]. Т. Н. Соболевой и В. Н. Разгоном рассмотрены общие принципы и параметры построения административной вертикали округа после его передачи под управление Кабинета Его Императорского Величества [10, с. 5–70], а А. А. Пережогину удалось детально реконструировать складывание в этот же период времени «военно-горного строя» [11]. В коллективной монографии «Эксплуатация природных ресурсов Алтая императорским Кабинетом как фактор развития российской монархии» представлен опыт исследования пространственного укрупнения Колывано-Воскресенского комплекса в XVIII столетии [12, с. 99–132], а в исследовании В. В. Ведерникова свое отражение нашла динамика металлургического производства на предприятиях складывавшегося округа [13]. Таким образом, к настоящему моменту историография не содержит исследований административных контактов частновладельческих / ведомственных структур с гражданскими властями региона на протяжении первой половины XVIII в.

В связи с этим целью настоящей публикации стало выделение и освещение основных направлений взаимодействия кузнецких воевод с частновладельческими приказчиками Колыванских предприятий А. Н. Демидова во второй четверти XVIII в. Основу источникового корпуса исследования составили неопубликованные документы из фонда 517 «Кузнецкая воеводская канцелярия» Российского государственного архива древних актов.

Отсутствие нормативного поля, которое регламентировало бы управленческую коммуникацию разностатусных субъектов, не просто создавало ситуацию правового вакуума, но и ставило обе стороны перед необходимостью избрания должного подхода к формализации административных отношений. Кузнецкая канцелярия общалась с Колыванской конторой исключительно указами. Это ярко демонстрирует не только стремление использовать уже устоявшуюся правовую форму, но и плохо скрываемое желание транслировать адресату документы таким способом, который бы четко обозначал его нижестоящий статус. В свою очередь, демидовские приказчики вплоть до середины 30-х гг. XVIII в. направляли в воеводскую канцелярию доношения, после чего перешли к

практике использования промеморий, фиксировавшей равный уровень субъектов взаимоотношений. Административные взаимодействия воевод и колыванских управителей осуществлялись по нескольким линиям.

Откровенно неудобным для уездных властей практически с самого начала строительства Колыванских предприятий, но вместе с тем центральным вопросом политики становилась система охраны производства. Указ Сената изначально лишь в общей форме санкционировал отправку на возводившийся Колыванский завод казаков для посменной «обереговой службы». И это не способствовало организации обороны должного уровня. В 1728 г. кузнецкий воевода П. Нефедьев доносил сибирскому губернатору о катастрофическом по своим масштабам и последствиям набеге кочевников в соответствующий локальный район: «набежав неприятельские воинские люди в Кузнецком уезде на оные Демидовы Колыванские медные заводы, и отогнали триста семьдесят одну лошадь, и двух человек ранили копьями, и от часовых пяти человек пять лошадей отбили» [14, л. 610 об.]. Следствием этого явилось оставление руководившим строительством Колывано-Воскресенского завода Н. Г. Клеопиным и всеми подчиненными ему людьми (включая присланных для обеспечения безопасности казаков) недостроенного завода, а также прилегающей к нему крепости и перемещение в деревню Усть-Чумышскую административного округа Белоярской крепости [14, л. 610 об.].

Раздраженный негативным развитием событий и вынужденный ответствовать перед Сенатом сибирский вице-губернатор И. В. Болтин принял решение разделить нагрузку охраны Колыванских предприятий между Томской и Кузнецкой канцеляриями: «дабы в произвождении тех заводов остановки какой не произошло... и служилым и работным людям быть при тех заводах неотлучно... и того им воеводам смотреть накрепко, дабы тем заводам от неприятельских людей Казачьей Орды разорения не учинилось» [14, л. 614–614 об.]. Более того, Сенатским указом П. Нефедьеву строго предписывалось контролировать местонахождение Н. Г. Клеопина и гарантировать ему безопасность.

Установленное в 1728 г. расписание предполагало наличие в распоряжении Колыванской конторы ежегодно сменявшихся 60 конных казаков, 40 из которых присылались из Томска, а 20 из Кузнецка [15, л. 38, 39]. Однако порубежный характер Колыванского комплекса, удаленность его от Томска провоцировали массовое недовольство в среде служилых людей. Это вылилось в подачу вице-губернатору коллективной челобитной от томских казаков с требованием прекратить их посылки для охраны Колыванского завода.

Не желая раздувать конфликты в среде служилых людей и руководствуясь рациональными основаниями «а оные Демидова заводы к Кузнецку в близости, а от Томска в дальнем расстоянии», И. В. Болтин 9 июля 1730 г. приказал «посылать на те [Колыванские – Д. Б.] заводы для обережения от неприятельских людей кузнецких служилых людей... по шестидесять человек с переменою» [15, л. 31 об.–32]. Доводы, представлявшиеся кузнецкому воеводе в качестве легитимационного обоснования такого решения, выглядели по меньшей мере умозрительными: якобы служилые люди из Кузнецка не использовались для несения охраны в острогах и крепостях и вообще в сравнении с томскими служилыми были задействованы откровенно слабо. Такой тезис явно противоречил действительности. Кроме того, губернатор-

ский указ предусматривал в случае возрастания риска набега на производства увеличение количества кузнецких казаков до 100 человек [15, л. 32].

Уездный администратор П. Нефедьев стремился различными путями саботировать посылки служилых из Кузнецка. Во-первых, он откровенно медлил со сменой команды и до последнего держал Колыванскую контору в неведении не только относительно даты этого события, но и вовсе не считал нужным информировать заводских приказчиков о принятом И. В. Болтиным решении. Во-вторых, видимо, именно с подделки воеводы кузнецкие служилые люди составили коллективную челобитную, в которой с высокой степенью точности приводили цифры командированных в различные районы Кузнецкого уезда, а в качестве главного аргумента указывали то, что «... Томск между другими городами обстоит в середине и безо всякой опасности, а Кузнецкой город в крайнем месте» [15, л. 33–33 об.]. Обращение откровенно преследовало цель восстановить существовавшую ранее практику организации охраны Колывано-Воскресенских предприятий.

Другим источником информации о принятом губернаторском указе для частновладельческих управителей могла стать Томская канцелярия. В течение 1726–1730 гг. томский уездный центр в сравнении с кузнецким оказывал едва ли не большее административное влияние на ведомство Колывано-Воскресенских заводов. Однако воевода А. Каратьев уведомил Колыванскую контору лишь о том, что «велено томских служилых отпустить, а требовать ис одного града Кузнецка» [15, л. 37 об.]. При этом он не сообщил даже должного количества служилых людей, которые отныне должны были посылаться для охраны предприятий.

Приказчики А. Н. Демидова, оказавшиеся в сложной ситуации и крайне слабо представлявшие конкретные аспекты транслировавшейся сверху доктрины, могли лишь исключительно вежливо поторапливать кузнецкого уездного администратора. В доношении от 26 декабря 1730 г., приказчик Н. Семенов настоятельно просил воеводу выделять по 40 человек в зимнее и по 100 в летнее время для охраны производства. Иными словами, не владея полной информацией, Н. Семенов пытался по умолчанию экстраполировать в отношении 1:1 расписание казаков, присылавшихся ранее из Томска, на кузнецких служилых людей, хотя губернаторский указ предполагал посылку на охрану именно 60 человек.

Осознавая, что прибытие казаков из Кузнецка даже в соответствии с максимальной квотой может быть недостаточным для нормального функционирования и охраны предприятий, демидовские управители на свой страх и риск, без каких бы то ни было нормативных оснований дополнительно просили воевод отправить еще 100 человек из местного населения Верхнего Приобья: «а в слободы и остроги к прикащиком, когда от завода потребуются о даче работных людей ста человек» [15, л. 37 об., 39 об.]. Этот вопрос вызвал наиболее острые противоречия с Колыванской конторой, одним из проявлений чего становились списки не явившихся или бежавших с заводских работ крестьян Кузнецкого уезда [16, л. 109].

В итоге сменивший П. Нефедьева на посту воеводы С. С. Зиновьев 2 января 1731 г. приказал отправить 40 казаков в полном соответствии с требованиями Колыванской конторы [15, л. 40], хотя это напрямую нарушало предписание, содержащееся в губернаторском указе. Вместе с тем С. С. Зиновьев подчеркивал, что служилые люди не должны использоваться «кроме надлежащих караулов, работать при

тех заводах оных их посланных ис Кузнецка служилых людей не принуждать» [15, л. 40–41]. Дальнейшие просьбы демидовских приказчиков о посылке в летнее время дополнительных команд удовлетворялись частично: вместо запрашивавшегося увеличения численности казаков до 100 человек, воевода в довесок отправлял лишь 20 служилых людей [15, л. 42–43]. Сложившиеся противоречия в организации охраны горнорудного района были несколько сглажены лишь в середине 30-х гг. XVIII в., когда за оборону Колывано-Воскресенских предприятий стал отвечать гарнизон заводской крепости [7, с. 87].

Тем не менее проблемы с организацией системы охраны производства ставили колыванских управителей перед нелегкой дилеммой: как организовать оборону при перманентно увеличивавшемся территориальном охвате производственного комплекса и возраставшем в течение конца 20–40-х гг. XVIII в. потоке транзитных торговых караванов из Джунгарского ханства. Иностранные торговцы, ощущая определенную привилегированность своего статуса, не гнушались воровством сена у заводских работников и даже открытыми разбоями. В свою очередь, робкие попытки находившихся на «обереговой службе» служилых людей ответить или хотя как-то пресечь противоправные действия, вызывали острое недовольство заграничных купцов. Последние постоянно угрожали жалобами джунгарскому хану и переводом конфликта на уровень межгосударственного. Всю сложность и неоднозначность складывавшейся ситуации, а также растерянность частновладельческой администрации в одном из своих доношений подчеркнул демидовский приказчик И. Харитонов, просивший кузнецкого воеводу «дабы де соблаговолено было от таких их обид и нападков оборонить, и, как с ними в таких непотребствах поступать, о том требовано указу» [17, л. 16 об.].

Другим важным аспектом частичного пересечения интересов Колыванского ведомства и Кузнецка становилась проблема хранения и реализации казенной соли. Наибольшую остроту этот вопрос приобрел во второй половине 30-х гг. XVIII в., что было связано с кратковременным изъятием алтайских предприятий А. Н. Демидова в пользу государства в 1735–1736 гг. и передачей их под управление Томскому и Кузнецкому горному начальству [5, с. 116–117]. Восстановление права собственности частного заводчика на производство в Верхнем Обь-Иртыше, осуществлявшееся на протяжении всей первой половины 1737 г. [5, с. 117–118], среди прочего, предполагало налаживание взаимоотношений по линии уездный центр – заводские приказчики и, как следствие, ревизию системы контроля за использованием казенной соли.

В своем указе от 23 августа 1737 г. воевода А. Ф. Бартев требовал от колыванского приказчика обеспечить надлежащие условия хранения казенной соли, точнее, построить отдельный амбар, что, по мысли уездного администратора, должно было способствовать должному учету расхода соли соляным головой П. Шаковым [18, л. 1].

Приказчик Колыванской конторы Р. Набатов изначально не проявил существенного интереса к этой идее в силу ряда обстоятельств. Воевода, очевидно, опасался несанкционированного и неконтролируемого использования соли в производственных экспериментах. Однако изменившаяся производственная политика колыванских управителей не предполагала активных технологических опытов с привлечением соли. В результате Р. Набатов сделал вывод, что «и те никакой

пользы от того смесу несыскали, и на онои смесь с медными рудами в той соли, кроме того что на пропитание заводских обывателей, нам она ни на что не надобна» [18, л. 1 об.]. В условиях явного кризиса организации производства на Колыванских предприятиях после всех пертурбаций со сменой форм собственности тема «соли» являлась откровенно периферийной. Р. Набатов просил А. Ф. Бартенева снять с повестки дня вопрос о строительстве амбара, поскольку «са недостатком плотников и работных людей и припасы заводския без кровли валятца, и многия погибают в туне, да и доходов на те росходы никаких у нас не имеетца» [18, л. 3–4]. В конечном итоге в ответной промемории приказчик предложил не только оставить соль на хранение в амбаре ненадлежащего качества, но и взыскать часть от нее в качестве платы хозяину амбара Т. Поспелову [18, л. 3–4].

А. Ф. Бартенев, естественно, категорически отверг эту идею. Воевода, в свою очередь, в резкой форме предписал приказчику А. Н. Демидова перестать выдвигать собственные вольные предложения и заняться строительством амбара. Кузнецкий администратор намекал на возможность использования в качестве рабочей силы кузнецких служилых людей, которые по-прежнему посылались им из уездного центра для охраны заводов. Кроме того, Р. Набатову категорически запрещалось вести взаимозачет соли за содержание в частном амбаре [18, л. 5–5 об.].

Административный нажим со стороны Кузнецка на фоне непростого социально-экономического положения Колыванских предприятий после периода правления Томского горного начальства загнали демидовского приказчика в тупик. Результатом этого стало появление партикулярного письма Р. Набатова лично А. Ф. Бартеневу. Примечательно, что этот документ не обладал строгим формуляром, явившись личной просьбой-обращением. В нем приказчик фактически умолял уездного администратора прекратить давление, связанное с проблемой соли и местами ее хранения. Однако пойдя дальше в своих рассуждениях, Р. Набатов представил срез состояния дел в Колыванском ведомстве на момент осени 1737 г. Картина в целом была крайне неблагоприятная, даже критическая, четко отражала кризисное состояние производства: «после горного начальства также малолюдство осталось, что я не могу собрать и здешних жителей в угольную... человек чего ради остается... а определенные Вашим благородием из Кузнецкого уезду крестьяне столь шалостны, что ни половины и при работах не осталось, но все разбежались, чего ради годные работать уничтожились, и рудной добычи у нас не стало» [18, л. 7–7 об.].

Административная позиция кузнецких администраторов слабо согласовывалась с общей линией центральных и региональных властей на предоставление Колывано-Воскресенскому ведомству дополнительных ресурсов, в том числе людских. В указе губернатора от 4 сентября 1738 г. предписывалось провести приписку к Колыванским предприятиям жителей Кузнецкого уезда, точнее Бердского и Белоярского острогов, а также Малышевой слободы в количестве 200 дворов [19, л. 6]. Это решение становилось ощутимой проблемой для воеводы, поскольку не только почти полностью выводило определенную часть населения Верхнего Приобья из-под контроля уездного администратора, но и обнажало отсутствие внятного механизма осуществления процедуры. В течение периода реализации губернаторского указа воеводой было отдано поручение отправить на работу в

Колыванские предприятия 200 человек, отобранных слепым образом, то есть случайным. Такой ход, с одной стороны, подчеркивал своевременное исполнение вышестоящего поручения и сохранял в глазах Тобольской канцелярии административный авторитет главы уезда, а с другой стороны, – приводил к подрыву сложившейся в острогах и слободе административно-хозяйственной системы, о чем свидетельствовали массовые недовольства крестьян, временно отправленных на заводские работы [19, л. 6 об., 8 об.].

Таким образом, вопрос контроля за реализацией соли вскрыл существеннейшие проблемы ведомства Колывано-Воскресенских заводов с организацией и непосредственно выплавкой меди, а также фундаментальные претензии со стороны демидовских управителей к уездной гражданской власти. Находясь на грани остановки производства, приказчики стремились возложить всю ответственность за происходившее на воеводу, вынудить его активизироваться в вопросе поиска беглых и высылки их обратно на Колыванский завод: «а как ныне слободские управители Вашея команды какие чинят нам в том препятствия: ни не токмо что беглых не возвращают, но и по указом, от Вас посланным, половине к нам в работу не присылают, чего ради к ним от нас нарочно с промемориями посланы салдаты, и, ежели от них в том по силе указов исполнения не будет, то принуждены быть имеем неотменно на них представлять во остоновке заводского поведения» [19, л. 8–8 об.].

Еще одним важным вопросом в борьбе за сферы административного влияния становилась подсудность Кузнецкой канцелярии преступлений, совершенных на территории Колывано-Воскресенского ведомства. Воевода пытался использовать высылки подозреваемых в Кузнецк для расширения своей прерогативы суда над ними в качестве средства манипуляции частновладельческой администрацией.

Показательным в данном случае является скандал, разгоревшийся в 1744 г. Уездный администратор А. Г. Шапошников отправил в Колывано-Воскресенскую контору сына боярского В. Шестакова и казака З. Хлыновского для «взыскания с тех заводов по нарядом рекрут» [20, л. 1, 9]. Последнего категорически не устроили условия содержания на предоставленной квартире заводского обывателя С. Акимова, жена которого Настасья якобы матерно оскорбляла гостившего казака и наотрез отказывалась кормить его [20, л. 1]. Разгневанный З. Хлыновский обратился в заводскую контору и в устной форме изложил суть своих претензий подьячему Я. Сибирцову. Позднее, уже в Кузнецке, на очной ставке с В. Шестаковым казак подчеркивал, что не составил сказку «за тем, что он сам в грамоте незнаем, а написать никого заставить» [20, л. 10–10 об.]. Примечательно, что, будучи неграмотным, З. Хлыновский не доверил составление текста претензии кому-либо из сотрудников Колыванского ведомства, хотя такая возможность полностью соответствовала сложившейся административной практике.

Отсутствие письменного документа в нормативно-правовой системе XVIII в. не предполагало возбуждение следствия. Однако это не остановило воеводу. Пытаясь поставить управителей А. Н. Демидова в неловкое положение, А. Г. Шапошников инициировал масштабное разбирательство и в своем указе в Колыванскую контору приказал допросить и выслать в Кузнецк для проведения следствия всех причастных к этому эпизоду. Активность воеводы была обусловлена, среди прочего, еще и замечанием З. Хлыновского относительно

но недовольства управителей А. Н. Демидова тем, что «Кузнецкая воеводская канцелярия неправо судит» [20, л. 9 об.]. Справедливости ради стоит заметить, брошенное вскользь утверждение не соответствовало действительности, что подтверждалось последующими показаниями как колыванского администратора, так и В. Шестакова.

Высылка подьячего и двух рабочих явно противоречила интересам Колыванской конторы и соответственно не была осуществлена. Вместо этого И. С. Христиани придумал оригинальный выход, когда подьячий Я. Сибирцов, являвшийся свидетелем жалоб З. Хлыновского, составил документ о допросе самого себя [20, л. 1]. По версии управителей Колыванского ведомства, это автоматически снимало необходимость отправки людей в Кузнецк. Причем показания Я. Сибирцова были чрезвычайно сухи и не вносили ясности в произошедшее. «Допрашиваемый» утверждал, что действительно стал свидетелем появления З. Хлыновского в конторе, но не смог припомнить содержание претензий последнего, и уж тем более как именно его бранила Н. Акимов.

Раздраженный противодействием колыванских властей А. Г. Шапошников в ожидании решения губернской канцелярии попытался оставить за собой последнее слово в разгоревшемся противоборстве, отправив в демидовское ведомство указ «велеть той заводской канторе реченную жену наставью до указа Ея Императорского Величества никуда из заводов не отлучать и не переводить, и в том по ней в той заводской канторе» [20, л. 15 об.].

Конфликт, зашедший в тупик, мог быть разрешен только вышестоящей инстанцией. Несмотря на подробный «экстракт» по этому делу, составленный воеводой, и подчеркивавший нарушения со стороны служащих Колыванского ведомства, губернатор проявил крайне слабый интерес к произошедшему. Вполне очевидно, что для региональной власти матерная брань жены рядового заводского обывателя, при том долгое время не подтвержденная письменными материалами, представлялась ничтожным случаем, не заслуживавшим сколько-нибудь существенного внимания. Итоговая резолюция губернской канцелярии была крайне либеральна: снять все обвинения как с Н. Акимовой в оскорблениях, так и с З. Хлыновского в ложных показаниях [20, л. 27–27 об.].

Подобная реакция со стороны регионального центра подспудно несла в себе еще и учет интересов Колыванского ведомства. В этом свете любопытные данные приводит А. В. Контев относительно того, что в 1729 г. после бунта крестьян при строительстве Воскресенского завода, несмотря на многочисленность восставших, большинство задержанных не были отправлены в Кузнецк, а за «малолюдством при Воскресенских заводах работных людей, при собрании народа наказаны батожем и... посланы в работу» [7, с. 83]. Ситуация осложнялась еще и тем, что в конце 20-х гг. XVIII в. Берг-коллегия санкционировала прием и последующее селение на алтайских предприятиях А. Н. Демидова пришедших, беглых и других маргинальных групп. Лишь в

середине 30-х гг. XVIII в. кузнецкому управителю удалось частично взять под контроль этот процесс: в результате отправки в Колывано-Воскресенское ведомство экстраординарной команды во главе с П. А. Мельниковым большинство самовольных переселенцев, осевших в окрестностях завода и рудников, было записаны в подушный оклад в Кузнецком уезде в качестве государственных крестьян [7, с. 84–85]. Соответствующие эпизоды, приобретая системный характер, значительно осложняли воеводский административный надзор в Кузнецком уезде.

Приведенные в качестве примеров сюжеты обнажили несколько важных тенденций во взаимоотношениях уездного центра и частновладельческого ведомства А. Н. Демидова. Во-первых, каждая сторона стремилась во что бы то ни стало соблюсти свои интересы и не потерять своего управленческого авторитета перед другой. Во-вторых, откровенное нежелание как гражданских, так и колыванских властей сотрудничать в конструктивном русле порождало управленческие коллизии и снижало эффективность административного процесса на локальном уровне. Приказчики Колыванского ведомства стремились максимально замкнуть административный надзор над находившимися на предприятиях или рудниках рабочими и казаками. Это, на наш взгляд, было связано, во-первых, с уверенностью в возможности обеспечения должного управления последними; во-вторых, – с необходимостью развития формировавшегося производственного комплекса; в-третьих, – с отсутствием четких административных механизмов взаимодействия с уездными властями.

Приведенные в статье обстоятельства обнажают необходимость корректировки утверждения А. В. Контева о том, что «никакой конкуренции между частным предпринимателем и государством не было. Напротив, власти всячески поощряли деятельность заводчика, создавая для него максимально льготные условия» [7, с. 87–88]. Очевидно, такая ситуация была характерна скорее для центрального и регионального, но не местного уровня власти.

В целом для кузнецких воевод тема Колывано-Воскресенских заводов на протяжении всей второй четверти XVIII в. оставалась крайне неудобной. Уездные администраторы перманентно стремились к расширению своего влияния на приказчиков Колыванской конторы. Выполнение этой задачи изначально могло подразумеваться лишь в ограниченном объеме, т. к. весь комплекс и управленческий персонал являлись собственностью А. Н. Демидова. В случае вмешательства региональной власти воеводы создавали только видимость первоочередного соблюдения интересов Колыванского ведомства. В более широком смысле следует признать неурегулированность полномочий гражданских властей и частновладельческих управителей в смежных областях, что являло собой один из примеров пробела в системе права, порождая административные коллизии и конфликты, которые, впрочем, вплоть до середины XVIII в. не перерастали в открытые противостояния.

Литература

1. Ананьев Д. А. Воеводское управление в Сибири. Новосибирск: Сова, 2005. 264 с.
2. Усков И. Ю. Город Кузнецк в XVIII в.: организация местного управления и структура населения // V Исторические чтения Томского государственного педагогического университета: материалы Всероссийской научной конференции

с международным участием 13–14 ноября 2014 г. Томск: Издательство Томского государственного педагогического университета, 2014. С. 19–27.

3. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 517. Оп. 1. Д. 186.

4. Русско-джунгарские отношения (конец XVII – 60-е гг. XVIII в.): документы и извлечения. Барнаул: Азбука, 2006. 360 с.

5. Бородаев В. Б., Контев А. В. У истоков истории Барнаула. Барнаул: Алтайский полиграфический комбинат, 2000. 336 с.

6. Контева О. Е., Контев А. В. Территория Алтайского края в общегражданской и ведомственной системах управления (XVIII в.) // История Алтайского края. XVIII–XX вв.: научные и документальные материалы. Барнаул: Издательство БГПУ, 2004. С. 44–70.

7. Контев А. В. Становление и развитие горно-металлургического производства в Западной Сибири (конец XVII – первая половина XVIII в.): дис. ... канд. ист. наук; Барнаульский гос. пед. ун-т. Барнаул, 1997. 360 с.

8. Контев А. В. Возникновение российского горно-металлургического производства на Алтае и отражение этого процесса на чертежах 1720-х гг. // Вестник Кемеровского государственного университета. 2013. № 2. Т. 1. С. 47–49.

9. Контева О. Е. Становление и развитие системы управления кабинетским горнозаводским ведомством в Западной Сибири: 1745–1798 гг.: дис. ... канд. ист. наук; Барнаульский гос. пед. ун-т. Барнаул, 2005. 284 с.

10. Соболева Т. Н., Разгон В. Н. Очерки истории кабинетского хозяйства на Алтае (вторая половина XVIII – первая половина XIX в.): управление и обслуживание. Барнаул: Издательство Алтайского государственного университета, 1997. 257 с.

11. Пережогин А. А. Военизированная система управления Колывано-Воскресенского (Алтайского) горного округа (1747–1871 гг.). Барнаул: Издательство Алтайского государственного университета, 2005. 262 с.

12. Соболева Т. Н., Афанасьев П. А., Кухаренко А. Е., Бобров Д. С. Эксплуатация природных ресурсов Алтая императорским Кабинетом как фактор развития российской монархии (XVIII – начало XX в.). Барнаул: Азбука, 2012. 260 с.

13. Ведерников В. В. Кабинетская цветная металлургия Сибири в XVIII – первой половине XIX в.: монография. Барнаул: Издательство Алтайского государственного университета, 2012. 186 с.

14. РГАДА. Ф. 248. Оп. 13. Кн. 725. Д. 131.

15. РГАДА. Ф. 517. Оп. 1. Д. 26.

16. РГАДА. Ф. 517. Оп. 1. Д. 25.

17. РГАДА. Ф. 517. Оп. 1. Д. 91.

18. РГАДА. Ф. 517. Оп. 1. Д. 82.

19. РГАДА. Ф. 517. Оп. 1. Д. 122.

20. РГАДА. Ф. 517. Оп. 1. Д. 175.

THE KOLYVAN FACTORIES IN THE POLICY OF THE KUZNETSK VOIVODES IN THE SECOND QUARTER OF THE XVIII CENTURY

Denis S. Bobrov^{1, @, *}

¹ Altai State University, 61, Lenina street, Barnaul, Russia, 656049

@ BDS-eureka@yandex.ru

Received 26.07.2017. Accepted 14.11.2017.

Keywords: A. N. Demidov, bailiffs, Kuznetsk voivodes, Kolyvan-Voskresensky department, Kuznetsk district.

** The publication has been prepared with financial support of RFFI and Department of education and science of Altai Krai within the framework of joint project No. 17-11-22006 «The historical development of the Altai in the context of national and regional processes of the XVIII – beginning of the XXI century».*

Abstract: The article is devoted to the identification and analysis of the areas of interaction between the Kuznetsk voivodes (governors) and proprietary estate managers of the A. N. Demidov's Kolyvan factories in the second quarter of the XVIII century. The research is based on unpublished documents from the funds of the Russian State Archive of Ancient Acts. The article features the reaction of the district administrators to the establishment and dynamics of the security system at copper smelteries in the interstream area between the Ob and the Irtysh. The system contradictions between the interests of civil authorities and A. N. Demidov's managers are demonstrated by the example of the use of state-owned salt, as well as by the amenability of crimes. The resulting collisions and conflicts are considered as a consequence of the unregulated procedure of the relationship of the relevant administrative subject in lawmaking and administration. The author casts doubt on the popular opinion that there was no competition between the state and the proprietary basics in the development of the Upper Ob-Irtysh area. The author comes to a conclusion about the permanent aspiration of the Kuznetsk voivodes to expand their administrative influence on the estate managers of the Kolyvan-Voskresensky department.

For citation: Bobrov D. S. The Kolyvan factories in the politic of the Kuznetsk voivodes in the second quarter of the XVIIIth century [The Kolyvan Factories in the Policy of the Kuznetsk Voivodes in the Second Quarter of the XVIII Century]. *Bulletin of Kemerovo State University*, no. 4 (2017): 23–29. DOI:10.21603/2078-8975-2017-4-23-29.

References

1. Anan'ev D. A. *Voevodskoe upravlenie v Sibiri* [Voivod's administration in Siberia]. Novosibirsk: Sova, 2005, 264.
2. Uskov I. Iu. Gorod Kuznetsk v XVIII v.: organizatsiia mestnogo upravleniia i struktura naseleniia [Kuznetsk city in the XVIII century: organization of local administration and population structure]. *V Istoricheskie chteniia Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta: materialy Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem 13–14 noiabria 2014 g.* [V Historical readings the Tomsk state pedagogical university: Proc. All-Russian Sc. Conf. with the Intern. participation on November 13–14, 2014]. Tomsk, 2014, 19–27.
3. *Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv drevnikh aktov (RGADA)* [The Russian State Archive of Ancient Acts]. Found 517, List 1, File 186.
4. *Rusko-dzhungarskie otnosheniia (konets XVII – 60-e gg. XVIII v.)* [Russian and Dzungarian relations (end of the XVII – 60's. of the XVIII century)]. Barnaul: Azbuka, 2006, 360.
5. Borodaev V. B., Kontev A. V. *U istokov istorii Barnaula* [At the origins of the history of Barnaul]. Barnaul: Altaiskii poligraficheskii kombinat, 2000, 336.
6. Konteva O. E., Kontev A. V. *Territoriia Altaiskogo kraia v obshchegrazhdanskoi i vedomstvennoi sistemakh upravleniia (XVIII v.)* [Territory of the Altai Krai in general civil and departmental management systems (XVIII century)]. *Istoria Altaiskogo kraia. XVIII–XX vv.* [History of Altai Territory. XVIII–XX centuries]. Barnaul, 2004, 44–70.
7. Kontev A. V. *Stanovlenie i razvitie gorno-metallurgicheskogo proizvodstva v Zapadnoi Sibiri (konets XVII – pervaiia polovina XVIII v.)*. Diss. kand. ist. nauk [Formation and development of mining and smelting production in Western Siberia (late XVII – first half of the XVIII century). Cand. hist. Sci. Diss.]. Barnaul State Pedagogical Univ. Barnaul, 1997, 360.
8. Kontev A. V. *Vozniknovenie rossiiskogo gorno-metallurgicheskogo proizvodstva na Altae i otrazhenie etogo protsessa na chertezhakh 1720-kh gg.* [Genesis of Russian mining and smelting production in the Altai and reflection of this process on the drawings of the 1720s]. *Bulletin of Kemerovo State University*, 1, no. 2 (2013): 47–49.
9. Konteva O. E. *Stanovlenie i razvitie sistemi upravleniia kabinetским gornozavodskim vedomstvom v Zapadnoi Sibiri: 1745–1798 gg.* Diss. kand. ist. nauk [Formation and development of administration system of the Cabinet's mining and smelting department in Western Siberia: 1745–1798. Cand. hist. Sci. Diss.]. Barnaul State Pedagogical Univ. Barnaul, 2005, 284.
10. Soboleva T. N., Razgon V. N. *Ocherki istorii kabinetskogo khoziaistva na Altae (vtoraia polovina XVIII – pervaiia polovina XIX v.): upravlenie i obsluzhivanie* [Essays on the history of Cabinet economy in the Altai (second half of the XVIII – first half of the XIX century): management and maintenance]. Barnaul: Izdatel'stvo Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta, 1997, 257.
11. Perezhogin A. A. *Voenizirovannaia sistema upravleniia Kolyvano-Voskresenskogo (Altaiskogo) gornogo okruga (1747–1871 gg.)* [The militarized administration system of the Kolyvan-Voskresenskii (Altai) mountain district (1747–1871)]. Barnaul: Izdatel'stvo Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta, 2005, 262.
12. Soboleva T. N., Afanas'ev P. A., Kukharensk A. E., Bobrov D. S. *Ekspluatatsiia prirodnkh resursov Altaia imperatorskim Kabinetom kak faktor razvitiia rossiiskoi monarkhii (XVIII – nachalo XX v.)* [Exploitation of natural resources by the Imperial Cabinet as a factor of the Russian monarchy development (XVIII – beginning XX century)]. Barnaul: Azbuka, 2012, 260.
13. Vedernikov V. V. *Kabinetskaia tsvetnaia metallurgii Sibiri v XVIII – pervoi polovine XIX v.* [Cabinet's nonferrous-metals industry of Siberia in the XVIIIth – first half of the XIXth century]. Barnaul: Izdatel'stvo Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta, 2012, 186.
14. *Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv drevnikh aktov* [The Russian State Archive of Ancient Acts]. Found 248, List 13, Book 725, File 131.
15. *Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv drevnikh aktov* [The Russian State Archive of Ancient Acts]. Found 517, List 1, File 26.
16. *Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv drevnikh aktov* [The Russian State Archive of Ancient Acts]. Found 517, List 1, File 25.
17. *Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv drevnikh aktov* [The Russian State Archive of Ancient Acts]. Found 517, List 1, File 91.
18. *Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv drevnikh aktov* [The Russian State Archive of Ancient Acts]. Found 517, List 1, File 82.
19. *Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv drevnikh aktov* [The Russian State Archive of Ancient Acts]. Found 517, List 1, File 122.
20. *Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv drevnikh aktov* [The Russian State Archive of Ancient Acts]. Found 517, List 1, File 175.

УДК 902

МИНУСИНСКО-ХАКАССКАЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ 1930 Г. ДЛЯ «НОВОЭКСПОРТА»

Александр С. Вдовин^{1, @1}, Людмила Ю. Китова^{2, @2}, Елена И. Кочкина^{1, @3}, Владимир А. Конохов^{1, 3, @4}

¹ Красноярский государственный педагогический университет им. В. П. Астафьева, Россия, 660049, г. Красноярск, ул. Ады Лебедевой, 89

² Кемеровский государственный университет, Россия, 650000, г. Кемерово, ул. Красная, 6

³ Минусинский региональный краеведческий музей им. Н. М. Мартыанова, Россия, 662608, г. Минусинск, ул. Ленина, 60

@1 vdovin2002@bk.ru

@2 lyudmila.kitova@mail.ru

@3 lena.k.elena@mail.ru

@4 vladimir.konohov@mail.ru

Поступила в редакцию 01.06.2017. Принята к печати 24.07.2017.

Ключевые слова: археология, Минусинский музей, продажа культурных ценностей, «Новоэкспорт», Н. К. Ауэрбах, В. Г. Карцов, В. П. Левашева.

Аннотация: В статье представлены результаты исследования Минусинско-Хакасской экспедиции 1930 г. под руководством археолога В. Г. Карцова. Данная экспедиция связана с деятельностью сибирских музеев, Общества изучения Сибири, конторы «Новоэкспорт» и ряда организаций, участвующих в поиске и сборе археологических ценностей для продажи за границу. Молодое советское государство искало новые возможности получения средств для нужд индустриализации, в связи с чем и была создана контора «Новоэкспорт» и разработана программа археологических исследований. Особый интерес представляет деятельность археологов – организаторов и участников экспедиции Н. К. Ауэрбаха, В. Г. Карцова, В. П. Левашевой, внесших значительный вклад в науку и музейное дело Сибири. В работе использован значительный корпус документов из центральных и региональных архивов, большинство из которых вводится в научный оборот впервые. Использован историко-системный метод, который дает возможность показать взаимодействие исследователей, воссоздать целостную картину деятельности экспедиции, а также ее роль для осуществления политики государства. Исследование значительно расширяет данные о деятельности сибирских музеев в реализации археологических исследований для «Новоэкспорта» в 1920–1930-е гг.

Для цитирования: Вдовин А. С., Китова Л. Ю., Кочкина Е. И., Конохов В. А. Минусинско-Хакасская археологическая экспедиция 1930 г. для «Новоэкспорта» // Вестник Кемеровского государственного университета. 2017. № 4. С. 30–35. DOI:10.21603/2078-8975-2017-4-30-35.

В сложные времена страна мобилизует все сферы общественной жизни для решения проблем общенародного значения. 1920–1930-е гг. стали тому подтверждением и характеризуются неоднозначной внешнеполитической деятельностью СССР, индустриализацией, коллективизацией, социально-экономическим кризисом. В рамках этого как часть государственной политики нужно рассматривать продажу за границу историко-культурных ценностей с целью получения средств для решения задач первой пятилетки.

Распродажи затронули не только крупнейшие музеи СССР, такие как Эрмитаж, Музей изящных искусств, Русский музей, дворцы с шедеврами европейских мастеров, ювелирными изделиями, рукописями, религиозными памятниками, но и провинциальные музеи были включены в сбор коллекций на экспорт. В 1929 г. для выявления новых видов товаров, организации заготовок и их поставок за рубеж в Москве была создана контора «Новоэкспорт», деятельность которой связана со многими музеями Сибири, что нашло отражение в работах Л. Ю. Китовой [1], А. С. Вдовина [2].

Стоит отметить особые случаи по поиску археологических артефактов через «Новоэкспорт» для нужд советского государства. К 1930 г. к работе по сбору коллекций была привлечена широкая сеть краеведческих организаций и опытных исследователей, которым предлагалось активно

способствовать сбору коллекций для продажи за границу. Так по инициативе археолога Н. К. Ауэрбаха к этой работе приобщилась крупнейшая научная сибирская организация – Общество изучения Сибири (ОИС), ученым секретарем которой он был [3, л. 136]. Н. К. Ауэрбах и археолог Г. П. Сосновский возлагали большие надежды на средства «Новоэкспорта», рассчитывая спасти гибнущие археологические памятники и пополнить фонды местных музеев. С закупкой экспонатов у коллекционеров были определенные трудности, поэтому главная роль отводилась экспедициям [4, с. 175–176].

Среди разных видов научных экспортных коллекций большое значение придавалось археологическим и этнографическим материалам. В связи с этим на заседании экспортной комиссии ОИС 8 мая 1930 г. Н. К. Ауэрбах выступил с докладом «Археологические коллекции как новый вид экспорта для Сибири». Он разработал и представил программу действий по сбору археологических предметов для продажи, где выделил способы заготовки коллекций, обозначил районы раскопок (Минусинский край, Алтай, Нарымский край, Томский округ, долина Ангары), наметил кандидатуры местных археологов, предложил методы монтажа и инвентарное оборудование для экспортных коллекций. Николай Константинович считал возможным исполь-

зовать для экспорта предметы, выявленные при раскопках, купленные у собирателей древностей, а также муляжи известных памятников, фотографии курганов, писаниц и т. д. [5, л. 19–31].

Н. К. Ауэрбах отмечал возрастание интереса к сибирским древностям: «В Сибири за советское время были проведены советскими учеными многочисленные исследования, которые в корне изменили сложившиеся до революции теории о происхождении древних культур Сибири. Эти исследования обогатили наши музеи внешне эффектными находками и притом научно особо ценными потому, что они были добыты методами раскопок. Особенно крупные работы проведены в области сибирского палеолита и в области бронзовых культур Минусинска и Алтая» [5, л. 20].

Археолог обратил внимание на реальные возможности в Сибкрае для заготовок археологических коллекций в целях экспорта и целесообразности этих заготовок: «Как мы указывали выше число доисторических памятников огромно. Весь юг края – округа: Минусинский, Хакассский, Бийский и Ойротия представляют собой огромное древнее кладбище; по степи на многие километры тянутся бесконечные курганы. В связи с расширением площади зерновых культур и животноводства значительная часть древних курганов уже в данное время находится на землях, используемых населением для хозяйственных целей. Как общее для края явление следует отметить факты раскапывания курганов, уничтожения надмогильных сооружений, мешающих использованию площади для с. х. надобностей. Наряду с этим наблюдается хищническое уничтожение древностей – с одной стороны «из озорства», с другой стороны в связи с существующим у местного населения представлением о богатстве курганов изделиями из драгоценных металлов» [5, л. 21].

Несмотря на красноречивые доклады ученых, сомнения у комиссии оставались, ведь спрос на археологические и этнографические материалы за рубежом не был изучен. Вдобавок к этому разногласия между археологами и работниками Госторга были вызваны вопросом о пополнении фондов сибирских музеев за счет экспедиций, финансируемых «Новоэкспортом». Если ученые были за использование части средств для сбора новых коллекций в сибирские музеи, то торговые работники выступали категорически против [6].

При обсуждении проблем сбора и экспорта древностей археолог Красноярского музея В. Г. Карцев призвал обратить основное внимание на раскопки, хотя признал их дороговизну: «Материал, добытый при раскопках, пойдет за границу дороже. К сожалению, Госторгу неизвестно, что же ему нужно из сибирских древностей и этот вопрос нам приходится разрешить самим. Конечно, на монтировку особого внимания обращать не придется. Важно чтобы экспедиции были бы хорошо снабжены необходимым оборудованием. Это повысит эффективность их работы. Запроектированные расходы чрезвычайно малы, как для археологии, так и для этнографии» [5, л. 42].

В результате переговоров ОИС и Госторга 29 мая было подписано соглашение, где признавалось целесообразным организовать этнографические экспедиции к тунгусам, алтайцам, хакасам, остякам, остякам-самоедам и в Горную Шорию, а также археологические экспедиции: Алтайскую, Томско-Нарымскую, Хакасскую, Минусинскую, Ангарскую.

Руководителем каждой экспедиции мог быть только квалифицированный научный работник, который должен был провести научную обработку собранных материалов и подготовить к публикации результаты исследований. Кроме того, уникальные предметы могли остаться в Сибири, а параллельно со сбором экспортных коллекций мог совершаться сбор для сибирских музеев [4, с. 177].

Государственная Академия истории материальной культуры стала экспертом по вопросам вывоза за рубеж археологических и этнографических коллекций, а также урегулированию вопроса о распределении дублетов археологических артефактов [1, с. 318].

Наряду с остальными крупными музеями Сибири к работе по сбору материалов были привлечены Красноярский, Минусинский и Ачинский музеи бывшей Енисейской губернии [7, с. 151]. Открытые листы на проведение раскопок получили в числе прочих В. Г. Карцев и В. П. Левашева, проводившие археологические исследования на территории Минусинского района и в Хакасии.

Археологические сборы для экспорта были ориентированы на выявление высокохудожественных древностей металлических культур (бронзовых изделий из Минусинского края), поэтому одной из приоритетных археологических экспедиций стала Минусинско-Хакасская. Возглавлять ее было поручено археологу Красноярского музея В. Г. Карцову, который при обсуждении этого вопроса со своим учителем В. А. Городцовым писал: «Мне весной О[бщест]вом изучения Сибири было поручено руководство экспедицией в Хакасии, ставящей целью производство раскопок и сбор научных коллекций для экспорта. Последнее было очень неприятно. Но пришлось эту работу взять на себя. Во-первых, по тому что при современном положении было неудобно мне, как научному работнику, от неё отказаться, на это у нас посмотрели бы определенно как на своего рода «вредительство», а во-вторых, и обидно было отказываться, т. к. для работы предоставлялись все возможности. Так что исследования можно было провести действительно хорошо и широко» [8, с. 139–142].

В состав экспедиции кроме В. Г. Карцова вошли научно-технический сотрудник М. П. Карцова, а также сотрудники Минусинского музея – археолог В. П. Левашева, Ф. П. Кравченко в роли фотографа [9, л. 4].

До недавнего времени было непонятно, как восприняла деятельность конторы «Новоэкспорт» ученица В. А. Городцова В. П. Левашева. Обнаруженные архивные материалы проливают свет на этот вопрос.

Еще до совещания в Новосибирске она обсуждала с Н. К. Ауэрбахом продажу археологических материалов. В письме от 8 марта 1930 г. Варвара Павловна поддержала его предложение о раскопках для «Новоэкспорта», считая, как и он, что это откроет новые возможности для полевых исследований и сохранения памятников древности: «Что же поделать? Хоть и жаль отдавать свое, но уж лучше отдать, чем ждать, пока погибнут памятники. Ведь и за границей неплохо будет нашим древностям». Тем не менее, она решительно выступала против газетных объявлений и широкой скупки случайных артефактов: «Ведь тогда все примутся рыть, да как ещё рыть! Тем более у крестьян теперь время свободного много, а пробить узкий шурф в кургане для них ничего не стоит». Левашева считала, что наказание за раскопки не поможет: «Все равно будут рыть,

а принесут вещь, скажут – выпалили». Ею была составлена смета на исследования, как она пишет, «умеренно-скромная», все цифры были даны с небольшим запасом, но «сокращению не подлежали». Варвара Павловна неоднократно подчеркивала в письме, что лучше создавать коллекции за счет раскопок археологов, при которых будут составлены научные отчеты и чертежи по результатам исследований. На случай, если Ауэрбах и вышестоящее начальство решат массово скупать случайные находки, Левашева предлагала «выработать расценку на отдельные вещи и на стоимость стандартных коллекций... Если придется шире ставить скупку, чем мы предполагаем сейчас (а предполагаем скупать при поездках по деревням и когда принесут в музей сами), то можно будет сделать специальный объезд некоторых районов. Это была бы выигрышная вещь и в смысле учета памятников, т. к. такому предписанию буду очень рада. Но только не афишировать широко! Отдать вещи с толком за тракторы, хоть и жалковато, но можно, а устроить такую штуку, чтобы почем зря гибли памятники от крестьянских раскопок – это никак невозможно» [10, л. 58–58 об.].

В. П. Левашева, занявшая в 1929 г. место заведующего археологическим отделом Минусинского музея, при составлении плана полевых археологических работ на 1930–1934 гг. основной задачей ставила учёт памятников. При этом отмечая, что помимо научного интереса учёт памятников археологии позволил бы выделить дублетный материал, который мог быть использован для экспорта [10, л. 5].

Минусинско-Хакасская экспедиция проводилась по заданию Общества изучения Сибири на выделенные Госторгом средства в размере 3200 рублей. Ее задачами были сбор археологических коллекций по отдельным культурам путем раскопок, приобретение случайных находок, обследование и учёт памятников, встречающихся при прохождении маршрута [9, л. 4].

Экспедиция проходила в июле-августе 1930 г. по маршруту Минусинск – Быстрая – Лугавское – Шушенское; Сидорово – Борки – Изых в Койбальской степи; Райков – Баинов – Каргин – г. Хакасс по левому берегу р. Абакан; Подкунинский – Мохов – Красный яр по левому берегу р. Енисей [9, л. 4].

Полевые работы были начаты с разведки в районе д. Быстрой. Здесь были проведены раскопки 4 тагарских курганов и 9 карасукских могил. Также была обследована стоянка в окрестностях д. Быстрой, и на ней проведены раскопки позднекочевнического погребения [12, л. 7; 13, л. 1].

По завершению работы в окрестностях д. Быстрой экспедицией была проведена разведка по дороге г. Минусинск – с. Лугавское, осмотрены несколько стоянок и курганных могильников. Возле с. Лугавского археологи провели раскопки таштыкского погребения, где были найдены несколько масок, но, как отмечается, в крайне разрушенном состоянии [12, л. 3].

Далее маршрут разведки пролегал в район с. Шушенского. По результатам проведенных работ ничего интересного для раскопок исследователями выявлено не было, поэтому было принято продолжить маршрут через Койбальскую степь на Абакан [12, л. 4].

Первым пунктом раскопок на левом берегу р. Абакан стали тагарские курганы, расположенные между улусами Баиновым и Райковым. Для исследований был выбран

могильник, состоящий из 18 курганов, 3 из которых были раскопаны. Также был раскопан отдельно стоящий курган, находившийся в 500 метрах от могильника [12, л. 4–5].

При прохождении маршрута разведки в сторону г. Хакасса возле улуса Сапогова были раскопаны 2 погребения, причисленные В. Г. Карцовым к таштыкской культуре. Среди находок зафиксированы глиняные сосуды, кости овцы и коровы, но останков человека не выявлено [12, л. 143 об.].

Следующим пунктом проведения раскопок была выбрана группа курганов у Откинського улуса, в связи с предстоящим строительством на этой территории консервного завода, что привело бы к разрушению памятников. В результате работ у Откинського улуса были раскопаны 11 курганов тагарской культуры [12, л. 143 об.].

По завершению работ в районе Откинського улуса экспедиция начала раскопки памятников, расположенных между улусами Мохов и Красный яр. В. Г. Карцов и В. П. Левашева произвели раскопки 2 курганов тагарской культуры, 3 могильников и 5 одиночных могил карасукской культуры, а также 2 поздних каменных могил. Большинство карасукских могил имели следы древнего ограбления. Кроме того, здесь исследователями раскопаны 6 памятников афанасьевской культуры, но ввиду того, что они оказались довольно бедными на материал, было решено работы на них провести для Минусинского музея и за счет его средств [12, л. 6–7; 13, л. 11].

Последним пунктом проведения раскопок стали памятники в районе улуса Подкунинского, где вскрыты 2 памятника карасукской культуры, 2 – андроновской культуры и 1 – тагарский курган [12, л. 7; 13, л. 22–26].

В результате проведенных работ осуществлена разведка по намеченному маршруту, зафиксированы сотни курганов, ряд стоянок [12, л. 8–15], раскопаны 49 памятников, среди которых 2 – андроновской культуры, 19 – карасукской, 22 – тагарской, 3 – таштыкской, 3 – памятника времени поздних кочевников.

В письме Н. К. Ауэрбаху В. Г. Карцов отмечал: «Раскопки мы старались проводить в местах, где памятникам угрожает разрушение. Так, курганы у Откинського улуса расположены на месте проектируемого консервного завода; курганы у Подкунинского улуса (Карасук, Андронов) – на месте стройки комбината» [12, л. 144–145].

По итогам экспедиции были составлены 29 коллекций по разным археологическим культурам, преобладающими стали 15 коллекций тагарской культуры и 11 коллекций – карасукской [12, л. 19–137 об.; 14, л. 1–85].

Многие предметы, найденные в ходе раскопок, представляли собой несомненный интерес и предназначались на экспорт. Полевой сезон оказался удачным, как отметил В. Г. Карцов, так как было много находок, и исследователи получили новые материалы по разным культурам. Наибольший интерес вызвали тагарские курганы у Откинського улуса и курганы, расположенные между улусами Баинов и Райков. Здесь встречено много неразграбленных курганов, давших археологам интересные материалы, а также типовые вещи и керамику, характерные как для карасукской, так и ранней тагарской культур [15, л. 29–29 об.; 12, л. 143 об.]. Большинство артефактов представляли немалую научную ценность для исследователей, но не были уникальными культурно-историческими древностями.

ми, от продажи которых можно было бы получить значительные финансовые средства.

Н. К. Ауэрбах в одном из писем своему учителю В. А. Городцову также отметил, что археологическая экспедиция В. Г. Карцова с В. П. Левашевой закончилась вполне хорошо: «Материал собран большой, но «ничего особенного», сногшибательного не найдено» [16, л. 197].

Первыми впечатлениями о результатах экспедиции В. Г. Карцев поделился в письме Н. К. Ауэрбаху от 27 августа 1930 г.: «В целом раскопный материал у нас хороший, хотя процент ограбленных и велик. Думаю, что Госторг в накладе не останется. В госторге найденное золото перед «лицом Яновича» будет очень и очень украшать наши планшеты. <...> Минусом является, что не представлены все культуры, нет масок, но зато другой материал выигрывает. Разведки проведены большие. Хуже со сбором подъемных материалов. Их удалось достать очень мало – везде в деревнях и улусах указывают на то, что сейчас вещи не попадают, а раньше встречались часто. Объясняют тем, что сейчас распахивают только старые пашни, где уже давно все выпажано, а целину совершенно не трогают» [12, л. 144–144 об.].

По итогам экспедиции и обработки полученных материалов исследователи представили отчеты, в том числе и для ОИС [17; 18]. А осенью В. Г. Карцов был командирован в Москву для обработки материалов, предназначенных на экспорт [19, с. 268].

В результате собранные коллекции Минусинско-Хакасской археологической экспедиции были высланы в Москву в I МГУ, Анатомический институт, Институт наглядных пособий [20, с. 18].

О дальнейшей судьбе полученных коллекций известно немного. В производственных мастерских I МГУ происходил окончательный отбор археологических и этнографических ценностей для продажи. Некоторая их часть была вывезена за границу, в Турцию. Остальные коллекции остались невостребованными за рубежом и поступили в Центральный музей народоведения, Музей антропологии и этнографии [20, с. 25]. Впоследствии некоторые археологические коллекции были приобретены Государственным Эрмитажем [21, л. 101].

Расчет от экспорта данных коллекций не оправдался. Большие средства были потрачены для проведения исследований, которые не окупились их продажей. Никто не изучал спрос на археологические и этнографические коллекции, к тому же заграничные рынки сбыта были неизвестны. Это привело к сворачиванию деятельности по организации археологических и этнографических экспедиций для сбора коллекций «Новоэкспорта» уже на рубеже 1931–1932 гг.

Компания «Новоэкспорта» по продаже за границу коллекций по археологии и этнографии провалилась. Но в результате проведенных экспедиций были собраны значительные коллекции, к тому же предметы в них были хорошо обработаны. А организованные раскопки имели характер новостроечных экспедиций 1930-х гг. Данные исследования способствовали дальнейшей деятельности местных исследователей, ведь в 1930 г. велись не только раскопки, но и учет памятников древности. В последующие годы Минусинским и Красноярским музеями, а также Русским музеем были продолжены работы на обозначенных маршрутах археолого-этнографических экспедиций на территории Минусинского района и Хакасии [22, л. 2].

Литература

1. Китова Л. Ю. ГАИМК и экспорт археологических коллекций // История науки и образования в Сибири: сборник материалов Всероссийской научной конференции с международным участием (15–16 ноября 2005) / отв. ред. Я. М. Кофман. Красноярск: Красноярский государственный педагогический университет им. В. П. Астафьева, 2006. С. 316–322.
2. Вдовин А. С., Гуляева Н. П. Деятельность «Новоэкспорта» в Сибири // Проблемы борьбы с проведением незаконных раскопок и незаконным оборотом предметов археологии, минералогии и палеонтологии: сборник материалов научно-практической конференции. Красноярск, 2001. С. 26–28.
3. Минусинский городской архив (МГА). Ф. 488. Оп. 1. Д. 18.
4. Вдовин А. С., Китова Л. Ю. О продаже за границу сибирских археологических и этнографических коллекций в 20–30-е гг. XX в. // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В. П. Астафьева. 2010. № 2. С. 171–182.
5. Рукописный архив Института истории материальной культуры (РА ИИМК). Ф. 2. Оп. 1. Д. 110. 1930 г.
6. Китова Л. Ю., Вдовин А. С. Отношение отечественных археологов к деятельности конторы «Новоэкспорт» // VIII исторические чтения памяти Михаила Петровича Грязнова: сборник научных трудов / отв. ред. И. В. Толпеко. Омск: Амфора, 2012. С. 100–106.
7. Макаров Н. П. К истории комплектования, изучения и экспонирования археологических коллекций // Век подвижничества. Красноярск: Красноярское книжное издательство, 1989. С. 131–189.
8. Макаров Н. П., Вдовин А. С. Карцов В. Г. (1904–1977) – исследователь древностей красноярского края // Енисейская провинция. 2010. № 5. С. 138–144.
9. Архив Минусинского краеведческого музея (АМКМ). Ф. 1. Оп. 1. Д. 248.
10. Архив Института археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук (АИАЭТ СО РАН). Ф. 2. Оп. 1. Д. 320.
11. АМКМ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 247.
12. Государственный архив Новосибирской области (ГАНО). Ф. Р-217. Оп. 1. Д. 200.
13. АМКМ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 644.
14. ГАНО. Р-217. Оп. 1. Д. 199.
15. Отдел письменных источников Государственного исторического музея (ОПИ ГИМ). Ф. 431. Д. 406.
16. ОПИ ГИМ. Ф. 431. Д. 376.

17. ГАНО. Ф. Р-217. Оп. 1. Д. 194.

18. ГАНО. Ф. Р-217. Оп. 1. Д. 198.

19. Грищенко Л. Н. К вопросу о заготовке и экспорте предметов этнографии и археологии в Сибири в 1930-е годы // Археология Южной Сибири: идеи, методы, открытия: сборник докладов международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения члена-корреспондента Российской академии наук Сергея Владимировича Киселева (Минусинск, 20–26 июня 2005). Красноярск, 2005. С. 267–268.

20. Китова Л. Ю., Вдовин А. С. Судьбы историко-культурного наследия народов Сибири: (из истории организации экспорта археологических и этнографических коллекций в 1920–1930 годы). Кемерово: Кемеровский государственный университет, 2015. 91 с.

21. РА ИИМК. Ф. 2. Оп. 1. Д. 225. Л. 101. 1934 г.

22. АМКМ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 643.

THE MINUSINSK-KHAKAS ARCHAEOLOGICAL EXPEDITION OF 1930 FOR “NOVOEXPORT”

Alexandr S. Vdovin^{1, @1}, Ludmila Yu. Kitova^{2, @2}, Elena I. Kochkina^{1, @3}, Vladimir A. Konokhov^{1, 3, @4}

¹ Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V. P. Astafyev, 89, Lebedeva street, Krasnoyarsk, Russia, 660049

² Kemerovo State University, 6, Krasnaya St., Kemerovo, Russia, 650000

⁴ Martyanov Minusinsk Regional Museum of Local History, 60, Lenina St., Minusinsk, Russia, 662608

@¹ vdovin2002@bk.ru

@² lyudmila.kitova@mail.ru

@³ lena.k.elena@mail.ru

@⁴ vladimir.konokhov@mail.ru

Received 01.06.2017. Accepted 24.07.2017.

Keywords: archeology, Minusinsk museum, sale of cultural heritage, “Novoeksport”, N. K. Auerbach, V. G. Kartsov, V. P. Levasheva.

Abstract: The article presents the results of a study of materials from the Minusinsk-Khakass expedition of 1930 under the leadership of archaeologist V. G. Kartsov. This expedition is connected with the activities of Siberian museums, the Society for Siberian Studies, the office of “Novoexport” and a number of organizations involved in the search for funds to sell historical and cultural heritage abroad. The new Soviet state looked for means for industrialization. In this regard the “Novoeksport” office was created and the program of archaeological researches was developed. The current paper features mostly the work of N. K. Auerbach, V. G. Kartsov and V. P. Levasheva, who became the organizers and participants of the expedition. They made the significant contribution to science and museum work in Siberia. The current research has involved a considerable amount of documents from the central and regional archives, most of which are introduced for the first time into scientific use. The main method used was the historical and system method that gives a chance to show the interaction of researchers, to recreate a complete picture of activity of the expedition, as well as its role for implementation of state policy. The research considerably expands the data on the archaeological researches that Siberian museums conducted for “Novoeksport” in 1920s–1930s.

For citation: Vdovin A. S., Kitova L. Yu., Kochkina E. I., Konokhov V. A. Minusinsko-Khakasskaia arkhologicheskaya ekspeditsiya 1930 g. dlia «Novoeksporta» [The Minusinsk-Khakas Archaeological Expedition of 1930 for “Novoexport”]. *Bulletin of Kemerovo State University*, no. 4 (2017): 30–35. DOI:10.21603/2078-8975-2017-4-30-35.

References

1. Kitova L. Iu. GAIMK i eksport arkhologicheskikh kollektzii [GAIMK and export of archaeological collections]. *Istoriia nauki i obrazovaniia v Sibiri: sbornik materialov Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem (15–16 noiabria 2005)* [History of science and education in Siberia: Proc. Russian Sc.-Prac. Conf. with the intern. participation (November 15–16 2005)]. Krasnoyarsk: Krasnoyarskii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet im. V. P. Astaf'eva, 2006, 316–322.

2. Vdovin A. S., Guliaeva N. P. Deiatel'nost' «Novoeksporta» v Sibiri [Activity of Novoeksport in Siberia]. *Problemy bor'by s provedeniem nezakonnykh raskopok i nezakonnym oborotom predmetov arkhologii, mineralogii i paleontologii: sbornik materialov nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Problems of combating illegal excavations and illicit trafficking in archeology, mineralogy and paleontology: Proc. Sc.-Prac. Conf.]. Krasnoyarsk, 2001, 26–28.

3. *Minusinskii gorodskoi arkhiv* (MGA) [Minusinsk city archive]. Found 488, List 1, File 18.

4. Vdovin A. S., Kitova L. Iu. O prodazhe za granitsu sibirskikh arkhologicheskikh i etnograficheskikh kollektzii v 20–30-e gg. XX v. [About sale abroad the Siberian archaeological and ethnographic collections in the 20–30th of the 20th century].

Vestnik Krasnoyarskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. V. P. Astaf'eva = *Bulletin of the Krasnoyarsk state pedagogical university of V. P. Astafyev*, no. 2 (2010): 171–182.

5. *Rukopisnyi arkhiv Instituta istorii material'noi kul'tury (RA IIMK)* [Manuscript archive of the Institute of the History of Material Culture]. Found 2, List 1, File 110, 1930.

6. Kitova L. Iu., Vdovin A. S. Otnoshenie otechestvennykh arkhologov k deiatel'nosti kontory «Novoeksport» [Relation of Russian archeologists to activity of Novoeksport office]. *VIII istoricheskie chteniia pamiati Mikhaila Petrovicha Griaznova* [VIII historical readings memory of Mikhail Petrovich Gryaznov]. Omsk: Amfora, 2012, 100–106.

7. Makarov N. P. K istorii komplektovaniia, izucheniia i eksponirovaniia arkhologicheskikh kolleksii [To history of completing, studying and exhibiting of archaeological collections]. *Vek podvizhnichestva* [Century of self-sacrifice]. Krasnoyarsk: Krasnoyarskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1989, 131–189.

8. Makarov N. P., Vdovin A. S. Kartsov V. G. (1904–1977) – issledovatel' drevnostei krasnoyarskogo kraia [Kartsov V. G. (1904–1977) is the researcher of antiquities of Krasnoyarsk region]. *Eniseiskaia provintsia = Yenisei province*, no. 5 (2010): 138–144.

9. *Arkhib Minusinskogo kraevedcheskogo muzeia (AMKM)* [Archive of the Minusinsk museum of local lore]. Found 1, List 1, File 248.

10. *Arkhib Instituta arkhologii i etnografii Sibirskogo otdeleniia Rossiiskoi akademii nauk (AIAET SO RAN)* [Archive of Institute of archeology and ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences]. Found 2, List 1, File 320.

11. *Arkhib Minusinskogo kraevedcheskogo muzeia* [Archive of the Minusinsk museum of local lore]. Found 1, List 1, File 247.

12. *Gosudarstvennyi arkhiv Novosibirskoi oblasti (GANO)* [State archive of the Novosibirsk region]. Found R-217, List 1, File 200.

13. *Arkhib Minusinskogo kraevedcheskogo muzeia* [Archive of the Minusinsk museum of local lore]. Found 1, List 1, File 644.

14. *Gosudarstvennyi arkhiv Novosibirskoi oblasti* [State archive of the Novosibirsk region]. Found R-217, List 1, File 199.

15. *Otdel pis'mennykh istochnikov Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeia (OPI GIM)* [Department of written sources of the State Historical Museum]. Found 431, File 406.

16. *Otdel pis'mennykh istochnikov Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeia* [Department of written sources of the State Historical Museum]. Found 431, File 376.

17. *Gosudarstvennyi arkhiv Novosibirskoi oblasti* [State archive of the Novosibirsk region]. Found R-217, List 1, File 194.

18. *Gosudarstvennyi arkhiv Novosibirskoi oblasti* [State archive of the Novosibirsk region]. Found R-217, List 1, File 198.

19. Grishchenko L. N. K voprosu i zagotovke i eksporte predmetov etnografii i arkhologii v Sibiri v 1930-e gody [To a question and preparation and export of objects of ethnography and archeology in Siberia in the 1930th years]. *Arkheologiya Iuzhnoi Sibiri: idei, metody, otkrytiia: sbornik dokladov mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, posviashchennoi 100-letiiu so dnia rozhdeniia chlena-korrespondenta Rossiiskoi akademii nauk Sergeia Vladimirovicha Kiseleva (Minusinsk, 20–26 iyunia 2005)* [Archeology of Southern Siberia: ideas, methods, opening: Proc. Intern. Sc. Conf. devoted to the centenary of the birth of Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences Sergei Vladimirovich Kiselev (Minusinsk, June 20–26 2005)]. Krasnoyarsk, 2005, 267–268.

20. Kitova L. Iu., Vdovin A. S. *Sud'by istoriko-kul'turnogo nasledii narodov Sibiri (Iz istorii organizatsii eksporta arkhologicheskikh i etnograficheskikh kolleksii v 1920–1930 gody)* [Destinies of historical and cultural heritage of the people of Siberia (From history of the organization of export of archaeological and ethnographic collections in 1920–1930)]. Kemerovo: Kemerovskii gosudarstvennyi universitet, 2015, 91.

21. *Rukopisnyi arkhiv Instituta istorii material'noi kul'tury* [Manuscript archive of the Institute of the History of Material Culture]. Found 2, List 1, File 225, 1934.

22. *Arkhib Minusinskogo kraevedcheskogo muzeia* [Archive of the Minusinsk museum of local lore]. Found 1, List 1, File 643.

УДК 94(571.17):929ФуксБ.И."1897/1973"

БИОГРАФИЯ ВРАЧА-ХИРУРГА Б. И. ФУКСА В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИИ СОВЕТСКОЙ ЭПОХИ

Елена С. Генина^{1, @1}, Борис Б. Фукс^{2, @2}

¹ Кемеровский государственный университет, Россия, 650000, г. Кемерово, ул. Красная, 6

² Enzyme Inc., США, NH 03062, г. Бостон, Нью Гемпшир, 105 Спит Брук Рд № 8е Науша

@1 elena_genina@mail.ru

@2 foux2000@gmail.com

Поступила в редакцию 03.10.2017. Принята к печати 09.11.2017.

Ключевые слова: биография, советская эпоха, врач-хирург, профессор, Томский государственный университет, Государственный институт для усовершенствования врачей, Сибирь.

Аннотация: Авторы данной статьи поставили перед собой цель реконструировать биографию Б. И. Фукса в контексте истории советской эпохи, ее важнейших событий. Борис Ильич (Бер Ельич) Фукс (1897–1973) – доктор медицинских наук, профессор, врач-хирург, основоположник Новокузнецкой хирургической школы. Его научно-педагогическая деятельность в первую очередь связана с Томским государственным университетом и Государственным институтом для усовершенствования врачей, последовательно находившимся в Томске, Новосибирске, Сталинске (Новокузнецке). При подготовке исследования использовались документы, обнаруженные в Государственном архиве Российской Федерации, Государственном архиве Томской области, Государственном архиве Кемеровской области, Государственном архиве Кемеровской области в г. Новокузнецке, Архиве Новокузнецкого государственного института усовершенствования врачей, ряд материалов центральной и местной периодической печати. Отдельный важный блок источников составили документы из личного архива и воспоминания Б. Б. Фукса, сына Б. И. Фукса (г. Бостон, США).

Для цитирования: Генина Е. С., Фукс Б. Б. Биография врача-хирурга Б. И. Фукса в контексте истории советской эпохи // Вестник Кемеровского государственного университета. 2017. № 4. С. 36–45. DOI:10.21603/2078-8975-2017-4-36-45.

История советского общества закономерно нашла отражение в биографиях представителей отечественной интеллигенции. На современном этапе подобные исследования представляются особо актуальными, поскольку способствуют осмыслению судеб поколений в масштабах советской эпохи. Одной из групп отечественной интеллигенции, внесшей значительный вклад в развитие страны, стала научно-педагогическая (медицинская) интеллигенция. В биографии ее представителя – доктора медицинских наук, профессора, известного врача-хирурга Бориса Ильича Фукса – воплотились многие противоречия советской эпохи.

К настоящему времени опубликовано несколько биографий ученого. С. А. Некрылов подготовил биографию Б. И. Фукса, представленную в биографических словарях «Профессора Томского университета» и «Профессора медицинского факультета Императорского (государственного) Томского университета – Томского медицинского института – Сибирского государственного медицинского университета (1878–2003)». В указанных изданиях, прежде всего, отражены периоды жизни врача, связанные с обучением и последующей работой в Томском университете [1; 2]. Они освещены и в документально-биографическом справочнике «Томские профессора. Наука и образование в Томске: еврейский аспект» [3]. Биографический очерк, посвященный ученому, содержится в книге, которая приурочена к 85-летию Государственного института усовершенствования врачей и 60-летию работы института в Кемеровской области. Соответственно, здесь раскрыты особенности долговременной деятельности ученого и педагога в институте, последовательно находившемся в Томске, Новосибирске, Сталинске (Новокузнецке) [4].

Е. С. Генина воссоздала основные вехи жизни Б. И. Фукса с особым вниманием к его «белому прошлому», последствиям службы в армии А. В. Колчака, событиям «дела врачей» (1953 г.) [5]. Однако на сегодняшний день отсутствует биография Б. И. Фукса, где в полной мере реконструированы все основные этапы его жизни и научного творчества, переломные моменты биографии.

Авторы данной статьи поставили перед собой цель реконструировать биографию Б. И. Фукса в контексте истории советской эпохи, ее важнейших событий. При этом виделась необходимость перспективы определения ключевых моментов научно-педагогической деятельности ученого. Полноценное воссоздание биографии человека невозможно без обращения к его взглядам, особенностям восприятия эпохи и современников, личностным качествам, что стало одной из задач для авторов. Важным представлялось внесение дополнений и уточнений в существующие биографии Б. И. Фукса. Реализации поставленной цели способствовал анализ комплекса документов, обнаруженных в Государственном архиве Российской Федерации, Государственном архиве Томской области, Государственном архиве Кемеровской области, Государственном архиве Кемеровской области в г. Новокузнецке, Архиве Новокузнецкого государственного института усовершенствования врачей, ряда материалов центральной и местной периодической печати. Отдельный важный блок источников составили документы личного архива и воспоминания Б. Б. Фукса, сына Б. И. Фукса.

Борис Ильич (Бер Ельич) Фукс (фотографии представлены на рис. 1, 2), еврей по национальности, родился 1 (13) июня 1897 г. Имеются противоречивые сведения о месте рождения

Б. И. Фукса. Согласно сохранившейся записи в метрической книге и соответствующему метрическому свидетельству местом его рождения значится местечко Лиозно Орлинского (Оршанского) уезда Могилевской губернии. Но впоследствии сам Борис Ильич в автобиографиях указывал в качестве места рождения г. Смоленск. Он появился на свет в семье Ельи (Ильи) Хацкелевича Фукса, происходившего из мещан

Могилевской губернии, врача-дантиста, и Нехамы Зальмановны Фукс. У Бориса было два брата: Гирш (1894 года рождения) и Самуил (1901 года рождения). Со временем родители переехали в Пермь. По сведениям на 1915 г. глава семьи имел «Купеческое свидетельство первой гильдии», выданное Пермской городской управой [1, с. 449–450; 2, с. 237–238; 3, с. 190; 6, с. 227; 7, л. 4–4 об.; 8, л. 77, 151].

Рис. 1. Б. И. Фукс (фотография предоставлена Музеем истории Национального исследовательского Томского государственного университета)

Fig. 1. B. I. Fuks (photo provided by the Museum of History of the National Research Tomsk State University)

Рис. 2. Б. И. Фукс с женой и сыном Борисом. 1929 г. (фотография предоставлена Б. Б. Фуксом (г. Бостон, США))

Fig. 2. B. I. Fuks with his wife and son Boris. 1929 (photo provided by B. B. Fuks (Boston, USA))

Б. И. Фукс окончил реальное училище с дополнительным классом в Красноуфимске Пермской губернии в 1914 г. В 1914/1915 учебном году молодой человек обучался на биологическом отделении Психоневрологического института в Петрограде. (Прим. авторов: Петроград – название Санкт-Петербурга в 1914–1924 гг.). Он сдал дополнительный экзамен по латинскому языку за 8 классов при Пермской второй мужской гимназии на оценку «отлично» в 1915 г., поскольку в дальнейшем намеревался продолжить образование на юридическом факультете Императорского Петроградского университета. 23 августа 1915 г. последовало его прошение о зачислении на факультет на имя ректора высшего учебного заведения. 3 сентября 1915 г. с подобным прошением на имя Министра народного просвещения обратилась Н. З. Фукс. Нехамы Зальмановны указывала, что в Петрограде, в Политехническом Императора Петра I институте, уже успешно обучался ее старший сын Гирш. В случае невозможности зачисления в число студентов вуза мать просила зачислить сына на юридический факультет одного из университетов страны. Как в первом, так и во втором прошении речь шла о сложном материальном положении в семье. Министерство народного просвещения дало разрешение на зачисление Б. Фукса на медицинский факультет Императорского Томского университета вне пределов процентной нормы, которая была установлена для лиц, придерживавшихся иудейского веро-

исповедания [1, с. 450; 2, с. 238; 3, с. 190; 6, с. 233–234, 235; 7, л. 1–1 об., 3, 24, 29–29 об.].

Обучение на медицинском факультете Императорского Томского университета продолжалось с перерывом в 1915–1920 гг. В Государственном архиве Томской области сохранился «Списокъ студентовъ, слушательницъ, вольнослушателей и вольнослушательницъ IV-го курса Медицинского Факультета Томскаго Университета за 1918–1919 учебный годъ». Среди 152-х студентов под номером 130 числится «Фуксъ Беръ Ильичъ». Будучи студентом Б. И. Фукс начал заниматься научной работой. Он состоял в научном студенческом кружке, который действовал под руководством В. Н. Саввина. Доктор медицины В. Н. Саввин с 1912 г. являлся ординарным профессором по кафедре оперативной хирургии с топографической анатомией Томского университета. Во время летних каникул, проводимых в Перми, Б. И. Фукс работал в хирургическом отделении Пермской губернской земской больницы [1, с. 450; 2, с. 238; 3, с. 190; 9, л. 7–9 об.; 10, с. 127]. В студенческие годы произошло событие, знаменательное для всей его дальнейшей судьбы. 6 августа 1917 г. он вступил в брак с Зинаидой Львовной Марксон (в замужестве – Фукс). З. Л. Фукс, 1898 года рождения, уроженка г. Красноярск, происходила из семьи ссыльных поляков. Первый ребенок, сын Лев, родился у молодых супругов в 1918 г. Второй сын, Борис, появился на свет в 1926 г. [11; 12, 27.09.2017].

Начавшаяся Гражданская война внесла свои коррективы в жизнь студента. Б. И. Фукс разделил участь томских студентов, мобилизованных в армию А. В. Колчака. В автобиографии, датированной 1958 г., Б. И. Фукс написал: «При переходе с 4-го курса на 5-ый в мае 1919 года был мобилизован в армию Колчака и отбывал службу зауряд-врачем в Красноярском военном госпитале. С приходом в Сибирь Красной Армии с декабря 1919 года работал в той же должности и в мае 1920 года был откомандирован для окончания Университета». Зауряд-врачи – это военно-медицинские чиновники, которые окончили неполный курс учебных заведений и назначались в военное время. Перемены не обошли стороной и учителя Б. И. Фукса – В. Н. Саввина. В 1919 г. согласно указу Верховного правителя России А. В. Колчака В. Н. Саввин назначен товарищем (заместителем) министра народного просвещения. Он находился в данной должности до декабря 1919 г. Ранее, с сентября по ноябрь 1918 г., он являлся помощником управляющего Министерством народного просвещения Временного Сибирского правительства, занимая одновременно должность ординарного профессора университета [5, с. 229; 8, л. 151, 152; 7, л. 25; 10, с. 127].

Уже вскоре после освобождения Томска факт службы в армии А. В. Колчака имел для Б. И. Фукса последствия. По воспоминаниям его сына, зимой 1919–1920 гг. произошло следующее: «Мама всю ночь бегала по Томску, спасая жизнь отца. За отца вступился некто, близкий к новой власти, объяснив, что Фукс – студент, мобилизованный колчаковцами для помощи врачам в госпиталях» [12, 15.03.2017, 18.03.2017]. Сложившаяся ситуация имела для студента благоприятный исход. Но в биографии будущего врача навсегда оказалось зафиксированным «белое прошлое». Наличие подобных «темных пятен» в биографиях советских людей («социально-чуждое происхождение», «политические ошибки», наличие репрессированных родственников) находилось под контролем партийных органов при сталинском режиме. В том или ином случае они могли использоваться против человека.

25 декабря 1920 г. Б. И. Фукс, окончивший медицинский факультет Томского университета, получил утверждение «в звании врача» с выдачей затем соответствующего удостоверения [6, с. 238; 7, л. 30–30 об.]. После завершения образования был оставлен на кафедре оперативной хирургии с топографической анатомией университета в должности научного сотрудника 2-го разряда (профессорского стипендиата). Его совершенствование как специалиста продолжилось под руководством профессора В. Н. Саввина. Выпускник являлся преподавателем кафедры в феврале 1921 – мае 1926 гг. Он выдержал испытания на звание ученого специалиста-хирурга в 1924 г. Работал прозектором (май 1926 – июнь 1928 гг.), профессором, заведующим кафедрой (июнь 1928 – сентябрь 1931 гг.). На должность профессора Б. И. Фукс был избран в 1928 г. [1, с. 450, 451; 2, с. 238; 3, с. 190, 191; 6, с. 242; 8, л. 75 об., 77, 78, 151, 152]. (Прим. авторов: прозектор – ученая должность, соответствующая ассистентству, при кафедрах, связанных с изучением анатомии, хирургии, гистологии, зоологии и др.).

Одновременно с деятельностью в университете Б. И. Фукс трудился как врач-практик. В 1921–1922 гг. он был ординатором Томского окружного военного госпиталя. Несколько лет посещал хирургическую клинику медицинского факультета Томского университета, где около года

работал экстерном. (Прим. авторов: экстерн – нештатный врач, бесплатно работающий в больнице или ином учреждении в целях прохождения практики). В военном госпитале и хирургической клинике руководителем Б. И. Фукса являлся профессор В. М. Мыш. Доктором медицины, профессором В. М. Мышем, заведовавшим кафедрой хирургической факультетской клиники с 1909 г. до 1930 г., были подготовлены тысячи учеников. В числе его учеников, занявших впоследствии «видное место в отечественной хирургии», – профессор Б. И. Фукс. Б. И. Фукс возглавлял хирургическое отделение Томской железнодорожной больницы летом 1924 г. Состоял экстерном в хирургическом отделении Томской губернской больницы с осени 1924 г. Являлся главным врачом и заведовал хирургическим отделением больницы рудника в г. Ленино в Кузбассе с 1 июня по 1 сентября 1925 г. (Прим. авторов: Ленино – название Ленинска-Кузнецкого в 1922–1925 гг.). Возглавил курорт Аул (Казахстан) летом 1926 г. [1, с. 450; 2, с. 238; 3, с. 190; 13, с. 34, 35].

К лету 1929 г. относится примечательное событие из врачебной практики Б. И. Фукса. В составе хирургического отряда, куда входили сотрудники кафедры оперативной хирургии университета и студенты-практиканты, он выезжал в с. Шушенское Минусинского округа Сибирского края. Материал об этой поездке опубликован в газете «Красное знамя», ежедневной газете Томского окружкома ВКП(б), окрисполкома и окрпрофбюро, за 29 октября 1929 г. Он свидетельствует о значительной работе, проделанной отрядом: «В село Шушенское с приездом отряда начался наплыв больных со всего Минусинского округа. Амбулаторные приемы с 50–70 человек в день возросли до 130–150 человек. Со 2 июля по 20 августа отрядом произведено более 150 операций. Открытый отрядом стационар работал с полной нагрузкой на 16 коек, проведя свыше 80 больных». Приобретенный опыт стал первым «в деле организации вузами в порядке соцсоревнования добровольных медицинских отрядов для обслуживания окраин» [1, с. 451; 2, с. 238; 3, с. 191; 14].

В период биографии, связанный с Томским университетом и сопутствовавшей врачебной практикой, началась научная деятельность Б. И. Фукса. Его первая научная работа – «О врожденных диафрагмальных грыжах» – была опубликована в 1924 г. (Известия Томского Государственного Университета. 1924. Т. 73). Труд «Анатомия гипоплазированной системы человека» был напечатан в Томске в 1928 г. (Известия Томского Государственного Университета. 1928. Т. 80). В конце 1920-х гг. его перевели и издали в Германии. В нем ученый предложил методику, позволившую впервые точно описать анатомию системы [1, с. 451; 2, с. 238; 3, с. 191; 8, л. 68; 15; 12, 15.09.2017].

В 1927 г. в Томске был создан Сибирский государственный институт для усовершенствования врачей. 15 января 1928 г. состоялось торжественное заседание Совета Государственного института для усовершенствования врачей с участием партийных, советских, профессиональных, общественных, научных и других организаций, которое было посвящено открытию института. Подобный институт стал третьим в РСФСР после уже действовавших в Ленинграде и Казани. (Прим. авторов: Ленинград – название Санкт-Петербурга в 1924–1991 гг.). С 1928 г. Б. И. Фукс состоял ассистентом клиники уха, горла, носа Сибирского

ГИДУВа по совместительству. Был избран профессором института в 1930 г. ГИДУВ перевели в Новосибирск в 1931 г., куда переехал и ученый. В указанном году институт стал его основным местом работы. Б. И. Фукс трудился профессором, заведующим кафедрой оперативной хирургии ГИДУВа (июнь 1931 г. – сентябрь 1935 г.). Переехал в Куйбышев в 1935 г. (*Прим. авторов:* Куйбышев – название Самары в 1935–1991 гг.). Б. И. Фукс стал доктором наук в 1935 г. Его диссертация посвящена гипофизарной системе человека [16, с. 3, 4; 1, с. 451; 2, с. 238; 3, с. 191; 8, л. 75 об., 77, 78, 151, 152].

Начиная с 1935 г. Б. И. Фукс прошел путь, связанный со сменой нескольких мест работы. Первоначально он являлся профессором, заведующим кафедрой общей хирургии Куйбышевского государственного медицинского института (сентябрь 1935 г. – июнь 1939 г.), затем был начальником кафедры общей хирургии, госпитальной хирургии Куйбышевской военно-медицинской академии РККА (июль 1939 г. – октябрь 1942 г.). Вступил в ряды Красной Армии в 1940 г. (*Прим. авторов:* Куйбышевский мединститут был реорганизован во 2-ю Военно-медицинскую академию, которую усилили кадрами Военно-медицинской академии Ленинграда, в 1939–1942 гг.). С ноября 1942 г. Б. И. Фукса перевели на должность профессора кафедры госпитальной хирургии Военно-медицинской академии Красной Армии им. С. М. Кирова (Ленинград), находившейся в эвакуации в Самарканде (Узбекистан). В июле 1944 г. он был демобилизован. Работал заместителем директора по научной части Куйбышевского областного научно-исследовательского института охраны материнства и детства (сентябрь 1944 г. – август 1945 г.). В августе 1945 г. призван на флот, являлся флагманским (главным) хирургом Тихоокеанского флота до демобилизации в апреле 1946 г. Демобилизованный подполковник медицинской службы Б. И. Фукс возвратился в Новосибирск, где в ГИДУВе возглавлял кафедру онкологии на протяжении ряда лет (июль 1946 г. – сентябрь 1951 г.). Согласно распоряжениям Совета Министров СССР от 19 октября 1950 г. № 16975-р и 10 апреля 1951 г. № 4833-р «О переводе Новосибирского института усовершенствования врачей в г. Сталинск» начал осуществляться перевод ГИДУВа в Кемеровскую область [8, л. 51, 75 об., 77–78, 151–152; 4, с. 118; 17, с. 206].

В Новосибирске напомнило о себе «белое прошлое» Б. И. Фукса. С апреля 1948 г. он состоял кандидатом в члены ВКП(б). 18 июня 1951 г. на открытом партийном собрании первичной партийной организации Сталинского ГИДУВа слушался вопрос о приеме Б. И. Фукса в члены ВКП(б). В качестве единственной претензии к ученому значились его мобилизация в армию А. В. Колчака и служба зауряд-врачом в Красноярске. Б. И. Фукс был принят в партию единогласным голосованием. Он являлся членом бюро парторганизации ГИДУВа в 1955–1956 гг. [5, с. 230; 18, л. 49, 49 об.; 8, л. 152].

В сентябре 1951 г. ГИДУВ переехал в Сталинск в соответствии с ранее принятыми решениями. (*Прим. авторов:* Сталинск – название Новокузнецка в 1932–1961 гг.). На новом месте размещения институт испытывал трудности с помещениями, оборудованием и инвентарем. Остро стояли кадровая проблема и проблема обеспечения сотрудников жильем. Новым местом жительства Бориса Ильича стал крупный промышленный кузбасский город. В первое время

пребывания в Сталинске он возглавлял кафедру онкологии ГИДУВа. С 1951 г. Б. И. Фукс руководил кафедрой хирургии института. (*Прим. авторов:* согласно заполненному Б. И. Фуксом в 1968 г. личному листку по учету кадров данную должность он занимал с апреля 1952 г.). По сведениям на 1 января 1952 г. на кафедре хирургии Сталинского ГИДУВа трудились пять человек: заведующий кафедрой (профессор), 3 ассистента и лаборант [17, с. 206–208; 18, л. 54–55; 8, л. 75 об., 76 об., 78, 152; 19, л. 3].

Процесс поступательного развития ГИДУВа на новом месте прервало «дело врачей» (1953 г.), ставшее завершающей акцией кампании по борьбе с космополитизмом. Кампания развернулась в СССР в 1949–1953 гг. и была направлена в первую очередь против еврейской интеллигенции. 13 января 1953 г. «Правда» опубликовала сообщение ТАСС «Арест группы врачей-вредителей». Публикация информировала об аресте виднейших советских медиков (большинство из которых были евреями), ставших участниками «террористической группы врачей, ставивших своей целью, путем вредительского лечения, сократить жизнь активным деятелям Советского Союза» и «наемными агентами у иностранной разведки». Идеологическое воздействие на массы усиливала передовая статья газеты «Подлые шпионы и убийцы под маской профессоров-врачей», призывавшая «покончить с ротозейством в наших рядах» [20; 21].

«Разоблачения» в столице повлекли за собой проверку и «чистку» кадров, аресты на местах. В январе, феврале и первой половине марта 1953 г. в Сталинском ГИДУВе дважды работала комиссия Министерства здравоохранения РСФСР, занимавшаяся проверкой деятельности учреждения и переаттестацией кадров доцентов и ассистентов, и бригада Кемеровского обкома КПСС. Сотрудникам института пришлось пережить проверку и «чистку» кадров. Было сфабриковано уголовное дело, затронувшее трех работников ГИДУВа [5, с. 230–231; 17, с. 208–209].

В отношении Б. И. Фукса во время «дела врачей» имелся ряд претензий. В служебно-производственной характеристике профессора от 20 января 1953 г., подписанной и. о. директора Сталинского ГИДУВа, профессором П. Т. Приходько и секретарем партбюро института В. А. Рогулиным, говорилось о случае смерти больного в хирургической клинике, руководимой Б. И. Фуксом. В связи с этим приказом по институту № 209 от 8 декабря 1952 г. на Бориса Ильича «было наложено взыскание за недостатки в организации лечебного дела в клинике». «Справка о работе Сталинского государственного института для усовершенствования врачей» (от 20 февраля 1953 г.), подготовленная бригадой обкома партии, содержит несколько обвинений в отношении ученого. Б. И. Фукс оказался среди «лиц, не внушающих политического доверия и не пригодных к научной и преподавательской работе». Причиной этого послужили купеческое происхождение, служба в армии А. В. Колчака, протекция лицам, зарекомендовавшим затем себя в институте с отрицательной стороны. Не обошлось и без обвинения в семейственности. Сын Б. И. Фукса, Б. Б. Фукс, работал в ГИДУВе ассистентом кафедры патологической анатомии. На заседании бюро Кемеровского обкома КПСС 18 марта 1953 г., где рассматривался вопрос «О недостатках в работе Сталинского государственного института для усовершенствования врачей», Б. И. Фукс был назван первым в числе работников института, «не внушающих поли-

тического доверия и имеющих крайне низкие показатели в учебной, научной и лечебной работе». В целом последовал вывод о комплектовании профессорско-преподавательского состава ГИДУВа «в основном по национальному признаку, родственными и приятельским связям» и присутствию в институте «обстановки, способствовавшей проявлению буржуазного национализма» [5, с. 230, 231; 17, с. 209; 8, л. 204, 205, 218; 22, л. 1, 2, 3–4; 23, л. 61, 62].

Тем временем началась фабрикация уголовного дела в отношении сотрудников ГИДУВа. Б. И. Фукс предполагался в качестве одного из фигурантов уголовного дела. Но спасительной для него стала болезнь. С 28 января 1953 г. Б. И. Фукс числился больным, а временное исполнение обязанностей заведующего кафедрой возлагалось на доцента М. П. Гуркову (приказ по институту № 25 от 30 января 1953 г.). 14 марта 1953 г. Управлением МГБ по Кемеровской области были арестованы А. Р. Розенберг, доктор медицинских наук, профессор, заведующий кафедрой микробиологии, И. И. Карцовник, доктор медицинских наук, профессор, заведующий кафедрой нервных болезней, М. В. Могилев, доктор медицинских наук, профессор, заведующий кафедрой акушерства и гинекологии. Они обвинялись как «участники еврейской буржуазно-националистической группы». К арестованным рассчитывали применить ст. 58-10 (ч. 2), 58-11 УК РСФСР. Статья 58-10 УК РСФСР карала за контрреволюционную пропаганду и агитацию (ч. 2 – за особо тяжкий вид преступления). Статья 58-11 УК РСФСР – за участие в контрреволюционной организации [5, с. 230–231; 24, с. 18; 25, л. 1, 2, 4–6, 7; 26, с. 73–75; 8, л. 217; 27, л. 34; 17, с. 209].

Реабилитация «врачей-вредителей» произошла в начале апреля 1953 г. Последовавшие события обусловили дальнейшие судьбы сотрудников ГИДУВа. 30 апреля 1953 г. было прекращено уголовное дело против А. Р. Розенберга, И. И. Карцовника, М. В. Могилева. Можно утверждать, что реабилитация столичных врачей помогла избежать новых арестов в институте, включая аресты Б. И. Фукса и его сына. Борис Ильич длительное время находился на больничном. С 11 апреля 1953 г. он вновь числился больным (приказ по институту № 103 от 15 апреля 1953 г.). Б. Б. Фукса уволили из Сталинского ГИДУВа во время «чистки» кадров. Б. Б. Фукс, кандидат медицинских наук, ассистент кафедры патологической анатомии, работавший в учреждении с августа 1951 г., с 1 января 1953 г. был переведен на должность ассистента кафедры акушерства и гинекологии. С 10 марта 1953 г. он был освобожден от работы «за отсутствием штатной должности по кафедре патологической анатомии». Отметим, что после завершения «дела врачей» ГИДУВ понес кадровые потери, обострившие уже имевшуюся сложную ситуацию с наличием кадров. Из положенных по штатному расписанию институту на 1953 г. 108 единиц профессорско-преподавательского состава имелось только 64 единицы, что соответствовало 59 % укомплектованности [5, с. 231; 28; 29; 25, л. 6; 27, л. 25, 59, 121; 30, л. 143, 150; 17, с. 209; 31, л. 3].

В связи с «делом врачей» Б. И. Фукс занял принципиальную позицию. Он изложил свое мнение на закрытом партсобрании первичной парторганизации института 10 апреля 1953 г., где обсуждалось постановление бюро Кемеровского обкома КПСС от 18 марта 1953 г. Борис Ильич сказал следующее: «С января по апрель был тяжело болен и вышел на

работу не потому, что выздоровел, а потому, что узнал о неполадках на кафедре. Совершенно непонятно, почему бюро обкома КПСС считает, что не заслуживает т. Фукс политического доверия. Почему такое решение принимается, не ставя об этом в известность коммуниста – Фукса? Четвертый десяток лет работает в вузах, работал в армии, но не знает за собой дел, за которые можно считать политически неблагонадежным. Плохая база клиники, недостатки в лечебной работе, но это не основание для выдвинутого обвинения». Б. И. Фукс предложил во избежание появления в институте «родственных связей» при проведении конкурса «лично знакомиться с товарищами, а не по документам». По поводу подбора кадров «по национальному признаку» он высказал точку зрения о необходимости открыто определить ответственного за проведение подобной политики и одновременно указал: «профессорский состав утверждается министерством». Впоследствии в характеристике Б. И. Фукса (от 25 февраля 1955 г.), подписанной директором ГИДУВа, профессором А. Н. Аравийским и секретарем парторганизации Р. И. Корелем, отмечалось, что при обсуждении профессор «не был самокритичным к недостаткам, отмеченным по кафедре хирургии» [32, л. 37, 38; 8, л. 191–191 об.; 5, с. 231].

После окончания «дела врачей» Б. И. Фукс вновь утверждался в должности заведующего кафедрой хирургии (в 1953 г.). Но еще определенное время с Бориса Ильича не были сняты обвинения политического характера. Только 4 сентября 1956 г. на заседании бюро Кемеровского обкома КПСС принято решение об отмене формулировки от 18 марта 1953 г. «не внушающие политического доверия» в отношении Б. И. Фукса, М. В. Могилева, А. Р. Розенберга «как неправильной». Но оставалось заключение о присутствии в ГИДУВе «семейственности» [5, с. 231; 8, л. 203, 204, 205; 33, с. 139–140].

Б. И. Фукс возглавлял кафедру хирургии Сталинского (Новокузнецкого) ГИДУВа в 1951–1973 гг. Под его руководством и при личном участии развивались грудная хирургия, онкология, урология, детская хирургия, анестезиология и реаниматология. В основном он занимался проблемами оперативного лечения онкологических заболеваний. Проводил исследования по морфологии и гистохимии соединительной ткани. По сведениям на 1968 г. в списке научных трудов Б. И. Фукса присутствовало 57 научных работ, включая 5 работ на английском и немецком языках. Борис Ильич мог читать специальную литературу на английском, немецком и французском языках. В его хирургической клинике сформировались профессора А. А. Червинский, В. Ф. Хоменко, С. З. Фрадкин, Я. Б. Юдин, Э. М. Перкин. Под научным руководством Б. И. Фукса было подготовлено 7 кандидатских и 4 докторских диссертации. Его ученики стали заведующими кафедрами в Новосибирске, Челябинске, Курске, Новокузнецке [34, с. 67; 1, с. 451; 2, с. 238; 3, с. 191; 8, л. 68–74, 75, 78, 79–81; 5, с. 231]. Достижения профессора получили высокую оценку: «Постоянным кредо Б. И. Фукса, унаследованным его учениками, было внедрение новых хирургических и диагностических технологий, улучшающих результаты рутинных методик. Среди них – разработка органосберегающих методов лечения язвенных болезней желудка и двенадцатиперстной кишки» [34, с. 67].

Б. И. Фукс разрабатывал методику новой операции для лечения язвенной болезни. 8 августа 1972 г. в газете

«Новокузнецкий рабочий» была опубликована статья о достижениях врача-хирурга и ученого: «Сейчас, когда в отечественной хирургии ваготомия обрела права гражданства, профессор Фукс и его ученики Э. М. Перкин и В. И. Козлов пошли дальше – они первыми в Советском Союзе теоретически разработали и осуществили на практике операцию «Проксимальная селективная ваготомия». При этой операции вместо обширной резекции желудка удаляется всего лишь одна пятая его часть. Проксимальная селективная ваготомия более надежно предотвращает возврат язвенной болезни желудка. Такие операции пока что делают только в клинике профессора Б. И. Фукса, и в них, пожалуй, наиболее полно выражены идеи, которым ученый посвятил свою деятельность, – идеи органосберегающей хирургии, то есть хирургии, целью которой является максимально возможное сохранение больного органа и возвращение ему прежних физиологических функций» [35; 36]. (Прим. авторов: но уже вскоре при операции проксимальной селективной ваготомии часть желудка не удаляли. Только находили и пересекали все тончайшие веточки вагуса (блуждающего нерва), идущие к секреторной области желудка. Операция полностью сохраняла желудок, но снижала секреторную функцию, в частности, секрецию соляной кислоты. Гиперсекреция была главной причиной язвы у людей определенных генетических типов).

Б. И. Фукс провел 80 подобных операций больным. Восемьдесят первым прооперированным пациентом профессора, что произошло в октябре 1973 г., стал его сын Борис Борисович, который еще в армии заболел тяжелой язвенной болезнью. Болезнь оказалась семейной: ею страдали Б. И. Фукс и два его брата [12, 15.09.2017]. (Прим. авторов: позднее подобные операции стали делать в Москве без ссылки на «первопроходчика»).

Врач-хирург, ученый и педагог был удостоен государственных наград. Б. И. Фукс награжден орденом Красной Звезды (1945 г.), медалями «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» (1946 г.), «За победу над Японией» (1946 г.), «Двадцать лет Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» (1965 г.), знаком «Отличнику здравоохранения» (1967 г.) [1, с. 451; 2, с. 238; 4, с. 120, 131; 5, с. 231; 8, л. 76 об.].

На сохранившейся до наших дней визитной карточке Б. И. Фукса указаны его служебный и домашний адреса. Служебный адрес: 654011, г. Новокузнецк-11, пр. Строителей, 3. Домашний адрес: 654007, г. Новокузнецк-7, пр. Metallургов, дом 34, кв. 73. Профессор имел домашний телефон: 4-20-97 [37].

Образ Б. И. Фукса будет неполным без воссоздания его личностных качеств. Врач-хирург общался с больными доброжелательно. Он не жалел себя, когда нужно было спасать людей. Обладая социалистическими убеждениями, никогда не брал денег за домашние приемы больных. Б. И. Фукс имел хорошие отношения с работавшими в ГИДУВе известными врачами-офтальмологами О. И. Шершевой и ее дочерью С. Ф. Шершевой. О. И. Шершевская, доктор медицинских наук, заведующая кафедрой глазных болезней института, упомянута в сохранившемся письме З. Л. Фукс и Б. И. Фукса от 15 июля 1973 г. [12, 27.09.2017; 38].

Имеются сведения о семье Б. И. Фукса. Его жена, Зинаида Львовна Фукс (1898–1976), получила высшее био-

логическое образование. Работала в Томске рыбоводом. Являлась ассистентом кафедры гистологии Новосибирского государственного медицинского института. Старший сын, Лев Борисович Фукс (1918–1996), офицер Советской Армии, выпускник артиллерийской академии, работал в Ленинграде [5, с. 231; 8, л. 76 об., 152; 12, 27.09.2017]. Младший сын, Борис Борисович Фукс, 1926 года рождения, – продолжатель дела отца и единомышленник. Б. Б. Фукс стал доктором медицинских наук, профессором, заслуженным деятелем науки Российской Федерации. Под влиянием отца иммунология опухолей стала главной темой исследований Б. Б. Фукса. В настоящее время он живет в г. Бостоне (США), иммунолог, биотехнолог [39, с. 82]. В соавторстве отец и сын подготовили монографию «Очерки морфологии и гистохимии соединительной ткани (после повреждения и при регенерации по каркасу)» [40]. Сын Бориса Борисовича, Александр Борисович Константинов, 1951 года рождения, – физик-вычислитель, проживает в США. Его внучка, Елена Александровна Константинова-Товер, 1975 года рождения, занимается вопросами искусственного интеллекта, проживает в США.

Опубликована информация о братьях Б. И. Фукса. Григорий (Гирш) Ильич Фукс (1894–1991) окончил Томский технологический институт (1921 г.). В 1938–1968 гг. заведовал кафедрой теоретической и общей теплотехники Томского политехнического института, затем являлся профессором кафедры. Защитил докторскую диссертацию в 1941 г. По данным на 1950 г. Самуил Ильич Фукс был врачом-хирургом в Свердловске [41, с. 192, 193; 4, с. 122; 5, с. 231–232]. (Прим. авторов: Свердловск – название Екатеринбурга в 1924–1991 гг.).

Б. И. Фукс умер 11 декабря 1973 г. в Новокузнецке по причине болезни сердца. Он вошел в историю медицины как ученый, которому принадлежит «видное место в отечественной хирургии», основоположник Новокузнецкой хирургической школы [1, с. 449; 13, с. 35; 4; 5, с. 232].

Борис Ильич Фукс (1897–1973) прошел путь от выпускника Томского университета до высококвалифицированного врача-хирурга, доктора медицинских наук, профессора. Страницы его биографии пришлось на сложные периоды Гражданской войны и сталинских репрессий. В годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Борис Ильич внес свой вклад в Победу над врагом. Его трудовая биография в первую очередь связана с Томским государственным университетом и Государственным институтом для усовершенствования врачей (Томск, Новосибирск, Сталинск (Новокузнецк)). Б. И. Фукс сочетал деятельность ученого, педагога и практикующего врача-хирурга, что обусловило его достижения и принесло заслуженное уважение коллег, учеников и пациентов.

Авторы статьи выражают благодарность профессору Кемеровского государственного университета Б. П. Невзорову за поданную идею для написания данной статьи и помощь в ее издании.

Литература

1. Некрылов С. А. Фукс Борис (Бер) Ильич (Ельич) // Фоминых С. Ф., Некрылов С. А., Берцун Л. Л., Литвинов А. В. Профессора Томского университета: биографический словарь. Т. 2. 1917–1945 / гл. ред. С. Ф. Фоминых. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1998. С. 449–451.
2. Некрылов С. А. Фукс Борис (Бер) Ильич (Ельич) // Фоминых С. Ф., Некрылов С. А., Грибовский М. В., Мендрин Г. И., Венгеровский А. И., Новицкий В. В. Профессора медицинского факультета Императорского (государственного) Томского университета – Томского медицинского института – Сибирского государственного медицинского университета (1878–2003): биографический словарь / гл. ред. С. Ф. Фоминых. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2004. Т. 2. С. 237–238.
3. Фукс Борис Ильич (Бер Ельич) // Томские профессора. Наука и образование в Томске: еврейский аспект: документально-биографический справочник / ред.-сост. В. Д. Юшковский. Томск: СК-С, 2009. С. 190–191.
4. Основоположник Новокузнецкой хирургической школы, профессор Борис Ильич Фукс // Колбаско А. В., Луцки А. А., Ольшанский Г. С. Новокузнецкий ГИУВ – гордость сибирского здравоохранения. Т. 2. Ректоры НГИУВа и ведущие ученые начального периода деятельности института в Кузбассе. 2-е изд., испр. и доп. Новокузнецк: Новокузнецкий государственный институт усовершенствования врачей Росздрава, 2011. С. 105–134.
5. Генина Е. С. Судьба колчаковского врача Б. И. Фукса при советской власти // Вестник Кемеровского государственного университета. 2015. № 2. Т. 6. С. 228–233.
6. Документы и материалы по истории вузовской науки и высшего образования в Томске // Томские профессора. Наука и образование в Томске: еврейский аспект: документально-биографический справочник / ред.-сост. В. Д. Юшковский. Томск: СК-С, 2009. С. 225–300.
7. Личное дело студента медицинского факультета Томского университета Бера Ельича Фукса // Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. Р-815. Оп. 2. Д. 5227.
8. Личное дело Фукса Бориса Ильича // Архив Новокузнецкого государственного института усовершенствования врачей (А НГИУВа). Отдел кадров.
9. ГАТО. Ф. Р-815. Оп. 1. Д. 545.
10. Некрылов С. А., Фоминых С. Ф. Саввин Витт Николаевич // Фоминых С. Ф., Некрылов С. А., Грибовский М. В., Мендрин Г. И., Венгеровский А. И., Новицкий В. В. Профессора медицинского факультета Императорского (государственного) Томского университета – Томского медицинского института – Сибирского государственного медицинского университета (1878–2003): биографический словарь / гл. ред. С. Ф. Фоминых. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2004. Т. 2. С. 127–128.
11. Свидетельство о браке (г. Сталинск. 4 августа 1955 г.) // Личный архив Б. Б. Фукса (г. Бостон, США).
12. Воспоминания Б. Б. Фукса (г. Бостон, США). 2017 // Личный архив Е. С. Гениной.
13. Некрылов С. А., Фоминых С. Ф. Мыш Владимир Михайлович // Фоминых С. Ф., Некрылов С. А., Грибовский М. В., Мендрин Г. И., Венгеровский А. И., Новицкий В. В. Профессора медицинского факультета Императорского (государственного) Томского университета – Томского медицинского института – Сибирского государственного медицинского университета (1878–2003): биографический словарь / гл. ред. С. Ф. Фоминых. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2004. Т. 2. С. 33–36.
14. Фукс Г. Медпомощь ТГУ окраинам Сибири // Красное знамя (Томск). 1929. 29 окт.
15. Фукс Б. Анатомия гипофизарной системы человека. Томск, 1928. 125 с.
16. Торжественное заседание Совета Государственного института для усовершенствования врачей в г. Томске с участием партийных, советских, профессиональных, общественных, научных и других организаций, посвященное открытию института. 15 января 1928 года: стенографический отчет. Томск: Издание изд-ва Том. гос. университета и Государственного института для усовершенствования врачей, 1928. 27 с.
17. Генина Е. С., Каймашникова Е. Б. Начало становления Сталинского (Новокузнецкого) государственного института для усовершенствования врачей (1951–1953 гг.) // Вестник Кемеровского государственного университета. 2013. № 2. Т. 3. С. 206–211.
18. Государственный архив Кемеровской области (ГАКО). Ф. П-1104. Оп. 1. Д. 20.
19. Государственный архив Кемеровской области в г. Новокузнецке (ГАКО (Н)). Ф. Р-204. Оп. 1. Д. 2а.
20. Арест группы врачей-вредителей // Правда. 1953. 13 янв.
21. Подлые шпионы и убийцы под маской профессоров-врачей // Правда. 1953. 13 янв.
22. ГАКО. Ф. П-75. Оп. 7. Д. 252.
23. ГАКО. Ф. П-75. Оп. 7. Д. 212.
24. 5810. Надзорные производства Прокуратуры СССР по делам об антисоветской агитации и пропаганде. Март 1953–1991: аннотированный каталог / под ред. В. А. Козлова и С. В. Мироненко; сост. О. В. Эдельман. М.: Международный Фонд «Демократия», 1999. 944 с.
25. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-8131. Оп. 31. Д. 37330.
26. Трайнин А., Меньшагин В., Вышинская З. Уголовный кодекс РСФСР. Комментарий / под ред. И. Т. Голякова. 2-е изд. М.: Юридическое издательство НКЮ СССР, 1944. 340 с.
27. Приказы ректора института по личному составу за 1953 год с № 1 по № 267 // А НГИУВа. Отдел кадров.
28. Сообщение Министерства внутренних дел СССР // Правда. 1953. 4 апр.
29. Советская социалистическая законность неприкосновенна // Правда. 1953. 6 апр.
30. Личное дело Фукса Бориса Борисовича // А НГИУВа. Отдел кадров.
31. ГАКО (Н). Ф. Р-204. Оп. 1. Д. 3.

32. ГАКО. Ф. П-1104. Оп. 1. Д. 26.
33. Коновалов А. Б. История Кемеровской области в биографиях партийных руководителей (1943–1991). Кемерово: Кузбассвуиздат, 2004. 491 с.
34. Новокузнецкий государственный институт усовершенствования врачей Министерства здравоохранения Российской Федерации: юбилейное издание, посвященное 75-летию ГИДУВа / ред. А. А. Луцки; сост. О. М. Галыгина, Л. И. Фойгт. Новокузнецк: Новокузнецкий ГИУВ, 2002. 136 с.
35. Фукс Б. И., Гетта А. И. Проксимальная селективная ваготомия // Хирургия (журнал имени Н. И. Пирогова). 1971. № 3.
36. Завгородний А. Живая вода // Новокузнецкий рабочий (Новокузнецк). 1972. 8 авг.
37. Визитная карточка Фукса Бориса Ильича // Личный архив Б. Б. Фукса (г. Бостон, США).
38. Письмо З. Л. Фуks и Б. И. Фуksа от 15 июля 1973 г. // Личный архив Б. Б. Фукса (г. Бостон, США).
39. Генина Е. С. Б. Б. Фуks: «дело врачей» в Сталинском ГИДУВе (1953 г.) // X чтения, посвященные памяти Р. Л. Яворского (1925–1995): сборник статей по материалам Всероссийской (с международным участием) научной конференции, г. Новокузнецк, 22–23 апреля 2014 г. / отв. ред. А. Н. Худолеев. Новокузнецк: МАОУ ДПО ИПК, 2014. С. 78–83.
40. Фуks Б. Б., Фуks Б. И. Очерки морфологии и гистохимии соединительной ткани (после повреждения и при регенерации по каркасу). Л.: Медицина, 1968. 216 с.
41. Фуks Григорий Ильич // Томские профессора. Наука и образование в Томске: еврейский аспект: документально-биографический справочник / ред.-сост. В. Д. Юшковский. Томск: СК-С, 2009. С. 192–193.

BIOGRAPHY OF SURGEON B. I. FUKS IN THE CONTEXT OF THE SOVIET ERA HISTORY

Elena S. Genina^{1, @1}, Boris B. Fuks^{2, @2}

¹ Kemerovo State University, 6, Krasnaya St., Kemerovo, Russia, 650000

² Enzyme Inc., 105 Spit Brook Rd Suite 8e Nashua, Boston, USA, NH 03062

@1 elena_genina@mail.ru

@2 foux2000@gmail.com

Received 03.10.2017. Accepted 09.11.2017.

Keywords: biography, the Soviet era, surgeon, Professor, Tomsk State University, State Institute for Advanced Training of Doctors, Siberia.

Abstract: The authors of this article aimed at reconstructing the biography of B. I. Fuks in the context of the history of the Soviet era and its most important events. Boris Ilyich (Ber Eljich) Fuks (1897–1973) was a Doctor of Medical Sciences, Professor, a surgeon, the founder of Novokuznetsk Surgical School. His scientific and pedagogical activity was primarily connected with the Tomsk State University and the State Institute for Advanced Training of Doctors, consistently located in Tomsk, Novosibirsk, Stalinsk (Novokuznetsk). The research is based on the documents found in the State Archives of the Russian Federation, the State Archives of Tomsk Region, the State Archives of Kemerovo Region, the State Archives of Kemerovo Region in Novokuznetsk, and the Archives of Novokuznetsk State Institute for Advanced Training of Doctors, and some publications in the central and local periodicals. The documents from the personal archive and memoirs of B. B. Fuks, the son of B. I. Fuks (Boston, USA), made up a separate important set of sources.

For citation: Genina E. S., Fuks B. B. Biografiia vracha-khirusga B. I. Fuksa v kontekste istorii sovetskoi epokhi [Biography of Surgeon B. I. Fuks in the Context of the Soviet Era History]. *Bulletin of Kemerovo State University*, no. 4 (2017): 36–45. DOI:10.21603/2078-8975-2017-4-36-45.

References

1. Nekrylov S. A. Fuks Boris (Ber) Il'ich (El'ich) [Fuks Boris (Ber) Ilyich (Elich)]. Fominykh S. F., Nekrylov S. A., Bertsun L. L., Litvinov A. V. *Professora Tomskogo universiteta. T. 2. 1917–1945* [Professors of Tomsk University. Vol. 2. 1917–1945]. Ed. Fominykh S. F. Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta, 1998, 449–451.
2. Nekrylov S. A. Fuks Boris (Ber) Il'ich (El'ich) [Fuks Boris (Ber) Ilyich (Elich)]. Fominykh S. F., Nekrylov S. A., Gribovskii M. V., Mendrina G. I., Vengerovskii A. I., Novitskii V. V. *Professora meditsinskogo fakul'teta Imperatorskogo (gosudarstvennogo) Tomskogo universiteta – Tomskogo meditsinskogo instituta – Sibirskogo gosudarstvennogo meditsinskogo universiteta (1878–2003)* [Professors of the Medical Faculty of the Imperial (State) Tomsk University – Tomsk Medical Institute – Siberian State Medical University (1878–2003)]. Ed. Fominykh S. F. Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta, vol. 2 (2004): 237–238.
3. Fuks Boris Il'ich (Ber El'ich) [Fuks Boris Ilyich (Ber Elich)]. *Tomskie professora. Nauka i obrazovanie v Tomske: evreiskii aspekt* [Tomsk professors. Science and Education in Tomsk: the Jewish Aspect]. Ed. And comp. Iushkovskii V. D. Tomsk: SK-S, 2009, 190–191.
4. Osnovopolozhnik Novokuznetskoi khirurgicheskoi shkoly, professor Boris Il'ich Fuks [The founder of the Novokuznetsk Surgical School, Professor Boris Ilyich Fuks]. Kolbasko A. V., Lutsik A. A., Ol'shanskii G. S. *Novokuznetskii GIUV – gordost'*

sibirskogo zdavookhraneniia. T. 2. Rektory NGIUva i vedushchie uchenye nachal'nogo perioda deiatel'nosti instituta v Kuzbasse [Novokuznetsk SEI is the pride of Siberian healthcare. Vol. 2. The rector of the NNSIA and the leading scientists of the initial period of the Institute's activity in Kuzbass]. 2nd ed. Novokuznetsk: Novokuznetskii gosudarstvennyi institut usovershenstvovaniia vrachei Roszdrava, 2011, 105–134.

5. Genina E. S. Sud'ba kolchakovskogo vracha B. I. Fuksa pri sovetskoi vlasti [The Destiny of Kolchak's Army Doctor B. I. Fuks in Soviet Times]. *Bulletin of Kemerovo State University*, 6, no. 2 (2015): 228–233.

6. Dokumenty i materialy po istorii vuzovskoi nauki i vysshego obrazovaniia v Tomske [Documents and materials on the history of university science and higher education in Tomsk]. *Tomskie professora. Nauka i obrazovanie v Tomske: evreiskii aspekt* [Tomsk professors. Science and Education in Tomsk: the Jewish Aspect]. Ed. And comp. Iushkovskii V. D. Tomsk: SK-S, 2009, 225–300.

7. Lichnoe delo studenta meditsinskogo fakul'teta Tomskogo universiteta Bera El'icha Fuksa [Personal file of the student of the medical faculty of the Tomsk University Ber Yelich Fuks]. *Gosudarstvennyi arkhiv Tomskoi oblasti (GATO)* [State Archives of the Tomsk Region]. Found R-815, List 2, File 5227.

8. Lichnoe delo Fuksa Borisa Il'icha [Fuks Boris Ilyich's Personal File]. *Arkhiv Novokuznetskogo gosudarstvennogo instituta usovershenstvovaniia vrachei (A NGIUva)* [Archive of the Novokuznetsk State Institute of Advanced Training of Doctors]. Human Resources Department.

9. *Gosudarstvennyi arkhiv Tomskoi oblasti* [State Archives of the Tomsk Region]. Found R-815, List 1, File 545.

10. Nekrylov S. A., Fominykh S. F. Savvin Vitt Nikolaevich [Savvin Witt Nikolayevich]. Fominykh S. F., Nekrylov S. A., Gribovskii M. V., Mendrina G. I., Vengerovskii A. I., Novitskii V. V. *Professora meditsinskogo fakul'teta Imperatorskogo (gosudarstvennogo) Tomskogo universiteta – Tomskogo meditsinskogo instituta – Sibirskogo gosudarstvennogo meditsinskogo universiteta (1878–2003)* [Professor of the Medical Faculty of the Imperial (State) Tomsk University – Tomsk Medical Institute – Siberian State Medical University (1878–2003)]. Ed. Fominykh S. F. Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta, vol. 2 (2004): 127–128.

11. Svidetel'stvo o brake (g. Stalinsk. 4 avgusta 1955 g.) [Certificate of Marriage (Stalinsk, August 4, 1955)]. *Lichnyi arkhiv B. B. Fuksa (g. Boston, SSHA)* [Personal Archives of B. B. Fuks (Boston, USA)].

12. Vospominaniia B. B. Fuksa (g. Boston, SSHA). 2017 [Memories of B. B. Fuks (Boston, USA). 2017]. *Lichnyi arkhiv E. S. Geninoi* [Personal archive of Genina E. S.].

13. Nekrylov S. A., Fominykh S. F. Mysh Vladimir Mikhailovich [Mysh Vladimir Mikhailovich]. Fominykh S. F., Nekrylov S. A., Gribovskii M. V., Mendrina G. I., Vengerovskii A. I., Novitskii V. V. *Professora meditsinskogo fakul'teta Imperatorskogo (gosudarstvennogo) Tomskogo universiteta – Tomskogo meditsinskogo instituta – Sibirskogo gosudarstvennogo meditsinskogo universiteta (1878–2003)* [Professor of the Medical Faculty of the Imperial (State) Tomsk University – Tomsk Medical Institute – Siberian State Medical University (1878–2003)]. Ed. Fominykh S. F. Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta, vol. 2 (2004): 33 – 36.

14. Fuks G. Medpomoshch' TGU okrainam Sibiri [Medical aid of the TSU to the outskirts of Siberia]. *Krasnoe znamia (Tomsk) = Red flag (Tomsk)*, 29 Oct. (1929).

15. Fuks B. *Anatomiia gipofizarnoi sistemy cheloveka* [Anatomy of the human pituitary system]. Tomsk, 1928, 125.

16. *Torzhestvennoe zasedanie Soveta Gosudarstvennogo instituta dlia usovershenstvovaniia vrachei v g. Tomske s uchastiem partiinykh, sovetskikh, professional'nykh, obshchestvennykh, nauchnykh i drugikh organizatsii, posviashchennoe otkrytiiu instituta. 15 ianvaria 1928 goda* [Solemn meeting of the Council of the State Institute for the improvement of doctors in Tomsk with the participation of party, soviet, professional, public, scientific and other organizations, dedicated to the opening of the institute. January 15, 1928]. Tomsk: Izdanie izd-va Tom. gos. universiteta i Gosudarstvennogo instituta dlia usovershenstvovaniia vrachei, 1928, 27.

17. Genina E. S., Kaimashnikova E. B. Nachalo stanovleniia Stalinskogo (Novokuznetskogo) gosudarstvennogo instituta dlia usovershenstvovaniia vrachei (1951–1953 gg.) [The Start of Establishing Stalinsk (Novokuznetsk) State Medical Refereshen Institute (1951–1953)]. *Bulletin of Kemerovo State University*, 3, no. 2 (2013): 206–211.

18. *Gosudarstvennyi arkhiv Kemerovskoi oblasti (GAKO)* [State Archive of the Kemerovo Region]. Found P-1104, List 1, File 20.

19. *Gosudarstvennyi arkhiv Kemerovskoi oblasti v g. Novokuznetske (GAKO (N))* [State Archive of the Kemerovo Region in Novokuznetsk]. Found R-204, List 1, File 2a.

20. Arest gruppy vrachei-vrediteli [Arrest of a group of pests]. *Pravda = True*, Jan. 13 (1953).

21. Podlye shpiony i ubiitsy pod maskoi professorov-vrachei [The vile spies and murderers under the mask of professors-doctors]. *Pravda = True*, Jan. 13 (1953).

22. *Gosudarstvennyi arkhiv Kemerovskoi oblasti* [State Archive of the Kemerovo Region]. Found P-75, List 7, File 252.

23. *Gosudarstvennyi arkhiv Kemerovskoi oblasti* [State Archive of the Kemerovo Region]. Found P-75, List 7, File 212.

24. 5810. *Nadzornye proizvodstva Prokuratury SSSR po delam ob antisovetskoi agitatsii i propagande. Mart 1953–1991* [5810. Supervisory proceedings of the USSR Procuracy on cases of anti-Soviet agitation and propaganda. March 1953–1991]. Ed. Kozlov V. A., Mironenko S. V. Comp. Edel'man O. V. Moscow: Mezhdunarodnyi Fond «Demokratiia», 1999, 944.

25. *Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii (GARF)* [State Archives of the Russian Federation]. Found R-8131, List 31, File 37330.

26. Trainin A., Men'shagin V., Vyshinskaia Z. *Ugolovnyi kodeks RSFSR. Kommentarii* [State Archives of the Russian Federation]. Ed. Goliakov I. T. 2nd ed. Moscow: Iuridicheskoe izdatel'stvo NKIu SSSR, 1944, 340.

27. Prikazy rektora instituta po lichnomu sostavu za 1953 god s № 1 po № 267 [Orders of the Rector of the Institute for Personnel for 1953 from No. 1 to No. 267]. *Arkhiv Novokuznetskogo gosudarstvennogo instituta usovershenstvovaniia vrachei* [Archive of the Novokuznetsk State Institute of Advanced Training of Doctors]. Human Resources Department.
28. Soobshchenie Ministerstva vnutrennikh del SSSR [Report of the Ministry of Internal Affairs of the USSR]. *Pravda = True*, Apr. 4 (1953).
29. Sovetskaiia sotsialisticheskaia zakonnost' neprikosnovenna [Soviet socialist legality is inviolable]. *Pravda = True*, Apr. 6 (1953).
30. Lichnoe delo Fuksa Borisa Borisovicha [Fuks Boris Borisovich's Personal File]. *Arkhiv Novokuznetskogo gosudarstvennogo instituta usovershenstvovaniia vrachei* [Archive of the Novokuznetsk State Institute of Advanced Training of Doctors]. Human Resources Department.
31. *Gosudarstvennyi arkhiv Kemerovskoi oblasti v g. Novokuznetske* [State Archive of the Kemerovo Region in Novokuznetsk]. Found R-204, List 1, File 3.
32. *Gosudarstvennyi arkhiv Kemerovskoi oblasti* [State Archive of the Kemerovo Region]. Found P-1104, List 1, File 26.
33. Konovalov A. B. *Istoriia Kemerovskoi oblasti v biografiakh partiinykh rukovoditelei (1943–1991)* [History of the Kemerovo region in the biographies of party leaders (1943–1991)]. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 2004, 491.
34. *Novokuznetskii gosudarstvennyi institut usovershenstvovaniia vrachei Ministerstva zdavookhraneniia Rossiiskoi Federatsii: iubileinoe izdanie, posviashchennoe 75-letiiu GIDUVa* [Novokuznetsk State Institute for Advanced Training of Doctors of the Ministry of Health of the Russian Federation: an anniversary edition dedicated to the 75th anniversary of HYDV]. Ed. Lutsik A. A. Comp. Galygina O. M., Foigt L. I. Novokuznetsk: Novokuznetskii GIUV, 2002, 136.
35. Fuks B. I., Getta A. I. Proksimal'naia selektivnaia vagotomiia [Proximal selective vagotomy]. *Khirurgiia (zhurnal imeni N. I. Pirogova) = Surgery (journal named after Pirogov N. I.)*, no. 3 (1971).
36. Zavgorodnii A. Zhivaia voda [Living Water]. *Novokuznetskii rabochii (Novokuznetsk) = Novokuznetsk Worker (Novokuznetsk)*, 8 Aug. (1972).
37. Vizitnaia kartochka Fuksa Borisa Il'icha [The card of Fuks Boris Ilyich]. *Lichnyi arkhiv B. B. Fuksa (g. Boston, SShA)* [Personal Archives of B. B. Fuks (Boston, USA)].
38. Pis'mo Z. L. Fuks i B. I. Fuksa ot 15 iulia 1973 g. [Letter from Fuks Z. L. and Fuks B. I. on July 15, 1973]. *Lichnyi arkhiv B. B. Fuksa (g. Boston, SShA)* [Personal Archives of B. B. Fuks (Boston, USA)].
39. Genina E. S. B. B. Fuks: «delo vrachei» v Stalinskom GIDUve (1953 g.) [B. B. Fuks: «The Doctors' Case» in Stalin's GIDUV (1953)]. *Xchteniia, posviashchennye pamiati R. L. Iavorskogo (1925–1995): sbornik statei po materialam Vserossiiskoi (s mezhdunarodnym uchastiem) nauchnoi konferentsii, g. Novokuznetsk, 22–23 apreliia 2014 g.* [X readings dedicated to the memory of Yavorsky R. L. (1925–1995): Proc. All-Russian (with Intern. participation) Sc. Conf., Novokuznetsk, April 22–23, 2014]. Ed. Khudoleev A. N. Novokuznetsk: MAOU DPO IPK, 2014, 78–83.
40. Fuks B. B., Fuks B. I. *Ocherki morfologii i gistokhimii soedinitel'noi tkani (posle povrezhdeniia i pri regeneratsii po karkasu)* [Sketches of morphology and histochemistry of connective tissue (after injury and regeneration on the framework)]. Leningrad: Meditsina, 1968, 216.
41. Fuks Grigory Il'ich [Fuks Gregory Ilyich]. *Tomskie professora. Nauka i obrazovanie v Tomske: evreiskii aspekt* [Tomsk professors. Science and Education in Tomsk: the Jewish Aspect]. Ed. And comp. Iushkovskii V. D. Tomsk: SK-S, 2009, 192–193.

УДК 94; 340.5

ЗАЧЕМ КУПЦАМ В ТРАДИЦИОННОМ КИТАЕ НУЖНА БЫЛА УЧЕНАЯ СТЕПЕНЬ?

Александр В. Даньшин^{1, @}

¹ Кемеровский институт (филиал) Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова, Россия, 650992, г. Кемерово, пр. Кузнецкий, 39

@ danschin.garant2013@yandex.ru

Поступила в редакцию 30.06.2017. Принята к печати 17.10.2017.

Ключевые слова: традиционный Китай, купечество, конфуцианство, государственные экзамены, учёная степень, *шэньши*.

Аннотация: В статье исследуется проблема участия купечества традиционного Китая в специальных экзаменах, дающих право на работу в органах государственной власти. Автор ставит задачу выяснить причины запрета на участие в них купечества, в то время как такая возможность была даже у ремесленников и крестьян. В связи с предоставлением им затем такого права раскрываются причины появления среди купцов большого количества желающих пройти эти сложные испытания, несмотря на большие материальные и моральные издержки, а также отсутствие даже в случае блестящего результата каких-либо гарантий стать чиновником. Автор делает вывод, что для большинства из них основной целью был не чиновничий пост, а получение ученой степени, что позволяло им войти в ряды привилегированного учёного сословия *шэньши* (绅士) и, став частью политической элиты китайского общества, иметь больше возможностей для развития их торгового бизнеса.

Для цитирования: Даньшин А. В. Зачем купцам в традиционном Китае нужна была ученая степень? // Вестник Кемеровского государственного университета. 2017. № 4. С. 46–50. DOI:10.21603/2078-8975-2017-4-46-50.

Одним из наиболее значительных достижений китайской цивилизации, которое считают «важнейшим вкладом Китая в мировую культуру, повлиявшим на западную государственность» [1, с. 146], был институт специальных экзаменов *кэцзюй* (科舉) по отбору кандидатов для работы в органах государственной власти. Хорошо известно, что в этих экзаменах имели право принимать участие даже представители низших сословий, в том числе ремесленники (*гун* 工) и крестьяне (*нун* 农). Однако множество правовых и социальных барьеров, возникающих на пути простолюдина (*сяоминь* 小民) к заветной чиновничьей должности, делали это право во многих случаях лишь призрачной мечтой. К экзаменам не допускали буддийских и даосских монахов и так называемый «подлый люд» (*цзяньжэнь* 贱人), в том числе прислугу и актёров. Хотя официального запрета никогда не существовало, экзамены не могли также сдавать женщины, кроме известных из художественной литературы случаев, когда им удавалось выдать себя за мужчин [2, р. 240–241]. До XIV в. в экзаменах запрещено было участвовать и купцам (*шан* 商), а также их сыновьям и внукам, даже если они никогда не занимались торговой деятельностью. Объяснялось это тем, что, постоянно путешествуя по стране, они не могли должным образом выполнять свои сыновние обязанности, что противоречило одному из важнейших принципов конфуцианства [3, р. 239]. Кроме этого, любой чиновник в соответствии с классическим представлением конфуцианцев о «совершенном муже» (*цзюньцзы* 君子) должен обладать такими качествами, как честность и благородство, умеренность и скромность, почтительность и искренность, которых не могло быть у купцов. Именно купечество, по мнению конфуцианских авторов, представляло наибольшую опасность для установленного в стране порядка, поскольку вся их жизнь направлена на приобретение материальных благ, а не на морально-этическое совершен-

ствование, к чему должен стремиться каждый государственный служащий. Подобной точки зрения придерживались и основатели легизма. Купечество, по их мнению, показывало населению дурной пример общественного продвижения, основанного не на достижениях в военной или гражданской службе, а на простом обогащении. Именно в деятельности купцов, считали они, с такой же неизбежностью, «как поток воды устремляется лишь вниз, а не в разные стороны», наиболее ярко проявляются стремления большинства людей к богатству и знатности, «которые угасают лишь тогда, когда захлопывается крышка гроба» [4, с. 209, 228]. Неприязнь к купцам, которые «способны за один день заработать столько, что могут жить на это в течение года, тогда как крестьянин, трудясь непрерывно весь год, все равно не может себя обеспечить» [5, р. 66], создавало в обществе потенциальную опасность социального взрыва. Чтобы избежать его, и легисты и конфуцианцы призывали правителей поддерживать «основное занятие» (земледелие) и ограничивать «второстепенное» (торговлю). Для последователей Конфуция примером в этом были правители династии Хань (206 г. до н. э. – 220 г. н. э.), запрещавшие представителям купеческого сословия занимать государственные должности и участвовать в экзаменах [6, р. 105; 7, р. 151, note 159].

Однако уже при династии Тан (618–907 гг.) становится популярной другая конфуцианская идея, которая говорит о необходимости привлечения на государственную службу людей, образованных и талантливых, независимо от их социального происхождения и рода занятий. Известный танский философ Лю Цзунюань (773–819 гг.) в одном из своих эссе подчеркнул, что торговля может быть не только выгодной, но и нравственно приемлемой, если лишена нечестной конкуренции и близорукой мелочной жадности, что нередко можно встретить и среди чиновников [5, р. 93–94]. С конфуцианских позиций купцов защитил также крупный государственный

деятель Бо Цзюйи (772–846 гг.), поддерживав тех губернаторов, которые в списки кандидатов на сдачу экзаменов включили сыновей и внуков купцов. В ответ на сомнения в законности таких действий он писал: «Экзаменационная система направлена на отбор исключительно мудрых и добродетельных мужчин. Разве можно отказываться от наиболее талантливых кандидатов только на основании их происхождения! Если единственное препятствие [в отношении торговцев] состоит в том, что они являются мелкими и низкими, как Вы можете отклонить того, кто может оказаться наилучшим и выдающимся? Если бы Вы нашли золотой самородок среди груды щебня, то навряд ли отказались бы подобрать его только потому, что этот кусок золота смешан с дешёвым материалом? Если бы Вы обнаружили в глубоком горном ущелье благородную сосну, то навряд ли побрезговали ею только потому, что место, где она выросла непритязательно и скромно? Единственное разумное соображение должно заключаться в том, чтобы отобранные [для государственной службы] люди были самыми достойными» [5, р. 90].

Начиная с X в. в виде исключения купцов стали допускать к экзаменам, оговаривая, однако, их участие особыми условиями. Одним из таких условий являлось, например, проведение для них испытаний уже после официального завершения экзаменов [6, р. 70, note 60], если оставались незаполненными вакансии, где требовались знания и опыт купцов. Хотя основными в экзаменационных билетах были вопросы на знание собранных в «Пятикнижии» («У-цзин» 五經) и «Четырёхкнижии» («Сы-шу» 四書) классических конфуцианских текстов, специально для купечества включали вопросы, посвящённые организации доставки товаров в отдалённые районы страны, а также обеспечения деятельности рынков и таможенных пунктов [2, р. 41–43; 6, р. 62]. Запрет на участие купечества в государственных экзаменах был официально снят только в период династии Мин (1368–1644 гг.), которая установила, однако, для этого сословия специальные квоты. Первоначально размер этих квот составлял не более 0,5 % от общего количества лиц, рекомендованных местными властями к прохождению экзаменов, постепенно достигнув к XVIII в. своего максимума в 10 % [2, р. 252; 3, р. 23]. Этими квотами мог воспользоваться далеко не каждый желающий, поскольку глубокое изучение классических конфуцианских текстов требовало опытных учителей, нанять которых могли лишь самые состоятельные купеческие семьи. Но даже они вынуждены были создавать для этого специальные образовательные фонды, куда привлекались материальные ресурсы всего клана. В корпоративном кодексе одного из крупных семейных кланов сунского периода отдельным пунктом закреплялось, что «если кто-то из молодых членов клана решит принять участие в [государственных] экзаменах, на поездку ему должно быть выплачено 10 тыс. монет, ...которые должны быть собраны путём уменьшения месячной доли риса каждого члена клана» [7, р. 11].

Несмотря на возможность официальной покупки государственных должностей, что могло себе позволить богатое купечество, в общественном сознании закрепилось мнение, что наиболее престижным и самым справедливым путём поступления на государственную службу является участие в экзаменах, чему способствовал чрезвычайно строгий порядок их проведения, практически полностью исключающий возможность подкупа, протекции или списывания. Место

проведения экзамена полностью изолировалось от внешнего мира, и любые попытки организаторов или участников экзаменационных испытаний общения с внешним миром строго наказывались. Даже в случае смерти кого-либо из организаторов или участников экзаменационных испытаний труп просто-напросто перебрасывали родственникам умершего через стену, а в случае пожара охрана не имела даже права пропустить пожарных, что приводило к гибели большого числа людей [2, р. 180]. За использование шпаргалок Уголовным кодексом династии Мин (*Да Мин люй* 大明律) предусматривалось ношение в течение месяца тяжёлой шейной колодки [8, с. 72–73], а чиновник периода империи Цин за получение на экзамене взятки мог быть приговорён к смертной казни [2, р. 202–204, 224]. Эти жестокие меры, а также частые неудачи на экзаменах не останавливали желающих добиться своей заветной цели. В «Неофициальной истории конфуцианства» приводится случай, когда один человек более двадцати раз пытался сдавать экзамены, на подготовку к которым он потратил тридцать пять лет своей жизни [9, с. 56].

В то же время даже блестящие результаты экзаменов не гарантировали поступления на государственную службу, поскольку количество людей с учеными степенями всегда было значительно больше числа освобождающихся вакансий. В период династии Сун (960–1279 гг.), например, шанс дожидаться назначения на государственную должность для тех, кто успешно выдержал экзамены, составлял примерно один из восьмисот. У купцов же этот шанс был еще меньше. Однако число желающих принять участие в государственных экзаменах постоянно увеличивалось, достигнув в эпоху династий Мин и Цин 1–2 миллионов человек в год, что составило 3–5 % всего мужского населения страны, доходя в отдельных регионах до 10 % [10, р. 164–165].

Если перспектива стать чиновником мало интересовала большинство китайских купцов, то ради чего тогда они тратили большие усилия для подготовки к экзаменам, и зачем им нужна была учёная степень? Может быть, труды конфуцианских учёных были для купцов более полезными, чем пользующиеся среди них большей популярностью различные практические пособия по ведению торговли [11, с. 174] и кодексы их корпоративной этики [12, с. 134–135]? Конечно, это не так. Наличие учёной степени прежде всего открывало для купца перспективу более успешного развития не только его личного бизнеса, но и экономики всего семейного клана. При фактическом отсутствии в традиционном Китае законодательного регулирования договорных отношений наличие у купца учёной степени являлось важным фактором доверия к нему со стороны коммерческих партнеров и серьёзным гарантом обеспечения двухсторонних торговых обязательств. Кроме этого, помимо материальной выгоды, не менее важным стимулом, заставлявшим купечество готовить к участию в государственных экзаменах своих кандидатов и тратить на это немалые средства, являлось стремление войти в ряды привилегированного учёного сословия *шэньши* (紳士) и стать таким образом частью культурной и политической элиты китайского общества со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Поскольку одним из определяющих признаков *шэньши* являлось наличие учёной степени, данное обстоятельство, по мнению Макса Вебера, делало это сословие похожим на российское дворянство после реформ Петра I [13, S. 621].

Получив даже самую низшую учёную степень *сюцай* (秀才), китайское купечество освобождалось от воинской службы, обязательных общественных работ и ряда налогов, а также телесных наказаний. Не менее существенным было для них также право носить одежду из шелка, ездить верхом на лошадях, пользоваться паланкином и иметь дом со специальными украшениями, что разрешалось лицам более высокого социального положения, чем купцы. Если этим правом пользовался тот из купцов, кто не участвовал в экзаменах или провалил их, то он подвергался наказанию от 40 до 100 ударов бамбуковыми палками [8, р. 137–151]. Кроме этого, купцов-*шэньши* власти назначали на должности региональных служащих, доверяя им организацию ирригационных работ, обеспечение правил рыночной торговли, сбор торговых пошлин, надзор за соблюдением государственных стандартов качества товаров и эталонных мер веса, объема и длины, обеспечение государственной ценовой политики и антимонопольного законодательства и др. [14, р. 59–66]. Если купцы, успешно сдавшие экзамены, не получали никакой должности, им нередко достаточно было почёта и уважения односельчан, членов своего клана или коммерческой организации, а также особого отношения к ним со стороны местных властей, от произвола которых купцы-*шэньши* были защищены лучше других. Вот, например, что говорит один из героев знаменитого романа XVIII в. известного писателя-сатирика У Цзин-цзы «Неофициальная история конфуцианцев» о тех, кто имеет какую-нибудь учёную степень: «Любой *цзюйжэнь* или *цзиньши* стоит на равной ноге с начальником округа или уезда и может прийти к ним с любой просьбой, а те не вправе отказать», любая же попытка «человека никогда не сдававшего экзаменов, отправить свою карточку к начальнику уезда или идти к нему с визитом», скорее всего, привела бы к тому, что он «мог бы своими руками вытолкать его вон» [9, с. 512].

В условиях глубочайшего социального кризиса, охватившего страну накануне антиманьчжурского народного восстания 1905–1910 гг., цинское правительство отказалось от системы единых государственных экзаменов, назвав её одним из многих бесполезных «традиционных предрассудков». Однако так считали далеко не все. Ещё в XVII–XVIII вв., когда сведения об этой уникальной экзаменационной системе проникли в Европу через посетивших Поднебесную итальянских, английских и французских купцов и миссионеров, её высоко оценили и использовали затем для подобного опыта в ряде европейских стран [15, с. 153]. Одним из первых на эту систему обратил внимание Адам Смит, который в своей книге «Исследование о природе и причинах богатства народов» предложил ввести в Англии подобные экзамены, по результатам которых и проводить назначения чиновников. К середине XIX в. такая практика появилась в ряде европейских странах, в связи с чем первый президент Китайской республики Сунь Ятсен

написал в своём «Плане реконструкции страны»: «Хотя «экзаменационная система в западных странах скопирована, в основном с Англии..., но когда мы смотрим ещё далее в историю, то видим, что государственная служба Англии была скопирована с Китая. У нас есть очень серьёзное основание полагать, что китайская экзаменационная система была самой ранней и наиболее продуманной системой в мире» [цит. по: 16, р. 32].

С 2003 г. к этой системе вернулись в Китайской Народной Республике. Причем, как и много веков назад, перед властями встал вопрос об участии в экзаменах представителей различных социальных слоев. И если сначала это участие было ограничено, то с 2010 г. специальным правительственным постановлением к экзаменам допустили рабочих и крестьян. В связи с этим уже на следующий год в государственных экзаменах приняли участие более 1 млн. человек, 90 % которых являлись выходцами из простых семей и, как было официально заявлено, именно они должны занять около 99 % всех объявленных в стране вакансий. Это решение явилось одним из очередных шагов китайского руководства по реформированию механизма государственного управления с использованием исторического опыта традиционного Китая, в котором содержатся «скрытые механизмы..., лежащие в основе достигнутых в политической, экономической и социальной сфере успехов» [17, с. 6]. Возвращение в современном Китае к набору на государственную службу через систему единых общегосударственных экзаменов говорит о сохранившемся представлении о них как об одном из эффективных способов сохранения в обществе социальной стабильности. Безусловно, установленная в КНР с 2015 г. уголовная ответственность за использование на государственных экзаменах шпаргалок, предусматривающая за это от трёх до семи лет лишения свободы [18], направлена не только на обеспечение высокого качества подготовки молодых специалистов, которым предстоит работать в политической, экономической и научной сферах страны, но в неменьшей степени и на укрепление этой стабильности.

На решение этой задачи была в конечном счёте направлена и политика китайского руководства много столетий назад, когда средний класс китайского общества был допущен к государственным экзаменам и получению учёной степени. Начав так необходимую тогда для традиционного китайского общества ротацию правящей элиты, в состав которой вошли наиболее талантливые и образованные представители непривилегированных сословий, в том числе купцы, китайское правительство получало в их лице широкую базу для укрепления политического и культурного единства Китая. Купцам же наличие учёной степени нужно было, прежде всего, для обеспечения более успешного развития их торгово-экономической деятельности.

Литература

1. Кроль Ю. Л. Некоторые вопросы исследования феномена бюрократии в старом Китае и перевода соответствующих административных терминов (в связи с выходом в свет монографии В. М. Рыбакова «Танская бюрократия») // Письменные памятники Востока. 2010. № 2. С. 146–168.
2. Elman B. A. A Cultural History of Civil Examinations in Late Imperial China. Berkeley, Los Angeles, London: University of California Press, 2000. 847 p.
3. Eberhard Wolfram. Social Mobility in Traditional China. Leiden, 1962. 302 p.
4. Книга правителя области Шан (Шан Цзюнь Шу) / пер. с китайского Л. С. Переломова. М.: Ладомир, 1993. 392 с.

5. Twitchett D. C. Merchant, Trade and Government in Late T'ang // *Asia Major*. Vol. XIV. Part 1. 1968. P. 63–95.
6. Kracke E. A. Civil Service in Early Sung China (960–1067). Cambridge (Mass.), 1953. 249 p.
7. Twitchett D. C. Documents of Clan Administration: 1, The Rules of Administration of the Charitable Estate of the Fan Clan. Annotated translation of the *I-chuang kuey-chu* // *Asia Major*. Vol. 8. Part 1. 1960. P. 1–35.
8. Законы Великой династии Мин со сводным комментарием и приложением постановлений (Да Мин люй цзи фу ли): В 2-х частях / перевод с китайского, исследование, примечание и приложения Н. П. Свистуновой. М.: Восточная литература, 2002. Ч. 2. 408 с.
9. У Цзин-цзы. Неофициальная история конфуцианцев. Пер. с китайского, предисловие и послесловие Д. Воскресенского. М.: Гудьял-пресс, 1999. 640 с.
10. Bol P. K. The Sung Examination System and the *Shih*. Review Article // *Asia Major*. 1990. Vol. 3. Part 2. P. 149–170.
11. Рысакова П. И. «Купеческие книги» (*шанжэньшю*) и «повседневные энциклопедии» (*жунлэйшю*) как учебные пособия в позднеимператорском Китае // *Азия и Африка в меняющемся мире: XXVIII Международная научная конференция по источниковедению и историографии стран Азии и Африки*. Санкт-Петербург (22–24 апреля 2015). Отв. ред. Н. Н. Дьяков, А. С. Матвеев. СПб.: НП-Принт, 2015. С. 175–176.
12. Даншин А. В. Кодексы профессиональной этики купечества как источник торгового права традиционного Китая // *Вестник Томского государственного университета. Право*. 2013. № 2(8). С. 131–137.
13. Weber M. *Wirtschaft und Gesellschaft. Grundriss der Sozialökonomik*. Abteilung III. Tübingen, 1922. 864 S. Режим доступа: <http://archive.org/stream/wirtschaftundges00webuoft#page/708/mode/2up> (дата обращения: 15.09.2016).
14. Ch'u Tung-tsu. *Law and Society in Traditional China*. Paris, 1961. 304 p.
15. Духовная культура Китая: энциклопедия: в 5 т. Т. 4: Историческая мысль, политическая и правовая культура / гл. ред. М. Л. Титаренко. М.: Восточная литература, 2009. 935 с.
16. Berkelhach van der Sprenkel Otto P. N. The Chinese Civil Service // *East Asian History*. 1996. № 11. P. 17–32.
17. Трошинский П. В. Правовая система Китая. М.: Институт Дальнего Востока Российской академии наук, 2016. 471 с.
18. Мануков С. Уроки китайской грамоты: семь лет за шпаргалку // *Коммерсантъ*. 31.05.2017. Режим доступа: <http://spb.media/text/uroki-kitayskoy-gramoty-sem-let-za-shpargalku> (дата обращения: 10.07.2017).

WHY DID MERCHANTS IN TRADITIONAL CHINA NEED AN ACADEMIC TITLE?

Alexandr V. Danshin^{1, @}

¹ Plekhanov Russian University of Economics (Kemerovo branch), 39, Kuznetsky Ave., Kemerovo, Russia, 650992
@danshin.garant2013@yandex.ru

Received 30.06.2017. Accepted 17.10.2017.

Keywords: China, merchants, Confucianism, state exams, degree, *shēnshih*.

Abstract: The article explores the issue of participation of the traditional China merchant class in special examinations that gave the right to work in the state authorities. The author's aim was to find the answer to the following question: why were merchants banned from the exams, whereas artisans and peasants were granted this opportunity. When they were finally given such an option, it immediately resulted in a huge wave of applicants willing to pass the difficult test, despite its great material and moral costs and the fact that there was no guarantee that the applicant could ever become a government official to become officials, even if they passed the ordeal with flying colors. The author concludes that for most of the applicants the main purpose was not the bureaucratic post itself but the degree that allowed them to enter the ranks of the privileged scholar class *shēnshih* (绅士) and become part of the political elite of Chinese society, which gave them more opportunities to develop their trading business.

For citation: Danshin A. V. Zachem kuptsam v traditsionnom Kitae nuzhna byla uchenaia stepen'? [Why did Merchants Traditional China Need an Academic Title?]. *Bulletin of Kemerovo State University*, no. 4 (2017): 46–50. DOI:10.21603/2078-8975-2017-4-46-50.

References

1. Krol' Iu. L. Nekotorye voprosy issledovaniia fenomena biurokratii v starom Kitae i perevoda sootvetstvuiushchikh administrativnykh terminov (v sviazi s vykhodom v svet monografii V. M. Rybakova «Tanskaia biurokratiia») [Some questions of study of the phenomenon of bureaucracy in ancient China and the translation of relevant administrative terms (in connection with the publication of a monograph by V. M. Rybakov «The T'ang bureaucracy»)]. *Pis'mennye pamiatniki Vostoka = Written monuments of the East*, no. 2 (2010): 146–168.

2. Elman B. A. *A Cultural History of Civil Examinations in Late Imperial China*. Berkeley, Los Angeles, London: University of California Press, 2000, 847.
3. Eberhard Wolfram. *Social Mobility in Traditional China*. Leiden, 1962, 302.
4. *Kniga pravitel'ia oblasti Shan (Shan Tsziun' Shu)* [The book of Governor of region Shang (Shang Jun Shu)]. Trans. Perelomov L. S. Moscow: Ladomir, 1993, 392.
5. Twitchett D. C. Merchant, Trade and Government in Late T'ang. *Asia Major*, vol. XIV, part 1 (1968): 63–95.
6. Kracke E. A. *Civil Service in Early Sung China (960–1067)*. Cambridge (Mass.), 1953, 249.
7. Twitchett D. C. Documents of Clan Administration: 1, The Rules of Administration of the Charitable Estate of the Fan Clan. Annotated translation of the *I-chuang kuey-chu*. *Asia Major*, vol. 8, part 1 (1960): 1–35.
8. *Zakony Velikoi dinastii Min so svodnym kommentariem i prilozheniem postanovlenii (Da Min liui tsi fu li)* [The laws of the Great Ming with a consolidated review and the application of regulations (Da Ming lü ji fu li)]. Transl. Svistunova N. P. Moscow: Vostochnaia literatura, part 2 (2002): 408.
9. *Wu Jing-zi. Neofitsial'naia istoriia konfutsiantsev* [Unofficial history of the Confucians]. Trans. Voskresensky D. Moscow: Gud'ial-press, 1999, 640.
10. Bol P. K. The Sung Examination System and the Shih. Review Article. *Asia Major*, vol. 3, part 2 (1990): 149–170.
11. Rysakova P. I. «Kupecheskie knigi» (*shanzhen'shu*) i «povsednevnye entsiklopedii» (*zhiiunleishu*) kak uchebnye posobiia v pozdneimperiatorskom Kitae [«Merchant books» (*sanganichi*) and «everyday encyclopedias» (*junmaishu*) as manuals in late Imperial China]. *Aziia i Afrika v meniaiushchemsya mire: XXVIII Mezhdunarodnaia nauchnaia konferentsiia po istochnikovedeniiu i istoriografii stran Azii i Afriki. Sankt-Peterburg (22–24 apreliia 2015)* [Asia and Africa in a changing world: Proc. XXVIII intern. Sc. Conf. on source studies and historiography of Asia and Africa. Saint-Petersburg (April 22–24 2015)]. Ed. D'iakov N. N., Matveev A. S. Saint-Petersburg: NP-Print, 2015, 175–176.
12. Dan'shin A. V. Kodeksy professional'noi etiki kupechestva kak istochnik torgovogo prava traditsionnogo Kitaia [Codes of professional ethics of the merchant as the source of commercial law in traditional China]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo = Bulletin of the Tomsk State University. Right*, no. 2(8) (2013): 131–137.
13. Weber M. *Wirtschaft und Gesellschaft. Grundriss der Sozialökonomik*. Abteilung III. Tübingen, 1922, 864. Available at: <http://archive.org/stream/wirtschaftundges00webeuoft#page/708/mode/2up> (accessed 15.09.2016).
14. *Ch'u Tung-tsu. Law and Society in Traditional China*. Raris, 1961, 304.
15. *Dukhovnaia kul'tura Kitaia: entsiklopediia. Vol. 4: Istoricheskaya mysl'. Politicheskaya i pravovaya kul'tura* [Spiritual culture of China: encyclopedia: Vol. 4: Historical thought. The political and legal culture]. Ed. Titarenko M. L. Moscow: Vostochnaia literatura, 2009, 935.
16. Berkelhach van der Sprenkel Otto P. N. The Chinese Civil Service. *East Asian History*, no. 11 (1996): 17–32.
17. Troshchinskii P. V. *Pravovaya sistema Kitaia* [The legal system of China]. Moscow: Institut Dal'nego Vostoka Rossiiskoi akademii nauk, 2016, 471.
18. Manukov S. Uroki kitaiskoi gramoty: sem' let za shpargalku [Lessons of the Chinese literacy: seven years for the crib]. *Kommersant = Kommersant*, 31.05.2017. Available at: <http://spb.media/text/uroki-kitayskoy-gramoty-sem-let-za-shpargalku> (accessed 10.07.2017).

УДК 94:39+069+378.161.3

ЭКОМУЗЕЙ-ЗАПОВЕДНИК «ТЮЛЬБЕРСКИЙ ГОРОДОК» КАК УЧЕБНО-НАУЧНЫЙ ЦЕНТР ЭТНОЭКОЛОГИЧЕСКИЙ ИССЛЕДОВАНИЙ ПРИТОМЬЯ**Валерий М. Кимеев^{1, @1, *}, Максим Е. Голубев^{2, @2, *}, Борис П. Невзоров^{1, @3, *}**¹ Кемеровский государственный университет, Россия, 650000, г. Кемерово, ул. Красная, 6² Этноэкологический музей (Экомuseum)-заповедник «Тюльберский городок» Кемеровского муниципального района, Россия, 650524, д. Старочервово, ул. Тюльберский городок, 1@¹ kimeev@mail.ru@² tyulber@yandex.ru@³ nevzorov@kemsu.ru*Поступила в редакцию 28.08.2017. Принята к печати 02.11.2017.***Ключевые слова:** экомuseum, заповедник, археология, флора и фауна, историко-культурное наследие, реконструкция сибирских острогов.*** Работа выполнена при финансовой поддержке проекта РФФИ № 17-11-420043/17-ОГОН «Этнокультурное наследие коренных малочисленных народов и русских старожилов Притомья: трансформация в современной социокультурной среде и подходы к актуализации».****Аннотация:** В статье рассматриваются история возникновения идеи и поэтапного создания этноэкологического музея-заповедника «Тюльберский городок». Его особенностью является то, что в отличие от других спроектированных экомuseumов Притомья по программе «Культура Кузбасса» он возник по стечению благоприятных обстоятельств: благодаря решительным действиям археологов и этнографов, патристическому настроению предшествующего руководства Кемеровского района, ОАО Кузбассэнерго «Северных электрических сетей», КемГУ, профессиональной работе архитекторов-проектировщиков и мастерству плотников-реставраторов.

Первоначальным этапом в создании экомuseumа-заповедника стали археологические раскопки и изучение флоры и фауны окрестной территории сотрудниками и студентами КемГУ, школьниками Кузбасса в составе Учебно-научного центра этноэкологических исследований «Городок» с базой практик студентов, созданного в 1998 г. на основе подаренной директором «Северных сетей» своей бывшей турбазы. Вторым этапом стало официальное открытие в 2003 г. Муниципального бюджетного учреждения «Экомuseum-заповедник Тюльберский городок Кемеровского муниципального района» с временным сохранением УНЦ экомuseumа-заповедника и КемГУ на основании Договоров о сотрудничестве и совместной деятельности 2003, 2005 и 2007 годов.

Для цитирования: Кимеев В. М., Голубев М. Е., Невзоров Б. П. Экомuseum-заповедник «Тюльберский городок» как учебно-научный центр этноэкологический исследований Притомья // Вестник Кемеровского государственного университета. 2017. № 4. С. 51–55. DOI:10.21603/2078-8975-2017-4-51-55.

Муниципальное бюджетное учреждение «Этноэкологический музей (Экомuseum)-заповедник «Тюльберский городок» Кемеровского муниципального района» создавался в несколько этапов. В конце XX в. никто и не планировал создавать в Кузбассе еще один экомuseum на окраине дачного поселка Городок. Случайно в 1997 г. на высокой террасе правого берега Томи, в березово-сосновом лесу с полянами и оврагом, называемым дачниками «Дунькина щель», новокузнецкий археолог Ю. В. Ширин и кемеровский этнограф В. М. Кимеев в шестой раз «открыли» остатки средневекового ритуального городища в виде рва и земляного вала в форме земляных бастионов и фундаментов жилищ. Местные дачники и сторож турбазы принимали это за окопы партизан времен Гражданской войны [1, с. 17].

При исследовании архива Новокузнецкого краеведческого музея выяснилось, что на этом месте почти 100 лет назад, в 1910 г., при проведении землеустроительных работ барнаульский инженер Рингс вместе со своим проводником – старочервовским крестьянином Николаем Федоровичем Бурдиным – случайно обнаружил на прибрежной террасе в устье оврага остатки оборонительного рва, фундаменты жилищ и произвел первые любительские раскопки [2, с. 41–42].

В 1940 г. городище вторично обнаружили на окраине деревни Городок сотрудники археологической экспедиции Томского музея Н. А. Чернышев и Р. И. Корель. В третий раз городище «случайно нашел» в 1954 г. новокузнецкий археолог У. Э. Эрдниев, частично вскрывший «три селища» и записавший рассказ местного жителя Н. Ф. Бурдина о первых его раскопках с инженером Рингсом. Позднее городище еще дважды «осматривалось» археологами Кемеровского краеведческого музея Г. П. Сафронюком и В. Н. Алексеевым в 1958 г., потом и кемеровским археологом А. И. Мартыновым в 1962 г., а затем надолго выпало из поля зрения даже краеведов [2, с. 41–42].

Сразу после последнего «открытия» городища в 1997 г. археологом Ю. В. Шириним из территории турбазы ООО «Кузбассэнерго» Распоряжением Главы Кемеровского района Анатолия Константиновича Глебова – кузбасского патриота, радеющего за сохранение этнокультурного наследия родного края, был изъят в резервный земельный фонд района участок городища в 1 га. В следующем 1998 г. турбаза по инициативе директора «Северных сетей» А. Ф. Молочного была подарена КемГУ под создание здесь Учебно-научного центра этноэкологических исследований

для дальнейшего строительства музея под открытым небом [3, с. 148].

На протяжении 1997–2000, 2002 гг. студентами КемГУ и НГПИ, школьниками Кемеровского района под руководством археолога Ю. В. Ширина и этнографа В. М. Кимеева были проведены археологические раскопки намеченных к реконструкции объектов городища и участка его фортификационных сооружений. При музеефикации археологического памятника был предложен и реализован «реконструктивный» метод с внесением элементов реконструкции на отдельных раскопанных и подвергшихся изучению участках. В частности, были реконструированы деревоземляная конструкция оборонительного вала с мостовой перемычкой через ров, каркасная мастерская с реконструкцией правильной печи, культовый жертвенник в виде деревянного изваяния, чум шамана, три железоплавильные печи под навесами [4, с. 110].

В июле–сентябре 2000 г. с целью выявления археологических памятников для включения их в состав будущего экомузея-заповедника в окрестностях д. Городок были проведены археологические разведки. В 250 м к юго-западу от горо-

дища Городок и в 45 м к юго-западу от насосной скважины базы практик КемГУ на глубине 0,37 м от современной поверхности были обнаружены фрагменты неорнаментированной лепной керамики, обожженных камней, кусочки обожженной глины предположительно от бронзолитейных форм [2, с. 90]

Одновременно биологами КемГУ под руководством Н. В. Скалона было начато изучение флоры и фауны всей окрестной территории [5, с. 110]. Результаты исследований стали основой для разработки в 2000 г. новокузнецким архитектором В. Н. Усольцевым проекта зон охраны и генплана экомузея-заповедника «Тюльберский городок» (рис.). При этом использовался как мировой теоретический опыт создания музеев-заповедников, так и предыдущие разработки в 1990–1996 г. московскими архитекторами по разработке пяти проектов национальных экомузеев Притомья, из которых сейчас действуют экомузей «Тазгол» в Горной Шории и экомузей «Чолкой» в Беловском районе.

За первые несколько лет плодотворной работы студентов и школьников, сотрудников Учебно-научного центра при активном содействии руководства КемГУ (Ю. А. Захаров,

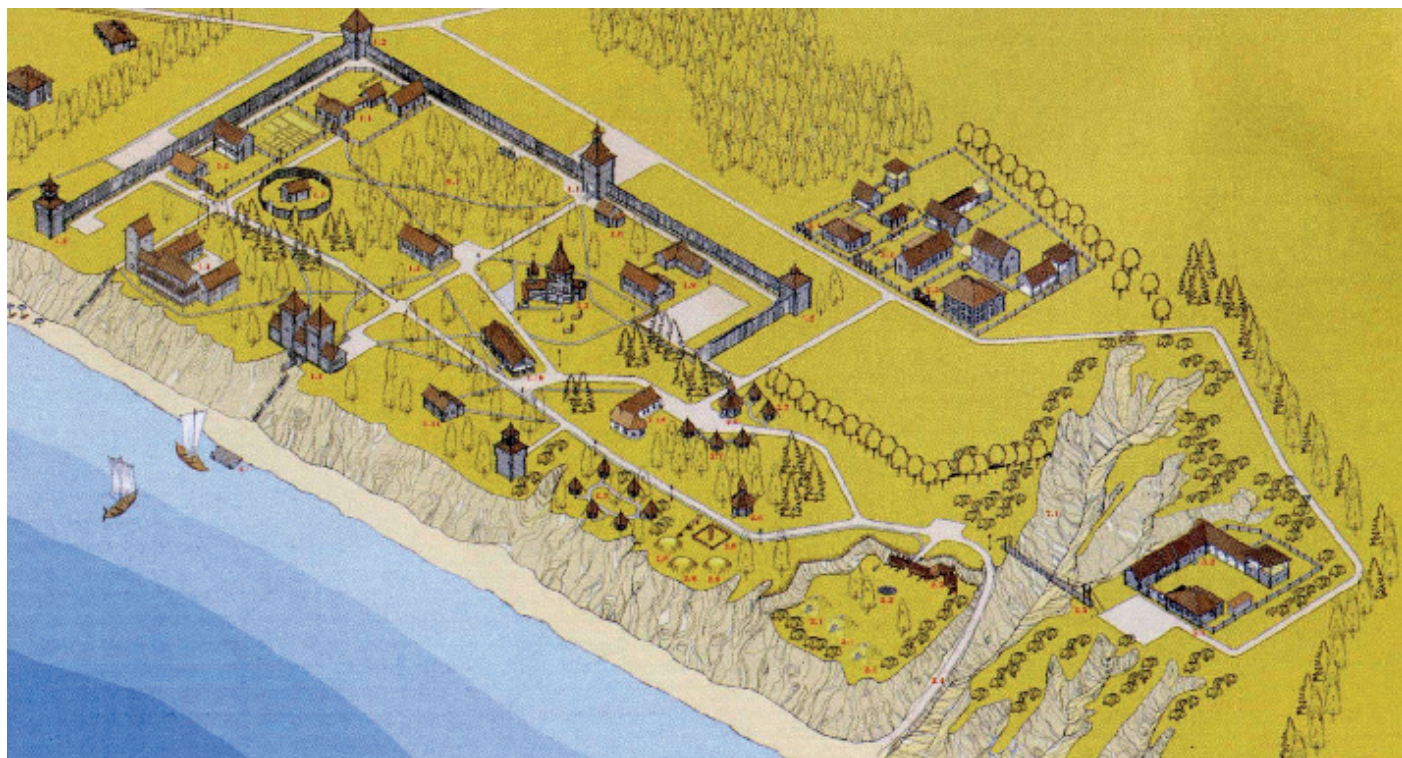

Рис. Генеральный план экомузея-заповедника «Тюльберский городок» Кемеровского муниципального района (автор проекта – архитектор В. Н. Усольцев)

Fig. The general plan of the eco-museum-reserve "The Tulbersky gorodok" of the Kemerovo municipal district (designed by architect V. N. Usoltsev)

Б. П. Невзоров, А. И. Нагорный), Администрации Кемеровского района (А. К. Глебов, А. Н. Данчук), Департамента культуры Администрации Кемеровской области (В. И. Бедин), попечителей экомузея – начальника Кемеровской технической школы ДОСААФ (Н. А. Точилин) и директора ОАО «Кокс» (С. М. Гасанов) – основа экомузея фактически была создана. Все меценаты экомузея вошли в состав Попечительского совета, возглавляемого профессором КемГУ Б. П. Невзоровым.

За пределами ритуального городища реконструированы 5 курганов, раскопанных в 2000 г. в 14 км выше по течению Томи [6, с. 78]. Бригадой плотников из г. Кемерово, Гурьевского и Крапивинского районов в 2002 г. была реконструирована и торжественно открыта первая проезжая Борисо-Глебовская башня, а в последующие годы Георгиевская и Александровская угловые башни собирательно-го образа сибирского казачьего острога. В экомузее реконструируются реальные объекты (сохранившиеся в Сибири или раскопанные) по старинной технологии и по чертежам,

выполненным археологами и архитекторами [7, с. 296; 8, с. 849; 9, с. 38].

В результате исследований были получены материалы, ставшие основой для десятка публикаций, дающих информацию об истории русских и тюркоязычных народов. Музейные коллекции, составленные из материалов археологических раскопок, этнографических предметов и гербариев, хранятся в фондах этноэкологического музея-заповедника «Тюльберский городок» и были представлены в музейном павильоне, арендованном у прилегающего к территории экомuzeя учебно-научного центра КемГУ. Все посчитали, что экомузей состоялся, хотя для его дальнейшего развития необходимо было создать самостоятельное муниципальное учреждение со своим штатом и сделать его генеральным заказчиком реконструкции и строительства всех остальных объектов экомuzeя.

Распоряжением Главы Кемеровского района от 10.12.2002 за № 1735-р создается Муниципальное бюджетное учреждение Экомузей-заповедник «Тюльберский городок» как самостоятельное юридическое лицо со штатом в 13 единиц. К 2006 г. на деньги меценатов из ОАО «Кокс» томским институтом «Сибспецпроектреставрация» разработан второй вариант генерального плана экомuzeя. К этому периоду плотниками из Крапивинского, Гурьевского и Прокопьевского районов, а также местным дачником В. И. Тумановым, была закончена реконструкция трех угловых башен собирательного образа острога и часть ограждения экомuzeя в виде заплота-частокола.

Сотрудниками экомuzeя ежегодно пополнялись в экспедициях этнографические фонды, были научно обработаны экспонаты школьных музеев Кемеровского района. Была усовершенствована культурно-образовательная работа в экомузее, стали проводиться регулярные круглогодичные музейные праздники, театрализованные экскурсии, передвижные выставки, научно-практические конференции разных уровней, туристические слеты школьников Кемеровского района и скаутов Кемеровской и Новокузнецкой епархии [10, с. 114; 11]. Сотрудники экомuzeя подготовили и издали несколько коллективных монографий, сборник статей, буклет и брошюру об экомузее, несколько десятков статей по тематике экомuzeя в различных научных сборниках. Были составлены научные паспорта на памятники и обелиски, находящиеся на территории Кемеровского района. Совершены экспедиции по Саяно-Алтаю и в Монголию [12].

Однако, как нередко водится в нашей многострадаальной России, из-за равнодушия постоянно меняющихся с 2006 г. первых руководителей Кемеровского района и КемГУ изменилась благоприятная ситуация в экомузее на прямо противоположную. Новый проект генплана так ни разу и не был рассмотрен специалистами районной администрации, а значит остался не обеспечен финансами. Только к 2010 г. с большим трудом работником экомuzeя В. И. Тумановым была закончена реконструкция казачьей караульной избы, а научные сотрудники оборудовали в ней интерьер с экспонатами. Последним объектом стала летняя каркасная юрта – аманатская у реконструированных порываевских курганов к западу от городища [13].

Очередной глава Кемеровского района в 2007 г. запретил меценатам из ОАО «Кокс» напрямую оказывать спонсорскую помощь экомузее, что привело к ее прекращению. В бюджете Кемеровского района на развитие экспозиций экомuzeя

денег никогда не было и нет! Как результат – ограждение экомuzeя из штaketного забора 30-летней давности развалилось, а из-за отсутствия строевого леса заменить его на забор-частокол нет возможности. Реконструированные деревоземляные объекты городища от времени разрушаются и находятся в аварийном состоянии, создавая угрозу жизни посетителям. Частичную реставрацию этого главного музееобразующего подлинного археологического памятника этноэкологического музея-заповедника «Тюльберский городок» удалось произвести в 2012 г. силами сотрудников на собственные заработанные средства учреждения.

Создалось странное ощущение ненужности экомuzeя – единственного в районе учреждения культуры по сохранению историко-культурного и природного наследия, хотя другого такого экомuzeя-заповедника с сохранившимся подлинным памятником археологии – ритуальным городищем, реконструкциями башен сибирского казачьего острога, уникальным природным окружением во всем Кузбассе, да и в Сибири – нет! Об экомузее вспоминали только тогда, когда школьникам Кемеровского района или скаутам молодежного отдела Кемеровской епархии требовалось провести мероприятия.

На протяжении 2016–2017 гг. вместе с перспективой новых научных исследований стала отмечаться неприемлемость дальнейшего сосуществования и совместной деятельности этноэкологического музея-заповедника и учебно-научного центра экомuzeя «Городок». В январе 2017 г. был расторгнут трехсторонний Договор о сотрудничестве и совместной деятельности от 2007 г. между КемГУ, Администрацией Кемеровского муниципального района, Кемеровской и Новокузнецкой епархией в одностороннем порядке по инициативе нового руководства КемГУ. Подписанное Соглашение между КемГУ и Администрацией Кемеровского района от июня 2017 г. не выполняется. Теперь новое руководство созданного в 1998 г. учебно-научного центра запретило сотрудникам водить экскурсии по территории базы практик к объектам экомuzeя – Александровской башни и Городищу, закрыли доступ к берегу реки по лестнице общего пользования, опечатали все служебные помещения, включая павильон, где располагались витрины с археологическими находками и этнографическими предметами. Сотрудники экомuzeя вынуждены были переместить экспонаты из павильона в Георгиевскую башню и Казачью караульную избу, хотя там нет охранной сигнализации из-за отключения от электросетей базы практик.

Согласно свидетельству на право пользования земельным участком базы практик КемГУ четко обозначена категория использования территории «земли особо охраняемых территорий и объектов, разрешенное использование: Музей площадь 27 000 кв. м», что фактически не соблюдается. Инженерные канализационные сети на территории базы практик износились, а водные стоки из бани-сауны и кухни загрязняют почву заповедной территории и берег реки Томи. Вода в нелегализованной скважине не соответствует санитарным нормам. Созрела необходимость руководству Кемеровского муниципального района вернуть в резервный фонд района участок базы практик в 2,7 га для дальнейшего включения его в общую территорию экомuzeя-заповедника, как это и предполагалось проектом.

В Год экологии и особо охраняемых природных территорий и 15-летия создания этноэкологического музея-заповедника «Тюльберский городок» существует надежда, что 2017 г. заложит плодотворные начинания в преодолении

проблем сохранения уникального историко-культурного и природного наследия Кузбасса для потомков в целях их научного образования и патриотического воспитания!

Литература

1. Глушкова П. В., Кимеев В. М. Музеи под открытым небом: учебное пособие для студентов, обучающихся по направлению подготовки 51.030.4 (072300.62) «Музеология и охрана объектов культурного и природного наследия», профиль «Культурный туризм и экскурсионная деятельность». Кемерово: Кемеровский государственный институт культуры, 2015. 152 с.
2. Ширин Ю. В. Городище Городок в Кемеровском районе // Аборигены и русские старожилы Притомья. Кемерово; Городок: Кузбассвуиздат, 2002. С. 41–92.
3. Кимеев В. М. Этноэкологический музей-заповедник «Тюльберский городок» // Археолого-этнографический сборник. Кемерово: КемГУ, 2003. С. 148–157.
4. Фомина Н. А. Экомuseum «Тюльберский городок»: от учебного исследования – к исследованию научному // Аборигены и русские старожилы Притомья. Кемерово; Городок: Кузбассвуиздат, 2002. С. 110–112.
5. Скалон Н. В. Флора территории и охранных зон экомuseum-заповедника «Тюльберский городок» // Аборигены и русские старожилы Притомья. Кемерово; Городок: Кузбассвуиздат, 2002. С. 100–109.
6. Васютин А. С., Ширин Ю. В. Курганная группа Порываевка // Аборигены и русские старожилы Притомья. Кемерово; Городок: Кузбассвуиздат, 2002. С. 78–92.
7. Голубев М. Е. К проблеме реконструкции и музеефикации казачьих острогов в Притомье // Сибирская археология и этнография: вклад молодых исследователей: материалы LVI Российской археолого-этнографической конференции студентов и молодых учёных / отв. ред. А. В. Константинов, И. И. Разгильдеева; Забайкал. гос. ун-т. Чита: ЗабГУ, 2016. С. 296–297.
8. Голубев М. Е. О возможности реконструкции острогов Притомья // Образование, наука, инновации: вклад молодых исследователей: материалы IX(XLI) Международной научно-практической конференции / Кемеровский государственный университет. Вып. 15 / сост. В. В. Поддубиков; под общ. ред. В. А. Волчека. Кемерово, 2014. С. 849–851.
9. Голубев М. Е., Кимеев В. М. Остроги Притомья: история изучения и архитектура // Археология Южной Сибири: сборник научных трудов, посвященный 40-летию кафедры археологии Кемеровского государственного университета. Кемерово, 2016. Вып. 27. С. 38–45.
10. Егорова Н. Г. Роль летней археологической практики учащихся гимназии в формировании мотивации профессионального самоопределения // Аборигены и русские старожилы Притомья. Кемерово; Городок: Кузбассвуиздат, 2002. С. 112–115.
11. Кимеев В. М., Глушкова П. В. Древние дороги тюльберов. Кемерово: Кузбасс, 2010. 64 с.
12. Кимеев В. М. Экомuseum Притомья в постиндустриальном обществе: генезис, архитектура, функции. Томск: Изд-во ТГУ, 2008. 450 с.
13. Невзоров Б. П. Открытый городок не должен быть потерян! // Газета Кузбасс. 24.12.2012. Режим доступа: <http://kuzbass85.ru/2012/12/24/otkryityiy-gorodok-ne-dolzhen-byit-poteryan/> (дата обращения: 15.08.2017).

ECOLOGICAL MUSEUM «THE TYULBERSKY GORODOK» AS AN EDUCATIONAL AND SCIENTIFIC CENTER FOR ETHNOECOLOGICAL RESEARCH OF THE TOM' RIVER VALLEY

Valeriy M. Kimeev^{1, @1, *}, Maxim E. Golubev^{2, @2, *}, Boris P. Nevzorov^{1, @3, *}

¹ Kemerovo State University, 6, Krasnaya St., Kemerovo, Russia, 650000

² Ethnoecological museum (Ecological Museum)-reserve «The Tyulbersky gorodok» of the Kemerovo municipal district, 1, st. Tyulbersky gorodok, Starochervovo village, Russia, 650524

@¹ kimeev@mail.ru

@² tyulber@yandex.ru

@³ nevzorov@kemsu.ru

Received 28.08.2017. Accepted 02.11.2017.

Keywords: Ecomuseum, reserve, archeology, flora and fauna, historical and cultural heritage, reconstruction of the Siberian jails.

Abstract: The current research features the concept behind the Ethnic and Ecological Museum «The Tyulbersky gorodok» and gives a retrospective view of its history. The main distinctive feature of the museum is that, unlike other ecomuseums of the Tom' River valley within the Culture of Kuzbass program, it owes its existence to a confluence of favorable circumstances. It emerged due to the resolute actions of the local archeologists and ethnographers, the patriotic sentiments of the former leaders of the Kemerovo district, the support of the JSC Kuzbassenergo of the Northern Electrical Networks, the Kemerovo state University, the professional work of

*** The research was financially supported by RFBR project No. 17-11-420043 / 17-OGON «Ethnocultural heritage of indigenous small-numbered peoples and the Russian old residents of the Tom' River valley: transformation in the modern socio-cultural environment and approaches to actualization».**

architects and designers and the skill of the conservation specialists in carpentry. The initial stage of its development involved the archeological excavations and studies on the local flora and fauna performed by the KemSU academic staff and students. Kuzbass school students participated in the Educational scientific center of the ethnoecological researches «Gorodok». In 1998 university students had their first field practice in the camp created with the financial support from the Northern Networks. The second stage was the official opening of the eco-museum in 2003. It achieved the following official status: municipal budgetary institution of the Kemerovo municipal district Ethnic and Ecological Museum «The Tyulbersky gorodok» with temporary preservation of the Educational scientific center of the ecomuseum and KemSU on the basis of the Contracts on cooperation and joint activity (2003, 2005 and 2007).

For citation: Kimeev V. M., Golubev M. E., Nevzorov B. P. Ekomuzei-zapovednik «Tiul'berskii gorodok» kak uchebno-nauchnyi tsentr etnoekologicheskii issledovaniia Pritom'ia [Ecological Museum «The Tyulbersky gorodok» as an Educational and Scientific Center for Ethnoecological Research of the Tom' River Valley]. *Bulletin of Kemerovo State University*, no. 4 (2017): 51–55. DOI:10.21603/2078-8975-2017-4-51-55.

References

1. Glushkova P. V., Kimeev V. M. *Muzei pod otkrytym nebom* [Museums in the open air]. Kemerovo: Kemerovskii gosudarstvennyi institut kul'tury, 2015, 152.
2. Shirin Iu. V. *Gorodishche Gorodok v Kemerovskom raione* [Gorodische Gorodok in the Kemerovo district]. *Aborigeny i russkie starozhily Pritom'ia* [Aborigines and Russian old-timers]. Kemerovo; Gorodok: Kuzbassvuzizdat, 2002, 41–92.
3. Kimeev V. M. *Etnoekologicheskii muzei-zapovednik «Tiul'berskii gorodok»* [Ethno-ecological museum-reserve «Tulber town»]. *Arkheologo-etnograficheskii sbornik* [Archaeological and ethnographic collection]. Kemerovo: KemGU, 2003, 148–157.
4. Fomina N. A. *Ekomuzei «Tiul'berskii gorodok»: ot uchebnogo issledovaniia – k issledovaniu nauchnomu* [Ecomuseum «Tulber town»: from educational research to scientific research]. *Aborigeny i russkie starozhily Pritom'ia* [Aborigines and Russian old-timers]. Kemerovo; Gorodok: Kuzbassvuzizdat, 2002, 110–112.
5. Skalon N. V. *Flora territorii i okhrannykh zon ekomuzeia-zapovenika «Tiul'berskii gorodok»* [Flora of the territory and security zones of the ecomuseum-zapovenik «Tul'berskiy Gorodok»]. *Aborigeny i russkie starozhily Pritom'ia* [Aborigines and Russian old-timers]. Kemerovo; Gorodok: Kuzbassvuzizdat, 2002, 100–109.
6. Vasiutin A. S., Shirin Iu. V. *Kurgannaia gruppa Poryvayevka* [Kurgan group Poryvayevka]. *Aborigeny i russkie starozhily Pritom'ia* [Aborigines and Russian old-timers]. Kemerovo; Gorodok: Kuzbassvuzizdat, 2002, 78–92.
7. Golubev M. E. *K probleme rekonstruktsii i muzeifikatsii kazach'ikh ostrogov v Pritom'e* [To the problem of reconstruction and museification of Cossack jails in Pritomye]. *Sibirskaya arkheologiya i etnografiya: vklad molodykh issledovatelei: materialy LVI Rossiiskoi arkheologo-etnograficheskoi konferentsii studentov i molodykh uchenykh* [Siberian archeology and ethnography: the contribution of young researchers: Proc. LVI Russian Archaeological and Ethnographic Conf. of Students and Young Scientists]. Ed. Konstantinov A. V., Razgil'deeva I. I. Chita: ZabGU, 2016, 296–297.
8. Golubev M. E. *O vozmozhnosti rekonstruktsii ostrogov Pritom'ia* [On the possibility of reconstructing the Prison Islands]. *Obrazovanie, nauka, innovatsii: vklad molodykh issledovatelei: materialy IX(XLI) Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Education, science, innovations: the contribution of young researchers: Proc. IX(XLI) Intern. Sc.-Prac. Conf.]. Comp. Poddubikov V. V. Ed. Volchek V. A. Kemerovo, Iss. 15 (2014): 849–851.
9. Golubev M. E., Kimeev V. M. *Ostrogi Pritom'ia: istoriya izucheniia i arkhitektonika* [Ostrog Pritom: history of study and architectonics]. *Arkheologiya Iuzhnoi Sibiri: sbornik nauchnykh trudov, posviashchennyi 40-letiiu kafedry arkheologii Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta* [Archeology of Southern Siberia: a collection of scientific works dedicated to the 40th anniversary of the Department of Archeology of the Kemerovo State University]. Kemerovo, Iss. 27 (2016): 38–45.
10. Egorova N. G. *Rol' letnei arkheologicheskoi praktiki uchashchikhsia gimnazii v formirovanii motivatsii professional'nogo samoopredeleniia* [The role of the summer archaeological practice of students in the gymnasium in the formation of motivation for professional self-determination]. *Aborigeny i russkie starozhily Pritom'ia* [Aborigines and Russian old-timers]. Kemerovo; Gorodok: Kuzbassvuzizdat, 2002, 112–115.
11. Kimeev V. M., Glushkova P. V. *Drevnie dorogi tiul'berov* [Ancient roads of tulber]. Kemerovo: Kuzbass, 2010, 64.
12. Kimeev V. M. *Ekomuzei Pritom'ia v postindustrial'nom obshchestve: genezis, arkhitektonika, funktsii* [Ecomuseums Pritom in post-industrial society: genesis, architectonics, functions]. Tomsk: Izd-vo TGU, 2008, 450.
13. Nevzorov B. P. *Otkrytyi gorodok ne dolzhen byt' poterian!* [The discovered town should not be lost!]. *Gazeta Kuzbass = The newspaper Kuzbass*, 24.12.2012. Available at: <http://kuzbass85.ru/2012/12/24/otkryityi-gorodok-ne-dolzhen-byit-poteryan/> (accessed 15.08.2017).

УДК 930.2(1-21) «1900/1917»

КОЛЛЕКЦИЯ НЕЛЕГАЛЬНЫХ ИЗДАНИЙ ЦСПИ ГПИБ: ДОКУМЕНТАЦИЯ ОРГАНИЗАЦИЙ РСДРП ПРИМОРЬЯ (1906–1909 ГГ.)

Сергей В. Макаrchук^{1, @1}, Сергей П. Звягин^{1, @2}

¹ Кемеровский государственный университет, Россия, 650000, г. Кемерово, ул. Красная, 6

@¹ makar@kemsu.ru

@² whitesiberia@narod.ru

Поступила в редакцию 29.06.2017. Принята к печати 24.11.2017.

Ключевые слова: архивный документ, социал-демократия, листовки, прокламации, подполье, нелегальные издания, Дальний Восток, Приморье.

Аннотация: В статье рассматривается документация, исходящая от социал-демократических организаций Приморья в период революции 1905–1907 гг. и политической реакции, представленная в Коллекции нелегальных изданий Центра социально-политической истории (ЦСПИ) при Государственной публичной исторической библиотеке (ГПИБ). Документальные коллекции библиотеки приравниваются к архивным фондам и являются важной составляющей Архивного фонда РФ, а содержащаяся в них документация, как правило, относится к разряду особо ценной или уникальной. Центр социально-политической истории Государственной публичной исторической библиотеки содержит в своей коллекции нелегальные издания Российской социал-демократической рабочей партии (РСДРП), включая издания местных организаций и групп. К организациям Приморья относятся 13 документов, представляющих собой уставы, кассовые отчёты, резолюции конференций, наказы депутатам, отчёты о состоянии и деятельности, политические прокламации. Большинство документов исходит от Владивостокской организации РСДРП – официально утверждённой руководящей организацией Приморского района РСДРП, в который входили все социал-демократические группы Приморской области. Целью статьи является реконструкция по сохранившимся историческим источникам организационной структуры, состояния и деятельности организаций Российской социал-демократической рабочей партии на территории Приморской области Приамурского генерал-губернаторства и определение функциональной роли и значения исторической документации, представленной в отделе редкой книги ЦСПИ. Являясь историческими источниками и выполняя в настоящее время ретроспективную функцию, в период своего действия документы коллекции несли социальную, политическую, идеологическую, регулятивную функции. Их значение для изучения общественно-политического движения на Дальнем Востоке, в Сибири и в стране в целом невозможно переоценить.

Для цитирования: Макаrchук С. В., Звягин С. П. Коллекция нелегальных изданий ЦСПИ ГПИБ: документация организаций РСДРП Приморья (1906–1909 гг.) // Вестник Кемеровского государственного университета. 2017. № 4. С. 56–62. DOI:10.21603/2078-8975-2017-4-56-62.

Современный этап развития документоведения и архивоведения невозможно представить без всестороннего изучения архивных, музейных и библиотечных коллекций. Учёные Сибири и Дальнего Востока исследовали документацию местных [1] и федеральных архивных коллекций [2], проделали работу по их публикации [3]. Вводу в научный оборот материалов нелегальных изданий местных организаций социал-демократов и социалистов-революционеров в рассматриваемый период способствовали докторская диссертация Н. П. Курускановой [4], монография Э. Р. Кадикова [5], статья С. В. Макаrchука [6]. Однако комплексное изучение всей документации социал-демократических организаций Приморья, сохранившейся в конкретной библиотечной архивной коллекции, предпринимается в представленной статье впервые.

Документальные коллекции библиотек приравниваются к архивным фондам, являются важной составляющей Архивного фонда РФ, а содержащаяся в них документация, как правило, относится к разряду особо ценной или уникальной. Целью статьи является комплексное изучение

исторических источников, представляющих собой документацию, исходящую от подпольных организаций Российской социал-демократической рабочей партии (РСДРП) Приморья, начиная с их возникновения в период революции 1905–1907 гг. и до затухания нелегальной издательской деятельности в период реакции. Центр социально-политической истории (ЦСПИ) Государственной публичной исторической библиотеки (ГПИБ) содержит в своей коллекции 42 тыс. нелегальных изданий РСДРП, включая издания местных организаций и групп [7]. Из них к организациям Приморья относятся 13 документов, представляющих собой уставы, кассовые отчёты, резолюции конференций, наказы депутатам, отчёты о состоянии и деятельности, политические прокламации. Большинство документов исходит от Владивостокской организации РСДРП – официально утверждённой руководящей организацией Приморского района РСДРП, в который входили все социал-демократические группы Приморской области.

В рассматриваемое время Приморская область входила в состав Приамурского генерал-губернаторства, включающе-

го также Амурскую, Камчатскую и Сахалинскую области. В последних двух областях подпольные социал-демократические группы так и не сложились. В Амурской области (центр – г. Благовещенск) действовала Амурская группа РСДРП, документация которой представлена в ЦСПИ. Центром Приамурского генерал-губернаторства – резиденцией генерал-губернатора, являлся г. Хабаровск, территориально входивший в Приморскую область (центр – г. Владивосток). Там существовала немногочисленная социал-демократическая группа, документы которой отсутствуют в Коллекции нелегальных изданий ЦСПИ.

Изучаемая коллекция начала складываться в 1921 г. с созданием Института К. Маркса и Ф. Энгельса и библиотеки при нём. Библиотека развивалась как структурное подразделение института при последующих его переименованиях в Институт Маркса, Энгельса, Ленина и Институт марксизма-ленинизма (ИМЛ) при ЦК КПСС. Библиотека ИМЛ при ЦК КПСС активно пополняла документальную коллекцию, запрашивая оригиналы документов у местных архивов, пользуясь особым статусом учреждения, находящегося при ЦК правящей партии. В 1992 г. библиотека получила самостоятельный статус и название – Государственная общественно-политическая библиотека (ГОПБ). Коллекция нелегальных изданий находилась в фонде архивного хранения (ФАХ) ГОПБ, а затем в отделе редкой книги (ОРК), который сохранился и в ЦСПИ. ГОПБ была реорганизована в ЦСПИ 1 апреля 2014 г. и передана в структуру Государственной публичной исторической библиотеки.

Коллекция нелегальных изданий ОРК ЦСПИ в части документации социал-демократических организаций Приморья представляет собой листовки, изданные типографским способом, на гектографе, mimeографе или даже написанные от руки. Во всех случаях знаковые символы на документах хорошо сохранились, легко читаемы. Текст расположен на одной или обеих сторонах листа. Сложные документы (например, резолюции конференции Приморского района РСДРП) могут иметь несколько листов. Достоверность документа подтверждается печатью или просто наименованием исходящей организации – «Владивостокский комитет РСДРП». Большинство листовок имеют дату выпуска и тираж издания (от 200 до 2500 экземпляров). Однако иногда подпольщики специально завышали тираж издания с целью преувеличения размаха своей пропагандистской деятельности. Нумерация листовок могла с той же целью завышаться или ставиться «примерно» из-за трудности ведения учёта в условиях подполья. Достоверность листовочной документации не подвергается сомнению. Она может быть проверена информацией центральных и региональных архивов, а некоторые листовки дублируются другими архивами. Не подлежит сомнению подлинность представленных документов и отсутствие их в ряду фальсификаций.

Наиболее ранний документ приморской коллекции представляет собой отпечатанный на листовке «Отчёт о состоянии и деятельности Владивостокской организации РСДРП за ноябрь 1906 г.», из которого следует, что организация к этому времени насчитывала 23 человека. Она имела руководящий коллектив (комитет), состоящий из 5 выбранных и 2 кооптированных членов, проводила партийные собрания, рабочие массовки, студенческие сходки, вела пропаганду в рабочих, студенческих, гимназических кружках.

В то же время отчёт обращает внимание на отсутствие профессиональных союзов в городе и слабую работу в крестьянской среде – «связь с деревнями случайная, работы не велось в деревне». Сообщалось также о наличии в организации гектографа, на котором отпечатана прокламация «К портовым рабочим» в количестве 140 экземпляров [8].

Следует отметить, что в Коллекции нелегальных изданий ЦСПИ представлена лишь небольшая часть листовок и прокламаций, выпущенных организацией РСДРП во Владивостоке. Они не позволяют составить полное представление о её состоянии и деятельности. Для этого необходимо привлекать документацию центральных и региональных архивов. То же относится к организациям Никольска-Уссурийского, Николаевска-на-Амуре и Хабаровска, издания которых вовсе отсутствуют в Коллекции, хотя по архивным данным даже небольшой партийный кружок в Николаевске издавал и распространял листовки, в частности, известна выпущенная от имени кружка и распространённая в городе 20 июня 1907 г. прокламация «К гражданам» [9, л. 3].

Регулярно издавала листовки Никольск-Уссурийская организация РСДРП. Известны листовки с кассовыми отчётами организации за январь-февраль 1907 г. [10, л. 143] и с 1 марта по 1 апреля 1907 г., а также прокламации № 5 «К избирателям» [11, л. 13], «К приказчикам» [12, л. 36], № 10 «Товарищи солдаты», выпущенная от имени военной группы при Никольск-Уссурийской организации РСДРП двухтысячным тиражом и отпечатанная в типографии Владивостокской группы РСДРП [13, л. 9]. Сразу после своего возникновения приступила к изданию прокламаций и Хабаровская группа РСДРП. Смотрите листовки «Кровавое воскресенье» и «Граждане» [11, л. 14, 36].

Коллекция нелегальных изданий не даёт возможности представить исторический фон, политическую атмосферу и трудности выпуска листовок в нелегальных условиях. Для этого также необходимо привлекать дополнительный архивный материал. Социал-демократические организации в Приморье образовались в период спада революции 1905–1907 гг., подавления вооружённых выступлений и действий карательных отрядов. 10 января 1906 г. верные правительству воинские части подавили вооружённое выступление в крепости Чныррах (г. Николаевск-на-Амуре), а 22 января отряд генерала Мищенко «покорил» восставший Владивосток.

Назначенный временным генерал-губернатором Владивостокского района Мищенко издал «обязательное постановление», запрещающее «всякого рода сборища и сходки на улицах, площадях и вообще под открытым небом..., производство уличных демонстраций и т. п., посещение посторонними лицами казарм и прочих помещений воинских чинов без разрешения подлежащего начальства» [14, л. 53]. 3 февраля 1906 г. последовало «обязательное постановление» Приамурского генерал-губернатора: «1. Воспрещаю произнесение вредных общественному спокойствию речей... 2. Воспрещаю перевозку и раздачу противоправительственных прокламаций, листовок, газет... 3. Воспрещаю пение революционных песен и выставление красных флагов» [15, л. 97]. (Прим. авторов: в данной цитате и далее по тексту особенности написания документа сохранены).

Атмосферу провокаций и предательства описал в воспоминаниях владивостокский матрос Н. Наревский: «Для окончательного искоренения крамолы весь флот был

наводнён охранкой и погромщиками... Эти предатели предавали днём и ночью. Бывало встанешь утром, смотришь того, другого нет, спросишь шёпотом – где Богачук, где Медведев – т.с.с.с. их увели в 2 часа ночи. Ну значит раз увели так и поминай как звали, и так люди исчезали без конца» [16, л. 5]. Провокаторы стремились проникнуть в подпольные организации с целью выдачи жандармерии их состава. В 1906 г. издававшаяся в г. Нагасаки (Япония) эмигрантская газета «Воля» разоблачала секретного сотрудника охранного отделения Винокурова, пытавшегося войти в доверие к социал-демократам во Владивостоке и Никольске-Уссурийском [17, с. 20].

Но, несмотря на тяжёлые условия работы, социал-демократы Приморья начали выпуск листовок. «Российский рабочий класс сознательно ведёт борьбу, – писали эсдеки Владивостока в одной из первых листовок в начале 1906 года, – и никакие меры строгости, никакое военное положение не может остановить исторического процесса развития народной жизни. Россия будет свободна! И никакие Мищенко, Закомельские, Треповы не в силах победить борющийся за свои права народ» [18, л. 7].

К сожалению, ранние прокламации Владивостокской группы РСДРП не представлены в изучаемой коллекции, а об её издательской деятельности можно судить по имеющимся в коллекции отчётам группы. В отчёте за декабрь 1906 г. читаем: «листок не было» [19]. Отчёт за январь 1907 г. указывает на выход 2 печатных листов тиражом 10000 экземпляров [20]. Февральский отчёт зафиксировал выход 5 нелегальных изданий в форме листовок: «Всенародное учредительное собрание» (3000 экз.), «Откуда пошла русская смута» (400 экз.), «Избирательная платформа ЦК» (100 экз.), «19 февраля» (200 экз.), «К телеграфистам» (150 экз.). Отчёт позволяет судить о значительном укреплении группы, насчитывающей уже 70 членов. Денежный приход группы составил 317 руб. 61 коп., из которых членские взносы – 52 руб. 95 коп. Эсдеки приняли участие в выработке уставов профсоюзов рабочих печатного дела, фармацевтов, приказчиков.

Организационно жизнь группы регламентировалась «Уставом Владивостокской организации РСДРП, утверждённым общим собранием 19 ноября 1906 г.». Этот документ сохранился в единственном экземпляре в ЦСПИ и не разыскан исследователями в других архивах. Первый параграф Устава обязывал членов партии не только признавать Программу РСДРП и поддерживать партию материально, но и принимать участие в работе конкретной партийной организации. Верховным учреждением организации являлось общее собрание её членов. Оно считалось действительным при наличии более половины членов организации, а при повторном созыве, учитывая трудности подпольной работы – при любом количестве присутствующих. Все вопросы решались простым большинством голосов за исключением перевыборов комитета и изменения Устава, требующих большинства в 2/3 общего собрания. Вследствие конспиративной работы организации руководящему коллективу (комитету) предоставлялось право самостоятельно решать вопросы, если созыв общего собрания представлялся невозможным. Для вступления в организацию необходимо было представить рекомендации не менее 2-х членов партии. Членские взносы платились всеми членами группы, исключая получающих

менее 25 руб. в месяц (получающие до 50 руб. платили 1 %, свыше 50 руб. – 2 % от заработной платы) [21].

Согласно Уставу, члены организации делились на 4 курии: 1. рабочих, 2. торговых и конторских служащих, 3. учащихся, 4. военных. Но на подлиннике Устава, хранящегося в ОРК ЦСПИ перед пунктами о куриях от руки написано – «отменены». Остаётся предположить, что курии к моменту принятия Устава не были созданы. Нет упоминания о них и в рассмотренных отчётах организации за ноябрь, декабрь 1906 г. и январь, февраль 1907 г. Хотя в «Отчёте о состоянии деятельности Владивостокской организации, сообщённом на I Конференции Приморского района 24/11-07г.» сказано, что члены организации разбиты на 3 курии – рабочих порта, учащихся и обывателей [22].

Отчёт позволяет уточнить время образования организации РСДРП во Владивостоке и других городах Приморья. В «Обзоре революционного движения в округе Иркутской судебной палаты за 1897–1907 гг.» сообщалось, что в апреле 1906 г. во Владивостоке распространялась прокламация «К гражданам», «в которой объявлялось, что организовалась Владивостокская группа РСДРП» [23, с. 184]. Этот же месяц указан в качестве времени возникновения организации в центральной партийной прессе [24]. На листовке № 1 «К гражданам» дата выхода отсутствует, но очевидно, что она вышла раньше листовки № 2 «Царские коршуны на священных трупах», в которой описываются события глумления над телами погибших участников вооружённого восстания, и в самой листовке указана чёткая дата этого события – 22 февраля 1906 г. [25, л. 25]. В том, что в феврале организация уже действовала, убеждает упоминаемый в рассматриваемом документе отчёт Владивостокской группы РСДРП, начинающийся с 1 февраля. Следовательно, организация РСДРП во Владивостоке возникла не позднее февраля 1906 г.

Отчёт на Конференции Приморского района РСДРП не высоко оценивает работу этой первоначально возникшей группы. Она «не имела почти никакой определённой партийной работы, не имела в своей среде ни одного члена-рабочего..., была какая-то революционная организация среди военных, оказавшаяся на деле фикцией». Дальнейшую историю организации документ описывает следующим образом: «Чувствуя недостаток в собственных силах для партийной работы, местная организация в конце сентября 1906 г. отправила делегата в Читинский комитет РСДРП, с просьбой о посылке профессионала. Вместе с профессионалом во Владивосток приехало несколько других партийных работников...». С этого времени устанавливается связь с рабочими, которых в феврале в организации насчитывалось 29 (из 71 члена). «На последнем (прим. автора: собрании) обсуждался порядок дня партийного съезда, причём было решено резолюций не выносить, а лишь поставить вопросы и выяснить настроение в пользу решения большевиков и меньшевиков. При голосовании получился следующий результат: 25 – за М(еньшевиков), 10 – за Б(ольшевиков) и 5 воздержались». Этот факт говорит о том, что в единой социал-демократической организации Владивостока имелись последователи обеих фракций, а также не определившиеся эсдеки.

Владивостокская организация РСДРП установила связи с парторганизациями других городов страны, особенно Приморья. Хранящийся в ЦСПИ «Кассовый отчёт Владивостокской группы РСДРП с 1 января по 1 февраля 1907 г.» указывает расходы «на разъезды», причём наиболее

часто поездки совершались в Х(абаровск) и Н(икольск)-Уссурийский [26]. Этот же вывод позволяет сделать жандармская документация из других архивов. При аресте в ночь на 1 марта 1906 г. члена Владивостокской группы РСДРП Я. Федоровича, обыском в его квартире обнаружены газеты «Пролетарий» и «Социал-демократ», прокламация Иркутского комитета РСДРП, проект программы Союза уссурийских железнодорожников, сборный лист № 113 Сибирского союза РСДРП [18, л. 51, 77, 78–80]. В декабре 1906 г. письма из Владивостока найдены при раскрытии полицией бюро Читинского комитета РСДРП [26, л. 78]. У арестованных владивостокских социал-демократов Ивана Бахренкова и Исидора Кузьмина изъяты воззвания Красноярска, Иркутского, Читинского, Харбинского комитетов, Амурской группы РСДРП [27, л. 35].

Коллекция нелегальных изданий ЦСПИ не позволяет, к сожалению, проследить процесс образования под руководством Владивостокской организации РСДРП других социал-демократических групп Приморского района. Изучение данного процесса требует обращения к другим историческим источникам. Согласно отчёту Владивостокской группы, опубликованному в «Пролетарии», образовавшаяся в конце 1906 г. Никольск-Уссурийская группа РСДРП насчитывала в декабре 9 членов, из них 5 рабочих [28]. Кассовый отчёт группы за январь-февраль 1907 г. показывает выделение организацией средств на поездки в различные города. Особенно частыми являлись поездки в «В» и «Х» (предположительно Владивосток и Хабаровск). Группа оказывала денежную поддержку другим организациям. Так, организации «Вл. орган» (видимо, владивостокской) взаимнообразно была выделена сумма в 300 рублей [10, л. 143]. Некоторые прокламации Хабаровской группы РСДРП печатались в типографии Владивостокской организации, а о ведущей роли социал-демократов Владивостока в её создании говорит само название организации – «Хабаровская группа при Владивостокской организации РСДРП», запечатлённое в её первых листовках [11, л. 14, 36].

Первая конференция Приморского района РСДРП официально признала Владивостокскую организацию ведущей организацией района, что было закреплено в принятом «Уставе Приморского района РСДРП», который предписывал «остальным организациям» вносить в кассу Владивостокской группы 10 % ежемесячных поступлений. «Резолюции первой конференции Приморского района Российской Социал-Демократической Рабочей Партии» вместе с Уставом были изданы Владивостокской группой РСДРП. Они хранятся в Отделе редкой книги ЦСПИ [29].

Сравнительный анализ резолюций конференции, отчёта на ней Владивостокской группы и ряда внешних документов позволяет установить точную дату и место её проведения. Отчёт Владивостокской группы, как следует из документа, состоялся 27 февраля 1907 г. Если принять во внимание, что отчёты делегатов организаций в порядке дня конференции стояли на первом месте, а конференция заседала 3 дня (на это указано в её резолюциях), то мы получаем дату работы I Конференции Приморского района РСДРП – с 27 февраля по 1 марта 1907 г.

Место проведения конференции в её резолюциях не указано, но о том, что она состоялась во Владивостоке, говорит нелегальная переписка Владивостокской организации. Прокурор Иркутской судебной палаты располагал сведениями,

что «в ноябре месяце 1907 г. было задержано несколько членов Владивостокской группы с.-д. и обнаружена их конспиративная квартира, в которой были взяты минеограф с несколькими валиками и типографские краски, а также нелегальная литература и переписка. Из этих документов видно, что заседания помянутой выше первой конференции Приморского района РСДРП происходили во Владивостоке» [23, с. 185].

Из резолюций конференции видно, что на ней присутствовали делегаты из Владивостока, Никольска-Уссурийского и Хабаровска. Всего 7 делегатов с правом решающего и 9 – совещательного голоса. Они представляли 200 членов партии. В порядке дня конференции стояли 15 вопросов, в т. ч. о думской тактике, о вооружённом восстании, о рабочем съезде, о военных и профессиональных организациях. Подробный анализ резолюций конференции – задача другой статьи. Укажем лишь, что она проходила в условиях противостояния большевистски и меньшевистски настроенных социал-демократов, хотя крайние проявления обеих течений в виде отзовизма и ликвидаторства были отвергнуты. Делегаты конференции, стоящие на позициях внефракционности и центризма, осудили ликвидаторскую идею «рабочего съезда» и отказались обсуждать проект меньшевистской резолюции о нём.

Сразу после окончания конференции, в марте 1907 г. владивостокские социал-демократы выпустили воззвание «Ко всем членам Приморского района» (сохранилось в ЦСПИ). Воззвание обращалось ко всем членам партии и сочувствующим увеличить денежные пожертвования в пользу партии: «Вносите же свои членские взносы, ваши пожертвования, знайте что каждый ваш грош дорог, что он идёт на расширение и усиление общего рабочего дела» [30].

Сохранившийся в ЦСПИ кассовый отчёт Владивостокской организации РСДРП за май 1907 г. указывает на дальнейший её рост и укрепление. Партийные взносы за это время уплатили 108 человек, а общая сумма прихода составила 795 руб. 30 коп. Организация выделяла деньги на содержание конспиративной квартиры, техники для печатания листовок, покупки книг для библиотеки. Только в мае 1907 г. организацией было получено книг из Санкт-Петербурга на сумму 27 рублей [31].

24 июня 1907 г. был принят новый «Устав Владивостокской организации РСДРП». Он также представлен в отделе редкой книги ЦСПИ. Сравнение его с находящимся здесь же «Уставом Владивостокской организации РСДРП, утверждённым общим собранием 19 ноября 1906 г.» показывает изменение структуры организации, повышение требований к вступающим в партию и усиление партийной дисциплины. Если раньше вступающий должен был представить рекомендации 2-х членов партии, то новый устав требовал уже 3-х членов. Добавлялся пункт о подчинении партийной дисциплине: «Всякий член организации, добровольно взявший на себя какую-либо работу или выбранный на какую-либо должность и не снявший свою кандидатуру во время выборов. Не имеет права отказаться от возложенной на него обязанности, в противном случае он подлежит партийному суду» [32].

Новый устав вводил производственно-территориальный принцип построения организации, разделив её на 3 курии: городскую, портовую и бухты Улисс. Устав содержал ряд параграфов, регламентирующих построение и деятельность курий. Каждая курия на своём собрании выбирала

куриальный комитет, который руководствовался постановлениями общего собрания Владивостокской организации. Для обеспечения централизации в состав куриальных комитетов с правом решающего голоса входили по одному представителю от общегородского комитета. В свою очередь в состав общегородского комитета входили также с решающим голосом по одному представителю от куриальных комитетов, а также от специально создающихся технической группы и пропагандистской коллегии. Принципы деятельности и обязанности пропагандистской коллегии и технической группы также регламентировались уставом.

В Коллекции нелегальных изданий ЦСПИ не сохранилась документация о деятельности курий, но о ней можно судить по представленным в фондах архивов «Уставе городской курии Владивостокской организации РСДРП» [10, л. 119] и «Отчёте куриального комитета городской курии Владивостокской С.-Д. организации» за июль и август 1907 г. [11, л. 9].

В июле 1907 г. социал-демократы Владивостока приступили к изданию нелегальной газеты «Приморский рабочий» и выпустили 2 номера газеты. Одновременно продолжался выпуск листовок и прокламаций. Всего, по нашим подсчётам, начиная с июня 1907 г. и по май 1910 г. эсдеки Владивостока выпустили не менее 15 наименований листовок. Однако в рассматриваемой коллекции их представлено всего две. 1 сентября вышла прокламация «К избирателям» за подписью «Приморский областной избирательный комитет Российской Социал-Демократической Рабочей Партии»

с призывом «гнать со двора... черносотенцев-реакционеров» и голосовать за представителей социал-демократии [33].

Листовка «Граждане» издана в типографии Владивостокской группы РСДРП в количестве 1000 экземпляров в январе 1909 г. Она даёт меньшевистский анализ движущим силам и причинам поражения революции 1905–1907 гг. Буржуазия представлена в ней как основной союзник пролетариата, а поражение революции объясняется предательством буржуазии. «Хватаясь одной рукой за шатающийся трон, а другой за Манифест 17 октября, царь искал для себя опору – и нашёл её в руке протянутой ему буржуазией. С этих пор революция обессиливает: буржуазия бьёт отбой, а пролетариат один, без её помощи, идёт на баррикады Москвы, навстречу своему поражению» [34]. Данная листовка – последний по времени документ Владивостокской группы РСДРП, представленный в Коллекции нелегальных изданий ЦСПИ.

В целом коллекция представляет важнейшие документы, позволяющие реконструировать организационную структуру, а также состояние и деятельность социал-демократических организаций Приморья в период революции 1905–1907 гг. и наступившего после неё периода политической реакции. Являясь историческими источниками и выполняя в настоящее время ретроспективную функцию, в период своего действия исходящие непосредственно от организаций документы несли социальную, политическую, идеологическую, регулятивную функции. Их значение для изучения общественно-политического движения на Дальнем Востоке, в Сибири и в стране в целом невозможно переоценить.

Литература

- Плinto Е. В. Опыт описания коллекций в историческом архиве Омской области // Документ в контексте истории: материалы III Международной конференции, посвящённой памяти профессора А. В. Ремнёва. Омск: Издательство Омского государственного университета, 2013. С. 126–132.
- Буктугутова Р. С. Документы государственных архивов Российской Федерации и Республики Казахстан по истории общественного движения в Степном крае в конце XIX – начале XX в. // Документ в контексте истории: материалы III Международной конференции, посвящённой памяти профессора А. В. Ремнёва. Омск: Издательство Омского государственного университета, 2013. С. 184–187.
- Гончарук И. А. К вопросу об издательской деятельности музеев, архивных учреждений и библиотек Дальнего Востока России // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. Серия: Документоведение и архивоведение. Информатика. Защита информации и информационная безопасность. 2016. № 2 (4). С. 113–123.
- Курусканова Н. П. Нелегальная издательская деятельность сибирских социалистов (1901 г. – февраль 1917 г.): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Курск, 2012. 46 с.
- Кадиков Э. Р. Эсеры в Сибири в начале XX века. Омск: Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского, 2016. 396 с.
- Макарчук С. В. Общественно-политическое движение начала XX века в документации музеев и архивов негубернских городов Восточной Сибири // Вестник Кемеровского государственного университета. 2014. № 3-2. С. 210–215.
- Сайт ЦСПИ. Режим доступа: www.shpi.ru/readers/center_sotcialino_politicheskoy_istorii (дата обращения: 11.02.2016).
- Центр социально-политической истории (ЦСПИ). ОРК. Цл. 1-17. Ц. 30453.
- Государственный архив Хабаровского края (ГАХК). Ф. П-44. Оп. 1. Д. 68.
- Российский государственный исторический архив Дальнего Востока (РГИА ДВ). Ф. 495. Оп. 1. Д. 2.
- Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. 245. Оп. 3. Д. 1446
- РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 10. Д. 192.
- Государственный архив Приморского края (ГАПК). Ф. 714. Оп. 1. Д. 2.
- РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 7. Д. 787.
- РГИА ДВ. Ф. 704. Оп. 6. Д. 1443.
- Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 70. Оп. 3. Д. 107.
- Воля. 1906. 9 дек.
- ГАИО. Ф. 246. Оп. 3. Д. 210.
- ЦСПИ. ОРК. Цл. 1-17. Ц. 30452.
- ЦСПИ. ОРК. Цл. 1-17. Ц. 30451.

21. ЦСПИ. ОРК. Цл. 1-17. Ц. 30450.
22. ЦСПИ. ОРК. Цл. 1-17. Ц. 623135.
23. Обзор революционного движения в округе Иркутской судебной палаты за 1897–1907 гг. Спб., 1908. 203 с.
24. Социал-демократ. 1906. № 7. 18 нояб.
25. ЦСПИ. ОРК. Цл. 1-17. Ц. 30457.
26. Государственный архив Забайкальского края (ГАЗК). Ф. 1. Оп. 1. Д. 256.
27. РГИА ДВ. Ф. 495. Оп. 1. Д. 3.
28. Пролетарий. 1907. 25 марта.
29. ЦСПИ. ОРК. 4ЦА185-16. Р. 837. Ц. 64622.
30. ЦСПИ. ОРК. Цл. 1-111. Ц. 18701.
31. ЦСПИ. ОРК. Цл. 1-17. Ц. 30466.
32. ЦСПИ. ОРК. Цл. 1-4. Ц. 30470.
33. ЦСПИ. ОРК. Цл. 1-17. Ц. 30472.
34. ЦСПИ. ОРК. Цл. 1-17. Ц. 30476.

COLLECTION OF ILLEGAL PUBLICATIONS OF THE CENTER FOR SOCIAL AND POLITICAL HISTORY AT THE STATE PUBLIC HISTORICAL LIBRARY: DOCUMENTATION OF THE ORGANIZATIONS OF THE RSDRP OF PRIMORYE (1906–1909)

Sergey V. Makarchuk^{1, @1}, Sergey P. Zvyagin^{1, @2}

¹ Kemerovo State University, 6, Krasnaya St., Kemerovo, Russia, 650000

@¹ makar@kemsu.ru

@² whitesiberia@narod.ru

Received 29.06.2017. Accepted 24.11.2017.

Keywords: archive document, social democracy, leaflets, proclamations, underground, illegal publications, Far East, Primorye.

Abstract: The documentation, proceeding from social-democratic organizations of Primorye during the revolution of 1905–1907 is considered and political reaction, presented in the Collection of Illegal Publications of the Center for Social and Political History (CSPI) at the State Public Historical Library (GPB). Documentary collections of the library are equated to archival collections and are an important component of the Archive Fund of the Russian Federation, and the documentation contained in them, as a rule, belongs to the category of particularly valuable or unique. The Center for Social and Political History of the State Public Historical Library contains in its collection illegal publications of the Russian Social-Democratic Labor Party (RSDLP), including publications of local organizations and groups. Primorye organizations include 13 documents, which are charters, cash reports, conference resolutions, mandates to deputies, reports on the status and activities, political proclamations. Most of the documents come from the Vladivostok organization of the RSDLP – officially approved by the leading organization of the Primorsky district of the RSDLP, which included all the Social Democratic groups of the Primorsky region. The aim of the article is to reconstruct the organizational structure, status and activities of the organizations of the Russian Social Democratic Labor Party in the Primorsky region of the Amur governor general-governorate and to determine the functional role and significance of the historical documentation presented in the department of the rare book of the CSPI, according to the surviving historical sources. Being historical sources and performing a retrospective function, during the period of its operation the collection documents carried social, political, ideological, and regulatory functions. Their importance for studying the social and political movement in the Far East, Siberia and the country as a whole can not be overestimated.

For citation: Makarchuk S. V., Zvyagin S. P. Kolleksiia nelegal'nykh izdaniy TsSPI GPB: dokumentatsiia organizatsii RSDRP Primor'ia (1906–1909 gg.) [Collection of illegal publications of the Center for Social and Political History at the State Public Historical Library: documentation of the organizations of the RSDLP of Primorye (1906–1909)]. *Bulletin of Kemerovo State University*, no. 4 (2017): 56–62. DOI:10.21603/2078-8975-2017-4-56-62.

References

1. Plinto E. V. Opyt opisaniia kollektsii v istoricheskom arkhive Omskoi oblasti [Experience of the collection description in the historical archive of the Omsk region]. *Dokument v kontekste istorii: materialy III Mezhdunarodnoi konferentsii, posviashchennoi pamiati professora A. V. Remneva* [Document in the context of history: Proc. 3th Intern. Conf. dedicated to the memory of Professor A. V. Remnev]. Omsk: Izdatel'stvo Omskogo gosudarstvennogo universiteta (2013): 126–132.

2. Buktugutova R. S. Dokumenty gosudarstvennykh arkhivov Rossiiskoi Federatsii i Respubliki Kazakhstan po istorii obshchestvennogo dvizheniia v Stepnom krae v kontse XIX – nachale XX v. [Documents of the state archives of the Russian Federation and the Republic of Kazakhstan on the history of the social movement in the Steppe Krai in the late XIX – early XX century]. *Dokument v kontekste istorii: materialy III Mezhdunarodnoi konferentsii, posviashchennoi pamiati professora A. V. Remneva* [Document in the context of history: Proc. 3th Intern. Conf. dedicated to the memory of Professor A. V. Remnev]. Omsk: Izdatel'stvo Omskogo gosudarstvennogo universiteta (2013): 184–187.
3. Goncharuk I. A. K voprosu ob izdatel'skoi deiatel'nosti muzeev, arkhivnykh uchrezhdenii i bibliotek Dal'nego Vostoka Rossii [On the issue of the publishing activity of museums, archival institutions and libraries of the Far East of Russia]. *Vestnik Rossiiskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta. Seriya: Dokumentovedenie i arkhivovedenie. Informatika. Zashchita informatsii i informatsionnaia bezopasnost'* = *Bulletin of the Russian State Humanitarian University. Series: Dokumentovedenie and archival science. Computer science. Information security and information security*, no. 2(4) (2016): 113–123.
4. Kuruskanova N. P. *Nelegal'naia izdatel'skaia deiatel'nost' sibirskikh sotsialistov (1901 g. – fevral' 1917 g.)*. Avtoref. diss. doctora ist. nauk [Illegal publishing activities of Siberian socialists (1901 – February 1917). Dr. hist. Sci. Diss. Abstr.]. Kursk, 2012, 46.
5. Kadikov E. R. *Esery v Sibiri v nachale XX veka* [SRs in Siberia in the early twentieth century]. Omsk: Omskii gosudarstvennyi universitet im. F. M. Dostoevskogo, 2016, 396.
6. Makarchuk S. V. Obshchestvenno-politicheskoe dvizhenie nachala XX veka v dokumentatsii muzeev i arkhivov negubernskikh gorodov Vostochnoi Sibiri [Social and political movement of the beginning of the twentieth century in the documentation of museums and archives of the non-gubernian cities of Eastern Siberia]. *Bulletin of the Kemerovo State University*, no. 3–2 (2014): 210–215.
7. *Sait TsSPI* [CSPI site] Available at: www.shpl.ru/readers/centr_sotsialino_politicheskoy_istorii/fondy (accessed 11.02.2016).
8. *Tsentr sotsial'no-politicheskoi istorii (TsSPI)* [Center for Social and Political History]. ORK. Tsl. 1-17. TS. 30453.
9. *Gosudarstvennyi arkhiv Khabarovskogo kraia (GAKhK)* [The State Archives of the Khabarovsk Territory]. Found P-44, List 1, File 68.
10. *Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv Dal'nego Vostoka (RGIA DV)* [The Russian State Historical Archive of the Far East]. Found 495, List 1. File 2.
11. *Gosudarstvennyi arkhiv Irkutskoi oblasti (GAIO)* [State Archives of the Irkutsk Region]. Found 245, List 3, File 1446.
12. *Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv Dal'nego Vostoka* [The Russian State Historical Archive of the Far East]. Found 1, List 10, File 192.
13. *Gosudarstvennyi arkhiv Primorskogo kraia (GAPK)* [The State Archives of the Primorsky Territory]. Found 714, List 1, File 2.
14. *Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv Dal'nego Vostoka* [The Russian State Historical Archive of the Far East]. Found 1. List 7, File 787.
15. *Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv Dal'nego Vostoka* [The Russian State Historical Archive of the Far East]. Found 704, List 6, File 1443.
16. *Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv sotsial'no-politicheskoi istorii (RGASPI)* [The Russian State Archive of Social and Political History]. Found 70, List 3, File 107.
17. *Volia = Will*, Dec. 9 (1906).
18. *Gosudarstvennyi arkhiv Irkutskoi oblasti* [State Archives of the Irkutsk Region]. Found 246, List 3. File 210.
19. *Tsentr sotsial'no-politicheskoi istorii* [Center for Social and Political History]. ORK. Tsl. 1-17. TS. 30452.
20. *Tsentr sotsial'no-politicheskoi istorii* [Center for Social and Political History]. ORK. Tsl. 1-17. TS. 30451.
21. *Tsentr sotsial'no-politicheskoi istorii* [Center for Social and Political History]. ORK. Tsl. 1-17. TS. 30450.
22. *Tsentr sotsial'no-politicheskoi istorii* [Center for Social and Political History]. ORK. Tsl. 1-17. TS. 623135.
23. *Obzor revoliutsionnogo dvizheniia v okruge Irkutskoi sudebnoi palaty za 1897–1907 gg.* [Review of the revolutionary movement in the district of the Irkutsk Court Chamber for the years 1897–1907]. Saint-Petersburg, 1908, 203.
24. *Sotsial-demokrat = The Social Democrat*, Nov. 18, no 7 (1906).
25. *Tsentr sotsial'no-politicheskoi istorii* [Center for Social and Political History]. ORK. Tsl. 1-17. TS. 30457.
26. *Gosudarstvennyi arkhiv Zabaikal'skogo kraia (GAZK)* [State Archive of the Trans-Baikal Territory]. Found 1, List 1, File 256.
27. *Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv Dal'nego Vostoka* [The Russian State Historical Archive of the Far East]. Found 495, List 1, File 3.
28. *Proletarii = The Proletarian*, March 25 (1907).
29. *Tsentr sotsial'no-politicheskoi istorii* [Center for Social and Political History]. ORK. 4TSA185-16. R. 837. TS. 64622.
30. *Tsentr sotsial'no-politicheskoi istorii* [Center for Social and Political History]. ORK. Tsl. 1-111. TS. 18701.
31. *Tsentr sotsial'no-politicheskoi istorii* [Center for Social and Political History]. ORK. Tsl. 1-17. TS. 30466.
32. *Tsentr sotsial'no-politicheskoi istorii* [Center for Social and Political History]. ORK. Tsl. 1-4. TS. 30470.
33. *Tsentr sotsial'no-politicheskoi istorii* [Center for Social and Political History]. ORK. Tsl. 1-17. TS. 30472.
34. *Tsentr sotsial'no-politicheskoi istorii* [Center for Social and Political History]. ORK. Tsl. 1-17. TS. 30476.

УДК 930 (=946.121) (574.22)

ИСТОРИЯ ДЕПОРТАЦИИ ЧЕЧЕНСКОГО И ИНГУШСКОГО НАРОДОВ В КОКЧЕТАВСКУЮ ОБЛАСТЬ ПО МАТЕРИАЛАМ АРХИВОВ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН**Гульнара Е. Мамаева**^{1, 2, @}¹ Государственный университет имени Шакарима г. Семей, Республика Казахстан, 071400, г. Семей, ул. Танибергенова, 1² Алтайский государственный педагогический университет, Россия, 656031, г. Барнаул, ул. Молодежная, 55

@elmira_77777@mail.ru

Поступила в редакцию 13.03.2017. Принята к печати 14.11.2017.

Ключевые слова: источники, депортация, чеченцы, ингуши, Казахстан, Кокчетавская область.**Аннотация:** Рассматриваются источники Государственного учреждения «Государственный архив г. Кокшетау», Государственного архива Акмолинской области (г. Кокшетау) и Архива Президента Республики Казахстан (г. Алматы) для освещения истории депортации чеченского и ингушского народов в Казахстан. Это преимущественно докладные, отчеты, справки, разная переписка, в которых содержатся сведения о процессе расселения, хозяйственно-бытовом и трудовом устройстве спецпереселенцев с Северного Кавказа. Выявленные источники архивов дают нам возможность воссоздать историю расселения и хозяйственно-бытового устройства спецпереселенцев – чеченцев и ингушей с Северного Кавказа на территорию Кокчетавской области Казахской ССР; проанализировать хозяйственное, социально-экономическое, культурное устройство спецпереселенцев и, таким образом, рассмотреть процесс формирования чеченской и ингушской диаспор на территории Казахстана. Автором статьи впервые введено в научный оборот большое количество ранее не опубликованных архивных материалов. Использование архивных документов позволило раскрыть различные аспекты рассматриваемой темы.**Для цитирования:** Мамаева Г. Е. История депортации чеченского и ингушского народов в Кокчетавскую область по материалам архивов Республики Казахстан // Вестник Кемеровского государственного университета. 2017. № 4. С. 63–69. DOI:10.21603/2078-8975-2017-4-63-69.

История депортированных народов на территорию Кокчетавской области отражена в материалах Архива Президента Республики Казахстан, Государственного архива г. Кокшетау и Государственного архива Акмолинской области (г. Кокшетау).

Актуальность исследования заключается в систематизации архивных источников и введением их в научный оборот.

Целью данной работы является исследование источников Архива Президента Республики Казахстан, Государственного архива г. Кокшетау и Государственного городского архива Акмолинской области (г. Кокшетау) по истории депортации чеченского и ингушского народов в Кокчетавскую область.

В связи с этим были поставлены следующие задачи: изучение и систематизация материалов исследования.

Методологическую основу исследования составили принципы объективности и историзма.

В материалах Государственного архива Акмолинской области г. Кокшетау отражена история образования области: «Указом Президиума Верховного Совета Казахской ССР 15 марта 1944 г. образовалась Кокчетавская область с центром в г. Кокчетаве. В состав области включены г. Кокчетав, Аиртауский, Келлеровский, Кызлтуский, Кокчетавский, Красноармейский, Чкаловский районы, выделенные из состава Северо-Казахстанской области. Арыкбалыкский, Зерендинский, Рузаевский, Щучинский, Энбекшильдерский районы выделены из состава Акмолинской области. В составе области 3 рабочих поселка, 157 сельских Советов» [1].

Информация о расселении и устройстве депортированных народов в Кокчетавской области на октябрь 1944 года содержится в докладной записке «О ходе хозяйственно-бытового и трудового устройства спецпереселенцев Северного Кавказа, расселенных на территории Кокчетавской области» заместителя начальника Управления НКВД по К/О, майора государственной безопасности Матяева и начальника отдела спецпоселений УНКВД по К/О, младшего лейтенанта государственной безопасности Чепленко, адресованной секретарю ЦК КП(б) К Казахской ССР товарищу Демкину: «На территории Кокчетавской области расселено спецпереселенцев Северного Кавказа 6320 семей, в них 27780 человек. Расселение происходило в 10 районах нашей области, в колхозах, совхозах, на предприятиях и прочих организациях» [2, л. 27].

Как видно из приведенной таблицы, спецконтингент Северного Кавказа расселен в основном в колхозах.

Из 5070 семей спецпереселенцев, поселенных в колхозах, членами сельхозартелей стало 4205 человек, что составляет к общему числу 83 %.

Однако необходимо отметить, что в ряде районов коллективизация спецпереселенцев проходит крайне медленно вследствие отсутствия должной массово-разъяснительной работы со стороны партийных организаций. К таким относятся Зерендинский и Кокчетавский районы.

В колхозы Зерендинского района вселено спецпереселенцев Северного Кавказа 470 семей, из коих вступило членами с/х артелей РО НКВД 254 семьи.

В Кокчетавском районе из числа 555 семей, вселенных в колхозы, вступила 221 семья. Местные партийные, а также

Таблица 1. Расселение спецпереселенцев Северного Кавказа на территории Кокчетавской области
 Table 1. The Resettlement of the special settlers from the North Caucasus into the territory of the Kokchetav region

№	Наименование районов	Всего		Размещено контингента								
				В колхозах		Всту- пило в колх. семей	В совхозах		В промышлен-ности		В проч. орга-низациях	
		Семей	Чел.	Семей	Чел.		Семей	Чел.	Семей	Чел.	Семей	Чел.
1	Келлеровский	1070	4714	1068	4696	1068	—	—	1	4	1	14
2	Арык-Балыкский	870	3856	717	3244	639	43	194	70	310	40	108
3	Айртаусский	268	1174	264	1157	219	—	—	—	—	4	17
4	Зерендинский	513	2563	470	2398	254	9	43	34	122	—	—
5	Кокчетавский	798	3241	555	2211	221	36	157	40	159	167	714
6	Красноармей-ский	512	2010	447	1726	432	—	—	—	—	65	284
7	Рузаевский	224	1052	211	981	141	—	—	—	—	13	71
8	Чкаловский	225	1042	171	782	146	53	256	—	—	1	4
9	Щучинский	1416	6089	849	3639	809	10	40	394	1665	163	745
10	Энбекшильдер-ский	424	2039	318	1655	277	53	252	53	132	—	—
	Всего	6320	27780	5070	22489	4206	204	942	592	2392	454	1957

руководители колхозов этих районов вопросами вовлечения спецпереселенцев Северного Кавказа в члены сельхозартелей занимаются недостаточно, а поданные заявления о вступлении не рассматриваются продолжительное время.

Отсутствие массово-разъяснительной работы сохранило до сего времени среди части спецпереселенцев вредные настроения о возможном возврате их на Северный Кавказ, что также в серьезной степени влияет на коллективизацию спецпереселенцев и другие проводимые мероприятия» [2, л. 27, 27 об.].

«По состоянию на 20 сентября 1944 года, общее количество больных спецпереселенцев – 214 человек, из них больных тифом – 54 человека. Остальные больны от простудных заболеваний и недоедания.

Смертность в указанном месяце достигла до 40 случаев. Заболевание и смертность от истощения и простудных болезней относится в большинстве к Щучинскому району.

Заболеваемость (151 человек), смертность (26 человек), объясняются тем, что расселенным спецпереселенцам в колхозах Щучинского района не были своевременно созданы хозяйственно-бытовые условия.

Сообщая о неудовлетворительном ходе хозяйственно-бытового устройства спецпереселенцев Северного Кавказа просим Ваших указаний Обкому КП /б/ и РК КП /б/ К о принятии решительных мер к окончанию хозустройства спецпереселенцев, чтобы исключить возможную гибель последних, являющихся еще не благоустроенными» [2, л. 29, 29 об.].

В документе «О недостатках в хозяйственно-трудовом устройстве спецпереселенцев с Северного Кавказа по Кокчетавской области» сказано: «Отмечая слабый ход выполнения решений Совнаркома ЦК КП (б) К от 17 ноября 1944 г. «О трудовом хозустройстве спецпереселенцев с Северного Кавказа» и в целях устранения имеющихся недочетов в этом деле исполком облсовета решил:

1. Обязать председателей райсоветов, руководителей областных организаций:

а) принять меры по устранению имеющихся недочетов в хозяйственном трудовом устройстве спецпереселенцев с Северного Кавказа;

б) прекратить отдельные факты разбазаривания фондов спецпереселенцев, принять меры к своевременному доведению и использованию по назначению продовольственных и промышленных товаров, отпускаемых правительством для спецпереселенцев;

в) принять меры по улучшению жилищно-бытовых условий спецпереселенцев путем строительства, ремонта и приспособленных жилдомов, создав для этой цели специальные строительные бригады из числа спецпереселенцев;

г) в целях усиления среди спецпереселенцев массово-политической и воспитательной работы и мобилизации их на быстрее хозяйственно-трудовое устройство, включить в план массово-политической работы спецпереселенцев раздел «О работе со спецпереселенцами» и привлечь к ней активистов из самих спецпереселенцев.

2. Обязать ОблФО тов. Бердичевского, зав. облгосбеспечения тов. Алиева, зав. облсобесом тов. Климентьева и председателей райисполкомов учесть всех многодетных семей, пенсионеров и инвалидов Отечественной войны и семей фронтовиков из состава спецпереселенцев и обеспечить выдачу им пенсий и госпособий.

3. Обязать Управление облконторой сельхозбанка т. Мухамбетова и Госбанка тов. Воробьева обеспечить бесперебойное кредитование и выдачу денег спецпереселенцам на строительство и покупку жилдомов.

4. В связи с начислением среди спецпереселенцев семей, не имеющих трудоспособных, поручить облзакопереселенотдел т. Газдиеву, председателям райгорсоветов выделять этим семьям повышенные нормы потребления из получае-

мых фондов продовольственных и промышленных товаров для спецпереселенцев.

5. Поручить председателям райисполкомов, облигазотско-та тов. Костоглотову и отдела хозустройства т. Газдиеву в месячный срок выдать скот спецпереселенцам, не получившим в 1944 г., согласно разнарядкам облисполкома.

6. Обратить внимание заведующему отдела хозустройства тов. Газдиеву на необходимость с его стороны усиления политико-массовой работы – помощи Райисполкомов в быстрейшем хозяйственном и трудовом устройстве спецпереселенцев с Северного Кавказа» [1, л. 24, 24 об.].

В сообщении начальника Управления при СНК КССР по хозустройству спецпереселенцев и эвакуации Д. Родина начальнику переселенческого отдела по Кокчетавскому облисполкому тов. Газдиеву содержится следующая информация: «Постановлением Совнаркома Союза ССР от 28 / VII-45 г. № 1927 спецпереселенцы с Северного Кавказа, из Грузинской ССР, из бывшей Крымской АССР и Калмыцкой АССР на 1945 и 1946 годы освобождены от обязательных поставок сельскохозяйственных продуктов государству, от уплаты сельхозналога, а также подоходного налога по доходам от сельского хозяйства в городских поселениях.

Этим же постановлением предложено списать с указанных спецпереселенцев задолженность по всем видам поставок и налогов, образовавшуюся за ними с момента их выселения в места нового поселения. Эта льгота Союзным правительством предоставлена спецпереселенцам в целях улучшения их материальных условий и быстрейшего хозяйственного устройства в местах нового поселения.

Управление обязывает провести по этому поводу широкую массово-разъяснительную работу и мобилизовать самих спецпереселенцев на быстрейшее завершение дела хозустройства их» [1, л. 56].

В спецсообщении председателя исполкома облсовета Ергебекова, адресованному т. Газдиеву, № 53-Р от 22 апреля 1946 года сказано: «В соответствии с распоряжением Совета Министров Казахской ССР от 8 апреля 1946 г. № 352-Р, утвердить годовой план кредитования жилищного строительства и покупку домов спецпереселенцам с Северного Кавказа на 1946 г. в сумме 2200 тыс. руб., со следующим распределением по районам:

1. Арык-Балыкский – 220 тыс. руб.
 2. Айртауский – 110 тыс. руб.
 3. Зерендинский – 170 тыс. руб.
 4. Келлеровский – 380 тыс. руб.
 5. Кокчетавский – 170 тыс. руб.
 6. Красноармейский – 220 тыс. руб.
 7. Рузаевский – 170 тыс. руб.
 8. Чкаловский – 170 тыс. руб.
 9. Щучинский – 330 тыс. руб.
 10. Энбекшильдерский – 110 тыс. руб.
 11. Город Кокчетав – 170 тыс. руб.
- Итого: 2200 тыс. руб.

Обязать облконтору сельхозбанка (т. Исабекова) обеспечить бесперебойную и своевременную выдачу ссуд спецпереселенцам, а также установить строгий контроль за правильным их использованием» [3, л. 40].

Докладная начальника Кокчетавского областного эвакуационно-переселенческого отдела А. М. Газдиева представлена в виде разделов: 1. Динамика вселения спецпереселенцев.

2. Трудовое устройство. 3. Отвод приусадебных участков. 4. Строительство, покупка и ремонт жилых домов. 5. Заготовка местных стройматериалов. 6. Поступление и реализация фондовых стройматериалов и др.

В разделе «Динамика вселения спецпереселенцев» имеются следующие сведения: «О выполнении плана мероприятий по хозустройству спецпереселенцев за 1945 г.»: «В марте 1944 года в Кокчетавскую область было вселено 6969 семей – 30 460 чел. спецпереселенцев с Северного Кавказа – ингуши, чеченцы и совершенно незначительное количество карачаевцев и балкарцев. Из них на 9 месяцев 1944 года выбыло за пределы Кокчетавской области 1189 семей – 5498 человек, из которых умерло 27 семей – 908 человек. За это же время в Кокчетавскую область в порядке воссоединения и на постоянное жительство прибыло 533 семейств – 2858 человек.

На 1 января 1945 г. в области проживало 6313 семьи – 27820 чел. – спецпереселенцев с Северного Кавказа.

В 1945 г. в Кокчетавскую область прибыло из других областей, городов Казахстана и Киргизии, а также из госпиталей и Красной Армии 439 семей – 2793 человек – спецпереселенцев с Северного Кавказа (ингуши, чеченцы и балкарцы). Выбыло из области 279 семей – 2993 человек, из которых умерло 26 семей – 679 человек.

Таким образом, на 1-е января 1946 г. на территории Кокчетавской области осталось 6473 семей – 27 620 чел. – спецпереселенцев с Северного Кавказа».

В разделе «Трудовое устройство» приводятся следующие факты: «Примеров подлинно-стахановской работы среди спецпереселенцев в области очень много. В своем отношении к труду и выполнению норм выработок спецпереселенцы не только уступают местному населению, а, наоборот, во многих случаях занимают ведущее место. Специальным учетом того, на каких должностях заняты спецпереселенцы, эвакуационно-переселенческий отдел не ведет, но по отрывным данным, полученным из районов, видно, что не все спецпереселенцы используются на работах по их специальностям, в колхозах их не выдвигают на руководящие работы. Спецпереселенцы, имеющие законченное среднее образование, зачастую используются в колхозах на рядовых работах, но есть в области много спецпереселенцев, которые работают на руководящих и специальных должностях. Так, управляющим облконторой Главтабаксырье работает спецпереселенец Хамчиев, весь аппарат областного эвакуационно-переселенческого отдела состоит из спецпереселенцев. Спецпереселенцы работают инженерами, агрономами, бухгалтерами, медсестрами, энергетиками, заготовителями, снабженцами, завхозами, пекарями, плотниками, работают в милиции, НКВД, продавцами в магазинах, шоферами, трактористами, слесарями, токарями и т. д.

В 1945 г. из спецпереселенцев на курсах подготовлено более 80 человек шоферов, 40 чел. трактористов, 90 чел. швейниц, 12 чел. бухгалтеров, 72 человека трикотажниц и т. д.» [4, л. 1].

В отчете по Кокчетавской области начальника переселенческого отдела облисполкома Ашихмана представлена информация о численности контингента по годам:

Таблица 2. Численность спецпереселенцев в Кокчетавской области на 1 января 1946 г.

Table 2. The number of the special settlers in the Kokchetav region by January 1, 1946

Спецпереселенцы	Количество семей	В них душ
Чеченцев	1996	7600
Ингушей	4562	19891
Балкарцев		
Карачаевцев		
из Груз. ССР		
и бывш. Крымской АССР		
Итого:	6558	27491

Таблица 3. Изменения состава контингента в течение 1946 г.

Table 3. Changes in composition of contingent during 1946

Прибыло семей	243	Душ – 940
Родилось	–	–/– 227
Итого	243	1167
Убыло семей	367	Душ – 1670
Умерло	–	–/– 329
Итого:	367	–/– 1999

Таблица 4. Численность спецпереселенцев на 1 января 1947 г.

Table 4. The number of the special settlers by January 1, 1947

Чеченцев	Семей – 1996	Душ – 7660
Ингушей	–/– 4308	–/– 18479
Балкарцев	–/– 130	–/– 520
Итого:	6434	26659

Причины прибытия и убытия населения происходило по разрешению УМВД – на воссоединение семей.

Таблица 5. Изменения состава контингента в течение 1947 г.

Table 5. Changes in composition of contingent during 1947

Прибыло семей	120	Душ – 451
Родилось	–	–/– 304
Итого	120	–/– 755
Убыло семей	308	Душ – 952
Умерло	–	–/– 280
Итого:	308	1232

Таблица 6. Численность спецпереселенцев на 1 января 1948 г.

Table 6. The number of the special settlers on January 1, 1948

Чеченцев	Семей 291	Душ – 1164
Ингушей	–/– 5623	–/– 23691
Балкарцев	–/– 332	–/– 1327
Итого:	6246	26182

Прибытие и убытие населения происходило по разрешениям УМВД, по причинам – на воссоединение семей» [5, л. 80, 81, 174, 175].

Таким образом, в Государственном архиве Акмолинской области (г. Кокшетау) (Ф. 22) и в Государственном учреждении «Государственный архив г. Кокшетау» (Ф. 1) имеются немногочисленные, но ценные источники о депортированных народах – чеченцах и ингушах. Судя по документам двух архивов г. Кокшетау, размещение огромного контингента в Кокчетавской области Казахской ССР проходило сложно, т. к. республика в военное время не в состоянии была своевременно оказать помощь спецпереселенцам.

Анализ архивных документов дает нам возможность комплексно исследовать процесс расселения чеченцев и ингушей в области.

Обширный материал о размещении спецконтингента с Северного Кавказа на территории Казахской ССР хранится в фондах 725, 708 Архива Президента Республики Казахстан:

1. Выписка из протокола № 237 п. 29 заседания бюро ЦК КП (б) К от 17 мая 1944 г. «О трудоустройстве спецпереселенцев» (т. Богданов) (Ф. 725. Оп. 4-725. Д. 611. Л. 193–195).

2. Выписка из протокола № 239 П. 13 заседания бюро ЦК КП (б) К от 15.VI. 44 г. «О ходе выполнения постановления бюро ЦК КП (б) К» от 17 мая 1944 г. «О трудоустройстве спецпереселенцев» (т. Скворцов) (Ф. 725. Оп. 4-725. Д. 611. Л. 196–197).

3. Копия протокола № 239 П. 13 от 15.VI. 44 г. «Секретарям обкомов КП(б) К, председателям облисполкомов Советов депутатов трудящихся» (Ф. 725. Оп. 4-725. Д. 611. Л. 198–200).

4. Отчет Управления при Казахской ССР по хозяйственному спецпереселенцев и эвакуированных «О выполнении мероприятий по хозяйственному и бытовому устройству спецпереселенцев с Северного Кавказа, из Грузинской ССР и эвакуантов в 1945 год по Казахской ССР» [Ф. 708. Оп. 9. Д. 316. Л. 1–59].

Из других документов, хранящихся в Архиве, несомненный интерес представляют сведения:

1. «О работе бывших руководящих работников Чечено-Ингушской АССР» (Ф. 708. Оп. 8. Д. 1513. Л. 1–2).

2. «О бывших руководящих работниках Чечено-Ингушской АССР по словам бывшего второго секретаря Чечено-Ингушского обкома ВКП(б) Решидова» (Ф. 708. Оп. 8. Д. 1513. Л. 4–7).

3. Справка «О наличии бывших руководящих партийных советских работников Чечено-Ингушской АССР и Карачаевской автономной области» (Ф. 708. Оп. 8. Л. 10, 10 об.).

В фондах Архива Президента Республики Казахстан имеются документы о размещении депортированных народов в Казахской ССР. Содержание документов дает нам возможность наиболее полно и всесторонне раскрыть события тех лет.

Комплекс документов Архива по истории чеченцев и ингушей в Казахстане отражает и факты, характеризующие столкновение ментальности народов северного Кавказа с политикой правящего режима. Власть отторгала целый народ, пытаясь внедрить в сознание общества мысль о его, якобы, «ненадежности», «предательской сущности» и пр. Кто-то верил этой пропаганде, в том числе и руководители, чаще всего низовой структуры.

В середине 1950-х годов правовые ограничения для спецпереселенцев стали сниматься. Ограничения снимались не все и не сразу, что увеличило поток писем в ЦК ЛКСМ с просьбами помочь получить образование.

В июле 1956 г. с народов, выселенных из Северного Кавказа, были сняты ограничения по спецпоселению, а в январе 1957 г. восстановлена Чечено-Ингушская АССР в составе РСФСР. Выезд чеченцев и ингушей продолжался до начала 1960-х годов. Но часть их навсегда остались гражданами Казахстана, восприняв республику как свою Родину [6].

Ситуация с изучением проблем репрессированных народов коренным образом изменилась в конце 80-х гг. XX века с началом демократизации советского общества в СССР в годы перестройки, когда под давлением общественности появились первые публикации о жертвах тоталитарного режима.

Практически одновременно начали исследовать различные аспекты существования системы спецпоселений Н. Ф. Бугай – российский историк, доктор исторических наук, профессор, и В. И. Земсков – советский и российский историк, доктор исторических наук, положив в основу своих научных исследований рассекреченные материалы архивных фондов высших органов государственной власти и карательных структур СССР, разделив, если так можно выразиться, сферы влияния. Статьи Н. Ф. Бугая, увидевшие свет в конце 80-х начале 90-х годов, были посвящены депортациям отдельных народов или отдельным проблемам истории репрессированных народов [7, с. 25, 26].

В 2001 году была опубликована работа М. П. Поляна «Не по своей воле... История и география принудительных миграций в СССР». Предлагаемая книга российского историка, географа и филолога, доктора географических наук Павла Марковича Поляна посвящена одной из самых острых, непростых и малоосвещенных вплоть до начала 1990-х годов XX в. тем в отечественной истории. На основании богатого эмпирического материала автор предлагает типологию и реконструирует хронологию принудительных миграций в СССР. М. П. Полян в своей книге дает скрупулезное описание истории и географии всех перемещений значительных масс людей против их воли с 1919 до 1953 года, на территории бывшего Советского Союза, а также тех стран, куда попадали переселенцы. В череде отдельных операций он пытается обнаружить определенную систему и связь со «смежными явлениями» (такими как ГУЛАГ или плановые переселения), разобраться в их историческом контексте и географической логике [8].

В 2004 году было издано собрание документов в 7 томах «История сталинского Гулага. Конец 1920-х – первая половина 1950-х годов». Семь томов документального издания «История сталинского Гулага. Конец 1920-х – первая половина 1950-х годов» содержит материалы о массовых репрессиях 1930-х – 1950-х гг. В научный оборот вводятся документы ОГПУ, НКВД, МВД СССР, руководящих партийно-государственных органов о планировании, проведении и результатах всех основных репрессивных акций сталинского периода – от депортаций и арестов в ходе насильственной коллективизации и «раскулачивания», массовых операций 1937–1938 гг. до политических чисток и применения чрезвычайного законодательства в конце 1940–1950-х годов. Опубликованные материалы позволяют проследить динами-

ку сталинского террора, выявляют основные механизмы его осуществления [9].

Относительно депортации чеченцев и ингушей важную роль сыграли исследования ряда кавказских исследователей (И. И. Алиев, Л. Я. Арапханова, М. Д. Яндиева, Х. А. Гакаев и др.).

Казахстанская историография не располагала сведениями о страшных преступлениях тоталитаризма: спецпереселении и депортации народов в довоенные годы и в период Второй мировой войны. Архивные документы долгое время по идеологическим соображениям были засекречены. Сборник, изданный в 1998 г., «Депортированные народы в Казахстан: время и судьбы» восполнил этот пробел [10].

Книга А. Гунашева «Чеченцы в Казахстане» (2003 г.) является одной из первой попыток в Казахстане осмыслить место и роль чеченской диаспоры, рассказать о трагической истории чеченского народа и той его части, которая стала казахстанцами, о его культуре, самобытных традициях, особенностях менталитета, зачастую столь непохожего на мироощущение многих других народов нашей страны [11].

Большая часть документов Архива Президента Республики Казахстан была впервые опубликована в книге «От депортации к интеграции: документы и материалы, посвященные 60-летию депортации и ингушей в Казахстан» (2004 г.) [10].

В работе доктора исторических наук, профессора Ж. А. Ермекебаева «Чеченцы и ингуши в Казахстане. История и судьбы» показаны трудовая и общественная деятельность, социальное и правовое положение, реабилитация; рассматриваются вопросы культуры и современные этнические процессы, происходящие среди них. На широком архивном материале и свидетельствах очевидцев автор знакомит с историей депортации и расселения спецпереселенцев – и чеченцев в Казахстане [12].

С обретением независимости Республики Казахстан, как и многие народы, проживающие в стране, чеченцы и ингуши стали полноправными гражданами.

В 1999 г. была опубликована книга «Тепло казахстанской земли». Эта книга известного публициста, поэта, члена Совета Ассамблеи народов Казахстана Олега Григорьевича Дымова, которая посвящена актуальным проблемам национальной политики, результативно проводимой в нашей стране. Его работа является своеобразным историко-этнографическим обзором ряда этнических диаспор республики [13].

В 2003 году был издан сборник «Неповторимое многоцветье». В этом издании от лица лидеров диаспор исчерпывающе раскрывается самобытность духовной и социально-культурной жизни народов Казахстана, рассказывается о вкладе каждого этноса в общую сокровищницу человеческой цивилизации [14].

Таким образом, источники Государственного учреждения «Государственный архив г. Кокшетау», Государственного архива Акмолинской области (г. Кокшетау) и Архива Президента Республики Казахстан дают нам возможность исследовать историю расселения и хозяйственно-бытового устройства спецпереселенцев – чеченцев и ингушей с Северного Кавказа на территорию Кокчетавской области Казахской ССР и приоткрыть завесу прошлого.

Литература

1. Государственный архив Акмолинской области (г. Кокшетау). Ф. 22. Оп. 1. Д. 7.
2. Государственный архив города Кокшетау. Ф. 1. Оп. 1. Д. 12.
3. Государственный архив Акмолинской области (г. Кокшетау). Ф. 22. Оп. 1. Д. 5.
4. Государственный архив Акмолинской области (г. Кокшетау). Ф. 22. Оп. 1. Д. 10.
5. Государственный архив Акмолинской области (г. Кокшетау). Ф. 22. Оп. 1. Д. 16.
6. От депортации к интеграции: документы и материалы, посвященные 60-летию депортации и ингушей в Казахстан: Международный фонд гуманитарной помощи «Нур» / сост. Е. М. Грибанова, А. А. Гунашев, А. С. Зулкашева, Л. Н. Сапонова. Алматы: Дәуір, 2004. 256 с.
7. История сталинского Гулага. Конец 1920-х – первая половина 1950-х годов: собрание документов в 7 т. Т. 5: Спецпереселенцы в СССР / отв. ред. и сост. Т. В. Царевская-Дякина. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2004. 824 с.
8. Полян П. Не по своей воле... История и география принудительных миграций в СССР. М.: ОГИ (объединенное гуманитарное издательство), 2001. 315 с. Режим доступа: <http://www.geoversum.by/catalog/item4390.html> (дата обращения: 20.08.2017).
9. История сталинского Гулага. Конец 1920-х – первая половина 1950-х годов: собрание документов: в 7 т. // Государственный архив Российской Федерации. 27.09.2015. 23:29 (ред. 03.10.2015. 15:51). Режим доступа: <http://statearchive.ru/394> (дата обращения: 20.08.2017).
10. Депортированные в Казахстан народы: время и судьбы / сост. Г. Анес. Алматы: Арыс-Қазақстан, 1998. 428 с.
11. Гунашев А. Чеченцы в Казахстане. Алматы: Дәуір, 2003. 152 с.
12. Ермекбаев Ж. А. Чеченцы и ингуши в Казахстане. История и судьбы. Алматы: Дайк-Пресс, 2009. 508 с.
13. Дымов О. Г. Тепло Казахстанской земли. Алматы: Арыс, 1999. 272 с.
14. Неповторимое многоцветье. Алматы: Ол-Жас Баспасы, 2003. 208 с.

HISTORY OF DEPORTATION OF THE CHECHEN AND INGUSH PEOPLES TO THE KOKCHETAV REGION ACCORDING TO THE KAZAKHSTAN ARCHIVAL MATERIALS

Gulnara E. Mamaeva^{1, 2, @}

¹ Shakarim State University of Semey, 1, Tanibergenova St., Kazakhstan Republic, Semey, 071400

² Altai State Pedagogical University, 55, Molodejnaja St., Barnaul, Russia, 656031

@elmira_77777@mail.ru

Received 13.03.2017. Accepted 14.11.2017.

Keywords: sources, deportation, Chechens, Ingush, Kazakhstan, Kokchetav region

Abstract: The current paper uses the sources of the State Archives of Kokshetau, the State Archive of Akmola region (Kokshetau) and the Archive of the President of the Republic of Kazakhstan (Almaty) to cover the history of the deportation of the Chechen and the Ingush peoples to Kazakhstan. These are mainly reports, notes, various correspondence, which contain information about the process of resettlement, the economic and domestic and labor arrangements of the so-called special settlers from the North Caucasus. The identified sources of archives give the author an opportunity to recreate the history of the resettlement and the economic accommodation of the special settlers – the Chechens and the Ingush – from the North Caucasus to the territory of the Kokchetav region in the Kazakh SSR. The information obtained has allowed the author to analyze the economic, socioeconomic, cultural structure of the special settlers and, thus, to consider the formation of the Chechen and the Ingush Diasporas on the territory of Kazakhstan. The author introduces a large number of previously unpublished archival materials into scientific use. The use of archival documents allowed the author to disclose various aspects of the issue under consideration.

For citation: Mamaeva G. E. Istoriia deportatsii chechenskogo i ingushskogo narodov v Kokchetavskuiu oblast' po materialam arkhivov Respubliki Kazakhstan [History of Deportation of the Chechen and Ingush Peoples to the Kokchetav Region according to the Kazakhstan Archival Materials]. *Bulletin of Kemerovo State University*, no. 4 (2017): 63–69. DOI:10.21603/2078-8975-2017-4-63-69.

References

1. Gosudarstvennyi arkhiv Akmolinskoi oblasti (g. Kokshetau) [State Archive of the Akmola region (Kokshetau)]. Found 22, List 1, File 7.
2. Gosudarstvennyi arkhiv goroda Kokshetau [The State Archives of Kokshetau]. Found 1, List 1, File 12.

3. *Gosudarstvennyi arkhiv Akmolinskoi oblasti (g. Kokshetau)* [State Archive of the Akmola region (Kokshetau)]. Found 22, List 1, File 5.
4. *Gosudarstvennyi arkhiv Akmolinskoi oblasti (g. Kokshetau)* [State Archive of the Akmola region (Kokshetau)]. Found 22, List 1, File 10.
5. *Gosudarstvennyi arkhiv Akmolinskoi oblasti (g. Kokshetau)* [The State Archive of the Akmola region (Kokshetau)]. Found 22, List 1, File 16.
6. *Ot deportatsii k integratsii: dokumenty i materialy, posviashchennye 60-letiiu deportatsii i ingushei v Kazakhstan: Mezhdunarodnyi fond gumanitarnoi pomoshchi «Nur»* [From deportation to integration: documents and materials dedicated to the 60th anniversary of the deportation of the Ingush in Kazakhstan]. Comp. Gribanova E. M., Gunashev A. A., Zulkasheva A. S., Saponova L. N. Almaty: Deuir, 2004, 256.
7. *Istoriia stalinskogo Gulaga, konets 1920-kh pervaiia polovina 1950-kh godov. T. 5: Spetspereselentsy v SSSR* [History of Stalin GULAG. The end of the 1920th – the first half of the 1950th years: a collection of documents in 7 vol. Vol. 5: Special immigrants in the USSR]. Ed. and comp. Tsarevskaiia-Diakina T. V. Moskow: Rossiiskaia politicheskaiia entsiklopediia (ROSSPEN), 2004: 824.
8. Polian P. *Ne po svoei vole... Istoriia i geografiia prinuditel'nykh migratsii v SSSR* [Against the will ... History and geography of compulsory migrations in the USSR]. Moscow: OGI (ob»edinennoe gumanitarnoe izdatel'stvo), 2001, 315. Available at: <http://www.geoversum.by/catalog/item4390.html> (accessed 20.08.2017).
9. *Istoriia stalinskogo Gulaga. Konets 1920-kh – pervaiia polovina 1950-kh godov* [History of Stalin GULAG. The end of the 1920s – the first half of the 1950s]. *Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii* [State archive of the Russian Federation]. 27.09.2015. 23:29 (Ed. 03.10.2015. 15:51). Available at: <http://statearchive.ru/394> (accessed 20.08.2017).
10. *Deportirovannye v Kazakhstan narody: vremia i sud'by* [The people deported to Kazakhstan: time and destinies]. Comp. Anes G. Almaty: Arys-Kazakhstan, 1998, 428.
11. Gunashev A. *Chechentsy v Kazakhstane* [Chechens in Kazakhstan]. Almaty: Deuir, 2003, 152.
12. Ermekbaev Zh. A. *Chechentsy i ingushi v Kazakhstane. Istoriia i sud'by* [The Chechens and the Ingush in Kazakhstan. History and life stories]. Almaty: Daik-Press, 2009, 508.
13. Dymov O. G. *Teplo Kazakhstanskoi zemli* [Warmly Kazakhstan earth]. Almaty: Arys, 1999, 272.
14. *Nepovtorimoe mnogotsvet'e* [Unique variety of colors]. Almaty: Ol-Zhas Baspasy, 2003, 208.

УДК 903-03; 903.2

СЛУЧАЙНЫЕ НАХОДКИ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПРЕДМЕТОВ В ЮЖНЫХ РАЙОНАХ НИЖНЕГО ПРИТОМЬЯ

Алексей Г. Марочкин^{1, @1, *}, Лариса Ю. Боброва^{2, @2, *}

¹ Федеральный исследовательский центр угля и углехимии СО РАН, Россия, 650000, г. Кемерово, пр. Советский, 18

² Кемеровский государственный университет, Россия, 650000, г. Кемерово, ул. Красная, 6

@1 comcon@yandex.ru

@2 chaika@kemsu.ru

Поступила в редакцию 02.02.2017. Принята к печати 11.09.2017.

Ключевые слова: случайные находки, неолит, эпоха бронзы, эпоха раннего железа, раннее средневековье, археологическая карта, юг Нижнего Притомья.

*** Работа выполнена в рамках государственного задания Министерства РФ № 33.2597.2017 / ПЧ.**

Аннотация: Цель статьи – введение в научный оборот и археологическая интерпретация семнадцати древних предметов из коллекций Кемеровского областного краеведческого музея, музея-заповедника «Томская Писаница», музея «Археология, этнография и экология Сибири» КемГУ и Музея археологии и этнографии им. В. М. Флоринского ТГУ. Методология исследования построена на понимании термина «случайная находка» в аспекте частных случаев непреднамеренного обнаружения археологического местонахождения, что позволяет впервые использовать этот вид источников для историко-культурных реконструкций в этом регионе. В работе применены методы картографирования и ландшафтно-геоморфологического анализа, сравнительно-типологический метод, метод периодизации. Определено первостепенное значение случайных находок для уточнения археологической карты наименее изученных районов Притомья, связанных с территорией г. Кемерово и водораздельными пространствами томского правобережья. Установлена хронологическая группировка рассмотренных предметов и сделаны выводы о возможной связи группы каменных орудий с изылинскими, ирбинско-новокузовскими или крохалеваскими поселениями неолита – начала развитой бронзы; о подтверждении случайными находками бронзовых ножей и кинжалов ирменского культурного доминирования в период поздней бронзы при наличии обменных связей с сопредельными культурными группами; о типологической близости серии случайных находок скифского периода в первую очередь синхронным комплексам Среднего Енисея, Ачинско-Мариинской лесостепи и Томского Приобья, а не памятникам лесостепного Приобья; о связи находок кулайского и посткулайского времени преимущественно с ритуальными практиками в культовых местах.

Для цитирования: Марочкин А. Г., Боброва Л. Ю. Случайные находки археологических предметов в южных районах Нижнего Притомья // Вестник Кемеровского государственного университета. 2017. № 4. С. 70–79. DOI:10.21603/2078-8975-2017-4-70-79.

Южные районы Нижнего Притомья представляют собой прибрежную часть р. Томь на участке от г. Кемерово до административной границы Кемеровской и Томской областей, а также прилегающие территории западных предгорий Кузнецкого Алатау и водораздельного Инско-Томского междуречья. Эти районы являются северными речными воротами в Кузнецкую котловину, местом, где Томь связывает её воедино с лесными пространствами Среднего Приобья. Пограничный характер юга Нижнего Притомья играл важную роль в историко-культурных процессах, имевших место в древности и средневековье. На этой же территории расположен уникальный для Западной Сибири Нижнетомский очаг наскального искусства.

Административное разделение Нижнего Притомья между двумя областями сыграло негативную роль в изучении его археологического наследия. В окрестностях г. Томска активные изыскания ведутся более столетия, и север Нижнего Притомья по праву можно считать одним из наиболее изученных в археологическом отношении районов Западной Сибири. В южной части сложилась диспропорция в исследованиях петроглифических комплексов и собственно археологических памятников. Писаницы р. Томь являются предметом пристального научного интереса со времен первых академи-

ческих экспедиций, в то время как исследования других археологических местонахождений до 1990-х гг. имели спорадический характер. В начале 1990-х гг. были проведены первые масштабные разведки в районе дислокации петроглифов [1]. Начиная со второй половины 2000-х гг. разведки и раскопки археологических памятников в этом районе приобрели планомерный характер (обзор см. в [2]). Это обусловило многократное увеличение источниковой базы, и позволило приблизиться к решению некоторых проблем, в частности вопросов периодизации древностей и культурно-хронологической интерпретации наскальных изображений [3].

В задачи настоящей работы входит обобщение сведений о такой специфической категории археологического наследия на рассматриваемой территории, как «случайные находки», картографирование и пространственный анализ подобных местонахождений, их культурно-хронологическая интерпретация.

I

Термин «случайная находка» в археологии имеет несколько толкований. Иногда с помощью него обозначают случайно обретенную, потерянную в древности вещь, что не совсем правильно, ведь процесс археологизации обусловлен

множеством факторов, то есть всегда случаен. Чаше под это определение попадают «новые», «необычные» для той или иной территории разновидности артефактов, но это может быть следствием недостаточной изученности региона. Существует еще один похожий подход, когда к «случайным находкам» относят предметы единичного импорта [4] или вещь в необычном, «культовом» контексте [5]. «Случайное» становится созвучно «единичному», «оригинальному» и призвано подчеркнуть неординарный характер формирования того или иного археологического контекста. При таком подходе «случайное» потенциально рассматривается как частное проявление «закономерного».

Наконец, «случайная находка» может обозначать археологическую вещь, обнаруженную непреднамеренно, вне целенаправленных исследований. Это также соответствует философскому определению *случайности* как *проявления результатов совпадения независимых процессов или событий*. В настоящей работе мы придерживаемся именно такой трактовки термина, акцентируя внимание, прежде всего, на *случайности обнаружения* какого-либо археологического объекта.

Профессиональные изыскания заведомо не могут охватить весь массив археологических памятников, истинное количество которых может на порядок превышать число выявленных местонахождений. Поэтому даже в относительно хорошо исследованных районах не редки находки археологических предметов, совершенные случайными людьми при различных обыденных занятиях – прогулках, обработке почвы, строительных работах, рыбной ловле и т. д.

Известны редчайшие примеры, когда автором «случайной находки» становился специалист-археолог – широко известна история открытия Б. Х. Кадиковым уникального неолитического могильника Усть-Иша, прологом к которому стало обнаружение каменного топорика, случайно замеченного им в куче щебня на автобусной остановке [6, с. 3]. Однако, в большинстве своем авторы «случайных находок» не обладают навыками профессионального поиска и не ставят его целью своих занятий (в данном случае мы не рассматриваем незаконную деятельность т. н. «черных археологов»). Это с лихвой компенсируется многовариантностью случаев и способов взаимодействия множества людей с ландшафтом (зачастую разрушительного для ландшафта), которые делают саму возможность «случайной находки» весьма вероятной.

Неопределенно большое число находок подобного рода остаются неизвестными, будучи неузнанными, выброшенными за ненадобностью или хранящимися в качестве «курьезов» в личных коллекциях. Некоторая часть попадает в поле зрения специалистов, превращаясь в археологический источник, иногда первостепенной важности [7–8]. Зачастую место «случайной находки» связано с нарушением почвенного покрова памятника, и выявленное таким образом местонахождение становится доступным для профессионального изучения [9, с. 33–34, 92–94]. Учет таких находок через просветительскую работу музеев, опросы местных жителей и краеведов становится важной исследовательской задачей.

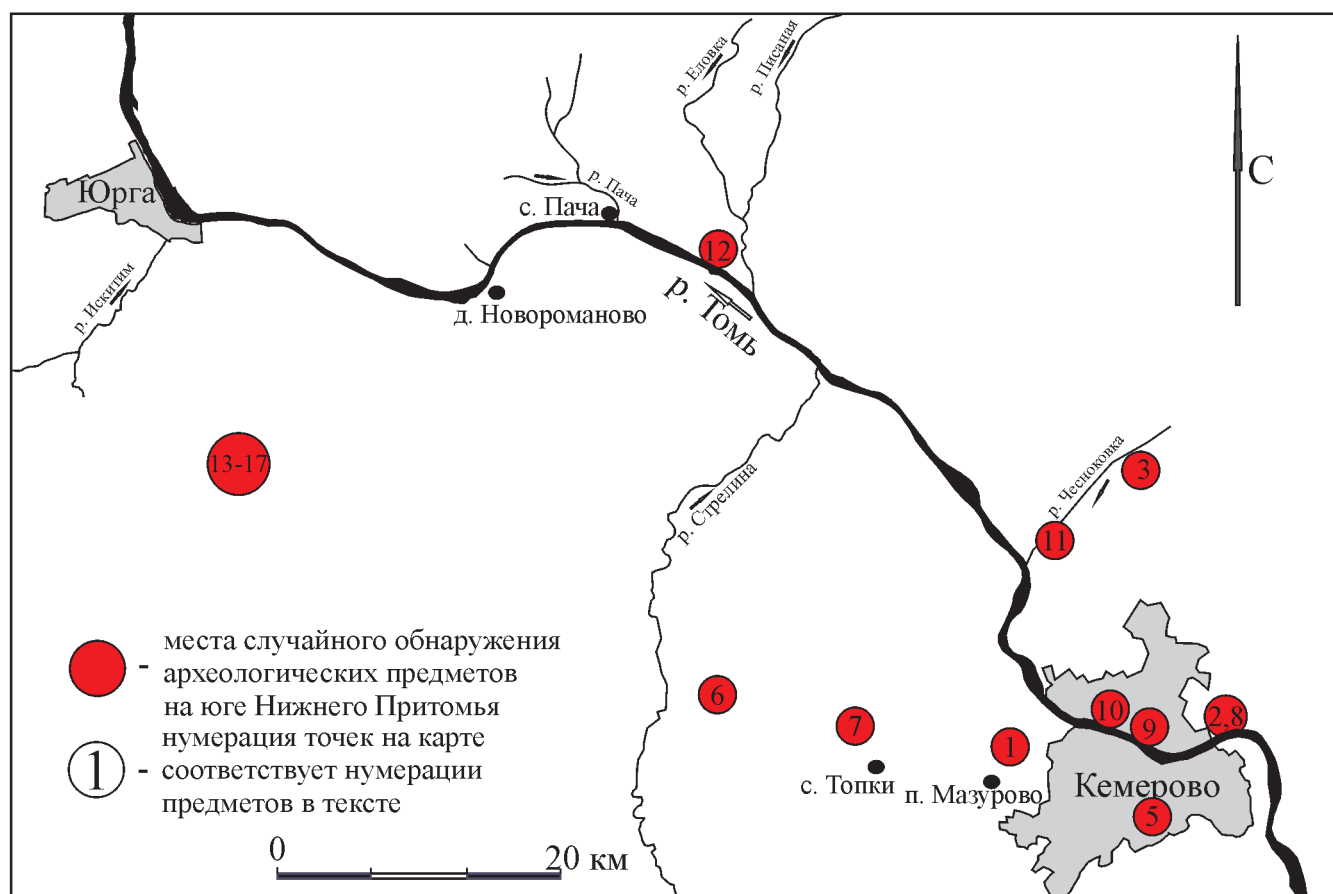

Рис. 1. Карта случайно обнаруженных археологических предметов на юге Нижнего Притомья

Fig. 1. The map of accidentally discovered archaeological items in the South areas of the Lower Tom' river valley

II

Недавно подготовлена и направлена в печать статья К. В. Конончука и А. Г. Марочкина [10], посвященная четырем предметам художественной металлопластики позднекулайского и посткулайского времени из случайных находок у Томской Писаницы. Не касаясь этих изделий, в настоящей работе мы рассмотрели остальные археологические находки из случайных сборов, сделанных на юге Нижнего Притома в основном в 1950–1990-е гг., и частично находки XIX в. Учтены 17 предметов, хранящиеся в фондах Кемеровского областного краеведческого музея (КОКМ), музея-заповедника «Томская Писаница» (МЗТП), музея «Археология, этнография и экология Сибири» КемГУ (КМАЭЭ), музея археологии и этнографии Сибири им. В. М. Флоринского ТГУ (МАЭС ТГУ).

Некоторые из них опубликованы ранее и представляют для данной статьи интерес, прежде всего, в плане картографирования и уточнения культурно-хронологической атрибуции «случайных находок». Остальные публикуются впервые (авторы выражают признательность сотрудникам вышеперечисленных музеев за предоставленную возможность ознакомиться с фондом случайных находок и публикации материалов).

№ 1. Тесло каменное (рис. 1–1; рис. 2–1). Найдено у села Мазурово (Кемеровский район Кемеровской области) в 1990 г. Константином Аболенцевым. Предмет передан на хранение в КОКМ (КП ОФ 9275, ВА 16/9), публикуется впервые.

Тесло трапециевидной формы, линзовидное в поперечном сечении. Асимметрия рабочего профиля выражена слабо. Большая часть поверхности орудия имеет следы шлифовки, на боковых гранях и обушке зафиксированы остатки двухсторонней оббивки. Общая длина – 90 мм, ширина лезвия – 38 мм, толщина – 7 мм, ширина в средней части – 36 мм, ширина обушка – 28 мм.

Однозначная культурно-хронологическая атрибуция вряд ли возможна. По аналогии с материалами поселенческих и погребальных комплексов Верхнего Приобья местонахождение следует датировать в широком диапазоне – неолит – развитая бронза.

№ 2. Тесло каменное (рис. 1–2; рис. 2–2). Найдено в 3 км выше деревни Красная, на правом берегу р. Томь, при впадении ручья Люскус (Кемеровский район Кемеровской области). Автор и год обнаружения неизвестны. Предмет передан на хранение в КМАЭЭ (КП ОФ 173, ВА 22/67), публикуется впервые. Краткое упоминание о находке имеется в одной из публикаций [11, с. 139].

Топор-тесло подпрямоугольной формы, овальный в поперечном сечении. Асимметрия рабочего профиля выражена сильно. Почти вся поверхность зашлифована. На обушке по одной стороне зафиксированы нерегулярные крупные сколы, вероятно, утилитарного характера. Общая длина – 105 мм, ширина лезвия – 40 мм, толщина – 19 мм, ширина в средней части – 41 мм, ширина обушка – 28 мм. Аналогии предмету находятся в комплексах неолита – развитой бронзы Верхнего Приобья.

№ 3. Рубящее орудие каменное (рис. 1–3; рис. 2–3). Найдено в 1950-е гг. на берегу р. Чесноковка (правый приток р. Томь) у деревни Красный Городок (ныне слита с поселком Кедровка), в 11 км от места впадения в р. Томь (Кемеровский район Кемеровской области). Автор находки

не установлен. Передано на хранение в КОКМ (КП ОФ 2451, ВА 16/7), публикуется впервые.

Массивное рубящее орудие, выполненное методом шлифовки из среднезернистого песчаника. Предмет имеет широкое кинжалоподобное одностороннее лезвие, переходящее в относительно длинную, округлую в сечении ручку. Видимые повреждения отсутствуют. Общая длина предмета составляет 440 мм при длине рукояти до 200 мм. Толщина лезвия по обушке достигает 30 мм, толщина ручки – 43 мм. Ширина лезвия – 107 мм.

Достоверные аналогии предмету неизвестны, что не позволяет сколько-нибудь уверенно судить о его культурно-хронологической принадлежности.

№ 4. Тесло каменное (рис. 1–4; рис. 2–4). Обнаружено в 1963 г., в 200–300 м от правого берега р. Томь в школьном саду с. Колмогорово (Яшкинский район Кемеровской области). Передано Никифором Никифоровичем Кубилинским на хранение в КОКМ (КП ОФ 20449/3, ВА 16/1), публикуется впервые.

Тесло массивное шлифованное удлинённых пропорций, линзовидное в сечении. Форма орудия усложнена перехватом в центральной части – четко выражена граница между более широкой рабочей плоскостью и узким обушком. Асимметрия рабочего профиля выражена слабо. Обушок сбит, остальная поверхность видимых повреждений не имеет. Длина орудия составляет 197 мм при ширине до 54 мм и толщине до 32 мм. Ширина лезвия достигает 40 мм. Круг аналогий данному предмету довольно широк, датировка возможна только в широком диапазоне – неолит – развитая бронза.

№ 5. Тесло каменное (рис. 1–5; рис. 2–5). Найдено в 1971 г. в черте г. Кемерово, в районе телецентра. Геоморфологически место обнаружения соответствует третьей террасе левого берега р. Томь. Автор находки не установлен. Хранится в КОКМ (КП ОФ 2451, ВА 20/9), опубликовано впервые. Упоминается под № 449 в материалах к своду памятников истории и культуры Кемеровской области А. М. Кулемзина и Ю. М. Бородкина [11, с. 138].

Тесло небольших размеров, трапециевидной формы шлифованное, в сечении овальное. Видимых повреждений не имеет, за исключением небольшого скола в районе обушка. Длина предмета достигает 105 мм при ширине лезвия до 41 мм и ширине обушка до 28 мм. Толщина орудия в центральной части достигает 28 мм. Датировать предмет следует в диапазоне неолит – развитая бронза.

№ 6. Нож бронзовый (рис. 1–6; рис. 3–1). Обнаружен на левом берегу р. Стрелина (левый приток р. Томь) в 31 км от устья, южнее д. Терехино (Топкинский район Кемеровской области). Автор находки пожелал остаться неизвестным, нож на хранение не передал. Публикуется впервые.

Нож средних размеров со скошенным вниз уступом и слегка закругленным переходом от рукояти к клинку со стороны спинки. Рукоятка прямоугольной формы с продольной выемкой в центральной части. Навершие утрачено. Лезвие прямое, заужено к острию. Общая длина ножа – 152 мм, длина лезвия – 85 мм, длина рукояти – 67 мм. Ширина рукояти – 17 мм, ширина лезвия в основании клинка – 22 мм.

Круг аналогий для ножей подобного рода очерчивается достаточно четко, что позволяет уверенно соотнести его с комплексами ирменской культуры поздней бронзы [12].

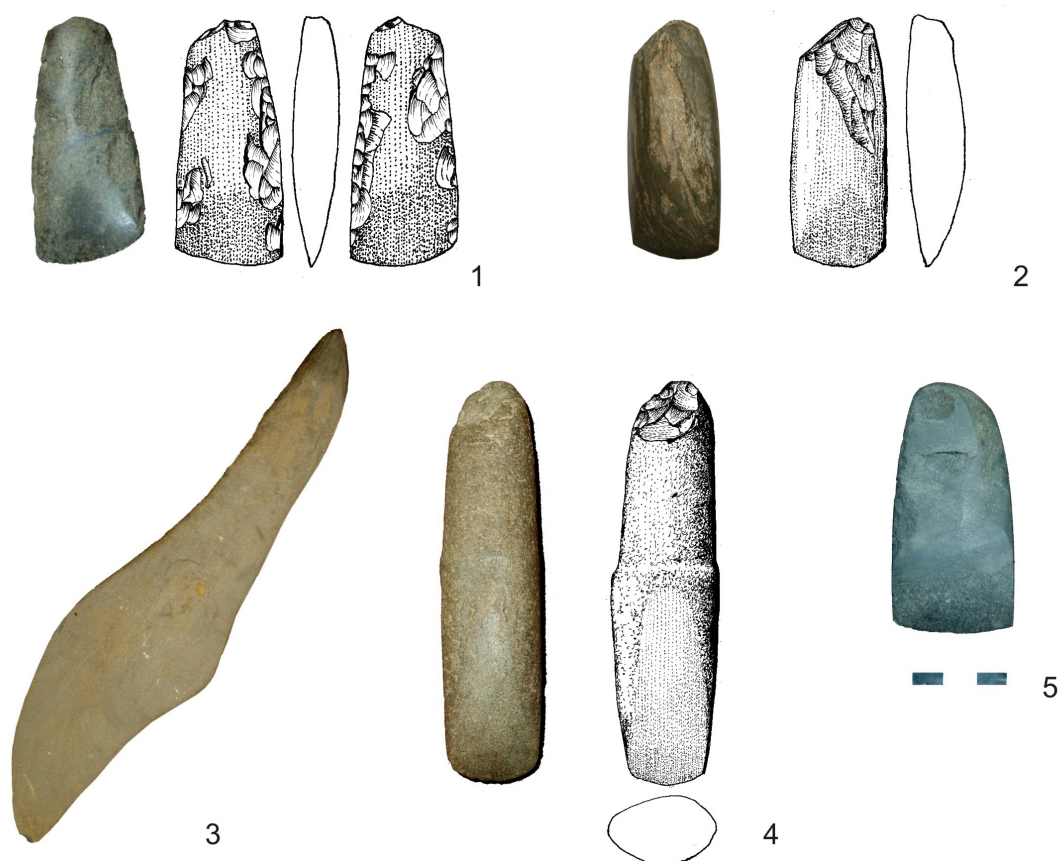

Рис. 2. Случайные находки на юге Нижнего Притомья предметов периодов неолита – ранней бронзы
Fig. 2. Accidental finds in the South areas of the Lower Tom' River Valley of the Neolithic – Early Bronze items

№ 7. Нож бронзовый (рис. 1–7; рис. 3–2). Найден в 1950-е гг. в районе с. Топки (Топкинский район Кемеровской области). Передан на хранение в 1967 г. Юрием Ильцевичем. Хранится в КОКМ (КП ОФ 2704, ВА 16/4). Публикуется впервые.

Нож с односторонней заточкой, со скошенным вниз клинком. Клинок отделен от ручки шипообразной гардой. Сама ручка по обеим сторонам декорирована рельефным «елочным» орнаментом и увенчана грибовидной шляпкой с перемычкой. Острие обломано. Длина рукояти достигает 95 мм, длина сохранившейся лезвийной части – до 89 мм. Ширина рукояти – до 17 мм, ширина клинковой части – до 19 мм.

Типологически нож является ярким образчиком бронзовой индустрии лугавской культуры периода поздней бронзы [13].

№ 8. Кинжал бронзовый (рис. 1–8; рис. 3–3). Найден в устье р. Люскус (правый приток р. Томь) на территории городища ирменской культуры в 1982 г. сотрудником кафедры археологии КемГУ А. М. Каратаевым (Кемеровский район Кемеровской области, ближайшие окрестности г. Кемерово). Артефакт опубликован [14]. Хранится в КМАЭЭ.

В. В. Бобровым обоснована связь данной находки с культурами эпохи бронзы Причерноморья и предложена гипотеза о транзитном обмене между населением Европы и Южной Сибири в конце эпохи бронзы [14, с. 68].

№ 9. Топор-секира проушной бронзовый (рис. 1–9; рис. 4–1). По краткому сообщению А. М. Кулемзина, «бронзовый чекан с округлой втулкой» обнаружен у г. Кемерово на берегу р. Томь [11, с. 138]. По первоисточнику, предмет «найден в Верхотомской волости, Кузнецкого округа, близ

деревни Кемеровой, в земле, на берегу р. Томи, крестьянином Петровым. Доставлен Кузнецким исправником М. И. Казанцевым» в 1880-х гг. [15, с. 63]. В современных реалиях это черта г. Кемерово в его правобережной части. Хранится в МАЭС ТГУ (КП 1216). Фотография предмета – из научного архива музея КемГУ [16, с. 35]. Изображение артефакта опубликовано В. И. Мошинской [17, с. 145]. Детальное описание публикуется впервые.

Топор проушной с вытянутым узким, слегка закругленным лезвием и несимметрично выдающимся обухом. Втулка-проушина округлая, снабжена двумя боковыми отверстиями для крепления древка. Длина предмета – 170 мм, при этом на лезвие приходится 85 мм, а на обухок – 50 мм. Высота в обуховой части – до 20 мм, ширина лезвия – до 35 мм. Толщина лезвийной части и обухка – до 10 мм. Диаметр втулки – 30 мм.

Бронзовые проушные топоры-секирки с подобными типолого-морфологическими чертами характерны для оружейного комплекса тагарской культуры на ранних этапах её развития [18, табл. VI–12].

№ 10. Нож бронзовый (рис. 1–10; рис. 4–3). Найден на правом берегу р. Томь в черте г. Кемерово в 1986 г. Передан на хранение в КОКМ Львом Николаевичем Буздалкиным (КП ОФ 8103, ВА 16/8). Публикуется впервые.

Нож прямой пластинчатый с односторонним лезвием и плоской спинкой. Цельнолитой. Переход к клинку не обозначен. Окончание рукояти имеет округлое сквозное отверстие шириной до 4 мм. Общая длина артефакта составляет 155 мм. Ширина рукояти – 13 мм, лезвия – 11 мм. Изделие находит

многочисленные аналогии в материалах тагарской культуры раннего железного века [18, табл. VI–11, табл. VII–12].

№ 11. Фигурка лося бронзовая (рис. 1–11; рис. 4–2). Предмет обнаружен в 1980 г. Алексеем Степановичем Подругиным на берегу р. Чесноковка (правый приток р. Томь) примерно в одном километре от устья в окрестностях села Верхотомское (Кемеровский район Кемеровской области). Находка передана на хранение в КМАЭЭ (КП ОФ 191, ВА 22/17).

Подробнейшее описание и фотографическое изображение предмета опубликовано В. В. Бобровым [19]. Им обо-

снована принадлежность артефакта к кругу культовой металлопластики васюганского этапа кулайской культуры раннего железного века [19, с. 145].

№ 12. Фигурка всадника бронзовая (рис. 1–12, рис. 4–4). Артефакт обнаружен, по свидетельству А. Н. Кондакова, студентами-практикантами непосредственно на правом берегу р. Томь, участке между деревней Писаная и полигоном КузГТУ. Предмет передан на хранение в МЗТП (КП 4543, ВА 2/2).

Находка опубликована с констатацией её датировки эпохой средневековья [20]. Очень похожий предмет входит в

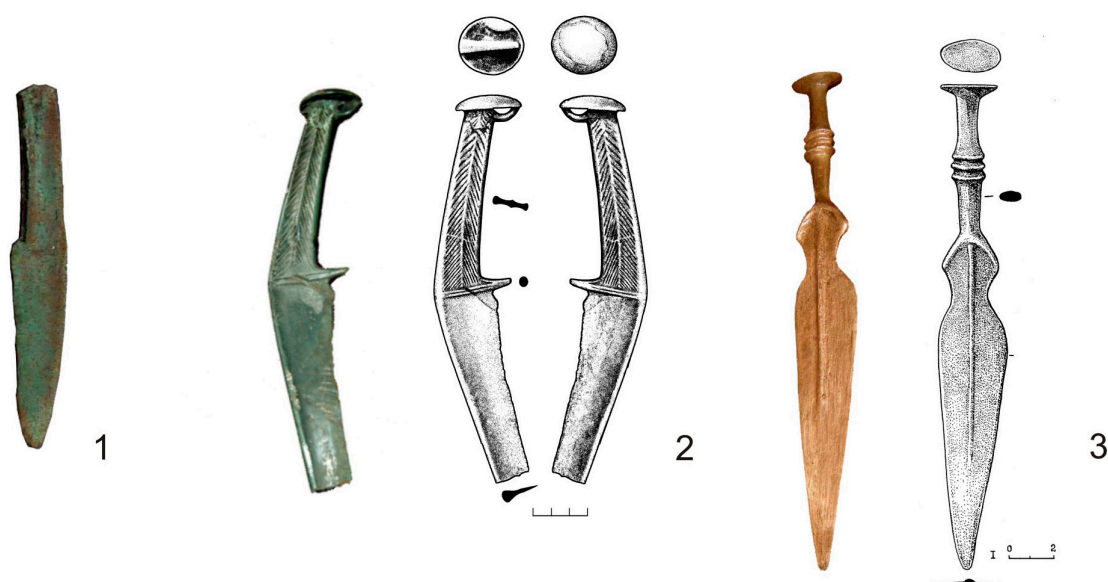

Рис. 3. Случайные находки на юге Нижнего Притома предметов периода поздней бронзы
Fig. 3. Accidental findings in the South areas of the Lower Tom' region of the Late Bronze items

Рис. 4. Случайные находки на юге Нижнего Притома предметов раннего железного века – раннего средневековья
Fig. 4. Accidental findings in the South areas of the Lower Tom' region of the Early Iron Age – Early Middle Ages items

коллекцию Елыкаевского клада из Среднего Притомья, который традиционно датируют ранним средневековьем [7]. Хронология Елыкаевской коллекции пересмотрена в сторону удреждения [21], что позволяет определить нижнюю дату рассматриваемого предмета в пределах V в. н. э., а возможное время бытования – в пределах второй половины I тыс. н. э.

№№ 13–17. Котлы медно-бронзовые и их фрагменты (рис. 1–13–17; рис. 4–5) в количестве пяти предметов найдены случайно в 1880-х гг. «крестьянином Василием Асановым при распахивании земли в районе деревни Колотовской Тарсминской волости Кузнецкого округа» [15, с. 80–81]. В современных реалиях место находки связано с д. Колотовка у р. Сосновка Топкинского района Кемеровской области на значительном удалении от р. Томь, но в пределах ее бассейна.

Подробная информация об этих предметах включена в обобщающую статью о медно-бронзовых котлах скифо-сибирского времени Кузнецкой котловины и Мариинской лесостепи за авторством В. В. Боброва, Л. Ю. Бобровой и А. С. Савельевой [22]. В нашей работе мы ограничимся констатацией о принадлежности двух полностью сохранившихся изделий к разным типологическим вариантам по классификации Н. А. Боковенко [23, с. 46]. Первый котел по внешнему облику отнесен к первому варианту II типа (рис. 4–5а), второй, отлитый из чистой меди – ко второму варианту I типа подтипа «Е» (рис. 4–5б).

III

Анализ пространственного распределения случайных находок показывает: местонахождения приурочены к участкам с наиболее высокой антропогенной нагрузкой – черте г. Кемерово и его ближайшим окрестностям (рис. 1–1–2, 5, 8–10), дачным поселкам в правобережье р. Томь (рис. 1–3–4, 11–13) и селам Инско-Томского междуречья (рис. 1–6, 7). И это естественно, т. к. именно в таких условиях вероятность случайной находки наиболее высока. Поэтому вряд ли целесообразно оценивать ландшафтную группировку находок как отражение закономерностей культурного или хронологического характера. Вместе с тем обнаруженные предметы можно принять как маркеры археологических памятников, что существенно уточняет археологическую карту данного района.

Отдельного внимания заслуживает проблема выявления объектов археологического наследия на территории г. Кемерово. Расположенный на обоих берегах р. Томь областной центр включает в себя все типы ландшафтов юга Нижнего Притомья – высокие скалы с несколькими выраженными седловидными разрывами и обширными участками высоких пойм на правом берегу и каскад надпойменных террас с долиной относительно притока р. Искитимка на левом берегу. Такая ситуация не имеет принципиальных отличий от тех участков изучаемого района, на которых археологическими разведками выявлены относительно многочисленные памятники археологии. В полной мере это касается и ближайших пригородов г. Кемерово, где известны такие памятники, как Жургавань (раннее средневековье), Люскус-1 (поздняя бронза), Люскус-2 (средневековье), Суховское озеро (поздняя бронза), Пугачи-1 (ранняя бронза), Металлплощадка (неолит – ранняя бронза). На справедливый вопрос, почему непосредственно в городской черте, несмотря на активную её

застройку, не обнаружен ни один археологический памятник, пока вразумительного ответа нет. Особенно странной выглядит эта ситуация в сравнении с другими крупными городами, в том числе и с нашими соседями по Притомью – г. Новокузнецк и г. Томск. В этом случае именно случайные находки свидетельствуют о древнейшем прошлом города Кемерово и подчеркивают необходимость тщательного археологического надзора при хозяйственных землеотводах.

Второй аспект проведенного картографирования связан с проблемой преимущественной локализации археологических памятников в правобережной и левобережной частях юга Нижнего Притомья. На данный момент большинство памятников левого берега связаны с водораздельными пространствами третьих и четвертых надпойменных террас, отстоящих от современного русла на 2–4 км. На правом берегу, напротив, почти все известные памятники приурочены к высоким поймам или первым надпойменным террасам, расположенным непосредственно у воды. Сплошные разведки, проведенные в Яшкинском, Юргинском и Кемеровском районах в 2007–2016 гг. как будто подтверждают эту закономерность. Ей же следуют и результаты картографирования рассматриваемых в статье предметов – их левобережная часть расположена на более или менее большом отдалении от р. Томь, а правобережная вытянута вдоль береговой кромки. Исключение составляют находки на р. Чесноковка, уходящие своим месторасположением в водораздельные пространства Барзасской тайги. Это исключение (особенно с учетом картографирования археологических комплексов севера Нижнего Притомья) ставит под сомнение подобный вывод и не позволяет полностью отказаться от целенаправленных изысканий во «внутренних» районах правобережья, особенно в долинах крупных притоков р. Томь.

IV

Хронологически предметы, рассмотренные в статье, подразделяются на четыре группы. Периодом неолита – ранней бронзы можно датировать группу каменных топоров-тесел (рис. 2). Периодом поздней бронзы – серию металлических ножей и кинжалов (рис. 3). Скифским периодом раннего железного века – бронзовые котлы, топор и нож (рис. 4–1, 3, 5). Наконец, финал раннего железного века и начало раннего средневековья маркируют бронзовая фигурка лося и изображение всадника (рис. 4–2, 4).

Недавно одним из авторов статьи разработана и опубликована периодизация археологических древностей юга Нижнего Притомья, построенная на совокупности материалов стоянок, поселений и могильников, изученных в данном районе в 1970–2010-е гг. Полученная схема достаточно подробна и формирует основание для начальной интерпретации культурно-исторических процессов [24]. Случайные находки, рассматриваемые в настоящей статье, дополняют эту схему в некоторых её разделах, но их значимость неодинакова.

Наименьшее количество информации несут топоры-тесла (№№ 1–5). За исключением оригинального изделия с р. Чесноковка, остальные орудия достаточно типичны для материальной культуры населения Северной Евразии в периоды неолита и ранней бронзы. Культурно-хронологическая дифференциация подобных орудий зачастую невозможна без контекста. Применительно к югу Нижнего Притомья они в равной мере могут принадлежать изылин-

ским комплексам развитого неолита (*первая половина V тыс. до н. э.*) или ирбинско-новокузовским памятникам позднего неолита-энеолита (*середина V – первая четверть IV тыс. до н. э.*), известным на стоянке Долгая-1. Вполне вероятно связь подобных орудий с памятниками крохалевской культуры периода ранней бронзы (*последняя четверть III – середина II тыс. до н. э.*), наряду с другими крохалевскими стоянками и поселениями этого района (Долгая-1, Долгая-2, Ивановка-1 и Ивановка-1).

Три клинковых бронзовых орудия (№№ 6–8), как уже сказано, надежно соотносятся с древностями ирменской и лугавской культур. Самобытный по типу кинжал с Люсуса обнаружен в контексте ирменского поселения. В предложенной периодизации ирменские комплексы памятников Люсус I, Суховское озеро, Синеречка-1, Писаная-1, Долгая-1 и Медынинино-1 характеризуют периоды поздней бронзы (*XII–X вв. до н. э.*) и, в качестве рабочей гипотезы, переходное время к раннему железу (*VIII–VII вв. до н. э.*) [24]. Они характерны и для левобережной, и для правобережной частей юга Нижнего Притомья. Случайные находки собственно ирменских вещей (нож д. Терехино) не выпадают из общего территориального контекста. Более интересной находкой представляется лугавский нож из окрестностей с. Топки (№ 7). В литературе подробно рассмотрена проблема взаимодействия лугавского и ирменского населения в Ачинско-Мариинской лесостепи [25], и отдельные находки лугавских бронз, трактуемые как импорт, известны в других районах Кузнецкой котловины. В этом ключе следует интерпретировать и первую находку подобного рода на юге Нижнего Притомья. Похожая схема предложена и для интерпретации находок карасукских металлических вещей вне основного ареала культуры, в том числе в Среднем Приобье [26, с. 23]. Кинжал с Люсуса и лугавский нож из с. Топки не вносят корректив в культурную составляющую периодизации, отражая собой в первом случае пути транзитного обмена ирменцев с районами Южной Европы (по В. В. Боброву), а во втором – прямые культурные и торгово-обменные связи ирменского населения с носителями лугавской культуры в последней четверти II тыс. до н. э.

Литература

1. Ковтун И. В. Петроглифы Висящего Камня и хронология томских писаниц. Кемерово: Кузбассвуиздат, 1993. 140 с.
2. Марочкин А. Г., Плац И. А., Конончук К. В. Результаты археологической разведки 2015 г. в южных районах Нижнего Притомья // Учёные записки музея-заповедника «Томская Писаница». 2015. № 2. С. 58–66.
3. Ковтун И. В., Марочкин А. Г., Русакова И. Д. Археологические комплексы в устье р. Долгая и культурно-хронологическая атрибуция петроглифов Новоромановской писаницы // Материалы научной сессии ИЭЧ СО РАН 2010 года (01 января – 31 декабря 2010). Кемерово: ИП Скобликов, 2010. Вып. 2. С. 84–95.
4. Седых В. Н. Случайное как проявление закономерного // Случайные находки: хронология, атрибуция, историко-культурный контекст: материалы тематической научной конференции (16–19 декабря 2008). Санкт-Петербург: Издательство СПбГУ, 2008. С. 13–16.
5. Беляева В. И. Элементы случайного и закономерного в археологии палеолита // Случайные находки: хронология, атрибуция, историко-культурный контекст: материалы тематической научной конференции (16–19 декабря 2008). Санкт-Петербург: Издательство СПбГУ, 2008. С. 16–20.
6. Кирюшин Ю. Ф., Кунгурова Н. Ю., Кадиков Б. Х. Древнейшие могильники северных предгорий Алтая. Барнаул: Издательство Алтайского университета, 2000. 117 с.
7. Могильников В. А. Елыкаевская коллекция Томского университета // Советская археология. 1968. № 1. С. 263–268.
8. Бобров В. В., Добжанский В. Н. Лебединский клад // Проблемы изучения Сибири в научно-исследовательской работе музеев: тезисы докладов научно-практической конференции. Красноярск: Издательство Красноярского университета, 1989. С. 133–135.
9. Бобров В. В. Древности земли Кузнецкой (рассказы археолога). Кемерово: Издательство КРИПКиПРО, 2015. 166 с.

Скифский период раннего железного века в целом для Кузнецкой котловины изучен слабо, но анализ имеющихся источников характеризует ее как зону контакта между носителями скифо-сибирских культур Верхнего Приобья и Среднего Енисея – большереченской и тагарской [27]. Соглашаясь с этой гипотезой, один из авторов статьи допускает проникновение в южные районы Притомья групп кижировского (шеломокского) населения из Томского Приобья [24, с. 86]. Рассмотренные в статье случайные находки не противоречат установленной картине. Более того, они существенно дополняют круг источников этого периода – до этого момента скифо-сибирские древности в рассматриваемом районе были представлены только немногочисленной керамикой стоянки Долгая-1 и находкой фигурки кулана у Томской Писаницы. Важно осознавать преждевременность однозначной культурной атрибуции этих находок. Для различного типа котлов скифского периода характерно широкое распространение в степной и лесостепной зонах Евразии. Енисейские аналогии для ножа и топора из г. Кемерово (№№ 9–10) не исключают их возможной кижировской принадлежности.

Первичная атрибуция наиболее поздних предметов из исследуемой серии также подкреплена рядом достоверных аналогий. Фигурку лося с р. Чесноковка мы вслед за В. В. Бобровым относим к васюганскому этапу кулайской культуры, и в рамках общей периодизации этот предмет использован для характеристики комплексов III в. до н. э.–I в. н. э. [24, с. 86–87]. Принадлежность фигурки всадника можно определить только исходя из проблемы культурно-хронологической атрибуции т. н. «смешанных» кладов, относимых как к раннему средневековью, так и к позднекулайскому времени [21]. В любом случае, данные предметы хоть и служат косвенным подтверждением освоения юга Нижнего Притомья носителями поздне- и посткулайских культурных традиций, но по своему характеру экстраординарны. Их интерпретация непосредственно связана с изучением культовых мест финальных периодов раннего железного века и начала раннего средневековья.

10. Конончук К. В., Марочкин А. Г. Предметы художественной металлопластики из случайных находок у Томской писаницы // Археология, этнография и антропология Евразии (в печати).
11. Кулемзин А. М., Бородин Ю. М. Археологические памятники Кемеровской области: Материалы к Своду памятников истории и культуры СССР. Вып. 1. Кемерово: Кемеровское книжное издательство, 1989. 156 с.
12. Бобров В. В., Чикишева Т. А., Михайлов Ю. И. Могильник эпохи поздней бронзы Журавлево-4 / отв. ред. Молодин В. И. Новосибирск: Наука: Сибирская издательская фирма, 1993. 154 с.
13. Бобров В. В., Кузьминых С. В., Тенейшвили Т. О. Древняя металлургия Среднего Енисея (лугавская культура). Кемерово: Кузбассвуиздат, 1997. 99 с.
14. Бобров В. В. Кинжал с городища эпохи поздней бронзы на реке Люскус // Археология, этнография и антропология Евразии. 2011. № 1(45). С. 65–68.
15. Флоринский В. М. Археологический музей Томского университета. Томск: Типография Михайлова и Макушина, 1888. 276 с.
16. Фотографии предметов тагарской культуры из музея материальной культуры Томского университета // Научный архив музея КемГУ. Кемерово, 1968. № 182. 180 с.
17. Мошинская В. И. Баландинский клад бронзовых инструментов // Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры. Вып. 67. М.: Издательство Академии наук СССР, 1957. С. 144–146.
18. Вадецкая Э. Б. Археологические памятники в степях Среднего Енисея. Л.: Наука, 1986. 180 с.
19. Бобров В. В. Новая находка художественной металлопластики кулайской культуры // Тропой тысячелетий: К юбилею М. А. Дэвлет. Кемерово: Кузбассвуиздат, 2008. С. 144–146.
20. Конончук К. В. Археологическая коллекция музея-заповедника «Томская Писаница» как источник по древнейшей истории юга Нижнего Притомья // Депонированная рукопись. Государственное автономное учреждение культуры Кемеровской области «Историко-культурный и природный музей-заповедник «Томская Писаница». № 28. 19.03.2015.
21. Ширин Ю. В. К истории «культовых мест» Западной Сибири // Археологические исследования в Среднем Приобье. Томск: Издательство Томского университета, 1993. С. 152–162.
22. Бобров В. В., Боброва Л. Ю., Савельева А. С. Медно-бронзовые котлы скифского времени из Кузнецкой котловины и Мариинской лесостепи // Теория и практика археологических исследований. 2017. № 1(17). С. 104–122.
23. Боковенко Н. А. Бронзовые котлы эпохи ранних кочевников в Азиатских степях // Проблемы западносибирской археологии. Эпоха железа. Новосибирск: Наука. Сибирское отделение, 1981. С. 42–52.
24. Марочкин А. Г. Периодизация археологических древностей юга Нижнего Притомья // Археология Южной Сибири: сборник научных трудов, посвященный 40-летию кафедры археологии Кемеровского государственного университета. Кемерово: Кемеровский государственный университет, 2016. Т. 27. С. 83–89.
25. Членова Н. Л., Бобров В. В. Смешанные лугавско-ирменские памятники района Кузнецкого Алатау // Проблемы археологии Евразии. М.: Наука, 1991. С. 143–180.
26. Бобров В. В. Размышления о контексте случайных археологических находок // Случайные находки: хронология, атрибуция, историко-культурный контекст: материалы тематической научной конференции (16–18 декабря 2008). Санкт-Петербург: Издательство Санкт-Петербургского государственного университета, 2008. С. 20–24.
27. Бобров В. В. Погребения скифского времени Кузнецкой котловины в аспекте культурно-исторических процессов // Фундаментальные проблемы археологии, антропологии и этнографии Евразии: К 70-летию академика А. П. Деревянко / отв. ред. Молодин В. И., Шуньков М. В. Новосибирск: Издательство Института археологии и этнографии СО РАН, 2013. С. 275–286.

ACCIDENTAL ARCHAEOLOGICAL FINDS IN THE SOUTH AREAS OF THE LOWER TOM' RIVER VALLEY

Alexey G. Marochkin^{1, @1, *}, Larisa Yu. Bobrova^{2, @2, *}

¹ The Federal Research Center of Coal and Coal Chemistry of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, 18, Sovetsky Ave., Kemerovo, Russia, 650000

² Kemerovo State University, 6, Krasnaya St., Kemerovo, Russia, 650000

@1 comcon@yandex.ru

@2 chaika@kemsu.ru

Received 02.02.2017. Accepted 11.09.2017.

Keywords: accidental findings, Neolithic, Bronze Age, Early Iron Age, Early Middle Age, archaeological map, South of Low Tom region.

Abstract: The article introduces for scientific use and archaeological interpretation the items from the collection of the Kemerovo Regional Local History Museum, Museum-Preserve «Tomskaya Pisanitsa», the Archaeology, Ethnography and Ecology of Siberia museum (Kemerovo State University Museum) and the Museum of Archaeology and Ethnography (Tomsk State University). The methodology of the research is based on the definition of the term «incidental find» for particular cases of incidental finding of an archaeological site which allows one to use this type of sources for historical and cultural reconstructions in that region for the first time. The research

* *The work was carried out within the framework of the state task of the Ministry of the Russian Federation No. 33.2597.2017 / PCh.*

applies the methods of mapping and landscape-geomorphological analysis, comparative and typological method, periodization method. The article determines the main meaning of accidental finds for updating the archaeological map of the least researched Tom region areas connected to the territory of Kemerovo and watershed areas of the right bank of the River Tom. The work outlines the chronological group of the items and presents some conclusions about the possible connection of the stone tools with those from Izylinka, Irbinsko-Novo Kuskovo or Krokholevo Neolithic-Early period of the Developed Bronze Age settlements; about the accidentally found knives and diggers confirming Irmen cultural domination in Late Bronze period and exchanges with cross-border cultural groups; about typological proximity of a number of Scythian period accidental finds with the same period complex in the Middle Yenisey area, Achinsk-Mariinsk forest-steppe and Tomsk Ob River area; about the association of the Kulay and Post-Kulay period findings with ritual practices at cult places.

For citation: Marochkin A. G., Bobrova L. Yu. Sluchainye nakhodki arkheologicheskikh predmetov v iuzhnykh raionakh Nizhnego Pritom'ia [Accidental Archaeological Finds in the South Areas of the Lower Tom' River Valley]. *Bulletin of Kemerovo State University*, no. 4 (2017): 70–79. DOI:10.21603/2078-8975-2017-4-70-79.

References

1. Kovtun I. V. *Petroglify Visiashchego Kamnia i khronologiya tomskikh pisanits* [Petroglyphs Hanging Stone and chronology of Tomsk Pisanits]. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 1993, 140.
2. Marochkin A. G., Plats I. A., Kononchuk K. V. Rezul'taty arkheologicheskoi razvedki 2015 g. v iuzhnykh raionakh Nizhnego Pritom'ia [The results of the archaeological exploration 2015 in the southern regions of the Lower Pretoma]. *Uchenye zapiski muzeia-zapovednika «Tomskaia Pisanitsa» = Memoirs of the Museum-reserve «Tomsk Pisanitsa»*, no. 2 (2015): 58–66.
3. Kovtun I. V., Marochkin A. G., Rusakova I. D. Arkheologicheskie komplekсы v ust'e r. Dolgaia i kul'turno-khronologicheskaya atributsiia petroglifov Novoromanovskoi pisanitsy [Archaeological complexes in the estuary is Long and the cultural-chronological attribution of Novoromanovskoye petroglyphs petroglyphs]. *Materialy nauchnoi sessii IECh SO RAN 2010 goda (01 ianvaria – 31 dekabria 2010)* [Materials of the scientific session of the IEH SB RAS 2010: Proc. Sc. Conf. IEH SB RAS (January 01 – December 31 2010)]. Kemerovo: IP Skoblikov, no. 2 (2010): 84–95.
4. Sedykh V. N. Sluchainoe kak proiavlenie zakonomernogo [Random as a manifestation of the natural]. *Sluchainye nakhodki: khronologiya, atributsiia, istoriko-kul'turnyi kontekst: materialy tematicheskoi nauchnoi konferentsii (16–19 dekabria 2008)* [Incidental findings: chronology, attribution, historical and cultural context: Proc. Sc. Conf. (December 16–19 2008)]. Saint-Petersburg: Izdatel'stvo SPbGU, 2008, 13–16.
5. Belyaeva V. I. Elementy sluchainogo i zakonomernogo v arkheologii paleolita [Items a casual and natural in archaeology of the Paleolithic]. *Sluchainye nakhodki: khronologiya, atributsiia, istoriko-kul'turnyi kontekst: materialy tematicheskoi nauchnoi konferentsii (16–19 dekabria 2008)* [Incidental findings: chronology, attribution, historical and cultural context: Proc. Sc. Conf. (December 16–19 2008)]. Saint-Petersburg: Izdatel'stvo SPbGU, 2008, 16–20.
6. Kiriushin Yu. F., Kungurova N. Yu., Kadikov B. Kh. *Drevneishie mogil'niki severnykh predgorii Altaia* [The oldest burial grounds in the Northern foothills of the Altai Mountains]. Barnaul: Izdatel'stvo Altaiskogo universiteta, 2000, 117.
7. Mogil'nikov V. A. Elykaevskaia kollektsiia Tomskogo universiteta [Elykaevskaya collection of Tomsk University]. *Sovetskaia arkheologiya = Soviet archaeology*, no. 1 (1968): 263–268.
8. Bobrov V. V., Dobzhanskii V. H. Lebedinskii klad [Lebedinsky treasure]. *Problemy izucheniia Sibiri v nauchno-issledovatel'skoi rabote muzeev* [Problems of studying of Siberia in the research work of museums]. Krasnoyarsk: Izdatel'stvo Krasnoyarskogo universiteta, 1989, 133–135.
9. Bobrov V. V. *Drevnosti zemli Kuznetskoi (rasskazy arkheologa)* [Antiquities of the Kuznetsk land (stories archaeologist)]. Kemerovo: Izdatel'stvo KRIPKiPRO, 2015, 166.
10. Kononchuk K. V., Marochkin A. G. Predmety khudozhestvennoi metalloplastiki iz sluchainykh nakhodok u Tomskoi pisanitsy [The art of metal from random finds from the Tomskaya Pisanitsa]. *Arkheologiya, etnografiia i antropologiya Evrazii = Archaeology, Ethnography and anthropology of Eurasia* (in press).
11. Kulemzin A. M., Borodkin Iu. M. *Arkheologicheskie pamiatniki Kemerovskoi oblasti: Materialy k Svodu pamiatnikov istorii i kul'tury SSSR* [Archaeological monuments of Kemerovo region: Materials to the Museum of History and Culture of the USSR]. Kemerovo: Kemerovskoe knizhnoe izdatel'stvo, no. 1 (1989): 158.
12. Bobrov V. V., Chikisheva T. A., Mikhailov Iu. I. *Mogil'nik epokhi pozdnei bronzy Zhuravlevo-4* [The burial of the late bronze age Zhuravlevo-4]. Ed. V. I. Molodin. Novosibirsk: Nauka: Sibirskaya izdatel'skaia firma, 1993, 154.
13. Bobrov V. V., Kuz'minykh S. V., Teneishvili T. O. *Drevniia metallurgiya Srednego Eniseia (lugavskaya kul'tura)* [The ancient metallurgy of the Middle Enisey (Lugavsk culture)]. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 1997, 99.
14. Bobrov V. V. Kinzhalskiy gorodishche epokhi pozdnei bronzy na reke Liuskus [Dagger with a settlement of the late bronze age on the Luskus river]. *Arkheologiya, etnografiia i antropologiya Evrazii = Archaeology, Ethnography and anthropology of Eurasia*, no. 1(45) (2011): 65–68.
15. Florinskii V. M. *Arkheologicheskii muzei Tomskogo universiteta* [Archaeological Museum of Tomsk University]. Tomsk: Tipografiia Mikhailova i Makushina, 1888, 276.

16. Fotografii tagarskoi kul'tury iz muzeia material'noi kul'tury Tomskogo universiteta [Photographs of Tagar Culture from the Museum of Material Culture of Tomsk University]. *Nauchnyi arkhiv muzeia KemGU* [Scientific Archives of the KemSU Museum]. Kemerovo, no. 182 (1968): 180.

17. Moshinskaia V. I. Balandinskii klad bronzovykh instrumentov [Balandinskaya hoard of bronze tools]. *Kratkie soobshcheniia o dokladakh i polevykh issledovaniiax Instituta istorii material'noi kul'tury* [Brief presentations on the reports and field studies of the Institute of history of material culture]. Moscow: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, no. 67 (1957): 144–146.

18. Vadetskaia E. B. *Arkheologicheskie pamiatniki v stepiakh Srednego Eniseia* [Archaeological monuments in the steppes of the Middle Yenisei]. Leningrad: Nauka, 1986, 180.

19. Bobrov V. V. Novaia nakhodka khudozhestvennoi metalloplastiki kulaiskoi kul'tury [New find art metal Kulaika culture]. *Tropoiu tysiacheletii: K iubileiu M. A. Devlet* [Trail of millennia: For the anniversary of M. A. Devlet]. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 2008, 144–146.

20. Kononchuk K. V. Arkheologicheskaia kolleksiia muzeia-zapovednika «Tomskaia Pisanitsa» kak istochnik po drevneishei istorii iuga Nizhnego Pritom'ia [The archaeological collection of the Museum-reserve «Tomsk Pisanitsa» as the source on the ancient history of the South Lower Pretoma]. *Deponirovannaia rukopis'. Gosudarstvennoe avtonomnoe uchrezhdenie kul'tury Kemerovskoi oblasti «Istoriko-kul'turnyi i prirodnyi muzei-zapovednik «Tomskaia Pisanitsa»* [Deposited manuscript. The State Autonomous Cultural Institution of the Kemerovo Region «Historical and Cultural and Natural Museum-Reserve «Tomskaya Pisanitsa»]. No. 28 (19.03.2015).

21. Shirin Yu. V. K istorii «kul'tovykh mest» Zapadnoi Sibiri [The history of «places of worship» in Western Siberia]. *Arkheologicheskie issledovaniia v Srednem Priob'e* [Archaeological research in the middle Ob]. Tomsk: Izdatel'stvo Tomskogo universiteta, 1993, 152–162.

22. Bobrov V. V., Bobrova L. Iu., Savel'eva A. S. Medno-bronzovye kotly skifskogo vremeni iz Kuznetskoi kotloviny i Mariinskoi lesostepi [The copper-bronze cauldrons of the Scythian epoch from Kuznetsk basin and Mariinsk forest-steppe]. *Teoriia i praktika arkheologicheskikh issledovaniy = Theory and practice of archaeological research*, no. 1(17) (2017): 104–122.

23. Bokovenko N. A. Bronzovye kotly epokhi rannikh kochevnikov v Aziatskikh stepiakh [The bronze cauldrons of Early Nomads Epoch in the Asian steppes]. *Problemy zapadnosibirskoi arkheologii. Epokha zheleza* [The Problems of the West-Siberian Archaeology. The Iron Age]. Novosibirsk: Nauka. Sibirskoe otdelenie, 1981, 42–52.

24. Marochkin A. G. Periodizatsiia arkheologicheskikh drevnostei iuga Nizhnego Pritom'ia [The periodization of the archaeological antiquities of the South of the Lower Pretoma]. *Arkheologiiia Iuzhnoi Sibiri: sbornik nauchnykh trudov, posviashchennyi 40-letiiu kafedry arkheologii Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta* [Archeology of Southern Siberia: a collection of scientific works dedicated to the 40th anniversary of the Department of Archeology of the Kemerovo State University]. Kemerovo: Kemerovskii gosudarstvennyi universitet, vol. 27 (2016): 83–89.

25. Chlenova N. L., Bobrov V. V. Smeshannye lugavsko-irmenskie pamiatniki raiona Kuznetskogo Alatau [Mixed lugovskai-limenskie monuments of the district of Kuznetsk Alatau]. *Problemy arkheologii Evrazii* [Problems of archaeology of Eurasia]. Moscow: Nauka, 1991, 143–180.

26. Bobrov V. V. Razmyshlenie o kontekste sluchainykh arkheologicheskikh nakhodok [Thinking about the context of casual archaeological finds]. *Sluchainye nakhodki: khronologiiia, atributsiia, istoriko-kul'turnyi kontekst: materialy tematicheskoi nauchnoi konferentsii (16–18 dekabria 2008)* [Incidental findings: chronology, attribution, historical and cultural context: Proc. Sc.-Prac. Conf. (December 16–18 2008)]. Saint-Petersburg: Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta, 2008, 20–24.

27. Bobrov V. V. Pogrebeniia skifskogo vremeni Kuznetskoi kotloviny v aspekte kul'turno-istoricheskikh protsessov [Burial of the Scythian period of the Kuznetsk basin in the aspect of cultural-historical processes]. *Fundamental'nye problemy arkheologii, antropologii i etnografii Evrazii: K 70-letiiu akademika A. P. Derevianko* [Fundamental problems of archaeology, anthropology and Ethnography of Eurasia: On the 70th anniversary of Academician A. P. Derevyanko]. Ed. V. I Molodin., M. V. Shun'kov. Novosibirsk: Izdatel'stvo Instituta arkheologii i etnografii SO RAN, 2013, 275–286.

УДК 94(438)193

ПОЛЬША И ВОСТОЧНЫЙ ПАКТ

Станислав В. Морозов^{1, @}

¹ Белгородский государственный национальный исследовательский университет, Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы 85
@roland60@mail.ru

Поступила в редакцию 25.07.2016. Принята к печати 12.10.2017.

Ключевые слова:

борьба за Восточный пакт, И. В. Сталин, Ю. Пилсудский, А. Гитлер, подготовка агрессия против СССР.

Аннотация: В статье рассматривается деятельность советского и польского руководства по созданию так называемого Восточного пакта в течение 1933 – весны 1935 гг. На основе рассекреченных в 2000-е гг. архивных материалов советской разведки показано, что в то время как советское руководство боролось за его создание, руководства Польши, Германии и Японии в глубокой тайне собирались провести до конца 1935 г. агрессию против СССР, тайным спонсором и вдохновителем которой готовилась стать часть правящих кругов Великобритании. Крупными фигурами этой группировки были глава Английского банка М. Норман и глава Палаты лордов и военный министр лорд Хейлшем. Советское политическое руководство к весне 1935 г. обладало всей совокупностью информации стратегического значения, чтобы предпринять необходимые действия. В марте 1935 г. была продана КВЖД, в апреле – предан широкой гласности секретный польско-германский договор от 25 февраля 1934 г., 2 мая состоялось подписание советско-французского договора о взаимопомощи, а 16 мая – аналогичного договора с Чехословакией. Тем самым была создана система малой коллективной безопасности и поставлен крест на планах Берлина, Токио и Варшавы развязать антисоветскую интервенцию до конца 1935 г.

Для цитирования: Морозов С. В. Польша и восточный пакт // Вестник Кемеровского государственного университета. 2017. № 4. С. 80–84. DOI:10.21603/2078-8975-2017-4-80-84.

Во время Первой мировой войны представителям русской интеллигенции были свойственны духовные искания в отношении Польши. В частности, известный философ Н. А. Бердяев писал, что «русская и польская душа все еще противостоят друг другу, как страшно чуждые, бесконечно разные, друг другу непонятные» [1, с. 161]. Он устремлял свой взор в прошлое и осуждал польскую политику царской России: «Русская политика относительно Польши давно уже стала историческим пережитком, она связана с далеким прошлым и не дает возможности творить будущее. В этой неумной политике виновный не мог простить тому, перед кем виноват» [1, с. 162].

Гениальному философу был свойственен разносторонний подход, и он даже не допускал мысли о том, что со стороны западнославянского народа может исходить какая-либо угроза. Ему представлялась такая мысль даже неэтичной: «Россия выросла в колосса, как государственного, так и духовного, и давно уже раздувание польской опасности, как и опасности католической, постыдно и обидно для достоинства русского народа» [1, с. 162]. Касательно будущих отношений между двумя славянскими странами он не чурался нотаций: «Более сильному обидчику не подобает кричать об опасности со стороны более слабого и им же раздавленного. Ныне перед Россией стоят задачи творческие, а не охранительно-утеснительные» [1, с. 162].

Время показало в определенной степени утопичность представлений великого русского философа о грядущих отношениях между Польшей и Россией. В 1918 г. Польша возродилась, но две славянские страны хотя и сосуществовали, можно сказать, бок о бок, но их бытие происходило в окружении земного, фактически всепланетного коллектива огромного множества различных стран, среди которых

можно было встретить весьма влиятельных. Международные отношения межвоенного периода являются примером того, что представления о содержании польско-советских отношений некоторых из них носили отнюдь не философский характер, и учитывать эту особенность следовало как польскому, так и советскому руководству. Решения Локарнской конференции и проект «пакта четырех» превратили, с одной стороны, Германию в потенциальный антисоветский таран, а с другой – Великобританию – закулисного режиссера – в фактического и формального арбитра международных отношений. Советское и польское руководства это учитывали, но по-разному. Польский неофициальный диктатор Юзеф Пилсудский, не чуждый в определенной степени мессианских идей, стремился к построению Великой Польши за счет раздела СССР и вытеснения России за Урал. Путем жесткого шантажа, прикрытого блефом «превентивной войны», он в течение зимы-весны 1933 г. заставил германского канцлера А. Гитлера отказаться от использования открывшейся возможности в связи с «пактом четырех» ревизии польских границ и вместо этого учитывать перспективу польско-германского сотрудничества в его планах и намерениях на Востоке. Генеральному секретарю ВКП(б) Иосифу Виссарионовичу Сталину предстояло решить, наряду с другими, две нелегкие задачи: во внутренней политике – создать индустриально-промышленный комплекс за Уралом, а во внешней – сорвать назревавший международный заговор против СССР. Касательно второй существенную поддержку ему оказали советская дипломатия и советская разведка, документы которой долгое время хранились в Архиве Президента РФ, а в конце 1990-х гг. были переданы в Российский государственный архив социально-политиче-

ской истории, составив, среди прочего, так называемый «личный архив И. В. Сталина».

В течение ноября – первой половины декабря 1933 г. между главой французского МИД Ж. Поль-Бонкуром и советским полпредом В. С. Довгалевым имели место беседы о необходимости создания системы взаимопомощи (прим. автора: инициатива принадлежала Бонкуру) [2, с. 602, 683, 695]. 19 декабря ЦК ВКП(б) выступил за создание в Европе системы коллективной безопасности, куда помимо СССР должны были быть включены Франция, Бельгия, Чехословакия, Польша, Латвия, Литва, Эстония, Финляндия. Советский Союз соглашался вступить в Лигу Наций с некоторыми оговорками, а состав участников мог меняться за исключением Франции и Польши [3]. С течением времени наряду с Чехословакией туда должны были войти еще два члена Малой Антанты – Румыния и Югославия, гарантом предполагалась Франция, а сам проект получил название Восточного пакта. Во Франции его наиболее горячим и последовательным сторонником стал новый министр иностранных дел Луи Барту, которому после «ледяного душа», устроенного ему в апреле 1934 г. Пилсудским и главой МИД Беком в Варшаве, удалось сплотить вокруг этой инициативы представителей Малой Антанты – чехословацкого и румынского глав МИД – Э. Бенеша и Н. Титулеску. В июле Советский Союз вступил в Лигу наций и установил дипломатические отношения с ЧСР и Румынией. Однако, когда в Марсель 9 октября 1934 г. прибыл король третьей участницы Малой Антанты – Югославии – Александр Карагеоргиевич, – то и он, и Барту были убиты [4, с. 165–224].

Новый глава французского МИД Пьер Лаваль не являлся идейным сторонником заключения Восточного пакта. Он вел двойственную политику и всячески тянул время. В отличие от Поль-Бонкура и Барту он был сторонником политического курса в духе «пакта четырех». В частности, в декабре 1934 г. он «приветствовал германо-польское примирение и хотел сотрудничества с Германией» [5, с. 259]. Польша и Германия, в свою очередь, в течение всего 1934 и зимы-весны 1935 гг. всячески тормозили ход событий касательно своего возможного участия в Восточном пакте [4, с. 131–236]. Тем не менее, 5 декабря 1934 г. Лавалем и главой НКВД СССР М. М. Литвиновым был подписан протокол о гарантии преемственности и действенности франко-советского сотрудничества на пути реализации Восточного Пакта [6, с. 725–728]. Советские дипломаты добились от Лавали обещания заключить до 1 мая 1935 г. между СССР и Францией пакт о взаимопомощи, о чем 12 апреля сообщило ТАСС [7, с. 26]. 17 апреля текст советско-французского пакта о взаимопомощи был им согласован с М. М. Литвиновым в Женеве, однако полпред В. П. Потемкин утром 20 апреля узнал о существенном изменении его текста чиновниками парижского МИД, о чем немедленно отправил в Москву тревожную телеграмму [8, с. 295]. В тот же день на заседании Политбюро ее прочли и приняли решение, ставшее для посла руководством для последующих действий: «Советуем не слишком ангажироваться на счет соглашения с французами и не забегать вперед, чтобы потом не получился у вас конфуз, если проект договора не будет одобрен в Москве. Второй раз предупреждаем Вас, не забегать вперед и не создавать тем самым иллюзии о том, что будто бы мы больше нужда-

емся в пакте, чем французы. Мы не так слабы, как предполагают некоторые» [9, с. 325].

На чем же зиждились спокойствие и уверенность членов Политбюро? Как свидетельствуют архивные документы, у советского руководства к тому моменту была уникальная информация, предоставленная нашей разведкой. Если до лета 1933 г. у Москвы были какие-то надежды, что Польша в связи с угрозой «пакта четырех» примкнет к платформе миролюбивых стран во главе с СССР, то заключение польско-германской декларации от 26 января 1934 г. было воспринято как тревожный сигнал. А с начала лета 1934 г. советскому генсеку начали приходить ценнейшие сведения из ИНО (прим. автора: иностранный отдел) ОГПУ от так называемого «серьезного польского источника». Агент, по всей видимости, получал информацию от генералов из ближнего окружения маршала Пилсудского. Его персона к настоящему времени не установлена, но данные, поступающие от этого источника в течение 1934 – весны 1935 г., были настолько ценными, что на первом донесении И. В. Сталиным была наложена резолюция для ознакомления ближайшим соратникам по Политбюро – Молотову, Ворошилову, Орджоникидзе, Куйбышеву, дабы позднее принять решение совместно с руководством НКВД [10, л. 28].

В первом сообщении агент информировал об активной деятельности влиятельнейших закулисных «режиссеров», координировавших деятельность милитаристских кругов Польши, Японии и Германии, готовившихся выступить в роли потенциальных агрессоров против СССР. В Англии это была финансово-политическая группировка – «Норман – Хейлшем», а во Франции – военно-политический тандем «Тардые – Вейган». Последний готовился к захвату власти, дабы отказаться от политики франко-советского сближения и подписать договор с Гитлером, в то время как первая могущественная связка осуществляла регулирование процессов франко-германского сближения и подталкивания Японии к нападению на советскую территорию на Дальнем Востоке.

Для проведения политики ускоренного вовлечения Японии в войну против Советского Союза в Токио был назначен послом Р. Клайв, не замеченный ранее в симпатиях к Москве. В связи с этим не могла не вызывать тревоги и серьезных опасений оценка источником мнения, существующего в окружении Пилсудского, относительно японской угрозы советскому Дальнему Востоку: «Япония неизбежно нападет на СССР как только закончит свое перевооружение <...> Война возможна еще в этом году, именно потому, что <...> ни одна из великих держав в настоящее время не может помешать Японии <...> Япония уверена, что, начав войну с СССР, она не останется одинокой, так как на СССР нападут, воспользовавшись этим случаем, Польша и Германия, даже если и не наступит франко-германско-польского соглашения <...> СССР никто не поможет, а Японии помогут материально <...> Гонсировский и Фабрыцы предвидят безусловное поражение Красной Армии, которая не имеет обеспеченных тылов внутри страны». Далее источник делал вывод, что, «по его мнению, возможность интервенции против СССР никогда не вырисовывалась так реалистично, как в настоящее время» [10, л. 29–44].

Источник сообщал, что военным сближением с Германией руководил лично Ю. Пилсудский и называл фамилии многих офицеров Главного штаба. Главой секретной польско-германской комиссии маршал назначил гене-

рала К. Фабрыцы, а сближение с Японией и Францией было доверено генералу Я. Гонсиоровскому – начальнику Главного штаба Войска Польского. К тому времени с Берлином обсуждались следующие проблемы – размещение заказов для польской армии не во французской военной промышленности, а на германских предприятиях, а также унификация вооружений для польских и германских вооруженных сил [10, л. 33].

Текущей задачей для польской и германской дипломатии был поставлен срыв Восточного пакта: «Польша и Германия будут противодействовать подписанию Восточного пакта и в него не войдут» [10, л. 32]. Для этого были предусмотрены определенные действия: «Польша и Германия будут добиваться того, чтобы оторвать Францию от СССР и разбить Малую Антанту» [10, л. 43]. Ближайшей задачей для своей дипломатии маршал считал присоединение Франции к плану польско-германо-французского сотрудничества: «Пилсудский сильно обеспокоен отношениями Франции с СССР и хочет помешать франко-советскому сближению, всячески доказывая нереальность союза между Францией и СССР» [10, л. 29].

На сегодняшний день известно о пяти донесениях советского агента. Сентябрьское донесение – одно из самых важных, поскольку свидетельствовало о качественном изменении отношений между участниками милитаристского трио. Инициатором выступил бывший японский военный министр генерал Араки, личное послание которого в июле было передано Пилсудскому, который сообщал, что поводом к нападению на СССР, вероятно, станет Китайско-Восточная железная дорога (КВЖД). Араки далее информировал, что промедление Токио с развязыванием войны вызвано техническим отставанием японской авиации, для усиления каковой с войной придется повременить до марта-апреля 1935 г. Однако, если Варшава и Берлин дадут слово стране восходящего солнца, что они развяжут военные действия против Москвы на следующий день после нападения Японии на советский Дальний Восток, то у последней достаточно сил, чтобы совершить нападение незамедлительно [10, л. 81].

По сути это уже был пусть неофициальный, но союз. Узы сотрудничества стали еще теснее. Неудивительно, что между Гитлером и Пилсудским 27 июля последовало заключение «джентельменского соглашения», первый пункт которого предписывал Варшаве и Берлину без предварительного взаимного согласования «не примыкать к Восточному пакту» [10, л. 82]. При заключении же Восточного пакта без Польши и Германии последние могли бы принять на себя обязательство вступить в оборонительный союз против Москвы и Парижа. Если бы был заключен франко-советский военный союз или осуществлено франко-советское военное сотрудничество, Германия и Польша должны были заключить с Японией военно-оборонительные союзы. Следующий пункт предусматривал вовлечение Финляндии, Эстонии, Латвии, Румынии и Венгрии в сферу польско-германского влияния [10, л. 82]. А в самом конце первой декады августа со стороны польского и германского правительств последовало устное заверение японских посланников в Берлине и Варшаве в том, что Восточный пакт подписан не будет [10, л. 80].

В октябрьском донесении «серьезный польский источник» информировал: «В Варшаве убеждены, что война меж-

ду СССР и Японией неизбежна и начнется не позже 1935 г. В Варшаве знают, со слов Идена, что Англия также считает эту войну неминуемой и ждет ее начала с нескрываемым нетерпением, причем поляки знают, что Англия будет поддерживать Японию. По сведениям Варшавы Лондон обращает мало внимания на европейские дела, считая их мелочными в сравнении с тем, что произойдет на Дальнем Востоке. С возникновением дальневосточной войны европейские дела, по мнению Лондона, будут пересмотрены заново. Англия, согласно польским данным, настолько жаждет столкновения на Дальнем Востоке, что стала помогать Японии своими разведывательными силами – чего раньше не наблюдалось. Японцы, по тем же данным, ведут весьма активную дипломатическую подготовку к войне в Лондоне, Берлине, Риме и Варшаве». Советский агент бесстрастно констатировал, что в Берлине велись польско-германские переговоры о совместных действиях на европейском театре, если на дальневосточной территории СССР начнутся известные осложнения с участием Японии. Относительно Восточного пакта источник информировал, что Варшава, желая скрыть свои истинные намерения, будет как можно дольше тянуть с ответом [10, л. 111–117].

В декабрьском донесении агент, наряду с иными сведениями, сообщал, что в октябре в Берлин приезжала японская делегация для переговоров с поляками и немцами, которые, однако, не принесли результатов. А от группы «Норман – Хейлшем» была получена информация, что «между Англией и Японией вскоре состоится подписание соглашения, направленного против СССР», а также что для Германии и Польши англо-американские банки готовят заем в 100 млн золотых долларов. На рождественские праздники к польскому посланнику в Копенгаген собирался выехать министр Бек, для встречи с представителями группировок «Тардые – Вейганд» и «Норман – Хейлшем» [11, л. 31–50]. Представитель первой приезжал в Варшаву и разъяснил, что протокол от 5 декабря был вынужденным шагом Лавалля, чтобы успокоить Литвинова и Москву, и что у Лавалля есть план действий для того, чтобы сговориться с Германией.

В донесении, датируемом приблизительно ранней весной 1935 г. и хранящемся в Архиве Службы внешней разведки, агент сообщал, помимо всего остального, о тайном декабрьском вояже Бека в Копенгаген и совещании с М. Норманом – главой Английского банка. Речь шла о предоставлении Берлину и Варшаве для финансирования антисоветской интервенции 500 млн золотых долларов, треть из которых предназначалась Польше. Однако средства могли быть предоставлены лишь при условии участия французского капитала, для чего было необходимо обеспечить франко-германское сближение [12, с. 22–30].

Таким образом, советское политическое руководство к весне 1935 г. располагало достоверными сведениями о том, что Берлин и Варшава не собирались участвовать в Восточном пакте и сознательно тянули время. Более того, гитлеровцы и пилсудчики сговаривались относительно проведения совместной с японскими милитаристами интервенции против СССР. Политбюро обладало всей совокупностью информации стратегического значения, чтобы сохранять спокойствие и предпринять необходимые действия. В марте 1935 г. была продана КВЖД, в апреле – предан широкой гласности секретный польско-германский договор от 25 февраля 1934 г., 2 мая состоялось подписа-

ние советско-французского договора о взаимопомощи, а 16 мая – аналогичного договора с Чехословакией [13; 14; 4, с. 211]. Тем самым была создана система малой коллективной безопасности и поставлен крест на планах Берлина, Токио и Варшавы развязать антисоветскую интервенцию до конца 1935 г. Поэтому, когда современный британский историк польского происхождения Адам Замойский [15] пишет о

многих поляках, которые не могут или не хотят забыть обиды, причинённые их стране, и о левых польских политиках, считающих, что статус жертвы даёт им моральное превосходство, уста готовы произнести: «Пан Замойский, изучайте первоисточники, и Вам откроется истина».

Литература

1. Бердяев Н. А. Судьба России. М.: Философское общество СССР, 1990. 240 с.
2. Документы внешней политики СССР. М.: Изд-во политической литературы, 1970. Т. XVI. 920 с.
3. Морозов С. В. Советский Союз и славянские страны в международных отношениях 1930-х гг. Документы. Новокузнецк: НФИ КемГУ, 2015. Режим доступа: <http://moodle.nkfi.ru/mod/data/view.php?id=19&-advanced=0&paging&page=28> (дата обращения: 28.06.2016).
4. Морозов С. В. Польско-чехословацкие отношения. 1933–1939. Что скрывалось за политикой «равноудаленности» министра Ю. Бека. М.: МГУ им. М. В. Ломоносова, 2004. 528 с.
5. Климовский Д. С. Германия и Польша в локальной системе европейских отношений. Из истории зарождения второй мировой войны. Минск: БГУ, 1975. 288 с.
6. Документы внешней политики СССР. М.: Изд-во политической литературы, 1971. Т. XVII. 880 с.
7. Внешняя политика СССР. Сборник документов. Т. IV. М., 1946. 647 с.
8. Документы внешней политики СССР. М.: Изд-во политической литературы, 1973. Т. XVIII. 720 с.
9. Политбюро ЦК РКП(б)-ВКП(б) и Европа. Решения «особой папки». 1923–1939. М.: РОССПЭН, 2001. 400 с.
10. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 558. Оп. 11. Д. 187.
11. РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 188.
12. Служба внешней разведки России. Архив СВР России. Секреты польской политики. Сборник документов (1935–1945) / сост. Л. Ф. Соцков. М., 2009. 403 с.
13. Известия. 1935. 20 апреля.
14. Правда. 1935. 20 апреля.
15. Замойский А. Польский новый национализм (перевод из Foreign Policy) // Спутник и Погром. 05.02.2016. Режим доступа: http://sputnikpogrom.com/europe/poland/50461/polands-new-nationalism/#.V26Bo9SLSt_ (дата обращения: 30.06.2016).

POLAND AND THE EASTERN PACT

Stanislav V. Morozov^{1, @}

¹ Belgorod National Research State University, 85, Pobeda St., Belgorod, Russia, 308015
@roland60@mail.ru

Received 25.07.2016. Accepted 12.10.2017.

Keywords: the struggle for the Eastern Pact, I. V. Stalin, Yu. Pilsudski, A. Hitler, preparing aggression against the USSR.

Abstract: The article features the activities of the Soviet and the Polish governments aimed at creating the so-called Eastern Pact in 1933 – the spring of 1935. The archives of Soviet intelligence declassified in the 2000s show that while the Soviet government fought for the pact, the governments of Poland, Germany and Japan were secretly preparing to conduct a policy of aggression against the USSR as early as in 1935; the secret sponsor and mastermind behind the plan was representatives of the British ruling circles. The major figures of the group were the head of the Bank of England M. Norman and the head of the House of Lords and the Minister of War, Lord Hailsham. By the spring of 1935, the Soviet political authorities already possessed all the information of strategic importance, which allowed them to take the necessary action. In March 1935, the Chinese Eastern Railway was sold, in April they publicized the secret Polish-German treaty signed on 25 February, 1934; on 2 May the Franco-Soviet treaty of mutual assistance was signed, and a similar treaty with Czechoslovakia was concluded on 16 May. Thus, the minor collective security system was established, which would put an end to the plans of Berlin, Tokyo and Warsaw to unleash their anti-Soviet intervention before the end of 1935.

For citation: Morozov S. V. Pol'sha i vostochnyi pakt [Poland and the Eastern Pact]. *Bulletin of Kemerovo State University*, no. 4 (2017): 80–84. DOI:10.21603/2078-8975-2017-4-80-84.

References

1. Berdiaev N. A. *Sud'ba Rossii* [Fate of Russia]. Moscow: Filosofskoe obshchestvo SSSR, 1990, 240.
2. *Dokumenty vneshnei politiki SSSR* [Documents of Soviet foreign policy]. Moscow: Izd-vo pol-i lit-ry, vol. XVI (1970): 920.
3. Morozov S. V. *Sovetskii Soiuz i slavianskie strany v mezhdunarodnykh otnosheniakh 1930-kh gg. Dokumenty* [The Soviet Union and the Slavic countries in the international relations of the 1930s. Documentation]. Novokuznetsk: NFI KemGU, 2015. Available at: <http://moodle.nkfi.ru/mod/data/view.php?id=19&advanced=0&paging&page=28> (accessed 28.06.2016).
4. Morozov S. V. *Pol'sko-chechoslovatskie otnosheniia. 1933–1939. Chto skryvalos' za politikoi «ravno-udalennosti» ministra Iu. Beka* [Polish-Czechoslovak relations. 1933–1939. What was behind the policy of «equidistance» Minister Yu. Beck]. Moscow: MGU im. M. V. Lomonosova, 2004, 528.
5. Klimovskii D. S. *Germaniia i Pol'sha v lokarnskoi sisteme evropeiskikh otnoshenii. Iz istorii za-rozhdeniia vtoroi mirovoi voyny* [Germany and Poland in Locarno system of European relations. From the history of the birth of the Second World War]. Minsk: BGU, 1975, 288.
6. *Dokumenty vneshnei politiki SSSR* [Documents of Soviet foreign policy]. Moscow: Izd-vo pol-i lit-ry, vol. XVII (1971): 880.
7. *Vneshniaia politika SSSR. Sbornik dokumentov* [Foreign policy of the USSR. A collection of documents]. Moscow, vol. IV (1946): 647.
8. *Dokumenty vneshnei politiki SSSR* [Documents of Soviet foreign policy]. Moscow: Izd-vo pol-i lit-ry, vol. XVIII (1973): 720.
9. *Politbiuro TsK RKP(b)-VKP(b) i Evropa. Resheniia «osoboi papki». 1923–1939* [Politburo of the Central Committee of the RCP(b)-VKP(b) and Europe. Solution «special folders». 1923–1939]. Moscow: ROSSPEN, 2001, 400.
10. *Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv sotsial'no-politicheskoi istorii (RGASPI)* [Russian state archive of socio-political history]. Found 558, List 11, File 187.
11. *Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv sotsial'no-politicheskoi istorii* [Russian state archive of socio-political history]. Found 558, List 11, File 188.
12. *Sluzhba vneshnei razvedki Rossii. Arkhiv SVR Rossii. Sekrety pol'skoi politiki. Sbornik dokumentov (1935–1945)* [The foreign intelligence service of Russia. Archive of the foreign intelligence service of Russia. The secrets of Polish policy. A collection of documents (1935–1945)]. Comp. Sotskov L. F. Moscow, 2009, 403.
13. *Izvestiia = Proceedings*, April 20 (1935).
14. *Pravda = True*, April 20 (1935).
15. Zamoiskii A. *Pol'skii novyi natsionalizm (perevod iz Foreign Policy)* [New Polish nationalism (translation from Foreign Policy)]. *Sputnik i Pogrom = Satellite and Mayhem*, 05.02.2016. Available at: http://sputnikpogrom.com/europe/poland/50461/polands-new-nationalism/#.V26Bo9SLSt_ (accessed 30.06.2016).

УДК 94(470.51) «1942/1948»

К ВОПРОСУ О ЗАРПЛАТАХ ИНОСТРАННЫХ ВОЕННОПЛЕННЫХ, ЗАНЯТЫХ НА ПРЕДПРИЯТИЯХ УДМУРТИИ В 1942–1948 ГГ.**Дмитрий В. Перевощиков¹, @, ***

¹ Удмуртский институт истории, языка и литературы Уральского отделения Российской академии наук, Россия, 426004, г. Ижевск, ул. Ломоносова, 4
@ dmitryzh76@mail.ru

Поступила в редакцию 17.07.2017. Принята к печати 09.11.2017.

Ключевые слова: Удмуртия, военнопленные, заработная плата, трудовая деятельность, заводы, лесозаготовки, торфопредприятие.

*** Статья подготовлена при поддержке РФФИ. Проект № 16-11-18002 а(р) «Иностранные военнопленные в Удмуртии (1941–1949 гг.): численность, состав, размещение, трудовое использование, медицинское обслуживание».**

Аннотация: В статье рассматривается вопрос об оплате труда военнопленных, занятых в промышленности, строительстве, на торфоразработках и лесозаготовках в Удмуртской АССР в 1942–1948 гг. Отмечается, что денежное вознаграждение бывшим солдатам и офицерам армий гитлеровского альянса выплачивалось из фондов предприятий, где они работали. Анализируется величина их заработной платы и ее зависимость от видов деятельности. Затрагивается вопрос о премиях, которые получали пленные, отличившиеся на конкретном участке производства. Приводятся данные о среднем уровне зарплаты представителей спецконтингента, трудившихся в г. Ижевске. Представлены виды работ, за которые они имели максимальное денежное вознаграждение. В качестве источников исследования были использованы в основном архивные документы. Многие из них впервые введены в научный оборот.

Сделан вывод о том, что военнопленные, находившиеся в Удмуртии в 1945–1948 гг., в абсолютном большинстве случаев не страдали от голода, так как имели возможность за счет зарплаты покупать в лагерных ларьках и городских магазинах дополнительные продукты питания.

Для цитирования: Перевощиков Д. В. К вопросу о зарплатах иностранных военнопленных, занятых на предприятиях Удмуртии в 1942–1948 гг. // Вестник Кемеровского государственного университета. 2017. № 4. С. 85–89. DOI:10.21603/2078-8975-2017-4-85-89.

Вопрос о заработной плате иностранных военнопленных, содержащихся в СССР в 1941–1956 гг., остается малоизученным. Данная проблема лишь затрагивалась в обобщающих трудах о жизни и трудовой деятельности в советском тылу бывших военнослужащих армий противника [1–2]. Недостаточно изучена эта тема и на региональном уровне. Лишь отдельные аспекты проблемы отражены в работах, посвященных исследованию пребывания пленных на территории некоторых районов СССР [3–11].

Оплата труда бывших солдат и офицеров армий гитлеровского блока в советском тылу оговаривалась в Положении о военнопленных, утвержденном СНК СССР 1 июля 1941 г. В документе, в частности, отмечалось: «Военнопленные, привлекаемые к работе в различных отраслях народного хозяйства, получают зарплату в размере, устанавливаемом Управлением НКВД СССР по делам о военнопленных и интернированных».

Из заработной платы военнопленных производится удержание на возмещение расходов по их содержанию (оплата жилой площади, коммунальные услуги, питание, если организовано общее котловое довольствие)» [12, с. 67].

В 1945 г. вопрос о размерах заработка бывших солдат и офицеров иностранных армий был упорядочен и конкретизирован. 29 сентября приказом Наркома внутренних дел СССР было введено в действие Положение о трудовом использовании военнопленных. В документе говорилось об общей сумме денежного вознаграждения, выплачиваемого

одному представителю спецконтингента в месяц, которая не должна была превышать 200 руб. для занятых тяжелым физическим трудом и 150 руб. – на других видах работ. Для военнопленных, являвшихся квалифицированными специалистами и задействованных в административно-технической сфере, денежное вознаграждение выплачивалось из расчета 50 % от установленного для данной должности оклада, но не выше 500 руб. При этом каждому пленному разрешалось иметь наличных денежных средств не более 150 руб. Суммы свыше установленного лимита перечислялись на лицевые счета таких представителей спецконтингента [13, л. 23–24]. Все заработанные деньги пленный получал на руки непосредственно перед репатриацией. Вышеуказанные нормы применялись и в отношении обезоруженных солдат и офицеров противника, находившихся на территории Удмуртской АССР (УАССР).

В 1941–1949 гг. в республике функционировали 7 крупнейших пунктов содержания бывших военнослужащих вермахта и союзных ему армий, не считая спецгоспиталей, где они находились на лечении. К их числу относились 4 лагеря Главного управления по делам военнопленных и интернированных (ГУПВИ) НКВД СССР и 3 отдельных рабочих батальона, входивших в структуру Наркомата (с 1946 г. Министерства) Вооруженных сил. Наиболее значительными по своему размеру являлись заработки бывших иностранных солдат и офицеров, размещенных в пунктах их содержания № 75, № 155, № 371. Денежные суммы

начислялись из фондов предприятий, где были задействованы пленные немцы, австрийцы, румыны, венгры и лица других национальностей.

Бывшие иностранные военнослужащие, содержащиеся в 1941–1947 гг. в лагере № 75, который размещался в пос. Рябово Увинского района УАССР, были заняты на торфопроизводствах, шпалорезе, лесозаготовках, погрузке и разгрузке продукции. За свой труд пленные ежемесячно получали заработную плату. Денежные суммы выделялись из фондов Увинского торфопредприятия. В ряде случаев заработки иностранцев были довольно значительными. Например, в июне 1946 г. сумма денежного вознаграждения многих пленных находилась в диапазоне от 329 до 400 руб. в месяц. Судя по зарплатным ведомостям, им выдавалось под роспись по 150 руб. Остальные суммы перечислялись на лицевые счета пленных. В ноябре того же года средний месячный заработок вырос. Оплата труда некоторых военнопленных достигла 500 и даже 800 руб. Однако не все могли зарабатывать такие суммы. Денежный доход отдельных пленных в том же 1946 г. иногда достигал небольших размеров – 50, 30, 19 и даже 5 руб. [14, л. 83, 117, 148, 192].

При этом если у иностранных работников оказывались накопления, превышавшие 150 руб., то они подлежали изъятию. Так, в 1945 г. во время обыска в Рябовском пункте содержания пленных у некоторых из них обнаружили суммы сверх положенного максимума. Эти излишки сотрудниками НКВД были сданы в кассу Управления лагеря № 75 для дальнейшего их перевода на лицевые счета иностранцев [15, л. 84].

Еще одним местом дислокации военнопленных являлся лагерь № 155. Он располагался северо-западнее пос. Ува. До 1943 г. и с октября 1945 г. этот пункт содержания пленных являлся отделением лагеря № 75. Бывшие солдаты вермахта и союзных ему армий, проживавшие здесь, работали на заготовке дров и древесного сырья в густом лесном массиве, окружавшем район их пребывания. Кроме того, пленные принимали участие в строительстве узкоколейной железной дороги и деревянных зданий. За труд на Увинском лесопункте, входящем в трест «Ижлес», им вручалось под роспись небольшое денежное вознаграждение. Судя по ведомостям на выдачу заработка за ноябрь 1944 г. – октябрь 1945 г., пленные получали от 7 до 57 руб. в месяц. Более 50 руб. выдавалось тому, кто перевыполнял норму [16, л. 76, 100, 177, 196]. За работу, проделанную иностранцами в течение 1945 г., трест «Ижлес» перечислил лагерю 57619 руб. [17, л. 64]. В 1946 г. были увеличены расценки и хлебные пайковые надбавки. Зарплата пленных выросла в два с лишним раза. Поэтому увеличилась и сумма оплачиваемых по договору 35 % на содержание штаба лагеря. В то же время каждый из военнопленных, как правило, занятый на одной и той же операции, выполнил более 40 норм [18, л. 287, 290].

В 1945–1948 гг. в г. Ижевске дислоцировался лагерь № 371. Пленные, содержащиеся в нем, работали на заводе № 46. Это предприятие находилось в системе Министерства строительного и дорожного машиностроения СССР. Военнопленные были задействованы также на заводах № 71, 74, 524, 622. Данные предприятия специализировались на производстве оборонной продукции. Бывшие военнослужащие армий гитлеровского блока находились и сре-

ди работников строительного треста № 51, который наряду с указанными выше ижевскими заводами функционировал в системе Министерства вооружений СССР. Военнопленные трудились также в помещении республиканской типографии, в железнодорожном депо, на нефтебазе, ТЭЦ, участвовали в ремонте некоторых городских общеобразовательных школ, стадиона «Динамо», других зданий и сооружений [19, л. 45–46, 113].

Наиболее высокий заработок пленные получали на заводе № 71. В вопросе оплаты труда на этом металлургическом предприятии бывшие иностранные военнослужащие были поставлены в равные условия с вольнонаемными рабочими. 11 октября 1945 г. его директор С. К. Медведев подписал следующее распоряжение: «Во исполнение договора, заключенного заводом с Управлением лагеря военнопленных, предлагаю: всем начальникам цехов, пользующихся услугами контингента лагеря, оплату работ, выполняемых ими, производить по расценкам, установленным для вольнонаемных рабочих завода. За перевыполнение норм выработки все премиально-прогрессивные надбавки, существующие на заводе для вольнонаемных рабочих, в равной мере применять и при расчетах с лагерем» [20, л. 22]. Размер денежного вознаграждения бывших иностранных солдат, трудившихся на этом заводе, постепенно повышался. Если в январе 1946 г. средний месячный заработок пленного составлял 213 руб., то в июне – 334, в сентябре – 364, в декабре – 524 руб. Одновременно также постоянно возрастающая средняя заработная плата вольнонаемного рабочего на данном предприятии в том же году достигла 649 руб. [21, л. 12 об. 14]. Значительную часть пленных, имевших высокий для них доход, составляли иностранцы, трудившиеся на погрузке и разгрузке железнодорожных вагонов, автотранспорта. Некоторым вольнонаемным работникам предприятия иногда начислялся меньший месячный заработок, чем пленным. После состоявшейся в СССР в декабре 1947 г. отмены карточной системы бывшие военнослужащие армий противника покупали продукты не только на рынке, но и в магазинах, отправляли посылки на родину в Германию и в другие страны. В результате решения ГУПВИ МВД СССР о расконвоировании части содержащихся в Советском Союзе военнопленных, некоторые из них перемещались по Ижевску без конвоя. В 1947 г. фонд зарплаты, выплаченной заводом спецконтингенту и работникам из исправительно-трудовой колонии, составил 10 млн. 400 тыс. руб., 6 млн. 916 тыс. из которых получили пленные из лагеря № 371 [22, л. 1, 20].

Большой объем работы был выполнен этими иностранцами в системе строительного треста № 51. На зарплату пленных начислялись дополнительные 35 %. По данной статье вторым стройуправлением этой организации в течение 1946 г. было выплачено 129, 4 тыс. руб. [23, л. 21]. Однако заработок военнопленных, работавших в системе треста, был невысоким. Во второй половине 1946 г. минимальный размер их зарплаты при выполнении установленных норм достигал 7 руб. 40 коп., а с начислением 35 % – 10 руб. [24, л. 84].

Для общей характеристики денежного дохода пленных, находившихся в тот период в Ижевске, нужно представить средний уровень их заработка. В 1946 г. этот показатель составил в первом квартале – 12 руб. 44 коп., во втором – 13 руб. 15 коп., в третьем – 15 руб. 30 коп., в чет-

вертом – 22 руб. 15 коп. [25, л. 1 об.]. Таким образом, денежный доход пленных рос, хотя и не всегда достаточно ощутимо. Можно также сделать вывод о том, что в 1946 г. иностранные работники, получавшие от ижевских предприятий по 150 руб. в месяц, составляли меньшинство всего спецконтингента.

Однако не слишком стабильное в денежном выражении положение большинства пленных несколько смягчалось начислением премий, регулярно выписываемых руководством Управления лагеря № 371 всем, проявившим себя в определенной деятельности. Например, в мае 1947 г. для бывших иностранных военнослужащих, отличившихся в конкурсе по благоустройству, улучшению жилищно-бытовых условий пункта их пребывания, было выделено 1300 руб. Во втором квартале того же года старший первого отделения лагеря № 371 немец Г. Шон получил премию в размере 450 руб. Поощрительные денежные вознаграждения от 50 до 350 руб. были выписаны также лучшим бригадирам, командирам рот, взводов пленных. Один из таких руководителей – бывший немецкий военнослужащий Эндерс получил 350 премиальных рублей. Не оставались в стороне и работники лагерной кухни. Например, немцу-повару О. Карту была выдана премия в размере 300 руб. [25, л. 24].

Чтобы оценить уровень заработка многих военнопленных, находившихся в Удмуртии, следует отметить, что средняя месячная зарплата в СССР в 1946–1948 гг. составляла 700–800 руб. В республике этот показатель соответствовал общесоюзному. Во второй половине декабря 1947 г. после отмены карточной системы и снижения на 10–12 % цен на основные продукты питания, килограмм ржаного хлеба в СССР (во втором поясе) стоил 3 руб. [26, с. 375], говяжьего мяса – 30, макарон – 10, гречневой крупы – 12 руб. В лагерных ларьках цены мало чем отличались от магазинных. При этом в 1946–1947 гг. выдаваемое на руки ежемесячное денежное вознаграждение военнопленного, трудившегося в Удмуртии на лесозаготовках, торфоразработках или на ижевском металлургическом заводе, колебалось в основном от 50 до 150 руб. в зависимости от уровня выработки и процента выполнения нормы. В некоторых случаях оно примерно равнялось или даже было немного больше зарплаты отдельных вольнонаемных неквалифицированных работников. Поэтому, учитывая наличие бесплатных и ежедневных завтрака, обеда, ужина в лагере, пленные могли заметно улучшить свой рацион с помощью заработанных денег. Часто бывшие иностранные солдаты и офицеры имели на руках сумму, превышавшую лимит в 150 руб., поскольку не всегда присутствовал контроль за соблюдением установленных правил. Особенно это относилось к пленным, являвшимся признанными специалистами своего дела или числившимся на административно-технических должностях в лагере.

Перед репатриацией иностранцы получали на дорогу денежное довольствие. Так, в октябре 1945 г. незадолго до отъезда на родину пленным из лагеря № 155 было выдано примерно по 20 руб. [16, л. 196]. Помимо этого, в ходе репатриации бывшим вражеским военнослужащим предоставлялись все заработанные ими денежные средства. Поскольку советские дензнаки вывозить за рубеж не разрешалось, пленные стремились полностью потратить их на территории СССР. Они покупали различные товары: от чемоданов и дамских сумок до часов и ювелирных украшений, которые потом вывозили в свои страны для собственного потребления или в качестве подарков родным и близким. В данной ситуации иногда самыми безденежными оказывались пленные офицеры, имевшие на момент отправки на родину не более 20 руб. Дело в том, что многие из них, находясь в лагерях, пользовались правом не участвовать в трудовом процессе, предоставленным им Положением о военнопленных, утвержденным Советским правительством в 1941 г. Поэтому во время репатриации многие из них с сожалением и завистью посматривали на своих более «богатых» соотечественников, закупавших себе в дорогу продукты питания и промтовары.

Таким образом, из всех пленных, находившихся в Удмуртии в 1942–1948 гг., наибольший уровень месячной заработной платы имели те, кто трудился на лесозаготовках, торфоразработках, погрузке и разгрузке различных материалов, а также на физически тяжелых или вредных для здоровья работах в цехах Ижевского металлургического завода. Низкими зарплатами для пленных отличался строительный трест № 51. В то же время 150 руб. в месяц и более получали иностранные работники, которые являлись высококвалифицированными специалистами в своей области или регулярно перевыполняли установленные трудовые нормы. Значительный месячный доход имели пленные, занимавшие в лагерях административные и руководящие должности.

Нередко многие бывшие иностранные военнослужащие, работавшие в Удмуртии, имели на руках более 150 руб., поскольку, с одной стороны, не всегда можно было полностью контролировать положенный максимум денежных сумм, который мог по установленным правилам находиться у них, а с другой – иногда руководители Управлений лагерей делали исключения для лиц, хорошо себя зарекомендовавших на производстве и в быту.

В 1945–1948 гг. военнопленные, находившиеся в учреждениях ГУПВИ НКВД СССР на территории Удмуртии, фактически не голодали, поскольку многие из них в дополнение к бесплатному ежедневному трехразовому питанию приобретали на заработанные деньги дополнительные продукты.

Литература

1. Галицкий В. П. Венгерские военнопленные в СССР // Военно-исторический журнал. 1991. № 10. С. 44–55.
2. Сидоров С. Г. Труд военнопленных в СССР, 1939–1956 гг. Волгоград: Издательство Волгоградского государственного университета, 2001. 508 с.
3. Кузьминых А. Л. Иностранные военнопленные Второй мировой войны на Европейском Севере СССР (1939–1949 гг.). Вологда: Книжное наследие, 2005. 339 с.

4. Суржикова Н. В. Иностранцы военнопленные Второй мировой войны на Среднем Урале (1942–1956 гг.). Екатеринбург: Гуманитарный университет, 2006. 499 с.
5. Смыкалин А. С. Немецкие военнопленные на Урале // Витта. 1997. № 15. С. 24–27.
6. Ерин М. Е., Баранова Н. В. Немцы в советском плену (По архивным материалам Ярославской области) // Отечественная история. 1995. № 6. С. 133–142.
7. Долголюк А. А., Маркдорф Н. М. Репатриация военнопленных Второй мировой войны из сибирских лагерей // Историко-экономические исследования. 2015. Т. 16. № 4. С. 727–762.
8. Смирнова Н. Б. Отдельный рабочий батальон военнопленных № 369 (г. Алатырь) // Научные исследования: от теории к практике. 2016. № 3(9). С. 31–32.
9. Смирнова Н. Б. Труд военнопленных в спецгоспитале № 3064 как средство решения кадровой проблемы // Человек труда в истории: актуальные вопросы исторической науки, архивоведения и документоведения: сборник статей III Всероссийской научно-практической конференции (с международным участием) (03 марта 2016). Чебоксары, 2016. С. 58–60.
10. Макарова Н. Н. Военнопленные в Магнитогорске: особенности повседневной жизни и стратегии выживания (1945–1950 гг.) // Российская история. 2016. № 6. С. 83–96.
11. Мотревич В. П. Учреждения для военнопленных и интернированных в Чкаловской области в 1943–1949 гг. (численность и дислокация) // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. Электронный научный журнал. 2017. № 1(21). С. 139–145.
12. Военнопленные в СССР. 1939–1956. Документы и материалы / сост. М. М. Загорулько, С. Г. Сидоров, Т. В. Царевская / под ред. М. М. Загорулько. М.: Логос, 2000. 1120 с.
13. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. Р–9401. Оп. 1. Д. 748.
14. Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 55п. Оп. 4. Д. 5.
15. РГВА. Ф. 55п. Оп. 4. Д. 8.
16. РГВА. Ф. 55п. Оп. 5. Д. 1.
17. Центральный государственный архив Удмуртской Республики (ЦГА УР). Ф. Р–1089. Оп. 1. Д. 75.
18. ЦГА УР. Ф. Р–1089. Оп. 1. Д. 80.
19. РГВА. Ф. 55п. Оп. 6. Д. 7.
20. ЦГА УР. Ф. Р–1467. Оп. 1. Д. 98.
21. ЦГА УР. Ф. Р–1467. Оп. 3. Д. 293.
22. ЦГА УР. Ф. Р–1467. Оп. 3. Д. 325.
23. ЦГА УР. Ф. Р–1321. Оп. 1. Д. 39.
24. ЦГА УР. Ф. Р–1321. Оп. 1. Д. 37.
25. РГВА. Ф. 55п. Оп. 3. Д. 4.
26. Белоусов Р. А. Экономическая история России: XX век. М.: ИздАТ, 2004. Кн. 4. 415 с.

ON THE MATTER OF THE WAGES OF FOREIGN PRISONERS OF WAR ON UDMURT ENTERPRISES IN 1942–1948

Dmitry V. Perevoshchikov¹, @, *

¹ Udmurt Institute of History, Language and Literature of the Ural branch of Russian Academy of Sciences, 4, Lomonosova St., Izhevsk, Russia, 426004
@ dmitryizh76@mail.ru

Received 17.07.2017. Accepted 09.11.2017.

Keywords: Udmurtia, prisoners of war, wage, labour activity, factories, forest exploitation, peat enterprise.

* *Статья подготовлена при поддержке РФФИ. Проект № 16-11-18002 а(р) «Иностранцы военнопленные в Удмуртии (1941–1949 гг.): численность, состав, размещение, трудовое использование, медицинское обслуживание».*

Abstract: The current research studies the wages of foreign prisoners of war (P.O.W.s) who worked in the Udmurt Autonomous Soviet Socialist Republic in 1942–1948. The paper contains the information about the pays to the P.O.W.s were transferred from the funds of the enterprises where they worked. The article analyses the level of P.O.W. wages, the dependence of the wages from the labour activities and the bonus that the P.O.W.s received for good performance. The paper contains the data on the average level of P.O.W. wages in Izhevsk and lists the kinds of labour activities where the P.O.W.s received the highest wages. The research is based on archival documents, most of which were involved in the scientific use for the first time.

It is highly unlikely that the P.O.W.s who were in Udmurtia in 1945–1948 starved since they could use their wages to buy additional provisions in the camp stalls and town shops.

For citation: Perevoshchikov D. V. K voprosu o zarplatakh inostrannykh voennoplennyykh, zaniatykh na predpriyatiyakh Udmurtii v 1942–1948 gg. [On The Matter of the Wages of Foreign Prisoners of War on Udmurt Enterprises in 1942–1948]. *Bulletin of Kemerovo State University*, no. 4 (2017): 85–89. DOI:10.21603/2078-8975-2017-4-85-89.

References

- Galitskii V. P. Vengerskie voennoplennyye v SSSR [Hungarian prisoners of war in the USSR]. *Voenno-istoricheskii zhurnal = Military and historical journal*, no. 10. (1991): 44–55.
- Sidorov S. G. *Trud voennoplennyykh v SSSR, 1939–1956 gg.* [The labour of prisoners of war in the USSR, 1939–1956]. Volgograd: Izdatel'stvo Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta, 2001, 508.
- Kuz'minykh A. L. *Inostrannyye voennoplennyye Vtoroi mirovoi voiny na Evropeiskom Severe SSSR (1939–1949 gg.)* [The Second world war's foreign prisoners-of-war in the European North of the USSR (1939–1949)]. Vologda: Knizhnoe nasledie, 2005, 339.
- Surzhikova N. V. *Inostrannyye voennoplennyye Vtoroi mirovoi voiny na Srednem Urale (1942–1956 gg.)* [The Second world war's foreign prisoners-of-war in the Middle Urals (1942–1956)]. Ekaterinburg: Gumanitarnyi universitet, 2006, 499.
- Smykalin A. S. Nemetskie voennoplennyye na Urale [German prisoners of war in the Ural]. *Vitta = Vitta*, no. 15 (1997): 24–27.
- Erin M. E., Baranova N. V. Nemtsy v sovetskom plenu (Po arkhivnym materialam Iaroslavskoi oblasti) [Germans in the Soviet captivity (on the basis of archival materials of Yaroslavl region)]. *Otechestvennaia istoriia = Native history*, no. 6 (1995): 133–142.
- Dolgoliuk A. A., Markdorf N. M. Repatriatsiia voennoplennyykh Vtoroi mirovoi voiny iz sibirskikh lagerei [The repatriation of the Second world war's foreign prisoners-of-war from Siberian camps]. *Istoriko-ekonomicheskie issledovaniia = Historical and economic researches*, 16, no. 4 (2015): 727–762.
- Smirnova N. B. Otdel'nyi rabochii batal'on voennoplennyykh № 369 (g. Alatyry) [The separate labour battalion of prisoners of war № 369 (Alatyr)]. *Nauchnye issledovaniia: ot teorii k praktike = The scientific researches: from theory to a practice*, no. 3(9) (2016): 31–32.
- Smirnova N. B. Trud voennoplennyykh v spetsgospitale № 3064 kak sredstvo resheniia kadrovoy problemy [The labour of prisoners of war in the special hospital № 3064 like means of a decision of a experienced problem]. *Chelovek truda v istorii: aktual'nye voprosy istoricheskoi nauki, arkhivovedeniia i dokumentovedeniia: sbornik statei III Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii (s mezhdunarodnym uchastiem) (03 marta 2016)* [The man of labour in a history: actual problems of historical science, archival and documental researches: Proc. Russian Sc.-Prac. Conf. (March 03 2016)]. Cheboksary (2016): 58–60.
- Makarova N. N. *Voennoplennyye v Magnitogorske: osobennosti povsednevnoi zhizni i strategii vyzhivaniia (1945–1950 gg.)* [The prisoners of war in Magnitogorsk: the features of everyday life and survival]. *Rossiiskaia istoriia = Russian history*, no. 6 (2016): 83–96.
- Motrevich V. P. Uchrezhdeniia dlia voennoplennyykh i internirovannykh v Chkalovskoi oblasti v 1943–1949 gg. (chislennost' i dislokatsiia) [The institutions for prisoners of war and internees in Chkalov region in 1943–1949 (quantity and accommodation)]. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Elektronnyi nauchnyi zhurnal = Vestnik of Orenburg state university. Electronic scientific journal*, no. 1(21) (2017): 139–145.
- Voennoplennyye v SSSR. 1939–1956. Dokumenty i materialy* [Prisoners of war in the USSR. Documents and materials]. Comp. Zagorul'ko M. M., Sidorov S. G., Tsarevskaya T. V. Ed. Zagorul'ko M. M. Moscow: Logos, 2000, 1120.
- Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii (GA RF)* [The State Archive of Russian Federation]. Found 9401, List 1, File 748.
- Rossiiskii gosudarstvennyi voennyi arkhiv (RGVA)* [The Russian State Military Archive]. Found 55p, List 4, File 5.
- Rossiiskii gosudarstvennyi voennyi arkhiv* [The Russian State Military Archive]. Found 55p, List 4, File 8.
- Rossiiskii gosudarstvennyi voennyi arkhiv* [The Russian State Military Archive]. Found 55p, List 5, File 1.
- Tsentrallyi gosudarstvennyi arkhiv Udmurtskoi Respubliki (TsGA UR)* [The Central State Archive of Udmurt Republic]. Found 1089, List 1, File 75.
- Tsentrallyi gosudarstvennyi arkhiv Udmurtskoi Respubliki* [The Central State Archive of Udmurt Republic]. Found 1089, List 1, File 80.
- Rossiiskii gosudarstvennyi voennyi arkhiv* [The Russian State Military Archive]. Found 55p, List 6, File 7.
- Tsentrallyi gosudarstvennyi arkhiv Udmurtskoi Respubliki* [The Central State Archive of Udmurt Republic]. Found 1467, List 1, File 98.
- Tsentrallyi gosudarstvennyi arkhiv Udmurtskoi Respubliki* [The Central State Archive of Udmurt Republic]. Found 1467, List 3, File 293.
- Tsentrallyi gosudarstvennyi arkhiv Udmurtskoi Respubliki* [The Central State Archive of Udmurt Republic]. Found 1467, List 3, File 325.
- Tsentrallyi gosudarstvennyi arkhiv Udmurtskoi Respubliki* [The Central State Archive of Udmurt Republic]. Found 1321, List 1, File 39.
- Tsentrallyi gosudarstvennyi arkhiv Udmurtskoi Respubliki* [The Central State Archive of Udmurt Republic]. Found 132, List 1, File 37.
- Rossiiskii gosudarstvennyi voennyi arkhiv* [The Russian State Military Archive]. Found 55p, List 3, File 4.
- Belousov R. A. *Ekonomicheskaya istoriia Rossii. XX vek.* [The economic history of Russia: XX century]. Moscow: Izdat, vol. 4 (2004): 414.

УДК 902 (571.17)

РУССКАЯ АРХЕОЛОГИЯ КУЗНЕЦКОГО ПРИТОМЬЯ: ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ, СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Александр С. Сизёв^{1, @}

¹ Историко-культурный и природный музей-заповедник «Томская Писаница», Россия, 650000, г. Кемерово, ул. Томская, 5а

@ asizyov@list.ru

Поступила в редакцию 26.10.2016. Принята к печати 18.01.2017.

Ключевые слова:

Кузнецкое Притомье, археологические памятники русского времени, остроги, сельские поселения, кладбища, история изучения.

Аннотация: В статье характеризуется история изучения археологических памятников русского времени (укрепленных и неукрепленных поселений, кладбищ) на территории Кузнецкого Притомья со второй четверти XX в. по настоящее время. Выделены три этапа этого процесса, отражающие тенденцию возрастания масштабов русской археологии в Западной Сибири. Проанализирован качественный аспект изученности памятников русской археологии исходя из соотношения объектов, исследованных разноуровневыми методами полевой археологии (разведками или раскопками), и характера публикаций (описательный или аналитический). Проведено картографирование археологических памятников русского времени, результаты которого наглядно отразили неравномерность изученности территории Кузнецкого Притомья. На основе предпринятой автором оценки состояния изученности памятников и анализа их распространения определяются приоритетные направления дальнейших полевых исследований: поиск новых поселенческих памятников в устьях притоков р. Томь вблизи острогов, изучение методом раскопок выявленных ранее русских сел, заимок, кладбищ и мониторинг их современного состояния.

Для цитирования: Сизёв А. С. Русская археология Кузнецкого Притомья: история изучения, современное состояние и перспективы // Вестник Кемеровского государственного университета. 2017. № 4. С. 90–98. DOI:10.21603/2078-8975-2017-4-90-98.

Началом процесса освоения русскими Сибири считается 1581 г., когда казачий отряд Ермака, совершив переход через Уральские горы, устремился по сибирским рекам на восток в направлении столицы Сибирского ханства Кашлык. Массовое переселение русских и освоение ими земель Сибири, в том числе Кузнецкого Притомья, начинается с конца XVI–XVII вв.

Изучение памятников русских переселенцев этого периода, в частности городов, сформировалось в самостоятельное направление в археологии Западной Сибири [1, с. 115]. На территории Кузнецкого Притомья известно 47 археологических памятников, содержащих слои с русскими материалами, разведки или раскопки на которых ведутся с 1930-х гг. Результаты этих исследований отражены более чем в 20 научных работах. В данной статье проанализированы и обобщены существующие публикации, выделены этапы изучения археологических объектов русского времени, сделан вывод о состоянии исследованности этой категории памятников и намечены перспективы дальнейших исследований.

1. История изучения археологических памятников русского времени в Кузнецком Притомье

1. Укрепленные поселения

На территории Кузнецкого Притомья в XVII – начале XVIII в. насчитывалось четыре острога, один из которых – Кузнецкий – впоследствии приобрел статус города (Кузнецк). Этот острог находился выше остальных укрепленных русских поселений Притомья по течению р. Томь на месте современного города Новокузнецк. По мнению

А. Ю. Огурцова, острог располагался на правом берегу р. Томь у Спасо-Преображенского собора, но с 1618 по 1620 гг. он мог стоять на левом берегу реки [2, с. 82, 83].

Попытки археологического изучения острога предпринимались начиная с 30-х гг. XX в. Художник и краевед К. А. Евреинов собрал материалы, которые, по мнению Ю. В. Ширина, можно соотнести с ранним периодом его существования [3, с. 70].

В 1986 г. Ю. В. Ширин и А. Ю. Огурцов осмотрели культурный слой, выявленный при реставрационных работах на Спасо-Преображенском соборе, и нашли монеты, фрагменты посуды XVII вв. [2, с. 84]. Впоследствии раскопки здесь не проводились, поскольку остатки поселения, идентифицируемого как острог, находятся на территории храма и его хозяйственных построек.

В течение нескольких лет (1986–1992, 2003, 2012) охранные и аварийные раскопки на территории Кузнецка вел Ю. В. Ширин. Им были выявлены остатки построек XVII–XVIII вв. Многие постройки оказались разрушенными вследствие современной строительной деятельности. Кроме того, в 1989 г. Шириным проводились аварийные работы на русских кладбищах XVII–XIX вв. г. Новокузнецка, расположенных на участках улиц Водопадная и Народная [4, с. 23].

На территории памятника в 1989 г. работала группа томских студентов-практикантов под руководством М. П. Черной [3, с. 71]. В 1990–1991 гг. на грунтовом могильнике Кузнецк I/I Ю. В. Ширин раскопал 12 могил русского времени (XVII в.) [4, с. 23]. В 1994 г. А. О. Кауфманом был раскопан жилой объект, датированный серединой XVIII в.

[3, с. 73]. В 2012 г. Ю. В. Ширин исследовал участок улицы Кузнецка рубежа XVII–XVIII вв., на котором обнаружены остатки семи усадеб (XVIII в.) и одна жилая постройка XVII в. [3, с. 70, 75].

Раскопки на территории Кузнецкой крепости, построенной в первой четверти XIX в., вела в 1973 г. Г. С. Мартынова. При этом был исследован фундамент гауптвахты, найдены фрагменты стеклянной, берестяной и керамической посуды, монеты, изделия из железа (гарпун, замок, гвозди), кости домашних животных [5, с. 2, 4].

Ниже по течению р. Томь от Кузнецкого острога на окраине пос. Крапивино располагался Мунгатский острог, поставленный в 1715 г. С целью установления его точного местоположения сотрудники Томского и Сталинского краеведческих музеев под руководством Н. А. Чернышева предприняли в 1940 г. разведки, во время которых были исследованы остатки конструкций XVIII в. [6, с. 60].

В 1954 г. памятник обследовал У. Э. Эрдниев, собравший подъемный материал. Исследователь высказал предположение о нахождении острога на месте сгоревшей в начале XIX в. Никольской церкви [7, с. 110].

А. И. Мартынов в 1962 г. зафиксировал остатки какого-то рва и осуществил подъемные сборы материала вдоль берегового обнажения [7, с. 110].

На предполагаемом месте расположения острога Ю. В. Ширин и В. М. Кимеевым в 1997 г. были проведены рекогносцировочные работы и зачищены террасы левого берега р. Томь. Несмотря на обнаруженные материалы – гончарную керамику, осколки стекла, железные ножи, многочисленные кости домашних животных – Ю. В. Ширин констатировал, что точного местонахождения острога установить не удалось [8, с. 32].

Между тем С. С. Тихонов считает, что острог нужно искать на северо-восточной оконечности с. Крапивино, точнее, в пойме, где могли сохраниться его остатки [9, с. 136].

Верхотомский острог располагался на территории села Верхотомское, находящегося в 16 км ниже по течению р. Томь от г. Кемерово [10, с. 60]. По мнению И. Ю. Ускова, острог был основан в 1665 г. [11, с. 227–231].

В 1940 г. территория памятника обследовалась сотрудниками Томского краеведческого музея Н. А. Чернышевым. Он предположил, что «острожные валы» – это остатки тюремно-этапных сооружений XIX в., а сам острог мог стоять в нескольких сотнях метров выше по течению Томи на мысу, где прослеживались многочисленные подквадратные западины от построек, ров и вал [6, с. 61].

А. И. Мартынов в 1959–1960 гг. раскопал участок в центральной части острога. Раскопки дали материалы от первых веков нашей эры до Позднего Средневековья [7, с. 106].

В результате разведочных работ Ю. В. Ширин и В. М. Кимеева в 1997 г. было установлено точное местоположение острога. Обнаружено, что большая часть его территории нарушена земляными работами и последствиями разработки гравийного карьера [7, с. 106]. В научном архиве музея «Археология, этнография и экология Сибири» КемГУ хранится паспорт памятника [12]. В нем указано, что полевая документация и находки, полученные при археологическом изучении Верхотомского острога А. И. Мартыновым, переданы в Кемеровский краеведческий музей. К сожалению, этих материалов в музее обнаружить не удалось.

Еще одно укрепленное поселение Притомья – Сосновый острог – располагается на территории одноименной деревни. В. М. Кимеев считает, что деревянные укрепления на этом месте были возведены в 1657 г. [7, с. 101].

Н. А. Чернышев осмотрел территорию острога во время упомянутой выше экспедиции 1940 г. Он обнаружил признаки фортификационных сооружений (вал, ров), окружавших пространство, в средней части которого находились не действовавшая в то время церковь с кладбищем [6, с. 61].

В 1950 г. Сосновый острог был обследован Г. В. Трухиным, который выявил культурный слой мощностью до 30 см, содержащий во множестве керамику и шлаки [13, с. 44].

В 1991 г. В. М. Кимеевым и А. С. Васютиным на территории памятника были заложены разведочные траншеи, в одной из которых обнаружены остатки частокола и детские погребения [13, с. 45].

Впоследствии (1997 г.) территория острога была обследована В. М. Кимеевым и Ю. В. Шириним. Ими раскопан участок, на котором находились острожные ворота и около двадцати могил русского кладбища XVIII–XIX вв. При раскопках найдено большое количество костей животных, гончарной русской керамики и несколько фрагментов лепной керамики, датируемой I тыс. н. э. [14, с. 368–369; 15].

2. Неукрепленные многослойные и однослойные поселения

Кроме острогов в Кузнецком Притомье археологическими методами исследовались разновременные неукрепленные поселения со слоями русского времени, однослойные русские поселения и кладбища.

Так, поселения Иванцевское и Блиновское, содержащие русские материалы XVII в., были открыты краеведом К. А. Евреиновым еще в 1934 г. [4, с. 24]. Позднее на поселении Блиновском Ю. В. Ширин заложил раскоп площадью свыше 100 кв. м. Верхний культурный слой в нем содержал русскую гончарную керамику и фрагменты лепной керамики кузнецких татар [8, с. 12].

В 1935 г. К. А. Евреинов обнаружил в с. Староабашево поселение, которое предварительно датировал эпохой неолита. В 1988 и 1996 гг. Ю. В. Ширин, обследовав памятник, отнес его к Новому времени [16, с. 25; 17]. На поселении им были выявлены остатки подквадратной в плане жилой постройки, найдены монеты XIX в., развалы лепных горшков и мисок, железные бытовые предметы и черешковые наконечники стрел и т. д. В ранней публикации Ю. В. Ширин счел вещественный комплекс шорским. Позднее он пришел к выводу, что лепная керамика не является однозначным свидетельством аборигенной принадлежности. Принимая во внимание конструктивные особенности постройки и картографический материал, Ширин определил поселение как русскую деревню XVIII в. Безрукова [16, с. 30].

Поселения Бедаревское I и Бедаревское II, которые располагались неподалеку от д. Бедарево, были осмотрены в 1953 г. У. Э. Эрдниевым. На основании подъемного материала Эрдниев датировал оба поселения XVII–XVIII вв. [4, с. 16].

В 1961 г. А. И. Мартынов провел подъемные сборы на поселении Кузедеево. На основе собранной тогда керамики Ю. В. Ширин датировал памятник концом XVII – началом XVIII в. [18, с. 29; 19].

В 1979 г. С. В. Маркин, проводя разведку в Среднем Притомье, зафиксировал в окрестностях села Ильинка (Красноярское) поселение Ильинка V. По найденному при зачистке вещественному материалу (каменные грузила, обломок железного ножа, фрагменты гончарной керамики от плоскодонных сосудов, предположительно, баночной формы) памятник был датирован эпохой Позднего Средневековья [20, с. 9–10]. Впоследствии, в 1986 и 1988 гг., Ю. В. Ширин провел здесь раскопки и выявил остатки двух домов, глинобитных печей. Руководствуясь картой С. У. Ремезова, исследователь установил соответствие Ильинки V деревне Шабалино [4, с. 11].

В 1989 г. на территории с. Ильинское Ю. В. Ширин раскопал на русском кладбище XVII–XVIII вв. 35 погребений в колодах [21, с. 419].

На поселении Петрик III, обнаруженном краеведом И. Д. Мартыненко в 1986 г., Ю. В. Ширин исследовал раскопками остатки сгоревшего овина. По находкам русской гончарной керамики памятник был датирован XVII в. [4, с. 11].

Другой краевед – Б. А. Рахманов – в 1989 г. нашел следы сгоревшей при пожаре деревни XVII в. Христорожественской. Материал с памятника включал гончарную и лепную керамику, пищевые кремни и др. [4, с. 18].

Н. А. Кузнецов отметил наличие археологического материала (кремень, поливная гончарная и грубая толстостенная лепная русская керамика) на месте прежнего существования д. Усяты (на левом берегу р. Абы неподалеку от г. Прокопьевска) [22, с. 63].

Несколько археологических памятников со слоями русского времени (Салтымаково III, Ажendarово II, Глинка, Лачиново I, Курья IVa, Сосновка IV) были открыты археологами Кемеровского университета во время работ по хозяйственной теме «Волна» [23, с. 15; 24].

Памятник Салтымаково III, выявленный на территории одноименного села, определен И. В. Окуневой как русское поселение, возникшее в начале XIX в. Найденный здесь инвентарь представлен фрагментами плоскодонных толстостенных, плохо обожженных, неорнаментированных сосудов, железными изделиями бытового назначения и др. [23, с. 29].

Поселение Ажendarово II располагается в устье р. Ажendarовки на территории села Ажendarово. В 1977 г. на памятнике были заложены два раскопа общей площадью 237 кв. м и проведены зачистки. При этом обнаружены железные предметы хозяйственного назначения, галечные грузила и фрагменты сосудов – глазированных крынок, изготовленных на гончарном круге, толстостенной лепной посуды. Поселение предварительно датировано временем появления в данном районе первых русских поселенцев [25, с. 276].

На поселении Глинка, по сведениям Ю. В. Ширина, был зафиксирован русский слой раннего периода существования современного села Глинка [6, с. 441]. Из слоя происходят такие предметы, как ножи, гвозди, кресты, песты, грузила, зернотерки, и гончарная керамика (неорнаментированные или с линейным орнаментом горшки, покрытые ангобом миски) [23, с. 30].

Поселение Лачиново I находится в 180 м к юго-востоку от д. Лачиново [26, с. 45] и датируется с эпохи бронзы до второй половины I тыс. н. э. В верхнем слое были найдены вещи русского происхождения (гончарная керамика) [23, с. 29–30].

Развал русского неорнаментированного сосуда, сделанного на гончарном круге, обнаружен в позднем слое разновременного поселения Курья 4a, расположенного на берегу р. Лачиновская курья [23, с. 34].

Поселение Сосновка IV, датируемое I тыс. н. э., также содержит материалы, относящиеся к XIX в. Памятник находится в 300 м севернее одноименного населенного пункта [27, с. 228].

С середины 1980-х гг. систематическим изучением русских поселений Верхнего и Среднего Притомья занимается Ю. В. Ширин. Материалы этих исследований опубликованы в сборниках «Кузнецкая старина» и «Из Кузнецкой старины» [4; 8; 16; 18; 28–30].

По результатам обследования поселений Ильинская протока, Тихоново I Ю. В. Ширин предварительно датировал их XVII в. Руководствуясь картой С. У. Ремезова, исследователь установил соответствие Ильинской протоки – деревне Герасимово, Тихоново I – остаткам выселенной деревни Тихоново [4, с. 11].

Проанализировав керамические комплексы с русских поселений Ступин Лог, Малово I, Кузедеево, Ю. В. Ширин выделил особенности керамики, характерные для середины – второй половины XVIII в. (донно-емкостный начин, толстые стенки, короткая шейка, простая профилировка венчика, плавно скругленное плечико, темный цвет, отсутствие донных клейм и покупной посуды) [18, с. 17–34]. Эталонная коллекция керамики, собранная с территории Кузнецкого острога, по его мнению, может быть использована для датировки гончарных комплексов Верхнего Притомья [18, с. 33].

По итогам археологических разведок на р. Кондома Ю. В. Ширин выделил три памятника, связанных с периодом освоения русскими бассейна этой реки – Спасск, Широкий Луг I, Куртуково III. Два первых представляют собой остатки поселений конца XIX в. [28, с. 5], последнее содержит материалы, относящиеся к раннему периоду существования одноименной деревни (XVII–XVIII вв.) [28, с. 19].

На берегах р. Абы Ю. В. Ширин зафиксировано несколько памятников русского времени – Шарап I, Лучшево III, Глуховское II, Казарма I, II. Ширин считает, что первые три из перечисленных поселений, а также памятники Казарма I и II, были остатками русских деревень конца XVII – начала XVIII в. [29, с. 12–15]. Он высказал предположение о соотношении Глуховского II с сожженной при последних набегах кочевников д. Шарапская [29, с. 20].

В ходе археологических разведок по р. Томь Ю. В. Ширин обнаружил три археологических памятника русского времени (Тихонова I, Абагурское I, Сыскина) и четыре многослойных поселения, содержащих слои с русскими материалами (Прорва II, Арсенальское I, Бедарево II, Ерунаково II). По определению Ширина, Тихоново I – остатки русской деревни XVIII в. [8, с. 15], Абагурское I – местонахождение мельницы, функционировавшей с 1650-х гг. [8, с. 17], Сыскина – старая часть д. Бедарево, перенесенная в XVIII в. с одного берега реки на другой [8, с. 20].

В верхних слоях поселения Прорва II найдена керамика русской деревни XIX–XX вв. [8, с. 8]. На памятнике Арсенальское I обнаружены материалы, относящиеся к XVIII в., на поселении Ерунаково II – фрагменты гончарной русской керамики XIX в. [8, с. 11]. Исследование

памятника Бедарево II дало фрагменты русской гончарной керамики XVII в. [8, с. 21].

Во время разведок по р. Ускат Ю. В. Ширин зафиксировал два поселения русского времени. Верхние слои одного из них (Веселый II) содержат следы существования русской деревни вплоть до второй половины XX в. [30, с. 21]. Другое поселение (Иганино II) датировано XVII в. по полученным при шурфовке толстостенным лепным горшкам [30, с. 30].

Несколько памятников со слоями русского времени (Береговая I, Жургавань I, Писаная II, Усть-Никольская I, Ивановка I) были исследованы в ходе работ Кемеровской лаборатории археологии Федерального исследовательского центра угля и углехимии Сибирского отделения Российской академии наук (ФИЦ УУХ СО РАН) в 2005–2015 гг.

Местонахождение Береговая I располагается на территории одноименной деревни. Материал, полученный в результате разведки (русская поливная керамика), позволил исследователям датировать памятник XVIII–XIX вв. [31, с. 243–244].

На поселении Жургавань I, расположенном к 900 м к северу от деревни с таким же названием, при проведении археологической разведки выявлены слои разных эпох, в том числе слой, содержащий русскую керамику [31, с. 238–240].

С поселения Писаная II, находящегося на территории одноименной деревни, был получен подъемный материал: 7 фрагментов русской керамики (конец XIX – начало XX вв.) [32, с. 82–83; 33].

В процессе археологической разведки на поселении Усть-Никольская I (на правом берегу речки Усть-Никольская в 500 м от устья) были зафиксированы три округлых западины и собран подъемный материал (неорнаментированные фрагменты сосуда, куски печной обмазки, кости животных). По типу керамики памятник предварительно датирован русским временем [32, с. 82–83].

С 2013 г. проводятся совместные экспедиции музея-заповедника «Томская Писаница» и ФИЦ УУХ СО РАН по изучению многослойного поселения Ивановка I, расположенного в 4,5 км ниже по течению р. Томь от Томской писаницы [32, с. 50]. Из четырех выделяемых на памятнике вещественных комплексов наиболее поздний – русский комплекс второй половины XIX – первой половины XX в. Он представлен фрагментами станковой поливной керамики и стекла, монетами, коваными гвоздями, гильзами [34, с. 175–179].

II. Состояние изученности памятников русской археологии Кузнецкого Притомья и перспективы дальнейших исследований

В истории археологического изучения памятников русского времени Кузнецкого Притомья можно выделить несколько этапов. Основными критериями их выделения служат виды производимых полевых работ (разведки или раскопки) и их систематичность.

I этап (1930–1950-е гг.). Притомские поселения русского времени изучались исключительно методом разведок, которые проводили краевед К. А. Евреинов, научный сотрудник Томского краеведческого музея Н. А. Чернышев и сотрудник пединститута г. Сталинска У. Э. Эрдниев.

II этап (1960-е – вторая половина 1970-х гг.). Главенствующая роль в исследовании археологических памятников

русского времени принадлежит Кемеровскому областному краеведческому музею (КОКМ) и кафедре археологии КемГУ. Директором КОКМ и сотрудником КемГУ А. И. Мартыновым обследованы Мунгатский и Верхотомский остроги. Верхотомский острог стал первым памятником русского времени в Кузбассе, на котором были приняты раскопки. С 1976 г. кафедрой археологии КемГУ проводились масштабные археологические работы по договорной теме «Волна» в Крапивинском районе, во время которых были открыты поселения со слоями русского времени. Особенность данного этапа – эпизодический характер изучения русских памятников, не исследовавшихся целенаправленно.

III этап (вторая половина 1980-х гг. – настоящее время). Рост интереса к памятникам русской археологии, систематическое изучение их методами раскопок и разведок. Основные исследования русских комплексов Кузнецкого Притомья осуществляются сотрудниками музея-заповедника «Кузнецкая крепость», ФИЦ УУХ СО РАН и музея-заповедника «Томская Писаница». В 1989–2015 гг. на памятниках Кузнецкого Притомья работали такие специалисты, как М. П. Черная, А. О. Кауфман, А. С. Васютин, В. М. Кимеев, Ю. В. Ширин, А. Г. Марочкин, С. В. Баштанник, П. В. Герман.

На третьем этапе изучено несколько русских кладбищ, впервые раскопаны русские неукрепленные поселения. Проведены раскопки на территории двух из четырех островов – Кузнецкого и Соснового. Многолетние раскопочные работы аварийного характера проводились только на территории Кузнецкого острога и города Кузнецк. Исследования на Сосновом острове после 1997 г. не возобновлялись. Между тем необходимо проверить современное состояние этого памятника, подвергнувшегося значительным разрушениям еще в прошлом веке [13, с. 45]. Возможно, потребуются проведение аварийных работ для его спасения. Мунгатский острог изучался методом разведок. До сих пор не установлены его точное местонахождение и границы. Без проведения раскопок эти задачи решить нельзя.

Оценивая состояние изученности памятников русской археологии Кузнецкого Притомья, нельзя не отметить следующее обстоятельство. Посвященная этим памятникам научная литература в основном представлена статьями о результатах полевых исследований. В таких публикациях приводится краткая информация о местоположении памятников, находках, стратиграфии, предварительной датировке. Аналитических работ немного. Это, прежде всего, четыре публикации Ю. В. Ширина, в которых выделяются общие признаки русской посуды второй половины XVIII в., найденной в окрестностях Кузнецка [18, с. 17–35], особенности поселенческих и погребальных памятников XVII – XVIII вв. на территории Кемеровской области [35, с. 441–443; 19, с. 416–422], вопрос об этнической атрибуции сходных комплексов материальной культуры русских и аборигенов Притомья [16, с. 25–36].

Анализ территориального распределения картографированных нами памятников (рис.) показал, что большинство русских деревень располагались по берегам притоков р. Томь и в устьях малых рек и ручьев. Это свидетельствует о том, что русские поселенцы основывали деревни и заимки там, где было проще получить доступ к водным и рыбным ресурсам, плодородным пойменным землям. Кроме того, наблюдается концентрация мелких поселений

в окрестностях Кузнецкого острога, возможно, основанных служилыми людьми из острожного гарнизона. Близкое расположение поселений к укрепленному пункту могло быть вызвано угрозой нападения кочевников (енисейских кыргызов, джунгаров), которая сохранялась вплоть до середины XVIII в.

Результаты картографирования отражают неравномерность изученности территории Кузнецкого Притома. Здесь по преимуществу исследованы три локализации памятников русской археологии – в окрестностях г. Новокузнецка, на р. Лачиновская курья, в Кемеровском и Яшкинском административных районах.

Рис. Русские археологические памятники Кузнецкого Притома: 1 – Кузнецкий острог; 2 – Мунгатский острог; 3 – Верхотомский острог; 4 – Сосновый острог; 5 – Водопадная; 6 – Кузнецк I/I; 7 – Ивановка I; 8 – Абагурское I; 9 – Ажандарово II; 10 – Арсенальское I; 11 – Бедарево II, Бедаревское I, II, Сыскина; 12 – Береговая I; 13 – Блиновское I, Иванцевское; 14 – Ерунаково II; 15 – Жургавань I; 16 – Народная; 17 – Ильинка V, Ильинская протока; 18 – Лачиново I; 19 – Писаная II; 20 – Прорва II; 21 – Салтымаково III; 22 – Сосновка IV; 23 – Усть-Никольская I; 24 – Усяты; 25 – Христорождественское I; 26 – Глуховское II; 27 – Казарма I, II; 28 – Кузедеево; 29 – Лучшее III; 30 – Малово I; 31 – Куртуково III; 32 – Ступин Лог; 33 – Тихоново I; 34 – Шаран I; 35 – Веселый II; 36 – Иганино II; 37 – Курья IV а; 38 – Глинка; 39 – Петрик III.

Fig. Russian archeological sites of the Kuznetsk Tom' Region: 1 – Kuznetsk stockade town; 2 – Mungatsk stockade town; 3 – Verkhotomsk stockade town; 4 – Sosnov stockade town; 5 – Vodopadnaia; 6 – Kuznetsk I/I; 7 – Ivanovka I; 8 – Abagurskoe I; 9 – Azhendarovo II; 10 – Arsenal'skoe I; 11 – Bedarevo II, Bedarevskoe I, II, Syskina; 12 – Beregovaia I; 13 – Blinovskoe I, Ivantsevskoe; 14 – Erunakovo II; 15 – Zhurgavan' I; 16 – Narodnaia; 17 – Il'inka V, Il'inskaia protoka; 18 – Lachinovo I; 19 – Pisanaia II; 20 – Prorva II, 21 – Saltymakovo III; 22 – Sosnovka IV; 23 – Ust'-Nikol'skaia I; 24 – Usiaty; 25 – Khristorozhdestvenskoe I; 26 – Glukhovskoe II; 27 – Kazarma I, II; 28 – Kuzedeevo; 29 – Luchshevo III; 30 – Malovo I; 31 – Kurtukovo III; 32 – Stupin Log; 33 – Tikhonovo I; 34 – Sharap I; 35 – Veselyi II; 36 – Iganino II; 37 – Kur'ia IV a; 38 – Glinka; 39 – Petrik III.

Существенно, что только 19 из 49 известных в Кузнецком Притомье археологических памятников русского времени изучались методом раскопок. Всего вскрыто более 2100 кв. м. При этом раскопы, заложенные на неукрепленных русских поселениях, как правило, не превышают 100 кв. м. Большая часть (30) памятников исследована только разведками. Систематические археологические работы на острогах и неукрепленных поселениях практически не ведутся (исключение – Ивановка I). Это сказывается на отсутствии крупных работ и обобщающих публикаций.

Исходя из рассмотренного выше, можно сделать вывод о том, что материальная культура и быт русских поселенцев Притомья XVII–XIX вв. слабо исследованы археологическими методами. Недостаточный объем раскопочных работ не позволяет получить данные о планировке деревень, а также сколько-нибудь полную информацию о хозяйственно-бытовом укладе. Этнограф Л. А. Скрябина отмечает, что в настоящее время у русского населения Притомья не сохранились предметы этнографического быта, редко встречаются традиционные жилые и хозяйственные постройки, а основными источниками для написания этнографических работ служат устные сообщения старожилов и архивные документы [36, с. 13]. Это обстоятельство повышает ценность археологиче-

ских материалов, которые могли бы подтвердить и дополнить сведения, полученные из письменных и этнографических источников.

Перед специалистами стоит задача поиска и изучения содержания археологических памятников русского времени с целью получения новых материалов для комплексных археолого-этнографических исследований. Представляется, что поиск новых памятников целесообразно организовывать в районах впадения в р. Томь ее притоков и по берегам наиболее крупных из них, в непосредственной близости от острогов. Так, только в географическом атласе «Чертежная книга Сибири» С. У. Ремезова, зафиксировавшем расположение населенных пунктов на конец XVII в. по р. Томь и ее притокам до современной административной границы с Томской областью насчитывается 68 деревень и заимок.

Таким образом, анализ существующих публикаций по археологическим памятникам русского времени в регионе Кузнецкого Притомья позволил выделить этапы истории их изучения, охарактеризовать территориальную неравномерность исследования, определить закономерности в расположении русских сел и заимок и обозначить направления дальнейших исследований.

Литература

1. Черная М. П. О чем «рассказывает» история и что «показывает» археология: источники и методы изучения русской культуры Сибири // Археология, этнография и антропология Евразии. 2016. № 1. Т. 44. С. 114–122.
2. Огурцов А. Ю. О трехсотлетнем споре // Кузнецкая старина. 2005. Вып. 7. С. 77–97.
3. Ширин Ю. В. Археологические раскопки на памятнике «Кузнецк» в 2012 г. // Историко-культурное наследие Кузбасса. Кемерово: Кузбассвуиздат, 2012. Вып. 4. С. 70–76.
4. Ширин Ю. В. Археологические памятники г. Новокузнецка // Кузнецкая старина. 1993. Вып. 1. С. 10–46.
5. Мартынова Г. С. Отчет об археологических раскопках, проведенных на территории Кузнецкой крепости в городе Новокузнецке 1973 г. // Научный архив музея «Археология, этнография и экология Сибири» КемГУ. Д. 712.
6. Ширин Ю. В. Археологические работы на Томи и Чулыме в 1940 г. // Труды Томского государственного объединенного историко-архитектурного музея. Томск, 1995. Вып. 8. С. 49–60.
7. Кимеев В. М. Экомuseum Притомья в постиндустриальном обществе: генезис, архитектура, функции. Томск: Изд-во ТГПУ, 2008. 452 с.
8. Ширин Ю. В. Материалы археологических разведок на р. Томи // Из Кузнецкой старины. 2015. Вып. 6. С. 4–75.
9. Тихонов С. С. Этнографо-археологические комплексы русских Притомья и возможности их изучения (по материалам среднего течения р. Томь в Кемеровской области) // Вестник Кузбасского государственного технического университета. 2013. № 3. С. 133–136.
10. Кулемзин А. М., Бородкин Ю. М. Археологические памятники Кемеровской области. Кемерово: Кн. изд-во, 1989. 158 с.
11. Усков И. Ю. О времени поставления Верхотомского острога // Роль государства в хозяйственном и социокультурном освоении Азиатской России XVII – начала XX века: сборник материалов региональной научной конференции. Новосибирск: РИПЭЛ, 2007. С. 227–231.
12. Мартынов А. И. Паспорта археологических памятников. Кемерово, 1965 // Научный архив музея «Археология, этнография и экология Сибири» КемГУ. Д. 22–25.
13. Кимеев В. М., Ширин Ю. В. Сосновский казачий острог // Притомские калмаки. Кемерово: Кузбассвуиздат, 1998. С. 35–55.
14. Кимеев В. М., Ширин Ю. В. Палеоэтнографические исследования в Притомье // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: материалы V Годовой итоговой сессии Института археологии и этнографии СО РАН, декабрь 1997 года. Новосибирск, 1997. Т. 3. С. 365–369.

15. Кимеев В. М., Ширин Ю. В. Экомузей «Мунгатский острог» // 55 лет Кемеровской области: материалы научно-практической конференции, посвященной 55-летию образования Кемеровской области. Кемерово: Кузбассвуиздат, 1998. С. 28–33.
16. Ширин Ю. В. К проблеме этнической атрибуции южно-сибирских археологических комплексов нового времени в зоне расселения русских // Кузнецкая старина. 2006. Вып. 8. С. 25–36.
17. Ширин Ю. В. К. А. Евреинов у истоков кузнецкого краеведения // Труды Томского областного краеведческого музея. Томск, 2000. Т. 10. С. 132–137.
18. Ширин Ю. В. Керамика XVIII в. из деревень в окрестностях Кузнецка // Кузнецкая старина. 2003. Вып. 5. С. 17–35.
19. Ширин Ю. В. Керамика кузнецких татар на русских поселениях XVII века // Этнические и этнокультурные процессы у народов Сибири: история и современность. Кемерово: Кузбассвуиздат, 1992. С. 106–113.
20. Маркин С. В. Новые археологические памятники в районе села Ильинка // Археология Южной Сибири. Кемерово: КемГУ, 1980. Вып. 11. С. 3–10.
21. Ширин Ю. В. Погребальный обряд христианских кладбищ Притомья XVII–XVIII вв. // Культура русских в археологических исследованиях: междисциплинарные методы и технологии. Омск: Омский институт, 2011. С. 416–422.
22. Кузнецов Н. А. Археологические памятники Прокопьевского района // Кузнецкая старина. 1993. Вып. 1. С. 58–68.
23. Окунева И. В. Поселения Среднего Притомья: итоги работ хоздоговорной темы «Волна» // Археология Южной Сибири. Кемерово: Летопись, 2006. Вып. 24. С. 29–39.
24. Окунева И. В. Поселения Среднего Притомья (ранний железный век и средневековье): дис. ... канд. ист. наук. Кемерово, 1990. 195 с.
25. Пяткин Б. Н., Николаева Т. В. Раскопки в с. Ажндарово // Археологические открытия 1977 года. М.: Наука, 1978. С. 276.
26. Коротаев А. М. Поселение у д. Лочиново на р. Томи // Археология Южной Сибири. Кемерово: КемГУ, 1980. Вып. 11. С. 45–53.
27. Рабинович Е. М. Раскопки поселения Сосновка // Археологические открытия 1981 года. М.: Наука, 1983. С. 228.
28. Ширин Ю. В. Результаты археологических разведок в бассейне р. Кондомы // Из Кузнецкой старины. 2010. Вып. 1. С. 4–42.
29. Ширин Ю. В. Результаты археологических разведок в бассейне р. Абы // Из кузнецкой старины. 2012. Вып. 3. С. 11–33.
30. Ширин Ю. В. Результаты археологических разведок в бассейне р. Ускат // Из Кузнецкой старины. 2013. Вып. 4. С. 19–35.
31. Зиняков Н. М., Баштанник С. В., Соколов П. Г., Савельева А. С. Новые памятники археологии на юге Нижнего Притомья // Вестник Российской академии естественных наук (Западно-Сибирское отделение). 2009. Вып. 11. С. 234–244.
32. Марочкин А. Г., Герман П. В. К археологической карте южных районов Нижнего Притомья // Историко-культурное наследие Кузбасса (актуальные проблемы изучения и охраны памятников археологии). Вып. III. Кемерово: Кузбассвуиздат, 2011. С. 78–86.
33. Марочкин А. Г., Юракова А. Ю., Щербакова А. В., Фальман А. В., Плац И. А., Конончук К. В., Веретенников А. В. Раскопки поселенческих памятников на юге Нижнего Притомья в 2015 году // Ученые записки музея-заповедника «Томская Писаница». 2015. Вып. 2. С. 50–58.
34. Бобров В. В., Марочкин А. Г., Юракова А. Ю., Панкратова Л. В., Конончук К. В. Поселение Ивановка-1 на юге Нижнего Притомья // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: материалы итоговой сессии Института археологии и этнографии СО РАН. Новосибирск: ИАиЭт СО РАН, 2013. С. 175–179.
35. Ширин Ю. В. Поселенческие и погребальные комплексы российских переселенцев XVII–XVIII веков в Кузнецком крае // Русские старожилы: материалы III-го Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири». Тобольск-Омск, 2000. С. 441–443.
36. Скрябина Л. А. Русское население Притомья: взаимодействие культурных традиций старожилов и переселенцев: дис. ... канд. ист. наук. СПб., 1995. 204 с.

RUSSIAN ARCHEOLOGY OF THE KUZNETSK TOM' RIVER VALLEY: HISTORY OF RESEARCH, CURRENT CONDITION AND PROSPECTS

Alexandr S. Sizyov^{1, @}

¹ Historical cultural and natural museum-preserve "Tomskaya Pisanitsa", 5A, Tomskaya St., Kemerovo, Russia, 650000
@asizyov@list.ru

Received 26.10.2016. Accepted 18.01.2017.

Keywords: Kuznetsk Tom Region, archeological sites of Russian time, stockade town, villages, cemeteries, history of research.

Abstract: The current paper features the research history of the Russian period archeological sites (fortified and unfortified settlements, cemeteries) on the territory of the Kuznetsk Tom' River valley from the second quarter of XX century to the present day. Three stages of this process, which demonstrate the trend of increasing scale of Russian archeology in Western Siberia, were distinguished. The article analyzes the qualitative aspect of the research on the

Russian period archeological sites. The analysis was performed on the basis of object dependency, studied by split-level methods of field archeology (reconnaissance and excavation) and type of publication (descriptive and analytical). A mapping of the Russian time archeological sites was conducted. It highlights some irregularities in their studies in the Kuznetsk Tom' River Valley. The article points out some directions for further field research, among which: a search for new Russian settlements of XVII–XIX centuries at the estuaries of the tributaries of the Tom' river near old stockade towns; excavation work at previously discovered old Russian villages and cemeteries and the assessment of their current state.

For citation: Sizyov A. S. Russkaia arkheologiya Kuznetskogo Pritom'ia: istoriya izucheniia, sovremennoe sostoianie i perspektivy [Russian Archeology of The Kuznetsk Tom' River Valley: History of Research, Current Condition and Prospects]. *Bulletin of Kemerovo State University*, no. 4 (2017): 90–98. DOI:10.21603/2078-8975-2017-4-90-98.

References

1. Chernaia M. P. O chem «rasskazyvaet» istoriya i chto «pokazyvaet» arkheologiya: istochniki i metody izucheniia russkoi kul'tury Sibiri [About what «tell us» history and what «show» us archeology: sources and methods in studying Russian culture of Siberia]. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii = Archeology, ethnography and anthropology of Eurasia*, 44, no. 1 (2016): 114–122.
2. Ogurtsov A. Iu. O trekhstoltnem spore [About tercentenary dispute]. *Kuznetskaia starina = Kuznetsk old times*, no. 7 (2005): 77–97.
3. Shirin Iu. V. Arkheologicheskie raskopki na pamiatnike «Kuznetsk» v 2012 g. [Archeological excavations on archeological site «Kuznetsk» in year 2012]. *Istoriko-kul'turnoe nasledie Kuzbassa* [Historic-cultural heritage of Kuzbass]. Kemerovo: Kuzbassvuzizdatno, Iss.4 (2012): 70–76.
4. Shirin Iu. V. Arkheologicheskie pamiatniki g. Novokuznetska [Archeological sites of Novokuznetsk town]. *Kuznetskaia starina = Kuznetsk old times*, no. 1 (1993): 10–46.
5. Martynova G. S. Otchet ob arkheologicheskikh raskopkakh, provedennykh na territorii Kuznetskoi kreposti v gorode Novokuznetske 1973 g. [Report about archeological excavations on the territory of Kuznetsk's fortress in Novokuznetsk town in year 1973]. *Nauchnyi arkhiv KMAEE* [Scientific archive of Kemerovo museum of archeology, ethnography and ecology]. File 712.
6. Shirin Iu. V. Arkheologicheskie raboty na Tomi i Chulyme v 1940 g. [Archeological excavations on Tom and Chulyme in year 1940]. *Tr. Tom. Gos. Ob'edinen. Ist.-arkhitekt. Muzeia = Proceedings of Tomsk state history-architectural museum*, no. 8 (1995): 49–60.
7. Kimeev V. M. *Ekomuzei Pritom'ia v postindustrial'nom obshchestve: genezis, arkhitektonika, funktsii* [Ecomuseums of Tom Region in postindustrial society]. Tomsk: Izd-vo TGPU, 2008, 452.
8. Shirin Iu. V. Materialy arkheologicheskikh razvedok na r. Tomi [Materials of archeological reconnaissance on the river Tom]. *Iz Kuznetskoi stariny = From Kuznetsk old times*, no. 6 (2015): 4–75.
9. Tikhonov S. S. Etnografo-arkheologicheskie komplekсы russkikh Pritom'ia i vozmozhnosti ikh izucheniia (po materialam srednego techeniia river Tom' v Kemerovskoi oblasti) [Ethnographical-archeological complexes of Russians of Tom Region and opportunities of its research]. *Vestnik Kuzbasskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta = Bulletin of the Kuzbass state technical University*, no. 3 (2013): 133–136.
10. Kulemzin A. M., Borodkin Iu. M. *Arkheologicheskie pamiatniki Kemerovskoi oblasti* [Archeological sites of Kemerovo district]. Kemerovo: Kn. izd-vo, 1989, 158.
11. Uskov I. Iu. O vremeni postavlennia Verkhotomskogo ostroga [About time of creation of Verkhotomsk stockade town]. *Rol' gosudarstva v khoziaistvennom i sotsiokul'turnom osvoenii Aziatskoi Rossii XVII – nachala XX veka: Sbornik materialov regional'noi nauchnoi konferentsii* [Role of state in economic and sociocultural development of Asian Russia XVII–XX centuries: Proc. Reg. Sc. Conf.]. Novosibirsk, 2007, 227–231.
12. Martynov A. I. *Pasporta arkheologicheskikh pamiatnikov*. Kemerovo, 1965 [Passports of archeological sites. Kemerovo, 1965]. *Nauchnyi arkhiv KMAEE* [Scientific archive of Kemerovo museum of archeology, ethnography and ecology]. Files 22–25.
13. Kimeev V. M., Shirin Iu. V. Sosnovskii kazachii ostrog [Sosnovsk stockade town]. *Pritomskie kalmaki* [Calmaks of Tom Region]. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 1998, 35–55.
14. Kimeev V. N., Shirin Iu. V. Paleoetnograficheskie issledovaniia v Pritom'e [Paleoethnographical research in Tom Region]. *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territorii: materialy V Godovoi itogovoi sessii Instituta arkheologii i etnografii SO RAN, dekabr' 1997 goda* [Problems of archeology, ethnography, anthropology of Siberia and neighboring territories: Proc. V final annual session of Institute of archeology and ethnography SO RAN]. Novosibirsk, vol. 3 (1997): 365–369.
15. Kimeev V. M., Shirin Iu. V. *Ekomuzei «Mungatskii ostrog»* [Mungatsk stockade town]. *55 let Kemerovskoi oblasti: materialy nauchno-prakticheskoi konferentsii, posviashchennoi 55-letiiu obrazovaniia Kemerovskoi oblasti* [55 years of Kemerovo district: Proc. Sc.-Prac. Conf. dedicated to the 55th anniversary of the Kemerovo Region]. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 1998, 28–33.

16. Shirin Iu. V. K probleme etnicheskoi atributsii iuzhno-sibirskikh arkheologicheskikh kompleksov novogo vremeni v zone rasseleniia russkikh [On the matter of ethnical attribution of South Siberian archeological complexes of New time in Russian resettlement area]. *Kuznetskaia starina = Kuznetsk old times*, no. 8 (2006): 25–36.
17. Shirin Iu. V. K. A. Evreinov u istokov kuznetskogo kraevedeniia [K. A. Evreinov at the beginning of Kuznetsk's local history]. *Trudy Tomskogo oblastnogo kraevedcheskogo muzeia = Proceedings of Tomsk local history museum*, no. 10 (2000): 132–137.
18. Shirin Iu. V. Keramika XVIII v. iz dereven' v okrestnostiakh Kuznetska [Pottery of XVIII cent. from settlements near Novokuznetsk town]. *Kuznetskaia starina = Kuznetsk old times*, no. 5 (2003): 17–35.
19. Shirin Iu. V. Keramika kuznetskikh tatar na russkikh poseleniiaakh XVII veka [Pottery of Kuznetsk Tatars on Russian settlements of XVII century]. *Etnicheskie i etnokul'turnye protsessy u narodov Sibiri: istoriia i sovremennost'* [Ethnical and ethnocultural processes of Siberian nations: history and modern times]. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 1992, 106–113.
20. Markin S. V. Novye arkheologicheskie pamiatniki v raione sela Il'inka [New archeological sites in Ilinka village]. *Arkheologiia Iuzhnoi Sibiri* [Archeology of South Siberia]. Kemerovo: KemGU, Iss. 11 (1980): 3–10.
21. Shirin Iu. V. Pogrebal'nyi obriad khristianskikh kladbishch Pritom'ia XVII–XVIII vv. [Funerary rite of Christian cemeteries of Tom Region of XVII–XVIII centuries]. *Kul'tura russkikh v arkheologicheskikh issledovaniiaakh: mezhdistitsiplinarnye metody i tekhnologii* [Russian culture in archeological research: interdisciplinary methods and technologies]. Omsk: Omskii institut, 2011, 416–422.
22. Kuznetsov N. A. Arkheologicheskie pamiatniki Prokop'evskogo raiona [Archeological sites of Prokopyevsk's district]. *Kuznetskaia starina = Kuznetsk old times*, no. 1 (1993): 58–68.
23. Okuneva I. V. Poseleniia Srednego Pritom'ia: itogi rabot khozdogovornoj temy «Volna» [Settlements of Middle Tom Region: results of work on theme «Volna»]. *Arkheologiia Iuzhnoi Sibiri* [Archeology of South Siberia]. Kemerovo: Letopis', Iss. 24 (2006): 29–39.
24. Okuneva I. V. *Poseleniia Srednego Pritom'ia (rannii zheleznyi vek i srednevekov'e)*. Diss. kand. ist. nauk [Settlements of Middle Tom Region (early iron age and middle ages). Cand. hist. Sci. Diss.]. Kemerovo, 1990, 195.
25. Piatkin B. N., Nikolaeva T. V. Raskopki v s. Azhendarovo [Excavations in village Azhendarovo]. *Arkheologicheskie otkrytiia 1977 goda* [Archeological discoveries in year 1977]. Moscow: Nauka, 1978, 276.
26. Korotaev A. M. Poselenie u d. Lochinovo na r. Tomi [Archeological site near village Lachinovo on the river Tom]. *Arkheologiia Iuzhnoi Sibiri* [Archeology of South Siberia]. Kemerovo: KemGU, Iss. 11 (1980): 45–53.
27. Rabinovich E. M. Raskopki poseleniia Sosnovka [Excavations of settlements Sosnovka]. *Arkheologicheskie otkrytiia 1981 goda* [Archeological discoveries in year 1981]. Moscow: Nauka, 1983, 228.
28. Shirin Iu. V. Rezul'taty arkheologicheskikh razvedok v basseiny r. Kondomy [Results of archeological reconnaissance on the river Condoma]. *Iz Kuznetskoi stariny = From Kuznetsk old times*, no. 1 (2010): 4–42.
29. Shirin Iu. V. Rezul'taty arkheologicheskikh razvedok v basseine r. Aby [Results of archeological reconnaissance on the river Aba]. *Iz Kuznetskoi stariny = From Kuznetsk old times*, no. 3 (2012): 11–33.
30. Shirin Iu. V. Rezul'taty arkheologicheskikh razvedok v basseine r. Uskat [Results of archeological reconnaissance on the river Uskat]. *Iz Kuznetskoi stariny = From Kuznetsk old times*, no. 4 (2013): 19–35.
31. Ziniakov N. M., Bashtannik S. V., Sokolov P. G., Savel'eva A. S. Novye pamiatniki arkheologii na iuge Nizhnego Pritom'ia [New archeological sites on the South of Lower Tom' Region]. *Vestnik Rossiiskoi akademii estestvennykh nauk (Zapadno-Sibirskoe otdelenie) = Messenger of Russian academy of natural science (West-Siberian brunch)*, no. 11 (2009): 234–244.
32. Marochkin A. G., German P. V. K arkheologicheskoi karte iuzhnykh raionov Nizhnego Pritom'ia [Archeological map of the South of Lower Tom Region]. *Istoriko-kul'turnoe nasledie Kuzbassa* [Historic-cultural heritage of Kuzbass]. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, Iss. 3 (2011): 78–86.
33. Marochkin A. G., Iurakova A. Iu., Shcherbakova A. V., Fal'man A. V., Plats I. A., Kononchuk K. V., Veretennikov A. V. Raskopki poselennicheskikh pamiatnikov na iuge Nizhnego Pritom'ia v 2015 godu [Excavations of settlements on the South of Lower Tom Region in 2015]. *Uchenye zapiski muzeia-zapovednika «Tomskaia Pisanitsa» = Scientific notes of museum-preserve «Tomskaia Pisanitsa»*, no. 2 (2015): 50–58.
34. Bobrov V. V., Marochkin A. G., Iurakova A. Iu., Pankratova L. V., Kononchuk K. V. Poselenie Ivanovka-1 na iuge Nizhnego Pritom'ia [Archeological site Ivanovka-1 on the South of Lower Tom Region]. *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territorii: Materialy itogovoi sessii Instituta arkheologii i etnografii SO RAN* [Problems of archeology, ethnography, anthropology of Siberia and neighboring territories: materials of final session of Institute of archeology and ethnography]. Novosibirsk: IAI Et SO RAN, 2013, 175–179.
35. Shirin Iu. V. Poselennicheskie i pogrebal'nye komplekсы rossiiskikh pereselentsev XVII–XVIII vekov v Kuznetskom krae [Settlement and burial complexes of the Russian immigrants in the XVII–XVIII centuries in the Kuznetsk region]. *Russkie starozhily. Materialy III-go Sibirskogo simpoziuma «Kul'turnoe nasledie narodov Zapadnoi Sibiri»* [Russian old-timers. Proc. 3rd Siberian symposium «Cultural heritage of nations of Western Siberia»]. Tobol'sk-Omsk, 2000, 441–443.
36. Skriabina L. A. *Russkoe naselenie Pritom'ia: vzaimodeistvie kul'turnykh traditsii starozhilov i pereselentsev*. Diss. kand. ist. nauk [Russian population of Tom Region: the interaction of cultural traditions of the old-timers and immigrants. Cand. hist. Sci. Diss.]. Saint-Petersburg, 1995, 204.

УДК 908

ОСВОЕНИЕ ТЕРРИТОРИИ КОЛОСОВСКОГО РАЙОНА ОМСКОЙ ОБЛАСТИ В XVI – НАЧАЛЕ XX ВВ.**Евгения В. Соколова¹, @**¹ Тарский филиал Омского государственного аграрного университета, Россия, 646532, г. Тара, ул. Тюменская, 18
@ lev-15@mail.ru*Поступила в редакцию 31.07.2017. Принята к печати 20.09.2017.***Ключевые слова:** Омская область, Колосовский район, сельская история, краеведение, освоение и заселение территории, деревня, переселение.**Аннотация:** В статье рассматриваются особенности заселения Колосовского района Омской области в XVI – начале XX вв. Автор комплексно подходит к изучению данного процесса, анализируя основные пути заселения и хозяйственного освоения района. Значительное внимание уделяется факторам, которые обусловили процесс заселения территории. Формирование сельской поселенческой сети района во многом определялось векторами государственной политики, в частности, политикой переселения крестьян из малоземельных регионов страны. Благоприятные географические и климатические условия, наличие речной артерии делали территорию Колосовского района привлекательной для переселенцев, которые как основывали собственные поселения, так и расселялись в старожильческие деревни. История района рассматривается в русле истории государства, с учётом территориальных особенностей. В статье выделены этапы освоения территории, дана характеристика каждого из них, сделан акцент на развитии хозяйственной деятельности. Автор приводит конкретные даты образования селений, анализируя имеющиеся версии об их основании.**Для цитирования:** Соколова Е. В. Освоение территории Колосовского района Омской области в XVI – начале XX вв. // Вестник Кемеровского государственного университета. 2017. № 4. С. 99–104. DOI:10.21603/2078-8975-2017-4-99-104.

Сельская история сегодня вызывает интерес со стороны учёных различных отраслей наук. Это объясняется не только возможностью в деталях изучить историю государства, но и внедрением в научный оборот новых источников [1] и методологических практик (например, практик «сельской истории» и «новой локальной истории») [2].

Историю освоения и заселения Колосовского района Омской области изучали А. Д. Колесников [3], П. Т. Сигутов [4], И. С. Голубецкий [5], А. А. Мороз [6–7], Л. Н. Мазур [8], Е. В. Соколова [9–10]. Работы названных авторов посвящены отдельным аспектам освоения территории района в контексте заселения Сибири. Богатый фактологический материал содержится в трудах краеведов Р. А. Фоминой [11], В. Д. Царёва [12], В. П. Новикова [13], А. И. Кобытева [14–16]. Но данные, представленные в краеведческой литературе, требуют перепроверки. Цель данной публикации – с позиций комплексного подхода рассмотреть процесс освоения территории Колосовского района Омской области в XVI – начале XX вв. Территориальные рамки настоящего исследования охватывают Колосовский район Омской области в современных границах, которые оформились в 1924 г. Именно тогда Постановлением Сибревкома ВЦИК был образован Сибирский край, включающий 16 округов. Омская губерния разделилась на три самостоятельных округа: Омский, Тарский, Славгородский. В состав Тарского округа вошли 10 районов, включая Нижне-Колосовский. В 1924 г. (когда Сибревком утвердил новое территориальное деление: из 178 волостей был создан 31 район) село Нижняя Колосовка становится районным центром, объединив 95 (по некоторым данным – 96) деревень с общим числом жителей 29811 человек. В состав района вошли Корсинская, Крайчиковская, частично Ложниковская, Финская, Бухарская, Логиновская волости и Кутырлинская волость Тюкалинского уезда.

Современная территория Омской области начинает заселяться русскими в конце XVI в., когда был основан город Тара [17]. Но определить точную дату первых сельских территорий не представляется возможным, поскольку нет единого мнения о том, что считать датой основания поселения. В качестве последней могли выбрать приезд на участок первых групп переселенцев, распахку первого поля или официальную регистрацию населённого пункта как самостоятельной административной единицы. По мнению А. Д. Колесникова, в древности была традиция определять дату основания селения по первому дыму. После этого по древним правилам дом или целое селение нельзя было упразднить, даже если они основаны самовольно или на чужой земле [18, с. 6]. Эти факторы часто не позволяют определить точную дату основания сельских поселений.

В процессе заселения территории условно можно выделить несколько этапов. Первый – начальный – этап охватывает XVI–XVII вв. Это период появления первых селений на берегах реки Оши. На карте Тарского уезда, составленной в 1686–1692 гг. сибирским учёным и картографом С. У. Ремезовым, по реке Оше отмечены такие русские деревни, как Шадрина, Уткина, Маркова, Терёхина, Орлова, Колосова [18, с. 6]. Часть этих деревень сегодня сохранилась на карте района, другие же сменили названия или прекратили свое существование. Следует отметить, что невозможно установить, были ли это деревни либо заимки.

Несмотря на то, что в XVI–XVII вв. русское население рассматриваемой территории было немногочисленным (это объясняется территориальной отдалённостью Тарского уезда от центра и постоянной угрозой со стороны кочевников с юга), к концу XVI в. здесь уже имелся определённый опыт хозяйственного освоения края. Основным видом занятий было плужное земледелие. В огородах выращива-

ли капусту, лук, свеклу, морковь, горох, бобы, репу. А также сеяли рожь, ярицу, пшеницу, ячмень, овёс, репе – просо и гречиху. Наиболее предприимчивые крестьяне начинали возделывать коноплю и лён, семена которых были завезены из России [19, с. 19].

XVIII в. занимает особое место в истории заселения Сибирского края в целом и территории Колосовского района в частности. В этот период селения, располагавшиеся вдоль рек и на берегах озёр, охватывают уже большую часть территории. Население получает первые хорошие урожаи, что позволяет сделать вывод о возможности ведения здесь сельского хозяйства. «В Тарском округе лучшие хлебопашные земли находятся по обеим сторонам реки Оши, по возвышенным сторонам рек Иртыша, Ишима и частью Тары» [3, с. 51].

Продолжается заселение заболоченного и озёрного края южнее речки Оши. Основателями новых деревень в этом районе стали тарские крестьяне. Это частично связано с пожаром 1669 г. После пожара часть горожан выехала в деревни или избушки, стоявшие возле пашен. Одним из мест переселения было место возле заимки казака Ложникова, которая стояла на реке Оше. Здесь был построен храм, а селение получило название Ложниковский погост [6, с. 20].

С ростом численности населения Тары увеличивается потребность в хлебе, а это, в свою очередь, вынуждает население искать новые места для распашки полей. Так появляются новые слободы, вокруг которых разрастается «государева пашня».

В 1701 г. переписчик Качанов произвёл подробную перепись населения г. Тары и деревень. Причём деревнями были названы только селения с постоянными жителями. Он упоминает такие деревни, как Таврисская, Шадрина, Кубрина, Сташева, Шкунова, Нагаева, Куянова, Кучуковская, Любимова, Свицерская, Кузнецова, Поморцева, Скатова и Терёхина [18, с. 6]. Стоит отметить, что в XVII и XVIII вв. при господствующей переложной системе земледелия крестьяне нередко заводили пашню в нескольких верстах от дома. Такие участки чаще всего называли заимками.

Согласно переписи населения 1701 г. в уезде было 3 слободы, 2 погоста, 47 татарских юрт, 14 деревень, расположенных на берегах реки Оши. Из них самая западная – деревня Терёхина. Её, по мнению А. Д. Колесникова, принято считать основанной в XVII в. и старейшей из селений района.

Но стоит сказать, что в краеведческой литературе встречаются и другие даты основания деревень [12, с. 9]. Однако документального подтверждения эти факты не находят. У жителей Корсино существует легенда, что первыми поселенцами село было названо Молчанова. Доказательством этому является карта Тобольской губернии, где по реке Оше от Тары и выше указаны деревни по порядку: «Терёхина», «Молчанова», «Аникина». По мнению местного краеведа Р. А. Фоминой, такое название деревня могла получить потому, что переселенцы жили тихо, никого не оповещая о своём существовании. А затем по имени некоего Карсентия название было переименовано, поскольку расположение селения недалеко от дороги на Тару позволяло ему активно развиваться. Со временем название «Молчанова» забылось, а название «Карсина» закрепилось. С образованием в 1896 г. волости деревня Карсина стала селом Корсино [20, с. 158].

В составе населения были переписаны потомки прибывших в 1635 г. переселенцев из Вологды и Нижнего

Новгорода. В Ложниковском погосте переписано семь семей Ложниковых, три – Горчаковых, Карбаинов с семьёй сыновьями. В деревне Шадрина записаны три семьи Шадриных, три Белозеровых. В деревне Свицерской записаны боярский сын Свицерской и трое Зубовых, двое Бражниковых, Поморцевых и Телятниковых. Последней на Оше записана деревня Терехина. В ней значились три семьи Скатовых и три Терентьевых, по одной семье Кубриных, Батуриных и Вязниных.

Перечисленные фамилии и поныне являются наиболее распространёнными в селах и городах Омской области. И нынешние однофамильцы вправе считать своими предками выходцев с Вологодчины и Нижнего Новгорода [19, с. 20–21].

Прибывших вологодских и нижегородских крестьян распределили по сотням конных, пеших казаков и казаков «литовского списка» и стрельцов. Несмотря на то, что атаман сотни размещался в Таре, с жителями деревень он держал постоянную связь. В свободное от службы время казаки занимались скотоводством и землепашеством. Казаки обживались на новых местах, их семьи численно росли. После выхода в отставку они занимались хозяйственными делами, совершенствуя своё мастерство.

Ко второй четверти XVIII в. ситуация на юге Сибири существенно обострилась и возникла необходимость усилить оборону границ. Это стало причиной возведения Юйского и Нюхаловского форпостов. С ростом численности населения и потребности в освоении новых земель основываются деревни Корсина, Аникина, Бражникова (по тексту сохранены исторические названия – прим. автора) [18, с. 6]. Форпосты чаще всего представляли собой уже существующие ранее деревни.

В 1745 г. из Тары сообщали, что «для караулу» из Тары направляются команды в Юйский форпост – 37, в Кутурлинский – 53 человека [18, с. 6].

Во второй половине XVIII в. крестьяне – самовольные переселенцы – начинают активный поиск новых земель и промысловых угодий. Это вызвало новый всплеск внутренней миграции населения: на новые земли переселялись в рамках самовольного передвижения, в первую очередь крестьяне из близлежащих селений [21, с. 224–225].

Согласно переписи населения 1763 г. на территории современного Колосовского района насчитывалось семь новых деревень, в том числе заимка Зубова, выехавшего из Бражниковой.

В 1760–1780 гг. количество населённых пунктов в Тарском уезде (занимавшем в то время всю территорию нынешней Омской области) увеличилось с 117 до 245, а численность населения возросла более чем в два раза – с 20 тыс. до 45 тыс. человек.

В этот период ссыльными крестьянами в Тарском уезде были заселены 13 деревень, 11 деревень были заселены выходцами из Ишимского уезда и 7 деревень – выходцами из Ялуторовского уезда. Кроме того, возникли 58 новых деревень, заселённых крестьянами, переселившимися из северной части Тарского уезда: из слобод Татмыцкой и Бергамацкой, из деревень Сеткуловой и Бызовской, из погостов Знаменского и Ложникова, а также из слобод и деревень Омской крепости.

Нижняя Колосова впервые встречается в переписи 1782 г. Согласно данным этой переписи в Нижней Колосовой записаны восемь семей, в том числе братья Колосовы, Дмитрий

Зырянов и Михаил Скоков. Записано также, что их жёны – уроженки Юйского форпоста и деревень Логиновой, Скатовой. По мнению А. Д. Колесникова, из этих мест прибыли и основатели Нижней Колосовой. Основные выезды из Юйской, Скатовой производились в 1764–1765 гг. Поэтому год основания современного села Колосовки можно отнести к 1765 г. [18, с. 6]. П. Т. Сигутов годом основания с. Колосовка предлагает считать 1744–1762 гг. [4, с. 21]. Он предлагает свой вариант датировки сёл и деревень Колосовского района, который представлен в таблице.

Таблица. Датировка населённых пунктов Колосовского района

Table. The date of the formation of settlements of the Kolosovsky district

Название населённого пункта	Год основания
Александровка	1898 г.
Аникино	середина XVIII в.
Большое Терёхино	конец XVI в.
Бражниково	40-е гг. XVIII в.
Вишнёвое (Малиновка)	начало XX в.
Владимировка	1853 г.
Вороновка	1898 г.
Дубрава (Николаевка)	1897–1898 гг.
Зелёная (Ильинка)	начало XX в.
Квашино	1852 г.
Колосовка	1744–1762 гг.
Корсино	1719–1744 гг.
Коготово	1811–1815 гг.
Крайчиково	1744–1762 гг.
Кубрино	середина XVIII в.
Кутыры	1762–1782 гг.
Ламаново	80-е гг. XVIII в.
Михайловка	1851 г.
Мясники	1782–1795 гг.
Николаевка	1897 г.
Ново-Логиново	1762–1782 гг.
Ново-Троицк	1898 г.
Плахино	1762–1782 гг.
Плотниково	рубеж XVIII–XIX вв.
Сафоново	1782–1795 гг.
Строкино	1762–1782 гг.
Талбакуль	1762–1782 гг.
Таскатлы	середина XVIII в.
Тоскино	начало 50-х гг. XIX вв.
Трещёткино	1744–1761 гг.
Чердынцево	1762–1782 гг.

А. Калошин называет ещё одну дату основания села Колосовка – 1763–1782 гг. [22, с. 338] Иными словами, вопрос о его образовании сегодня остаётся дискуссионным.

В 1861 г. в селе Нижне-Колосовском на средства прихожан была построена однопрестольная церковь в честь Покрова Божия Матери. Здание церкви было деревянным, на каменном фундаменте, с одной колокольной. Имелась церковно-приходская школа [20, с. 159].

В начале XX в. в Колосовке проводились две ярмарки, на которых торговали мануфактурой, бакалейными товарами, предметами, необходимыми в крестьянских хозяйствах. Самым богатым жителем села был Касацкий, которому принадлежали кожевенное производство и две лавки.

На рубеже XVIII–XIX вв. Сибирь была включена в список многоземельных районов, куда разрешалось переселение из центральных районов страны, где обострилась проблема малоземелья. Начинается межевание земель. По инструкции для старожилов оставлялось по 15 десятин на мужскую душу и по 6 десятин на рост населения. Из излишних земель нарезались участки для переселенцев. Землемерам запрещалось принимать жалобы, итоги утверждались генерал-губернатором, и в Министерство государственных имуществ отсылались названия обмежёванных участков с указанием числа душ для водворения. Министерство пересылало эти данные в малоземельные губернии, где формировались партии переселенцев по указанным адресам [5, с. 24].

В целом же в первой половине XIX в. приток русских переселенцев в Тарское Прииртышье был сравнительно невелик. Именно в это время начинается консолидация русского населения и сибирского общества в районе: заключались браки между крестьянами из разных деревень, формировался опыт хозяйствования на сибирской земле, появлялись общие погосты. Возникшую в результате процесса консолидации группу сибирского населения в научной литературе называют старожилами, а их населённые пункты – старожильскими [22, с. 207].

Значительный поток переселенцев в Среднем Прииртышье (сегодня – территория Омской области) фиксируется по документам с 1850-х гг., когда в эти места прибывают крестьяне, получившие разрешение на переселение в соответствии с реформами П. Д. Киселёва. В 1852 г. в Тарский уезд прибыли 1116 человек [6, с. 25].

Следует отметить, что землевладельцы были против крестьянского переселения в Сибирь, поскольку не хотели терять дешёвую рабочую силу. Но нужно было также считаться с развитием капитализма и обострением отношений между крестьянами и помещиками. Поэтому в конце 1880-х и в 1890-е гг. политика сдерживания населения сочетается с предоставлением льгот поселенцам. Основные положения переселенческой политики государства определялась законом 1889 г., согласно которому переселенцам для обустройства на новом месте выдавались пособия и ссуды. Также им предоставлялись льготы по отбыванию повинностей. В 1896 г. был принят Закон о поземельном устройстве сибирских крестьян, который устанавливал норму надела в 15 десятин земли и 3 десятины леса на каждого мужчину. Женщинам надел не полагался. Норма была одинакова и для старожилов, и для переселенцев, и для коренных народов Сибири. Земля отводилась всей общине, и на общем сходе землю делили между хозяевами. Причём старались поделить так, чтобы и плодородная и неплодородная, и ближняя и дальняя земли были распределены поровну. Получалось так, что у каждого хозяина было несколько

участков в разных местах. Закон предусматривал изъятие земли сверх установленной нормы. В этом же году подушная и оброчная подать была заменена государственной податью за отведённые земельные наделы.

Вновь прибывшие предпочитали селиться отдельно от старожилов, образуя собственные селения. Так на территории района появляются новые населённые пункты: Николаевка, Вороновка, Дубрава, Ново-Троицк, Александровка, Вишнёвая, Зелёная.

Старые сёла Прииртышья располагались, как правило, по природному изгибу реки. При расселении у малых рек или ручьёв деревня строилась на обоих берегах. Следует отметить, что крестьяне достаточно хорошо знали свойства почвы и использовали свои знания при выборе мест для основания селений не только при первичном освоении территории, но и при внутренних миграциях.

Первые деревни формировались вокруг домов первых поселенцев, распространяясь во все стороны. Такой способ заселения «гнездами» положил начало первому типу застройки сибирского села [5, с. 14]. Это было связано отчасти с тем, что переселенцы перенимали опыт старожилов в ведении хозяйства. А практики ведения хозяйства в каждом

регионе имели свои особенности. Так, например, в Тарском округе было принято пахать под все яровые хлеба, за исключением пшеницы, только один раз. После этого пашню бороновили и сеяли. После сева поле заборанивали одной или несколькими боронами. К последней бороне привязывали большой пучок прутьев или тяжёлый кусок дерева, а иногда даже сажали мальчика [24].

Водворение большой массы переселенцев привело к резкому увеличению численности населения. В Тарском уезде к числу крупных селений относились Строкино (200 дворов, 1202 жителя), Нижняя Колосовка (116 дворов, 491 житель), Крайчиковка (130 дворов, 712 жителей), Михайловка Обетованная (104 двора, 641 житель) [3, с. 88].

Таким образом, процесс освоения современной территории Колосовского района начался в XVI в. Он был определён рядом факторов: благоприятные географические и климатические условия, низкая плотность заселения территории, государственная политика и другие. Совокупность названных факторов способствовала формированию сельской поселенческой сети рассматриваемой территории, взаимобмену культурными элементами и традициями ведения хозяйства.

Литература

1. Седельникова Н. А. Комплекс источников по изучению влияния переселенческого движения в Западную Сибирь на аграрное законодательство (1822–1906) // *Фундаментальная наука и технологии – перспективные разработки: материалы IX международной научно-практической конференции* (22–23 августа 2016). North Charleston: CreateSpace, 2016. С. 10–12.
2. Новая локальная история: по следам интернет-конференций. 2007–2014 (15 марта 2014). Ставрополь: Северо-Кавказский федеральный университет, 2014. 344 с.
3. Колесников А. Д. Омская пашня: Заселение и земледельческое освоение Прииртышья в XVI – начале XX вв. Омск, 1999. 105 с.
4. Сигутов П. Т. К вопросу о датировке сел Омской области // *К 175-летию Омской области: (Информ. бюл.) / сост. Л. И. Огородникова, О. П. Леонович, П. Т. Сигутов. Омск, 1998. С. 21–23.*
5. Голубецкий И. С. Сёла, рабочие посёлки и города Омской области. Омск, 1970. 132 с.
6. Мороз А. А. Хлеб Прииртышья. Омск, 1999. 400 с.
7. Мороз А. А. Лемех плуга сильнее меча. 2-е изд., перераб. и доп. Омск: Омское книжное издательство, 2003. 431 с.
8. Мазур Л. Н. Регистрация и учёт сельских населённых пунктов РСФСР в 1920–1980 гг. // *Сибирская деревня: история, современное состояние, перспективы развития: сборник научных трудов* (27–28 марта 2002 г.). Омск, 2002. С. 87–91.
9. Соколова Е. В. Основные этапы заселения Колосовского района Омской области в XVII–XIX вв. // *Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки*. 2015. № 11-1. С. 226–229.
10. Соколова Е. В. Особенности заселения территории Колосовского района Омской области в XVI–XVIII вв. // *Инновационная наука*. 2015. № 10–3. С. 32–34.
11. Фомина Р. А. На прошлом поставим крест? // *Вымпел*. 2000. 7 июля.
12. Царев В. Д. Село наше родное: (из истории с. Крайчиково). Омск, 2003. 78 с.
13. Новиков В. П. Колосовские тополя: краеведческие очерки и рассказы о родном крае, о судьбах людских. Омск: Вариант-Омск, 2007. 191 с.
14. Кобытев А. И. Знатные люди Колосовского района. Омск, 2008. 158 с.
15. Кобытев А. И. Белорусские корни: (очерки по истории деревни Ново-Троицк Колос. р-на). Ч. 1. Омск, 2006. 139 с.
16. Кобытев А. И. Сибирские побеги: (очерки по истории деревни Ново-Троицк Колос. р-на). Ч. 2. Омск, 2006. 157 с.
17. Тара в XVI–XIX веках – российская крепость на берегу Иртыша: Монография / отв. ред. С. А. Алферов. Омск: Амфора, 2014. 332 с.
18. Колесников А. Начало заселения Колосовского района // *Новый вымпел*. 2002. 20 июля.
19. Прими поклон, село Ложниково. Сказ о Сибири без прикрас / гл. ред. Н. Маслов. Омск, 2006. 248 с.
20. Новейшая история социально-экономического и политического развития районов Омской области. Северная лесостепь: монография / ред. Л. В. Азарова, А. Г. Бекбаева, И. А. Костюк, С. В. Новиков. Омск, 2012. С. 158–161.
21. Горбань Н. В. Из истории строительства крепостей на юге Западной Сибири // *Вопросы географии*. М., 1953. С. 224–225.
22. Райцентры Омской области / сост. А. Д. Долгушин. Омск, 1992. 392 с.
23. Бережнова М. Л. Русские поселения Тарского Прииртышья в XVIII–XX веках // *Этнографо-археологические комплексы: проблемы культуры и социума*. Новосибирск, 2006. Т. 9. С. 201–225.
24. Громыко М. М. Мир русской деревни. М., 1991. 269 с.

THE DEVELOPMENT OF THE TERRITORY OF KOLOSOVSKY DISTRICT (OMSK REGION) IN THE XVI – EARLY XX CENTURY

Evgenia V. Sokolova^{1, @}

¹ Tarsky branch of the Omsk State Agrarian University, 18, Tyumenskaya St., Tara, Russia, 646532

@ lev-15@mail.ru

Received 31.07.2017. Accepted 20.09.2017.

Keywords: Omsk Region, Kolosovsky District, rural history, local lore, development and settlement of the territory, village, resettlement.

Abstract: The current paper features the peculiarities of colonization of the Kolosovsky district of the Omsk region in the 16th – early 20th centuries. The author integrally approaches the study of this process, analyzing the main ways of settling and economic development of the area. Considerable attention is paid to the factors that conditioned the process of development of the territory. The formation of the rural settlement network of the district, in many ways, was determined by the vectors of state policy, in particular, the policy of resettlement of peasants from the country's low-land regions. Favorable geographical and climatic conditions, the presence of the river artery made the territory of the Kolosovsky district attractive for settlers, who both established their own settlements and settled in old-timer villages. The history of the region is considered in the mainstream of the history of the state, taking territorial features into account. The article outlines the stages of development of the territory, characterizes each of them, by emphasizing the economic activity development. The author gives specific dates for the formation of villages, analyzing the available foundation versions.

For citation: Sokolova E. V. Osvoenie territorii Kolosovskogo raiona Omskoi oblasti v XVI – nachale XX vv. [The Development of the Territory of Kolosovsky District (Omsk Region) in the XVI – early XX Century]. *Bulletin of Kemerovo State University*, no. 4 (2017): 99–104. DOI:10.21603/2078-8975-2017-4-99-104.

References

1. Sedel'nikova N. A. Kompleks istochnikov po izucheniiu vlianiia pereselencheskogo dvizheniia v Zapadnuu Sibir' na agrarnoe zakonodatel'stvo (1822–1906) [A set of sources for studying the influence of the resettlement movement in Western Siberia on agrarian legislation (1822–1906)]. *Fundamental'naia nauka i tekhnologii – perspektivnye razrabotki: materialy IX mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii (22–23 avgusta 2016)* [Fundamental science and technology – promising developments: Proc. IX Intern. Sc.-Prac. Conf. (August 22–23 2016)]. North Charleston: CreateSpace, 2016, 10–12.
2. Novaia lokal'naia istoriia: po sledam internet-konferentsii. 2007–2014 (15 marta 2014). [A new local story: in the footsteps of Internet conferences. 2007–2014 (March 15 2014)]. Stavropol': Severo-Kavkazskii federal'nyi universitet, 2014, 344.
3. Kolesnikov A. D. Omskaia pashnia: Zaselenie i zemledel'cheskoe osvoenie Priirtysh'ia v XVI – nachale XX vv. [Omsk arable land: Population and agricultural development of Irtysh region in the 16th – early 20th centuries]. Omsk, 1999, 105.
4. Sigutov P. T. K voprosu o datirovke sel Omskoi oblasti. K 175-letiiu Omskoi oblasti: (Inform. biul.) [On the issue of the dating of villages in the Omsk region. To the 175th anniversary of the Omsk Region: (Inform.)]. Comp. Ogorodnikova L. I., Leonovich O. P., Sigutov P. T. Omsk, 1998, 21–23.
5. Golubetskii I. S. Sela, rabochie poselki i goroda Omskoi oblasti [Sela, workers' settlements and cities of Omsk region]. Omsk, 1970, 132.
6. Moroz A. A. Khleb Priirtysh'ia [Bread of Irtysh]. Omsk, 1999, 400.
7. Moroz A. A. Lemekh pluga sil'nee mecha. [The plow of a plow is stronger than a sword]. 2nd ed. Omsk: Omskoe knizhnoe izdatel'stvo, 2003, 431.
8. Mazur L. N. Registratsiia i uchet sel'skikh naselennykh punktov RSFSR v 1920–1980 gg. [Registration and accounting of rural settlements of the RSFSR in 1920–1980]. *Sibirskaia derevnia: istoriia, sovremennoe sostoianie, perspektivy razvitiia: sbornik nauchnykh trudov (27–28 marta 2002 g.)* [Siberian village: history, the current state of development prospects: Proc. Sc.-Prac. Conf. (March 27–28 2002)]. Omsk, (2002):87–91.
9. Sokolova E. V. Osnovnye etapy zaseleniia Kolosovskogo raiona Omskoi oblasti v XVII–XIX vv. [The main stages of the settlement of the Kolosovsky District of the Omsk Region in the XVII–XIX centuries]. *Gumanitarnye, sotsial'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki = Humanitarian, socio-economic and social sciences*, no. 11-1 (2015): 226–229.
10. Sokolova E. V. Osobennosti zaseleniia territorii Kolosovskogo raiona Omskoi oblasti v XVI–XVIII vv. [Peculiarities of the settlement of the Kolosovsky District of the Omsk Region in the 16th–18th centuries]. *Innovatsionnaia nauka = Innovative science*, no. 10–3 (2015): 32–34.
11. Fomina R. A. Na proshlom postavim krest? [Put a cross on the past?]. *Vympel = Pennant*, 7 iulia (2000).
12. Tsarev V. D. Selo nashe rodnoe: (iz istorii s. Kraichikovo) [Our village is ours: (from the history of the village of Kraychikovo)]. Omsk, 2003, 78.

13. Novikov V. P. *Kolosovskie topolia: kraevedcheskie ocherki i rasskazy o rodnom krae, o sud'bakh liudskikh* [Koloso­vo poplars: local lore. Essays and stories about the native land, about the destinies of the people]. Omsk: Variant-Omsk, 2007, 191.
14. Kobytsev A. I. *Znatnye liudi Kolosovskogo raiona* [Notable people of the Kolosovsky District]. Omsk, 2008, 158.
15. Kobytsev A. I. *Belorusskie korni: (ocherki po istorii derevni Novo-Troitsk Kolos. r-na). Ch. 1* [Belorussian roots: (essays on the history of the village of Novo-Troitsk Kolos. reg.)]. Omsk, part 1 (2006), 139.
16. Kobytsev A. I. *Sibirskie pobegi: (ocherki po istorii derevni Novo-Troitsk Kolos. r-na). Ch. 2* [Siberian shoots: (essays on the history of the village of Novo-Troitsk Kolos. reg.)]. Omsk, part 2 (2006): 157.
17. *Tara v XVI–XIX vekakh – rossiiskaia krepost' na beregu Irtysha: Monografiia* [Container in the 16th–19th centuries – Russian fortress on the banks of the Irtysh: Monograph]. Ed. S. A. Alferov. Omsk: Amfora, 2014, 332.
18. Kolesnikov A. *Nachalo zaseleniia Kolosovskogo raiona* [Beginning of the settlement of the Kolosovsky District]. *Novyi vypel = New pennant*, 20 iiulia (2002).
19. *Primi poklon, selo Lozhnikovo. Skaz o Sibiri bez prikras* [Take a bow, the village of Lozhnikovo. Tale of Siberia without embellishment]. Ed. Maslov N. Omsk, 2006, 248.
20. *Noveishaia istoriia sotsial'no-ekonomicheskogo i politicheskogo razvitiia raionov Omskoi oblasti. Severnaia lesostep': monografiia* [The latest history of socio-economic and political development of the Omsk region. Northern forest-steppe: monograph]. Ed. L. V. Azarova, A. G. Bekbaeva, I. A. Kostiuk, S. V. Novikov. Omsk, 2012, 158–161.
21. Gorban' N. V. *Iz istorii stroitel'stva krepostei na iuge Zapadnoi Sibiri* [From the history of the construction of fortresses in the south of Western Siberia]. *Voprosy geografii = Questions of geography*. Moscow, 1953, 224–225.
22. *Raitsentry Omskoi oblasti* [Districts of the Omsk region]. Comp. A. D. Dolgushin. Omsk, 1992, 392.
23. Berezhnova M. L. *Russkie poseleniia Tarskogo Priirtysh'ia v XVIII–XX vekakh* [Russian settlements of Tarski Priirtyshye in the XVIII–XX centuries]. *Etnografo-arkheologicheskie komplek­sy: problemy kul'tury i sotsiuma* [Ethnographic and archeological complexes: problems of culture and society]. Novosibirsk, vol. 9 (2006): 201–225.
24. Gromyko M. M. *Mir russkoi derevni* [The World of the Russian Village]. Moscow, 1991, 269.

УДК 94(520).01

АДМИНИСТРАТИВНО-ТЕРРИТОРИАЛЬНАЯ РЕФОРМА ПРАВИТЕЛЯ ЯМАТО – ГОСУДАРЯ ХОМУДА В ОБЛАСТИ КИБИ

Дмитрий А. Суровень^{1, @}¹ Уральский государственный юридический университет, Россия; 620137, г. Екатеринбург, ул. Комсомольская, 21
@ Yamato.ur@mail.ru

Поступила в редакцию 18.07.2017. Принята к печати 17.10.2017.

Ключевые слова: древняя Япония, Ямато, Хомуда, Ёдзин, Э-химэ, Митомо-вакэ, область Кибид, агата, кунид, кунид-но мияцукэ.**Аннотация:** В статье анализируются причины и содержание административно-территориальной реформы правителя Ямато – государя Хомуда (Ёдзина, 390 – конец 414 / начало 415 гг. [испр. хрон.]), проведённой им в 411 г. [испр. хрон.] в области Кибид (в западном Хонсю). Приведены сведения источников о созданных административно-территориальных единицах и назначенных в них локальных правителях. Выяснено, что в преклонном возрасте, передав дела управления страной трём своим сыновьям, государь Хомуда отправился в область Кибид – на родину младшей жены Э-химэ. По прибытии государь Хомуда провёл административно-территориальную реформу в интересах наследственных владельцев данных земель – людей рода Митомо-вакэ. Были созданы округа (яп. агата) и назначены “владыки округов” (яп. агата-нуси). Также в области (яп. кунид) в регионах Бидзэн и Биттё (в Ближнем и Среднем Кибид) были определены “управители областей” (яп. кунид-но мияцукэ). В результате данной реформы во владениях (яп. кунид) и во вновь созданных округах (яп. агата) Ближнего и Среднего Кибид у власти оказались свойственники правителя Ямато со стороны его младшей жены Э-химэ.**Для цитирования:** Суровень Д. А. Административно-территориальная реформа правителя Ямато – государя Хомуда в области Кибид // Вестник Кемеровского государственного университета. 2017. № 4. С. 105–110. DOI:10.21603/2078-8975-2017-4-105-110.

Как установили исследователи (сравнивая сведения японских хроник с корейскими источниками), правитель древнеяпонского государства Ямато – государь Хомуда (известный под посмертным именем (諡 яп. окурин [1, с. 555] Ёдзин) правил в конце IV – начале V веков (на 120 лет [два 60-летних цикла] позже официальной хронологии) – в 390 – конце 414 / начале 415 гг. [испр. хрон.] (см. [2]). В конце своего царствования государь Хомуда (Ёдзин) провёл в области Кибид (в западной части острова Хонсю) административно-территориальную реформу, которая слабо освещена в западной и российской научной литературе, поэтому существует необходимость проанализировать и сравнить сведения японских источников о причинах и содержании данной реформы.

В 22-м году своего правления (в 411 г. [испр. хрон.]) государю Хомуда исполнилось 64 года (411 г. – 347 г. (год рождения [испр. хрон.]) = 64 года [3, с. 174]). И возможно, он на старости лет решил удалиться на покой [4, с. 293], оставив государственные дела на трёх своих сыновей – наследного принца Удзи-но ваки-ирацукэ, принцев Ё-садзакэ и Ё-яма-мори (см. [5–6]), а сам отправился в путешествие. Как говорится в «Нихон-сёки», в 5-й день 3-й луны этого года «...государь соизволил отбыть в Нанипа (прим. автора: совр.-яп. Нанива) и остановился во дворце Опусуми-но мия. В день *хиното*[-но] *тори* (прим. автора: 10-й день 3-й луны) он поднялся на высокую площадку для обозрения и осмотрелся кругом. Была тогда при нём (прим. автора: младшая) жена (妃 яп. хи, кит. фэй – 2), второстепенная жена [7, IV, с. 339], т. е. младшая жена (см. [8, с. 279]) Э-пимэ. Посмотрела она на запад и глубоко опечалилась (Э-пимэ была младшей сестрой Митомо-вакэ, пред-

ка Кибид-но оми). Спрашивает тогда государь (прим. автора: свою супругу) Э-пимэ: «Отчего ты так горестно вздыхаешь?». Та в ответ: «В последнее время я всё тоскую по отцу с матерью. Посмотрела на запад – и невольно загрустила. Прошу тебя – отпусти меня ненадолго послужить моим родителям». Государь порадовался, что у Э-пимэ такое заботливое горячее сердце... и позволил ей [отлучиться]. Призвал восемьдесят человек из [племени] ама из Мипара, с Апади (прим. автора: острова Авадзи), и отрядил их, как мореплавателей, ей в провожатые до Кибид. Летом, в 4-м месяце, Э-пимэ отплыла на корабле из Опо-ту (прим. автора: совр.-яп. О-цу). Государь изволил стоять в это время на возвышении для обозрения и гляд[ел], как корабль Э-пимэ отплывает от берега...» [4, с. 292] (Нихон-сёки, св. 10-й, Ёдзин, 22-й год пр., 3-я и 4-я луны).

Следует обратить внимание на то, что Э-химэ (др.-яп. Э-пимэ) не указана ни среди восьми жён государя Хомуда в начале раздела “Ёдзин-ки” (в «Нихон-сёки») [4, с. 285], ни среди десяти жён в разделе «Ёдзин-ки» в «Кодзики» [9, с. 86–87]. Видимо, она была новой младшей женой, связь с которой была кратковременной. Поэтому Цутихаси Ютака предположил, что Э-пимэ была вынуждена уехать из-за ревности главной жены правителя (т. е. государыни) [4, с. 467, п. 41].

Хомуда скучал по своей любимой младшей жене и «осенью, в день *хиноэ*-но ину (прим. автора: 6-й день) 9-го месяца, когда новолуние пришлось на день каното-но ми, государь изволил охотиться на острове Апади (прим. автора: совр.-яп. Авадзи). Этот остров лежит в море поперёк, к западу от бухты Нанипа (прим. автора: совр.-яп. Нанива). Пики и утёсы там обрывисты, тянутся склоны и ущелья.

Реки и стремнины текут стремительно, волны грохочут. И на этом острове в изобилии водятся крупные олени, дикие утки и гуси. Потому государь часто наезжал сюда в паланкине. И вот, государь от Апади повернул и соизволил отправиться в Киби, отдохнуть на острове Адуки. В день *каноз-но тора* (прим. автора: 11-й день) он перебрался во дворец Асимори-но мия в Пада...» [4, с. 293] (Нихон-сёки, св. 10-й, Ёдзин, 22-й год пр., 9-я луна). В «Фусё-рякки» сказано: «[В] 22-й год [правления Ёдзина], [в циклический год] *каното-и* (48-й знак цикла) [411 год испр. хрон.], [государь] совершил выезд на [остров] Авадзи вместе с областью Киби-но *куни*» (廿二年 辛亥。幸^レ于淡路並吉備國。[10, с. 458]) (Фусё-рякки, св. 2-й, Ёдзин, 22-й год пр.). В «Синсэн-сёдзи-року» также рассказывается об объезде государем Хомуда (Ёдзином) области Киби-но *куни*: «Государь Ёдзин, когда совершил высочайший объезд земель (巡幸 яп. *дзюнкё*, кит. *сюньсин* [7, IV, с. 172]) области Киби-но *куни*...» ([169] 右京、皇別。笠朝臣。…応神天皇 巡幸^レ吉備國。[11, с. 182]; ср.: 応神天皇、吉備國に巡幸て... [12]) (Синсэн-сёдзи-року, св. 5-й, [169] Каса-но *асоми*). Таким образом, в 11-й день 9-й луны 411 года [испр. хрон.] Хомуда переехал во дворец Асимори-но мия в Пада (совр. Хата) в области Киби, где проживали родственники его младшей жены Э-пимэ (её старший брат – Митомо-вакэ из рода Киби-но *оми* и др. [4, с. 282, 283; 8, с. 289]). По сведениям «Синсэн-сёдзи-року», Митомо-вакэ был внуком одного из братьев – завоевателей Киби (нач. IV века [испр. хрон.]) – Вака-такэ-хико (сына государя Кёрёя) (здесь обнаруживается расхождение между официальной хронологией (удревняющей царствования первых государей Ямато) и материалами первоисточников, которые были использованы составителями «Нихон-сёки», т. к. Кёрёя и Митомо-вакэ разделял промежуток 75–90 лет (три поколения людей), а не около 700 лет по официальной хронологии. О Кёрее и Вака-такэ-хико см. [13]). «[Люди рода] Киби-но *оми*. Являются потомками Митомо-вакэ – внука Вака-такэ-хико-но *микото*» ([171] 右京、皇別。吉備臣。稚武彦命ノ孫 御友別命之後也。[14, с. 183]; ср.: 吉備臣(きびのおみ)。稚武彦命の孫、御友別命(みともわけのみこと)の後なり。[12]) (Синсэн-сёдзи-року, св. 5-й, [171] Киби-но *оми*).

По прибытии в область Киби государь Хомуда, увидев лояльность людей рода Митомо-вакэ (устроивших в честь прибытия государя пир, на котором главе Ямато прислуживали братья, дети и внуки Митомо-вакэ), провёл административно-территориальную реформу в интересах своих новых свояков – людей рода Митомо-вакэ [4, с. 293]. Область Киби (яп. Киби-но *куни*) была разделена (割 яп. *варитэ*) между сыновьями Митомо-вакэ на наследственные пожалования, передаваемые в управление (яп. *хё*) (因以 割^レ吉備國、封^レ其子等也。[8, с. 280]; где 封 яп. *хё*, кит. *фэн* / *фын* – жаловать землёй; возводить в ранг (в должность); присваивать титул [7, III, с. 15]).

При этом «Нихон-сёки» сообщает о создании округов (яп. *агата* [японское слово записывалось иероглифом, который в китайском языке имел значение «уезд»]: 縣 яп. *агата*, кит. *сянь* – 1) уезд (админ. единица); 2) ист. владение... государя... [7, IV, с. 827]), а «Кудзи-хонки» – о назначении «управителей областей» (國造 др.-яп. *куни-но мия-туко*, совр.-яп. *куни-но мияцүко*, *куни-но миякко*). Идёт ли речь о разных названиях (*агата* «округ / уезд» и *куни* «владение») одних и тех административно-территориальных

единиц в разных источниках («Нихон-сёки» и «Кудзи-хонки»); или речь идёт о создании *агата* (округов, связанных с царскими владениями) с назначением в них *агата-нуси* (縣主 «владык округов») и одновременно о назначении в *куни* («владения», т. е. территориальные общины, равные по размерам уездам второй половины VII века) «управителей областей» (*куни-но мияцүко*) из местных землевладельцев – не совсем ясно.

Во главе округов (яп. *агата*) монархами Ямато на должности *агата-нуси* («владыки округов», т. е. управляющих округом) назначались главы покорённых общин [15, с. 152; 16, с. 23, 24]. *Агата-нуси* были тесно связаны с царскими владениями на данных территориях (*миякэ* и *ми-агата*). Учёные установили эту связь на основе анализа распространения храмов «владык округов» [15, с. 149], порайонным распределением курганов раннего периода и царскими *агата* [16, с. 23].

Все исследователи сходятся во мнении, что первоначально звание «*куни-но мияцүко*» получали подчинившиеся Ямато местные правители (старейшины [16, с. 30], вожди крупных местных кланов [15, с. 149; 17, с. 113; 18, с. 151, п. 4], вожди общин [16, с. 22]): т. е. главы территориальных общин (*куни*), которые (если судить по материалам *фудоки* (см. [18, с. 31])) по размерам занимаемой ими территории были равны поздним [второй половины VII–VIII вв.] уездам. М. В. Воробьев специально подчёркивает, что в древнее время под «*куни*» понимали не «провинцию» (большую область) VIII века, а просто «владение» [15, с. 148, 154]. После того как главы покорившихся территориальных общин (*куни*) выказывали верность правителю Ямато, они, по мнению учёных, продолжали управлять своими «землями» [15, с. 149], районами [19, с. 30], общинами [16, с. 22] (то, что объединяется понятием «*куни*») и их населением, но уже от имени правителя Ямато [16, с. 22; 15, с. 149; 19, с. 30]. Подобная ситуация характерна для всех древних (и древневосточных в том числе) государств, когда территориальная община становится административно-территориальной единицей объединения (см. [20–22]). Учёным известно, как происходило назначение «управляющего владением»: при назначении/утверждении каждого нового наместника из местных правителей он обязан был являться к правителю Ямато, давать клятву верности и приносить им дань: лошадей, мечи и прочее [17, с. 113]. Назначенный получал звание «*куни-но мияцүко*» (что не мешало им иметь и другие звания, ранг которых находился в соответствии с политическим весом деятеля: например, *оми* или *атаэ* / *атаи* [15, с. 149]). Это же мы видим и в административно-территориальных реформах государя Хомуда (Ёдзина), проведённых в 22-м году правления (411 году [испр. хрон.]) в области Киби.

Старший сын Митомо-вакэ по имени Инахая-вакэ (др.-яп. Инапая-вакэ) получил в управление в качестве наследственного пожалования (яп. *хё*) округ (яп. *агата*) Кавасима (др.-яп. Капасима-но *агата*) (則分^レ川嶋縣、封^レ長子 稻速別。[8, с. 280]; где 分 яп. *вакэру* – 1) разделять, разъединять; делить; разграничивать [1, с. 100]). В этом случае он должен был занять должность «владыки округа» (яп. *агата-нуси*). Кроме того, в «Реестре наместников» «Кудзи-хонки» (св. 10-й) об Инахая-вакэ сказано: «Симо-цу мити-но *куни-но мияцүко*. В царствование государя [Хомуда, управлявшего Поднебесной из] двора Тоё-акира в

Карусима, изначально пожалованный землёй [владелец] (прим. автора: *яп. гэнхō*; на современный японский язык переводят как *рёсю* «наследственный землевладелец» (領主 *яп. рёсю*, *кит. лінчжю* – *ист... владелец... наследственный землевладелец; землевладельческая аристократия...* [7, IV, с. 729]); на русский язык как «прежний владелец» [23, с. 122]) Э-хико-но микото, ещё [одно] имя – Инахая-вакэ – был назначен [государем на должность] «управителя области» (др.-яп. *куни-но мияцуко*, совр.-яп. *куни-но мияцүко*) [Симо-цу мити-но куни в земле Киби-но куни]» (下道國造。輕島豐明朝ノ御世、元封 兄彦命、亦名 稻建[速]別、定賜^レ國造。[11, с. 419]; ср.: 下道国造 (しもつみちのくにのみやつこ)。輕嶋豐明朝の御世に、元からの領主・兄彦命 (えひこのみこと)、またの名を稻速別 (いなはやわけ)を国造に定められました。[24]; см. [23, с. 122]) (Кудзи-хонки, св. 10-й, [91] Симо-цу мити-но куни-но мияцуко). Поэтому Инахая-вакэ стал первопредком рода Киби-но симо-цу мити-но оми (稻速別。是 下道臣之始祖 也。[8, с. 280]; где 下道 *яп. симо-цу мити* – «округ [досл. «дорога»] дальний от столицы»), т. е. правителей дальнего от столицы Ямато владения (*куни*) в области Киби [8, с. 280; 4, с. 293; 26, р. 267, п. 1]. Таким образом, Инахая-вакэ получил в управление не только округ Кавасима-но агата, но и территориальную общину Киби-но Симо-цу мити-но куни (в среднем Киби (позднее, во второй половине VII века, преобразованную в уезд Симо-цу мити-но кōри (др.-яп. *копори*) провинции Биттjō); в «Вамёсё» упоминается уезд Симо-цу мити провинции Биттjō 和名抄 云、備中國下道郡。[11, с. 419, пр.]).

Затем в Ближнем Киби (в Бидзэн) был выделен округ Ками-цу мити-но агата (досл. «округ, ближайший по дороге [к резиденции правителя]»), который был передан в управление в качестве наследственного пожалования (*яп. хō*) среднему сыну Митомо-вакэ – Нака-цу хйко (др.-яп. Нака-ту пико) (次以 上道縣 封^レ中子 仲彦。[8, с. 280]; где 上道 *яп. ками-цу мити* – досл. «округ [«дорога»], ближний к столице»), который становился «владыкой округа» (*яп. агата-нуси*). Однако, как сказано в «Реестре наместников» «Кудзи-хонки», Нака-цу хйко, видимо, после этого был переназначен государем Хомуда на должность «управителя области» в территориальной общине Кая-но куни (в Среднем Киби, позднее ставшей уездом Кая-но кōри провинции Биттjō; в «Вамёсё» упоминается уезд Кая-но кōри провинции Биттjō 和名抄 云、備中國賀夜郡。[11, с. 419, пр.]). «Кая-но куни-но мияцүко. В царствование государя [Хомуда, управлявшего Поднебесной из] двора Тоё-акира в Карусима, тот же предок, что и [предок рода] Ками-цу мити-но куни-но мияцүко – изначально пожалованный землёй [владелец] (*яп. гэнхō*) Нака-цу хйко был переназначен (改定 *яп. кайтэй-суру* – пересмотреть [27, с. 215]; 改定 *кит. гайдүн* – перерешать [7, III, с. 1090]) «управителем области» (*куни-но мияцүко*) [Кая-но куни]» (加夜國造。輕島豐明朝ノ御世、上道國造ノ同祖 元封 中彦命、改定賜^レ國造。[11, с. 419]; ср.: 加夜国造 (かやのくにのみやつこ)。輕嶋豐明朝の御世に、上道国造と同祖で元からの領主の中彦命を、あらためて国造に定められました。[24]; см. [23, с. 122]) (Кудзи-хонки, св. 10-й, [92] Кая-но куни-но мияцүко). В итоге Нака-цу хйко стал предком родов Ками-цу мити-но оми и Кая-но оми (仲彦。是 上道臣、香屋臣之始祖 也。[8, с. 280]; см. [4, с. 293; 25, с. 434, п. 70; 11, с. 419, пр.]).

Кроме того, по сведениям «Реестра наместников» «управителем области» Ками-цу мити-но куни (преобразованной позднее в уезд Симо-цу мити-но кōри провинции Бидзэн; в «Вамёсё» упоминается волость (郷 *яп. гō* / *сато*) Ками-цу мити уезда (郡 *яп. кōри*) Ками-цу мити провинции Бидзэн 和名抄 云、備前國上道郡上道郷。[11, с. 419, пр.]), стал сын Нака-цу хйко по имени Таса-но оми: «Ками-цу мити-но куни-но мияцүко. В царствование государя [Хомуда, управлявшего Поднебесной из] двора Тоё-акира в Карусима, Таса-но оми – сын Нака-цу хйко, изначально пожалованного землёй [владельца] (*яп. гэнхō*) [этих территорий] – впервые [был назначен] «управителем области» (*куни-но мияцүко*) [Ками-цу мити-но куни]» (上道國造。輕島豐明朝ノ御世、元封 中彦命ノ兒 多佐臣、始國造。[11, с. 419]; ср.: 上道国造 (かみつみちのくにのみやつこ)。輕嶋豐明朝の御世に、元からの領主・中彦命(なかひこのみこと)の子の多佐臣(たさのおみ)を、はじめて国造に定められました。[24]; см. [23, с. 122]) (Кудзи-хонки, св. 10-й, [89] Ками-цу мити-но куни-но мияцүко). В результате Нака-цу хйко управлял владением Кая-но куни и округом Ками-цу мити-но агата, а его сын – Таса-но оми – стал главой владения Ками-цу мити-но куни (т. е. владениями в землях Киби, ближайших по дороге к резиденции правителя).

Округ Мино-но агата был пожалован (*яп. хō*) младшему сыну Митомо-вакэ – Ото-хйко (др.-яп. Ото-пико – первопредку рода Мино-но оми 次以 三野縣 封^レ弟彦。是三野臣之始祖 也。[8, с. 280]; см. [4, с. 293]). В «Реестре наместников» «Кудзи-хонки» сообщается: «Мино-но куни-но мияцүко. В царствование государя [Хомуда, управлявшего Поднебесной из] двора Тоё-акира в Карусима, изначально пожалованный землёй [владелец] (*яп. гэнхō*) [по имени] Ото-хйко-но микото затем был определён «управителем области» (*куни-но мияцүко*) [Мино-но куни]» (三野國造。輕島豐明朝ノ御世、元封 弟彦命、次 定賜^レ國造。[11, с. 419]; ср.: 三野国造 (みののくにのみやつこ)。輕嶋豐明朝の御世に、元からの領主・弟彦命(おとひこのみこと)を、次いで国造に定められました。[24]; см. [23, с. 122]) (Кудзи-хонки, св. 10-й, [90] Мино-но куни-но мияцүко). Следовательно, Ото-хйко управлял территориальной общиной Мино-но куни (позднее преобразованной в уезд Мино-но кōри провинции Бидзэн; в «Вамёсё» упоминается волость (郷 *яп. гō* / *сато*) Мино уезда (郡 *яп. кōри*) Мино провинции Бидзэн 和名抄 云、備前國御野郡御野郷。[11, с. 419, пр.]) и был «владыкой округа» Мино-но агата в Ближнем Киби.

Из «Реестра наместников» в «Кудзи-хонки» известно также, что государь Хомуда в Ближнем Киби (в Бидзэн) назначил ещё одного «управляющего областью» (*куни-но мияцүко*) в территориальную общину Оку-но куни (др.-яп. Опоку-но куни, которая тогда, видимо, включала и земли лежащей к северу территориальной общины Мимасака-но куни, выделенной из земель Бидзэн только в 6-м году Вадō [в 713 г.: 美作國造。諾羅朝、和銅六年、割^レ備前國、置^レ美作國。[11, с. 418]; ср.: 美作国造 (みまさかのくにのみやつこ)。諾羅朝(ならのみかど)の御世の和銅六年に、備前国を割いて美作国を設置しました。[24])). Следует отметить, что наместник Оку-но куни – Саки-но сукунэ – не принадлежал к роду Митомо-вакэ. «Оку-но куни-но мияцүко. В царствование государя [Хомуда, управлявшего Поднебесной из] двора Тоё-акира в Карусима, потомок Ками-мусуби-но микото (в русском переводе указан Каму-хоори-но микото – см. [23, с. 122]) в 7-м поколении [по имени] Саки-

но сукунэ был определён «управляющим областью» (*куни-но мияцүко*)» (大伯國造。輕島豐明朝ノ御世、神魂命ノ七世孫 佐紀足尼、定賜^レ國造。)[11, с. 418]; ср.: 大伯國造 (おおくのくにのみやつこ)。輕嶋豐明朝の御世に、神祝命の七世孫の佐紀足尼(さきのすくね)を國造に定められました。[24]; см. [23, с. 122]) (Кудзи-хонки, св. 10-й, [88] Оку-но куни-но мияцүко).

Пожалования получили и братья Митомо-вакэ. Его старший брат – **Ура-кори-вакэ** (первопредок рода Соно-но ами) – получил округ Соно-но агата (即以 苑縣、封^レ兄 浦凝別。是 苑臣之始祖 也。[8, с. 280]; см. [4, с. 293]). Младшему брату – **Камо-вакэ** (внуку Вака-такэ-хико и первопредку рода **Каса-но ами** [170] 京、皇別。笠臣。… 稚武彦命ノ孫 鴨別命之後 也。[14, с. 182]; ср.: 笠臣 (かさのおみ)。… 稚武彦命の孫、鴨別命の後 なり。[12]; 鴨別、是 笠臣之始祖 也。[8, с. 280]; см. [4, с. 293]) – был пожалован округ Хакукэ (др.-яп. Пакукэ-но агата) (復以 波区芸縣 封^レ御友別ノ弟 鴨別。[8, с. 280]; см. [4, с. 293; 12]). В «Синсэн-сёдзи-року» (св. 5-й) содержатся сведения о событиях, произошедших в местности **Каса** (в южной части Среднего Киби – в **Биттё**). Из источника известно, что государя Хомуда (Одзина) в этой поездке сопровождал **Камо-вакэ**. «Государь Одзин совершал высочайший объезд области Киби-но куни, [и] когда изволил взойти на гору Касамэ-яма, сильный ветер, подув, унёс государеву шляпу (ми-каса). Государю показалось это странным. [Внук Вака-такэ-хико и младший брат Митомо-вакэ] – Камо-вакэ-но микото [так истолковал этот знак], сказав: «Здесь (небесные) божества и (земные) духи (яп. *дзинги*) намереваются послужить (др.-яп. *тукапэматураму*, яп. *цукаэмацурау*) государю. [Поэтому] Вы в таком положении [оказались]!». Государь захотел узнать достоверность этого. [Он] приказал охотиться на этой горе, и добычи [было] очень много. Государь был весьма обрадован [и] даровал [этой местности] название Каса» (右京。皇別。笠朝臣。… 応神天皇 巡幸^レ吉備国、登^レ加佐米山之時、飄風 吹放^レ御笠。天皇 怪之。鴨別命 言:『神祇 欲奉^レ天皇。故 其 状 尔』。天皇 欲知^レ其真偽。令 獵^レ其山、所得^レ甚多。天皇 大悦、賜^レ名 賀佐。[14, с. 182]; ср.: 笠朝臣 (かさのあそみ)。… 応神天皇、吉備国に巡幸(いでまし)て、加佐米山(かさめやま)に登りたまひし時、飄風、御笠を吹き放ちて、天皇あやしとおぼしき。鴨別命(かもわけのみこと) 言さく:『神祇、天皇に奉 (つかへまつ)らむとす。かれ、

其の状(かたち)ならむ』といふ。天皇其の真偽を知らまく欲して、其の山を獵令(かりし)めけるに、得たまふ所、甚だ多し。天皇 大く悦びたまひ、名を賀佐(かさ)と賜ふ。 [12]) (Синсэн-сёдзи-року, св. 5-й, [169] Каса-но асами). «Реестр наместников» «Кудзи-хонки» сообщает, что наместником области Каса-но ами-но куни (позднее ставшей уездом Кёри провинции Биттё 備中國郡縣、今無^レ笠名。[11, с. 419, пр.]) стал отпрыск Камо-вакэ по имени **Каса-но Михира-но ами** (в источнике он назван «потомком в 8-м поколении», что явно является ошибкой: возможно, иероглифы 八世 «восьмое поколение» во фразе «八世孫» вставлены ошибочно, если их убрать, то получится: 鴨別命ノ孫 笠ノ三枚臣 «Каса-но Михира-но ами – внук Камо-вакэ-но микото»). «Каса-но ами-но куни-но мияцүко. В царствование государя [Хомуда, управлявшего Поднебесной из] двора в Тоё-акира в Карусима, Каса-но Михира-но ами – потомок ... Камо-вакэ-но микото, изначально пожалованного землёй [владельца] (яп. *гэнхё*) – был определён «управляющим областью» (*куни-но мияцүко*) [Каса-но ами-но куни]» (笠臣國造。輕島豐明朝ノ御世、元封 鴨別命ノ八世孫 笠ノ三枚臣、定賜^レ國造。[11, с. 419]; ср.: 笠臣國造 (かさのおみのくにのみやつこ)。輕嶋豐明朝の御世に、元からの領主・鴨別命(かもわけのみこと)の八世孫の笠三枚臣を國造(かさのみひらのおみひらのおみ)に定められました。[24]) (Кудзи-хонки, св. 10-й, [93] Каса-но ами-но куни-но мияцүко).

Своей любимой жене Э-химэ (др.-яп. Э-пимэ) государь Хомуда даровал (賜 яп. *тамаитэ*) округ Хаторибэ-но агата (др.-яп. Паторибэ-но агата) (即以 織部縣 賜^レ兄媛。[8, с. 280]; где 賜 яп. *тамау* – жаловать, дарить [1, с. 565]). Здесь жили люди (яп. *бэмин* – неполноправные свободные; о правовом статусе бэмин см. [28]) корпорации Хатори-бэ (織部 др.-яп. *патори-бэ* – досл. «корпорация (неполноправных свободных) ткачей» [8, с. 280]; ср.: [4, с. 293]) (Нихон-сёки, св. 10-й, Одзин, 22-й год пр., 9-я луна).

Таким образом, в результате административно-территориальной реформы государя Хомуда (Одзина) 22-го года правления (411 года [испр. хрон.]) во владениях (яп. *куни*) и во вновь созданных округах (яп. *агата*) Ближнего и Среднего Киби у власти оказались свойственники правителя Ямато со стороны его младшей жены Э-химэ (др.-яп. Э-пимэ).

Литература

1. Фельдман-Конрад Н. И. Японско-русский учебный словарь иероглифов. М.: Русский язык, 1977. 680 с.
2. Суровень Д. А. О хронологии правлений Окинага-тараси-химэ (государыни Дзингү) и Хомуда-вакэ (государя Одзина) // Genesis: исторические исследования. 2015. № 6. С. 1–226.
3. Суровень Д. А. Период регентства Окинага-тараси-химэ (правительницы Дзингү) // Проблемы истории, филологии, культуры. 1998. № 6. С. 174–180.
4. Нихон-сёки: Анналы Японии. СПб.: Гиперион, 1997. Т. I. 496 с.
5. Суровень Д. А. Развитие Японии в конце IV – начале V вв. // Уральское востоковедение: международный альманах. 2005. № 1. С. 8–45.
6. Суровень Д. А. Политическая борьба в государстве Ямато и его внешнеполитические связи в 10-е – 20-е годы V века // Уральское востоковедение: международный альманах. 2007. № 2. С. 4–24.
7. Большой китайско-русский словарь. М.: Наука, 1983. Т. I–IV.
8. Нихон-сёки 日本書紀 (Серия «Кокуси-тайкэй» 国史大系). Токио 東京: Ёсикава кобункан 吉川弘文館, 1957. Ч. I. Т. I. 417 с.
9. Кодзики: Записи о деяниях древности. СПб.: Шар, 1994. Т. II. 256 с.
10. Фусё-рякки 扶桑略記 // Кокуси-тайкэй 国史大系. Токио 東京: Кэйдзай-дзасси-ся 經濟雜誌社, 1901. Т. VI. С. 451–847.
11. Сэндай кудзи-хонки 先代舊事本紀 // Кокуси-тайкэй 国史大系. Токио 東京: Кэйдзай-дзасси-ся 經濟雜誌社, 1901. Т. VII. С. 171–419.

12. Синсэн-сёдзи-року 新撰姓氏録, св. 5-й. Режим доступа: <http://www.h4.dion.ne.jp/~munyu/sujroku/09syouji.htm> (дата обращения: 28.06.2017).
13. Суровень Д. А. Проблема периода «восьми правителей» и развитие государства Ямато в царствование Мимаки (государя Судзина) // Известия Уральского государственного университета: Гуманитарные науки. 1999. № 13. С. 89–113.
14. Синсэн-сёдзи-року // *Сазэки Арикиё* 佐伯有清. “Синсэн-сёдзи-року”-но кэнкё. Хомбун-хэн 新撰姓氏録の研究 本文篇. Токио 東京: Ёсикава кобункан 吉川弘文館, 1962. С. 149–350.
15. Воробьев М. В. Япония в III–VII веках. М.: Наука, 1980. 344 с.
16. Кузнецов Ю. Д., Навлицкая Г. Б., Сырицын И. М. История Японии. М.: Высшая школа, 1988. 432 с.
17. Идзумо-фудоки. М.: Наука, 1966. 222 с.
18. Древние фудоки. М.: Наука, 1969. 340 с.
19. Конрад Н. И. Древняя история Японии // Избранные труды: история. М.: Наука, 1974. С. 11–74.
20. История древнего мира. М.: Наука, 1982–1983. Кн. 1–3.
21. История древнего Востока. М.: Наука, 1983–1988, 2004. Ч. I–III.
22. Шиллюк Н. Ф. История древнего мира: древний Восток. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1991. 244 с.
23. Сэндай кудзи хонги, 10-й свиток «Куни-но-мияцукэ-хонги» (Описание управителей областей) // Синто: путь японских богов. СПб.: Гиперион, 2002. Т. II. С. 112–127.
24. Сэндай кудзи-хонки, св. 10-й 先代舊事本紀. Режим доступа: <http://www.h4.dion.ne.jp/~munyu/kujihonki/KHonki10.files/mokujik.htm> (дата обращения: 28.06.2017).
25. Синто: путь японских богов. СПб.: Гиперион, 2002. Т. II. 496 с.
26. Nihongi: Chronicles of Japan from the earliest times to A.D. 697 / transl. by W. G. Aston. London: Allen, 1956. Part I. 407 p.
27. Японско-русский словарь. М.: Русский язык, 1984. 696 с.
28. Суровень Д. А. Правовой статус лиц без гражданства в древнеяпонском праве: бэмин в IV – середине VII веков // Право. Законодательство. Личность. 2012. № 2(15). С. 18–29.

THE ADMINISTRATIVE-TERRITORIAL REFORM OF YAMATO RULER – EMPEROR HOMUDA IN KIBI REGION

Dmitry A. Surowen^{1,*}

¹ Ural State Law University, 21, Komsomolskaya St., Yekaterinburg, Russia, 620137

* Yamato.ur@mail.ru

Received 18.07.2017. Accepted 17.10.2017.

Keywords: ancient Japan, Yamato, Homuda, Ōjin, E-hime, Mitomo-wake, Kibi region, *agata*, *kuni*, *kuni-no miyatsuko*.

Abstract: The current paper features the reasons and the content of the administrative-territorial reform introduced by Yamato ruler – emperor Homuda (Ōjin, 390 – late 414 / early 415 AD [of the corrected chronology]) in 411 AD [of the corrected chronology] in Kibi area (in western Honshu). The article contains the data obtained about the administrative-territorial units he organized and the local governors he appointed. It has been revealed that the elderly emperor delegated the rule to his three sons and retreated to Kibi area, which was the homeland of his younger wife E-hime. Upon his arrival, emperor Homuda undertook an administrative-territorial reform for the benefit of the hereditary owners of these lands, i.e. the Mitomo-wake clan. He established districts (Jap. *agata*) and appointed the “lords of districts” (Jap. *agata-nushi*). Besides, he appointed the “rulers of regions” (Jap. *kuni-no miyatsuko*) in the regions (Jap. *kuni*) of Bizen and Bicchū (in Near and Central Kibi). This reform resulted in the fact that emperor’s cousins-in-laws from his younger wife’s side rose to power in the regions (Jap. *kuni*) and in the newly- created districts (Jap. *agata*) of Near and Central Kibi.

For citation: Surowen D. A. Administrativno-territorial’naya reforma praviteley Yamato – gosudaria Khomuda v oblasti Kibi [The Administrative-Territorial Reform of Yamato Ruler – Emperor Homuda in Kibi Region]. *Bulletin of Kemerovo State University*, no. 4 (2017): 105–110. DOI:10.21603/2078-8975-2017-4-105-110.

References

1. Fel’dman-Konrad N. I. *Iaponsko-russkii uchebnyi slovar’ ieroglifov* [Japanese-Russian educational dictionary of hieroglyphs]. Moscow: Russkii iazyk, 1977. 680.
2. Surowen D. A. O khronologii pravlenii Okinaga-tarasi-khime (gosudaryni Dzingu) i Khomuda-vake (gosudaria Ōdzina) [On chronology of reigns of Okinaga-tarashi-hime (empress Jingū) and Homuda-wake (emperor Ōjin)]. *Genesis: istoricheskie issledovaniia* = *Genesis: historical researches*, no. 6 (2015): 1–226.
3. Surowen D. A. Period regentstva Okinaga-tarasi-khime (pravitel’nitsy Dzingu) [Period of regency of Okinaga-tarashi-hime (empress Jingū)]. *Problemy istorii, filologii, kul’tury* = *Problems of history, philology, culture*, no. 6 (1998): 174–180.
4. *Nihon-shioki: Annaly Iaponii* [Nihon Shoki: Annals of Japan]. Saint-Petersburg: Giperion, vol. I (1997): 496.

5. Suroven D. A. Razvitie Iaponii v kontse IV – nachiale V vekov [Development of Japan in late 4th – early 5th centuries]. *Ural'skoe vostokovedenie: mezhdunarodnyi al'manakh = Ural oriental studies: International almanac*, no. 1 (2005): 8–45.
6. Suroven D. A. Politicheskaya bor'ba v gosudarstve Iamato i ego vneshnepoliticheskie svyazi v 10-e – 20-e gody V veka [Political struggle in the Yamato state and its foreign policy relations in 10 – 20s of the 5th century]. *Ural'skoe vostokovedenie: mezhdunarodnyi al'manakh = Ural oriental studies: International almanac*, no. 2 (2007): 4–24.
7. *Bol'shoi kitaisko-russkii slovar'* [Big Chinese-Russian dictionary]. Moscow: Nauka, vol. I–IV (1983).
8. *Nihon Shoki* 日本書紀 (Series «Kokushi-taikei» 国史大系). Tokyo 東京: Yoshikawa kobunkan 吉川弘文館, part I, vol. I (1957): 417.
9. *Kodziki: Zapisi o deianiiakh drevnosti* [Kojiki: Records of ancient matters]. Saint-Petersburg: Shar, vol. II (1994): 256.
10. Fusō-ryakki 扶桑略記. *Kokushi-taikei* 国史大系. Tokyo 東京: Keizai-zasshi-sha 経済雑誌社, vol. VI (1901): 451–847.
11. Sendai kuji-honki 先代舊事本紀. *Kokushi-taikei* 国史大系. Tokyo 東京: Keizai zasshi-sha 経済雑誌社, vol. VII (1901): 171–419.
12. *Shinsen-shōji-roku* 新撰姓氏録, vol. 5th. Available at: <http://www.h4.dion.ne.jp/~munyu/sujroku/09syouji.htm> (accessed 28.06.2017).
13. Suroven D. A. Problema perioda «vos'mi pravitelei» i razvitie gosudarstva Iamato v tsarstvovanie Mimaki (gosudaria Sudzina) [Problem of “eight rulers” period and development of the Yamato state during reign of Mimaki (emperor Sūjin)]. *Izvestiia Ural'skogo universiteta: Gumanitarnye nauki = News of the Ural State University: Humanities*, no. 13 (1999): 89–113.
14. *Shinsen-shōji-roku. Saeki Arikiyo* 佐伯有清. “Shinsen-shōji-roku”-no kenkyū. *Hombun-hen* 新撰姓氏録の研究 本文篇. Tokyo 東京: Yoshikawa kobunkan 吉川弘文館, 1962, 149–350.
15. Vorob'iov M. V. *Iaponiya v III–VII vekakh* [Japan in the 3–7th centuries]. Moscow: Nauka, 1980, 344.
16. Kuznetsov Yu. D., Navlitskaia G. B., Syritsyn I. M. *Istoriia Iaponii* [History of Japan]. Moscow: Vysshiaia shkola, 1988, 432.
17. *Idzumo-fudoki* [Izumo-fudoki]. Moscow: Nauka, 1966, 222.
18. *Drevnie fudoki* [Ancient fudoki]. Moscow: Nauka, 1969, 340.
19. Konrad N. I. Drevniaia istoriia Iaponii [Ancient history of Japan]. *Izbrannye proizvedeniia: istoriia* [Chosen works: history]. Moscow: Nauka, 1974, 11–74.
20. *Istoriia drevnego mira* [Ancient history]. Moscow: Nauka, book 1–3 (1982–1983).
21. *Istoriia drevnego Vostoka* [History of the ancient East]. Moscow: Nauka, part I–III (1983–1988, 2004).
22. Shiliuk N. F. *Istoriia drevnego mira: Drevnii Vostok* [Ancient history: Ancient East]. Sverdlovsk: Izdatelstvo Ural'skogo universiteta, 1991, 244.
23. Sendai kudzi khongi, 10-i svitok «kuni-no miyatsuko-khongi» (Opisanie upravitelei oblastei) [Sendai kuji hong, vol. 10th “Kuni-no miyatsuko-hongi” (Description of rulers of regions)]. *Sinto: put' iaponskikh bogov* [Shinto: way of the Japanese gods]. Saint-Petersburg: Giperion, vol. II (2002): 112–127.
24. *Sendai kuji-honki*, vol. 10th 先代舊事本紀. Available at: <http://www.h4.dion.ne.jp/~munyu/kujihonki/KHonki10.files/mokujik.htm> (accessed 28.06.2017).
25. *Sinto: put' iaponskikh bogov* [Shinto: way of the Japanese gods]. Saint-Petersburg: Giperion, vol. II (2002): 496.
26. *Nihongi: Chronicles of Japan from the earliest times to A.D. 697*. Transl. by W. G. Aston. London: Allen, part I (1956): 407.
27. *Iaponsko-russkii slovar'* [Japanese-Russian dictionary]. Moscow: Russkii iazyk, 1984, 696.
28. Suroven D. A. Pravovoi status lits bez grazhdanstva v drevneiaponskom prave: bemin v IV – seredine VII vekov [Legal status of persons without citizenship in the ancient Japanese law: bemin in 4th – mid. 7th centuries]. *Pravo. Zakonodatel'stvo. Lichnost' = Law. Legislation. Personality*, no. 2 (15) (2012): 18–29.

УДК 94:323.15

**СОХРАНЕНИЕ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ НАРОДОВ АВТОНОМНЫХ КРАЕВ СЕРБИИ.
ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ****Леонас Толвайшис**^{1, 2, @}¹ Университет «Эдуконс», Сербия, 21000, г. Нови-Сад, ул. Народного фронта, 53² Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, Россия, 620078, г. Екатеринбург, ул. Коминтерна, 16

@ leonas.tolvaisis@fepps.edu.rs

*Поступила в редакцию 04.10.2017. Принята к печати 07.11.2017.***Ключевые слова:** сохранение культурного наследия, национальные меньшинства Сербии, культурная автономия, Воеводина, Косово и Метохия.**Аннотация:** Статья посвящена проблемам сохранения традиционной культуры народов, населяющих автономные края Сербии – Воеводину и Косово и Метохию. Анализируются опыт институтов культурной автономии в области культурной политики, практические эффекты внедрённых институциональных решений и их влияние на современные формы бытования этнических традиций. Особое внимание уделяется сохранению культур уязвимых групп, не наделённых ресурсами для перехода из состояния традиционных этносов к завершённой системе сохранения и развития национальной культуры. На примере институтов культурной автономии национальных меньшинств в Воеводине показана важность внутренних ресурсов малочисленных этносов, применения принципа профессионализма в кадровой политике и при распределении средств, а также деполитизации культуры как предпосылки расширения возможностей общественной инициативы, целостного выражения идентичности группы, наращивания социального капитала и пресечения возвышения этноэлит, проводящих политическую мобилизацию, меж- и внутриэтническую сегрегацию. На примере опыта сербских анклавов Косова и Метохии и состояния их культурного наследия показано, что отсутствие политической воли является непреодолимым препятствием для соблюдения элементарных прав и свобод национальной группы, составляющей демографическое меньшинство, даже в условиях развитой консоциативной системы представительства, подкреплённой присутствием внушительного воинского контингента.**Для цитирования:** Толвайшис Л. Сохранение культурного наследия народов автономных краёв Сербии. Институциональный аспект // Вестник Кемеровского государственного университета. 2017. № 4. С. 111–116. DOI:10.21603/2078-8975-2017-4-111-116.**1. Система сохранения этнокультурного наследия в Воеводине**

Из всех субъектов бывшей Социалистической Федеративной Республики Югославии наибольшее этническое разнообразие наблюдалось в Автономном Крае Воеводина (АКВ) в составе Сербии, где и поныне проживает 26 национальных меньшинств [1]. К наиболее крупным меньшинствам следует отнести венгров (251136 чел., или 13 % от общего числа жителей АКВ по данным переписи 2011 г.), словаков (50321 чел., или 2,6 %), румын (25410 чел., или 1,32 %) и русинов (13928 чел., или 0,72 %).

Развитие культур населяющих край народов обеспечивается особыми институциональными механизмами. Статусом официального в АКВ наделены 6 языков (сербский, венгерский, словацкий, румынский, русинский и хорватский), краевые органы власти ежегодно финансируют свыше 350 проектов культуры 19 народов, а телерадиокомпания краевого подчинения вещает на 10-ти языках. В АКВ расположены 12 национальных советов национальных меньшинств (НСНМ) – институтов культурной автономии в сферах образования, информирования, культуры и официального использования языка. НСНМ выступают институциональной основой целостных культурных систем меньшинств [2, с. 163].

Развитой сетью культурных учреждений обладают народы, оставившие глубокий материальный след в истории края. История венгерских, словацких, румынских, русинских литературы, живописи, архитектуры, музыки, театральных традиций, библиотек и музеев в крае исчисляется веками. Сеть учреждений «крупных» народов представлена институтами культуры, издательствами, СМИ, десятками культурных центров и художественных ансамблей. Сеть учреждений хорватов (47033 чел., или 2,43 % от общего числа жителей АКВ) и рома (цыган) (42391 чел., или 2,19 %) менее развита ввиду более позднего признания за ними коллективного статуса и дефицита внутренних ресурсов этих общин. Фольклорное наследие русин, буневцев, хорватов, чехов, словаков поддерживается посредством проведения массовых мероприятий (рождественские и пасхальные обычаи, ночи музеев, фестивали современной культуры и молодежной музыки). Наблюдается увеличение численности и разнообразия учреждений.

Статус меньшинства и институт культурной автономии в Сербии доступны также общинам с многовековой историей, чья численность не превышает нескольких тысяч человек – чехам, немцам, грекам, а в перспективе также русским. Набирающая обороты ассимиляция переводит такие общины в разряд «невидимых». Массовая утрата родного

языка чехами, буневцами, греками, армянами и цинцарами в городах ограничивает их доступ к культурным программам соответствующих групп. Буневцы (около 16 тыс. чел.) являют собой пример «невидимого» народа, вступившего в сферу публичной культуры лишь в 1991 г. Непризнанная при социализме буневская идентичность сохранялась во внутриэтнической сфере приходской, земледельческо-скотоводческой культуры, обычаев, народной литературы, песенного творчества, национальных костюмов и кухни, массовых праздников. Общественность с этой культурой знакомится благодаря выставкам, мероприятиям, лекциям и публикациям неправительственных организаций, распространяющих образцы художественных промыслов, национальной одежды и кухни [3, с. 172].

В городской среде (Нови-Сад, Суботица, Сомбор, Рума, Сремска-Митровица) действуют издательские, литературные и научно-исследовательские объединения, снимаются фильмы, производится оцифровка наследия, проводится мониторинг соблюдения прав меньшинств. Однако ресурс развития туризма с привлечением культуры меньшинств используется недостаточно [4, с. 303].

В сельской местности содержание мероприятий в основном сводится к традиционной культуре и фольклору. Общественное мнение меньшинств усматривает первоочередное значение НСНМ в функции сохранения коллективной идентичности, отождествляемой с традициями и обычаями, недооценивая таким образом правозащитную функцию НСНМ [5, с. 18–19].

Причины «фольклоризации» культурных систем следует искать в законодательных решениях, создающих предпосылки для неравноправия групп. Закон о НСНМ благоприятствует крупным меньшинствам с развитой партийной инфраструктурой. Ярчайший пример – венгры, представленные на всех уровнях власти [6, с. 63–83]. Профессионализм кандидатов от специализированных и гражданских организаций, независимых экспертов и деятелей культуры на выборах в НСНМ не играет ключевой роли, хотя именно это качество необходимо для выполнения функций НСНМ [7, с. 196]. Подавляющее влияние партий на НСНМ обусловлено доступом к СМИ, источникам финансирования и тенденцией представителей партий занимать должности в органах власти и в НСНМ одновременно (конфликты интересов в НСНМ венгров, словаков и румын).

Широта властных полномочий НСНМ отражена в возможностях давать согласие на выбор директоров школ, определять приоритетные учреждения культуры и праздники, представляющие неоспоримый интерес для сохранения идентичности меньшинств, т. е. распоряжаться финансовыми потоками. Ввиду отсутствия критериев приоритетности решения НСНМ при распределении средств отличаются произвольностью в пользу организаций, имеющих представителей в самих же НСНМ [3, с. 190].

Бюджетные средства, получаемые НСНМ, зависят от численности представляемых ими народов. Недостаток средств тормозит работу немецких и ашкалийских организаций [8, с. 126]. По скорости исчезновения языка лидируют буневцы (икавское наречие) [3, с. 175]. Немецким организациям удалось спасти сотни антикварных книг и основать журналы о культуре, однако немецкоязычные СМИ отсутствуют. Организациями («беседами») чехов развита сеть учреждений и мероприятий и возрождено преподава-

ние чешского языка в школах благодаря финансовой поддержке посольства Чехии. Чешской общине удалось избежать партийного воздействия благодаря компактности, возможности сосредоточения на интересах и непосредственной связи институтов и членов общины [9, с. 142]. Малочисленные меньшинства, рассредоточенные территориально и не располагающие финансовыми и кадровыми ресурсами, не в состоянии воспользоваться полнотой коллективных прав. Слабые культурные элиты неспособны к выстраиванию влиятельных организаций и общин для диалога с властью (например, у ашкали и египтян). Территориальная разбросанность препятствует организации общины у греков, чехов и хорватов. Члены общин, проживающие далеко от традиционных центров своих народов, с трудом могут влиять на культурную политику.

Разделение учреждений и мероприятий на «приоритетные» и «неприоритетные» стало объектом критики из-за внесения раздора в культуру меньшинств и губительной политики в отношении школ, организаций, мероприятий, нуждающихся в помощи [7, с. 200]. Передача НСНМ учредительских прав на организации проходила гладко в самоуправлениях, где представители меньшинств участвовали во власти [10, с. 223]. Прозрачность работы НСНМ ограничена частичной недоступностью документов. Монополия НСНМ на управление СМИ нашла выражение в увольнениях редакторов «в интересах общины» (т. е. партии). Во время предвыборных кампаний кандидатами в НСНМ игнорировались темы культуры в пользу отвлечённых политических вопросов. Принятие решений в НСНМ осуществляется по партийным инструкциям, без экспертного обсуждения [7]. Так, НСНМ уполномочены разрабатывать стратегию развития культуры представляемых ими меньшинств. В частности, стратегия культуры венгров была принята НСНМ без публичного обсуждения. Приоритет был отдан организациям, приближённым к партии – Союзу венгров Воеводины, что ставит под вопрос общерегиональный характер стратегии. В жертву этнически спланированной роли искусства приносятся художественная ценность и связи с соседними культурами [7, с. 200, 207].

Выстроенные таким образом культурные системы оказываются не в состоянии противостоять вызову неуклонного сокращения численности меньшинств. Предпосылками должного выполнения функций НСНМ являются деполитизация состава и работы НСНМ, децентрализация процесса принятия решений, применение критерия профессионализма как обязательного условия для выдвижения кандидатуры в НСНМ. Для отражения вмешательства партий в сферу культуры необходима институционализация демографической базы по модели конгресса национального меньшинства, т. е. взятие элитой на себя обязательств перед группой на основании общественного договора.

2. Проблемы сохранения сербской культуры в Косово и Метохии (КиМ)

В рамках европейского культурного наследия подвергающимся наибольшей опасности по праву можно признать сербское культурное наследие в КиМ [11, с. 510]. С 1999 г. в крае разрушено свыше 150 церквей и монастырей, в т. ч. шедевров XIV в. [12, с. 28]. В этот же период политика Сербии в отношении своего косовского наследия ознаменовалась отказом от целостного институционального подхода

в пользу внеинституциональных каналов. Сотрудничество Белграда с властями самопровозглашенной республики Косово шло в обход юридических процедур и Закона о культурном наследии и вразрез с позицией институтов по защите культурного наследия. Тем самым государством фактически негласно признана юрисдикция Приштины в отношении объектов сербского наследия, предвосхищён их будущий статус и созданы риски для долгосрочного сохранения сербской культурной идентичности в КиМ.

Отрицание существования неалбанского культурного наследия в КиМ (в т. ч. попытки объявить сербские монастыри албанским наследием) не встретило соразмерной реакции сербской стороны. Исход сербских институтов власти из Косова в 1999 г. отрицательно сказался на условиях культурной работы в крае. Государственные учреждения в критические годы не отслеживали состояние сербского культурного наследия в КиМ и потому не могли оказать профессиональную помощь малочисленным специалистам, работающим в крае. Культурной работе в КиМ препятствует слабость государственных инициатив по удержанию края в составе сербского культурного поля. Недостаточная медийная поддержка создала риск упрощения современной косовско-сербской культуры в массовом сознании до уровня «фольклора с националистическим налётом, прозябающего в тени грандиозно-мистических достижений средневекового архитектурного гения» [13, с. 9]. В качестве примера отказа сербской культурной элиты от борьбы за Косово характерна позиция председателя Сербской академии наук и искусств Владимира Костица, в разгар конфликта вокруг членства Косова в ЮНЕСКО призывавшего смириться с тем, что Косово «*de facto* и *de jure* утрачено для Сербии» [14].

Коллективная идентичность косовских сербов, сформировавшаяся в послевоенное время, обладает ярко выраженными признаками культуры гетто – замкнутой общины, лишившейся города. Несмотря на то, что вследствие погромов лета 1999 г. и марта 2004 г. край покинули две трети членов Союза писателей, почти в каждой сербской местности и далее проживают деятели искусства. Творчество в гетто изображается как «искусство выживания» в условиях ограниченной свободы передвижения и постоянной угрозы «этнической стихии». При наличии молодых поколений, вырастающих в условиях уникального жизненного опыта, диктуемого послевоенной действительностью, Сербия не воспользовалась шансом направить в косовские анклавы ресурсы, необходимые для образования будущей культурной и национальной элиты.

На практике сербская культура в косовско-сербских анклавах развивается спонтанно, благодаря инициативе индивидов, действующих как в рамках институтов, так и вне их [13, с. 8], в отсутствии стратегической координации со стороны властей. Система культурных учреждений была свёрнута после войны, а организованных попыток вернуть её в край предпринято не было. Союз писателей КиМ (170 членов) свыше десятилетия не располагает отдельным помещением, а издание книг финансируется из личных средств авторов. В Грачанице, Звечане, Зубин-Потоке и Лепосавиче проходят фольклорные, литературные, этнологические мероприятия, выставки живописи. Однако их количество ограничено, а массовые мероприятия краевого масштаба отсутствуют вовсе.

В КиМ налицо тенденция сосредоточения культурной жизни сербов в местностях, являющихся политическими центрами общины. Север Косовской Митровицы является единственной городской средой, где существуют удовлетворительные условия для культурной работы. Выставки живописи, как правило, проводятся в кафе, литературные вечера – в барах, театральные постановки – в университетских аудиториях. Тем временем в сербских анклавах на юге края – Косовском Поморавье, Штрпце, Сириницкой Жупе, Метохии – учреждения культуры отсутствуют. Исключением является Дворец культуры в анклав Грачаницы, реализующий культурные программы, не уступающие учреждениям, работающим за пределами Косова. Спектакли Секции сербской драмы Национального театра за неимением собственного зала проводились в разрушенном Призренском дворце культуры, на лоне природы или во дворах домов. В Дзяковице, Урошевце, Печи прошли спектакли для одного или нескольких зрителей, составляющих всё местное сербское население. Такие постановки воспринимались как возврат к античным истокам театра [13, с. 143]. В 2013 г. театр прекратил существование при отсутствии стратегии развития культуры косовских сербов и поддержки со стороны государства.

Культурная и общественная жизнь сербов в КиМ после войны сосредоточилась вокруг монастырей, воспринимаемых коллективным сознанием в качестве островков свободы [15, с. 214]. Послевоенные невзгоды в среде косовских сербов сопровождаются возрождением церковных обычаев и массовостью традиционных праздников. Исполненные символики самоотожествления с традицией, народные праздники выступают основой сплачивания группы с целью сохранения идентичности и выживания в современной действительности [16, с. 116]. Значение косовских монастырей для сербского самосознания превосходит характер памятника культуры: например, ежедневная литургия в Дечанах не прерывается с XIV в. Охраняемый ЮНЕСКО монастырь Дечаны четырежды подвергался гранатомётным обстрелам.

Воспринимая потенциальный приём Косова в ЮНЕСКО как третий (после войны 1999 г. и погромов марта 2004 г.) удар по сербскому духовному наследию при жизни одного поколения, Сербская Православная Церковь прервала контакты с косовскими властями. На многолетние целенаправленные действия Приштины Сербия реагировала спонтанно, в кризисные моменты. С момента включения ЮНЕСКО четырёх сербских святынь в Список всемирного наследия, находящегося под угрозой (2004–2006 гг.), Сербия упустила возможность юридически закрепить их сербскую принадлежность, уступив инициативу сторонникам переименования сербских монастырей в «наследие Косова» [17, с. 20]. Лишение Сербии права заботиться о своём косовском наследии явилось бы для государства основанием покинуть ЮНЕСКО. До вступления Косова в ЮНЕСКО 9 ноября 2015 г. не хватило лишь трёх голосов.

Осенью 2015 г. процесс учреждения в КиМ Союза сербских общин саботировался протестами оппозиции в Приштине. Косовское публичное пространство остаётся закрытым для поминовения сербских жертв войны и пропавших без вести [15, с. 209–212]. Так, многолетнее отсутствие возможности посещения сербами города Дзяковицы

по церковным праздникам обусловлено отсутствием политической воли со стороны албанской политической элиты.

Заключение

Автономными краями Сербии накоплен ценный опыт поиска институциональных механизмов сохранения этнической идентичности и культурного наследия. Особенно актуально создание условий для сохранения культур, традиций и наследия уязвимых групп, «невидимых» в публичном пространстве и испытывающих трудности при переходе из состояния традиционных этносов на стадию национальных групп, наделённых завершённой системой сохранения и развития культуры. Пример Воеводины свидетельствует о важности внутренних ресурсов малочисленных этносов для успешного функционирования институтов культурной автономии. Необходимым условием является также принцип профессионализма в кадровой политике и при распределении средств. Политизация культуры ограничивает возмож-

ности общественной инициативы, т. к. вместо целостного выражения идентичности группы и наращивания социального капитала происходит возвышение этноэлит, проводящих политическую мобилизацию, меж- и внутриэтническую сегрегацию.

Опыт сербских анклавов в КиМ и судьба их культурного наследия являются наглядным свидетельством того, как даже развитая консociативная система представительства, подкреплённая присутствием внушительного воинского контингента, оказывается неспособной обеспечить соблюдение элементарных прав и свобод в отсутствии политической воли со стороны доминирующего общества. Поддержка 92 государств заявке Косова на членство в ЮНЕСКО свидетельствует о глобальном масштабе проблемы. Все приведённые примеры указывают на необходимость переосмысления применяемых институциональных подходов с учётом степени их эффективности.

Литература

1. Ракезић С. Живот на граници // Време. 26 децембра 2012. № 1199–1200. Режим доступа: <http://vreme.com/cms/view.php?id=1161570> (дата обращения: 09.10.2017).
2. Толвайшис Л. Советы национальных меньшинств как инструмент этнической политики в отношении малочисленных этносов Сербии: опыт, проблемы, перспективы // Малочисленные этносы в пространстве доминирующего общества: практика прикладных исследований и эффективные инструменты этнической политики: сборник научных статей по итогам Всероссийской с международным участием конференции (Кемерово, 17–18 октября 2014) / отв. ред. В. В. Поддубиков. Кемерово: Практика, 2014. С. 162–167.
3. Раич А. Анализа развоја културног система буњевачке националне мањине у периоду 2009–2013 године // Национални савети националних мањина и култура / ур. Д. Радосављевић, Е. Вукашиновић, М. Кежежди. Нови Сад: Завод за културу, Покрајински омбудсман. С. 171–194.
4. Бесермењ С., Марковић С. Културни туризам Војводине у функцији очувања националног идентитета националних мањина // Култура полиса. 2014. № 23. С. 293–305.
5. Лазар Ж. Колективне перцепције улоге и значаја националних савета националних мањина у АП Војводини // Колективна динамика етничких заједница у Војводини / ур. Д. Маринковић, Ж. Лазар, В. Соколовска, Д. Ристић. Нови Сад: Mediterran Publishing, 2010.
6. Tolvaišis L. Hungarian cultural autonomy in Vojvodina from the 1974 Socialist Constitution to the 2009 Statute of Autonomy: path dependence dynamics against the reversal of minority policies // Nationalities Papers, 40, no. 1 (2012): 63–83.
7. Геролд Л. Совет или парламент // Национални савети националних мањина и култура / ур. Д. Радосављевић, Е. Вукашиновић, М. Кежежди. Нови Сад: Завод за културу, Покрајински омбудсман. С. 195–220.
8. Гајић Т. Проблем малих националних савета (Ашкалије, Грци, Немци) // Национални савети националних мањина и култура / ур. Д. Радосављевић, Е. Вукашиновић, М. Кежежди. Нови Сад: Завод за културу Војводине, Покрајински омбудсман АПВ. С. 111–129.
9. Кубичек А. Анализа развоја културног система чешке националне мањине у периоду од 2009–2013. // Национални савети националних мањина и култура / ур. Д. Радосављевић, Е. Вукашиновић, М. Кежежди. Нови Сад: Завод за културу, Покрајински омбудсман. С. 130–145.
10. Серенчеш Ж. Статус културе сугерисан обимом // Национални савети националних мањина и култура / ур. Д. Радосављевић, Е. Вукашиновић, М. Кежежди. Нови Сад: Завод за културу, Покрајински омбудсман. С. 221–227.
11. Јокић Б. В. Статус српског културног наслеђа на Косову и Метохији 1999–2011 // Комуникације, медији, култура: годишњак Факултета за културу и медије. Београд: Мегатренд универзитет, 2012. С. 509–534.
12. Јокић Б. В., Менкович М., Джекић М., Радовановић Д. Мартовский погром 2004–2014: десять лет спустя. Белград: Координационный центр по КиМ, Мнемосине, Музей в Приштини, 2014. 214 с.
13. Ракочевић Ж. Уметност живота. Разговори о Косову и Метохији с почетка 21 века. Приштина-Чаглавица: Српско слово, 2014. 145 с.
14. Председник САНУ: Како достојанствено напустити Косово // Политика. 18 октобра 2015. Режим доступа: <http://politika.rs/sr/clanak/341334/Predsednik-SANU-Kako-dostojanstveno-napustiti-Kosovo> (дата обращения: 09.10.2017).
15. Tolvaišis L. Historical memories of Kosovo Serbs in the post-war period and conflicting Serbian national narratives about Kosovo // Deeds and Days. 2014. № 60. Р. 205–235.
16. Павловић А. Прослава Божића у Северној Косовској Митровици у организацији Српске Православне Цркве // Културно наслеђе Косова и Метохије: историјске тековине Србије на Косову и Метохији и изазови будућности / ур. У. Шуваковић, А. Бујас, В. Шаула, А. Дунђерин. Београд: Канцеларија за КиМ, 2013. Т. 2. С. 107–134.
17. Николетић Д. Мрежа храмова гушћа него на Тибету // НИН. 2015. № 3381. С. 19–21.

PRESERVING CULTURAL HERITAGE OF PEOPLES IN SERBIA'S AUTONOMOUS PROVINCES. THE INSTITUTIONAL ASPECT

Leonas Tolvaišis^{1, 2, @}

¹ Educons University, 53, Narodnog fronta St., Novi-Sad, Serbia, 21000

² Yeltsin Ural Federal University, 16, Kominterna St., Ekaterinburg, Russia, 620078

@ leonas.tolvaisis@fepps.edu.rs

Received 04.10.2017. Accepted 07.11.2017.

Keywords: cultural heritage preservation, Serbia's ethnic minorities, cultural autonomy, Vojvodina, Kosovo and Metohija.

Abstract: The paper deals with the matter of preserving the traditional cultures of ethnic and national groups within the institutional frameworks of Serbia's autonomous provinces of Vojvodina, Kosovo and Metohija. It analyses the experience of cultural autonomy institutions in the sphere of cultural policy, practical impact of institutional solutions on modern forms of preserving ethnic traditions. A particular attention is given to the preservation of cultures of vulnerable groups that lack resources for transition from the stage of traditional ethnic groups to a complete system of preservation and development of national culture. Drawing the example of institutions of cultural autonomy of national minorities in Vojvodina, the article shows the importance of internal resources of small ethnic groups, principle of professionalism in human resources policy and in allocation of funds, as well as of depoliticisation of culture as a prerequisite for expanding possibilities for public initiative, holistic expression of group identity, building social capital and preventing the rise of ethnic elites that conduct political mobilisation, interethnic and intraethnic segregation. The experience of Serbian enclaves of Kosovo and Metohija and their cultural heritage shows that absence of political will is an insurmountable obstacle for observing basic rights and freedoms of a national group that makes up a demographic minority, even in a developed consociational system of representation, backed by an imposing presence of international military troops.

For citation: Tolvaišis L. Sokhranenie kul'turnogo nasledii narodov avtonomnykh kraev Serbii. Institutsional'nyi aspekt [Preserving Cultural Heritage of Peoples in Serbia's Autonomous Provinces. The Institutional Aspect]. *Bulletin of Kemerovo State University*, no. 4 (2017): 111–116. DOI:10.21603/2078-8975-2017-4-111-116.

References

1. Rakezich S. Zhivot na granitsi [Life on the frontier]. *Vreme = Time*, no. 1199–1200 (26 December 2012). Available at: <http://vreme.com/cms/view.php?id=1161570> (accessed 09.10.2017).
2. Tolvaishis L. Sovety natsional'nykh men'shinstv kak instrument etnicheskoi politiki v otnoshenii malochislennykh etnosov Serbii: opyt, problemy, perspektivy [Councils of national minorities as an instrument of ethnic policy towards small ethnic groups in Serbia: experience, problems and perspectives]. *Malochislennyye etnosy v prostranstve dominiruiushchego obshchestva: praktika prikladnykh issledovaniy i effektivnye instrumenty etnicheskoi politiki: sbornik nauchnykh statei po itogam Vserossiiskoi s mezhdunarodnym uchastiem konferentsii (Kemerovo, 17–18 oktiabريا 2014)* [Small ethnic groups in the space of the dominant society: the practice of applied research and effective tools of ethnic policy: Proc. Russian Sc.-Prac. Conf. (October 17–18 2014)]. Ed. Poddubikov V. V. Kemerovo: Praktika, 2014, 162–167.
3. Raich A. Analiza razvoja kulturnog sistema bujevacke natsionalne manjine u periodu 2009–2013 godine [Analysis of the development of the cultural system of the Bunjevci national minority in the period of 2009–2013]. *Natsionalni saveti natsionalnih manjina i kultura* [National councils of national minorities and culture]. Ed. Radosavljević D., Vukashinović E., Kevezdi M. Novi Sad: Zavod za kulturu, Pokrajinski ombudsman, 171–194.
4. Besermenii S., Markovich S. Kulturni turizam Voivodine u funkciji ochuvania natsionalnog identiteta natsionalnih manjina [Cultural tourism of Vojvodina in the function of preserving the national identity of national minorities]. *Kultura Polisa = Culture of Polis*, no. 23 (2014): 293–305.
5. Lazar Z. Kolektivne pertseptsii uloge i znachaija natsionalnih saveta natsionalnih manjina u AP Voivodini [Collective perceptions of the role and importance of national councils of national minorities in AP Vojvodina]. *Kolektivna dinamika etnichkikh zaednitca u Voivodini* [Collective dynamics of ethnic communities in Vojvodina]. Ed. Marinkovich D., Lazar Z., Sokolovska V., Ristic D. Novi Sad: Mediterran Publishing, 2010.
6. Tolvaishis L. Hungarian cultural autonomy in Vojvodina from the 1974 Socialist Constitution to the 2009 Statute of Autonomy: path dependence dynamics against the reversal of minority policies. *Nationalities Papers*, 40, no. 1 (2012): 63–83.
7. Gerold D. Savet ili parlament [Council or parliament]. *Natsionalni saveti natsionalnih manjina i kultura* [National councils of national minorities and culture]. Ed. Radosavljević D., Vukashinović E., Kevezdi M. Novi Sad: Zavod za kulturu, Pokrajinski ombudsman, 195–220.

8. Gajich T. Problem malih nacionalnih saveta (Ashkaliie, Grci, Nemci) [The problem of small national councils (Ashkali, Greeks and Germans)]. *Natsionalni saveti natsionalnikh maniina i kultura* [National councils of national minorities and culture]. Ed. Radosavlievich D., Vukashinovich E., Kevezdi M. Novi Sad: Zavod za kulturu, Pokraiinski ombudsman, 195–220.
9. Kubichek A. Analiza razvoja kulturnog sistema cheshke natsionalne maniine u periodu od 2009–2013. [Analysis of the development of the cultural system of the Czech national minority in the period 2009–2013]. *Natsionalni saveti natsionalnikh maniina i kultura* [National councils of national minorities and culture]. Ed. Radosavlievich D., Vukashinovich E., Kevezdi M. Novi Sad: Zavod za kulturu, Pokraiinski ombudsman, 130–145.
10. Serenchesh Z. Status kulture sugerisan obimom [Status of culture as suggested by its scope]. *Natsionalni saveti natsionalnikh maniina i kultura* [National councils of national minorities and culture]. Ed. Radosavlievich D., Vukashinovich E., Kevezdi M. Novi Sad: Zavod za kulturu, Pokraiinski ombudsman, 221–227.
11. Jokich B. V. Status srpskog kulturnog nasleđa na Kosovu i Metohiji 1999–2011 [The status of the Serbian cultural heritage in Kosovo and Metohija in 1999–2011]. *Komunikatsiie, mediii, kultura: godishniak Fakulteta za kulturu i mediiie* [Communications, media and culture: Yearbook of the Faculty of Culture and Media]. Beograd: Megatrend univerzitet, 2002, 509–534.
12. Iokich B. V., Menkovich M., Dzhekich M., Radovanovich D. *Martovskii pogrom 2004–2014: desiat' let spustia* [The March pogrom of 2004–2014: ten years later]. Belgrad: Koordinatsionnyi tsentr po KiM, Mnemosine, Muzei v Prishtine, 2014, 214.
13. Rakochevich Z. *Umetnost zivota. Razgovori o Kosovu i Metohiji s pochetka 21 veka* [The art of life. Talks on Kosovo and Metohija from the beginning of the 21st century]. Prishtina-Chaglavica: Srpsko slovo, 2014, 145.
14. Predsednik SANU: Kako dostojanstveno napustiti Kosovo [President of the Serbian Academy of Sciences and Arts: How to leave Kosovo with dignity]. *Politika = Politics*, 18 October 2015. Available at: <http://politika.rs/sr/clanak/341334/Predsednik-SANU-Kako-dostojanstveno-napustiti-Kosovo> (accessed 09.10.2017).
15. Tolvaishis L. Historical memories of Kosovo Serbs in the post-war period and conflicting Serbian national narratives about Kosovo. *Deeds and Days*, no. 60 (2014): 205–235.
16. Pavlovich A. Proslava Bozicha u Severnoi Kosovskoi Mitrovitsi u organizatsiii Srpske Pravoslavne Crkve [Christmas celebration in North Kosovska Mitrovica organized by the Serbian Orthodox Church]. *Kulturno nasleđe Kosova i Metohiie: istorijske tekovine Srbije na Kosovu i Metohiji i izazovi budućnosti* [Cultural Heritage of Kosovo and Metohija the historical achievements of Serbia in Kosovo and Metohija and the challenges of the future]. Ed. Shuvakovich U., Buias A., Shaula V., Dunderin A. Beograd: Kancelariia za KiM, vol. 2 (2013): 107–134.
17. Nikoletich D. Mreza hramova gushcha nego na Tibetu [A network of temples denser than in Tibet]. *NIN = NIN*, no. 3381 (2015): 19–21.

УДК 159.9

СТРУКТУРА АДАПТАЦИОННОГО ПОТЕНЦИАЛА ОДАРЕННЫХ ПОДРОСТКОВ**Ольга О. Андронникова^{1, @1}, Юлия М. Перевозкина^{1, @2}, Наталья В. Дмитриева^{2, @3}, Надежда А. Щукина^{3, @4}**¹ Новосибирский государственный педагогический университет, Россия, 630126, г. Новосибирск, ул. Виллюйская, 28² Санкт-Петербургский государственный институт психологии и социальной работы, Россия, 199178, Санкт-Петербург, Васильевский остров, 12-ая линия, 13 «А»³ Развлекательный центр «Нафания», Россия, 630126, г. Новосибирск, ул. Выборная, 89/8, офис 5@¹ andronnikova_69@mail.ru@² per@bk.ru@³ dnv2@mail.ru@⁴ Nadechka10.95@mail.ru*Поступила в редакцию 27.09.2017. Принята к печати 14.11.2017.*

Ключевые слова: адаптация, адаптационный потенциал, одаренность, подростки, структура, факторный анализ.

Аннотация: В статье отражены основные подходы к проблеме адаптационного потенциала. Раскрываются суть и содержание адаптационного потенциала современной психологии. Анализируются структурные компоненты адаптационного потенциала, включающие нервно-психическую устойчивость, самооценку, коммуникативность, психическую регуляцию и др. Описываются особенности адаптации одаренных подростков и структура адаптационного потенциала одаренного подростка, которая представлена в виде многоуровневой системы. Выдвигается предположение о том, что в структуру адаптационного потенциала одаренных подростков входят эмоциональный, рефлексивный, волевой и поведенческий компоненты. В качестве испытуемых выступили одаренные подростки в возрасте 12–15 лет, обучающиеся в специализированных классах (инженерных) в количестве 56 человек, среди которых было 26 мальчиков и 30 девочек. Приводятся данные факторного анализа методом главных компонент с вращением «варимакс нормализованное», демонстрирующие, что структура адаптационного потенциала одаренных подростков включает пять факторов, объясняющих 57,02 % общей изменчивости. Анализируются результаты факторного анализа, позволяющие авторам прийти к выводу, что адаптационный потенциал одаренных подростков включает в себя пять компонент: 1 и 2 компоненты отражают эмоциональный компонент – способность понимать и выражать свои чувства и чувства других; 3 – рефлексивный компонент – способность к внутреннему анализу своих действий и поступков; 4 – поведенческий компонент – склонность реагировать определенным образом на ту или иную ситуацию; 5 – волевой компонент – возможность регулировать свое эмоциональное поведение в нестандартных ситуациях.

Для цитирования: Андронникова О. О., Перевозкина Ю. М., Дмитриева Н. В., Щукина Н. А. Структура адаптационного потенциала одаренных подростков // Вестник Кемеровского государственного университета. 2017. № 4. С. 117–124. DOI:10.21603/2078-8975-2017-4-117-124.

Введение

В связи с глобальными социально-экономическими изменениями в обществе остро встает проблема адаптации личности. Это обусловлено тем, что социальная среда предъявляет завышенные требования к адаптационным возможностям человека.

В подростковом возрасте эта проблема становится особенно актуальной, потому что именно в этот период происходит становление личности. Ученые, исследующие особенности адаптации в подростковом возрасте, пришли к выводу о том, что вследствие воздействий различных социальных факторов адаптационный потенциал резко снижается. К основным факторам можно отнести: проблемы семейного воспитания, низкое состояние здоровья, а также одаренность, которая выступает фактором, затрудняющим адаптацию подростка.

Проблема исследования

Представление об адаптационном потенциале берет свои истоки от концепции адаптации, рассматривающей ее не только как индивидуальное, но и как личностное свойство [1]. Рассматривая человека в адаптационной парадигме [2], необходимо отметить многогранность и многофакторность структуры адаптационного потенциала.

Впервые представление об адаптационном потенциале было сформулировано Г. Селье, который предложил различать потенциал как «поверхностный» и «глубинный». «Поверхностный» адаптационный потенциал расходуется под воздействием среды, он доступен сразу по первому требованию [3]. «Глубинный» – это сбалансированный расход адаптационного резерва. По мнению Г. Селье, результатом значительного уменьшения адаптационного потенциала являются «болезни адаптации», такие как: гипертоническая и язвенная болезнь, болезни сердечно-сосудистой системы,

ревматические заболевания, психические заболевания, например шизофрения.

Н. Л. Коновалова рассматривает адаптационный потенциал как единую личностную характеристику психического здоровья [4]. Автор предлагает ряд критериев, позволяющих говорить о психическом здоровье: уровень психического развития, личностные особенности, система отношений, позиция личности по отношению к проблеме. Продолжая анализ исследований по адаптивному потенциалу, можно отметить работу А. Г. Маклакова, который выделяет ряд характеристик, снижающих адаптационный потенциал личности [1].

- Физиологические – нервно-психическая неустойчивость, низкая работоспособность, быстрая утомляемость, расположение к нервно-психическим срывам.

- Социальные – нарушение социальных норм поведения, негативное отношение со стороны окружающих, отсутствие поддержки, осознание собственной ненужности, сложности в коммуникации.

- Психологические – повышенная эмоциональность, высокий уровень тревожности и агрессивности, акцентуации характера, личностные расстройства, неадекватная самооценка, отсутствие жизненных перспектив, потеря интереса к жизни.

Таким образом, чем менее выражены все эти характеристики, тем выше вероятность успешной адаптации субъекта. В исследованиях Ю. М. Перевозкиной с соавторами было показано, что процесс социализации подростков предполагает четыре типа социализации, два из которых – успешные, а два нет [5]. Успешная социализация обеспечивается глубинными ролевыми детерминантами (отец, герой), организаторскими способностями, потребностью достигать успеха как в деятельности, так и во взаимоотношениях, сниженной тревожностью, уверенностью в себе и оптимальным сочетанием индивидуальной и коллективистской деятельности.

С точки зрения С. Т. Посоховой, адаптационный потенциал включает в себя следующие структурные компоненты:

1. Биопластический компонент – отражает эволюционно закрепленные инстинктивные формы жизнедеятельности человека и его ресурсы, влияющие на здоровье, работоспособность и либеральность к отрицательным воздействиям окружающей среды.

2. Биографический компонент – опыт противодействия отрицательным воздействиям, накопленный в семье и передаваемый в результате взаимодействия ребенка с родителем.

3. Психический компонент – реальные возможности личности, которые позволяют налаживать отношения с самим собой и с окружающей средой. Психический компонент содержит в себе мотивационные, речевые, креативные, темпераментные, интеллектуальные образования.

4. Личностно-регуляторный компонент – благодаря этому компоненту осуществляется достижение нужного уровня адаптированности, он позволяет противостоять трудным ситуациям, актуализировать защитные механизмы для сохранения личной ценности [6].

Рассматривая адаптационный потенциал, нам кажется корректным описать его как интегративное свойство личности, которое будет выражаться в комплексе проявлений: в отношении к миру, убеждениях, установках, системе знаний и способах решения проблем. Так, А. М. Богомолов [7] рассматривает адаптационный потенциал как способность

под действием внешних факторов претерпевать уровневые и структурные изменения. Как интегральную переменную, ответственную за эффективную психическую адаптацию, рассматривает адаптационный потенциал Л. Э. Кузнецова [8]. Важно отметить, что именно адаптационный потенциал, действуя на разных уровнях организации личности, отвечает за включение специфических ресурсов, увеличивающих устойчивость личности в стрессовой и кризисной ситуации.

В связи с вышесказанным можно сделать выводы о том, что во всех перечисленных подходах об адаптационном потенциале общим является изучение его как ресурса, проявляемого личностью в социуме. При этом чем более выражены характеристики, такие как нервно-психическая устойчивость, адекватная самооценка, коммуникативность, регуляция, тем будет больше вероятность успешной адаптации человека с окружающей средой.

Обращаясь к проблеме адаптации одаренных подростков, необходимо отметить, что у одаренных подростков происходит становление личности несколько иначе, чем у обычных подростков. Существует небольшое количество исследований, говорящих о том, что творческие люди в современном обществе более адаптированы, однако множество исследователей заявляют о низкой адаптированности одаренных людей. Пройти социальный и психологический путь развития им удастся намного сложнее. По мнению Д. В. Ушакова, одаренность – это обладание наивысшими способностями в сочетании с выраженной познавательной активностью, которые проявляются на протяжении всей жизни [9].

В работе Ю. М. Перевозкиной с соавторами было доказано, что одаренные подростки с импозо-ролевой идентичностью к образам с негативными иррациональными характеристиками имеют низкую социальную одаренность с оттенками деструктивного лидерства, что свидетельствует о затрудненной социально-психологической интеграции. Тогда как одаренные подростки с выраженными ролевыми импозитами деви и героя характеризуются высокой социальной одаренностью. Подростки обоих полов с импозитом героя сочетают в себе успешную социальную интеграцию в группе. У девочек с выраженной идентичностью к импозиту преобладают эмпатические и творческие способности при высокой социальной одаренности [10].

Исследуя проблему адаптации одаренных подростков, ученые пришли к выводу, что адаптационные возможности у них резко снижаются из-за воздействия многочисленных факторов. К основным факторам можно отнести низкий уровень здоровья, проблемы в семье, высокую загруженность школьной программой [11]. Исследования одаренных подростков с высоким уровнем креативности, проводимые Е. Л. Барышниковой показали, что у таких детей наблюдается повышенная тревожность, страх смерти, которые приводят к дезадаптации личности [12].

Т. В. Батухтина на основе представлений о сущности адаптационного потенциала личности таких авторов, как С. Т. Посохова и А. Г. Маклаков, предлагает свою структуру [13]. По мнению автора, адаптационный потенциал одаренного подростка представлен в виде многоуровневой системы, которая включает в себя следующие компоненты:

- здоровье (соматическое благополучие) – энергетические ресурсы личности, влияющие на уровень здоровья, физическую работоспособность и толерантность к неблагоприятным факторам внешней среды;

- эмоциональный компонент – способность понимать и адекватно выражать свои чувства, понимать и признавать чувства других;

- креативный компонент (творческая продуктивность) позволяет изменять окружающий мир, создавать новые интересные идеи и объекты;

- мотивационный компонент – успешность в деятельности, мотивация достижения и избегания неудач, способность ставить цели и достигать их;

- социально-психологический компонент – способность оптимально адаптироваться к социальным условиям, проявляется в стремлении постоянно повышать уровень компетентности и поддерживать отношения с окружающими;

- рефлексивный компонент – собственная и независимая система эталонов самооценивания и самоотношения, обеспечивающая психологическое благополучие.

В целом можно отметить, что все компоненты адаптационного потенциала проявляются в процессе взаимодействия с окружающей средой, отношений со сверстниками в школе или в кругу друзей, также во взаимоотношениях в семье, именно в процессе интеракции одаренного подростка со средой и возможности адаптационного потенциала. В этой связи становится важным исследование структуры адаптационного потенциала одаренных подростков.

Методы и методики исследования

Целью настоящего исследования является выявление структуры адаптационного потенциала одаренных подростков. Нами на основе теоретического анализа было выдвинуто предположение, что в структуру адаптационного потенциала одаренных подростков входят эмоциональный, рефлексивный, волевой и поведенческий компоненты.

Для определения структуры адаптационного потенциала были использованы следующие методики: методика определения нервно-психической устойчивости (Д. Я. Райгородский), методика диагностики социально-психологической адаптации (К. Роджерс и Р. Даймонд), методика «Стиль поведения в конфликтной ситуации» (К. Томас), методика «Диагностика уровня эмпатии» (И. М. Юсупов) [14].

Исследование проводилось на базе МБОУ СОШ № 165 города Новосибирск. Эмпирическую выборку составили одаренные подростки в возрасте 12–15 лет (7–8 класс), обучающиеся в специализированных классах (инженерных) в количестве 56 человек, среди которых было 26 мальчиков и 30 девочек.

Математическая обработка полученных данных проводилась с помощью компьютерной программы STATISTICA 10.0. Для изучения адаптационного потенциала одаренных подростков был использован факторный анализ методом главных компонент с вращением «варимакс нормализованное».

Результаты исследования и их обсуждение

В процессе факторного анализа было извлечено пять факторов с собственными значениями больше единицы и объясняющих 57,02 % общей изменчивости (табл.).

Первый фактор имеет максимальные положительные нагрузки по четырем признакам: принятие других (0,79); адаптация (0,69); эмоциональная комфортность (0,69); эмпатия со стариками (-0,59), которые выражают адаптацию к эмоциональному воздействию.

На положительном полюсе данного фактора сосредоточена совокупность таких характеристик, как способность устанавливать хорошие отношения с окружающими людьми, умеренная терпимость к слабостям и недостаткам, приспособление к нестандартным обстоятельствам, склонность открыто выражать свои чувства и эмоции. Это позволяет предположить, что одаренным подросткам характерно редкое переживание негативных эмоций и высокая самооценка. Отрицательный полюс включает в себя низкое эмоциональное сопереживание к престарелому возрасту, сложность в установлении контакта с ними, сниженную адаптацию и эмоциональный дискомфорт.

Во *второй фактор*, который охватывает 14,02 % общей изменчивости, вошли с положительным вкладом такие показатели, как эмпатия с незнакомыми людьми (0,78); эмпатия с героями художественных произведений (0,77); эмпатия с детьми (0,69); сотрудничество (0,57).

С нашей точки зрения, данный фактор отражает то, что на положительном полюсе одаренные подростки склонны достаточно отчетливо осознавать и выражать свои чувства и эмоции. У них есть высокая способность к сопереживанию и сочувствию, проявляются следующие качества: ответственность, сердечность, чуткость, – такие подростки ориентированы на позитивное взаимодействие с окружающими, адекватно ценят другие мнения при общении с социумом, что является ресурсом адаптации на эмоциональном уровне. Поэтому фактор был назван «эмпатия в сотрудничестве».

Сопоставляя эти данные с гипотезой, можно обозначить, что выдвинутый эмоциональный компонент разбивается на первый и второй факторы. Это соответствует теории А. Г. Шмелева о личностном пространстве или семантическом поле, имеющем два вида: сцепление и дифференциация. Такие трансформации, по мнению автора, могут быть обусловлены психоэмоциональным состоянием, актуальной потребностью и прошлым опытом субъекта [14].

Третий фактор интерпретируется посредством двух признаков с отрицательными нагрузками и одним признаком с положительным полюсом: соперничество (0,90); избегание (-0,67); приспособление (-0,69).

Положительный полюс третьего фактора определяет возможность саморегуляции, высокой оценки личностных интересов, проявление самостоятельности в принятии выбора какого-либо решения в конфликтных ситуациях, умение управлять своим поведением и отвечать за свои поступки, уверенность в своих возможностях. Отрицательный полюс включает в себя низкую ориентированность на собственные интересы в пользу интересов общества, отсутствие стремления к достижению цели, это обусловлено стремлением подростка избегать тех ситуаций, в которых предполагается соревновательный вид деятельности. В связи с этим фактор был назван «Поведение в конфликте».

В *четвертый фактор* входят три переменные: контроль внутренний и внешний (0,65), самовосприятие (0,63), стремление к доминированию (-0,61) – и охватывает 9,06 % общей изменчивости. Это свидетельствует о том, что на положительном полюсе одаренные подростки уверены в себе, ответственны за собственную жизнь и свои решения, способны к самоорганизации и рефлексии, ориентируются в собственном внутреннем мире, стремятся к саморазвитию. Можно отметить, что рефлексия является одним из важнейших механизмов успешной адаптации одаренного

подростка, неотъемлемой частью адаптационного потенциала. На отрицательном полюсе располагаются высокая склонность приписывать свои неудачи к внешним факторам, низкая рефлексия, желание поучать и воспитывать окружающих. В связи с этим данный фактор был обозначен как «Ответственность самовосприятия».

Пятый фактор образовали переменные, отражающие волевой аспект личности: эмпатия с родителями (0,59); эмпатия с животными (0,56); нервно-психическая напряженность (-0,60); компромисс (-0,68).

Нервно-психическая устойчивость понимается как способность регулирования взаимоотношений личности со

Таблица. Факторные нагрузки по пяти компонентам адаптационного потенциала одаренных подростков
Table. Factor loads for the five components of the adaptive potential of gifted adolescents

Признаки	Факторы				
	Адаптация к эмоциональному взаимодействию	Эмпатия в сотрудничестве	Поведение в конфликте	Ответственность самовосприятия	Волевой компонент в межличностном взаимодействии
Эмпатия с родителями	0,02	0,20	-0,02	-0,23	0,59
Эмпатия с животными	-0,30	0,40	-0,06	0,33	0,56
Эмпатия со стариками	-0,59	0,13	0,15	0,37	0,30
Эмпатия с детьми	0,13	0,69	0,06	0,04	0,11
Эмпатия с героями художественных произведений	-0,21	0,77	-0,07	-0,07	-0,04
Эмпатия с незнакомыми людьми	0,28	0,78	0,19	-0,04	-0,16
Адаптация	0,69	0,07	0,09	0,05	-0,03
Самовосприятие	0,14	0,03	-0,20	0,63	-0,14
Принятие других	0,79	-0,05	0,23	0,10	0,20
Эмоциональная комфортность	0,69	0,15	-0,04	0,23	0,02
Контроль: внутренний/внешний	0,26	-0,12	0,23	0,65	0,16
Стремление к доминированию	0,05	0,09	0,10	-0,61	0,18
Нервно-психическая устойчивость	0,11	-0,24	-0,32	0,07	-0,60
Соперничество	0,11	-0,21	0,90	0,01	0,00
Сотрудничество	0,00	0,57	-0,22	-0,14	0,23
Компромисс	-0,11	0,20	0,18	0,02	-0,68
Избегание	-0,21	0,01	-0,67	0,27	-0,02
Приспособление	0,10	-0,23	-0,69	-0,10	0,40
Собственные значения	2,68	2,52	1,94	1,63	1,48
Дисперсия по факторам	14,91	14,02	10,79	9,06	8,23
Дисперсия общая	57,02				

Прим.: жирным шрифтом отмечены факторные нагрузки свыше 0,5.

средой, осуществляемая в единстве энергетических, динамических и содержательно-смысловых аспектах.

По данным результатам можно отметить, что на положительном полюсе у испытуемых наблюдается низкая нервно-психическая устойчивость, которая характеризуется тревожностью и беспокойством в напряженной ситуации при высоком эмоциональном сопереживании к близкому

окружению и животным, тогда как отрицательный полюс свидетельствует об обратной тенденции – при невысокой эмпатии одаренные подростки проявляют стойкость и уверенность в стрессовых, проблематических ситуациях, в которых учитываются интересы каждой стороны.

Это позволяет считать, что данный фактор отражает волевой компонент адаптационного потенциала, тем самым

Рис. Структура адаптационного потенциала одаренных подростков
Fig. The structure of the adaptive potential of gifted adolescents

можно назвать его «Волевой компонент в межличностном взаимодействии».

Изображенные на рисунке компоненты адаптационного потенциала одаренных подростков наглядно отражают содержательную составляющую выделенных компонентов в процессе факторного анализа.

Выводы

Анализ изучения адаптационного потенциала личности показал, что он выступает как интегральное образование, являясь индивидуальным личностным свойством человека. Он актуализируется в процессе преодоления нестандартной, критической ситуации.

Адаптационный потенциал одаренных подростков имеет ряд своих особенностей, которые обусловлены как объективными, так и субъективными причинами. С одной стороны, это неадаптивность одаренного подростка, с другой

стороны, негативное отношение социума к нему. Чаще всего у одаренных подростков наблюдается высокая тревожность, ранимость, резкая чувствительность к критике, а также важным фактором, затрудняющим адаптацию, является негативное отношение к одаренному подростку его сверстников.

Адаптационный потенциал одаренных подростков включает в себя пять компонент: 1 и 2 компоненты отражают эмоциональный компонент – способность понимать и выражать свои чувства, понимать и признавать чувства других; 3 – рефлексивный компонент – способность к саморазвитию, к внутреннему анализу своих действий и поступков; 4 – поведенческий компонент – склонность реагировать определенным образом на ту или иную ситуацию; 5 – волевой компонент – возможность регулировать свое эмоциональное поведение в нестандартных ситуациях.

Литература

1. Маклаков А. Г. Личностный адаптационный потенциал: его мобилизация и прогнозирование в экстремальных условиях // Психологический журнал. Т. 22. № 1. 2001. С. 16–24.
2. Яницкий М. С., Портнова А. Г., Богомолов А. М. Адаптационная парадигма в постнеклассической методологии психологических исследований развития личности // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2013. № 2. С. 19–26.
3. Селье Г. Стресс без дистресса. М: Прогресс, 1982. 128 с.
4. Коновалова Н. Л. Предупреждение нарушений в развитии личности при психологическом сопровождении школьников. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2000. 232 с.
5. Перевозкина Ю. М., Дмитриева Н. В., Перевозкин С. Б. Импазо-ролевое прогнозирование особенностей социализации в коммуникативной сфере подростков // СМАЛЬТА. 2015. № 4. С. 39–46.
6. Посохова С. Т. Личностная регуляция адаптации в изменяющейся социальной среде // Психологические проблемы самореализации личности / под ред. Г. С. Никифорова, Л. А. Коростылевой. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2001. С. 111–121.
7. Богомолов А. М. Личностный адаптационный потенциал в контексте системного анализа // Психологическая наука и образование. 2008. № 1. С. 67–73.
8. Кузнецова Л. Э. Влияние системы отношений личности на адаптационный потенциал сотрудников милиции, переживших экстремальные ситуации: дис. ... канд. психол. наук. Краснодарский гос. ун-т, Краснодар, 2011. 222 с.
9. Ушаков Д. В. Психология одаренности и проблема субъекта // Проблема субъекта в психологической науке. М.: Академический проект, 2000. С. 212–226.
10. Перевозкина Ю. М., Павлова Т. Л., Маврина И. А., Прюс Ф. Взаимосвязь ролевых импозитов и социальной одаренности учащихся // Актуальные проблемы психологии и педагогики: диагностика, превенция, коррекция: материалы научно-практической заочной конференции с международным участием: в 2-х ч. Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2016. Ч. 1. С. 36–45.
11. Симаева И. Н. Психология адаптации субъекта к изменениям жизнедеятельности. Калининград: РГУ им. И. Канта, 2005. 315 с.
12. Барышникова Е. Л. Наблюдение корреляции эмоциональных состояний и креативности в процессе обучения младших школьников // Развитие теории дошкольного образования. Психолого-педагогические аспекты: материалы научно-практической конференции. Москва, 1998. С. 29–31.
13. Батухтина Т. В. Структура адаптационного потенциала художественно одаренной личности. дис. ... канд. психол. наук. Рос. гос. пед. ун-т им. А. И. Герцена. СПб., 2009. 270 с.
14. Шмелев А. Г. Психодиагностика личностных черт. СПб.: Речь, 2002. 480 с.

ADAPTATION POTENTIAL STRUCTURE IN GIFTED ADOLESCENTS

Olga O. Andronnikova^{1, @1}, Yulia M. Perevozkina^{1, @2}, Natalia V. Dmitrieva^{2, @3}, Nadezhda A. Shchukina^{3, @4}¹ Novosibirsk State Pedagogical University, 28, Vilyuyskaya St., Novosibirsk, Russia, 630126² St. Petersburg State Institute of Psychology and Social Work, 13 «A», Vasilevskiy Ostrov, 12-aia liniya, Saint-Petersburg, Russia, 199178³ Entertaining center «Nafanya», office 5, 89/8, Vybynaya St., Novosibirsk, Russia, 630126@¹ andronnikova_69@mail.ru@² per@bk.ru@³ dnv2@mail.ru@⁴ Nadechka10.95@mail.ru

Received 27.09.2017. Accepted 14.11.2017.

Keywords: adaptation, adaptive potential, giftedness, adolescents, structure, factor analysis.

Abstract: The article reflects the main approaches to the problem of adaptive potential. It featured the essence and content of the adaptive potential of modern psychology and analyzes the structural components of the adaptation potential, including neuropsychic stability, self-esteem, communicativity, psychic regulation, etc. The paper describes the features of adaptation of gifted adolescents and the structure of the adaptive potential, which is represented as a multi-level system. It is suggested that the structure of the adaptive potential of gifted adolescents includes emotional, reflexive, volitional and behavioral components. The test subjects were gifted adolescents aged 12–15, studying in specialized classes (engineering). The group included 56 people, 26 boys and 20 girls. The article describes the data of factor analysis by the method of principal components with rotation «varimax normalized». The analysis has demonstrated that the structure of the adaptive potential of gifted adolescents includes five factors explaining 57.02 % of the total variability. The results of factor analysis allow the authors to come to the conclusion that the adaptive potential of gifted adolescents includes five components: 1 and 2 components reflect the emotional component, i.e. the ability to understand how to express your feelings and feelings of others; 3 – reflexive component, i.e. ability to internal analysis of their actions and actions; 4 – behavioral component, i.e. propensity to react in a certain way to a particular situation; 5 – strong-willed component, i.e. ability to regulate one's emotional behavior in unusual situations.

For citation: Andronnikova O. O., Perevozkina Iu. M., Dmitrieva N. V., Shchukina N. A. Struktura adaptatsionnogo potentsiala odarennykh podrostkov [Adaptation Potential Structure in Gifted Adolescents]. *Bulletin of Kemerovo State University*, no. 4 (2017): 117–124. DOI:10.21603/2078-8975-2017-4-117-124.

References

1. Maklakov A. G. Lichnostnyi adaptatsionnyi potentsial: ego mobilizatsiia i prognozirovanie v ekstremal'nykh usloviakh [Personal adaptation potential: its mobilization and forecasting in extreme conditions]. *Psikhologicheskii zhurnal = Psychological journal*, 22, no. 1 (2001): 16–24.
2. Yanitsky M. S., Portnova A. G., Bogomolov A. M. Adaptatsionnaia paradigma v postneklassicheskoi metodologii psikhologicheskikh issledovani razvitiia lichnosti [Adaptive paradigm in post-non-classical methodology of psychological research of personality development]. *Sotsialnye i gumanitarnye nauki na Dal'nem Vostoke = The Humanities And Social Studies in the Far East*, no. 2 (2013): 19–26.
3. Selye H. *Stress bez distressa* [Stress without distress]. Moscow: Progress, 1982, 128.
4. Konovalova N. L. *Preduprezhdenie narushenii v razvitiu lichnosti pri psikhologicheskom soprovozhdenii shkol'nikov* [Prevention of violations in the development of personality in the psychological accompaniment of schoolchildren]. Saint-Petersburg: Izd-vo S.-Peterb. un-ta, 2000, 232.
5. Perevozkina Iu. M., Dmitrieva N. V., Perevozkin S. B. Impazo-rolevoe prognozirovanie osobennostei sotsializatsii v kommunikativnoi sfere podrostkov [The impazo-role forecasting of the features of socialization in the communicative sphere of adolescents]. *SMAL'TA = SMALTA*, no. 4 (2015): 39–46.
6. Posokhova S. T. Lichnostnaia reguliatsiia adaptatsii v izmeniaiushcheisia sotsial'noi sfere [Personal regulation of adaptation in a changing social environment]. *Psikhologicheskie problemy samorealizatsii lichnosti* [Psychological problems of self-realization of personality]. Ed. Nikiforov G. S., Korostyleva L. A. Saint-Petersburg: Izd-vo SPbGU, 2001, 111–121.
7. Bogomolov A. M. Lichnostnyi adaptatsionnyi potentsial v kontekste sistemnogo analiza [Personal adaptive capacity in the context of system analysis]. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie = Psychological Science and Education*, no. 1 (2008): 67–73.
8. Kuznetsova L. E. *Vliianie sistemy otnoshenii lichnosti na adaptatsionnyi potentsial sotrudnikov militsii, perezvivshikh ekstremal'nye situatsii*. Diss. kand. psikhol. nauk [Influence of the system of personal relations on the adaptation potential of police officers who survived extreme situations. Cand. psychol. Sci. Diss.]. Krasnodar State. Univ. Krasnodar, 2011, 222.

9. Ushakov D. V. *Psikhologiya odarennosti i problema sub'ekta* [Psychology of giftedness and the subject's problem]. *Problema sub'ekta v psikhologicheskoi nauke* [The problem of the subject in psychological science]. Moscow: Akademicheskii proekt, 2000, 212–226.

10. Perevozkina Iu. M., Pavlova T. L., Mavrina I. A., Prius F. *Vzaimosvyez' rolevykh impozitov i sotsial'noi odarennosti uchashchikhsia* [The correlation between role-imposites and the social endowment of students]. *Aktual'nye problemy psikhologii i pedagogiki: diagnostika, preventsiia, korrektsiia: materialy nauchno-prakticheskoi zaochnoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem* [Actual problems of psychology and pedagogy: diagnostics, prevention, correction: Proc. Sc.-Prac. correspondence Conf. with Intern. participation]. Novosibirsk: Izd-vo NGPU, part 1 (2016): 36–45.

11. Simaeva I. N. *Psikhologiya adaptatsii sub'ekta k izmeneniiam zhiznedeiatel'nosti* [Psychology of adaptation of the subject to changes in vital activity]. Kaliningrad: RGU im. I. Kanta, 2005, 315.

12. Baryshnikova E. L. *Nabliudenie korreliatsii emotsional'nykh sostoianii i kreativnosti v protsesse obucheniia mladshikh shkol'nikov* [Observation of the correlation of emotional states and creativity in the process of teaching younger schoolchildren]. *Razvitie teorii doskol'nogo obrazovaniia. Psikhologo-pedagogicheskie aspekty: materialy nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Development of the theory of preschool education. Psychological and pedagogical aspects: Proc. Sc.-Prac. Conf.]. Moscow, 1998, 29–31.

13. Batukhtina T. V. *Struktura adaptatsionnogo potentsiala khudozhestvenno odarennoi lichnosti*. Diss. kand. psikhol. nauk [The structure of the adaptive potential of an artistically gifted personality. Cand. psychol. Sci. Diss.]. Herzen State Pedagogical University of Russia. Saint-Petersburg, 2009, 270.

14. Shmelev A. G. *Psikhodiagnostika lichnostnykh chert* [Psychodiagnosics of personality traits]. Saint-Petersburg: Rech', 2002, 480.

УДК 159.922.1:37.018.1

ЛОНГИТУДНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ФОРМИРОВАНИЯ КОНСТРУКТИВНЫХ СТРАТЕГИЙ ОТЦОВСТВА**Юлия В. Борисенко^{1, @}**¹ Кемеровский государственный университет, Россия, 650000, г. Кемерово, ул. Красная, 6

@ evseenkova@mail.ru

Поступила в редакцию 14.03.2017. Принята к печати 02.10.2017.

Ключевые слова: родительство, отцовство, маскулинность, стратегии отцовства, формирование конструктивных стратегий отцовства.

Аннотация: В статье даны определение, характеристика и психологическое наполнение термина «стратегии отцовства», описаны психологические предпосылки выделения конструктивных и неконструктивных стратегий отцовства; охарактеризована специфика конструктивных стратегий отцовства. Описаны особенности формирования конструктивных стратегий отцовства, связанные с условиями развития личности мужчины, начиная с самого раннего возраста. Выделены психологические компоненты стратегий отцовства, такие как принятие гендерной идентичности, особенности ценностно-смысловой сфер и личностной зрелости. Описаны результаты двенадцатилетнего лонгитюдного исследования возможностей психологической тренинговой работы по развитию конструктивных стратегий отцовства, описаны немедленные и отсроченные (после рождения ребенка) результаты психологической работы с мужчинами, не имеющими детей на момент прохождения тренинга. В результате анализа приведенных данных сделан вывод о том, что тренинговая работа с юношами, направленная на формирование ответственного отцовства эффективна и имеет долгосрочный положительный эффект более, чем через десять лет.

Для цитирования: Борисенко Ю. В. Лонгитюдное исследование формирования конструктивных стратегий отцовства // Вестник Кемеровского государственного университета. 2017. № 4. С. 125–131. DOI:10.21603/2078-8975-2017-4-125-131.

Проблема «стратегичности» поведения личности является междисциплинарной, имеющей определенное осмысление в философии, социологии, антропологии, психологии и педагогике. Начиная с самых первых работ, посвященных данной проблематике, исследователи предлагают позиции осмысления взаимосвязи стратегий с социальными и культурными условиями развития личности.

Психологическая теория деятельности отечественных ученых Л. С. Выготского, С. Л. Рубинштейна, А. Н. Леонтьева и Б. Г. Ананьева определяет понимание личности как субъекта деятельности, стремящегося к достижению целей и выстраивающего своим поведением определенный образ жизни. Например, главным определяющим фактором в подходе, изучающем развитие субъекта и его становление как личности, разрабатываемым вслед за С. Л. Рубинштейном, выступает активность и творчество личности как организатора и преобразователя своей жизни. С точки зрения его последователей, личность – активный участник процесса жизни, способная вмешаться в него в любой момент [1].

Значительный вклад в разработку методологии данного направления исследований внесли работы Ю. М. Резника и Т. Е. Резник. В их работах проведен анализ и интеграция позиций зарубежных и отечественных авторов, работающих в рамках изучения стратегий, определены специфика, механизмы и типы стратегий. Ю. М. Резник и Т. Е. Резник определяют жизненную стратегию личности как способ «конструирования жизни в соответствии с установками и представлениями личности» [2, с. 44]. По мнению М. А. Ляховой, в структуру жизненной стратегии личности включаются такие компоненты, как ценностные ориентации личности, смысл жизни в настоящем и будущем, жизненные цели, средства и способы достижения жизненных целей, активность, пред-

ставления о прошлом, инициативность, самостоятельность, ответственность, удовлетворенность жизнью [3].

Однако понятие «стратегии» используется и в более узком смысле, как присущие личности стратегии поведения в определенной ситуации. Так, К. Томас и Р. Киллменн выделили пять основных стилей поведения в конфликтной ситуации: уступчивость, приспособление, уклонение, конкуренция, противоборство, сотрудничество и компромисс, используя в качестве основы классификации степень реализации собственных интересов и степень реализации интересов другой стороны [4]. В рамках анализа этих параметров авторы называют конструктивные и неконструктивные стили поведения.

В отечественной психологии также выделяют конструктивные и деструктивные способы реагирования в конфликтных ситуациях, стратегии преодоления психологических барьеров, возможности овладения конструктивными стратегиями преодоления трудных жизненных ситуаций, стратегии совладания с кризисной ситуацией [5]. Считается, что деструктивные стратегии и установки формируются в специфических условиях развития личности в результате противоречивости ценностей воспитания и низкой активности личности.

Таким образом, психологическое наполнение термина «стратегии» включает в себя определенные способы конструирования жизни в соответствии с установками и представлениями личности, имеющие свою структуру и содержание, критерии сформированности, определяемые через социальные, культурные и личностные ориентации, имеющие различную вариативность, позволяющую выделить внутри них конкретные типы проявления стратегий. Стратегия строится на глубинных ценностях личности, связанных с ее прошлым, но направлена в будущее. Эти

характеристики позволяют использовать данный конструкт для описания специфики родительского поведения отца.

Так, например, Ю. А. Токарева, изучая особенности воспитательной деятельности отца, определяет стиль воспитания в семье как определенную стратегию воспитания [6]. Если взаимодействие в диаде «отец – ребенок» рассматривать как воспитательную деятельность отца, можно говорить о некоем сознательном конструировании жизни семьи в соответствии с установками и представлениями личности о «правильном» поведении отца (или матери), «правильном», нормативном воспитании ребенка – то есть стратегии родительства.

Введение нового конструкта позволяет преодолеть терминологические сложности в определении отцовства, так как на сегодняшний день нет достаточно четкого и емкого определения отцовства, потому что данный феномен не исчерпывается такими понятиями, как роль, статус, чувства, мотивация, ценностно-мотивационная или потребностная сферы, самооценка или часть гендерной идентичности мужчины. При этом реальные формы поведения конкретного отца трудно вписываются в рамки теоретических изысканий. В этом смысле интересен подход Ю. А. Токаревой, которая определяет отцовство через понятие «деятельность», что позволяет применить к анализу феномена весь методологический аппарат теории деятельности.

Таким образом, изучая структуру деятельности отца, мы будем говорить о мотивах рождения ребенка (потребностно-мотивационная сфера), озвучиваемых в контексте развития отношений с супругой, желанием реализовать себя в ребенке, целях (ценностных ориентациях, целеполагании и перспективе – ценностно-смысловая сфера) и действиях (операциональном аспекте отцовства – отцовские практики). При этом наименее изученной в нашей стране является потребностно-эмоциональная сфера, связанная с репродуктивной мотивацией мужчины, его принятием отцовства как элемента мужской роли, родительскими чувствами мужчины [7].

В рамках теории деятельности правомерно говорить о стратегии отцовства конкретного мужчины, определяемой как динамическая, процессуальная характеристика способов и вариантов интериоризации и экстериоризации всех компонентов структуры и содержания отцовства мужчиной.

То есть стратегии отцовства представляют собой способы конструирования жизни отца и ребенка (а во многом и матери) в соответствии с установками и представлениями отца об отцовстве, имеющие свою структуру и содержание, критерии сформированности, определяемые через социальные, культурные и личностные ориентации личности (сформированные микро-, мезо- и макрофакторами среды), имеющие различную вариативность, позволяющую выделить внутри них конкретные типы проявления стратегий. Как любая стратегия, стратегия отцовства строится на глубинных ценностях личности, связанных с ее прошлым, и направлена в будущее.

Таким образом, в структуре стратегии отцовства можно выделить внутренние и внешние характеристики. К внутренним относятся ценностные характеристики, ответственность и зрелость личности, принятие своей гендерной роли; которые проявляются во внешних операциональных характеристиках отцовства – отцовских практиках. При этом конструктивность стратегий взаимосвязана со

зрелостью личности, принятием своей гендерной роли, ответственностью и ценностью отцовства.

Специфика отцовских практик, которая освещается в многочисленных работах, посвященных ответственному отцовству [8; 9; 10] и проблемам девиантного отцовства и жестокого обращения с детьми [11], позволяет выделить внутри содержания всех стратегий отцовства четкую дихотомию, два полюса: положительный, связанный с личностным развитием (в иностранной и переводной литературе называемый «ответственное» отцовство), что соотносится с постулатами Р. Эммонса о приоритете нравственных ценностей, позитивных социальных целей и целей саморазвития в жизненных стратегиях личности [12], и отрицательный, связанный с отрицанием роли отца, отказом от выполнения отцовских функций («безответственное» отцовство). На наш взгляд, определение отцовства через термин «ответственное» отцовство не исчерпывает всей широты проявления феномена. Введение термина «стратегии отцовства» позволяет преодолеть терминологические сложности разграничения понятий «ответственное», «вовлеченное», «новое» отцовство. В русском языке, также как и в английском, дихотомия «ответственный – безответственный» предполагает оценку, причем в случае «безответственного отцовства» это оценка личности отца и его поведения (т. к. в отечественной литературе «ответственность» отцовства в первую очередь связывают с реализацией отцовских практик). Определение всей совокупности проявлений отцовства у конкретного мужчины через термин «стратегия» позволяет преодолеть противоречие между внутренними и внешними проявлениями отцовства конкретного человека. При этом описание в терминах «конструктивный – неконструктивный», несмотря на также имеющуюся некоторую оценочность, предполагает возможность изменения, смены неконструктивных способов поведения более конструктивными. Ответственность или неответственность (безответственность) отцовства связана не только с выбором самого отца (хотя это подразумевается в первую очередь), но и с особенностями гендерной идентичности, личностной зрелостью или незрелостью, отношениями с собственным отцом, отношениями с супругой – матерью ребенка и влиянием других факторов. В этом смысле нам представляется терминологически и лингвистически более верным использовать для описания этих двух крайностей отцовства понятия конструктивной и неконструктивной стратегии отцовства. Однако неправомерно говорить о наличии только двух противоположных стратегий. Скорее, можно говорить о некоем наборе стратегий внутри континуума между крайними полюсами. Например, в общем конструктивные стратегии отцовства связаны со сформированностью гендерной идентичности, принятием своей гендерной роли, принятием отцовской роли, ценностью отцовства, нравственной зрелостью личности, ценностным отношением к ребенку, ответственностью, а также настроенностью на позитивные, партнерские отношения с супругой. При этом неконструктивные стратегии отцовства определяются несформированностью гендерной идентичности, непринятием своей гендерной роли, непринятием отцовской роли, отсутствием ценности отцовства, личностной незрелостью, слабой ответственностью, отсутствием ценностного отношения к ребенку. Такое

поведение часто порождает не только проблемы в детско-родительских, но и в супружеских отношениях.

Однако выраженность этих параметров в каждом конкретном случае может быть различная. То есть конструктивные стратегии маскулинных, андрогинных или феминных мужчин, мужчин, выросших в полной или неполной семье, мужчин, состоящих в браке или в разводе, биологических отцов или отчимов будут значительно отличаться.

Кроме того, для практической деятельности психологов и педагогов то, что отцовство является открытой системой взаимоотношений, является важнейшей его характеристикой и позволяет осуществлять определенное психолого-педагогическое воздействие на поведение отца. Мы не можем воздействовать на интегральное психологическое образование личности, не можем изменить историю личности и ее родительскую семью, но, имея критерии конструктивности стратегий отцовства, мы можем разрабатывать программы психологической помощи семье, отцу или ребенку, направленные на работу с ценностно-смысловой сферой личности, сформированностью гендерной идентичности и ответственностью отцовства.

При этом такая работа может быть необходима не только мужчинам, готовящимся или уже ставшим отцами. Формирование конструктивных стратегий отцовства связано с условиями развития личности мужчины, начиная с самого раннего возраста, так как формирование гендерной идентичности, некоторых аспектов ценностно-смысловой сферы, ответственности и нравственных характеристик личности начинается в дошкольном возрасте.

Ввиду подобной проблематики нам представляется целесообразным изучение возможностей формирования ответственного отцовства. Работа в этом направлении ведется нами в течение нескольких лет [13]. Основываясь на данных проведенных ранее исследований [14], а также для учета долговременных эффектов развития отцовства нами было проведено экспериментальное исследование динамики характеристик отцовства. Первой этап исследования проходил в период с сентября 2003 г. по июнь 2004 г. В исследовании принимали участие всего 40 юношей – 20 юношей (две группы по 10 человек) составляли экспериментальную группу, подвергшуюся экспериментальному воздействию, 20 юношей – контрольную. Обе группы были уравнены по возрасту (средний возраст экспериментальной группы – 16,5 лет, контрольной – 16,4 года) и социальным характеристикам. Экспериментальное воздействие составляло прохождение в течение двух месяцев специально разработанного нами тренингового курса, направленного на интернализацию смысла отцовства, принятие роли отца и формирование ответственного отцовства. Применяемые методики: СЖО, ЛД, 16PF, PARY, «Ответственность» В. П. Прядина, Опросник родительской идентичности Дж. Плека, «Уровень субъективного контроля» Е. Ф. Бажина, МИФ С. Бэм и, кроме того, специально разработанные анкеты.

Тренинговая программа была разработана в трех вариантах для юношей и для мужчин в период взрослости, имеющих и не имеющих детей, и включала в себя теоретическую и практическую части. Результаты работы с мужчинами в период взрослости подробно описаны [14]. Различия в работе с тремя типами групп было связано с возрастными и статусными особенностями групп. В теоретическом курсе

излагаются постулаты детской, мужской и семейной психологии и психологии развития, данные о развитии ребенка, о влиянии отца на развитие ребенка, специфических функциях и роли отца в жизни ребенка и семье, а также данные взаимосвязи мужской гендерной идентичности и отцовства. Собственно практическая часть включает в себя упражнения на принятие ответственности и гендерной роли на различных уровнях: когнитивном, поведенческом и саморегулятивном (эмоциональном и мотивационном).

Согласно нашему предположению, одним из эффектов положительной динамики в сторону ответственности отцовства можно рассматривать повышение ответственности [15], интернальности, осмысленности в отношениях (Шкала интернальности в области межличностных отношений (УСК), Шкала интернальности в отношении здоровья и болезни (УСК), Шкала интернальности в семейных отношениях (УСК), Общая осмысленность жизни (СЖО)).

Для проверки эффективности тренинга нами были проведены три обследования испытуемых: в 2004 г. до экспериментального воздействия и сразу после и после рождения ребенка у большинства участников тренинга в 2016 г. Для контрольной группы эти срезы совпадали по времени с обследованием экспериментальной группы. Из 40 человек, принимавших участие в исследовании в 2004 г., удалось собрать данные 29 человек (15 человек из экспериментальной группы и 14 – из контрольной группы). Данные, полученные в результате этих обследований, были подвергнуты статистической обработке.

Уровневый анализ выборки 2004 г., состоявшей из 40 человек, показал, что наибольший разброс, как для экспериментальной, так и для контрольной выборок, наблюдался в данных по смысловым ориентациям, что свидетельствует о высоких индивидуальных различиях результатов данного опросника. Проверка по критерию Фишера при уровне значимости, равном 0,05, показала, что дисперсии обеих групп различаются незначимо. Таким образом, незначительные различия генеральных дисперсий выборок позволяли использовать для проверки статистических гипотез критерий Стьюдента. При этом проверка значимости различий данных экспериментальной и контрольной группами до экспериментального воздействия по Т-критерию Стьюдента не показала значимых различий между группами.

Сравнение результатов экспериментальной группы до и после экспериментального воздействия по критерию Стьюдента для зависимых выборок выявило значимые различия по следующим параметрам: шкала PARY «Навязчивость родителей», 3 шкала СЖО «Результативность жизни», 4 шкала СЖО «Локус контроля – Я», Общая осмысленность жизни по СЖО, по следующим факторам 16PF: склонность к риску, сдержанность – экспрессивность, подверженность социальным нормам, конформизм – неконформизм, а также по шкалам интернальности в области межличностных отношений (УСК), интернальности в отношении здоровья и болезни (УСК), интернальности в семейных отношениях (УСК).

Наглядно результаты тренинговой работы могут быть представлены в виде таблицы 1.

Таблица 1. Сравнение результатов экспериментальной и контрольной групп
Table 1. The results of the experimental and control groups

Среднее арифметическое	Экспериментальная группа 20 чел.		15 чел.	Контрольная группа 20 чел.		14 чел.
Параметры	2004 г. до	2004 г. после	2016 г.	2004 г. до	2004 г. после	2016 г.
Н Склонность к риску	6	4,5	4	5,2	5,23	5
F (сдержанность – экспрессивность)	4,8	1	1	4,3	4,3	4
G (подверженность социальным нормам)	4,4	5,75	6,8	4,5	4,6	5,2
Q4 (конформизм – неконформизм)	4,1	4,5	4,6	4,1	4,2	4,2
Шкала PARY «Навязчивость родителей»	11,4	12,5	12,5	11,3	11,3	11
Шкала интернальности в области межличностных отношений (УСК)	3,1	4	6,1	3,2	3	4
Шкала интернальности в отношении здоровья и болезни (УСК)	2,7	4,2	6	2,5	2,7	4,9
Шкала интернальности в семейных отношениях (УСК)	2,4	4	8,1	2,2	2,2	4,1
Принятие ответственности	-	-	16	-	-	14,7
3 шкала СЖО «Результативность жизни»	22,2	23,75		21,7	21,8	
4 шкала СЖО «Локус контроля – Я»	25,5	26,5		25	24,9	
Общая осмысленность жизни	90,6	102,5		90,1	90,2	

Прим.: • показатели до и после тренинга в экспериментальной группе значимо отличны при $p=0,05$;
• показатели до тренинга у экспериментальной группы и контрольной отличаются незначимо;
• значимых отличий в показателях контрольной группы не обнаружено.

Как видно из таблицы 1, после прохождения тренинга у испытуемых снизились показатели по таким шкалам 16PF, как склонность к риску и сдержанность – экспрессивность. Увеличились показатели склонности к выполнению социальных норм, а также показатели 3 шкалы СЖО «Результативность жизни», 4 шкалы СЖО «Локус контроля – Я», интернальности в области межличностных отношений (УСК), интернальности в отношении здоровья и болезни (УСК), интернальности в семейных отношениях (УСК) и, кроме того, общая осмысленность жизни.

Снижение склонности к риску и одновременное повышение показателей социальной нормативности, 4 шкалы СЖО «Локус контроля – Я», интернальности в области межличностных отношений, в отношении здоровья и болезни и в семейных отношениях являются свидетельством увеличения ответственности. Увеличение показателей по шкалам СЖО «Результативность жизни» и общей осмысленности жизни является важнейшим показателем оптимизации развития личности в данный возрастной период.

Интересен факт повышения результатов по шкале «Навязчивость родителей» опросника PARY, являющейся характеристикой включенности родителей в жизнь ребенка, иногда даже чрезмерной озабоченностью его проблема-

ми, возможно связанный с привлечением к ним внимания во время прохождения тренинга.

Значимых различий между результатами контрольной группы, полученными в первый и второй замер, не выявлено. Таким образом, можно сказать, что результаты статистического анализа соответствуют данным, полученным нами на первом этапе исследования.

Добследование, проведенное в 2016 г., показало, что различия в экспериментальной и контрольной выборках сохранились на протяжении 12 лет. Для уточнения особенностей отцовства испытуемых в исследование 2016 г. к методикам, используемым в 2004 г., были добавлены следующие методики: «Ответственность» В. П. Прядина, Опросник родительской идентичности Дж. Плека [13], Шкала отцовских установок Дж. Плека, МИФ С. Бэм. Уровневый анализ выборки 2016 г., состоявшей из 29 мужчин, показал, что наибольший разброс, как для экспериментальной, так и для контрольной выборок, наблюдался в данных по смысловым ориентациям. Проверка по критерию Фишера при уровне значимости, равном 0,05, показала, что дисперсии обеих групп различаются незначимо. Таким образом, незначительные различия генеральных дисперсий выборок позволяли использовать для проверки статистических гипотез критерий Стьюдента.

Результаты сравнения экспериментальной и контрольной групп представлены в таблице 2.

Из таблицы видно, что возраст испытуемых, возраст первого ребенка и параметры образования в экспериментальной и контрольной группах значимо не отличаются, возраст первого ребенка у экспериментальной группы чуть ниже, при этом детей у экспериментальной группы в среднем больше, чем у испытуемых контрольной группы. У испытуемых экспериментальной группы отношение к детям вообще более теплое, первый ребенок был желанным у большего числа респондентов, соответственно, им свойственно более позитивное отношение к беременности жены. Среди испытуемых экспериментальной группы представляли своего будущего ребенка во время беременности жены большее число респондентов, свои чувства при первом знакомстве с первым ребенком большее число

респондентов описали в положительном ключе. В экспериментальной группе значимо выше показатели по таким шкалам, как принятие ответственности, установки на вовлеченность отца, интернальность в области межличностных отношений, интернальность в отношении здоровья и болезни, интернальность в семейных отношениях, 3 шкала СЖО «Результативность жизни», общая осмысленность жизни, родительская идентичность в уходе за ребенком, оценка родительской идентичности супруга(и) в уходе за ребенком, родительская идентичность в роли кормильца, оценка родительской идентичности супруга(и) в роли кормильца, фактор оценки Личностного дифференциала, и значимо ниже показатели по 4 шкале СЖО «Локус контроля – Я». Эти данные свидетельствуют о большей ответственности отцовства мужчин экспериментальной группы и после рождения ребенка.

Таблица 2. Сравнение параметров отцовства экспериментальной и контрольной групп (2016 г.)
Table 2. The parameters of fatherhood in experimental and control groups (2016)

Среднее арифметическое	Экспериментальная группа 15 чел.	Контрольная группа 14 чел.
Возраст	29,4	29,2
Возраст первого ребенка	5,6	6,1
Образование	высшее – 93 % среднее – 7 % иное – 0	высшее – 89 % среднее – 9 % иное – 2 %
Брак	в браке – 93 % холост – 7 %	в браке – 85 % разведен – 7 % холост – 7 %
Количество детей	1,5*	1,2
Отношение к детям	2,66*	2,0
Желанность первого ребенка	2*	1,4
Отношение к беременности жены	1,93*	1,2
Представление своего будущего ребенка во время беременности жены	1,5*	1,2
Чувства, когда впервые увидели первого ребенка	2,8*	2,3
Принятие ответственности	16*	14,7
Установки на вовлеченность	27*	25,2
Шкала интернальности в области межличностных отношений (УСК)	6,1*	4
Шкала интернальности в отношении здоровья и болезни (УСК)	6*	4,9
Шкала интернальности в семейных отношениях (УСК)	8,1*	4,1
3 шкала СЖО «Результативность жизни»	28,26*	25,1
4 шкала СЖО «Локус контроля – Я»	20,4*	21,2
Общая осмысленность жизни	106,46*	100,1
1. Шкала родительской идентичности в уходе за ребенком	3,83*	3,20
2. Шкала оценки родительской идентичности супруга(и) в уходе за ребенком	3,88*	3,20
4. Шкала родительской идентичности в роли кормильца	3,46*	3,14
5. Шкала оценки родительской идентичности супруга(и) в роли кормильца	1,86*	3,04
ЛД О	40,53*	38,2

* показатели экспериментальной и контрольной группе значимо отличны при $p=0,05$.

Таким образом, показатели ведущих характеристик стратегии отцовства обрели более устойчивый характер у участников проведенного нами тренинга. Данные изменения становятся возможными благодаря действию психологического механизма индивидуализации конструктивной стратегии отцовства, в результате чего личностные характеристики обретают статус личностных свойств. То есть можно сделать вывод, что тренинговая работа с юношами, направленная на формирование ответственного отцовства, не только эффективна для развития положительных уста-

новок вовлеченности в жизнь будущего ребенка, осмысленности и ответственности по отношению к родительской роли, супруге, собственному здоровью; но и имеет долгосрочный положительный эффект более, чем через десять лет, что позволяет нам проводить разработку, апробацию и реализацию комплексной программы психолого-педагогического обеспечения оптимизации формирования и развития стратегий отцовства.

Литература

1. Абульханова-Славская К. А. Стратегия жизни. М.: Мысль, 1991. 301 с.
2. Резник Ю. М., Смирнов Е. А. Жизненные стратегии личности (опыт комплексного анализа). М.: Институт человека РАН, 2002. 260 с.
3. Ляхова М. А. Ценностные компоненты жизненных стратегий студентов вуза, воспитывающихся вне родительской семьи: автореф. дис. ... канд. психол. наук. Кемерово, 2011. 22 с.
4. Kilmann R. H., Thomas K. W. Developing a forced-choice measure of conflict-handling behavior: the «mode» instrument // Educational and psychological measurement. 1977. Т. 37. № 2. С. 309–325.
5. Плехова В. В. Формирование конструктивных способов реагирования в конфликтных ситуациях // Культура и образование: от теории к практике. 2015. Т. 1. № 1. С. 187–191.
6. Токарева Ю. А. Психолого-педагогические условия и факторы реализации отцовства как воспитательной деятельности // Научные проблемы гуманитарных исследований. 2011. № 2. С. 209–216.
7. Rotkirch A. All that she wants is a (nother) baby? Longing for children as a fertility incentive of growing importance // Journal of Evolutionary Psychology. 2007. № 5(1). С. 89–104.
8. Doherty W. J., Kouneski E. F. Responsible fathering: an overview and conceptual framework. Journal of Marriage and Family. 1998. Т. 60. № 2. С. 277–292.
9. Eggebeen D. J., Knoester C. Does fatherhood matter for men? // Journal of Marriage and Family. 2001. № 63. P. 381–393.
10. Fthenakis W. E. Väter, Band I, Zur Psychologie der Vater-Kind-Beziehung. München: Urban & Schwarzenberg, 1985. 480 S.
11. Friedman E, Billick S. B. Unintentional child neglect: literature review and observational study // Psychiatric Quarterly. 2016. № 87 (2). P. 343–353.
12. Emmons R. A. Personal strivings, daily life events, and psychological and physical well-being // Journal of Personality. 1991. № 59. P. 453–472.
13. Евсеенкова Ю. В., Дмитриева Н. В. Опыт исследования феномена отцовства в рамках групповой работы // Семейная психология и семейная терапия. 2004. № 4. С. 55–69.
14. Евсеенкова Ю. В. Отцовство как психологический фактор развития личности: автореф. дис... канд. психол. наук. Новосибирск, 2006. 236 с.
15. Pleck J. H. Paternal involvement: revised conceptualization and theoretical linkages with child outcomes and paternal involvement: levels, sources, and consequences // Lamb M. E. The role of the father in child development (5th ed.). New York: Wiley, 2010. P. 58–93.

LONGITUDE STUDY OF CONSTRUCTIVE FATHERHOOD STRATEGIES DEVELOPMENT

Yuliya V. Borisenko¹.@

¹ Kemerovo State University, 6, Krasnaya St., Kemerovo, Russia, 650000

@evseenkova@mail.ru

Received 14.03.2017. Accepted 02.10.2017.

Keywords: parenting, fatherhood, masculinity, fatherhood strategies, constructive fatherhood strategies development.

Abstract: The article represents the definition, characteristics and theoretical approaches and psychological basis to constructive fatherhood strategies development. The specifics of the constructive fatherhood strategies development are analyzed in the connection with the life experience and family conditions of the man from an early age. The paper features such components of fatherhood strategies as gender role acceptance, characteristics of the spheres of life goals and sense-bearing and that of personality maturity. It provides the results of a

12-year longitudinal study of the psychological training of responsible fatherhood. The article also represents an analysis of immediate and delayed (about ten years after the training) results of psychological courses for men with no children at the moment of the training. The conclusion is that responsible fatherhood courses for male adolescents have a positive longtime (10 years +) effects.

For citation: Borisenko Yu. V. Longitudinal study of the psychological training of responsible fatherhood. The article also represents an analysis of immediate and delayed (about ten years after the training) results of psychological courses for men with no children at the moment of the training. The conclusion is that responsible fatherhood courses for male adolescents have a positive longtime (10 years +) effects. *Bulletin of Kemerovo State University*, no. 4 (2017): 125–131. DOI:10.21603/2078-8975-2017-4-125-131.

References

1. Abul'khanova-Slavskaya K. A. *Strategiya zhizni* [The strategy of life]. Moscow: Mysl', 1991, 301.
2. Reznik Iu. M., Smirnov E. A. *Zhiznennye strategii lichnosti (opyt kompleksnogo analiza)* [Personal life strategies (experience in complex analysis)]. Moscow: Institut cheloveka RAN, 2002, 260.
3. Liakhova M. A. *Tsennostnye komponenty zhiznennykh strategii studentov vuza, vospityvaiushchikhsia vne roditel'skoi sem'i*. Avtoref. diss. cand. psikh. nauk [The strategies of life of the students brought up outside their parents' family. Cand. psychol. Sci. Diss. Abstr.]. Kemerovo, 2011, 22.
4. Kilmann R. H., Thomas K. W. Developing a forced-choice measure of conflict-handling behavior: the «mode» instrument. *Educational and psychological measurement*, 37, no. 2 (1977): 309–325.
5. Plekhova V. V. Formirovanie konstruktivnykh sposobov reagirovaniia v konfliktnykh situatsiiakh [The development of the constructive reactions in the conflict]. *Kul'tura i obrazovaniye: ot teorii k praktike = Culture and education: from the theory to the practice*, 1, no. 1 (2015): 187–191.
6. Tokareva Iu. A. Psikhologo-pedagogicheskie usloviia i faktory realizatsii ottsovstva kak vospitatel'noi deiatel'nosti [Psychological pedagogical conditions and factors of fatherhood as a tutoring]. *Nauchnye problemy gumanitarnykh issledovaniy = Science issues of humanitarian studies*, no. 2 (2011): 209–216.
7. Rotkirch A. All that she wants is a (nother) baby? Longing for children as a fertility incentive of growing importance. *Journal of Evolutionary Psychology*, no. 5(1) (2007): 89–104.
8. Doherty W. J., Kouneski E. F. Responsible fathering: an overview and conceptual framework. *Journal of Marriage and Family*, 60, no. 2 (1998): 277–292.
9. Eggebeen D. J., Knoester C. Does fatherhood matter for men? *Journal of Marriage and Family*, no. 63 (2001): 381–393.
10. Fthenakis, W. E. Väter Band I, *Zur Psychologie der Vater-Kind-Beziehung*. München: Urban & Schwarzenberg, 1985, 480.
11. Friedman E, Billick S. B. Unintentional child neglect: literature review and observational study. *Psychiatric Quarterly*, no. 87(2) (2016): 343–353.
12. Emmons R. A. Personal strivings, daily life events, and psychological and physical well-being. *Journal of Personality*, no. 59 (1991): 453–472.
13. Evseenkova Iu. V., Dmitrieva N. V. Opyt issledovaniia fenomena ottsovstva v ramkakh gruppovoi raboty [The experience of fatherhood study in the frames of group work]. *Semeinaia psikhologiya i semeinaia terapiia = Family psychology and family therapy*, no. 4 (2004): 55–69.
14. Evseenkova Iu. V. *Ottsovstvo kak psikhologicheskii faktor razvitiia lichnosti*. Avtoref. diss. cand. psikh. nauk [Fatherhood as a psychological factor of personality development. Cand. psychol. Sci. Diss. Abstr.]. Novosibirsk, 2006, 16.
15. Pleck J. H. *Paternal involvement: revised conceptualization and theoretical linkages with child outcomes and paternal involvement: levels, sources, and consequences*. Lamb M. E. The role of the father in child development (5th ed.). New York: Wiley, 2010, 58–93.

УДК 159.923.2+159.942.22

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ КОРРЕЛЯТЫ ЭМОЦИОНАЛЬНО-ЛИЧНОСТНОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ

Лариса В. Карапетян^{1, @}

¹ Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина, Россия, 620000, Екатеринбург, пр. Ленина, 51

@ karapetyanl@mail.ru

Поступила в редакцию 29.05.2017. Принята к печати 18.10.2017.

Ключевые слова: субъективное благополучие, психологическое благополучие, эмоционально-личностное благополучие, психологические корреляты благополучия.

Аннотация: Одной из важных теоретических и экспериментальных областей в современной психологии является проблема благополучия. На основании анализа отечественных и зарубежных исследований автор статьи дифференцирует понятия субъективного и психологического благополучия, показывает их взаимосвязь и корреляты как с объективными, так и субъективными факторами. С целью создания целостного многомерного конструкта, объединяющего субъективное и личностное благополучие в контекстуальное единство, автором вводится понятие «эмоционально-личностное благополучие». Для его изучения предлагается исследовательская методика «Самооценка эмоционально-личностного благополучия» (СЭЛБ), с помощью которой выявляются и анализируются психологические корреляты данного феномена. Исследование показало, что эмоциональный и личностный компоненты благополучия, отличаясь специфичностью корреляционных связей, являются самостоятельными определенностями конструкции «эмоционально-личностное благополучие». Вместе с тем данные компоненты образуют некую однородную целостность, а полученные корреляционные связи индекса СЭЛБ с показателями стандартизованных психодиагностических методик дают основание рассматривать эмоционально-личностное благополучие как интегративный, многогранный феномен, характеризующийся включенностью в структуру психической реальности.

Для цитирования: Карапетян Л. В. Психологические корреляты эмоционально-личностного благополучия // Вестник Кемеровского государственного университета. 2017. № 4. С. 132–140. DOI:10.21603/2078-8975-2017-4-132-140.

В связи с политическими и экономическими переменами, происходящими во всем мире, проблема благополучия становится одной из важнейших психологических проблем, волнующих отечественных (Т. И. Пономаренко, П. П. Фесенко, Р. М. Шамянов, С. В. Яремчук и др.) и зарубежных (E. Diener, E. M. Suh, R. L. Lucas, H. L. Smith, C. D. Ryff) исследователей. Причем понимание благополучия в зарубежной и отечественной психологии несколько различается. В зарубежной литературе понятия субъективного и психологического благополучия четко разведены, а содержательная специфика данных феноменов эксплицирована в соответствующем инструментарии, который предполагает измерение определенных параметров. Среди отечественных авторов существует меньше согласия относительно содержательного наполнения понятий «субъективное благополучие» и «психологическое благополучие». Данные понятия, например, могут рассматриваться как синонимичные. В этом случае, на наш взгляд, содержание каждого из этих понятий существенно обедняется. Для определения специфики субъективного и психологического благополучия мы провели анализ работ, направленных на выявление коррелятов данных феноменов.

На формирование как субъективного, так и психологического благополучия, с точки зрения большинства зарубежных авторов, в большей мере влияют как объективные (пол, возраст, уровень дохода, профессиональная занятость), так и субъективные (психологические) личностные факторы.

Согласно D. Archontaki, G. J. Lewis, T. C. Bates, психологическое благополучие находится под влиянием генетического фактора (результаты получены на выборке 837 пар взрослых американских близнецов), влияющего на самоконтроль и психологическую предрасположенность к постановке цели, а также личностный рост и выстраивание положительных социальных связей [1, p. 221]. P. S. Schmutte, C. D. Ryff изучали взаимосвязи между показателями личности по методике «Большая пятерка» (NEO Five-Factor Inventory, P. T. Costa, R. R. McCrae, 1992) и показателями психологического благополучия по методике Psychological Well-Being inventory (PWB) на взрослых людях среднего возраста (две выборки: n = 215 и n = 139). В исследовании было выявлено, что показатели по таким шкалам, как «самопринятие», «управление окружающей средой» и «цели в жизни» достоверно связаны с «нейротизмом» (N), «экстраверсией» (E) и «сознательностью / добросовестностью» (C); шкала «личностный рост» связана с «открытостью опыту» (O) и «экстраверсией» (E); шкала «позитивные отношения с окружающими» связана с «согласием / доброжелательностью» (A) и «экстраверсией» (E); шкала «автономия» связана с «нейротизмом» (N). Авторы делают вывод о наличии сложных взаимосвязей между психологическим благополучием и особенностями личности [2]. Отметим, что C. D. Ryff связывала автономию с психологическим благополучием личности, более

того, в теоретической 6-факторной модели С. D. Ryff присутствует отдельный фактор «автономия» [3].

G. J. Soto в результате лонгитюдного исследования ($n = 16\,367$, Австралия) выяснил, что у эмоционально стабильных экстравертов с выраженными показателями доброжелательности и добросовестности со временем увеличивается уровень субъективного благополучия. Кроме того, те испытуемые, у которых изначально обнаруживался высокий уровень субъективного благополучия, со временем становились более ориентированными на свой внутренний мир, доброжелательными и уравновешенными. Полученные данные свидетельствуют о том, что уровень субъективного благополучия является верным предиктором развития таких черт личности, как добросовестность, доброжелательность и эмоциональная стабильность [4].

A. J. Elliot, T. M. Thrash, K. A. Murayama рассматривают влияние вдохновения (inspiration) на ощущение субъективного благополучия. Экспериментальная манипуляция с воздействием «экстраординарной компетентности» привела к увеличению положительного аффекта, и вдохновение обусловило этот эффект. Вдохновение (как черта личности) предсказало увеличение положительных гедонистической и эвдемонической переменных субъективного благополучия (таких как положительный аффект, удовлетворение жизнью, живучесть (vitality) и самоактуализация) через 3-месячный период. Притом и вдохновение как черта (вдохновенность), и вдохновение, связанное с личными целями (вдохновенность личными целями), предсказали увеличения положительных переменных субъективного благополучия через 3-месячный период. Напротив, ощущение благополучия не предсказывало изменений вдохновения во времени. Изучение дневников позволило рассмотреть отношение между вдохновением и субъективным благополучием на внутриличностном уровне. Выяснилось, что утренние изменения во вдохновении предсказали вечерние изменения в уровнях положительных переменных субъективного благополучия [5].

H. S. Friedman, M. L. Kern, Ch. A. Reynolds проводили лонгитюдное исследование (в период 1940–2007 гг.). $N = 1312$ (732 мужчин и 580 женщин). Обнаружилось, что нейротизм в юношеском возрасте является верным предиктором невысокого уровня субъективного благополучия в пожилом возрасте [6].

R. A. Emmons отмечает, что восприятие событий как позитивных или негативных связано с направленностью личности. Так, в исследовании R. A. Emmons испытуемым давалась инструкция в течение недели отмечать, какие повседневные события воспринимаются как негативные и сильно задевают их. Выяснилось, что восприятие событий как негативных сильно зависит от направленности личности, поскольку люди, мотивированные на достижения, чаще отмечали негативные эмоции в сфере достижений, лица с выраженной мотивацией аффилиации отмечали события, связанные с межличностными отношениями [7, р. 453].

Особого внимания, на наш взгляд, заслуживают исследования взаимосвязи между субъективным благополучием и удовлетворенностью жизнью. М. Аргайл указывает, что «удовлетворенность – один из основных компонентов счастья. Радость – эмоциональная, а удовлетворенность – когнитивная составляющая счастья. Удовлетворенность – это рефлексивная оценка, суждение о том, насколько все было и

остается благополучным» [8, с. 52]. По мнению М. Аргайла, удовлетворенность жизнью оказывает непосредственное влияние на настроение, психическое состояние, психологическую устойчивость личности, а также субъективное и психологическое благополучие личности. К факторам, влияющим на общую удовлетворенность, М. Аргайл в первую очередь относит эмоциональное состояние [8].

Взаимосвязь субъективного благополучия с межличностным общением может быть рассмотрена в контексте теории самодетерминации. М. Линч отмечает, что, несмотря на подтверждение валидности данной теории в условиях Канады и США, проверка теории самодетерминации на материале других культур вызывает споры [9, с. 137]. Высокая степень выраженности автономии коррелировала с высоким уровнем субъективного благополучия на выборках испытуемых из Китая ($n = 245$), России ($n = 192$) и США ($N = 205$) [9, с. 139–140]. Во всех трех странах личное благополучие и благополучие в рамках конкретных отношений (из которых и складывается субъективное благополучие) было выше, если отношения с другими людьми воспринимались испытуемыми как поддерживающие их автономию. К примеру, независимо от культурной принадлежности, испытуемые одинаково ранжировали свои отношения (отношения с лучшим другом оценивались как поддерживающие автономию в большей степени, чем отношения с учителем) [9, с. 140].

Взаимосвязи благополучия с психологическими характеристиками изучались и в отечественной психологии. Согласно данным П. П. Фесенко, испытуемые с высоким уровнем актуального психологического благополучия отдают большее предпочтение эмоциональной притягательности терминальных ценностей. Вместе с тем их ценностные ориентации характеризуются большей конкретностью и реалистичностью. Лица с низким уровнем психологического благополучия получают удовольствие от собственного развития и творчества; их ценностные ориентации отличаются абстрактностью и труднореализуемостью [10, с. 22]. П. П. Фесенко предполагает, что у людей с низким уровнем психологического благополучия невозможность реализовать собственные ценности вызывает чувство неудовлетворенности и снижает общий уровень психологического благополучия. В то же время ощущение неудовлетворенности ведет к повышению субъективной значимости ценностей саморазвития, в достижении которых видится возможность компенсации [10, с. 22].

В исследовании Р. М. Шамянова было доказано, что существует связь между субъективным благополучием и эмоциональной направленностью. Изучая взаимосвязь субъективного благополучия с эмоциональной направленностью и ценностными ориентациями личности у педагогов и медицинских работников, Р. М. Шамянов выявил, что «выраженность эмоциональной направленности, специфичная для той или иной деятельности, служит фактором субъективного благополучия личности» [11, с. 55]. В исследовании было доказано, что в условиях педагогической деятельности на переживание благополучия влияет выраженность альтруистической и гностической направленности, тогда как у медицинских работников благополучие связано с выраженной практической направленностью [11, с. 62]. В этом же исследовании были получены интересные данные о взаимосвязи субъективного благополучия и цен-

ностных ориентаций. Анализируя проблему взаимосвязи субъективного благополучия с ценностно-смысловыми образованиями в контексте профессионального самоопределения, Р. М. Шамянов отмечает, что особое значение в ощущении субъективного благополучия приобретает профессиональное самоопределение человека. Однако благополучие определяется не только удовлетворенностью профессиональным выбором, поскольку система субъективных ценностно-смысловых ориентаций складывается не только в профессиональной сфере [12, с. 106].

С. В. Яремчук в результате эмпирического исследования приходит к выводу, что субъективное благополучие снижается при возрастании числа внутриличностных конфликтов и общего рассогласования между ценностями человека и их реализованностью в жизни. Согласно автору, субъективное благополучие выступает в качестве «блока обратной связи, встроенной в систему регуляции жизнедеятельности субъекта и реагирующей на рассогласование между целевым и результативным блоком» [13, с. 93]. Таким образом, субъективное благополучие является своеобразным механизмом, который помогает осуществлять человеку коррекцию своего жизненного пути посредством изменения целей и способов их достижения. «Низкий уровень субъективного благополучия обладает не меньшей ценностью, чем высокий, побуждая человека к активности и преобразованию своей жизни» [13, с. 93].

Заслуживает внимания исследование А. О. Елисеевой, изучавшей уровень субъективного благополучия у подростков, находящихся в образовательных средах с разным уровнем психологической безопасности. В данном исследовании показано, что низкий уровень психологической безопасности выступает не столько фактором снижения субъективного благополучия, сколько предиктором изменений структуры субъективного благополучия подростка, характеризующихся снижением значимости социального окружения в образовательной среде, значительным снижением активности субъекта с одновременной актуализацией направленности подростка на такие аспекты внутреннего мира, как осознание собственной уникальности и рефлексии. В результате О. А. Елисеева приходит к выводу, что смысложизненные ориентации и личностная креативность могут выступать в качестве ресурса, обеспечивающего субъективное благополучие подростков в образовательной среде с низким уровнем психологической безопасности [14, с. 19].

Исследования Т. И. Пономаренко свидетельствуют о наличии взаимосвязи между субъективным благополучием и установкой. Изучая установку как фактор формирования стратегии поведения, она вводит понятие «ресурсной установки». Согласно автору, ресурсная установка выполняет функцию регуляции и коррекции поведения посредством обеспечения позитивного состояния субъекта и обуславливает мобилизацию внутренних сил человека для более продуктивной деятельности [15, с. 5].

В отечественной психологии во второй половине XX века начинают активно появляться работы, посвященные проблеме удовлетворенности различными видами деятельности, в том числе и профессиональной (Н. Ф. Наумова, Ю. Н. Гатман, Т. А. Китвель, А. А. Мурутар, Н. Я. Белова, К. Р. Хаав, Н. В. Журинов, Л. В. Лихачев), а также жизнью в целом (К. Муздыбаев). Данные работы объединяет идея о том, что понятия «удовлетворенность жизнью» и «субъективное бла-

гополучие» не тождественны, однако имеют выраженную корреляцию. Удовлетворение достигается благодаря событиям различного уровня личностной значимости, а благополучие предполагает обобщенные, особо значимые для личности переживания. Общим для чувства удовлетворенности и переживания благополучия является их субъективность, равно как и связанность с системой ценностно-смысловых ориентаций личности. Следовательно, можно сказать, что полнота удовлетворения потребностей лишь опосредованно влияет на удовлетворенность жизнью [16].

Таким образом, обзор литературы по проблеме взаимосвязи психологического и субъективного благополучия с индивидуальными и личностными особенностями позволяет сделать следующие выводы:

1. Как в зарубежной, так и в отечественной психологии преобладают работы по изучению субъективного благополучия.

2. Общим коррелятом как субъективного, так и психологического благополучия является удовлетворенность жизнью.

3. В то же время психологическое и субъективное благополучие связаны с разными индивидуальными и личностными особенностями. Психологическое благополучие связано с базовыми чертами личности, качеством межличностных отношений, осмысленностью жизни, а субъективное – с эмоциональной направленностью, жизненными установками и ценностно-смысловой сферой.

4. Полученные в ходе анализа результаты свидетельствуют о том, что психологическое и субъективное благополучие рассматриваются как отдельные конструкции.

5. Однако возможна интеграция понятий «субъективное благополучие» и «психологическое благополучие», объединение их в контекстуальное единство, однородную и в то же время дифференцированную целостность. Таким понятием, позволяющим совместить в единой концепции представления о субъективном и психологическом благополучии, разработать новый исследовательский инструментарий и провести исследования, стало понятие «эмоционально-личностное благополучие». Наряду с этим эмоциональная составляющая данного понятия близка по сути с субъективным благополучием, а личностная – с психологическим.

Эмоционально-личностное благополучие как комплексная динамическая система – это целостное экзистенциальное переживание состояния гармонии между внутренним и внешним миром, возникающее в процессе жизни, деятельности и общения человека. Результатом снижения уровня такой гармонии является переживание состояния эмоционально-личностного неблагополучия [17]. Для изучения возможностей профилактики неблагополучия и поддержания оптимального уровня эмоционально-личностного благополучия мы поставили цель – изучить его психологические корреляты.

Выборку исследования составили респонденты от 18 до 65 лет, относящиеся к различным социальным группам российского общества, выделенные по принципу пола, возраста, рода деятельности, образования, региона проживания (Свердловская область). На разных этапах эксперимента в исследовании приняли участие 2401 человек, из них 117 человек – в ходе проведения предварительного этапа эксперимента, 2284 – основного, при этом 2229 человек привлекались для участия в констатирующем эксперименте, 55 – в лонгитюдном исследовании.

На основе контент-анализа ответов респондентов ($n = 117$) на вопросы, касающиеся их благополучия в психоло-

гическом плане, и анализа психологических, философских и лингвистических представлений о феномене благополучия, разработан новый теоретический конструкт «эмоционально-личностное благополучие», включающий девять психологических факторов, три из которых («счастье», «везение», «оптимизм») ориентированы на внутренний мир человека и образуют позитивный эмоциональный компонент благополучия; три («успешность», «компетентность», «надежность») – ориентированы на внешний мир, образуют позитивный личностный компонент благополучия; еще три образуют негативный компонент («пессимизм», «несчастливый» – факторы эмоционального неблагополучия, они ориентированы на внутренний мир, «зависть» – фактор личностного неблагополучия, ориентирован на внешний мир). Данные факторы «эмоционально-личностного благополучия», преобразованные в девять моно-шкал («счастливый», «везучий», «оптимист», «успешный», «компетентный», «надежный», «пессимист», «несчастливый», «завистливый»), составили исследовательскую методику «Самооценка эмоционально-личностного благополучия» (СЭЛБ), которая предлагалась респондентам ($n = 2229$) для непосредственного оценивания своего благополучия (Карапетян, Глотова, с. 106), и согласно которой испытуемые оценивали себя в настоящий момент по 7-балльной шкале по указанным девяти моно-шкалам. Наряду с оценками по отдельным моно-шкалам, вычислялись суммарные оценки по каждому

из трех компонентов: А – индикатор (суммарный показатель) «эмоционального» благополучия; В – индикатор (суммарный показатель) «личностного» благополучия; $(A + B)$ – сумма позитивных индикаторов; $(A - B)$ – разность позитивных индикаторов; С – индикатор (суммарный показатель) неблагополучия; $(A + B - C)$ – индекс эмоционально-личностного благополучия (общая оценка по суммарным позитивным и негативным моно-шкалам) [17].

Для изучения взаимосвязей эмоционально-личностного благополучия нами использовались следующие стандартизированные методики: Шкала психологического благополучия К. Рифф (ШПБ, адаптация Т. Д. Шевеленковой, Т. П. Фесенко); Тест жизнестойкости С. Мадди (ТЖС, адаптация Д. А. Леонтьева, Е. И. Рассказовой); «Социально-психологическая адаптация» К. Роджерса, Р. Даймонда (СПА); «Профессиональное выгорание» К. Маслач (ПВ, адаптация Н. Е. Водопьяновой и Е. С. Старченковой). Отметим, что при проведении основной части эксперимента методика «Самооценка эмоционально-личностного благополучия» являлась обязательной для всех участников исследования ($n = 2284$), а исследования по другим методикам были выборочными.

Результаты, полученные по методике СЭЛБ, при корреляционном анализе показали большое число статистически достоверных корреляций с показателями названных методик (табл. 1).

Таблица 1. Количество значимых корреляционных связей показателей моно-шкал методики СЭЛБ с показателями других методик

Table 1. Number of significant correlations of indicators of mono-scales by the technique of «Self-esteem and personal emotional well-being» (SPEW) with other methods

Методики	Возможно связей	Выявлено связей		
		5 %	1 %	0,10 %
ШПБ ($n = 55$)	54	44 (81 %)		
		13	12	19
ТЖС ($n = 55$)	36	32 (88,9 %)		
		9	4	19
СПА ($n = 1201$)	54	52 (96 %)		
		0	0	52
ПВ ($n = 381$)	27	25 (92 %)		
		3	7	15

Как видно из таблицы 1, моно-шкалы методики СЭЛБ связаны как с показателями методик, шкалы которых направлены на исследование более стабильных, устойчивых, личностных предикторов благополучия («Шкала психологического благополучия», «Тест жизнестойкости»), так и с показателями методик, в большей степени эмоционального регистра («Социально-психологическая адаптация», «Профессиональное выгорание»). Полученные многочисленные корреляции, с одной стороны, свидетельствуют о взаимосвязи эмоционально-личностного благополучия с такими феноменами, как психологическое благополучие, жизнестойкость, социально-психологиче-

ская адаптация, профессиональное выгорание, с другой стороны, – являются подтверждением конвергентной валидности методики СЭЛБ.

Представляется важным детально рассмотреть связи не только моно-шкал, но и индикаторов, суммарных показателей и индекса СЭЛБ с конкретными показателями диагностических методик. Проанализируем корреляционные связи между параметрами методики СЭЛБ и показателями методики ШПБ (табл. 2).

Таблица 2. Взаимосвязь параметров методики СЭЛБ с показателями методики ШПБ (n = 55)

Table 2. Relationship of parameters of the SPEW technique with the «Scale of psychological well-being» (SPW) technique indicators

	Позитивное отношение с окружающими	Автономия	Управление средой	Личностный рост	Цели в жизни	Самопринятие
A	,670***	,511***	,614***	,596***	,692***	,653***
B	,521****	,342*	,593***	,415**	,420***	,498***
A+B	,740***	,552***	,733***	,633***	,686***	,695***
C	-,270*	-,355**	-,289*	-,370**	-,462***	-,325*
Индекс СЭЛБ	,715***	,551***	,709***	,672***	,718***	,702***

Прим.: *** $r = 0,43$, $p \leq 0,001$; ** $r = 0,35$, $p \leq 0,01$; * $r = 0,27$, $p \leq 0,05$.

Из таблицы 2 видно, что все суммарные показатели и индекс СЭЛБ коррелируют со шкалами методики на высоком уровне достоверности, причем достаточно сильны корреляционные связи как суммарного показателя эмоционального благополучия (A), так и суммарного показателя личностного благополучия (B).

Для проведения факторного анализа (табл. 3) нами были использованы 6 факторов, выделенных К. Рифф и 6 суммарных показателей и индекса методики СЭЛБ, при этом факторы извлекались методом главных компонент, вращение выделенных факторов производилось методом Varimax с нормализацией по Кайзеру. Для интерпретации факторов нами использовались переменные с факторной нагрузкой выше 0,4. Было выделено 2 фактора, на них пришлось 71,62 % дисперсии. Между факторами дисперсия распреде-

лилась следующим образом: 1-й фактор – 57,86%, 2-й фактор – 13,73 %. Первый фактор образовали индекс СЭЛБ, суммарные позитивные показатели СЭЛБ и показатели методики ШПБ, поэтому данный фактор может рассматриваться как обобщенный фактор эмоционально-личностного и психологического благополучия. И только суммарный показатель негативных индикаторов (C), символизирующий эмоционально-личностное неблагополучие вошел в данный фактор с отрицательной факторной нагрузкой. Во второй фактор вошли: суммарный показатель личностного благополучия (со знаком минус) и показатель разности между эмоциональным и личностным благополучием. В связи с этим второй фактор может нами рассматриваться как фактор неблагополучия.

Таблица 3. Результаты факторного анализа суммарных показателей методики СЭЛБ и показателей методики ШПБ
Table 3. The results of factor analysis of the SPEW and SPW totals

	Component	
	1	2
Индекс СЭЛБ	,939	
Сумма позитивных индикаторов (A+B)	,918	
Управление средой	,865	
Суммарный показатель эмоционального благополучия (A)	,853	
Самопринятие	,826	
Цели в жизни	,819	
Личностный рост	,750	
Позитивное отношение с окружающими	,744	
Суммарный показатель личностного благополучия (B)	,694	-,692
Автономия	,689	
Суммарный показатель негативных индикаторов (C)	-,522	
Разность между эмоциональным и личностным благополучием (A-B)		,939

Первый выделенный фактор может рассматриваться как обобщенный фактор переживаемого человеком внутреннего благополучия (Extraction Method: Principal Component Analysis). Второй фактор – это фактор баланса между эмоциональным и личностным благополучием (Rotation Method: Varimax with Kaiser Normalization. A Rotation converged in 3 iterations). Полученные результаты подтверждают правомерность выделения в структуре эмоциональ-

но-личностного благополучия не только позитивных компонентов, но и негативной составляющей, при этом негативная составляющая должна рассматриваться как самостоятельное измерение, а не как противоположный конец позитивного континуума.

С опросником на выявление жизнестойкости (ТЖС) параметры методики СЭЛБ также продемонстрировали множественные корреляционные связи (табл. 4), отметим, что свя-

зи с позитивными суммарными компонентами (А и В) оказались более сильными, чем с негативным суммарным компонентом (С). Мы можем объяснить выявленную особенность тем, что в поддержании жизнестойкости отсутствие негативных индикаторов играет менее значимую роль, чем наличие позитивных индикаторов, расширяющих репертуар ресурсов, возможностей и действий человека.

Остановимся на анализе корреляционных связей индикаторов (А, В, С), суммарного показателя (А + В) и общего индекса СЭЛБ (А + В – С) с интегральными показателями методики СПА (табл. 5). Таблица 5 показывает, что позитивные индикаторы А («счастливый», «везучий», «оптимист»),

В («успешный», «компетентный», «надежный») и суммарный показатель (А + В) достоверно положительно коррелируют со всеми шестью «интегральными показателями» СПА (во всех случаях при $p \leq 0,001$). Негативный индикатор С («пессимист», «несчастливый», «завистливый») достоверно отрицательно коррелирует со всеми шестью «интегральными показателями» СПА (во всех случаях при $p \leq 0,001$). Наконец, общий индекс СЭЛБ (А + В – С) достоверно положительно и с более высокими числовыми значениями коррелирует со всеми шестью «интегральными показателями» СПА (во всех случаях при $p \leq 0,001$).

Таблица 4. Взаимосвязь параметров методики СЭЛБ с показателями методики ТЖС (n = 55)

Table 4. Relationship between the parameters of SPEW method with those of the «Test of resilience (TR)» techniques

	Вовлеченность	Контроль	Риск	Жизнестойкость
А	,763***)	,677(***)	,583(***)	,747(***)
В	,612***)	,556(***)	,451(***)	,582(***)
А+В	,838***)	,748(***)	,654(***)	,818(***)
С	-,377**)	-,450(***)	-,399(**)	-,455(***)
А-В+С	,838***)	,786(***)	,682(***)	,850(***)

Прим.: *** $r = 0,43$, $p \leq 0,001$; ** $r = 0,35$, $p \leq 0,01$; * $r = 0,27$, $p \leq 0,05$.

Таблица 5. Корреляционные связи (по Спирмену) индикаторов, суммарных показателей и индекса СЭЛБ с «интегральными показателями» СПА (n = 1201)

Table 5. Correlations (according to Spearman) between the indicators, the consolidated figures and the SPEW index with the integral indicators of Socio-psychological adaptation methodology (SAM)

	Адаптация (А)	Самоприятие (S)	Принятие других (L)	Эмоциональный комфорт (E)	Интернальность (I)	Доминирование (D)
А	,356***	,334***	,304***	,396***	,265***	,239***
В	,288***	,284***	,238***	,262***	,272***	,172***
А+В	,373***	,358***	,313***	,387***	,309***	,238***
С	-,377***	-,356***	-,345***	-,375***	-,323***	-,176***
А+В-С	,422***	,401***	,360***	,428***	,349***	,244***

Прим.: *** $r = 0,10$, $p \leq 0,001$; ** $r = 0,08$, $p \leq 0,01$; * $r = 0,06$, $p \leq 0,05$.

Таблица 6. Корреляционные связи (по Спирмену) индикаторов, суммарного показателя и индекса СЭЛБ с параметрами методики ПВ (n = 381)

Table 6. Correlations (according to Spearman) between the indicators, the consolidated figures and the SPEW index with the Professional Burnout technique (PB)

	Эмоциональное истощение	Деперсонализация	Профессиональные достижения
А	-,275***	-,248***	,240***
В	-,230***	-,236***	,252***
А+В	-,298***	-,290***	,273***
С	,241***	,180***	-,130*
А+В-С	-,307***	-,275***	,259***

Прим.: *** $r = 0,17$, $p \leq 0,001$; ** $r = 0,14$, $p \leq 0,01$; * $r = 0,11$, $p \leq 0,05$.

Полученные достоверные связи также свидетельствуют о связи эмоционально-личностного благополучия с адаптацией, т. е. чем лучше развиты адаптационные способности, тем больше у человека шансов сохранить эмоционально-личностное благополучие. Однако, поскольку данные получены в корреляционном исследовании, мы можем лишь предположить направление выявленной связи, возможно, что ощущение человеком себя благополучным / неблагополучным повышает / понижает его адаптационные возможности.

Как видно из таблицы 6, позитивные индикаторы А («счастливый», «везучий», «оптимист»), В («успешный», «компетентный», «надежный») и суммарный показатель (А + В) достоверно отрицательно коррелируют с параметрами ПВ «эмоциональное истощение» и «деперсонализация» (во всех случаях при $p \leq 0,001$) и достоверно положительно коррелируют с параметром «профессиональные достижения» ПВ (во всех случаях при $p \leq 0,001$). Негативный индикатор С («пессимист», «несчастливый», «завистливый») достоверно положительно коррелирует с параметрами ПВ «эмоциональное истощение» и «деперсонализация» (в обоих случаях при $p \leq 0,001$) и достоверно отрицательно коррелирует с параметром «профессиональные достижения» ПВ (при $p \leq 0,05$). Индекс СЭЛБ (А + В – С) достоверно отрицательно коррелирует с параметрами ПВ «эмоциональное истощение» и «деперсонализация» (в обоих случаях при $p \leq 0,001$) и достоверно положительно коррелирует с параметром «профессиональные достижения» ПВ (при $p \leq 0,001$).

Таким образом, проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы:

1. Полученные корреляционные связи параметров методики СЭЛБ с показателями других методик, валидность и надежность которых доказаны и не вызывают сомнений, свидетельствуют в пользу конвергентной валидности мето-

дики СЭЛБ и подтверждают возможность ее использования в исследовательских целях.

2. Эмоциональный и личностный компоненты благополучия, отличаясь специфичностью корреляционных связей, являются самостоятельными определенностями конструкции «эмоционально-личностное благополучие». Вместе с тем данные компоненты образуют некую однородную целостность, контекстуальное единство, полученные корреляционные связи индекса СЭЛБ дают основание рассматривать эмоционально-личностное благополучие как интегративный, многогранный феномен, характеризующийся включенностью в структуру психической реальности. Именно целостность понимания эмоционально-личностного благополучия является условием создания новых актуальных векторов дальнейшего исследования данного феномена.

3. Позитивный и негативный компоненты эмоционально-личностного благополучия представляют собой два независимых измерения, и благополучие связано не столько с отсутствием негативного аффекта, сколько с балансом между ними.

4. Связи эмоционального компонента благополучия более сильные, по сравнению с корреляциями личностного компонента, что свидетельствует о том, что в формировании самооценки эмоционально-личностного благополучия несколько большую роль играют эмоции, стремление к удовольствию, удовлетворенность жизнью и собой, нежели сознательное, рациональное, целе- и смыслоориентированное стремление к улучшению качества жизни. Полученный результат говорит о необходимости разработки и проведения системы мероприятий, обеспечивающих переход от пассивной личности, управляемой эмоциями и внутренними диспозициями, к личности, предпринимающей усилия в достижении благополучия.

Литература

1. Archontaki D., Lewis G. J., Bates T. C. Genetic Influences on Psychological Well-Being: A Nationally Representative Twin Study // *Journal of Personality*. 2013. Vol. 81(2). P. 221–230.
2. Schmutte P. S., Ryff C. D. Personal and well-being: Reexamining methods and meanings // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1997. Vol. 73. № 3. P. 549–559. Режим доступа: http://www.researchgate.net/publication/13926178_Personality_and_Well-Being_Reexamining_Methods_and_Meanings (дата обращения: 17.03.2010).
3. Ryff C. D. Psychological well-being in adult life // *Current Directions in Psychological Science*. 1995. Vol. 4. № 4. P. 99–104.
4. Soto C. J. Is Happiness Good for Your Personality? Concurrent and Prospective Relations of the Big Five With Subjective Well-Being // *Journal of Personality*. 2015. Vol. 83(1). P. 45–55.
5. Elliot A. J., Thrash T. M., Murayama K. A. Longitudinal Analysis of Self-Regulation and Well-Being: Avoidance Personal Goals, Avoidance Coping, Stress Generation, and Subjective Well-Being // *Journal of Personality*. 2011. Vol. 79(3). P. 643–674.
6. Friedman H. S., Kern M. L., Reynolds Ch. A. Personality and Health, Subjective Well-Being, and Longevity // *Journal of Personality*. 2010. Vol. 78(1). P. 179–216.
7. Emmons R. A. Personal Strivings, Daily Life Events, and Psychological and Physical Well-Being // *Journal of Personality*. 1991. Vol. 59. № 3. P. 453–472.
8. Аргайл М. Психология счастья. СПб.: Питер, 2003. 271 с. Режим доступа: <http://www.nplife.ru/knigi/psyho/psihologija-schastja> (дата обращения: 14.08.2013).
9. Линч М. Базовые потребности и субъективное благополучие с точки зрения теории самодетерминации // *Психология. Журнал высшей школы экономики*. 2004. Т. 1. № 3. С. 137–142. Режим доступа: <http://www.hse.ru/data/2011/04/28/1210639599/137-142.pdf> (дата обращения: 02.05.2014).
10. Фесенко П. П. Осмысленность жизни и психологическое благополучие личности: автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 2005. 25 с.
11. Шамионов Р. М. Взаимосвязь субъективного благополучия с эмоциональной направленностью и ценностными ориентациями личности в разных условиях профессиональной социализации // *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика*. 2007. Т. 7. Вып. 1. С. 55–64.

12. Шамионов Р. М. Субъективное благополучие и ценностно-смысловые образования личности в профессиональной сфере // Известия Саратовского университета. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2006. Т. 6. № 1–2. С. 104–109.
13. Яремчук С. В. Субъективное благополучие как компонент ценностно-смысловой сферы личности // Психологический журнал. 2013. Т. 34. № 5. С. 85–95.
14. Елисеева О. А. Субъективное благополучие подростков в образовательных средах с разным уровнем психологической безопасности: автореф. дис. ... канд. психол. наук. Москва, 2012. 23 с.
15. Пономаренко Т. И. Установка как фактор формирования стратегии поведения: автореф. дис. ... канд. психол. наук. Новосибирск, 1998. 27 с.
16. Муздыбаев К. Удовлетворенность жизнью, ощущение счастья, переживание смысла собственного бытия (из опыта эмпирических исследований) // Рабочий класс СССР на рубеже 80-х годов. М.: Политиздат, 1981. С. 181–198.
17. Карапетян Л. В., Глотова Г. А. Эмоционально-личностное благополучие: монография. Екатеринбург: Уральский институт ГПС МЧС России, 2017. 211 с.

PSYCHOLOGICAL CORRELATES OF EMOTIONAL-PERSONAL WELL-BEING

Larisa V. Karapetian^{1, @}

¹ Ural Federal University, 51, Lenina Ave., Ekaterinburg, Russia, 620000

@karapetyanl@mail.ru

Received 29.05.2017. Accepted 18.10.2017.

Keywords: subjective well-being, psychological well-being, emotional-personal well-being, psychological correlates of well-being.

Abstract: The matter of well-being is one of the most important theoretical and experimental areas in modern psychology. Based on the analysis of domestic and foreign researches, the author differentiates the notion of subjective and psychological well-being, reveals their interrelationship and their correlates with both objective and subjective factors. With the aim of creating a holistic multidimensional construct that would combine subjective and personal well-being in the context of unity, the author introduces the concept of «emotional-personal well-being». The paper introduces a research methodology of self-evaluation of personal and emotional well-being (SPEW), which identifies and analyzes the psychological correlates of the phenomenon. According to the research, emotional and personal well-being components differ from each other in their specific correlations, but remain independent definitions of the «emotionally-personal well-being» constructs. However, these components form a certain homogeneous consistency. The correlation between the SPEW index and the indicators of standard psychodiagnostic techniques allows one to examine the emotional and personal well-being as an integrative, multidimensional phenomenon characterized by its inclusion in the structure of mental reality.

For citation: Karapetian L. V. Psikhologicheskie korreliaty emotsional'no-lichnostnogo blagopoluchiiia [Psychological Correlates of Emotional-Personal Well-Being]. *Bulletin of Kemerovo State University*, no. 4 (2017): 132–140. DOI:10.21603/2078-8975-2017-4-132-140.

References

1. Archontaki D., Lewis G. J., Bates T. C. Genetic Influences on Psychological Well-Being: A Nationally Representative Twin Study. *Journal of Personality*, vol. 81(2) (2013): 221–230.
2. Schmutte P. S., Ryff C. D. Personal and well-being: Reexamining methods and meanings. *Journal of Personality and Social Psychology*, 73, no. 3 (1997): 549–559. Available at: http://www.researchgate.net/publication/13926178_Personality_and_Well-Being_Reexamining_Methods_and_Meanings (accessed 17.03.2010).
3. Ryff C. D. Psychological well-being in adult life. *Current Directions in Psychological Science*, 4, no. 4 (1995): 99–104.
4. Soto C. J. Is Happiness Good for Your Personality? Concurrent and Prospective Relations of the Big Five with Subjective Well-Being. *Journal of Personality*, vol. 83(1) (2015): 45–55.
5. Elliot A. J., Thrash T. M., Murayama K. A. Longitudinal Analysis of Self-Regulation and Well-Being: Avoidance Personal Goals, Avoidance Coping, Stress Generation, and Subjective Well-Being. *Journal of Personality*, vol. 79(3) (2011): 643–674.
6. Friedman H. S., Kern M. L., Reynolds Ch. A. Personality and Health, Subjective Well-Being, and Longevity. *Journal of Personality*, vol. 78(1) (2010): 179–216.
7. Emmons R. A. Personal Strivings, Daily Life Events, and Psychological and Physical Well-Being. *Journal of Personality*, 59, no. 3 (1991): 453–472.
8. Argail M. *Psikhologiya schast'ia* [Happiness psychology]. Saint-Petersburg: Piter, 2003, 271. Available at: <http://www.nlplife.ru/knigi/psyho/psihologiya-schastja> (accessed 14.08.2013).

9. Linch M. Bazovye potrebnosti i sub»ektivnoe blagopoluchie s tochki zreniia teorii samodeterminatsii [Basic requirements and subjective wellbeing from the point of view of the theory of self-determination]. *Psikhologiya. Zhurnal vysshei shkoly ekonomiki* = *Psychology. Journal of the Higher School of Economics*, 1, no. 3 (2004): 137–142. Available at: <http://www.hse.ru/data/2011/04/28/1210639599/137-142.pdf> (accessed 02.05.2014).
10. Fesenko P. P. *Osmyslennost' zhizni i psikhologicheskoe blagopoluchie lichnosti*. Avtoref. Diss. kand. psihol. nauk [Intelligence of life and psychological wellbeing of the personality. Cand. psihol. Sci. Diss. Abstr.]. Moscow, 2005, 25.
11. Shamionov R. M. Vzaimosviaz' sub»ektivnogo blagopoluchiiia s emotsional'noi napravlennost'iu i tsennostnymi orientatsiiami lichnosti v raznykh usloviakh professional'noi sotsializatsii [Interrelation of subjective wellbeing with emotional orientation and valuable orientations of the personality in different conditions of professional socialization]. *Izvestiia Saratovskogo universiteta. Novaia seriia. Seriia: Filosofii. Psikhologiya. Pedagogika* = *New episode. Series: Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 7, no. 1 (2007): 55–64.
12. Shamionov R. M. Sub»ektivnoe blagopoluchie i tsennostno-smyslovye obrazovaniia lichnosti v professional'noi sfere [Subjective well-being and sense of values and the formation of personality in the professional sphere]. *Izvestiia Saratovskogo universiteta. Novaia seriia. Seriia: Filosofii. Psikhologiya. Pedagogika* = *New episode. Series: Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 6, no. 1-2 (2006): 104–109.
13. Iaremchuk S. V. Sub»ektivnoe blagopoluchie kak komponent tsennostno-smyslovoi sfery lichnosti [Subjective wellbeing as component of the valuable and semantic sphere of the personality]. *Psikhologicheskii zhurnal* = *Psychological Journal*, 34, no. 5 (2013): 85–95.
14. Eliseeva O. A. *Sub»ektivnoe blagopoluchie podrostkov v obrazovatel'nykh sredakh s raznym urovnem psikhologicheskoi bezopasnosti*. Avtoref. Diss. kand. psihol. nauk [Subjective wellbeing of teenagers in educational environments with the different level of psychological safety. Cand. psihol. Sci. Diss. Abstr.]. Moscow, 2012, 23.
15. Ponomarenko T. I. *Ustanovka kak faktor formirovaniia strategii povedeniia*. Avtoref. Diss. kand. psihol. nauk [Installation as factor of formation of strategy of behavior. Cand. psihol. Sci. Diss. Abstr.]. Novosibirsk, 1998, 27.
16. Muzdybaev K. Udovletvorennost' zhizn'iu, oshchushchenie schast'ia, perezhivanie smysla sobstvennogo bytiia (iz opyta empiricheskikh issledovaniia) [Satisfaction with life, feeling of happiness, experience of sense of own life (from experience of empirical researches)]. *Rabochii klass SSSR na rubezhe 80-kh godov* [The working class of the Soviet Union at the turn of the 80-ies]. Moscow: Politizdat, 1981, 181–198.
17. Karapetian L. V., Glotova G. A. *Emotsional'no-lichnostnoe blagopoluchie* [Emotional and personal wellbeing]. Ekaterinburg: Ural'skii institut GPS MChS Rossii, 2017, 211.

УДК 159.95 + 153.75 + 370.153

ВОЗРАСТНЫЕ ОСОБЕННОСТИ СТАНОВЛЕНИЯ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ У ШКОЛЬНИКОВ И СТУДЕНТОВ**Вадим П. Песков^{1, @}**¹ Иркутский государственный университет, Россия, 664003, г. Иркутск, ул. К. Маркса, 1

@ vpeskov@bk.ru

Поступила в редакцию 09.06.2017. Принята к печати 03.11.2017.

Ключевые слова: представление, яркость-четкость, контролируемость, живость, модальность, становление**Аннотация:** С помощью метода поперечных срезов выявляются сложившиеся тенденции в развитии представлений у школьников и студентов. В статье делается попытка ответить на вопрос о том, какую роль играют среди индивидуальных особенностей представления те или иные индивидуально изменчивые интегральные характеристики представления на различных этапах школьного и вузовского обучения. Приведены результаты исследования интегральных характеристик (яркость-четкость, контролируемость, живость) с учетом возраста и различных модальностей представления. Данное исследование выявляет вклад каждой интегральной характеристики представления на всем периоде обучения «школа – вуз», выделяя возрастные особенности становления представлений обучающихся школьников и студентов. В результате выделены два самостоятельных этапа, характеризующихся разной динамикой становления представлений – школьный и вузовский. Особенностью возрастных групп, соответствующих школе, является снижение живости и одновременный рост яркости-четкости, контролируемости, способности к представлению по яркости-четкости, а вузовских – ростом живости и одновременным снижением яркости-четкости, контролируемости и способности к представлению по яркости-четкости представлений.**Для цитирования:** Песков В. П. Возрастные особенности становления представлений у школьников и студентов // Вестник Кемеровского государственного университета. 2017. № 4. С. 141–152. DOI:10.21603/2078-8975-2017-4-141-152.

В данной статье нами затрагивается проблема многомерности описания представления с целью поиска как более полного, так и минимально достаточного набора характеристик представления, чтобы уйти от парциальности в измерениях и описаниях представлений, уточнить функциональную нагрузку его характеристик у школьников и студентов в учебной деятельности и перейти к интегральным характеристикам в описании, вскрывая новые особенности представлений учащихся на разных возрастных этапах обучения. Такая работа, как нам кажется, позволит раскрыть многомерную природу представления и внести упорядоченность в неоднородную картину состояния проблемы представления.

Актуальным, на наш взгляд, является развитие дифференциально-психологического подхода к выявлению когнитивной и регулирующей функций представления как психического образа в деятельности, заключающегося в обнаружении того вклада, который вносят те или иные интегральные характеристики представления (рассмотренные как индивидуально изменчивые переменные) в адекватность психического отражения и успешность конкретного вида деятельности. Повышает актуальность проведение исследований в рамках учебной деятельности, поскольку большинство исследований в этом направлении сегодня направлено на изучение взрослых людей [1–5].

Особую значимость данный подход приобретает в связи с необходимостью усиления исследований по изучению процесса построения школьником и студентом субъективной картины окружающего мира и его мировоззрения в целом. Необходимо ответить на вопрос: какую роль играют среди индивидуальных особенностей представления те или

иные индивидуально изменчивые характеристики представления на различных этапах школьного и вузовского обучения. Для нас важно, что применительно к представлениям возрастные особенности, рассматриваемые в генезисе, должны анализироваться как производные от условий обучения. Более того, возрастные изменения представлений стимулируют изменение в социально-педагогических условиях, необходимых для их развития.

Обзор научных исследований Ж. Пиаже, П. Шюана, Д. Ф. Маркса, Р. Гордона, Дж. Т. Э. Ричардсона, Л. М. Веккера, Г. Эббингауза, С. Л. Рубинштейна, Е. И. Тютюнника, А. А. Гостева, Б. М. Петухова, И. Н. Натальиной и др. показал, что существует проблема многомерности описания характеристик представления.

Так, например, А. А. Гостев [6] указывает, что можно выделить как общие характеристики вторичных образов (представлений), так и специфические. Кроме того, он [1] отмечает, что чаще других используются анализ продуктов актуализации образов в деятельности, оценка выполнения пространственных задач мысленного манипулирования, субъективное оценивание образов и т. д. Однако каждый из применяемых методических подходов дает свои специфические способы и меры измерения. Это актуализирует проблему соотношения получаемых характеристик друг с другом, их взаимодополнения как необходимого шага к созданию общей системы методов изучения психического образа.

Различные отечественные и зарубежные ученые ставили себе задачу найти как наиболее полный набор характеристик, описывающих конкретный вторичный образ (представление), так и выделить минимально достаточный набор интегральных характеристик.

Опираясь на исследования отечественных [1; 3; 6–7] и зарубежных [8–9] ученых, можно выделить три наиболее важных интегральных характеристики для исследования представлений: яркость-четкость, контролируемость и живость. Интегральность оценок яркости-четкости и контролируемости представлений является экспериментально подтвержденной [1; 9–10]. Яркость образа включает в себя многие частные его показатели, такие как дифференцированность, степень выпадения абсолютных величин, изменение метрики образа, фрагментарность и т. п., но и оказывается общим фактором для всех модальностей [9–10]. Контролируемость также является своеобразным общим показателем способностей к манипулированию образами, ибо охватывает различные аспекты способности произвольного оперирования в уме любым образным материалом. Гордон-тест, например, отражает контролируемость трех типов образов: трансформационных, статических, кинетических [9]. Живость – характеристика, отражающая динамику (изменчивость) представлений. Как отмечает А. А. Гостев [6], живость определяет смену процессов в образной сфере человека, указывая на то, что одно представление быстро сменяет другое.

Системный подход к проблеме требует поиска минимального набора интегральных характеристик – системных качеств, обеспечивающих экономность описания образа. Проведенное А. А. Гостевым [1] и Б. М. Петуховым [1] исследование показало наличие трех независимых факторов вторичных образов (представлений), а именно: яркость-четкость, контролируемость и живость. В итоге проведенной учеными факторизации индивидуальный тип образности был представлен в трехмерном пространстве выделенных ими факторов. Далее, опираясь на Осгуда, авторами был сделан вывод, что в выделенных факторах можно предположить своеобразный синтез парциальных характеристик образов различных модальностей в трехмерное пространство интегральных оценок образной сферы человека.

А. А. Гостев [6, с. 187] указывает: «Преодоление парциальности в измерениях вторичных образов, переход к интегральным характеристикам с исследованием корреляций значений факторов с другими психическими показателями помогает увидеть закономерности в организации образной сферы человека, которые на уровне первичных измерений не видны. Речь идет о нахождении новых связей с различными сторонами психики и деятельности / поведения».

Проводимые нами исследования [7; 10–12] подтверждают выводы ученого о том, что данные характеристики представления являются интегральными и отражают особенности представления как психического явления.

С целью более глубокого изучения генезиса представлений нами было проведено исследование, направленное на решение следующих задач: выявление вклада каждой интегральной характеристики представления на всем периоде обучения «школа – вуз», и выделение возрастных особенностей становления представлений обучающихся школьников и студентов.

Теоретико-методологическую основу исследования составили комплексный подход Б. Г. Ананьева, системный подход Б. Ф. Ломова, структурно-функциональные описания В. А. Ганзена, субъектно-деятельностная парадигма (С. Л. Рубинштейна, К. А. Абульхановой, А. В. Брушлинского), культурно-историческая теория детского развития

(Л. С. Выготского, Н. А. Менчинской, Л. И. Божович, А. В. Запорожца, М. И. Лисиной, Д. Б. Эльконина, В. В. Давыдова и др.), дифференционно-интеграционная теория развития (Н. И. Чуприковой, Ю. И. Александрова).

В качестве субъективного метода оценивания яркости-четкости представлений подростков был использован опросник Д. Маркса и опросник Шиана, для субъективного оценивания контролируемости представлений – опросник Гордона, в качестве субъективного метода оценивания живости представлений – опросник Шиана.

Совокупную выборку нашего исследования составили студенты-психологи (1–5 курс) и школьники (3–10 класс) из общеобразовательной школы г. Иркутска, общей численностью 506 человек. На начальном этапе исследования с помощью комплекса методик нами были проведены диагностические срезы по всему возрастному диапазону от 9 до 33 лет. Для получения достоверных результатов исследования данные прошли верификацию с целью исключения заведомо недостоверных данных.

Исходя из того, что на этом этапе исследования был получен большой объем эмпирических данных и рассмотрено большое число возрастных выборок, мы использовали процедуру укрупнения разрядов с целью выделения меньшего числа гомогенных возрастных групп, характеризующихся однородностью выраженности рассматриваемых показателей внутри группы. Это хорошо согласуется с общей логикой нашего исследования и более детально описывается в статье при обсуждении результатов.

Результаты исследования и обсуждение

На начальном этапе исследования мы выделили особенности возрастной динамики каждой интегральной характеристики представления. Ниже, на рис. 1 представлено распределение средних значений контролируемости, яркости-четкости, живости представлений и способности к представлению по яркости-четкости представлений в зависимости от возраста испытуемых.

Анализ рис. 1 показывает, что к возрастным особенностям представления можно отнести нелинейный характер распределения интегральных характеристик; динамику (изменение) интегральных характеристик представления как возрастное становление, характеризуемую наличием неких скачков (фаз), имеющих как характер подъемов, так и спадов; начальный этап (9 лет) всех распределений интегральных характеристик представления, характеризуемый уровнем ниже среднего по контролируемости представлений, близким к средним значениям по яркости-четкости представлений, ниже среднего – по живости представлений, выше среднего – по способности к представлению по яркости-четкости представлений.

Кроме того, анализ рис. 1 позволяет сделать вывод о том, что рассмотрение изучаемых характеристик по отдельным возрастам изолированно не имеет особого значения и представляется нам малопродуктивным, т. к. мы наблюдаем очень динамичную и на первый взгляд хаотичную картину, в которой угадываются некоторые тенденции в динамике характеристик.

Однако чтобы их увидеть, необходимо использовать более глубокий статистический анализ и системное описание рассматриваемой динамики изучаемых показателей.

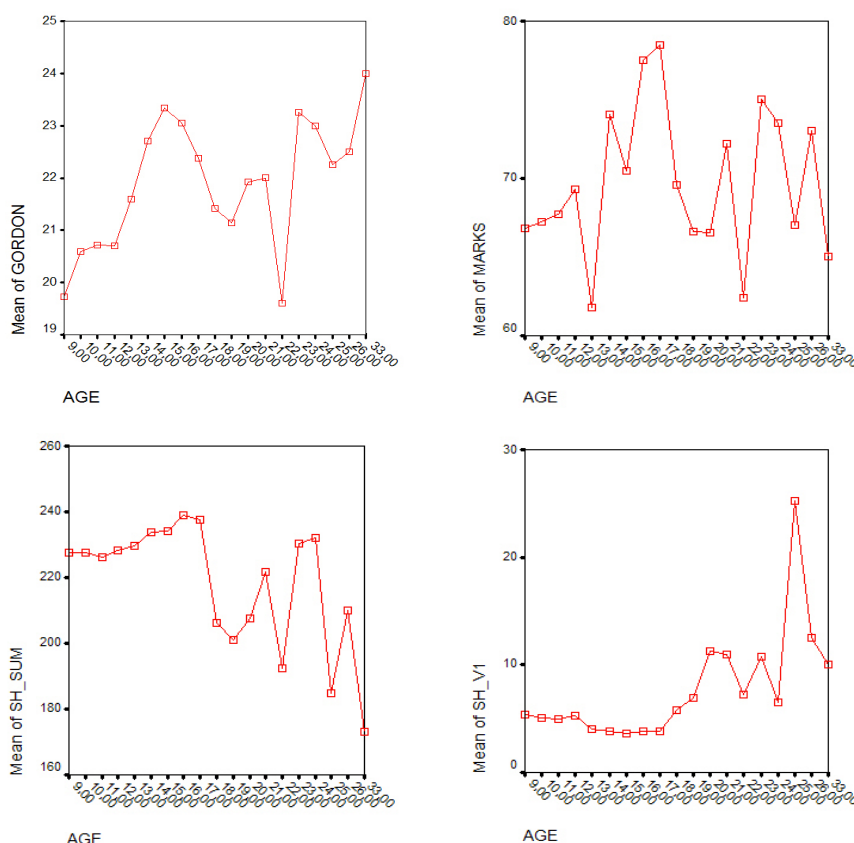

Рис. 1. Распределение средних значений контролируемости, яркости-четкости, способности к представлению по яркости-четкости, живости визуальных представлений в зависимости от возраста испытуемых

Примечание: Mean of Gordon – контролируемость; Mean of Marks – яркость-четкость; Mean of SH_SUM – способность к представлению по яркости-четкости; Mean of SH_V1 – живость визуальных представлений

Fig. 1. The distribution of the average values of controllability, values of brightness-clearness, values of the ability of brightness-clearness, values of the liveliness of visual representations depending on the age of the subjects

Note: Mean of Gordon – values of controllability; Mean of Marks – values of brightness-clearness; Mean of SH_SUM – values of the ability of brightness-clearness; Mean of SH_V1 – values of the liveliness of visual representations

Проведенный нами анализ исследований ПИ РАО [13] подтверждает сделанные нами выводы и показывает, что рассмотрение отдельного детского возраста как изолированного непродуктивно, его рассмотрение возможно, лишь если возраст выступает как переходная форма – исторического и онтогенетического развития.

Выявленные нами особенности возрастного распределения интегральных характеристик представления у респондентов разных возрастов еще раз подтверждают положение Д. Б. Эльконина [13, с. 203] о том, что «граница возраста», а в нашем конкретном случае возрастная граница деятельности представления, не является четкой, а в большей степени это условность. Реальная практика взаимодействия взрослого и обучающегося свидетельствует не об отчетливой обособленности возрастных форм усвоения опыта, а как раз об их взаимопроницаемости.

Кроме того, анализ работ таких отечественных ученых, как В. М. Бехтерев, П. П. Блонский, С. Л. Рубинштейн, П. И. Зинченко, А. А. Смирнов, Б. Ф. Ломов, Н. Н. Корж, В. А. Садов, Г. С. Костюк, А. В. Брушлинский, А. М. Матюшкин, Я. А. Пономарев, Д. Б. Эльконин и др., изучавших различные психические явления как процесс, позволили нам рассмотреть представление как психический процесс и выделить его характеристики – направленность, фаз-

ность (стадиальность), дискретность, непрерывность, детерминированность, и мультипликативность.

Однако проведенный анализ работ отечественных ученых показал, что стадии не имеют четких временных или каких-либо иных границ. Они настолько органически взаимосвязаны, что их нельзя рассматривать как дизъюнктивно отделенные друг от друга элементы, они как бы проникают друг в друга, сливаются, генетически переходят одна в другую. Каждая последующая стадия процесса в том или ином отношении качественно отличается от предыдущей. Преемственность между ними является генетической, в каждой предыдущей стадии зарождаются элементы последующей. В свою очередь, когда наступает эта последующая стадия, в ней формируются предпосылки новой и т. д.

Таким образом, рассмотрение представления в развитии должно отказаться от равновесности как критерия развития, а общей теоретической моделью изучения представления должно стать рассмотрение представления как развивающегося, становящегося психического явления, при этом представления обучающихся, соответствующие определенному возрасту (стадии генетического развития), характеризующиеся определенным набором качеств и признаков, вслед за Д. Б. Эльконым, могут быть рассмотрены как переходная форма – исторического и онтогенетиче-

ского развития представлений как самих обучающихся, так и общества в целом. Поэтому изучение представления в развитии требует от нас не только выделения какого-то этапа в развитии представления, но и определения вектора развития, наличной сегодняшней формы существования представления в будущее, превращая анализ предшествующих форм в исторический, тогда наличный этап будет являться переходным, двойственным, удерживающим направление развития.

Поскольку мы встречаемся с нелинейностью в возрастном генезисе представлений, с отсутствием четких границ (размытостью) возрастных этапов развития, требуется укрупнение переменных, характеризующих генезис представления и позволяющих более четко рассмотреть эти этапы (переходные формы) развития в генезисе представления. Эта задача как раз и достигается переходом от большого набора парциальных характеристик представления к интегральным.

Чтобы перейти от рассмотрения представлений в динамике, характеризующей непрерывный, нелинейный характер возрастных изменений представления, к рассмотрению становления представлений, остановимся на выделенных нами выше скачках, или переходных точках (фазах) этого становления в генезисе представлений и покажем, что в этих точках действительно существует статически значимое различие в интегральных характеристиках представления. Для чего соотнесем изменение (становление) отдельных, интегральных характеристик представления с возрастом испытуемых и постараемся выделить некоторое эволюционное движение в связи с возрастным становлением в генезисе представлений.

Для решения поставленной задачи нами была осуществлена процедура последовательного попарного сравнения значений всех рассматриваемых интегральных характеристик представления, соответствующих соседним (близким) возрастам, на основании расчетов статистических критериев Манна-Уитни и Колмогорова-Смирнова.

Анализ проводился по следующему алгоритму: отсутствие значимых различий при сравнении показателей двух ближайших возрастов мы рассматривали как интегрирующий (объединяющий) признак, позволяющий нам объединить рассматриваемые возрасты в одну группу. И наоборот, выявление различий при сравнении показателей двух ближайших возрастов, мы рассматривали как дифференцирующий признак, позволяющий нам выделить границы возрастных групп. Стоит отметить, что представление обучающихся, выступая в качестве переходной формы, изменяет значения своих интегральных характеристик не одновременно и не линейно от возраста к возрасту. Происходит постепенное накопление изменений сначала по ряду показателей, а затем уже окончательное изживание предыдущего этапа, что дает толчок для перехода к новому уровню.

В результате мы выделили группы, однородные по уровню выраженности интегральных характеристик представления (яркость-четкость, живость и контролируемость), по плотности или близости полученных результатов, так чтобы они были аппроксимированы или приближены к нормальному распределению. И таким образом, вся выборка была разделена на 5 возрастных групп, внутри которых интегральные характеристики представления (яркость-четкость, живость и контролируемость) не имели статистически значимых различий: в первую группу вошли респон-

денты в возрасте от 9–12 лет (287 чел.); во вторую – 13–15 лет (58 чел.); в третью – 16–17 лет (66 чел.); в четвертую – 18–19 лет (77 чел.) и в пятую – от 22 до 33 лет (18 чел.).

Для оценки наличия значимых различий между выделенными нами группами мы использовали однофакторный дисперсионный анализ (ANOVA). Результаты анализа показали, что выделенные нами 5 групп являются внутренне гомогенными и при этом статистически достоверно различаются по всем рассматриваемым нами показателям представлений. Поскольку дисперсионный анализ позволяет нам выявить различия в средних величинах и дисперсиях рассматриваемых нами интегральных характеристик представления в выделенных нами группах, поэтому, анализируя результаты, мы выявили, что по всем интегральным характеристикам представления группы имеют высоко значимые различия: яркость-четкость ($F=11,398$, при $p=0,000$), живость ($F=25,675$, при $p=0,000$) и контролируемость ($F=14,074$, при $p=0,000$), способность к представлению по яркости-четкости ($F=60,113$, при $p=0,000$).

На следующем этапе нашего анализа мы исследовали распределения средних значений интегральных характеристик представления с учетом выделенных нами групп. Начнем с рассмотрения распределений контролируемости, способности к представлению по яркости-четкости, яркости-четкости и живости представлений у респондентов выделенных нами возрастных групп, которые представлены ниже на рис. 2.

Анализ распределений выявил достаточно четкие тенденции в динамике интегральных характеристик представления (контролируемости, живости, яркости-четкости и способности к представлению по яркости-четкости). Мы выявляем рост и контролируемости, и яркости-четкости, и способности к представлению по яркости-четкости, и падение живости представлений на возрастном периоде 9–17 лет, соответствующем школьному обучению, и обратную тенденцию на этапе 18 лет – 33 года, соответствующему вузовскому периоду. Причем к окончанию школьного этапа обучения и контролируемость, и яркость-четкость, и способность к представлению по яркости-четкости достигают максимальных значений, а живость – минимальных. Но затем при переходе к вузовскому этапу обучения мы наблюдаем обратную динамику, причем более интенсивную динамику падения по яркости-четкости представлений и по способности к представлению по яркости-четкости и менее интенсивное падение – по контролируемости представлений.

Выявленная тенденция (динамика интегральных характеристик представления) указывает на то, что нами выявляются как минимум две фазы развития представлений в этом возрастном диапазоне (9–33 года), соответствующие школьному и вузовскому этапам обучения.

Опираясь на результаты наших исследований [10; 12], можно утверждать, что высокие значения по яркости-четкости указывают на то, что не существует преобладания свертывания образного материала над дифференциацией, высокий уровень контролируемости указывает на то, что представления становятся более вязкими, стабильными, нормативными, эталонными, что сочетается с высокой яркостью-четкостью и высокой способностью к представлению по яркости-четкости и низкой живостью представле-

ний. Обнаруженная нами закономерность [12] указывает на усиление нелинейности характера взаимосвязи между интегральными факторами, близкой к результатам, полученным на взрослой выборке, что, по мнению исследователей [1], является более оптимальным. Выявленный нами [10; 12]

результат показывает, что в конце школьного периода обучения выпускники обладают более сильными способностями к манипулированию представлениями, произвольному оперированию любыми представлениями в уме, связи между

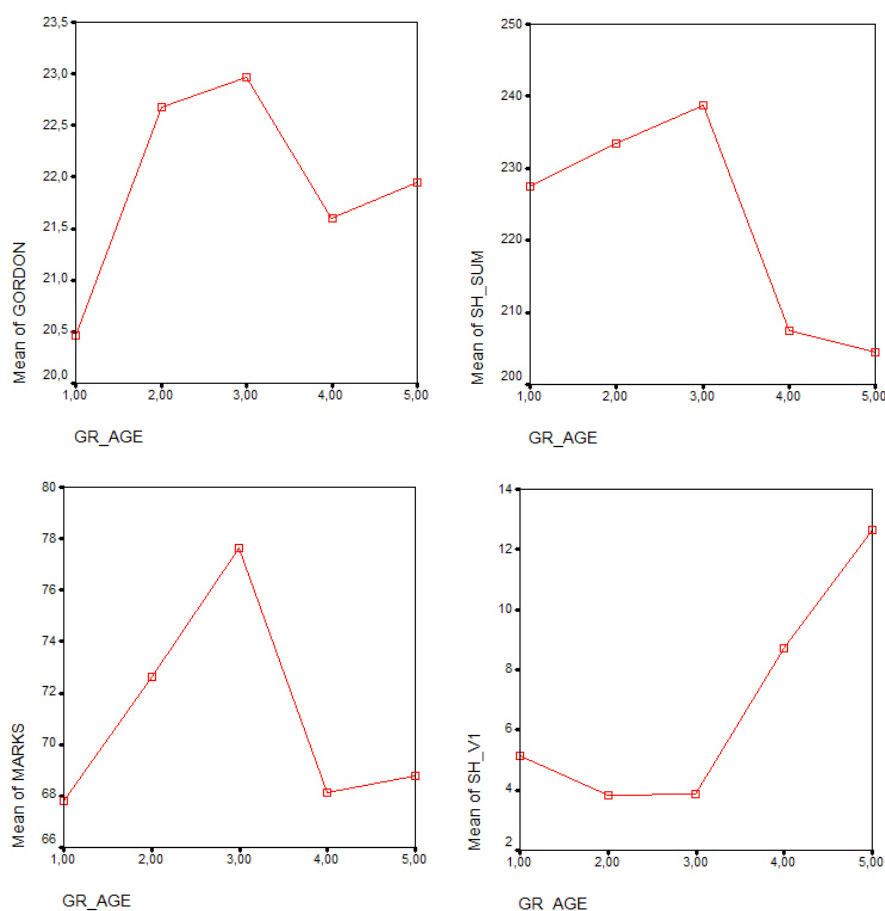

Рис. 2. Средние значения контролируемости, яркости-четкости представлений и способности к представлению по яркости-четкости у учащихся различных возрастных групп

Примечание: Mean of Gordon – контролируемость; Mean of Marks – яркость-четкость; Mean of SH_SUM – способность к представлению по яркости-четкости; Mean of SH_V1 – живость визуальных представлений; 1 – 9–12; 2 – 13–15; 3 – 16–17; 4 – 18–21; 5 – 22–33

Fig. 2 Average values of controllability, brightness-clearness ability to representations for brightness-clearness of representations among students of various age groups

Note: Mean of Gordon – values of controllability; Mean of Marks – values of brightness-clearness; Mean of SH_SUM – values of the ability of brightness-clearness; Mean of SH_V1 – values of the liveliness of visual representations; 1 – 9–12; 2 – 13–15; 3 – 16–17; 4 – 18–21; 5 – 22–33

интегральными характеристиками представления, и сама структура представлений становится жестче.

Кроме того, наши исследования [12] выявляют, что происходит упорядоченность представлений и переход психики к более экономичному с точки зрения энергоемкости состоянию. К концу школьного этапа складывается иерархия представлений, что позволяет говорить о большой интегрированности дифференцированных представлений различной модальности и выделении наиболее востребованных и при этом доминирующих у учащихся модальностей (слух-зрение). На основании накопленных в биологии и анатомии знаний можно предположить, что это является результатом некоторой специализации в развитии.

Как и в более ранние периоды развития, продолжается накопление информации, но уже нет необходимости в приобретении любой информации, а только той, которая отличается своей новизной, поскольку большинство информации, используемой школьником к концу школьного этапа, является репродукцией той, которая аккумулирована в более ранних представлениях и находится на периферии сознания или в бессознательном.

Попробуем найти объяснение полученным результатам, для чего обратимся к исследованиям отечественных психологов Д. Б. Эльконина, В. В. Давыдова, Б. Ф. Ломова и др., изучавших различные психические явления в развитии. Проведенный анализ позволяет нам заключить, что представления необходимо рассматривать как развивающиеся,

становящееся психическое явление, как переходную форму, что требует от нас выделения как некоторых результатов (стадий, фаз) в развитии, так и процесса изменения (становления, развития).

Для характеристики развития Д. Б. Эльконин [13, с. 182] выделяет источники и движущие силы (условия развития, источники, форму и движущие силы). С другой стороны, отечественные ученые, выделяя внешние и внутренние детерминанты развития психических процессов, указывают на то, что на каждой стадии развития формируется некоторый результат, который включается в систему действующих детерминант, так или иначе, изменяя ее.

В нашем конкретном случае рассмотрение развития представлений в возрастном диапазоне (9 лет – 33 года) характеризуется наличием двух фаз, соответствующих школьному и вузовскому этапам обучения. В ходе развития представлений как психического процесса на каждой его стадии формируются новообразования, т. е. результаты. Итог (результат развития) первой фазы включается в систему действующих детерминант второй фазы, изменяя условия ее протекания (становления). Результат возникает в ходе трансформации стадии (или этапа) процесса представления в структурные уровни его организации.

Выше мы уже описали результат (итог) развития первой фазы (школьное обучение). Теперь остановимся на детерминантах второй фазы развития (вузовское обучение). Опираясь на вышесказанное, одной из детерминант развития представлений на второй фазе становится результат развития первой фазы: связи между интегральными характеристиками представления и сама структура представлений становятся жестче; складывается иерархия представлений, выделяются наиболее востребованные и при этом доминирующие модальности представлений; возникает некоторая их специализация; уже нет необходимости в приобретении любой информации, а только в той, которая отличается своей новизной, поскольку большая часть информации, используемой школьником, является репродукцией той, которая аккумулирована в более ранних представлениях и находится на периферии сознания или в бессознательном. С другой стороны, к детерминантам относятся условия развития: рост и созревание организма, переход к другому возрастному этапу развития, этап обучения.

Особенностью второй фазы развития представлений является то, что она связана не только с обучением, но и с необходимостью включения во взрослую, самостоятельную, профессиональную жизнь, а потому связана с формированием профессионально важных качеств, что инициирует начало трансформации представлений о мире и о себе.

Выделив условия развития представлений на втором этапе, остановимся на источниках его развития. Источники развития связаны, с одной стороны, с изменением среды со школьной на вузовскую, с чисто учебной – на профессиональную, с детской – на взрослую (самостоятельную, профессиональную). Однако к источникам относится не только среда, но и идеальная форма. Идеальная форма, с точки зрения отечественных исследователей, «...отражает будущее ребенка...задает смысл настоящему, а в ведущей деятельности совершается освоение этого смысла...носителем идеальной формы является другой человек (для ребенка взрослый)» [13, с. 184].

На второй фазе развития при переходе из школы в вуз меняются как идеальные формы, так и их носители, а смена идеальных форм – это смена «...оснований видения мира и жизни в нем...» [13, с. 184]. Таким образом, переход на вторую фазу развития представлений связан с кризисом представлений и с их изменением.

Следующий элемент анализа процесса развития, по Д. Б. Эльконину, – это форма, точнее, учение как форма отношений ребенка и общества. В школе она более комфортна, более репродуктивна, в вузе более самостоятельна, независима. В подходе Л. С. Выготского [13, с. 204] при рассмотрении развития вводится такой параметр, как социальная ситуация развития – это отношение между ребенком и окружающей его действительностью, прежде всего социальной. Характеризуя форму на второй фазе развития представлений, мы можем воспользоваться параметром социальной ситуации развития, и тогда мы отмечаем, что, опираясь на вышесказанное, можно заключить, что при переходе на вторую фазу развития она изменяется.

И последний элемент анализа – это движущие силы (противоречия). Выше мы уже отмечали, что переход с одной фазы на другую связан как с возрастным кризисом, так и с кризисом представлений.

Опираясь на большое число работ, посвященных кризисам психического развития, выполненных в рамках Московской психологической школы [13], мы можем выделить, что «...если в предшествующий стабильный период действительно возникает некоторое психологическое образование, некоторая способность в собственном смысле слова...т. е. способность свободная от деятельности, ее сформировавшей, нужно ли тогда вообще говорить о кризисе, о разрыве в поступательном движении?...в стабильный период новообразование формируется, но лишь объективно, его может обнаружить сторонний наблюдатель, для ребенка же этого новообразования еще нет...ребенок сам еще этой новой способностью не владеет. Для ее обнаружения самим ребенком, для превращения ребенка в субъект новой способности нужны соответствующие условия, если же их нет, способность не обнаруживается. Таким условием и оказывается пространство кризиса... Деструктивная составляющая направлена на старые, привычные формы совместности ребенка и взрослого, привычные ситуации действия, конструктивная же есть форма созидания новой совместности (ситуации)» [13, с. 206–207].

В нашем конкретном случае речь идет о представлениях человека, о способности к представлению, о процессе представления, о его форме. Итогом первой фазы развития представлений (школьный этап) являются сформировавшиеся у ребенка представления о мире и о себе. Кроме того, сформировался некоторый механизм их создания – процесс представления или, что одно и то же, способность получать эти представления (способность к представлению). Выше мы уже охарактеризовали представления, сложившиеся на первом этапе развития как жесткие, экономичные, специализированные, иерархизированные. Что совпадает в онтогенезе с формированием собственного мировоззрения у ребенка.

К. Н. Поливанова, анализируя работы отечественных ученых, посвященных исследованию кризисных периодов в развитии, показывает: «Для эманации способности необходима определенная специальная работа, работа по субъ-

ективации способности. Фактически речь идет о своеобразной двухтактности образования субъективной способности. На первом шаге (в стабильный период) формируется способность внутри некоторой целостности условий, на этом шаге способность принадлежит не субъекту, а именно этой целостности. Далее необходим следующий шаг – вычленение способности из породивших ее условий, по нашему исходному положению это и есть кризис развития. Сопоставление новообразований различных возрастных периодов показывает, что все они связаны с возникновением произвольности, т. е. свободы от внешних обстоятельств» [13, с. 207].

Этот вывод опирается на культурно-историческую теорию развития Л. С. Выготского, а также на работы его учеников, ученых Московской психологической школы Д. Б. Эльконина, Л. И. Божович, Т. В. Ермоловой, Т. В. Драгуновой и др. Согласно Л. С. Выготскому [14], второй план возрастного развития – социальное (культурное, психическое) развитие: переход от непосредственных форм и способов поведения к опосредованным (ВПФ) через присвоение культуры и социальных норм поведения. В итоге познавательные процессы становятся произвольными; ВПФ первоначально возникают в форме сотрудничества ребенка с взрослым, т. е. путем присвоения готовых образцов, а позже – как формы поведения самого ребенка; во всех ВПФ движение происходит от экстериоризованных форм к интериоризованным.

К. Н. Поливанова, анализируя работы Л. С. Выготского [13, с. 208], выделяет: «До кризиса действия, производимые ребенком, в определенном приближении можно было рассматривать как действия, направленные на предмет. В кризисе же на первый план выступает другой аспект действия – как направленного на самого действующего».

Применительно к нашей проблеме можно сказать, что на школьном этапе развития представлений действия представляли были направлены на предмет. Представление происходило в форме сотрудничества ребенка с взрослым, т. е. путем присвоения готовых образцов. Однако переход на следующий этап развития потребовал от учащегося перенаправить действие представляющего на себя, с учетом собственного мировоззрения. В вузовский период развития отношения между ребенком и взрослым меняются, и процесс представляющего должен стать самостоятельным, произвольным, субъективным (ориентированным уже на собственное мировоззрение).

Подтверждение сказанному мы находим в анализе К. Н. Поливановой: «Субъективация способности требует опробования этой способности в ситуациях, новых по отношению к ситуациям порождения способности... в кризисе на первый план выступает момент ощущения действия, выяснения его значения как отношения действия и ситуации. Именно это мы и называем субъективацией. Механизмом субъективации становится проба. Пробуя себя в качестве действующего, ребенок должен остановить непосредственное действие, иногда даже пробовать не действовать, чтобы почувствовать себя, свое потенциальное действие... Реакции на привычную ситуацию скорее можно квалифицировать как разрушение ситуации действия... Но именно разрушение привычной ситуации и есть необходимое условие обнаружения собственного действия» [13, с. 208].

Л. С. Выготский [13, с. 204–205] указывает по этому поводу, что построение нового отношения обязательно предполагает разрушение старого.

Итак, субъективация способности к представлению на вузовском этапе требует от учащегося опробования процесса представляющего в новых условиях, т. е. разрушение привычных форм представляющего и создание нового ощущения действия представляющего как собственного, связанного с выяснением его значения через отношение действия представляющего и ситуации. Расширение опыта (от учебного к профессиональному, от действия по образцу к самостоятельному) позволяет создавать все более сложные теории и сценарии действий, что приводит к тому, что представления становятся сложнее; анализируются не только реальные, но и гипотетические варианты развития ситуации; представления все больше начинают зависеть от накопленных знаний о себе, чем от мнений других людей.

К. Н. Поливанова [13, с. 209] приходит к следующему выводу: «В стабильные периоды это отношение опосредовано культурой трансляции идеальной формы... в дебюте кризиса ребенок открывает новую идеальную форму, и ее отношение к реальной становится социальной ситуацией развития».

В отечественной психологии подробно разработаны все этапы кризиса, для нас важно, что «...новой социальной ситуацией развития: принимаются новые формы культурной трансляции идеальной формы... Реализуется новая идеальная, а не идеализированная форма не формальная, а полноценная... в критический период происходит полный акт развития – двойной переход: реальное – идеальное и свое – иное (Д. Б. Эльконин)» [13, с. 210].

Разрешение кризиса, его конструктивное разрешение связано с созданием новой совместности (ситуации развития), отвечающей новым условиям обучения в вузе, на основе механизма субъективации, о котором мы уже упоминали выше, заключающемся в превращении привычного результативного действия представляющего в пробующее, экспериментирующее. Все сказанное вполне отвечает полученным нами результатам на второй фазе развития представлений: рост живости представлений, отражающей их динамику (изменчивость). И снижение остальных интегральных характеристик, отражающих их устойчивость.

Итак, переход ко второму этапу обнажает складывающееся противоречие между внутренними и внешними условиями обучения учащихся. С одной стороны, предыдущий этап детерминировал (подготовил) условия для дальнейшего развития представлений: готовность к восприятию нового, сложилась иерархия представлений, их специализация; произошел переход к более экономичной форме существования психики (структуры представлений) и пр., но, с другой стороны, мы видим, что созданные внутренние условия не отвечают полностью складывающимся внешним условиям развития: меняется социальная ситуация развития – отношение между ребенком и окружающей его действительностью. Вслед за изменившимися социальными условиями протекания (становления) на второй фазе происходит трансформация процесса представляющего, что в свою очередь в дальнейшем повлияет и на структурные уровни организации представления, изменив представления о мире и о себе.

Далее мы исследовали особенности распределений яркости-четкости (рис. 3–4) и живости представлений (рис. 5–6)

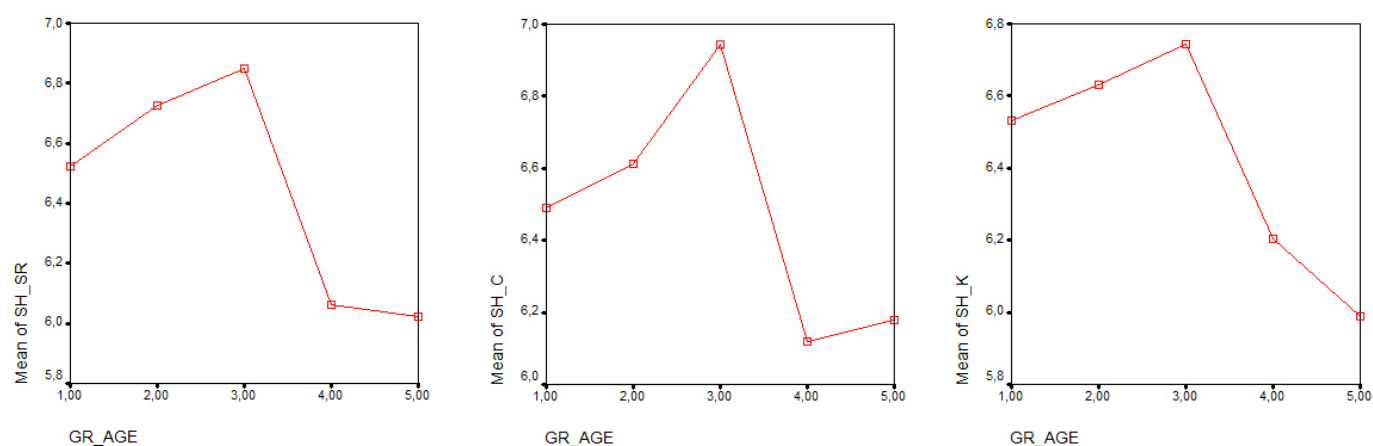

Рис. 3. Распределение яркости-четкости визуальной, аудальной, тактильной модальности по методике Шиана у учащихся различных возрастных групп

Примечание: Mean of SH_SR – визуальная модальность; Mean of SH_C – аудальная модальность; Mean of SH_K – тактильная модальность; 1 – 9–12; 2 – 13–15; 3 – 16–17; 4 – 18–21; 5 – 22–33

Fig. 3. The distribution of brightness-clearness of visual, audial, tactile modality according to the Sheehan method among students of various age groups

Note: Mean of SH_SR – visual modality; Mean of SH_C – audial modality; Mean of SH_K – tactile modality; 1 – 9–12; 2 – 13–15; 3 – 16–17; 4 – 18–21; 5 – 22–33

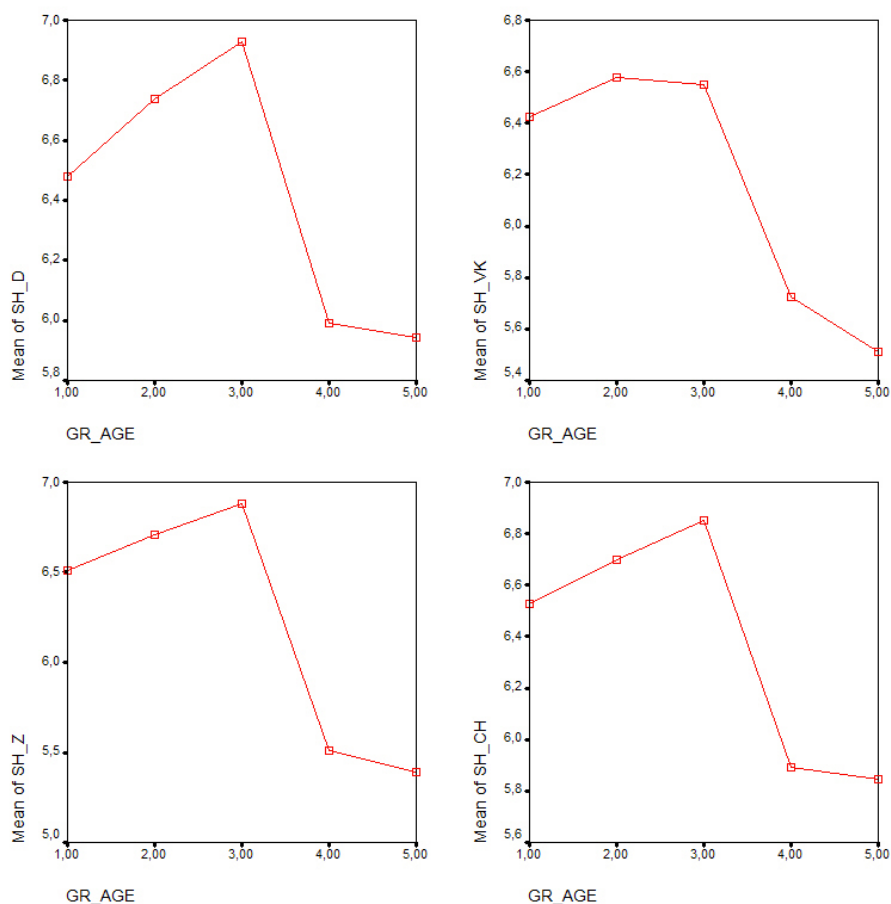

Рис. 4. Распределение яркости-четкости модальности о результатах действий, вкусовой, обонятельной, о чувствах по методике Шиана у учащихся различных возрастных групп

Примечание: Mean of SH_D – о результатах действий; Mean of SH_VK – вкусовая; Mean of SH_Z – обонятельная; Mean of SH_CH – о чувствах; 1 – 9–12; 2 – 13–15; 3 – 16–17; 4 – 18–21; 5 – 22–33

Fig. 4. The distribution of brightness-clearness of modality on the results of action, gustatory modality, olfactory modality, modality of the senses by the Sheehan method among students of various age groups

Note: Mean of SH_D – modality on the results of action; Mean of SH_VK – gustatory modality; Mean of SH_Z – olfactory modality; Mean of SH_CH – modality of the senses; 1 – 9–12; 2 – 13–15; 3 – 16–17; 4 – 18–21; 5 – 22–33

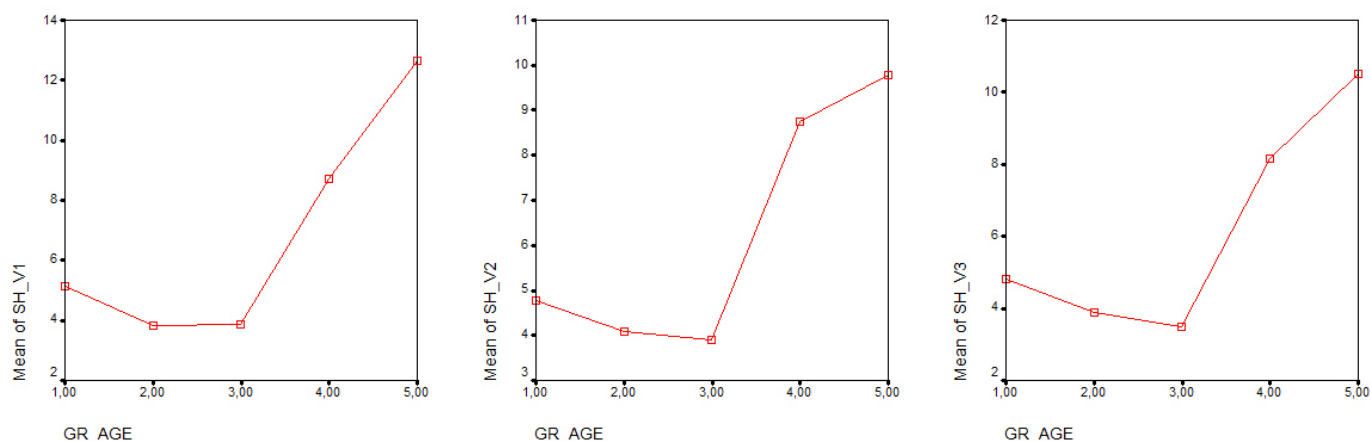

Рис. 5. Распределение живости визуальной, аудальной, тактильной модальностей по методике Шиана у учащихся различных возрастных групп

Примечание: Mean of SH_V1 – визуальная; Mean of SH_V2 – аудальная; Mean of SH_V3 – тактильная; 1 – 9–12; 2 – 13–15; 3 – 16–17; 4 – 18–21; 5 – 22–33

Fig. 5. The distribution of the liveliness of visual, audial, tactile modality according to the Sheehan method among students of various age groups

Note: Mean of SH_V1 – visual modality; Mean of SH_V2 – audial modality; Mean of SH_V3 – tactile modality; 1 – 9–12; 2 – 13–15; 3 – 16–17; 4 – 18–21; 5 – 22–33

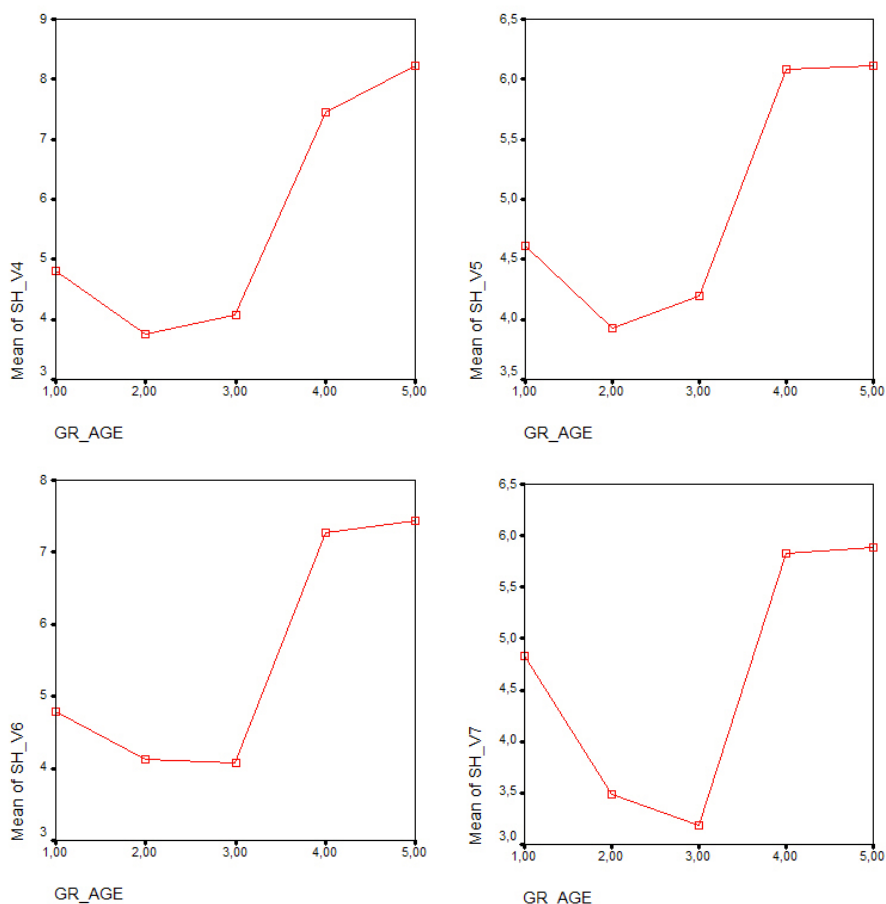

Рис. 6. Распределение живости представлений модальностей о результатах действий, вкусовой, обонятельной, о чувствах по методике Шиана у учащихся различных возрастных групп

Примечание: Mean of SH_V4 – о результатах действий; Mean of SH_V5 – вкусовая; Mean of SH_V6 – обонятельная; Mean of SH_V7 – о чувствах; 1 – 9–12; 2 – 13–15; 3 – 16–17; 4 – 18–21; 5 – 22–33

Fig. 6. The distribution of the liveliness of modality on the results of action, gustatory modality, olfactory modality, modality of the senses by the Sheehan method among students of various age groups

Note: Mean of SH_V4 – modality on the results of action; Mean of SH_V5 – gustatory modality; Mean of SH_V6 – olfactory modality; Mean of SH_V7 – modality of the senses; 1 – 9–12; 2 – 13–15; 3 – 16–17; 4 – 18–21; 5 – 22–33

с учетом различных модальностей представлений в выделенных нами возрастных группах:

Углубление анализа с учетом различных модальностей представления (рис. 3–6) показало аналогичную ранее описанную динамику представлений по соответствующим интегральным характеристикам, что подтверждает сделанные ранее выводы. К особенностям первых трех этапов возрастного становления представлений, соответствующих школьной фазе развития представлений (9–12; 13–15; 16–17), является последовательное возрастание контролируемости, яркости-четкости представлений и способности к представлению по яркости-четкости, а также одновременное снижение живости представлений по всем модальностям;

Далее по достижению 18 лет отмечается обратная динамика по всем модальностям представлений (снижение контролируемости, яркости-четкости, способности к представлению по яркости-четкости и одновременный рост живости представлений), которая свидетельствует о том, что произошли какие-то качественные изменения, которые потребовали от психики перейти на более экономный вариант существования.

Однако в распределении живости мы фиксируем некоторую специфику в динамике. Первые три этапа становления (школьный возраст) для визуальной, аудиальной и тактильной модальностей представления мы фиксируем более равномерное (умеренное) снижение живости от одной возрастной группы к другой, в то время как для остальных модальностей (обонятельной, о действиях, о чувствах, вкусовой) происходит более акцентированное снижение живости представлений на возрастном этапе 13–15 лет. На следующем этапе развития представлений в период с 18 лет по 21 год, акцентируется рост живости по таким модальностям, как визуальная, аудиальная, тактильная, о действиях и замедление роста живости представлений по вкусовой, обонятельной модальностям и модальности о чувствах.

Как мы уже выделяли выше, изучая представления в развитии, необходимо не только выделять тот или иной этап в развитии представлений, следующий друг за другом, но и выявлять основной вектор в развитии представлений, наличной (сегодняшней) формы существования представления в будущее, превращая анализ предшествующих форм в исторический. Только при таком анализе наличный этап становится переходным, двойственным, удерживающим направление развития.

В заключение подведем некоторые итоги.

Возрастные особенности представлений, рассматриваемые в генезисе как результат (переходная форма в развитии), должны анализироваться как производные от условий обучения.

Возрастные изменения представлений стимулируют изменение в социально-педагогических условиях, необходимых для их дальнейшего развития.

Динамика интегральных характеристик представления: яркость-четкость, контролируемость и живость помогает увидеть закономерности возрастных форм усвоения опыта в организации образной сферы человека.

Рассмотрение представления в развитии не только с продуктивной точки зрения, но и с процессуальной стороны, позволяет выделить такие характеристики представления, как направленность, фазность (стадиальность), дискрет-

ность и непрерывность, детерминированность, мультипликативность.

Выявленные нами особенности возрастного распределения интегральных характеристик представления у респондентов разных возрастов еще раз подтверждают положение Д. Б. Эльконина о том, что «граница возраста», а в нашем конкретном случае возрастная граница деятельности представления, не является четкой, а в большей степени это условность.

Рассмотрение представления в развитии должно отказаться от равновесности как критерия развития, а общей теоретической моделью изучения представления должно стать рассмотрение представления как развивающегося, становящегося психического явления, как переходной формы, что требует от нас не только определения какого-то этапа в развитии представления, но и определения вектора развития, наличной сегодняшней формы существования представления в будущее.

Выявленные нами нелинейность в возрастном генезисе представлений, отсутствие четких границ (размытость) возрастных этапов развития, требует укрупнения переменных, характеризующих генезис представления и позволяющих более четко рассмотреть эти этапы (переходные формы) развития в генезисе представления, что и достигается переходом от большого набора парциальных характеристик представления к интегральным.

На возрастном диапазоне развития представлений (школа, вуз), выделяется два самостоятельных этапа: школьный и вузовский, характеризующиеся разной динамикой (трендом) развития.

Особенностью школьного этапа является снижение живости и одновременный рост яркости-четкости, контролируемости, способности к представлению по яркости-четкости, что указывает на отсутствие преобладания свертывания образного материала над дифференциацией; представления становятся более вязкими, стабильными, нормативными, эталонными, усиливается нелинейность характера взаимосвязи между интегральными факторами; усиливается способность к манипулированию представлениями, произвольному оперированию любыми представлениями в уме; связи между интегральными характеристиками представления и сама структура представлений становятся жестче; происходит упорядоченность представлений и переход психики к более экономичному с точки зрения энергоемкости состоянию; складывается иерархия представлений; повышается интегрированность дифференцированных представлений различной модальности, выделяются наиболее востребованные и доминирующие модальности (слух-зрение) представления, возникает их специализация; в развитии представлений продолжается накопление информации, но уже нет необходимости в приобретении любой информации, а только той, которая отличается своей новизной, поскольку большинство информации, используемой школьником к концу первого этапа, является репродукцией той, которая аккумулирована в более ранних представлениях и находится на периферии сознания или в бессознательном.

Особенностью второго этапа является рост живости и одновременное снижение яркости-четкости, контролируемости, способности к представлению по яркости-четкости, что указывает на то, что существует преобладание

свертывания образного материала над дифференциацией, низкий уровень контролируемости указывает на то, что представления становятся нестабильными, что сочетается с низкой яркостью-четкостью и низкой способностью к представлению по яркости-четкости и высокой живостью представлений; снижается способность к манипулированию представлениями; продолжается накопление информации, но уже связанной с профессиональной деятельностью, которая отличается своей новизной; переход психики к менее экономичному с точки зрения энергоемкости состоянию.

Рассмотрение источников и движущих сил (условия развития, источники, форму и движущие силы) развития представлений на каждом этапе, выделение внешних и внутренних детерминант развития представления как психи-

ческого процесса позволяют вскрыть механизм трансформации процесса представления при переходе с одной фазы на другую, влияющий как на структурные уровни организации представления, так и на содержание представлений о мире и о себе.

Чтобы понять суть представлений, следует выйти за пределы явлений в том виде, в котором они предстают перед субъектом, чтобы исследовать их детерминанты и процессы, лежащие в их основе. Психология познавательных процессов должна объяснить представление, возникающее в осмысленном социальном контексте, т. е. объяснить, что и как человек представляет. Адекватная концептуальная модель должна отразить всю сложность представления как одну из ступеней процесса познания.

Литература

1. Гостев А. А., Петухов Б. М. Измерение и факторизация характеристик вторичных образов // Вопросы психологии. 1987. № 2. С. 134–141.
2. Гостев А. А. Индивидуальные особенности пространственных представлений в операторской деятельности // Психологический журнал. 1982. Т. 3. № 1. С. 101–109.
3. Натальина И. Н. Об изучении индивидуальных особенностей вторичных образов // Психологический журнал. 1992. Т. 13. № 1. С. 24–29.
4. Петухов Б. М. Информационная совместимость оператора с режимами работы: автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 1985. 277 с.
5. Петухов Б. М. Мотивации, образы и отношения в произвольной регуляции состояний оператора // Проблемы диагностики и управления состоянием человека-оператора. М., 1984. С. 167–170.
6. Гостев А. А. Психология вторичного образа. М.: Институт психологии Российской академии наук, 2007. 512 с.
7. Песков В. П. Особенности структуры представлений и ее формирование у детей школьного возраста: автореф. дисс. ... канд. психол. наук. Иркутск, 2005. 22 с.
8. Вундт В. Сознание и внимание // Общая психология: Сб. текстов: [В 3 вып.] / под общ. ред. В. В. Петухова. М.: Психология, 2000. С. 52–68.
9. Ричардсон Джон Т. Э. Мысленные образы. Когнитивный подход. М.: Когито-центр, 2006. 250 с.
10. Песков В. П. Исследование интегральных характеристик представления на различных этапах школьного обучения // Психология обучения. 2015. № 3. С. 16–31.
11. Песков В. П. Различия структуры представлений у интеллектуально одаренных и среднеинтеллектуальных подростков // Психологическая наука и образование. 2010. № 2. С. 28–35.
12. Песков В. П. Становление интермодальных представлений на этапах школьного развития // Бюллетень Восточно-Сибирского научного центра Сибирского отделения Российской академии медицинских наук. 2015. № 4 (104). С. 74–78.
13. Московская психологическая школа: история и современность: [в 3 т.] / под общ. ред. В. В. Рубцова. М.: Психологический институт Российской академии образования: Московский государственный психолого-педагогический университет, 2004. Т. II. 368 с.
14. Выготский Л. С. История развития высших психических функций // Собрание сочинений. В 6 т. М.: Педагогика, 1983. Т. 3.

AGE PECULIARITIES OF REPRESENTATION FORMATION IN SCHOOLCHILDREN AND UNDERGRADUATE STUDENTS

Vadim P. Peskov^{1, @}

¹ Irkutsk State University, 1, Karl Marx St., Irkutsk, Russia, 664003
@vpeskov@bk.ru

Received 09.06.2017. Accepted 03.11.2017.

Keywords: representations, brightness-clearness, controllability, liveliness, modality, formation

Abstract: The research uses the method of cross sections to identify the current trends in the development of representations among schoolchildren and undergraduate students. The article is an attempt to answer the following question: what is the role of individual features of representation, certain individually changeable integral features of performance at various

stages of school and university education? It features the results of the study of the integral characteristics (brightness-clearness, controllability and liveliness), taking into account age and different modalities of representation. This study reveals the contribution of each of the integral features of representation throughout the period of study by highlighting age-related peculiarities of formation of representations in pupils and students. The study has identified two distinct phases, characterized by different dynamics of representation formation, the school period and the higher education period. The first one displays the following features: a decrease in liveliness and a simultaneous increase in brightness-clearness, controllability, and ability to representations brightness-clearness. The second period shows an increase in liveliness and simultaneous decrease in brightness-clearness, controllability and ability to representations of the brightness-sharpness of representations.

For citation: Peskov V. P. Vozrastnye osobennosti stanovleniia predstavlenii u shkol'nikov i studentov [Age Peculiarities of Representation Formation in Schoolchildren and Undergraduate Students]. *Bulletin of Kemerovo State University*, no. 4 (2017): 141–152. DOI:10.21603/2078-8975-2017-4-141-152.

References

1. Gostev A. A., Petukhov B. M. Izmerenie i faktorizatsiia kharakteristik vtorichnykh obrazov [Measure and factorization of characteristics of secondary images]. *Voprosy psikhologii = Questions of psychology*, no. 2 (1987): 134–141.
2. Gostev A. A. Individual'nye osobennosti prostranstvennykh predstavlenii v operatorskoi deiatel'nosti [The individual characteristics of spatial concepts in operating activities]. *Psikhologicheskii zhurnal = Psychological journal*, 3, no. 1 (1982): 101–109.
3. Natalina I. N. Ob izuchenii individual'nykh osobennostei vtorichnykh obrazov [The study of the individual characteristics of secondary images]. *Psikhologicheskii zhurnal = Psychological journal*, 13, no. 1 (1992): 24–29.
4. Petukhov B. M. *Informatsionnaia sovmestimost' operatora s rezhimami raboty*. Avtoref. diss. kand. psikhol. nauk [Information compatibility operator with modes of operation. Cand. psychol. Sci. Diss. Abstr.]. Moscow, 1985, 277.
5. Petukhov B. M. Motivatsii, obrazy i otnosheniia v proizvol'noi reguliatsii sostoianii operatora [Motivation images and relationships in the voluntary regulation conditions the operator]. *Problemy diagnostiki i upravleniia sostoianiem cheloveka-operatora* [Problems of diagnosis and management of status of the human operator]. Moscow, 1984, 167–170.
6. Gostev A. A. *Psikhologiya vtorichnogo obraza* [Psychology of the secondary image]. Moscow: Institut psikhologii Rossiiskoi akademii nauk, 2007, 512.
7. Peskov V. P. *Osobennosti struktury predstavlenii i ee formirovanie u detei shkol'nogo vozrasta*. Avtoref. diss. kand. psikhol. nauk [Features of the structure of representations and its formation in children of school age. Cand. psychol. Sci. Diss. Abstr.]. Irkutsk, 2005, 22.
8. Wundt W. M. Soznanie i vnimanie [Consciousness and attention]. *Obshchaia psikhologiya* [General psychology]. Ed. Petukhov V. V. Moscow: Psychology, 2000, 52–68.
9. Richardson Dzhon T. E. *Myslennye obrazy. Kognitivnyi podkhod* [Mental images: a Cognitive approach]. Moscow: Kogito-Tsentr, 2006, 250.
10. Peskov V. P. Issledovanie integral'nykh kharakteristik predstavleniia na razlichnykh etapakh shkol'nogo obucheniia [The study of integral characteristics of performance at different stages of schooling]. *Psikhologiya obucheniia = Educational psychology*, no. 3 (2015): 16–31.
11. Peskov V. P. Razlichie struktury predstavlenii u intellektual'no odarennykh i sredneintellektual'nykh podrostkov [The difference in the structure of representations and intellectually gifted adolescents sredneintellektualnykh]. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie = Psychological Science and Education*, no. 2 (2010): 28–35.
12. Peskov V. P. Stanovlenie intermodal'nykh predstavlenii na etapakh shkol'nogo razvitiia [The formation of intermodal representations on the stages of school development]. *Biulleten' Vostochno-Sibirskogo nauchnogo tsentra Sibirskogo otdeleniia Rossiiskoi akademii meditsinskikh nauk = Bulletin of Eastern-Siberian scientific center, no. 4 (104) (2015): 74–78.*
13. *Moskovskaia psikhologicheskaya shkola: istoriia i sovremennost'* [Moscow psychological school: history and modernity] Ed. Rubtsov V. V. Moscow: Psikhologicheskii institut Rossiiskoi akademii obrazovaniia: Moskovskii gosudarstvennyi psikhologo-pedagogicheskii universitet, vol. 2 (2004): 368.
14. Vygotsky L. S. *Sobranie sochinenii* [Collected Works by Vygotsky L. S.]. Moscow: Pedagogika, vol. 3 (1983): 368.

УДК 159.9

ПРИМЕНЕНИЕ ОТДЕЛЬНЫХ ПРОЕКТИВНЫХ ТЕХНИК ПСИХОДИАГНОСТИКИ ДЛЯ ВЫЯВЛЕНИЯ МОТИВОВ СОВЕРШЕНИЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ СОБСТВЕННОСТИ**Дмитрий В. Устинов¹, Наталия В. Устинова¹**¹Донецкий национальный университет, Украина, 83001, г. Донецк, ул. Университетская, 24
@ d-ustin.80@mail.ru*Поступила в редакцию 01.08.2017. Принята к печати 10.11.2017.*

Ключевые слова: несовершеннолетний правонарушитель, проективный метод психодиагностики, мотив преступления, профилактика преступности несовершеннолетних, потребности несовершеннолетних.

Аннотация: В статье описано значение и особенности процедуры установления мотивов совершения несовершеннолетними преступлений против собственности. Представлено теоретическое обоснование использования проективного метода в основе способа выявления мотивов противоправного имущественного поведения несовершеннолетних, а также комплексного применения интерпретативной и аддитивной техник этого метода, позволяющих наиболее точно диагностировать указанные мотивы. Описаны результаты апробационного применения психодиагностической методики, основанной на свойствах проективных техник, в отношении несовершеннолетних, ранее совершавших имущественные преступления. Результаты показали, что нарушители подросткового и раннего юношеского возраста, совершая хищения, зачастую стремятся удовлетворить не только корыстные потребности, но и потребности в повышении самооценки, утверждении себя в обществе, потребности в различного рода игровых эмоциях, потребности в ощущении безопасности и осуществлении мести, а также потребности в доставлении радости и оказании помощи близким. Полученные сведения позволяют уже на данном этапе осуществлять профилактическую работу с несовершеннолетними правонарушителями с учетом наличия и интенсивности отдельных мотивов противоправных действий и его индивидуальных потребностей.

Для цитирования: Устинов Д. В., Устинова Н. В. Применение отдельных проективных техник психодиагностики для выявления мотивов совершения несовершеннолетними преступлений против собственности // Вестник Кемеровского государственного университета. 2017. № 4. С. 153–159. DOI:10.21603/2078-8975-2017-4-153-159.

На современном этапе развития общества забота о детях как о будущем, стремление уберечь их от любого деструктивного воздействия и поведения является нормальным и находит понимание у окружающих и государства. Более того, государство, принимая на себя функции профилактики негативных явлений, связанных с несовершеннолетними, наделяет соответствующими полномочиями отдельные государственные органы, как правоохранительной, так и социально-образовательной системы. В связи с этим особое внимание всех субъектов работы с несовершеннолетними уделяется детской преступности, в первую очередь, способам ее профилактики.

В процессе регулярного анализа статистических данных преступности несовершеннолетних на территории Донецкого региона обращает на себя внимание абсолютное количественное преобладание нарушителей, совершивших преступления, посягающие на чужое имущество. Так, в I полугодии 2017 г. относительное количество похитителей составило 84 % (136 из 162 преступников). Изучение личности похитителей и совершенных ими преступлений зачастую выявляет отсутствие очевидной материальной составляющей при совершении преступлений против собственности и, соответственно, указывает на наличие иных, кроме материально-корыстных, мотивов при совершении хищений. Установление реальных мотивов поведения несовершеннолетних, совершающих имущественные преступления и склонных к их совершению, организация превентивного воздействия на отдельные элементы мотиваци-

онной сферы таких несовершеннолетних, несмотря на всю сложность такой работы, целесообразно выделить в отдельное направление индивидуально-профилактической деятельности по предупреждению преступлений и правонарушений несовершеннолетних.

Преступная деятельность, направленная на хищение чужого имущества, обладая всеми признаками социальной активности личности, характеризуется особым отношением субъекта к общечеловеческим ценностям и тесно связанной с ним своеобразной мотивационной сферой. Отличаясь антиобщественной направленностью и способом достижения цели от других форм межличностного взаимодействия, эта деятельность имеет уникальную описательную характеристику, такую как отсутствие очевидности проявления, как на этапах подготовки и реализации, так и на последующих этапах (сокрытие результатов, уклонение от правосудия и пр.).

Именно закрытость от посторонних противоправных действий затрудняет изучение этого вида деятельности на уровне, доступном для других сфер, и диктует необходимость применения специфических методов, способных, обойдя выставленные нарушителем препятствия, объяснить его поведение. И если внешние проявления поступков (объективная сторона преступления, включающая в себя общественно-опасное деяние и связанные с ним общественно-опасные последствия) в процессе раскрытия преступления устанавливаются и могут быть проанализированы, то внутренняя составляющая (субъективная сторона преступле-

ния) не является такой доступной для изучения. Тем более зачастую не в полной мере остаются выяснены мотивы преступлений несовершеннолетних, когда характерные подростково-юношеские потребности удовлетворяются способом, выходящим за рамки принятых социальных норм.

Несмотря на множество разносторонне сформулированных понятий, в контексте данной работы понятие мотива преступления является тождественным понятию мотива противоправного поведения и понимается как внутреннее осознанное или неосознанное побуждение к удовлетворению потребностей запрещенным законом способом [1]. Таким образом, именно установление потребностей, на удовлетворение которых направлены противоправные действия несовершеннолетнего, способствует пониманию внутренних причин такого поведения. Однако процедура их установления является основным проблемным вопросом указанного выше направления индивидуальной профилактики.

Современные положения психологической науки в достаточной степени позволяют выявлять, изучать, анализировать мотивы, стремления, потребности подростков и юношей в различных сферах жизнедеятельности. При этом в изученной литературе не было обнаружено отдельных методик, позволяющих диагностировать доминирующие мотивы противоправного поведения несовершеннолетних, связанного с завладением чужим имуществом. Сложившаяся ситуация обусловила необходимость разработки специализированного способа выявления таких мотивов.

В процессе подготовки основы для формирования способа диагностирования мотивов совершения подростками и юношами преступлений против собственности была предложена классификация мотивов противоправного имущественного поведения несовершеннолетних, позволившая систематизировать мотивы по критерию содержания потребности. Были выделены следующие виды мотивов: корыстный, утверждения, повышения самооценки, безопасности, гуманный, игровой, физиологический, а также мотивы мести и зависти [2]. Безусловно, указанные виды мотивов присущи несовершеннолетним и при правомерном поведении, но именно способность удовлетворить актуализированную потребность путем совершения хищения искажает характеристики, так сказать, общежитской, повседневной мотивационной сферы несовершеннолетнего.

При организации и проведении мероприятий, основанных на взаимодействии с несовершеннолетними правонарушителями, необходимо учитывать, что доступное понимание характера потребностей, удовлетворяемых при совершении преступления, не всегда зависит от самого нарушителя. Несоответствие мотивировки и мотивов поведения может обуславливаться, с одной стороны, целенаправленным поведением нарушителя, нацеленным на сокрытие истинных мотивов поведения (сообщение ложной информации, уход от ответов), с другой стороны, неосознаваемостью несовершеннолетним истинных причин поведения (например, коллективные и индивидуальные автоматизмы) либо неприятием подростком, юношей истинных мотивов поведения ввиду действия механизмов психологической защиты (например, отрицание, вытеснение).

Перечисленные особенности мотивационной сферы несовершеннолетнего правонарушителя существенно влияют на процесс реализации задачи изучения ее компонентов, ограничивая возможности использования исследова-

тельских методов. Применение неэкспериментальных методов в виде наблюдений и изучения продуктов деятельности, по сути, используемых при раскрытии и расследовании преступлений, как было сказано выше, не позволяет говорить об установлении истинных потребностей несовершеннолетнего. В то же время беседы, а также объективные тесты и субъективные опросники выявляют только то, что хочет или может сообщить правонарушитель. Так, методика «доминирующий криминальный мотив» авторов Р. В. Овчаровой и Ю. А. Малюшиной [3], основанная на предоставлении прямых категоричных утвердительных или отрицательных ответов, была предложена выборке несовершеннолетних, привлеченных к уголовной ответственности за совершение имущественных преступлений, в которую вошел 41 человек (юноши), 19 из которых совершили три и более преступления (46 %). Результаты показали наличие какого-либо устойчивого криминального мотива у 3 подростков (7 %), у 8 испытуемых все виды представленных криминальных мотивов имели низкую степень выраженности, остальные несовершеннолетние проявили тенденции проявления некоторых криминальных мотивов. Несмотря на то, что перед сеансом тестирования испытуемым была максимально доступно разъяснена необходимость правдиво отвечать на вопросы, последующие беседы выявили у каждого диагностируемого не соответствующие действительности ответы на прямые вопросы с негативной характеристикой (например, «Когда ты видишь дорогую вещь, оставленную без присмотра, тебе хочется совершить кражу?»). Таким образом, методика ДКМ при всех своих достоинствах требует предварительного специфического психологического влияния на диагностируемого, что влечет некоторые осложнения в ее применении.

По устоявшемуся мнению психологов (Л. Абт, А. Анастази, Л. Ф. Бурлачук, Е. Т. Соколова), обнаружить завуалированные или неосознанные стороны личности, бессознательные аспекты поведения, скрытые переживания позволяет использование проективного метода изучения личности. Преимущественное использование таких методик для изучения неосознаваемых форм психической деятельности объясняется спецификой задач, которые могут быть решены с их помощью [4].

Для решения задачи выявления мотивов имущественных преступлений с учетом психологических особенностей преступной деятельности необходимо применение способов, не претендующих на охват личности в целом, но исследующих конкретные мотивы в определенной ситуации, в нашем случае побуждения, связанные с ситуациями противоправного поведения.

Учитывая, что реальные мотивы противоправного поведения несовершеннолетним осознаны либо теоретически могут быть им осознаны, целесообразно использовать для исследования свойства атрибутивной проекции, предполагающей приписывание собственных мотивов, желаний, потребностей, поступков другим людям [5].

При всем многообразии видов проективного метода одной из наиболее подходящих для определения интересов и побуждений обследуемого является интерпретативная техника проекции, основанная на необходимости объяснить, истолковать определенное событие, ситуацию [6]. Для выявления потребностей и побуждений, актуализирующихся при наличии обстоятельств, способствующих совершению пре-

ступлений, необходимо предоставить несовершеннолетнему стимульный материал, который будет восприниматься как ситуация противоправного поведения и позволит испытуемому при его интерпретации, выбирая собственную форму самовыражения, наиболее ярко и характерно проявить себя. Безусловно, создавая для подростка ситуацию преступного поведения и вынуждая идентифицировать себя с нарушителем, мы провоцируем его на проявление побуждений, желаний, стремлений, которые могут не проявиться никогда в повседневной жизни. Но с другой стороны, как показывает оперативно-следственная практика, реальные обстоятельства, способствовавшие совершению преступлений, для несовершеннолетнего являются тем провоцирующим фактором, которому он в силу личностных и социальных особенностей, всего того, что можно назвать жизненным опытом, не в состоянии противодействовать.

Отсутствие в настоящее время знаний об определенных и строго соблюдаемых закономерностях связи мотивов, проявляемых в процессе применения проективных методов изучения личности несовершеннолетнего и побуждениями фактического поведения [5] не позволяет говорить о том, что внутренние побуждения несовершеннолетнего к совершению противоправных поступков в обязательном порядке будут реализованы во внешних проявлениях. Соответственно, проявления проекции позволяют вести речь о выявлении доминирующих потенциальных мотивов противоправного поведения, которые обладают способностью детерминировать действие или поведение в целом, и в отношении которых нет сведений об их актуализации в реальных деяниях. Следует обратить внимание, что даже диагностирование подростка, ранее неоднократно совершавшего хищения, позволяет выявить только потенциальные мотивы его преступного поведения, так как побуждения в разные периоды жизни, в том числе в моменты совершения преступных поведенческих актов и момент диагностирования, могут различаться. Описанная характеристика способствует существенному расширению области возможного применения аргументируемого способа выявления мотивов несовершеннолетних и обосновывает использование в рамках проведения ранней групповой и индивидуальной профилактики в отношении всех лиц 14–17 лет, являющихся носителями русского языка, позволяя выявлять скрытые противоправные склонности.

Применение интерпретативной проективной техники, безусловно, позволяет диагностируемому подростку, юноше проявить собственные значимые переживания, чувства, другие личностные особенности. Однако столь необходимые нам неопределенность стимульного материала, вызванная ею свобода в выборе реакции, а также отсутствие оценочного отношения к этим ответам настолько расширяют спектр проявления личностных качеств, что могут создать диагностику помехи в выявлении содержания актуальных потребностей. Оказать содействие в выборе несовершеннолетним необходимого нам направления проявляемой реакции на стимул могут свойства аддитивной техники проективного метода [6]. Основанная на завершении имеющего начала предложения, такая техника, не придавая ограниченности реакции испытуемого, позволяет отразить конкретные элементы мотивационной сферы.

Формируя выводы о доминировании отдельного вида мотива на показателях относительной частоты реакций, в

которых содержатся заранее определенные характеристики побуждений, потребностей, желаний, влечений, расширяя прогностические возможности выбранного метода, подсчет выявленных мотивов производится по критериям встречаемости (характеристика наличия и частоты проявления признака определенного мотива) и интенсивности (характеристика силы проявления определенного мотива).

Описанный выбор методологической основы предопределяет характер и последовательность шагов по разработке методики, направленной на выявление мотивов совершения несовершеннолетними имущественных преступлений. Опираясь на труды А. Анастаси, С. Урбина [7], П. Клайна [8], Л. Франка [5], Л. Ф. Бурлачука [6], Е. Т. Соколовой [4], с учетом требований, предъявляемых к разработке действенных современных психодиагностических методик, сформулированных Н. А. Батуриным и Н. Н. Мельниковой [9], было определено, что стимульный материал представляет собой, во-первых, основанные на реальных событиях сюжетные истории противоправного поведения несовершеннолетних, во-вторых, следующие за каждой сюжетной историей и относящиеся к ней неоконченные, но особым образом сформированные фразы, позволяющие направить проявление стимульной реакции подростка, юноши на отражение конкретных элементов мотивационной сферы.

Концепция, согласно которой потенциальные мотивы несовершеннолетнего имеют тенденции к проявлению в ситуациях, когда окружающая обстановка является провоцирующим фактором, определила ряд условий формулирования стимульного материала. Так, сюжетные истории, составляющие стимульный материал, описывают разнообразные обстоятельства противоправного имущественного поведения, понимаемого и достаточно близко воспринимаемого несовершеннолетним. С одной стороны, они отражают социальное взаимодействие с окружающими (друзьями, родителями, сверстниками, другими значимыми и незнакомыми людьми), трудности поиска и реализации себя, проблемы финансовой независимости и личной безопасности. С другой стороны, представленные ситуации описывают в целом доступные молодому человеку способы хищений. При этом подача стимульного материала обеспечивает максимально нейтральное с точки зрения мотива поведения изложение происходящих в истории событий.

Стимульные начала неоконченных предложений формулируются так, чтобы дать возможность проявиться потребности испытуемых с разных направлений (чувства, мысли, слова, установки) и в то же время, выполняя свое основное предназначение, способствовать удержанию проявляемой реакции в намеченных содержательных рамках мотивационной сферы. Они должны препятствовать реакции в виде социально-одобряемых или нейтральных ответов и не провоцировать проявления конкретных мотивов. Наличие нескольких, соответствующих каждой сюжетной истории, неоконченных предложений, направленных на отражение потребности, с одной стороны, дает возможность проявиться различным мотивам, с другой стороны, способствует проявлению признаков интенсивности наличествующего мотива противоправного поведения. Пример стимульного задания позволяет продемонстрировать вариант комплексного использования интерпретативной и аддитивной проективной техник:

«В школе ваш ровесник Сергей и его одноклассники поспорили по поводу вкуса виски. Одни говорили, что про-

бова. Другие, в том числе и Сергей, сожалели, что не пробовали лично, и ссылались на мнение знакомых. Договорились попробовать при первой возможности и обсудить. Хотя понимали, что денег на виски еще долго ни у кого не будет, да и спиртное, учитывая их возраст, им никто не продаст. В тот же день Сергей по просьбе родителей пошел в супермаркет и увидел, что на стоянке, возле одной из машин, стоит тележка с чьими-то покупками, в ней много спиртных напитков, среди которых несколько бутылок виски. Рядом только пустые машины и нет людей. Сергей понял, что ему ничто не угрожает, достал виски из тележки и спокойно ушел.

Сергей так поступил потому, что _____
Когда Сергей доставал из полной тележки виски, он испытывал _____

Сумев первым из ребят принести товарищам виски,

Сергей _____

Друзьям понравилось, что можно разрешить спор. Сергей о себе подумал _____

И будь у Сергея возможность купить виски, он в той ситуации _____».

С учетом изложенных теоретических положений и предъявляемых требований в рамках рассматриваемого апробационного исследования было принято решение включить в методику девять сюжетных историй, описывающих ситуации априорно противоправного поведения, а также пять неоконченных предложений к каждой такой истории.

В инструкции для диагноста были изложены методологические признаки проявления каждого из выделяемых мотивов, а также в рамках отдельной шкалы реакции отрицания стимульной ситуации испытуемым. Представим фрагмент бланка описания мотивов, используемого диагностом для обработки полученных данных:

«...Содержательная характеристика потребности, как основного элемента мотива противоправного поведения, проявляется в реакции испытуемого на стимул в продолжаемых им предложениях в виде описания размышлений, ощущений, чувств, поступков действующих лиц соответствующей истории.

В полученных предложениях обнаруживаются следующие мотивы противоправной деятельности:

1. Корыстный мотив, если поступки, размышления персонажа направлены на личное использование похищенной вещи, хранение для продажи, обмена, иного распоряжения похищенным для получения материальной выгоды, избегания обязательных материальных затрат; чувства и ощущения персонажа выражают принятие и удовлетворение такими поступками.

2. Мотив самоутверждения, если поступки, размышления направлены на то, чтобы доказать окружающим мнение о себе, сформировать у других людей представление о себе, своем статусе, положении в группе, сообществе...».

Для получения числового значения, позволяющего выявить преобладание определенного вида мотивов, была проведена оценка стимульных заданий экспертами, в число которых вошли 6 начальников подразделений по делам несовершеннолетних территориальных ОВД и 5 доцентов, преподавателей психологии (г. Донецк). Экспертная оценка способствовала выявлению мотивов, характерных для каждого отдельного стимульного задания, что, в свою очередь, позволило сформировать таблицы перевода полученных эмпирическим путем значений в баллы по критерию встречаемости, определяемой путем соотношения количества стимульных заданий с проявленными признаками этого мотива и количества стимульных заданий, в которых такие признаки характерны, и интенсивности, определяемой путем соотношения совокупного количества отдельных реакций испытуемого, имеющих признаки определенного мотива, и максимально возможного количества таких реакций. Например, для определения баллов по критерию встречаемости корыстного мотива и по критерию интенсивности мотива утверждения использованы таблицы 1, 2:

Таблица 1. Таблица преобразования значений по критерию встречаемости корыстного мотива

Table 1. Conversion table by the “mercenary motive frequency” criterion

ситуация	1	2	3	4	5	6	7	8	9
баллы	11	22	33	44	56	67	78	89	100

Апробационное практическое применение разрабатываемой проективной методики состоялось при исследовании экспериментальной группы, в которую вошли 93 несовершеннолетних, состоящих на учете в ОВД Донецкой Народной Республики за совершение преступлений против собственности (в выборке представлены несовершеннолетние, совершившие кражи (65), мошенничества (2), угоны (8), грабежи (4), разбои (2), а также совершившие разные виды имущественных преступлений (12); 26 несовершеннолетних совершили 2 и более преступления; среди испытуемых было 10 девушек). Предложенный стимульный материал позволил проявиться в молодежной среде в рамках выборки всем выделяемым видам мотивов. При этом необходимо отметить, что в основном предполагаемые экспертами возможные виды мотивов по каждому из предложенных заданий нашли отражение в реакции испытуемых. Исключение составили четыре позиции, в трех из которых несовершеннолетние не проявили реакции, предполагаемой экспертной оценкой, в одной была проявлена реакция, которую не спрогнозировали эксперты.

При этом высокая частота встречаемости и интенсивность проявления корыстного мотива преступления подтвердили наличие у испытуемых психологического фактора допустимости незаконного обращения чужого имуще-

Таблица 2. Таблица преобразования значений по критерию интенсивности мотива утверждения

Table 2. Conversion table by the “affirmation motive intensity” criterion

реакция	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18
баллы	6	13	19	25	31	38	44	50	56	63	69	75	81	88	94	100	106	113

ства в свою пользу («Решившись на совершение кражи и выбирая между дешевой безделушкой и нужной ему вещью подороже, Максим предпочел... ноутбук и планшет, их можно продать»). Проявляемые у несовершеннолетних мотив повышения самооценки («Антон понял, что когда скрывался от персонала магазина и брал крем, он ощутил... что поднялся и стал настоящим вором»), утверждения («Дима не стал ребятам объяснять ситуацию, а просто забрал деньги, т. к. ... и ушел, забоялся, что с него посмеются»), игровой («Сумев украсть, в общем-то, ненужную вещь, был удовлетворен тем... что смог всех обмануть и его не увидели»), а также мотив мести («Андрей, объясняя себе свой поступок, думал... что он отомстил Славе за то что он его трогал») обозначили актуальность указанных побуждений для данной возрастной категории. С разной степенью встречаемости и интенсивности, но определенно и выразительно у обследуемых проявились мотивы зависти («Понимая, что Влад авторитетнее и богаче, исследуя украденный ноутбук, Артем... решил, что Влад богатый и купит себе еще один»), безопасности («Если Максим действительно боится ребят... то будет воровать как скажут») и гуманный («Доставив маме радость, Вика... сама очень радовалась») мотив преступления. Также прогнозируемо незначительно был представлен физиологический мотив

(«Оставшиеся деньги... он оставил для покупки теплых вещей и для пропитания семьи») имущественного преступления у подростков, что подтверждает частный порядок его проявления и зависимость от конкретной жизненной ситуации (табл. 3).

Концепция, согласно которой мотивы совершения несовершеннолетним имущественных преступлений в той или иной мере соответствуют его мотивам, проявляемым в повседневной жизни, дает основания для соотношения полученных результатов с результатами диагностики общей потребностно-мотивационной сферы тестовыми методами, валидность которых доказана ранее. Корреляционный анализ выявил наличие значимых связей между результатами выявления мотивов имущественных преступлений несовершеннолетних с результатами применения метода измерения мотивационной структуры личности В. Э. Мильмана [10] (табл. 4), а также методики диагностики степени удовлетворения основных потребностей В. В. Сковрцова и И. А. Акиндиновой [11] (табл. 5). Изучение взаимосвязи мотивов противоправной деятельности несовершеннолетних и мотивов их повседневного поведения в настоящее время продолжается с использованием стандартизированных методик М. Л. Кубышкиной, Б. И. Додонова, С. М. Петровой, М. Цукермана.

Таблица 3. Выраженность потенциальных мотивов противоправного имущественного поведения у несовершеннолетних преступников

Table 3. The severity of the potential motives for unlawful property conduct in juvenile offenders

	Корыст- ный	Утвер- ждения	Повы- шения само- оценки	Мести	Безопас- ности	Физиоло- гический	Зависти	Игро- вой	Гуман- ный	Неприя- тие ситуа- ции
Частота встречае- мости	60,4	42,4	43,6	19,2	25,6	3,2	8,4	9,8	44,3	2,8
Степень интенсив- ности	43,5	29,4	30,7	19	18,8	1,6	4,5	5,3	30,4	2,8

Таблица 4. Взаимосвязь результатов выявления мотивов имущественных преступлений и результатов использования метода В. Э. Мильмана

Table 4. Correlation the results of the identification of property crime motive and results according to V. Milman's method

Метод В. Э. Мильмана: мотивации						
Поддержания жизнеобеспе- чения	Комфорта и безопасности	Статусно- престижная	Общения	Общей активности	Творческой активности	Общественной пользы
– корыстный (встр; интенс.) – мести (встреч.) – игровой (интенсивн.)	– корыстный (встреч.) – игровой (встр; интенс.)	– повышения самооценки (встр; интенс.) – безопасност. (встр; интенс.) – игровой (интенсивн.)	– мести (встр; интенс.) – игровой (встр; интенс.)	– повышения самооценки (встреч.)	– мести (интенс.)	– повышения самооценки (встр; интенс.)

Таблица 5. Взаимосвязь результатов выявления мотивов имущественных преступлений и результатов использования методики В. В. Скворцова

Table 5. Correlation the results of the identification of property crime motive and results by V. Skvortsov's technique

Методика В. В. Скворцова: потребности				
Материальные	Безопасности	Межличностных связей	Уважения	Самореализации
– утверждения (встречаемость) – корыстный (встреч.; интенс.)	–	обратная связь – гуманный (встреч.; интенс.)	– утверждения (встреч.; интенс.)	– гуманный (интенсивность)

Интерпретируя полученные взаимосвязи, в целом можно говорить о наличии у несовершеннолетних правонарушителей базовых потребностей, характерных законопослушным подросткам и юношам, которые, однако, под воздействием различных внешних и внутриличностных факторов преобразуются в девиантные потребности, доступный способ реализации которых зачастую связан с совершением хищений чужого имущества.

Таким образом, проведенный анализ психологической составляющей преступной деятельности несовершеннолетних похитителей подтвердил наличие особенностей и связанных с ними проблемных вопросов изучения потребностно-мотивационной сферы таких несовершеннолетних. Учитывая характер возникающих трудностей, было аргументировано применение интерпретативного и аддитивного видов проективного метода диагностики мотивов, комплексное использование которых позволяет диагностируемому на основе внутриличностных составляющих провести описание противоправного поведения третьих лиц с заранее заданной стороны, а диагностику – оценить полученную реакцию по предварительно намеченным критериям. Как образец практического применения указанных проективных техник была предложена авторская методика,

позволяющая выявить у несовершеннолетних, совершивших преступления против собственности, наличие, а также доминирование отдельных видов мотивов противоправного имущественного поведения. Полученные данные свидетельствуют о целесообразности дальнейшей разработки и внедрения концептуально нового подхода к осуществлению профилактической деятельности в отношении несовершеннолетних, ранее совершивших преступления против собственности. Планируется, что использование профилактических методов, основанных на целенаправленном психологическом воздействии на актуальные потребности несовершеннолетнего правонарушителя, наряду с применением широко распространенных в упреждающей работе методов систематического всестороннего наблюдения и контроля, а также социальной поддержки, позволит планировать и организовывать мероприятия индивидуальной профилактики правонарушений на более высоком качественном уровне всеми субъектами профилактической работы с несовершеннолетними.

Литература

1. Ustinov D. V., Ustinova N. V. Problem the formation of concept motives crime with the use of psychological attribute underliberate // Pedagogics. Psychology: selected papers of International Scientific School «Paradigma» (Summer-2015, Varna, Bulgaria). 2015. P. 128–136.
2. Устинов Д. В., Устинова Н. В. Классификация мотивов противоправного имущественного поведения несовершеннолетних // Евразийский союз ученых. 2016. №3-5(24). С. 25–27.
3. Овчарова Р. В., Малюшина Ю. А. Криминальная мотивация несовершеннолетних правонарушителей и ее коррекция. Курган: Издательство Курганского государственного университета, 2011. 176 с.
4. Соколова Е. Т. Проективные методы исследования личности. М.: Издательство Московского университета, 1980. 176 с.
5. Беллак Л., Абт Л. Э., Оллпорт Г. У., Франк Л. К., Корнер А. Ф., Лазарус Р. С., Прошанский Г. М., Харроуэр А. Р., Мерей Г., Леей С., Бук Дж., Ширн Ч., Рассел К., Кэйдис Л. И., Брауер Д., Уайдер А. Проективная психология. М.: Эксмо-Пресс, Апрель-Пресс, 2000. 528 с.
6. Бурлачук Л. Ф. Введение в проективную психодиагностику. Киев: Вист-С, 1997. 128 с.
7. Анастаси А., Урбина С. Психологическое тестирование. 7-е изд. СПб.: Питер, 2007. 688 с.
8. Клайн П. Справочное руководство по конструированию тестов: Введение в психометрическое проектирование: Перевод с английского / под ред. Л. Ф. Бурлачука. Киев: ПАН Лтд., 1994. 288 с.
9. Батуринов Н. А., Мельникова Н. Н. Технология разработки тестов: часть I // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Психология. 2009. № 30. С. 4–14.
10. Мильман В. Э. Мотивация творчества и роста: Структура. Диагностика. Развитие. М.: Миря и ко, 2005. 166 с.
11. Акиндинова И. А. Особенности самоактуализации личности в профессиях различного уровня социального престижа: дис. ... канд. психол. наук; Российский государственный педагогический университет, 2000. 156 с.

PROJECTIVE PSYCHODIAGNOSTIC TECHNIQUES IN IDENTIFICATION OF MOTIVES FOR JUVENILE PROPERTY CRIMES

Dmitry V. Ustinov¹*, Natalia V. Ustinova¹

¹ Donetsk National University, 24, Universitetskaya St., Donetsk, Ukraine, 83001

* d-ustin.80@mail.ru

Received 01.08.2017. Accepted 10.11.2017.

Keywords: juvenile offender, projective method of psychodiagnostics, motive of crime, prevention of juvenile criminality, needs of minors.

Abstract: The article describes the meaning and peculiarities of the procedure of detection motive of property crime, committed by minors. It features the theoretical substantiation of the use of the projective method that lies in the basis of the identification method revealing the motives of the unlawful property behavior among minors. The paper describes a complex format application of the interpretive and additive techniques of this method, which can most accurately diagnose these motives. The paper represents the results of approbation practice of the psychodiagnostic method in relation to minors, who have committed property crimes. The results showed that adolescent offenders at the time of theft seek to meet not only mercenary needs, but also to increase self-esteem, establish themselves in society, needs for various kinds of game emotions, need for a sense of security and revenge, needs for delivering joy and helping relatives. The obtained information allows one, already at this stage, to carry out preventive work with juvenile offenders, taking into account the presence and intensity of individual motives of unlawful acts and individual needs of minors.

For citation: Ustinov D. V., Ustinova N. V. Primenenie otdel'nykh proektivnykh tekhnik psikhodiagnostiki dlia vyivleniia motivov soversheniia nesovershennoletnimi prestuplenii protiv sobstvennosti [Projective Psychodiagnostic Techniques in Identification of Motives for Juvenile Property Crimes]. *Bulletin of Kemerovo State University*, no. 4 (2017): 153–159. DOI:10.21603/2078-8975-2017-4-153-159.

References

1. Ustinov D. V., Ustinova N. V. Problem the formation of concept motives crime with the use of psychological attribute underliberate. *Pedagogics. Psychology: selected papers of International Scientific School «Paradigma» (Summer-2015)*. Varna, 2015, 128–136.
2. Ustinov D. V., Ustinova N. V. Klassifikatsiia motivov protivopravnogo imushchestvennogo povedeniia nesovershennoletnikh [Systematization of motives of criminal property behavior of minors]. *Evrasiiskii soiuz uchenykh = The Eurasian Union of Scientists*, no. 3-5(24) (2016): 25–27.
3. Ovcharova R. V., Maliushina Iu. A. *Kriminal'naia motivatsiia nesovershennoletnikh pravonarushitelei i ee korrektsiia* [Criminal motivation of juvenile offenders and its correction]. Kurgan: Izdatel'stvo Kurganskogo gosudarstvennogo universiteta, 2011, 176.
4. Sokolova E. T. *Proektivnye metody issledovaniia lichnosti* [Projective methods of personality research]. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 1980, 176.
5. Bellak L., Abt L. E., Allport G. U., Frank L. K., Korner A. F., Lazarus R. S., Proshanskii G. M., Harrouer A. R., Merey G., Lei S., Buk J., Shirn C., Russell C., Kadis L. I., Brauer D., Wyder A. *Proektivnaia psikhologiya* [Projective Psychology]. Moscow: Eksmo-Press, Aprel'-Press, 2000, 528.
6. Burlachuk L. F. *Vvedenie v proektivnuiu psikhodiagnostiku* [Introduction to projective psychodiagnostics]. Kiev: Vist-S, 1997, 128.
7. Anastasi A., Urbina S. *Psikhologicheskoe testirovanie* [Psychological testing]. Saint-Petersburg: Piter, 2007, 688.
8. Kline P. *Spravochnoe rukovodstvo po konstruirovaniu testov: Vvedenie v psikhometricheskoe proektirovanie* [Reference guide for test design: Introduction to Psychometric Design]. Ed. Burlachuk L. F. Kiev: PAN Ltd., 1994, 288.
9. Baturin N. A., Mel'nikova N. N. Tekhnologiya razrabotki testov: chast' I [Test development technology: part I]. *Vestnik Iuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Psikhologiya = Bulletin of the South Ural State University: psychology series*, no. 30 (2006): 4–14.
10. Mil'man V. E. *Motivatsiia tvorchestva i rosta: Struktura. Diagnostika. Razvitie* [Motivation of creativity and growth: Structure. Diagnostics. Development]. Moscow: Mireia i ko, 2005, 166.
11. Akindinova I. A. *Osobennosti samoaktualizatsii lichnosti v professiiakh razlichnogo urovnia sotsial'nogo prestizha*. Diss. kand. psikh. nauk [Features of self-actualization of personality in professions of different levels of social prestige. Cand. psychol. Sci. Diss.]. Russian State Pedagogical University. Saint-Petersburg, 2000, 156.

УДК 159.937.3

ЗАВИСИМОСТЬ УСТАНОВОЧНЫХ ЭФФЕКТОВ ОТ ЭМОЦИОНАЛЬНОЙ ОКРАСКИ ОБЪЕКТА**Михаил И. Яновский^{1, @}**¹ Донецкий национальный университет, Украина, 283001, г. Донецк, ул. Университетская, 24

@ m.i.yanovsky@mail.ru

Поступила в редакцию 17.07.2017. Принята к печати 25.10.2017.

Ключевые слова: установка, «подпсихическая реальность», измерение, пространство, восприятие, Д. Н. Узнадзе.

Аннотация: В статье представлена попытка нового истолкования установочных феноменов Д. Н. Узнадзе. Автор рассматривает процесс формирования установок как реализацию действий измерения. Выдвигается идея, что действия измерения помимо своей прямой функции также структурируют фоновое перцептивное пространство (которое предположительно является когнитивной средой образов восприятия). Искажения процедуры измерения в ту или иную сторону коррелируют с разными формами структуризации фонового перцептивного пространства и с увеличением роли в нем эмоциональной окраски. Приведены результаты эксперимента, в котором объекты не только воспринимались и оценивались, но и, «управляя» формами структуризации фонового пространства, в том числе привнося в него эмоциональную окраску, влияли на точность восприятия объектов. Эксперимент проводился по процедуре, похожей на классический эксперимент Д. Н. Узнадзе по формированию иллюзии установки посредством многократного предъявления кругов разного диаметра. Использовались круги, одинаковые по размеру, но с разными вариантами изображений внутри: эмоционально окрашенное изображение («смайлики»), упорядоченное безэмоциональное («треугольники»), неупорядоченное безэмоциональное («хаотичные точки»). В результате эмоционально окрашенное изображение внутри кругов обуславливало рост числа ошибок при сравнении кругов, упорядоченное безэмоциональное изображение приводило к повышению точности восприятия.

Для цитирования: Яновский М. И. Зависимость установочных эффектов от эмоциональной окраски объекта // Вестник Кемеровского государственного университета. 2017. № 4. С. 160–166. DOI:10.21603/2078-8975-2017-4-160-166.

Феномен «иллюзии установки» интересен тем, что открывает доступ к некоторым механизмам искажения психического отражения. Возможности получения новых фактов при изучении иллюзий на основе фиксированных установок, несмотря на многочисленные эксперименты, на наш взгляд не исчерпаны.

По Д. Н. Узнадзе, установка – состояние субъекта как целого – является основой психического отражения [1]. В разных своих режимах (от фиксированной установки до объективации) эта основа может определять психику и к искажениям (иллюзиям), и к объективности. Общая регуляторная роль установки в психическом отражении дает основание думать о ней как о механизме форматирования, «разметки» психического отражения. Действительно, практически все установочные феномены связаны с соизмерением разных отражаемых объектов, а также самого субъекта с объектами. Но если так, то вариации установки и установочных феноменов можно описывать в языке структуры *измерительных* процедур.

Что такое измерение? В общем виде это «познавательный процесс, в котором определяется отношение одной (измеряемой) величины к другой однородной величине (принимаемой за единицу)» [2]. Наличие этих элементов: измеряемого объекта и мерки-единицы, используемой субъектом (агентом), осуществляющим измерение, – минимально необходимый набор компонентов измерительной процедуры. При этом измерение предполагает не просто наличие объекта, но

фиксированность, идентифицированность объекта, что можно выразить формулой *Объект = Объект*. Что касается мерки, то она фрагмент внешней по отношению к объекту среды, используемой субъектом как экран, на который этот объект проецируется. Мерка в соединении с субъектом измерения образует позицию, точку зрения субъекта, реализующего измерение. Для адекватного измерения эта *позиция* также *должна быть фиксированной*. Или же смены позиции должны быть учтены (*идентифицированы, отрефлексированы*). Это условно можно выразить формулой *Субъект = Субъект*. Эти две идентифицированности (объекта и позиции субъекта) важны для различения меняющейся проекции объекта (т. е. его формы) в аппарат восприятия субъекта от самого объекта (*Субъект ≠ Объект*). Из сказанного следует, что возможны как минимум два типа срывов (ошибок) процедуры измерения:

- 1) неидентифицированность объекта измерения (*Объект ≠ Объект*) и замещение его местом возможного его нахождения;
- 2) нефиксированность, или неотрефлексированность позиции субъекта (*Субъект ≠ Субъект*), что приводит к неразличению субъектом характеристик своей позиции и свойств объекта, т. е. к своего рода «соскальзыванию» субъекта в объектную среду.

В обоих случаях происходит субъективизация процедуры измерения, в частности, в форме примешивания к ней эмоциональности. Замещение объекта местом возможного его нахождения (1) приводит к замене процедуры измере-

ния выражением отношения к фантому объекта, т. е. по сути «сбросом» нервно-психической энергии в пустоту. Неидентифицированность и неконстантность позиции субъекта, т. е. неэмансипированность субъекта со своим инструментом-меркой от среды (2), приводит к наделению среды функцией активного регулирующего начала. В первом случае измерение заменяется эмоциональной реакцией по поводу объекта, во втором – чувством связанности с объектом, симпатией или антипатией к нему (как вариант – сочетанием симпатии с антипатией). В обоих случаях, таким образом, актуализируется действие смешанного эмоционально-когнитивного фона перцепции.

Уместно вспомнить, что Д. Н. Узнадзе в определенный период для обозначения того, что позже стал называть установкой, использовал термин «*подпсихическая реальность*» [3; 4, с. 102–162]. В подпсихической реальности «Я, мое состояние и объективное (внешний агент) встречаются и растворяются друг в друге <...> различные аспекты субъективного и объективного <...> предстают в виде некоего нерасчлененного единства» [5, с. 40]. Несмотря на свою спорность, концепт «подпсихическая реальность», возможно, представляет собой еще неиспользованный ресурс научной психологии. Мы предполагаем, что подпсихическая реальность – это некая фоновая основа когнитивности, которая включает в себя в синкретической форме эмоциональный и когнитивный аспекты отражения и может определяться сочетанием субъективных и объективных факторов (по Д. Н. Узнадзе, установка – продукт сочетания потребности и ситуации, внутреннего и внешнего [1]). По-видимому, при срывах процедуры измерения, когда точное отражение, т. е. полноценная когнитивная функция, не выполняется, происходит своего рода регрессия к фоновой подпсихической реальности, которая генерирует иллюзии восприятия. Действительно, ряд авторов подтверждает влияние особенностей, в частности, качества процедуры оценивания стимулов на возникновение-невозникновение установочной иллюзии [6; 7]. Мы полагаем, что при срыве процедуры измерения (оценивания) она более или менее заменяется аффективными реакциями или аттитюдами, которые выражают активизировавшуюся подпсихическую реальность. Вероятно, возможны и другие способы ее актуализации, что будет также сопровождаться установочными эффектами. Например, мы полагаем, при прямом привнесении аффективной окраски в воспринимаемые стимулы.

Реальность при приложении процедур измерения конституируется (структурируется) как определенное пространство. Та или иная форма процедуры измерения (в т. ч. ее срыва), вероятно, определяет свои особенности структурирования пространства (в т. ч. пространство более примитивное, чем привычное нам трехмерное метрическое). В связи с этим уместно вспомнить концепцию Ж. Пиаже о трех типах пространственных представлений, сменяющих друг друга в онтогенезе: *топологические* представления (*пространство мест*), *проективные* представления (*пространство проекций*), пространство видимостей с определенной точки зрения) и *метрические* представления (пространство в обычном для нас смысле, организованное по трехмерной системе координат) [8]. Как особенности процедуры измерения влияют на структуризацию подпсихической реальности?

Вероятно, при нефиксированности объекта измерение замещается реакцией, но не на объект, а на место в среде, где он *может* присутствовать. Значит, таким способом конституируется *пространство мест*, топологическое пространство. Для так структурированного пространства характерна неоднородность и бессвязность, поэтому психологически атрибутом его являются *непредсказуемость* событий («магичность» – характерная черта эгоцентрического детского мировосприятия, согласно Ж. Пиаже [9]). Вследствие этого такое пространство переживается как наполненное тревогой, страхом и надеждами.

При нефиксированности (неотрефлексируемости) позиции субъекта он теряет возможность различать свои когнитивные действия, трансформации, смещения и т. д. – и изменения объекта; перестает дифференцировать видимость и независимую объективную реальность, явление и сущность. Происходит смешение наблюдателя со средой, тем самым она наделяется статусом квазиактивного начала. Субъект оказывается как бы пойман, «загипнотизирован» видимостями и впечатлениями. Это, таким образом, – пространство видов, открывающихся с тех или иных точек зрения, *пространство проекций*. В силу того, что позиция субъекта здесь неопределенна, а среде придана квазисубъектность, пространство проекций представляет собой паутину отношений плохо дифференцированных, неавтономизированных субъектов, или квазисубъектов. Поэтому такого рода пространство переживается как сеть симпатий или антипатий, амбиций или чувств неполноценности перед другими.

Какие искажения могут порождать описанные два типа срывов процедуры измерения?

В топологическом пространстве, где объект редуцируется к месту, – что *может* быть (в данном месте), то и есть (т. е. отсутствует различие потенциального и актуального). Поэтому любая метафора здесь может стать реальностью: «большой человек» (человек высокого статуса) кажется физически большим, «мелочи жизни» видятся как мелкие предметы. В этом, например, состоит гало-эффект (вспомним удивительный эксперимент П. Уилсона с вариациями кажущегося роста человека при вариациях его социального статуса [10]), а также эксперименты Дж. Брунера с восприятием размера монет в зависимости от их ценности для зрителя [11, с. 71–79]). Между прочим, так строит мир наше сновидческое сознание.

В проективном пространстве объекты редуцированы к своим проекциям – образам. Не отличая когнитивные действия, аккумулярованные в образах и их содержании, от трансформаций объекта самого по себе, субъект оказывается в плену образов, продуцируемых его собственными когнитивными действиями. Таковы эффекты эгоцентрического восприятия, описанные Ж. Пиаже [8]. Сюда можно отнести и контрастную установочную иллюзию, в которой, на наш взгляд, один из двух объектов видится большим в силу неототрефлексируемого сдвига виртуальной позиции субъекта-зрителя [12].

Неполноценность, деформированность когнитивных операций как измерительных процедур, вероятно, задает соответствующие особенности фонового пространства перцепции, что коррелирует с активизацией эмоционального элемента в нем. Но мы выдвигаем и обратное предположение: эмоциональная окраска фона перцепции может сработать через тип его пространственной организации,

как фактор деформации когнитивных операций, и вызвать перцептивные ошибки, вплоть до иллюзий восприятия. Это первое наше предположение. С другой стороны, если возможна деформация, то должно быть возможно и «выправление» когнитивных операций через управление фоном перцепции. Вероятно, для этого фон должен стать метрическим (евклидовым) пространством, т. е. должен приобрести свойства *однородности*, *непрерывности* (связности), *нейтральности* (возможности свободы перемещений) [13]. *Однородность* и *связность* пространства обеспечили бы возможность равенства объекта себе (т. е. его фиксируемость); *связность* и *нейтральность* – возможность рефлексии позиции субъекта. Фон с такими свойствами способствовал бы измерительной процедуре с фиксацией объекта и позиции субъекта. Мы предположили, что структуризацию фона восприятия (который, напомним, возможно, есть проявление подпсихической реальности (Д. Н. Узнадзе)) можно индуцировать особенностями объекта восприятия. Для этого в нем должны присутствовать свойства метрического пространства в форме его свойств:

- *однородность*: равенство элементов в определенном качестве – как воспроизведение в элементах какого-то свойства, принципа, идеи и т. п.;

- *связность*: упорядоченность на основе внутреннего равновесия, баланса;

- *нейтральность*, т. е. *ноль* как центр системы: нейтральность элементов или параметров к другим возможным элементам или параметрам (т. е. пересечение с ними в «пустой», нулевой точке), что обеспечивает открытость трансцендентным основаниям объекта, т. е. переходу от формы к сущности в объекте.

Классический пример, воплощающий эти три признака в наглядной форме, – декартова система координат (которая, собственно, является базовой структурой метрического пространства).

Мы использовали в нашем эксперименте «сжатую», символическую форму такой структуры, где три линии измерений редуцированы к трем точкам: $\therefore$ (см. рис. 2). В целом она реализует эти три свойства: равенство, связность, нейтральность (присутствие нуля).

Было проведено экспериментальное исследование для проверки наших предположений.

Стимульный материал и процедура эксперимента

Сама возможность влияния эмоциональной окраски фона восприятия на формирование-неформирование установочных иллюзий была уже ранее нами экспериментально подтверждена [14]. Оказалось, что варьирование типа эмоциональности фильмов, используемых как фон формирования классической установочной иллюзии, влияет и на вероятность появления иллюзий и на их тип (ассимилятивный или контрастный). Однако может ли эмоциональная окраска сработать как самостоятельная причина появления установочных иллюзий при равных по размеру установочных кругах?

В качестве базовой схемы исследования мы использовали демонстрацию испытуемым двух кругов, которые они должны были сравнивать по величине, как в классических экспериментах Д. Н. Узнадзе. Особенностью было то, что вместо двух разных по величине кругов мы использовали равные круги, которые различались внутренними изображениями.

В первой серии мы использовали одинаковые по размеру круги со вставленными в одинаковых кругах смайликами внутри, веселым и грустным (рис. 1).

Рис. 1. «Смайлики»

Fig. 1. «Smileys»

Круги – левый и правый внешний, левый и правый внутренний – создавались путем копирования на компьютере. Половине испытуемых улыбающийся смайлик подавался справа, грустный – слева, другой половине – наоборот. Смайлики придавали кругам эмоциональную окраску, лишали их нейтральности, что, по нашим предположениям, должно актуализировать установочные эффекты и приводить к ошибочным оценкам кругов как разных по размеру. Для изображений смайликов характерны неоднородность (разнородность элементов рисунка) и отсутствие нейтральности. Неоднородность несколько затрудняет фиксацию объекта восприятия и способствует формированию пространства мест, отсутствие нейтральности – несколько затрудняет фиксацию позиции воспринимающего субъекта. И то, и другое должно было способствовать появлению искажений оценок кругов. Причем мы полагали, что чаще большим будет казаться круг с улыбкой. Отметим, что геометрически между кругами различие почти отсутствует: разница только в ориентации дужки, вверх или вниз.

Во второй серии мы использовали круги, задающие метрическую организацию фоновой «подпсихической реальности» – круги с тремя точками, расположенными симметричным треугольником (рис. 2).

Рис. 2. «Треугольники»

Fig. 2. «Triangles»

Так же, как и в предыдущем случае, состав элементов левого и правого рисунков одинаков, разница лишь в ориентации. Здесь наполнение кругов однородно, связно и нейтрально. Поэтому мы полагали, что эти круги будут восприниматься более объективно и точно – как равные по размеру.

Результаты третьей серии использовались как контрольные. В ней применялись изображения, похожие с предыдущим по составу, но без связности, организованности, как во второй серии, и без эмоциональной окраски, как в первой серии (рис. 3).

Рис. 3. «Хаотичные точки»
Fig. 3. «Chaotic points»

Расположение точек бессвязно. Это, мы полагали, создаст определенные затруднения для фиксации позиции субъекта восприятия. Результат будет промежуточным между первыми двумя вариантами кругов: иллюзорных, ошибочных восприятий – меньше, чем при эмоционально окрашенных кругах, но больше, чем при кругах с симметрично расположенными точками.

Эксперимент проводился с использованием ноутбука, с каждым испытуемым отдельно. Для эксперимента были смонтированы три видеоролика, с использованием этих вариантов пар кругов. В каждом из роликов круги демонстрировались 14 раз, с интервалом 5 с. 15-м разом демонстрировались круги без изображений, с экспозицией ≈ 1 с,

для проверки возникновения-невозникновения установочной иллюзии. Время каждой экспозиции кругов в «установочной» серии – 0.04 с (1/25 с). Такая кратковременность была обусловлена результатами предыдущих наших исследований, в которых выявилось, что длительная демонстрация кругов (≈ 0.5 –1 с), по классической схеме установочного эксперимента Д. Н. Узнадзе с кругами разного размера, обычно не приводит к формированию установочных феноменов [14]. При длительности экспозиций 0.04 с установочные иллюзии формируются в классической форме (там же). В экспериментальной серии, где использовались круги со смайликами (рис. 1), поровну чередовались демонстрации двух вариантов: веселый смайлик справа, грустный слева, и наоборот: грустный справа, веселый слева.

В исследовании приняли участие 59 человек (19 в серии с первым изображением (рис. 1) и по 20 – с двумя другими). Испытуемыми были студенты 1–2 курса филологического и экономического факультетов Донецкого национального университета.

Испытуемым давалась следующая инструкция: «Сейчас на экране будут на короткие промежутки времени появляться два круга. Ваша задача говорить, какой из них кажется бóльшим, или они кажутся одинаковыми». Таким образом, испытуемые комментировали каждое свое восприятие кругов, хотя нередко бывали пропуски. Фиксировались все ответы испытуемых.

Результаты эксперимента

В исследовании обнаружилось, что стойкой классической фиксированной установки, проявляющейся в установочной иллюзии на «критических» стимулах – последних двух одинаковых кругах – почти не возникало. Однако на протяжении «установочного» показа кругов с различным содержанием иллюзия различия размеров возникала достаточно часто. По-видимому, мы можем говорить об ослабленном установочном эффекте, что, на наш взгляд, немалого снижает ценность результатов.

Полученные результаты отражены в таблице:

Таблица. Оценки испытуемыми соотношения размера кругов
Table. Estimates of the ratio of the circles' size

	«Смайлики»			«Треугольники»			«Хаотичные точки»		
	Какой круг кажется бoльшим								
	Веселый	Грустный	Одинаковые	Левый	Правый	Одинаковые	Левый	Правый	Одинаковые
Количество испытуемых с доминированием определенного типа ответа	10	6	3	5*	3*	13	8*	4*	12
Общее количество ответов	114	82	55	62	34	140	82	51	124

Прим.: * – у нескольких испытуемых набранные максимумы количества ответов относились к двум категориям.

В соответствии с основной гипотезой нас в первую очередь интересовало соотношение количества иллюзорных, ошибочных ответов (один из кругов больше) и адекватных,

точных ответов (круги одинаковы). Это можно наглядно видеть по диаграмме (рис. 4).

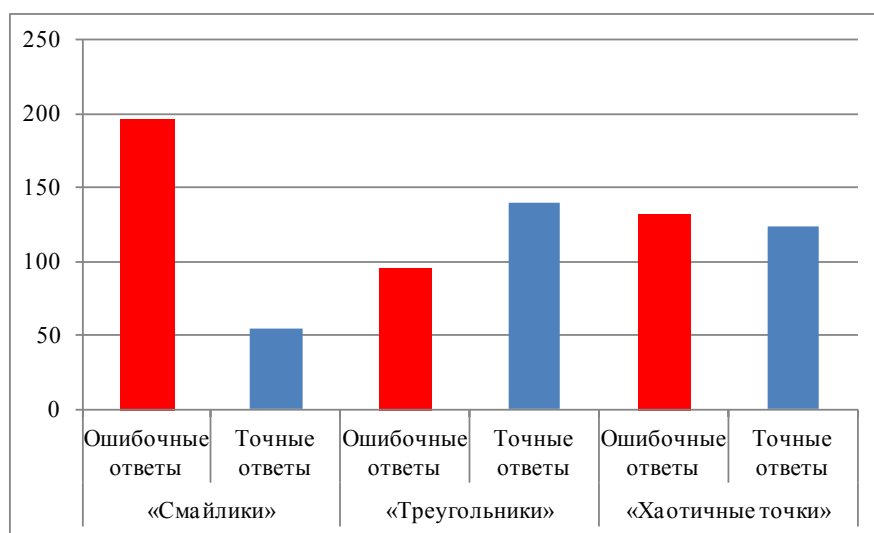

Рис. 4. Соотношение количества ошибочных и точных ответов в условиях воздействия стимулов с разными изображениями
 Fig. 4. The ratio of the number of erroneous and accurate answers under the conditions of stimuli with different images

Очевидно, что по соотношению «ошибочные – точные ответы» эмоционально окрашенные изображения («Смайлики») и симметричные безэмоциональные изображения («Треугольники») дают прямо противоположные друг другу результаты (различие достоверно: $\phi^*_{\text{эмп}} = 8.65$, $p = .01$). При этом эффект эмоционально окрашенного стимула достоверно отличается и от эмоционально нейтрального хаотичного стимула («Хаотичные точки») ($\phi^*_{\text{эмп}} = 6.32$, $p = .01$). От хаотичного стимула отличается и эффект симметричного безэмоционального изображения ($\phi^*_{\text{эмп}} = 2.47$, $p = .01$), только это отличие в противоположную сторону. Таким образом, эмоционально окрашенные изображения стимулируют значительный рост перцептивных ошибок, иллюзий, тогда как симметричные безэмоциональные повышают точность и объективность восприятия.

При этом как дополнительный результат можно рассматривать то, что в первой серии эксперимента большим кругом достоверно чаще казался круг с улыбающимся смайликом ($\chi^2_{\text{эмп}} = 4.90$, $p = .05$).

Обсуждение результатов

В целом наши гипотезы нашли подтверждение. Во-первых, мы предполагали, что круги с эмоционально окрашенными вставками будут восприниматься с ошибками, и, в частности, круг с улыбающимся смайликом будет казаться большим, что и было получено в результатах. Что происходило? Осуществлявшиеся испытуемыми сравнения размеров кругов являлись разновидностью когнитивных операций измерения. Рисунки в кругах тоже воспринимались, что определяло фон для основного сравнения кругов по размеру. Вероятно, положительная эмоциональная окраска привносит ощущение несколько больших возможностей, т. е. как бы «растягивает» пространство, которое неоднородностью и бессвязностью рисунка как бы размятчено. Предмет (в данном случае круг со смайликом) формирует под себя «гнездо» в перцептивном феноменологическом пространстве, гнездо с определенными свойствами. Поэтому положительная эмоциональная окраска стимулов влияла на их кажущийся размер: соответствующий круг часто казался большим. Если так, то это и есть пространство мест, топологиче-

ское пространство – что соответствует сформулированной нами выше модели. Точное восприятие круга подменяется реакцией на тип эмоциональной окраски.

С другой стороны, достаточно большое количество испытуемых систематически видели круги с грустным смайликом как большие. Причем это нельзя считать случайностью, поскольку круги с грустным смайликом некоторым испытуемым казались стабильно большими (впечатление, что круг с грустным смайликом больше, у них многократно повторялось). Почему? Мы даем этому интерпретацию, для которой надеемся в дальнейших исследованиях найти больше оснований. У субъекта могут возникать неосознаваемые перцептивные действия, нерелексированные (например, защитные) преобразования образа. Это может изменять впечатление об объекте. Но если при этом субъект не фиксирует свои действия и свою позицию (т. е. как бы реализует внутренний субъективный импульс «не-я!»), то он теряет и опору в себе, и восприятие объекта как он есть. Вследствие этого он отражает лишь свою меняющуюся связь с объектом вместо самого объекта. Поэтому в результате он оказывается как бы охвачен некой замкнутой сферой («потерянная», отчужденная часть себя + связь с объектом), в которой возможные противоположности являются зонами амбивалентного целого, и что-то негативное (например, что-то, вызывающее жалость или грусть) может наделяться статусом, силой позитивного, и, как результат, казаться психологически ближе и больше. Поскольку здесь субъект посредством перцептивных действий, сдвигов своей позиции, управляет проекцией объекта в свое восприятие, но игнорирует это свое управление, то в целом формирующееся таким образом фоновое перцептивное пространство можно трактовать как пространство видимостей, проекций.

(Подобный эффект, мы не исключаем, возникал и при восприятии кругов с «хаотичными точками», в силу того, что хаотичный фон, неопределенность в объекте затрудняет разграничение объективных и субъективных компонентов восприятия, и фиксацию позиции субъекта. Однако здесь для выводов нам не хватает эмпирических оснований, поэтому требуется дополнительное исследование.)

Почему круги с точками в виде симметричных равноугольных треугольников способствуют точному адекватному восприятию? Три точки треугольником в роли фона при оценивании размеров кругов легко «срабатывают» как мерка. Они равномерно как бы расчерчивают фоновое перцептивное пространство, наподобие бумаги-миллиметровки, и этим делают задачу сравнения более легкой. Причем в силу геометрических особенностей данной фигуры это пространство оказывается нейтральным, однородным и связным. Вероятно, фон здесь задается так, что он становится благоприятным для точной адекватной оценки кругов.

Существуют ли альтернативные интерпретации полученных нами результатов? Простая альтернативная интерпретация большого количества ошибок в оценках кругов с эмоционально окрашенными изображениями – то, что они обуславливают отвлечение внимания от особенностей размера кругов на выражения лица смайликов. Этому можно возразить, что простое отвлечение внимания приводило бы к росту числа ошибок вообще. У нас же «ошибки» имели закономерность: круг с веселым смайликом виделся большим чаще, чем круг с грустным смайликом. Следовательно, эти «ошибки» не случайны, а есть проявление некоторого психологического механизма.

Выводы

В исследовании было показано, что изменение эмоциональных и структурных фоновых характеристик объекта восприятия способно повлиять на повышение-понижение точности восприятия.

Мы опирались на: 1) разработанную нами модель восприятия как процедуры измерения; 2) идею Д. Н. Узнадзе о роли в восприятии «подпсихической реальности»; 3) представления Ж. Пиаже о разных вариантах структурирования образа пространства в онтогенезе. Мы полагали, что эффективность процедуры измерения определяется фиксированностью объекта измерения и фиксированностью

позиции измеряющего. При отсутствии по тем или иным причинам какого-либо из этих двух условий происходит деформация адекватного отражения объекта и частичное замещение его какой-либо формой эмоционального отношения к нему. Параллельно с этим деформация процедуры измерения конституирует деформации (регресс) фоновое перцептивное пространство. Предположительно варианты таких деформаций соответствуют описанным Ж. Пиаже онтогенетически более ранним и более примитивным типам представлений о пространстве: пространство мест и пространство проекций.

Мы провели эксперимент, в котором, задавая фоновые характеристики стимульных объектов (эмоциональная окраска, особенности структуры изображения), мы влияли на точность восприятия. Так, при наличии эмоциональной окраски, неоднородности и бессвязности изображений на объектах количество ошибок при оценке соотношения их размеров возрастало. Напротив, при однородном, связном и нейтральном изображении на объектах такие оценки были более точны. Согласно нашей гипотезе, это связано с актуализацией и структурированием в определенном варианте пространства перцептивного фона. Например, эмоционально позитивно окрашенные объекты воспринимаются как большие, поскольку фоновое перцептивное пространство формируется как пространства мест, в силу чего объект замещается тем, каким он может быть с учетом ситуации, т. е. местом его возможного пребывания.

Таким образом, структурируя теми или иными способами эмоционально-когнитивный фон перцепции («подпсихическую реальность» по Д. Н. Узнадзе), мы можем усиливать либо иллюзорность, либо объективность и точность актов восприятия и, значит, отражение реальности.

Автор выражает благодарность магистранту специальности «Психология» Донецкого национального университета Виктору Брейкину за активное участие в исследовании.

Литература

1. Узнадзе Д. Н. Психология установки. СПб.: Питер, 2001. 414 с.
2. Философская энциклопедия / под ред. Ф. В. Константинова. М.: Советская энциклопедия, 1962. Т. 2. С. 244.
3. Имададзе И. В., Сакварелидзе Р. Т. Узнадзе: известный и неизвестный // Культурно-историческая психология. 2013. № 3. С. 106–115.
4. Узнадзе Д. Н. Философия. Психология. Педагогика: наука о психической жизни. М.: Смысл, 2014. 365 с.
5. Имададзе И. В. Интеракционизм и общепсихологическая теория установки // Психологический журнал. 2012. Т. 33. № 3. С. 33–42.
6. Касатов А. П. Динамика эффектов установки в зависимости от структуры и способа оценки стимулов: автореф. дис. ... канд. психол. наук. Екатеринбург, 2008. 27 с.
7. Тухтияева Н. Х. Влияние типов изменения иррелевантных параметров задач на эффект установки // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. 2014. № 3. С. 41–48.
8. Флейвелл Д. Х. Генетическая психология Жана Пиаже. М.: Просвещение, 1967. 623 с.
9. Пиаже Ж. Речь и мышление ребенка. М.: Римис, 2008. 448 с.
10. Андреева Г. М. Психология социального познания: учебное пособие для студентов высших учебных заведений. Издание 2-е, перераб. и доп. М.: Аспект Пресс, 2000. 288 с.
11. Брунер Дж. Психология познания. За пределами непосредственной информации. М.: Прогресс, 1977. 413 с.
12. Яновский М. И., Андриюшкова Н. П., Брейкин В. В., Чуканов Е. В. Роль фоновое психологического пространства в возникновении эффектов установки // Вопросы психологии. 2017. № 4. С. 117–128.
13. Шухов А. Пространство (и расстояние) // Авторский сайт «nounivers.narod.ru». Режим доступа: <http://nounivers.narod.ru/ofir/space.htm> (дата обращения: 16.07.2017).
14. Яновский М. И., Андриюшкова Н. П., Чуканов Е. В. Формирование фиксированной установки методом «25-го кадра» // Пензенский психологический вестник. 2017. № 1(8). С. 47–69. Режим доступа: <http://www.psychology-news.ru/2017/1-3> (дата обращения: 16.07.2017). DOI: 10.17689/psy-2017.1.3.

DEPENDENCE OF AFFIRMATION EFFECTS ON THE EMOTIONAL COLORING OF THE OBJECT

Mikhail I. Yanovsky^{1, @}

¹ Donetsk National University, 24, Universitetskaya St., Donetsk, Ukraine, 283001

@ m.i.yanovsky@mail.ru

Received 17.07.2017. Accepted 25.10.2017.

Keywords: set, «sub-psychological reality», measurement, space, perception, D. N. Uznadze.

Abstract: The current paper features an attempt at a new interpretation of the affirmation phenomena introduced by D. N. Uznadze. The author considers the process of affirmation forming as the implementation of measurement actions. The idea is that measurement actions, in addition to their direct function, also structure the background perceptual space (which is believed to shape the cognitive medium of perception images). Distortions of the measurement procedure, in one way or another, correlate with different forms of structuring the background perceptual space and with its increasing role in emotional coloring. The article describes an experiment in which the objects were not only perceived and evaluated, but also influenced the accuracy of the perception of objects, since they «control» the forms of the structuring of the background space and give it an emotional coloring. The experiment was carried out according to a procedure similar to the classical experiment conducted by D. N. Uznadze. The experiment featured an illusion of affirmation formation through the multiple presentation of circles of different diameters. We used circles of the same size, but with different versions of images inside: an emotionally colored image («smileys»), ordered emotional («triangles»), disordered emotionless («chaotic points»). As a result, the emotionally colored image inside the circles caused an increase in the number of errors in the comparison of the circles, and the ordered, non-emotional image increased the accuracy of perception.

For citation: Yanovsky M. I. Zavisimost' ustanovochnykh effektov ot emotsional'noi okraski ob'ekta [Dependence of affirmation effects on the emotional coloring of the object]. *Bulletin of Kemerovo State University*, no. 4 (2017): 160–166. DOI:10.21603/2078-8975-2017-4-160-166.

References

1. Uznadze D. N. *Psikhologiya ustanovki* [Psychology of set]. Saint-Petersburg: Piter, 2001, 414.
2. *Filosofskaia entsiklopediia* [Philosophical Encyclopedia]. Ed. F. V. Konstantinov. Moscow: Sovetskaia entsiklopediia, vol. 2 (1962): 244.
3. Imedadze I. V., Sakvarelidze R. T. Uznadze: izvestnyi i neizvestnyi [Uznadze: famous and unknown]. *Kul'turno-istoricheskaia psikhologiya = Cultural-historical psychology*, no. 3 (2013): 106–115.
4. Uznadze D. N. *Filosofia. Psikhologiya. Pedagogika: nauka o psikhicheskoi zhizni* [Philosophy. Psychology. Pedagogy: the science of mental life]. Moscow: Smysl, 2014, 365.
5. Imedadze I. V. Interaktsionizm i obshchepsikhologicheskaya teoriya ustanovki [Interactionism and general psychological theory of set]. *Psikhologicheskii zhurnal = Psychological journal*, 33, no. 3 (2012): 33–42.
6. Kasatov A. P. *Dinamika effektov ustanovki v zavisimosti ot struktury i sposoba otsenki stimulov*. Avtoref. diss. kand. psikh. nauk [Dynamics of installation effects depending on the structure and method of evaluation of stimuli. Cand. psychol. Sci. Diss. Abstr.]. Ekaterinburg, 2008, 27.
7. Tuhtieva N. Kh. Vliianie tipov izmeneniia irrelevantnykh parametrov zadach na effekt ustanovki [Influence of the types of changes in irrelevant parameters of problems on the effect of the installation]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Sotsiologiya = Bulletin of Saint-Petersburg University, Sociology*, no. 3 (2014): 41–48.
8. Flavell D. H. *Geneticheskaya psikhologiya Zhana Piazhe* [Genetic psychology of Jean Piaget]. Moscow: Prosveshchenie, 1967, 623.
9. Piaget J. *Rech' i myshlenie rebenka* [Genetic psychology of Jean Piaget]. Moscow: Rimis, 2008, 448.
10. Andreeva G. M. *Psikhologiya sotsial'nogo poznaniia* [Psychology of Social Cognition]. 2nd ed. Moscow: Aspekt Press, 2000, 288.
11. Bruner J. *Psikhologiya poznaniia. Za predelami neposredstvennoi informatsii* [Psychology of cognition. Beyond direct information]. Moscow: Progress, 1977, 413.
12. Yanovsky M. I., Andriushkova N. P., Breikin V. V., Chukanov E. V. Rol' fonovogo psikhologicheskogo prostranstva v vozniknovenii effektov ustanovki [Role of background psychological space in the emergence of set effects]. *Voprosy psikhologii = Questions of psychology*, no. 4 (2017): 117–128.
13. Shukhov A. *Prostranstvo (i rasstoianie)* [Space (and distance)] Available at: <http://nounivers.narod.ru/ofir/space.htm> (accessed 16.07.2017)
14. Yanovsky M. I., Andriushkova N. P., Chukanov E. V. Formirovanie fiksirovannoi ustanovki metodom «25-go kadra» [Formation of a fixed set using the «25th frame» method]. *Penzenskii psikhologicheskii vestnik = Penza Psychological Herald*, no. 1(8) (2017): 47–69. Available at: <http://www.psychology-news.ru/2017/1-3> (accessed 16.07.2017). DOI: 10.17689/psy-2017.1.3.

УДК 811.161.1

СЕМАНТИКА И ПРАГМАТИКА ГЛАГОЛЬНОЙ МЕТАФОРЫ ЕДЫ (НА МАТЕРИАЛЕ СЕМАНТИЧЕСКОЙ ГРУППЫ «ПОГЛОЩЕНИЕ ПИЩИ ПРИ ПОМОЩИ ЗУБОВ»)

Наталья А. Живаго¹, @, *¹ Национальный исследовательский Томский государственный университет, Россия, 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36
@zhivago.natalia@gmail.com

Поступила в редакцию 01.08.2017. Принята к печати 02.10.2017.

Ключевые слова: образная лексика, фразеология, глагольная метафора, метафорическая модель, пищевая метафора.*** Статья написана в рамках научного проекта (проект № 8.1.31.2017), выполненного при поддержке Программы повышения конкурентоспособности ТГУ.****Аннотация:** В статье анализируются семантика, прагматика, текстовое функционирование образных слов и выражений, метафорически мотивированных глаголами *кусать, грызть, глодать, жевать*, обозначающих различные действия, процессы и явления на основании аналогии с поглощением пищи при помощи зубов. В результате анализа описаны когнитивные метафорические модели, которые отражают проекции образов из сферы-источника «Поглощение пищи» в понятийные сферы физических, физиологических, ментальных, психологических и социальных явлений. Данная система образов метафорически выражает представления о процессах и явлениях, связанных с деформацией, разрушением и исчезновением материальных объектов; разрушительным воздействием на организм и психику человека; социальным и психологическим давлением (конкурентной борьбой, репрессивной политической системой), утратой материальных ресурсов и ценностей. Прагматический потенциал исследуемых образных слов и выражений преимущественно связан с негативной оценочной коннотацией: выражением неодобрительного, осудительного, презрительного эмоционального отношения, а также высокой степени экспрессивности.**Для цитирования:** Живаго Н. А. Семантика и прагматика глагольной метафоры еды (на материале семантической группы «Поглощение пищи при помощи зубов» // Вестник Кемеровского государственного университета. 2017. № 4. С. 167–174. DOI:10.21603/2078-8975-2017-4-167-174.

В лингвистике конца XX – начала XXI вв. возрастает интерес к изучению семантики предиката в когнитивном аспекте, расширяется традиционное для структурно-семантического подхода представление о лексическом значении глагола. При глубинном концептуальном анализе семантики глагола исследуются скрытые компоненты, маркирующие её пропозициональный характер [1]. Поднимаются вопросы о феномене «полиситуативности» значения глагола [2], когнитивных основаниях глагольной полисемии [3–5]. Когнитивный подход даёт возможность исследовать семантику глагола с учётом внеязыковых факторов, влияющих на устройство языка [4–5]. Исследуется глагольная метафора с точки зрения её миромоделирующего и интерпретационного потенциала на материале глаголов с исходной семантикой трудовых процессов [6], физического действия [7] и др.; анализируются глагольные метафоры, называющие социальные действия и отношения [5], интеллектуальную деятельность [8] и др.

Актуальность исследования глагольной метафоры с исходным гастрономическим значением обусловлена общим лингвистическим интересом к когнитивному анализу семантики предиката, меньшей степенью изученности глагольной метафоры по сравнению с именной, а также необходимостью комплексного исследования пищевой метафоры, достаточно полно изученной на материале существительных и прилагательных [9–11]. Целью данной статьи является описание семантики и прагматики метафорических глаголов с исходным значением еды, называющих различные явления внеязыковой действительности по

образу и подобию действий, связанных с процессом поглощения пищи при помощи зубов.

Методика исследования, сочетающая системно-структурный и лингвокогнитивный подходы к анализу и описанию образной лексики и фразеологии, была разработана и апробирована в исследованиях Е. А. Юриной по теории лексической образности и образного строя языка [12–13], а также в серии работ, посвященных изучению кулинарного / пищевого кода культуры в семантике образных средств языка [9], миромоделирующей и аксиологической функции пищевой метафоры в русском языке [10].

Анализ фрагмента семантического поля «Еда», связанный с процессами поглощения пищи, был начат с изучения метафоризации лексической доминанты поля, глагола *есть*, в статье «Метафоризация поглощения пищи в русском языке» [14]. Был выявлен когнитивный сценарий поглощения пищи, а также весь спектр метафорических моделей, отражающих проекции процесса еды на концептуальные сферы материального и нематериального мира. Метафорические модели понимаются, вслед за Дж. Лакоффом и М. Джонсоном, как ментальные схемы, отражающие устойчивые связи между понятийными сферами-источниками и сферами-мишенями [15]. Анализ метафорических моделей опирается на методику, разработанную А. П. Чудиновым, согласно которой выявляются относящиеся к каждой отдельной модели фреймы и слоты [16].

Когнитивная структура исходного глагольного действия *есть* представляет собой сценарий, включающий четыре фрейма: 1) субъект подносит пищу ко рту / помещает пищу

в рот, 2) субъект откусывает часть пищи / раскусывает пищу, 3) субъект, осуществляя многократные кусательные действия, разжевывает (измельчает) пищу, 4) субъект проглатывает пищу. Структура каждого фрейма данного сценария включает следующие слоты: субъект поглощения (едок), объект поглощения (пища), процедура поглощения [12, с. 109]. Каждый фрейм и слот сценария поглощения пищи образно переосмысливаются и метафорически проецируются на различные сферы внеязыковой действительности.

В данной статье будут рассмотрены направления метафорического переосмысления исходной семантики глаголов тематической группы «Этапы и способы поглощения пищи» (*кусать, грызть, глодать, жевать*). Эти глаголы, с одной стороны, обозначают определённые фазы процесса еды и в своих исходных значениях соответствуют определённому этапу когнитивного сценария поглощения пищи: 1) 'субъект вонзается в пищу зубами' (*кусать, грызть, глодать*); 2) 'субъект отделяет часть пищи' (*кусать, грызть, глодать*); 3) 'субъект многократно повторяет процедуру измельчения пищи' (*жевать*); 4) 'субъект проталкивает пищу из ротовой полости в пищевод и желудок' (*глотать*). Этап помещения пищи в рот, включающий фазы 'субъект подносит пищу ко рту', 'субъект помещает пищу между зубами' составляет пресуппозицию выраженного в семантике глагольного действия.

С другой стороны, эти глаголы аспектируют определённый способ поглощения: 1) при помощи зубов – отделение части пищи и ее измельчение (*кусать, грызть, глодать, жевать*); 2) без участия зубов – растворение твёрдой пищи и её проглатывание (*лизать, сосать, глотать*).

Следствием реализации данных процессов с позиции субъекта является удовлетворение голода, получение удовольствия от пищи и чувство сытости, а по отношению к поглощаемому объекту – его сокрытие, повреждение, разрушение, полное уничтожение.

Рассмотрим направления метафорического переосмысления процессов и действий, составляющих ситуацию поглощения пищи посредством зубов, в русской языковой и ценностной картинах мира; их образного выражения в русском языке и прагматического функционирования в дискурсивных практиках. Источниками словарного и текстового материала послужил ряд фразеологических и толковых словарей [17–20], а также контекстная база Национального корпуса русского языка [21].

Этап поглощения, связанный с отделением зубами части пищи, репрезентирован глаголами *кусать, грызть, глодать*, их видовыми формами и производными. Глагол *кусать – откусить – откусывать* 'захватывая, сдавливая зубами, отделять небольшие куски чего-либо' и его производные *выкусить – выкусывать, закусить – закусывать, искусать, надкусить, обкусать, перекусить – перекусывать, покусать – покусывать, прикусить – прикусывать, прокусить – прокусывать, раскусить – раскусывать* аспектируют следующие фазы называемого процесса: 'субъект сдавливает пищу зубами', 'субъект вонзает зубы в продукт', 'субъект разделяет продукт на части', 'субъект отделяет часть продукта'.

Глагол *кусать* с его коррелятивными видовыми формами и производными является мотивирующим для 53 образных слов и выражений, составляющих мотивационно-образную парадигму. Под мотивационно-образной парадиг-

мой (МОП) понимается «объединение образных слов и выражений и мотивационно связанных с ними необразных единиц, имеющих структурно-семантическую общность. Это совокупность образных единиц языка, непосредственно или опосредованно мотивированных одной исходной лексической единицей и эксплицирующих общий метафорический образ или ряд образов» [12, с. 139].

В состав данной МОП входят языковые метафоры: *кусать* – 'причинять страдания, ущемлять', *откусить* – 'присвоить денежные средства, имущество' и др., авторские метафоры: *надкушенный* – 'лишённый жизненных сил, энергии' – *Мы с тетушкой, вялой, увядающей, надкушенной, коротаем здесь, растягивая до бесконечности, день за днем, месяц за месяцем (Головановская)*; собственно образные слова: *закуситься* – 'вступить в спор, конфликт', *кусачки* – 'щипцы для отрезания проволоки, гвоздей' и др.; фразеологизмы: *голову откусить* – 'отрубить, отчитать', *прикусить язык / язычок* – 'замолчать, воздержаться от высказывания' и др.; авторские сравнения: *как бы откусывать слова от фразы* – 'о раздельном произношении слов во фразе' – *Говорил он отрывисто, как бы откусывая слова от фразы (Эфрон)*; *поговорки: палец в рот не клади – откусит* – 'о человеке, который не даст себя в обиду, всегда найдет, что сказать' и др.

Глагол *грызть – сгрызть – сгрызать* – 'крепко сдавливая зубами, раздроблять что-либо твердое; раскусывать' и его производные *загрызть – загрызть, изгрызть – изгрызть, прогрызть – прогрызть, угрызть* отражают следующие фазы процесса поглощения: а) 'субъект сдавливает твёрдую пищу зубами', 'субъект раздробляет зажатую между зубами часть продукта', 'субъект многократно повторяет кусательные движения, съедая измельчённые части продукта' (*грызть сухарь*); б) 'субъект сдавливает зубами продукт, состоящий из твёрдой несъедобной оболочки и съедобного содержимого', 'субъект раскалывает зубами твёрдую оболочку продукта', 'субъект извлекает съедобное содержимое', 'субъект повторяет эти действия по отношению к другим таким же продуктам' (*грызть семечки, орехи*).

Мотивационно-образная парадигма глагола *грызть* включает 59 образных единиц, в числе которых языковые метафоры: *грызться* – 'соперничать', *вгрызаться* – 'упорно учиться', *грызть* – 'копать землю' и др.; авторские метафоры: *вгрызаться* – 'о восприятии резких звуков' – *Джазовые синкопы бьют в землю..., словно отбойный молоток, вгрызаются в стены и взмывают вверх (Аксенов)*, *изгрызть* – 'интенсивно изучать, анализировать'; собственно образные слова: *угрызаться* – 'испытывать чувство вины', *огрызаться* – 'грубо возражать' и др.; фразеологизмы: *грызть гранит науки* – 'усердно учиться', *грызть друг другу глотки* – 'соперничать' и др.; авторские фразеологизмы: *грызть печень* – 'досаждать, надоедать' – *Светочка грызла подруге печень ровно неделю. А через неделю вернулся Серёга (Соломатина)*.

Глагол *глодать – обглодать – обглодывать* – 'грызть, обгрызть, оскабливать зубами (обычно о мясе на костях)' и производный от него глагол *изглодать* фокусируют в своей семантике следующие фазы процесса отделения зубами части пищи: 'субъект сдавливает зубами мягкую съедобную часть продукта, расположенную на твёрдой несъедобной основе', 'субъект вонзает зубы в съедобную мякоть продукта', 'субъект отделяет мягкую часть от твёрдой основы',

‘субъект повторяет процедуру отделения мягкой части от твёрдой основы до полного поедания съедобной части’.

Мотивационно-образная парадигма с глагольной вершиной *глодать* насчитывает 15 образных единиц, представленных языковыми метафорами: *глодать* – ‘разрушать организм человека (о болезни)’ – *Было похоже, что его гложет болезнь: он исхудал, щеки его запали* (Панова), *обглодать* – ‘обогащаться незаконным путём’ и др.; фразеологизмами: *червь гложет* – ‘подозрение мучает человека’, *жаба гложет* – ‘о чувстве сожаления по поводу превосходства, успехов другого, вызванном завистью’ – *Все будут лицемерить, кивать, класс, хорошо, а внутри жаба гложет: «Сволочь, как он мог преуспеть, я же все равно лучше него знаю»* (Ратнер) и др.; поговоркой *кто кого сможет, тот того и гложет* – ‘кто сильнее, тот и подчиняет других себе’ – *И все те, кто воруют, киркой сами не вкалывают. А ты – вкалывай и бери, что дают... Кто кого сможет, тот того и гложет* (Солженицын).

Этап отделения части пищи зубами метафорически переосмысливается и проецируется на явления материальной и нематериальной сфер действительности: механические действия, физиологическое, ментальное и психологическое состояния человека, социальные явления и процессы. Основаниями метафорических проекций служат визуальное или функциональное сходство сопоставляемых феноменов (*перекусить проволоку, ветер изгрыз скалы*), или в основе сближения образных ассоциаций лежат проекции чувственного опыта в нематериальные сферы (*сомнения грызут, чиновники обглодали народ*).

Проанализируем образные слова и выражения, метафорически мотивированные глаголами *кусать, глодать, грызть, жевать*, обозначающие различные явления, свойства и состояния на основе аналогии с поглощением пищи при помощи зубов.

Первая фаза данного этапа ‘субъект вонзается в пищу зубами’ метафорически проецируется на механические действия и процессы:

1) зажатие какого-либо предмета в механических устройствах: *закусить – закусывать, прикусить – прикусывать* – ‘зажать, защемить что-либо с двух сторон’ – *При включении полного привода и полностью вывернутых колесах машина закусывает переднюю ось* («Русский репортер»); *Иногда, правда, в глубоком снегу руль слегка «прикусывает» при быстром вращении* («За рулем»); *закуситься* – ‘застрять, защемяниться, быть зажатым с двух сторон’ – *Народ, ключ закусился, не могу вытащить из замка* (Коллективный);

2) глубокое проникновение чего-либо колющего, режущего в поверхность другого предмета: *вгрызться – вгрызаться* – ‘глубоко войти чем-либо узким, острым во что-либо; вонзиться, врезаться во что-либо’ – *Гришаня, не понимая переживаний Бурнашова, примерил бензопилу и вгрызся металлом* (Личутин);

3) погружение чего-либо тяжелого в вязкую, сыпучую поверхность: *вгрызться – вгрызаться* – ‘погрузиться в какую-либо поверхность’ – *Крупные звенья отлично вгрызаются в грунт или спрессованный снег, однако при езде по гололеду неэффективны* («За рулем»).

Проекции в психологическую сферу связаны с аналогией между сдавливанием твердого продукта зубами и сильными волевыми качествами личности: *вгрызться – вгры-*

заться – ‘проявлять настойчивость, решительность в достижении поставленных целей’ – *«Святой Валентин – очень хороший образ, – отмечает Киркоров. – Я вообще вгрызся в эту роль»* («Красный квадрат»).

Крепкое сдавливание зубами твердого продукта в процессе его разгрызания метафорически проецируется в сферу-мишень «Социум» на ситуации 1) сохранения, удержания должностных и имущественных привилегий: *вгрызться – вгрызаться* – ‘изо всех сил удерживать что-либо ценное, значимое (социальное положение, привилегии, преимущество)’ – *А нас здесь совсем не ждали. И пришлось в свое место под солнцем вгрызаться зубами и отращивать клыки* (Коллективный); 2) доминирования политических доктрин в обществе: *вгрызться – вгрызаться* – ‘прочно укрепиться, занять доминирующее положение в обществе (о политических доктринах, идеологических концепциях)’ – *Нет, естественно было повторить прием самого большевика: как он вгрызся в тело России, ослабленное Первой мировой войной* (Медведев).

Вторая фаза ‘отделение части продукта зубами’, актуализированная в исходных значениях глаголов *кусать, грызть, глодать*, лежит в основании образной аналогии с механическими действиями и метафорических проекций данных процессов в сферы физиологических, ментальных, психологических и социальных явлений.

В фокусе образной характеристики механических процессов оказывается деформация целого предмета или его части. Нарушение целостности, дробление, измельчение твердой пищи зубами проецируется на ситуации: 1) повреждения, уничтожения материальных объектов: *изглодать* – ‘повредить, разрушить’ – *Его вершина, изглоданная водой, расщепилась короной. Сталагмит таял и становился еще прекраснее* (Серафимов); *изгрызть* – ‘повредить что-либо, нарушить целостность чего-либо’ – *Крепкие стены выдерживали удары, хотя и были во многих местах прошиблены снарядами и изгрызены минами* (Гроссман); *прогрызть* – ‘удалить покрытие с поверхности чего-либо’ – *Проследите, чтобы верёвка не касалась крыши: в дороге она легко «прогрызёт» краску до металла* («Автопилот»); 2) образно ассоциируется с процессом вскапывания твердой почвы, грунта: *угрызть* – ‘вскопать твердую землю’ – *Земля та и летом, как камень, а сейчас морозом схваченная, пойдёшь её угрызи* (Солженицын); 3) деформированный продукт образно ассоциируется с каким-либо неровным, поврежденным, лишенным первоначальной формы и структуры предметом: *обкусанный* – ‘поврежденный, потерявший целостность; с выемками, обломанными, неровными краями’ – *Деревьев на склоне не осталось; торчат длинные, словно обкусанные, пни* (Дмитриев).

Отделение зубами небольших кусков от продукта во время еды образно ассоциируется с отрезанием части от какого-либо предмета, перерезанием материала: *кусать – откусить – откусывать* – ‘перерезать инструментом какой-либо материал, отрезать часть какого-либо предмета’ – *Кусачки КВВ... скрепки стальные кусают легко и непринужденно* (Коллективный); *выкусить – выкусывать* – ‘отделить какую-либо часть предмета, разрушая его целостность; вырвать, выломать’ – *Заснеженный верблюд мерз под капустным ворохом расплзшихся отрепьев, размокившие части которых выкусывал ветер...* (Иличевский).

Повреждение продукта зубами в процессе еды, связанное с удалением его частей, проделыванием выемок, отверстий образно ассоциируется с ситуацией постепенного проникновения, вхождения узкой полосой одного объекта в другой: **вгрызться** – ‘войти узкой полосой во что-либо, вклиниться’ – *Дорога приводит к карьере, вгрызшемуся в берег Оки (Иличевский)*; вытеснения одного объекта другим: **прогрызть** – **прогрызать** – ‘проделать углубление, проход в чем-либо’ – *А вот для этого здания отыскивали способ: прогрызли котлован..., и поместили в нем морозильные машины («Зарубежные записки»)*.

Отделение зубами небольших кусков от продукта или мяса от кости, дробление, измельчение твердой пищи зубами в процессе поглощения метафорически проецируется в сферу «Физиология» на ситуацию разрушения организма по причине болезни: **кусать**, **грызть** – **сгрызть** – **сгрызать**, **загрызть** – **загрызать**, **изгрызть** – **изгрызать**, **глодать** – **изглодать** – ‘разрушать / разрушить организм человека’ – *И что характерно, чаще стали болеть молодые мужчины (раньше волчанка «кусала» в основном женщин) («Сельская новь»); У Нади стандартный полиартрит. Сначала вспухают все суставы, болезнь выбирает самые слабые и грызёт («Домовой»); Было похоже, что его гложет болезнь: он исхудал, щеки его запали (Панова)*.

Отделение зубами маленьких кусочков пищи во время еды уподобляется характеру речи, связанному с отдельным произношением звуков в слове, слов во фразе и носит нейтральный характер: **как бы откусывать слова от фразы** – ‘о раздельном произношении слов’ – *Говорил он отрывисто, как бы откусывая слова от фразы (Эфрон); обкусывать* ‘говорить отрывисто, делая паузы между словами’.

Явления ментального характера интерпретируются в следующих направлениях:

1) дробление, измельчение твердой пищи зубами метафорически проецируется на процесс получения информации, освоения труднодоступных знаний, решения сложных интеллектуальных задач: **грызть гранит науки** – ‘усердно учиться, изучать что-либо’, **вгрызться**: а) ‘начать усердно учиться; упорно изучать, анализировать что-либо’ – *Вот, лечу туда семнадцатого, вгрызусь, вызубрю все, изучу... (Рубина)*; б) ‘проникать в суть вещей’ – *Разум жадно вгрызался в детали, стремясь плотнее скомпоновать обособленные куски информации (Челенджер)*;

2) ситуация раскусывания скорлупы твердого продукта, имеющего съедобное ядро внутри, метафорически проецируется на решение сложных задач, понимание скрытых смыслов: **раскусить** – **раскусывать**: а) ‘разобравшись, хорошо понять кого-, что-либо’ – *Что вы за человек? Я никак не могу вас раскусить... – Не надо меня кусать, зачем раскусывать (Рязанов)*; б) ‘раскрыть – раскрывать обман, неблагоприятный поступок’ – *Но позже в бухгалтерии научились «раскусывать» даже такой изощренный обман (Горская)*; **раскусить орешек** – ‘решить сложную задачу или проблему, требующую значительных интеллектуальных и волевых усилий’ – *Мы переводили .esp, который кидали в Skyrim/Data. – Отлично! теперь и этот орешек раскусили! Спасибо за предоставленную инструкцию! (Коллективный)*.

Процесс отделения зубами части продукта, а также его деформация находят свое отражение в семантике образных единиц, называющих явления психологической сферы, свя-

занные с ситуацией негативного влияния на психику человека отрицательных эмоций, переживаний от перенесенных жизненных трудностей, испытаний: **локти кусать** – ‘сильно сожалеть, печалиться о неоправданном, упущенном’, **грызть** – **сгрызть** – **сгрызать**, **загрызть** – **загрызать**, **глодать**, **изглодать червь**, **обглодать** – **обглаживать** – ‘доставлять неудобства, мучить, не давать покоя’ – *Тоска грызла душу, как саранча грызет злаки, – с хрустом и быстро... (Солнцев); Я всегда сожалела, что он так и не смог себе простить, и этот червь изглодал его раньше могильного (Орлова); Жизнь съедала людей, обглаживала или разносила до обломов дубовой колоды, лишая стержня (Козько)*.

Процесс отделения зубами части пищи, ее деформация в результате откусывания репрезентированы семантикой образных единиц, называющих явления социальной сферы: отношения людей внутри социума, финансовые операции, экономические, общественные и политические явления. Метафорические образы в роли субъекта поглощения пищи изображают захватчика, эксплуататора, грабителя; а объект поглощения представлен жертвой социальных воздействий, неспособной к защите от негативного влияния. Семантика всех исследуемых единиц имеет резко негативную оценочную коннотацию, связанную с отношением осуждения, неодобрения, презрения.

Деформация продукта в результате откусывания от него частей метафорически проецируется на ситуацию получения негативного жизненного опыта, связанного с лишениями, испытаниями, трудностями: **искусанный**, **надкушенный** – ‘испытывавший лишения, прошедший через жизненные трудности’ – *Кругом и враги и непонимающие. Искусанный, израненный, – он шел «сквозь револьверный лай» (Вишневский); обкусанный* – ‘понесший потери’ – *Буржуазную часть рассовали по карманам, а демократическую, сильно обкусанную, испачканную и осмеянную... – выбросили («Независимая газета»)*.

Поедание пищи, в процессе которого твердый продукт грызут, раздробляя на мелкие части, многократно откусывают от него части, метафорически проецируется на ситуацию соперничества, психологического или социального подавления, когда доминирующий субъект причиняет душевные страдания, изводит человека, лишает сил, социальных привилегий, как бы съедая его: **голову откусить**, **покусать** – **покусывать**, **грызть** – **сгрызть** – **сгрызать**, **грызть поедом**, **грызться как кошка с собакой**, **грызть – прогрызть плешь** – ‘ругать, упрекать кого-либо в его действиях; подвергнуть резкой критике’ – *С Людой он всю жизнь грызётся, а тут ещё эта связь... (Муравьева); грызть друг другу глотки* – ‘соперничать, бороться за что-либо с особой ожесточенностью’ – *Мы корячились, экзамены сдавали, глотки друг другу грызли, в карантине подышали..., а тут какой-то додик на готовенькое приехал? («Боевое искусство планеты»); кусать* – ‘изводить упреками; умышленно создавать неприемлемые условия для социальной деятельности’ – *Хрущёв сам уже не смог остановиться. Два оставшихся года так и кусал интеллигенцию («Наука и жизнь»); надкусить* – ‘распространить свое влияние, подчинить своим интересам’ – *Съесть запретный плод с этикеткой «КПРФ» Кремль пока не рассчитывает. Его задача – по анекдоту – надкусить («Советская Россия»); кто кого сможет, тот того и гложет* – ‘кто сильнее, тот подчиняет и использует других в своих целях’.

Откусывание небольших частей от продукта, обкусывание продукта со всех краёв образно ассоциируется с получением доходов, материальной выгоды, как правило, нечестным путём: *откусить, выкусить, обглодать – обглаживать, откусить от пирога* – ‘отнять что-либо ценное, значимое; присвоить чужое имущество’ – *Согласно квоте, Демидовы «выкусили» у Строгановых кусок Чусовой длиной 90 км. (Иванов); Да это мы, челноки, просто сами так себя называем – «шашильками». Потому что обглаживают нас все, кому не лень – менты, пожарные, чиновники, налоговики, «крыша»... А вчера вот обглодали дорожные бандиты. Да так, что и косточек не осталось («Автопилот»), – Ну а те, кто еще не откусил от экономического пирога, надеются сделать это с приходом независимости («Русский репортер»).*

Деформация съедаемого продукта метафорически проецируется на ситуации: 1) причинения материального ущерба, растраты денежных средств: *изгрызть* – ‘нанести ущерб материальному благополучию; расхитить’ – *Они уже изгрызли дотла Газпром, превратив крупнейшую государственную монополию в банкрота («Завтра»); прогрызть дыру в бюджете* – ‘привести к растрате денежных средств, разорению’ – *Они [кенгуру] безобразно расплодились и прогрызли в госбюджете огромную дыру («Вечерняя Москва»);*

2) исключения какой-либо части из состава целого, в том числе членов правящих партий, лидеров государства: *отгрызть – отгрызать* – ‘исключить из состава чего-либо, ликвидировать’ – *Коммунисты сами себе отгрызли правящую голову («Вслух о...»).*

Этап измельчения пищи зубами представлен глаголом *жевать* – *прожевать* – *прожёвывать* – ‘размельчать пищу зубами и движениями языка, перемешивая её со слюной’ и его производными *жеваться, жвачка, дожевать – дожёвывать, зажевать – зажёвывать, изжевать – изжёвывать, нажевать, пережевать – пережёвывать, пожевать, разжевать, сжевать – сжёвывать*. В исходной семантике исследуемых единиц зафиксированы следующие фазы: ‘субъект приводит в движение нижнюю челюсть относительно верхней, измельчая пищу’, ‘субъект при помощи языка перемешивает пищу со слюной’, ‘субъект повторяет эти действия после отделения зубами каждой последующей части продукта’.

Мотивационно-образная парадигма с вершиной *жевать* насчитывает 60 образных единиц, представленных языковыми метафорами: *прожевать* – ‘многократно повторить что-либо’, *изжевать – изжёвывать* – ‘измельчая уничтожить что-либо’ и др.; авторскими метафорами: *пожевать* – ‘о резких колебательных движениях самолета’ – *Нас пожевало и выплонуло в просторные, хотя и более бледные небеса (Битов)* и др.; сравнительными оборотами: как жвачка – ‘о навязчивых мыслях, идеях’ – *Мысль липкая, как жвачка, не оставит тебя в покое до ближайшего оживленного перекрестка (Симонова)* и др.; фразеологизмами: *разжевать и в рот положить* – ‘очень подробно растолковывать, доступно объяснить что-либо’, *жевать мочалку* – ‘нудно и бестолково говорить об одном и том же’ и др.; поговорками: *не зря хлеб жевать* – ‘заслуженно получать вознаграждение за свою работу’ и др.

Наблюдаются метафорические проекции в сферы механических, физиологических, ментальных, психологических и социальных явлений.

Фаза ‘субъект приводит в движение нижнюю челюсть относительно верхней, измельчая пищу,’ метафорически проецируется на механические действия и процессы.

Измельчение пищи зубами образно ассоциируется с замытием бумаги, пленки, ткани и т. п., проходящих сквозь двигающиеся части механизма: *зажевать – зажёвывать* – ‘зажать, замыть что-либо, проходящее сквозь двигающиеся части механизма’ – *Или вот, допустим, печатный станок вдруг зажевал и порвал лист (Шерстенников)*. Деформированный в результате измельчения зубами продукт образно ассоциируется с чем-либо измятым, поврежденным, лишенным первоначальной формы и структуры: *жёванный, зажёванный, пожёванный* – ‘лишенный гладкости, неровный, измятый’ – *Вытащить кассету мне удастся, но при этом из неё примерно на метр вытаскивается жёваная плёнка (Коллективный)*.

Данный образ также ассоциируется с уничтожением или пропажей материального объекта: *дожевать – дожёвывать, изжевать – изжёвывать* – ‘уничтожать, приводить к утрате’ – *У подоконника три перегревшихся от многочасовой работы шредера мелко изжевывали ножами-челюстями переписку двух компаний (Скворцов); зажевать – ‘задержать внутри устройства платежные средства’ – Если с трех раз вам не удастся верно набрать код, банкомат может зажевать карточку («Столица»).*

Прожевывание пищи в процессе ее поглощения образно ассоциируется с потреблением топлива, энергетических ресурсов: *Подле лазарета наслась похожая на коровёнку машина с вздутыми боками, жующая потихоньку бензин (Павлов)*.

Образ измельчения пищи зубами представлен в семантике языковых единиц, отражающих состояние здоровья человека, его самочувствие. Разжёвывание пищи и ее измельчение метафорически проецируется на ситуацию разрушения организма по причине болезни: *дожёвывать* – ‘привести к окончательному разрушению организма человека’ – *Встретить дома вплотную приближившуюся смерть, с приложением истории неизлечимых, дожевывающих их болезней в полторы страницы машинописного текста (Терехов)*.

Прожёвывание пищи зубами проецируется на характер речи, связанный с плохой дикцией: *зажевать, сжёвывать* – ‘не проговаривать слова, фразы, произносить их неотчетливо’ – *Его задача – не работать, говорить, зажевывая слова, и быть довольно грязным (Сурикова)*.

Повторяющиеся жевательные движения проецируются в сферу ментальных явлений на следующие ситуации:

1) тщательного обдумывания, анализа, осмысления, подробного объяснения какой-либо информации: *жевать, пережёвывать* – ‘изучать, оценивать, анализировать что-либо в течение длительного времени’, *прожевать – прожёвывать, пережевать – пережёвывать, разжевать – разжёвывать* – ‘уяснить / уяснять смысл, значение чего-либо’ – *Мне понравилось, кино, которое пережевывать не надо – посмотрел и доволен (Коллективный); разжевать – разжёвывать* – ‘разъяснить / разъяснять во всех подробностях, растолковать до мелочей’ – *Лукавому юристу же нужно не менее 15 минут, чтобы разжевать вам любой, самый элементарный вопрос (Глинка);*

2) многократного обсуждения каких-либо событий, фактов, разговоров об одном и том же: *жевать мочалку, про-*

жевать, пережевывать – ‘многократно повторять что-либо’ – Скучно людям, вот и **пережевывают** чужое («Дружба Народов»); **жеваться** – ‘многократно обсуждаться’; **жвачка** – ‘надоедливое повторение одного и того же’ – А то, что самому автору, возможно, кажется идеями, это давно **сжёванная** умственная **жвачка** младодемократов (Баранов); **изжевать, сжёвывать** – ‘вследствие многократного повторения сделать что-либо неактуальным, полностью реализованным’ – Патриотическая риторика партии власти просто неуклюжа. Свой «патриотизм» они уже **изжевали** («Советская Россия»);

3) восприятия чего-либо скучного, неинтересного, мало-содержательного: **жевать, дожевать** – ‘читать – дочитать, смотреть – досмотреть что-либо неинтересное, бессмысленное, скучное’ – Сидят себе у телевизоров и глазами **жуют** мещанские программы... (Бондарев).

Измельчение пищи зубами, осуществляемое повторяющимися жевательными движениями, метафорически проецируется в психологическую сферу, уподобляясь разрушительному воздействию навязчивых мыслей, негативных эмоций: **жевать** – ‘вызывать мучительное душевное состояние, лишать покоя’ – Второе признание: что-то еще продолжает «жевать» мое сердце, тревожит воспаленное воображение, трогать память (Аграновский).

Пережевывание пищи образно переосмысливается и проецируется на явления социальной жизни в следующих направлениях:

1) измельчение пищи зубами в процессе ее поглощения метафорически проецируется на ситуацию угнетения, причинения страданий кому-либо, ущемления социально-экономических прав и свобод: **пожевать** – ‘доставить неприятности, изводя упреками, придирками’ – Соответствую ли я этим качествам, судить не мне. Со стороны виднее. Однако **пожевать** себя люблю... (Сурикова), **дужежать, пережевать, сжевать** – ‘уничтожить кого-либо неугодного, что-либо, препятствующее достижению собственных целей’ – Денег мало? Власть? Ты сожрал Нугана, сожрал Клео. Судя по всему, кого-то **дожевываешь** и сейчас (Скворцов);

2) деформация продукта в результате его измельчения зубами метафорически проецируется на ситуацию получения негативного жизненного опыта, связанного с лишениями, испытаниями, трудностями: **сжевать, изжевать, пережевать** – ‘измучить лишениями, причинять страдания’ – Я ослабел – тюрьма окрепла. Она почти **сжевала** меня и проглотила. Протолкнула в свою утробу (Рубанов), Это было в детстве. С тех пор я вырос. И меня порядком **изжевало** (Иванов);

3) прожевывание пищи в процессе ее поглощения образно ассоциируется с получением доходов, материальной выгоды: **жеваться** – ‘иметь материальную ценность, приносить прибыль’ – Москва **доедает** последние **жующиеся** кусочки России и при этом изображает из себя чрезвычайно занятую, деловитую, незаменимую персону («Столица»).

Анализ семантической группы «Поглощение пищи при помощи зубов» показал, что данная система образов метафорически выражает представления о процессах и явлениях, связанных с деформацией, разрушением и исчезновением материальных объектов, разрушительным воздействием на организм и психику человека, социальным и психологическим давлением (конкурентной борьбой, репрессивной политической системой), утратой материальных ресурсов и ценностей. Прагматический потенциал исследуемых образных слов и выражений преимущественно связан с негативной оценочной коннотацией: выражением неодобрительного, осудительного, презрительного эмоционального отношения, а также высокой степени экспрессивности.

Мощный прагматический потенциал метафоры поглощения пищи при помощи зубов активно используется в публицистическом и художественном дискурсах. Продуктивность данной метафорической модели и частотность словоупотреблений демонстрируют данные Национального корпуса русского языка. Так, из числа ответов на запросы по глаголам с исходной семантикой поглощения пищи зубами большой процент (в среднем 19 %) составляют метафорические контексты: **жевать** – 9 %, **кусать** – 30 %, **грызть** – 21 %, **глодать** – 15 %.

Литература

1. Арутюнова Н. Д. Предложение и его смысл. Логико-семантические проблемы. М.: Наука, 1976. 383 с.
2. Лебедева Н. Б. Полиситуативность глагольной семантики (на материале русских префиксальных глаголов): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Томск, 1999. 55 с.
3. Серышева Ю. В., Филь Ю. В. Полипрефиксальные глаголы со смягчительной семантикой в языковом сознании носителей русского языка // Вестник Томского государственного университета. 2012. № 357. С. 29–36.
4. Рахилина Е. В. Стилистически маркированные глаголы в русском языке, **совать** – **сунуть** // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2015. № 3. С. 73–92.
5. Плотникова А. М. Многозначность русского глагола: когнитивное моделирование: (на материале глаголов социальных действий и отношений). Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2006. 225 с.
6. Баранчеева Е. И. Интерпретационный потенциал метафоры (на материале метафор, образованных от ЛСГ глаголов «обработки») // Сибирский филологический журнал. 2007. № 2. С. 124–127.
7. Скребцова Т. Г. Семантика глаголов физического действия в русском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 1996. 220 с.
8. Воронина Т. М. Интеллектуальная деятельность человека в образном представлении (на материале глагольной метафоры) // Уральский филологический вестник. Серия: Язык. Система. Личность: Лингвистика креатива. 2000. С. 298.
9. Капелюшник Е. В. Человек сквозь призму кулинарного кода культуры // Вестник Томского государственного университета. 2011. № 345. С. 11–14.
10. Боровкова А. В. Пищевая метафора как средство выражения оценки и ценностей (на материале образной лексики и фразеологии русского языка) // Вестник Томского государственного университета. 2015. № 396. С. 5–13.

11. Юрина Е. А., Грекова М. В. Культурологический комментарий в «Словаре русской кулинарной метафоры» (на материале тематической группы «Молочные продукты») // Язык и культура. 2014. № 4(28). С. 126–143.
12. Юрина Е. А. Мотивологические основы теории лексической образности // Актуальные проблемы мотивологии в лингвистике XXI в.: коллективная монография / под ред. О. И. Блиновой. Томск: Том. гос. ун-т, 2012. С. 129–144.
13. Юрина Е. А. Ассоциативно-образное семантическое поле как лингвокультурологический феномен // Язык и культура: сборник научных статей XIII Международной научно-методической конференции, посвященной 120-летию Томского государственного университета (01 января–31 декабря 1997) / под ред. С. К. Гураль. Томск: Национальный исследовательский Томский государственный университет, 1999. С. 8–12.
14. Юрина Е. А., Живаго Н. А. Метафоризация поглощения пищи в образном строе русского языка // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2015. № 3. С. 107–121.
15. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. М.: Эдиториал УРСС, 2004. 256 с.
16. Чудинов А. П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991–2000). Екатеринбург: Уральский государственный педагогический университет, 2001. 238 с.
17. Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий / отв. ред. В. Н. Телия. М.: АСТ–Пресс книга, 2006. 784 с.
18. Мокиенко В. М., Никитина Т. Г., Николаева Е. К. Большой словарь русских пословиц. Около 70000 пословиц. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2010. 1026 с.
19. Словарь русского языка: В 4-х т. / РАН, Институт лингвистических исследований; под. ред. А. П. Евгеньевой. 4-е изд. стереотип. М.: Русский язык, 1999. Т. 1: А–Й. 698 с.
20. Словарь русского языка: В 4-х т. / РАН, Институт лингвистических исследований; под. ред. А. П. Евгеньевой. 4-е изд. стереотип. М.: Русский язык, 1999. Т. 2: К–О. 736 с.
21. Национальный корпус русского языка. Режим доступа: <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения: 30.07.2017).

SEMANTICS AND PRAGMATICS OF VERBAL METAPHOR OF FOOD (THE SEMANTIC GROUP «FOOD CONSUMPTION WITH THE AID OF TEETH»)

Natalia A. Zhivago¹, @, *

¹ Tomsk State University, 36, Lenina Ave., Tomsk, Russia, 634050

@ zhivago.natalia@gmail.com

Received 01.08.2017. Accepted 02.10.2017.

Keywords: figurative words, phraseology, verbal metaphor, metaphorical model, food metaphor.

* This research was supported by «The Tomsk State University Competitiveness Improvement Programme» grant (№ 8.1.31.2017).

Abstract: The article features an analysis of semantics, pragmatics and text-based functioning of figurative vocabulary and expressions, which are metaphorically motivated by such verbs as *bite*, *gnaw*, *nibble* and *chew*. These verbs name various activities, processes and phenomena because of their analogy to food consumption with the aid of teeth. The analysis allowed the author to describe a number of cognitive metaphorical models which, in their turn, reflect the image projection from the source-domain “Food Consumption” into the conceptual spheres of physiological, mental, psychological and social phenomena. The given system of images expresses metaphorically the concept of various processes and notions related to deformation, destruction and disappearance of material objects; destructive effects on the human body and psyche; social and moral pressure (e. g. competitive struggle, repressive political system), loss of physical resources and values. The pragmatic potential of the image-bearing vocabulary and expressions is predominantly related to negative evaluative connotation since they reveal disapproving, condemning, contemptuous emotional attitude and high level of expressivity.

For citation: Zhivago N. A. Semantika i pragmatika glagol’noi metafory edy (na materiale semanticheskoi gruppy «Pogloshchenie pishchi pri pomoshchi zubov») [Semantics and Pragmatics of the Verbal Metaphor of Food (the semantic Group «Food consumption with aid of teeth»)]. *Bulletin of Kemerovo State University*, no. 4 (2017): 167–174. DOI:10.21603/2078-8975-2017-4-167-174.

References

1. Arutiunova N. D. *Predlozhenie i ego smysl. Logiko-semanticheskie problemy* [The sentence and its sens. Logical and semantic problems]. Moscow: Nauka, 1976, 383.
2. Lebedeva N. B. *Polisituativnost’ glagol’noi semantiki (na materiale russkikh prefiksial’nykh glagolov)*. Avtoref. diss. doktora filol. nauk [The polysituationality of the verb semantics (exemplified by Russian prefixed verbs). Dr. filol. Sci. Diss. Abstr.]. Tomsk, 1999, 55.

3. Serysheva Iu. V., Fil' Iu. V. Poliprefiksial'nye glagoly so smiagchitel'noi semantikoi v iazykovom soznanii nositelei russkogo iazyka [Polyprefixal verbs with softening semantics in the linguistic consciousness of native speakers of the Russian language]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Tomsk State University*, no. 357 (2015): 29–36.
4. Rakhilina E. V. Stilisticheski markirovannyye glagoly v russkom iazyke, *sovat' – sunut'* [Stylistically marked verb in Russian: to poke]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya = Bulletin of Tomsk State University. Philology*, no. 3 (2015): 73–92.
5. Plotnikova A. M. *Mnogoznachnost' russkogo glagola: kognitivnoe modelirovanie: (na materiale glagolov sotsial'nykh deistvii i otnoshenii)* [The ambiguity of the Russian verb: cognitive modeling: (based on verbs of social actions and attitudes)]. Ekaterinburg: Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta, 2006, 225.
6. Barancheeva E. I. Interpretatsionnyi potentsial metafory (na materiale metafor, obrazovannykh ot LSG glagolov «obrabotki») [The interpretative potential of metaphor (on the material of metaphors, formed from LSG verbs «processing»)]. *Sibirskii filologicheskii zhurnal = Siberian philological magazine*, no. 2 (2007): 124–127.
7. Skrebtsova T. G. *Semantika glagolov fizicheskogo deistviia v russkom iazyke*. Avtoref. diss. kand. filol. nauk [Semantics of verbs of physical action in russian. Cand. filol. Sci. Diss. Abstr.]. Saint-Petersburg, 1996, 220.
8. Voronina T. M. Intellektual'naia deiatel'nost' cheloveka v obraznom predstavlenii (na materiale glagol'noi metafory) [The intellectual activity of a person in a figurative representation (on the basis of a verbal metaphor)]. *Ural'skii filologicheskii vestnik. Seriya: Iazyk. Sistema. Lichnost': Lingvistika kreativa = The Urals Philological Bulletin. Series: Language. System. Personality: Creative Linguistics*, (2000): 298.
9. Kapeliushnik E. V. Chelovek skvoz' prizmu kul'narnogo koda kul'tury [A human through the prism of the culinary code of culture]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Tomsk State University*, no. 345 (2011): 11–14.
10. Borovkova A. V. Pishchevaia metafora kak sredstvo vyrazheniia otsenki i tsennosti (na materiale obraznoi leksiki i frazeologii russkogo iazyka) [Food metaphor as a way of expressing evaluation and values (based on figurative language and phraseology of the Russian language)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Tomsk State University*, no. 396 (2015): 5–13.
11. Yurina E. A., Grekova M. V. Kul'turologicheskii kommentarii v «Slovare russkoi kul'narnoi metafory» (na materiale tematicheskoi gruppy «Molochnye produkty») [Culturological comments in the «Dictionary of the Russian culinary metaphor» (on the material of the thematic group «Milk products»)]. *Iazyk i kul'tura = Language and culture*, no. 4(28) (2014): 126–143.
12. Yurina E. A. Motivologicheskie osnovy teorii leksicheskoi obraznosti [Motivological foundations of the theory of lexical imagery]. *Aktual'nye problemy motivologii v lingvistike XXI v.* [Actual problems of the theory of the motyvology of linguistics in the 21st century]. Ed. Blinova O. I. Tomsk: Tom. gos. un-t, 2012, 129–144.
13. Yurina E. A. Assotsiativno-obraznoe semanticheskoe pole kak lingvokul'turologicheskii fenomen [Associative-figurative semantic field as a linguistic and cultural phenomenon]. *Iazyk i kul'tura: sbornik nauchnykh statei XIII Mezhdunarodnoi nauchno-metodicheskoi konferentsii, posviashchennoi 120-letiiu Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. [Language and Culture: Proc. 13th Intern. Sc. and Method. Conf. dedicated to the 120th anniversary of Tomsk State University (January 01–December 31 1997)]. Ed. Gural' S. K. Tomsk: Natsional'nyi issledovatel'skii Tomskii gosudarstvennyi universitet, 1999, 8–12.
14. Yurina E. A., Zhivago N. A. Metaforizatsiya pogloshcheniya pishchi v obraznom stroe russkogo iazyka [Metaphorization of eating in the imagery of the Russian language]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya = Bulletin of Tomsk State University. Philology*, no. 3 (2015): 107–121.
15. Lakoff G., Johnson M. *Metafor, kotorymi my zhivem* [Metaphors we live by]. Moscow: Editorial URSS, 2004, 256.
16. Chudinov A. P. *Rossia v metaforicheskom zerkale: kognitivnoe issledovanie politicheskoi metafory (1991–2000)* [Russia in a metaphorical mirror: a cognitive study of political metaphor (1991–2000)]. Ekaterinburg: Ural'skii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet, 2001, 238.
17. *Bol'shoi frazeologicheskii slovar' russkogo iazyka. Znachenie. Upotreblenie. Kul'turologicheskii kommentarii* [The Big Phraseology Dictionary of the Russian language. Meaning. Use. Cultural commentary]. Ed. Teliya V. N. Moscow: AST-Press kniga, 2006, 784.
18. Mokienko V. M., Nikitina T. G., Nikolaeva E. K. *Bol'shoi slovar' russkikh poslovits. Okolo 70000 poslovits* [Big dictionary of Russian proverbs. About 70000 proverbs]. Moscow: Olma Media Group, 2010, 1026.
19. *Slovar' russkogo iazyka* [Dictionary of the Russian language]. Ed. Evgen'eva A. P. Moscow: Russkii iazyk, vol. 1: A–I (1999): 698.
20. *Slovar' russkogo iazyka* [Dictionary of the Russian language]. Ed. Evgen'eva A. P. Moscow: Russkii iazyk, vol. 2: K–O (1999): 736.
21. *Natsional'nyi korpus russkogo iazyka* [The Russian national corpus]. Available at: www.ruscorpora.ru. (accessed 30.07.2017).

УДК 81'366.59

ГЛАГОЛЬНОЕ НАКЛОНЕНИЕ КАК СРЕДСТВО ВЫРАЖЕНИЯ КАТЕГОРИИ ВЕЖЛИВОСТИ В РУССКОМ И ПЕРСИДСКОМ ЯЗЫКАХ**Ирана Замани^{1, @1}, Джоландан Н. Шейхи^{1, @2}**¹ Тегеранский университет, факультет иностранных языков и литературы, Иран, 14174, Тегеран, пл. Энгеляб, ул. 16-го Азара@¹ z_irana@mail.ru@² sheikhinahid@ut.ac.ir*Поступила в редакцию 24.07.2017. Принята к печати 10.11.2017.*

Ключевые слова: категория вежливости, русский язык, персидский язык, функциональная грамматика, функционально-семантическое поле (ФСП), глагольное наклонение, повелительное наклонение, сослагательное наклонение.

Аннотация: Статья посвящена изучению глагольного наклонения как одного из морфологических средств выражения категории вежливости в русском и персидском языках. Основное внимание при изучении категории вежливости и средств ее выражения акцентировано на функциональной грамматике одного из основных ее понятий – функционально-семантическом поле. При обучении иностранному языку, как грамматике в целом, так и коммуникативной грамматике в частности, основная роль должна отводиться функциональному принципу обучения, в центре внимания которого находятся системы разноуровневых средств, выражающих то или иное значение рассматриваемых категорий. Категория наклонения, будучи интенциональной категорией, выражает устанавливаемое говорящим лицом отношение действия к действительности. Значительное внимание в статье уделяется характерным признакам повелительного и сослагательного наклонений, составляющих ближайшую периферию функционально-семантического поля вежливости в русском и персидском языках. Изучается семантика форм повелительного и сослагательного наклонений в качестве инвариантов категории вежливости, исследуются различные речевые акты, выражающие разную степень вежливости в обоих языках.

Для цитирования: Замани И., Шейхи Дж. Н. Глагольное наклонение как средство выражения категории вежливости в русском и персидском языках // Вестник Кемеровского государственного университета. 2017. № 4. С. 175–180. DOI:10.21603/2078-8975-2017-4-175-180.

На протяжении последних десятилетий функциональная грамматика и функциональный подход к изучению грамматики, в особенности в сфере сопоставительного анализа языков, занимают лидирующие позиции в области языкознания. Как известно, стрелковым понятием в функциональной грамматике является понятие «функционально-семантическое поле» (ФСП), термин, появившийся впервые в «Теории морфологических категорий» А. В. Бондарко. Наряду с трудами А. В. Бондарко теоретическим аспектам функциональной грамматики посвящены работы А. М. Пешковского, И. А. Бодуэна де Куртенэ, А. А. Потебни, А. А. Шахматова, Л. В. Щербы, И. И. Мещанинова, В. В. Виноградова, А. Слюсаревой, Н. Ю. Шведовой, М. А. Шелякина, Г. А. Золотовой, Д. Н. Шмелева, М. В. Всеволодовой и других выдающихся российских ученых.

Морфологическая категория составляет ядро ФСП. Выделяя разные группировки ФСП: 1 – с предикативным ядром; 2 – с предметным ядром; 3 – с качественно-количественным ядром; 4 – с обстоятельственным ядром, – А. В. Бондарко указывает на два основных структурных типа ФСП: а) моноцентрические (сильноцентрированные) поля, опирающиеся на грамматическую категорию (темпоральность, центр – морфологическая категория времени; модальность, центр – морфологическая категория наклонения; активность/пассивность, центр – грамматическая категория залога), и б) полицентрические (слабоцентрированные) поля, опирающиеся на некоторую совокупность

разноуровневых языковых средств при отсутствии единого грамматического центра [1, с. 60].

Исследуя вежливость в рамках коммуникативно-прагматической категории, российские ученые (Н. Формановская, И. Стернин, В. Карасик, Ю. Степанов, Т. Ларина и пр.) рассматривают функцию категории вежливости в качестве средства укрепления и фиксирования отношений. Иранские исследователи (Зейнаб Ахмади, Али Егане, Джалал Насириан, Марям Мостуфи и пр.) подчеркивают в первую очередь духовный и морально-этический аспекты вежливости.

В русском и в персидском языках отсутствуют специальные системы грамматических форм, передающих семантику вежливости. Из вышесказанного можно сделать вывод, что в обоих языках функционально-семантическое поле вежливости не обладает морфологическим ядром, как это свойственно категориям побуждения и темпоральности, представляющим собой моноцентрическое, сильноцентрированное поле, опирающееся на грамматические категории наклонения и времени. Согласно проведенным исследованиям ядро поля вежливости в обоих языках составляют вежливые слова, ближайшую и дальнюю периферию ФСП вежливости составляют лексические, фонетические, морфологические, синтаксические и словообразовательные средства.

По утверждениям большинства российских исследователей (Н. И. Формановская, Т. В. Федорова, О. А. Васильева, О. А. Луцева и пр.), категории вежливости в России на протяжении нескольких десятилетий не отводилось должного внимания, следует отметить, что в персидском языке на

грамматическом уровне данная категория остается менее изученной и по сей день.

В сфере сопоставительного семантико-грамматического анализа данной категории в русском языке в сопоставлении с персидским важную лепту внесли статьи и исследования А. Мадаени, Х. Мостафави Геро, З. Ахмади, М. Азин, М. Шафаги, Р. Акбари, А. Аслихош, М. Дехган Халили и пр. Касательно вежливости и речевого этикета в персидском языке важную роль сыграли труды Махин Хаджиян, Мехди Алиния, Эсмаил Екани, Али Хамзе, Хоссейн Голи Катеби, Джалал Насириян, Мохаммад Могоддасиян, Махшид Мошири, Марям Мостуфи, Бехзад Лотфи, Ахмад Али Карими Лахиджан, Махмуд Кетаби и пр., в которых в основном изучается коммуникативное поведение персоговорящих, обусловленное иранским менталитетом.

Вопреки тому, что ядро ФСП вежливости в обоих языках не располагает моноцентрическим полем, однако на уровне периферийных слоев ФСП категория вежливости способна выражаться при помощи **глагольного наклонения** (повелительного, сослагательного).

Повелительное наклонение в русском и персидском языках охватывает широкий спектр оттенков и значений, к числу которых относится побуждение к действию (категоричное, нейтральное и смягченное побуждение), просьба совершить действие, совет, распоряжение, призыв и пр., многие из которых тесно связаны с выражением категории вежливости.

Семантика форм императива в качестве инварианта категории вежливости в обоих языках способна выражаться посредством смягченного побуждения, охватывающего речевые акты просьбы, совета, приглашения, предложения, мольбы, отражающие желание говорящего в адрес слушателя совершить то или иное действие.

Применительно к категории вежливости, когда речь заходит о повелительном наклонении как одном из способов выражения данной категории, следует в первую очередь рассмотреть особенности речевых актов. Российские исследователи предлагают разные классификации речевых актов.

Так, при классификации побудительных речевых актов Н. И. Формановская опирается на наличие или отсутствие высокого статуса и власти говорящего, выделяя инъюнктивы (приказ, команда, требование, распоряжение, предписание) и неинъюнктивы, подразделяющиеся на реквестивы, направленные в пользу говорящего (просьба, увещание, мольба, закливание), и адвисивы – действия, совершающиеся в пользу адресата (совет, рекомендация, инструкция, предложение, приглашение) [2, с. 96].

Л. А. Киселева относит побудительную языковую информацию к ядерным средствам, классифицируя их на смягченное побуждение (просьба, мольба и пр.) и нейтральное побуждение (совет, предложение и т. д.) [3, с. 2].

В русском и в персидском языках императивные конструкции, выражающиеся при помощи актуализаторов вежливости (пожалуйста, будьте добры и пр.), способны проявляться в рамках вопросительных и собственно побудительных предложений (прим. авторов: все персидские примеры взяты из повседневного общения, из живого общения и диалогов, и имеют очень высокую частотность в персидском языке):

Скажите, пожалуйста, как пройти к почте / Не подскажите, как пройти к почте?

لطفاً بگوئید چطور می توانم به اداره پست بروم؟

Вежливые вопросительно-побудительные высказывания в русском языке строятся согласно моделям:

1. *Вам не трудно / Вас не затруднит?*

Вам не трудно немного подождать?

زحمتتون نیست کمی منتظر بمانید؟/لطفاً می کنید چند لحظه منتظر بمانید؟

Вас не затруднит изложить свои выводы подробнее?

زحمتتون نیست/لطفاً می کنید نتیجه گیری خود رو با جزئیات بیشتر توضیح دهید؟

2. *Не + предикат + (ли) + местоимение Вы?*

Не будет ли у вас лишнего билета?

Продайте, пожалуйста, билет, если он у Вас лишний.

ببخشید بلیت اضافه خدمتتون هست؟

В вопросах с отрицанием исполнителю предоставляется право принять свободное решение, следовательно, данные вопросы выражают некатегорическое побуждение. Они охватывают стандартные формы речевых актов, направленных на просьбу, приглашение, совет и пр.:

Не хотите ли посетить наш университетский музей?

مایلید از موزه دانشگاه ما بازدید کنید؟

3. Конструкция *Вы + не + предикат (бы) ... ?* относится к разряду идиоматичных просьб, распространенных в среде образованной, культурной части старшего поколения как вежливая норма:

Вам не трудно будет открыть окно? (в автобусе)

زحمتتون نمی شود پنجره رو باز کنید؟

Вас не затруднит пересест на другое сиденье/место? (в автобусе) [4, с. 14].

زحمتتون نمی شود روی صندلی دیگری بنشینید؟

Конструкция *Вы не + предикат (бы) ... ?* в аналогичной ситуации (в автобусе) является менее вежливой, следовательно, подобные высказывания являются менее приятными для адресата:

Вы не пересядете на другое место?

لطفاً می کنید روی صندلی دیگری بنشینید؟

4. *Может быть / может*

В. Е. Иосифова относит вопросительные высказывания с водным компонентом «может быть» к речевым актам просьбы, запроса, совета, приглашения и пр., высказывания подобного вида весьма частотны в русском языке:

Может, как-нибудь зашли бы к нам, мимо ведь ходите [4, с. 15].

یک سری هم به ما بزنید دیگه ، به هر حال از این طرف ها رد میشد

Может, вы перечитаете мою работу еще раз? – Я не согласна с вашими выводами (предложение).

شاید یک بار دیگر کارم رو بازخوانی کنید؟ چون من با نتیجه گیری شما موافق نیستم

5. При помощи слов с модальным значением иллокутивная сила речевого акта приобретает конкретный вид побуждения:

а) просьбу: *не можете ли, не найдете ли возможным;*

Не найдете ли возможным почтить меня вашим присутствием?

اگر ممکنه با حضورتون به من افتخار بدین؟

б) предложение: *не хотите / хочешь ли?*

в) ненавязчивый совет: *не лучше ли?*

Не лучше ли исправить эту ошибку?

بهتر نیست این اشتباه تصحیح شود؟/بهتر نیست این اشتباه رو تصحیح کنیم/کنید؟

6. В высказываниях, строящихся по модели: *Почему (бы) + дательный субъекта + не + инфинитив?* – ввиду отсут-

ствия модальных слов наблюдается смягченное побуждение:

Почему бы вам всем у него не поучиться? (совет = Вы все могли бы у него поучиться, Вам всем следовало бы у него поучиться). Данного вида конструкции относятся к косвенным императивным высказываниям. Подобного вида конструкции широко распространены и в персидском языке:

چگونه از او چیزهایی یاد بگیرید؟

Также наблюдаются следующие побудительные конструкции с оттенком вежливости, выраженные при помощи сослагательного наклонения в виде совета:

– *Меня тошнит.*

– *Вы бы вышли из машины и подышали воздухом* (побуждение, выраженное сослагательным наклонением).

حالت تهوع دارم. – اگر میشد از ماشین پیاده میشدید و هوایی می خوردید، خوب بود.

Глагольные формы повелительного наклонения типа: *разрешите/позвольте что-либо сделать; примите мою благодарность; примите мое сочувствие (вашему горю); здравствуйте* (бывший императив); *извините/простите* и пр. – относятся к числу стертых императивов.

Весьма интересную классификацию речевых актов в своей исследовательской работе представляет Т. В. Ларина, различая понятия семантической и прагматической опций. Под семантической опцией исследователь подразумевает понятия, относящиеся к семантическому значению, то есть к уровню языкового оформления [5, с. 127]. И в русском, и в персидском языках она содержится в семантике общего вопроса, на который теоретически может быть дан как положительный, так и отрицательный ответ.

Прагматическая опция связана с прагматическим значением, с контекстом, с тем, есть ли у слушающего в конкретной реальной коммуникативной ситуации альтернатива, то есть может ли он совершать предлагаемое действие (например, отказаться предъявлять пограничнику паспорт, не открыть книгу на уроке) или вынужден подчиниться [5, с. 128].

В императивных высказываниях:

Предъявите, пожалуйста, ваш билет (контролер – пассажиру).

لطفا بلیت خود را ارائه دهید

Садитесь, пожалуйста (директор школы – ученикам, вставшим с места во время урока).

لطفا بنشینید

Предъявите, пожалуйста, ваши документы (инспектор ГИБДД – водителю).

لطفا مدارکتان را نشان/ارایه بدهید

Данные высказывания наделены прагматической функцией, построены в обоих языках при помощи императива и маркером вежливости *пожалуйста*. Оба предложения отражают команду, так как адресат обязан совершить требуемое действие.

Покажи мне, пожалуйста, твои новые фотографии.

لطفا عکسهای جدیدت را به من نشان بده

Садитесь, пожалуйста (хозяин дома – гостю).

لطفا بفرمایید بنشینید

Приведенные предложения выполняют прагматическую функцию просьбы. Несмотря на то, что они также построены при помощи императива, адресату предоставляется право выбора: совершать действие или нет.

Таким образом, Т. В. Ларина предлагает выделять побудительные речевые акты директивные и недирективные на основе наличия/отсутствия прагматической опции.

Речевые акты просьбы, приглашения, совета тесно связаны с категорией вежливости и повелительным наклонением. Изучения повелительного наклонения в русском и персидском языках свидетельствуют о том, что императив в обоих языках является основным способом выражения просьбы. Как отмечает Ю. В. Щербинина: вежливая просьба – это «побудительное речевое действие, но не повелительного характера» [6, с. 294].

В приглашении, как и в просьбе, в обоих языках выбор наиболее оптимальной речевой формулы зависит от многих факторов: возраста, уровня отношений, степени знакомства и пр.

Приходи ко мне на день рождения в субботу вечером. Я буду очень рад тебя видеть / Прошу тебя быть желанным гостем на моём торжестве (предоставляется право выбора).

شنبه عصر روز تولدم است. خیلی خوشحال میشم ببینمت.

ازت خواهش میکنم که میهمان عزیز جشن من باشی

У меня день рождения в субботу. Я тебя жду / Отказы не принимаются (не допускается возражение адресата).

شنبه روز تولدم است. منتظرتم. هیچ عذری /بهانه ای هم پذیرفته نیست

Говоря о вежливости в персидском языке, следует указать на лингвокультурный феномен таароф, своеобразный этикетный код вежливости. Таароф охватывает лексически богатую форму почтительной речи, большинство предложений, обращений, просьб, побуждений и пр. в персидском языке обильно насыщены данным феноменом. Примером сказанному в сфере повелительного наклонения служат нижеследующие предложения:

قبول زحمت بفرمایین و ما رو منت دار خود کنید

Примите хлопоты и беспокойства, оказав нам одолжение и милость.

قدم رنجه بفرمایید کلبه درویشی ما رو روشن کنید

Окажите милость и осветите своим приходом нашу скромную хижину/хижину дервиша.

با تشریف فرمایی تان ما رو سرفراز بفرمایید

Соизвольте прийти к нам и оказать нам честь.

ما رو از سخنان گرانبار خود محروم نفرمایید

Не лишайте нас ваших драгоценных слов.

В своей исследовательской работе Зейнаб Ахмади, изучая роль речевого акта просьбы с опорой на повелительное наклонение, пишет: иранцы считают, что при обращении с просьбой надо соблюдать определенные грамматические правила, связанные с модальностью («можно?», «есть возможность?», «вы можете?»; *mishe? Emkaneshhast? Agar emkan dare? lotfan*). То есть говорящему надо убедиться, что адресат имеет возможность исполнить просьбу, что его это не слишком затруднит. Причем важна, прежде всего, внутренняя, личностная готовность, а не формальные возможности, властные полномочия и т. п. Согласно проведенному исследователем опросу две трети респондентов считают невежливой просьбу в форме повелительного наклонения, тогда как в русском речевом этикете она считается устойчиво нормативной [7, с. 153].

Именно благодаря глаголу в *сослагательном наклонении*, по убеждению Н. И. Формановской, речевые акты просьбы являются более мягкими по тональности и, как следствие, более вежливыми: *Я хотела бы поблагодарить Вас* [8, с. 96].

А. С. Киселева, изучая в своей исследовательской работе перформативные высказывания, а именно речевой акт просьбы, рассматривает данный речевой акт с точки зрения синтаксиса (побудительные, повествовательные, вопросительные предложения) и этикетных форм, включающих сослагательное наклонение типа *не могли бы Вы...* [9, с. 6].

Простите за беспокойство, не могли бы Вы одолжить ручку на минуточку?

بیخشید مزاحم می شوم، امکان دارد خودکارتان را برای یک لحظه به من بدهید ؟

Особый интерес в русском языке представляют развернутые высказывания, отличающиеся ограниченным употреблением и числом, выражающие признательность говорящего адресату за выполненное им действие:

Вас не затруднит сделать это? Я был бы очень благодарен/признателен, если бы Вы сделали это.

زحمتتان نمی شود این کار را انجام بدهید؟ من خیلی از شما سپاسگذار خواهم بود، اگر شما این کار را انجام بدهید

В переносных употреблениях сослагательное наклонение также может иметь прагматические функции: смягчение сообщения о намерениях говорящего:

Я бы попросил Вас об этом не говорить.

میخواستم از شما خواهش کنم که این موضوع جایی گفته نشه/خواهش از شما اینه که این حرف جایی درز نکنه

Прагматическое (переносное) употребление сослагательного наклонения используется преимущественно в диалоге, для того чтобы смягчить заявление о намерениях говорящего или снизить категоричность некоторого утверждения.

Прагматическое употребление сослагательного наклонения характерно для выражения желания, совета, рекомендации, вопроса. Прагматическое сослагательное наклонение встречается в следующих контекстах:

Знаете, я бы Вам очень посоветовал сейчас ничего не хотеть и никого не видеть.

می دانید، در حال حاضر توصیه ام به شما این است که نه چیزی بخواهید و نه کسی رو ملاقات کنید

Иранские лингвисты, авторы традиционных (Мирза Хабиб Исфাহани, Хайямпур, Хомаюн Фаррох, Мохаммад Джавад Машкур, Нател Ханлари, Ахмади Гиви и Фаршидвард) и современных грамматик (Али Ашраф Садеги, Голамреза Аржанг, Камяр Вахидиян, Ахмад Шафай) персидского языка, исследуя сослагательное наклонение, весьма поверхностно касались связи данного наклонения с категорией вежливости, не углублялись в подробности, не производили особых классификаций данного наклонения и его связи с вежливостью. Важно отметить, что в персидском языке в подавляющем большинстве случаев при выражении просьбы в качестве одного из речевых актов вежливости широко распространены конструкции в сослагательном наклонении:

چنانچه قبول زحمت بفرمایید، منت دار شما خواهیم بود

Если Вы сообразовываете, мы будем Вам очень признательны.

لطف شما موجب امتنان این فقیر است

Ваша доброта вызывает признательность у этого бедняка (т. е. у меня).

اگر به سوال من هم پاسخ بدهید، ممنون میشوم

Если Вы ответите и на мой вопрос, я буду Вам очень признателен.

اگر قدم رنجه کنید و تشریف بیاورید، کلبه درویشی ما رو منور می کنید

Если Вы утрудитесь и изволите прийти к нам, то осветите своим присутствием нашу скромную хижину.

با تشریف فرمایی تان سرافرازمان می کنید

Если Вы соизволите прийти, то окажете нам великую честь / осчастливите нас.

قبول زحمتتان، موجب شرمندگی و سپاس ماست

Ваше соглашение на это беспокойство вызвало неловкость и огромное признание у нас.

اگر لطف کنید و به حرف هایم توجه بفرمایید، بر من منت می گذارید

مرهون لطف شما خواهم بود چنانچه به حرفهایم توجه بفرمایید

Если Вы окажете любезность и выслушаете меня, то я Вам буду очень признателен.

Я буду в долгу перед Вами, если Вы выслушаете меня.

Как видно, все русские переводы являются буквальными, так как нашей основной целью является демонстрация чрезмерно вежливых и официальных, наделенных помпезностью и напыщенностью, широко применяемых в каждодневной речи иранцев предложений. Данные высказывания в персидском языке имеют близкие к русскому аналогичные конструкции на менее торжественном языке, однако большинство иранцев, в особенности на официальном уровне, предпочитают использовать именно подобного вида конструкции.

В русском языке весьма частотны косвенные просьбы, выраженные с помощью вопросительного высказывания с модальным глаголом в сослагательном наклонении с предикатным отрицанием и пояснением причины:

Извините, пожалуйста, Вы не могли бы уступить мне место? Я плохо себя чувствую / У меня тяжелая сумка (разговор пассажиров в автобусе).

بیخشید میشه جاتونو به من بدین؟ حالم خوب نیست / کیفم سنگین است

Частотны конструкции с отрицанием, выражающиеся в сослагательном наклонении:

Извините/Простите, Вы не могли бы подсказать, где находится эта улица?

بیخشید، میشه بگید این خیابون کجاست؟

Вышеприведенные конструкции с частицей *не+могли+бы* в персидском языке выражаются в виде положительного предложения, т. е. без отрицательной частицы не при помощи вопросительного слова *мیشه* - можно (*mishe*) в значении *не+могли+бы* (*By*).

В сослагательных вежливых конструкциях, направленных на речевой акт просьбы, наиболее частотными являются конструкции с глаголом *мочь*, подтверждением чему являются вышеперечисленные примеры, в которых говорящий задает вопрос о возможности выполнить желаемое действие, являющийся просьбой с точки зрения прагматики.

Также в русском языке распространены конструкции с безличным глаголом *хотелось+бы*:

Мне хотелось бы пригласить Вас (тебя)...

می خواستم شما رو دعوت کنم

Мне бы очень хотелось, но не знаю, смогу ли я прийти.

من خیلی مشتاقم، ولی نمی دانم آیا می توانم بیایم/خیلی دلم می خواهد ولی نمی دونم می تونم بیام

Было бы неплохо, если бы ты (Вы)...

بد نمی شد اگر که تو (شما)

Помимо вышеприведенных конструкций можно указать на сослагательное наклонение модального глагола, придающее высказыванию оттенок некатегоричности, мягкости.

– *Сегодня интересная лекция. Хорошо было бы Вам её послушать* (совет).

امروز سخنرانی جالبی برگزار میشود. خوب است شما هم در آن شرکت کنید

М. Таджалли о выражении просьбы в персидском языке пишет: «Носители персидского языка при выражении побуждения, направленного на просьбу, активнее используют косвенные средства, применяя вдохновляющее количество регулирующих средств. С целью смягчения просьбы и поощрения собеседника, стимулируя при этом его положительную реакцию на просьбу, они зачастую объясняют слушающему причину своей просьбы» [10, с. 94].

Исследуя вежливые конструкции, выраженные при помощи повелительного и сослагательного наклонений в русском и персидском языках, подводя итоги, можно констатировать следующее.

Повелительное наклонение, являясь одним из средств выражения вежливости в русском и персидском языках, в обоих языках обладает чертами типологического сходства. Учитывая ритуализованное коммуникативное поведение иранцев в иранских речевых актах, направленных на просьбу, наблюдается меньше императивных высказываний. В повседневном общении носителей персидского языка широко распространены побудительные высказывания с высокой степенью вежливости типа: *Не составит ли вам труда* – *بی زحمت اگر زحمتان نیست*; Будьте любезны; пожалуйста – *لطفاً کنید، لطفاً*.

Вежливые высказывания, выражающиеся с помощью повелительного наклонения, делятся на императивные и вопросительные. Императивная форма глагола в русском и персидском языковых этикетах, сочетаясь с актуализатора-

ми вежливости, является самым частотным выражением просьбы. Вопросительные конструкции с отрицательной частицей *не* в персидском языке в большинстве случаев передаются в виде положительных конструкций.

В русском и в персидском языках просьба, выраженная вопросом, представляется менее категоричной.

Побудительные высказывания в персидском языке отличаются развернутостью этикетных высказываний, русские – лаконичностью.

В русском языке широко распространены сослагательные конструкции с частицей «*бы*», в персидском – *اگر* «если», порою значение *اگر* извлекается имплицитно из состава предложения. Конструкции с частицей «*не*» (*Вы не могли бы*) в персидском языке выражаются при помощи вопросительного слова *می‌توانید* можно или *نیست* / *زحمتان نخواهد بود* в рамках вопроса.

В повседневной жизни иранцы общаются друг с другом в рамках приведенных выше примеров, но в официально-деловых сферах, в том числе и в письменном общении, стиль изложения приобретает помпезно-торжественный характер.

Резюмируя сказанное, следует подчеркнуть важность статей, написанных в рамках сравнительно-сопоставительного анализа. Благодаря им студенты, изучающие различные языки, не только могут ознакомиться с грамматическими особенностями изучаемого языка, но и с национально-культурной спецификой (эстетические вкусы, менталитет) страны изучаемого языка.

Литература

1. Бондарко А. В. Теория функциональной грамматики. Л.: Наука, 1987. 348 с.
2. Формановская Н. И. Коммуникативно-прагматические аспекты единиц общения. М.: ИКАР, 1998. 291 с.
3. Киселева Л. А. Вопросы теории речевого воздействия. Л.: ЛГУ, 1978. 160 с.
4. Иосифова В. Е. Русский императив в грамматической системе и в разговорной речи: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2012. 46 с.
5. Ларина Т. В. Категория вежливости в аспекте межкультурной коммуникации (на материале английской и русской коммуникативных культур): дис. ... д-ра филол. наук; Российский университет дружбы народов. М., 2003. 485 с.
6. Щербинина Ю. В. Педагогический дискурс: мыслить – говорить – действовать: учебное пособие. М.: Флинта, 2010. 440 с.
7. Ахмади Зейнаб. Обучение иранских студентов русскому речевому этикету (речевые акты «извинение» и «просьба»): дис. ... канд. филол. наук; Московский педагогический государственный университет. М., 2016. 219 с.
8. Формановская Н. И. Речевое взаимодействие: коммуникация и прагматика. М.: ИКАР, 2007. 478 с.
9. Киселева А. С. Воспитание словесной вежливости (при выражении просьбы) на уроках русского языка в V классе: автореф. дис. ... канд. пед. наук. М., 1992. 14 с.
10. Таджалли Махбубе. Классификация речевых актов просьбы в персидском языке: дис. магистра филол. наук; Университет им. Алламе Табатабаи. Тегеран, 2009. 146 с.

VERBAL MOOD AS A MEDIUM OF THE POLITENESS CATEGORY IN RUSSIAN AND PERSIAN

Irana Zamani^{1, @1}, Jolandan N. Sheikhi^{1, @2}

¹ University of Tehran, Department of the Russian Language and Literature, 16th Azar St., Enghelab Sq., Iran, Tehran, 14174

@1 z_irana@mail.ru

@2 sheikhinahid@ut.ac.ir

Received 24.07.2017. Accepted 10.11.2017.

Keywords: politeness category, Russian language, Persian language, functional grammar, function-semantic field, verb inclination, Imperative mood, subjunctive mood.

Abstract: The article features verbal mood as one of the morphological means of expressing the category of politeness. The main attention in the study of the category of courtesy and the means of its expression is focused on the functional grammar and the functional-semantic field as one of its basic concepts. When teaching a foreign language (grammar in general or communicative grammar in particular), the main role should be assigned to the functional principle of teaching. The principle is based on systems of different levels that express this or that meaning of the categories in question. The category of inclination, being an intentional category, expresses the relation of action to reality established by the speaker. Much attention is given to the characteristic features of the imperative and subjunctive moods that make up the nearest periphery of the functional-semantic field of courtesy both in Russian and Persian. The research concentrates on the semantics of the forms of imperative and subjunctive moods as invariants of the politeness category and explores various speech acts expressing different degrees of politeness in both languages.

For citation: Zamani I., Sheikhi J. N. Glagol'noe naklonenie kak sredstvo vyrazheniia kategorii vezhlivosti v russkom i persidskom iazykakh [Verbal Mood as a Medium of the Politeness Category in Russian and Persian]. *Bulletin of Kemerovo State University*, no. 4 (2017): 175–180. DOI:10.21603/2078-8975-2017-4-175-180.

References

1. Bondarko A. V. *Teoriia funktsional'noi grammatiki* [Theory of functional grammar]. Leningrad: Nauka, 1987, 348.
2. Formanovskaiia N. I. *Kommunikativno-pragmaticheskie aspekty edinits obshcheniia* [Communicative-pragmatic aspects of communication units]. Moscow: IKAR, 1998, 291.
3. Kiseleva L. A. *Voprosy teorii rechevogo vozdeistviia* [The theory of speech impact]. Leningrad: LGU, 1978, 160.
4. Iosifova V. E. *Russkii imperativ v grammaticheskoi sisteme i v razgovornoj rechi*. Avtoref. diss. doktora filol. nauk [Russian imperative in the grammatical system and in colloquial speech. Dr. philol. Sci. Diss. Abstr.]. Moscow, 2012, 46.
5. Larina T. V. *Kategoriiia vezhlivosti v aspekte mezhkul'turnoi kommunikatsii (na materiale angliiskoi i russkoi kommunikativnikh kul'tur)*. Diss. doktora filol. nauk [Category of courtesy in the aspect of intercultural communication (on the material of English and Russian communicative cultures). Dr. philol. Sci. Diss.]. Peoples Friendship University of Russia. Moscow, 2003, 485.
6. Sherbinina U. V. *Pedagogicheskii diskurs: mislit' – govorit' – deistvovat'* [Pedagogical discourse: think – speak – act]. Moscow: Flinta, 2010, 440.
7. Ahmadi Zeinab. *Obuchenie iranskikh studentov russkomu rechevomu etiketu (rechevye akty «izvinenie» i «pros'ba»)*. Diss. kand. filol. nauk [Training Iranian students to Russian speech etiquette (speech acts “apology” and “request”). Cand. philol. Sci. Diss.]. Moscow State Pedagogical University. Moscow, 2016, 219.
8. Formanovskaiia N. I. *Rechevoie vzaimodeistviie: kommunikatsiia i pragmatika* [Speech interaction: communication and pragmatics]. Moscow: IKAR, 2007, 478.
9. Kiseleva A. C. *Vospitanie slovesnoi vezhlivosti (pri vyrazhenii pros'by) na urokakh russkogo iazyka v V klasse*. Avtoref. diss. kand. ped. nauk [Educating verbal courtesy (when expressing a request) at Russian language lessons in the V class. Cand. ped. Sci. Diss. Abstr.]. Moscow, 1992, 14.
10. Tadjalli Mahbubeh. *Klassifikatsiia rechevykh aktov pros'by v persidskom iazyke*. Diss. magistra filol. nauk [Classification of speech acts of the request in Persian. Master filol. Sci. Diss.]. Allama Tabatabai University. Tegeran, 2009, 146.

УДК 81'42

ТЕКСТОВО-СТИЛИСТИЧЕСКАЯ ВТОРИЧНОСТЬ КАК БАЗОВАЯ КАТЕГОРИЯ СОВРЕМЕННОЙ РЕКЛАМЫ**Лидия А. Исаева^{1, @1}, Светлана Г. Буданова^{1, @2}, Алевтина Г. Рябинина^{1, @3}**¹ Кубанский государственный университет, 350040, Россия, г. Краснодар, ул. Ставропольская, 149@¹ vlisaev@rambler.ru@² lanastar@bk.ru@³ alyar2015@yandex.ru*Поступила в редакцию 05.06.2017. Принята к печати 09.11.2017.*

Ключевые слова: рекламный текст, вторичный текст, имитация, подражание, стилизация, тексто-во-стилистическая вторичность, прецедентный текст.

Аннотация: В настоящей статье описан особый вид рекламных текстов, характеризующихся тексто-стилистической вторичностью. Это свойство текстов предполагает намеренное подражание первоисточнику при помощи сохранения типичного отличительного признака в зависимости от вида первоосновы, что позволяет распознать имитацию при изменении лексических, грамматических и сюжетно-образных компонентов. Представлено видовое разграничение рекламных текстов на основе языковой и / или ритмико-звуковой имитации протослова с учетом сюжетно-образных элементов. С точки зрения особенностей подражания тому или иному источнику, построения и художественной организации в рекламном пространстве выделены следующие виды тексто-во-стилистической вторичности: 1) имитация конкретных произведений, 2) имитация неопределенного множества однородных произведений, 3) имитация речи конкретного говорящего, 4) имитация неопределенного множества однородных речей. Внутри каждого из этих видов рекламный материал разделен на дополнительные группы в зависимости от типа источника и средств создания стилизации. Описаны основополагающие признаки подобных вторичных текстов медиадискурса.

Для цитирования: Исаева Л. А., Буданова С. Г., Рябинина А. Г. Текстово-стилистическая вторичность как базовая категория современной рекламы // Вестник Кемеровского государственного университета. 2017. № 4. С. 181–189. DOI:10.21603/2078-8975-2017-4-181-189.

Непрерывное обогащение современной рекламы специфическими текстовыми единицами, изначально принадлежащими иной стилистической среде, приводит к появлению таких медиатекстов, основным свойством которых становится наличие в них отсылки к различным произведениям. Такая вторичная природа текстопостроения рассмотрена в некоторых работах современных лингвистов (например, см. работы М. В. Вербицкой [1], Л. М. Майдановой [2], С. В. Первухиной [3] и др.) на материале художественных произведений и научных текстов. Авторы, занимающиеся решением вопросов описания онтологической сущности явления вторичности, типологического разграничения вторичных текстов различных видов, выявления средств и способов их создания, не приходят к единому мнению, их выводы во многом противоречивы. Современное же рекламное пространство в аспекте вторичности можно считать и вовсе не изученным. Активно исследуются проблемы прецедентизации в медиадискурсе [4–7], трансформации узнаваемых художественных образов [8], типологического разграничения текстов в дискурсе рекламы [9] и другие подобные вопросы, связанные с бытованием известных литературных текстов в рекламном пространстве. Однако до сих пор не существует сколь-либо полного описания вторичных рекламных текстов – таких специфических речевых произведений, особенность которых заключается в использовании свойств иного текста (текста-источника, прототекста) на формально-структурном, лексическом, грамматическом, прагматическом и других уровнях и, как следствие, в наличии содержательной и / или композиционной несамостоятельности. В представленной же статье впервые предпри-

нята попытка разностороннего описания стилистически несамостоятельных рекламных текстов и создана их классификация с учетом средств и способов включения первоосновы во вторичный текст.

Достаточно часто первоисточником служит не только конкретный текст, но и целый массив произведений, объединенных общностью жанра и / или других художественных особенностей, а также звучащая речь, хорошо узнаваемая аудиторией, ее ритмико-интонационные особенности. Подобная нейтральная или ироническая имитация известного(ых) произведения(й) и / или речевой манеры говорящего(их) рассматривается нами как тексто-стилистическая вторичность, актуализирующаяся в видеороликах современной рекламы посредством языковых и визуальных элементов.

Текстово-стилистическая вторичность характеризуется намеренным подражанием первоисточнику (художественному произведению, песне, кинофильму, телепрограмме, речи прецедентной личности и др.) при помощи сохранения типичного(ых) отличительного(ых) признака(ов) в зависимости от характеристики первоосновы (например, для стихотворения – структура, размер, стопность, рифма, особые языковые предпочтения того или иного поэта и др.), что позволяет распознать имитацию исходного материала при изменении лексическо-содержательных, грамматических и сюжетно-образных компонентов. В зависимости от авторской интенции такое подражание прототексту в рекламе может быть ироническим (пародийным) или нейтральным.

Изучение особенностей функционирования различных текстовых и речевых подражаний в видеороликах современной

рекламы (около 250 единиц) позволяет проанализировать и выделить следующие виды текстово-стилистической вторичности: 1) *имитация конкретных произведений*, 2) *имитация неопределенного множества однородных произведений*, 3) *имитация речи конкретного говорящего*, 4) *имитация неопределенного множества однородных речей*.

Под *имитацией конкретных произведений* понимается включение в рекламный материал определенных языковых особенностей первичного текста в качестве основы подражания с обязательной идентификацией всего исходного произведения или его конкретного эпизода. При этом средства создания таких стилизаций могут варьироваться в зависимости от источника подражания, что обуславливает возможность их разграничения на несколько подвидов: 1) *имитация художественного текста*, 2) *имитация песни*, 3) *имитация кинофильма или мультфильма*, 4) *имитация телешоу или телепрограммы*.

Имитация художественного текста характеризуется использованием первичной формально-композиционной модели или ее незначительным преобразованием при полной / частичной трансформации содержательного компонента, включением типичных грамматических конструкций и узнаваемых лексических единиц, наличием сюжетно-образного пародирования с изменением исходного художественного замысла, сохранением узнаваемых героев произведения, их поведенческих и речевых особенностей. В некоторых случаях подобная актуализация первоисточника сопровождается имплицитной или эксплицитной насмешкой.

Рассмотрим рекламный ролик жилого комплекса «Губернский», текст которого имитирует стихотворение В. В. Маяковского «Что такое хорошо и что такое плохо?»:

*Кроха сын
к отцу пришел,
Был в словах конкретен:
– Жить в «Губернском»
хорошо!
И большим, и детям! [10].*

Очевидно, что структурно-грамматические особенности данного текста, его интонирование в звучащем видеоролике рекламы отсылают к узнаваемому стилю В. В. Маяковского. Форма записи стихов тоже прецедентна – «лесенка». Показателем текстово-стилистической вторичности как основного свойства анализируемого текста является наличие первичных, легко узнаваемых лексических единиц, обилие восклицательных предложений, парцелляция. Средства создания стилизации исходного стихотворения наблюдаются и на сюжетно-образном уровне – в видеоряд включён образ мужчины, внешне напоминающего В. В. Маяковского, который эмоционально читает стихотворение перед публикой. Подражание известному поэту достигается и за счет пародирования его голоса, что способствует распознаванию не только источника, но и прецедентной личности его автора.

Как показало исследование, данная группа вторичных текстов достаточно многочисленна, создатели рекламы нередко используют в качестве источника подражания хорошо узнаваемые художественные тексты мировой литературы. В зафиксированном материале нам удалось выделить стилизацию текстов А. С. Пушкина – «Евгений Онегин», «Руслан и Людмила», «Пробуждение», «Няне»,

«Я помню чудное мгновенье...», «Сказка о мертвой царевне и о семи богатырях»; С. Я. Маршака – «Дом, который построил Джек», «Кошкин дом»; Шарля Перро – «Золушка», «Красная Шапочка»; С. Г. Михалкова – «Под Новый год», «А что у вас»; М. Ю. Лермонтова – «Парус»; А. И. Солженицына – «Один день Ивана Денисовича»; Л. Н. Толстого – «Война и мир»; братьев Гримм – «Белоснежка и семь гномов»; В. В. Маяковского – «Стихи о Советском паспорте», «Что такое хорошо и что такое плохо?», «Необычайное приключение, бывшее с Владимиром Маяковским летом на даче»; русских народных сказок – «Заюшкина избушка», «Царевна-лягушка», «Репка».

Специфика вторичных рекламных текстов, имитирующих песни, заключается в максимальной трансформации источника в структурно-грамматическом, лексическом и содержательном аспектах при сохранении исходных просодических параметров (ритмико-звуковые компоненты, интонация, темп), мотива или мелодии и исходных параметров сопровождающего их текста песни – размера, стопности, особенностей рифмы.

Проанализируем радиорекламу жилого района «Европея», построенную как подражание песне Ю. Шевчука «Что такое осень?»: «*Что приносит осень в «Европею»? // Осень в «Европее» – это скидки, // И жильцов широкие, довольные улыбки, // И земля, дома, квартиры*». При сравнении текста источника («*Что такое осень? Это небо, // Плачущее небо под ногами, // В лужах разлетаются птицы с облаками, // Осень, я давно с тобою не был*») и вторичного текста рекламы в собственно языковом плане вряд ли возможно идентифицировать протослов. Причина в том, что имитация достигается в первую очередь при помощи просодических особенностей голоса исполнителя, подражающего солисту группы «ДДТ», и сохранения мелодии и рифмы при наличии минимального количества элементов сильной позиции песни (инициальное вопросительное предложение, ключевая лексема «осень») и содержательной неидентичности сравниваемых музыкальных произведений.

Песенные источники подражания в текстах современной рекламы тоже многочисленны. В рассмотренном медиадискурсе функционируют аудио- и видеоролики, содержащие имитацию следующих музыкальных произведений-прототекстов: «Ландыши» Г. Великановой, «Пять минут» Л. Гурченко, «Сердце красавиц» Джузеппе Верди, «Нежность» Т. Дорониной, «Самая-самая» Е. Крида, «Свадьба» М. Магомаева, «Я готов целовать песок» В. Маркина, «Спи, моя радость, усни» А. Миговой, «Вояж» С. Минаева, «Изгиб гитары желтой» О. Митяева, «Ты такой» Натали и MC Doni feat, «Уходило лето» А. Пугачевой, «Помоги мне» С. Светличной, «Имя» группы «Время и стекло», «Сочиняй мечты» группы «Каста», «Поворот» группы «Машина времени», «Мы желаем счастья вам» группы «Цветы». Не менее частотной является стилизация казачьих, русских народных, новогодних и детских песен, среди них такие известные произведения, как «Гойся, ты, гойся», «Ой, мороз, мороз», «Jingle Bells», «Танец утят», «Это знает всякий», «Песенка о лете», «Песенка Буратино», «Песенка Красной Шапочки», «Антошка», «Ничего на свете лучше нету», «Из чего же?», «Веселая карусель».

В рекламном материале, *имитирующем кинофильм или мультфильм*, представлено, как правило, подражание отдельному видеоэпизоду с учетом системы образов, кото-

рая в большей или меньшей степени совпадает с источником. На текстовом уровне чаще всего наблюдается замена первичных содержательных элементов при сохранении имен персонажей и их речевых, поведенческих характеристик, ключевых структурных моделей и типичных, легко узнаваемых лексем, а также способа подачи материала (стилистики текста).

Так, видеоролик жилого комплекса «Губернский» стилизуется под одну из серий цикла советских телефильмов, экранизирующих рассказы Артура Конан Дойля о Шерлоке Холмсе, главные роли в которых исполняли Василий Ливанов и Виталий Соломин:

Дело о пляшущих человечках.

Шерлок Холмс: *Ес! Ватсон, я раскрыл дело о пляшущих человечках!*

Доктор Ватсон: *Неужели Вам удалось найти ключ к шифру, Холмс?!*

Шерлок Холмс: *Теперь я знаю, почему они пляшут! Смотрите: Мы ку-пи-ли квар-ти-ру...*

Констебль: *Где?! Где?!*

Шерлок Холмс и Доктор Ватсон (хором): *В «Губернском», констебль!*

Доктор Ватсон: *В «Гу-бернс-ком»!* [11].

Подражание киносерию наблюдается и в видеосюжете – звучит узнаваемая мелодия композитора Владимира Дашкевича, сопровождающая начало каждой киносерию цикла режиссёра И. Масленникова, и в кадре появляется надпись «Дело о пляшущих человечках», которая воспринимается как титры, включающие название фильма. Затем появляется мужчина, внешне напоминая Шерлока Холмса в исполнении В. Ливанова, который сидит в кресле с лупой, разгадывая шифр. Помощником детектива, как и в источнике, является доктор Ватсон, внешне очень похожий на героя телефильма в исполнении В. Соломина. Не менее узнаваем и образ полицейского Скотланд-Ярда, находящегося рядом с сыщиком. Заметим, что поведение всех героев, обстановка и интерьер, важные детали (рисунок с шифром, печатная машинка) тоже соответствуют источнику, несмотря на его собственно языковую и смысловую трансформацию. Стилизация сюжетной линии (начало и завершение расследования), сохранение имен и характеристик действующих лиц, названия дела способствуют узнаваемости первоосновы.

Подражание кинофильмам (мультфильмам), как показало исследование, в медиадискурсе – явление нередкое. Однако источниками таких пародий становятся исключительно популярные кинокартины, сюжет и текст которых легко узнаваем даже по небольшому эпизоду. Среди обработанного материала это преимущественно советские киноленты («Иван Васильевич меняет профессию», «Операция Ы и другие приключения Шурика», «Бриллиантовая рука», «Белое солнце пустыни», «Семнадцать мгновений весны», «Д'Артаньян и три мушкетера», «Карнавальная ночь»), культовый фильм «Брат 2» и известные отечественные мультфильмы «Трое из Простоквашино», «Алеша Попович и Тугарин Змей». Зарубежный кинематограф источником подражания становится гораздо реже, однако особо популярные киноработы все же могут послужить основой создания стилизации в русском медиадискурсе (например, «Титаник», «Гарри Поттер», «Король Э尔夫ов», «Спартак»).

Вторичные рекламные тексты, в которых содержится отсылка к какой-либо информационной или развлекательной телевизионной передаче путем подражания характерным для нее лингвистическим формулам, правилам ее проведения, образам ведущих и типичных участников, их манере поведения, могут быть отнесены к текстам-имитациям телешоу или телепрограммы. Необходимо заметить, что тематика речи обычно остаётся неизменной, а порой и лексические формулы, свойственные текстам-первоисточникам, функционируют в исходном виде при, однако, общей содержательной трансформации.

В качестве примера проанализируем рекламу лекарственного средства «Доктор Мом», являющуюся своеобразным подражанием вокальному телешоу «Голос»:

Девочка (поет): *Полгода плохая погода... Кх-Кх...*

Мама (в роли члена жюри): *Нам нужен «Доктор Мом».*

Девочка: *Мама, ты мой лучший наставник* [12].

Типичным языковым признаком данной телевизионной программы можно считать наличие звучащего отрывка песни («Непогода» из кинофильма «Мэри Поппинс, до свидания») и включение заключительной грамматической конструкции («ты мой лучший наставник»), которая не раз в похожем виде использовалась в телешоу «Голос». При этом видеоряд строится на узнаваемом сюжете с учетом персонажей (мама в роли члена жюри, претендент на участие в проекте, аплодирующие зрители), обстановки (зал телепрограммы) и деталей (специальное разворачивающееся кресло). Однако смысловая организация ролика имеет совершенно иную направленность по сравнению с первоисточником, заключающуюся преимущественно в актуализации характеристик предлагаемого препарата.

В ходе исследования нами было установлено, что описанный подвид имитации используется достаточно редко. Наиболее частотным источником стилизации в силу очевидной распознаваемости являются информационные телепрограммы «Новости» или «Вести», а и их структурный блок – прогноз погоды. Подражание развлекательным телепроектам, среди которых выделяются «Квартирный вопрос», «Дом 2», «Танцы», зафиксировано в единичных случаях.

Рекламные тексты-имитации неопределенного множества однородных произведений характеризуются подражанием целому ряду близких источников и не предполагают возможности конкретной идентификации. На основании жанровой специфики первоисточника и особенностей средств создания стилизации были выделены следующие группы вторичных рекламных текстов этого вида: 1) имитация русских народных сказок и былин, 2) имитация песен, 3) имитация архаичных текстов, 4) имитация речевых, 5) имитация детских страшилок, 6) имитация клятв, 7) имитация текстов, характерных для наивной детской картины мира.

В основе имитации русских народных сказок и былин лежит использование стереотипных для неопределенного количества источников устного народного творчества устойчивых конструкций, находящихся, как правило, в сильной позиции текста, инверсивного порядка слов, первичных номинаций героев по социальной принадлежности или имени и их образов, подразумеваемых или реально функционирующих в видеоматериале, а также типичного, но переосмысленного сюжета.

Так, текст рекламы-анонса популярного кинофильма «Гарри Поттер и Принц-Полукровка» напоминает извест-

ные русские народные сказки и былины: «Ой ты гой еси, Русь Россияшка. Уж ни день, ни два как пожаловал добрый молодец к нам отчаянный. Заморским именем величаемый. Поразил уже змия поганого, все воюет с Кощеем, ой, с Воландом. Надо в жены теперь красну деву взять али рыжию, али темную». Инициальное предложение является архаичной приветственной формулой в ряде фольклорных текстов, а использование стилистически окрашенной лексики «Русь» (высок. поэт.) и последующая редупликация «Россияшка» особенно свойственны устному народному творчеству (ср.: Жили-были, чудо чудное, диво дивное и др.). Указание на неопределенный и продолжительный временной отрезок («ни день, ни два»), номинация главного героя («добрый молодец»), приехавшего с целью сразиться со злодеем, одержать победу и жениться на красавице, включение дополнительных узнаваемых персонажей (змий, кощей, красны девушки) отсылает к типичному хронологу и композиции большинства сказок и былин. Такая имитация становится возможной и благодаря использованию постоянных эпитетов (*добрый молодец, змия поганого, красну деву*), инверсии, устаревших лексических единиц с традиционной народной семантикой (пожаловал, величаемый) и сочинительного разделительного союза (али). Обратим внимание, что эпизоды анонсируемого кинофильма не изменены, функционируют в исходном виде, но сюжетная линия ролика выстроена таким образом, что Гарри Поттер и второстепенные герои воспринимаются как типичные персонажи сказок или былин, хотя внешне таковыми не являются.

Подражание текстам определенного музыкального направления при помощи просодических средств, интонации, мелодии при минимальном сохранении отличительных лексических элементов и при соответствии формально-структурных особенностей (количество строк, рифмы, рефренов и др.), свойственных однородным текстам-источникам, образует *имитацию песен*. Кроме того, иногда в видеоматериал могут быть введены соответствующие персонажи-исполнители с учетом их внешнего вида, поведения, жестов.

Проиллюстрируем специфику данного подвида вторичных текстов на примере рекламы лекарственного препарата «Тантум Верде Форте», восходящей к песни в стиле рэп:

*Меня ждут города и страны,
Но боль в горле способна сорвать планы,
Что может оказать ей должное сопротивление,
За минуту уничтожить боль, снять воспаление?
Я постоянно в туре, поезда и аэропорты,
Мое решение – «Тантум Верде Форте».
Сильное средство, даже сильнее цунами –
Это тот случай, когда можно доверять рекламе.
Это «Тантум Верде Форте».
Убивает он микробы в горле.
И если ты в теме, помни –
Это «Тантум Верде Форте» [13].*

Узнаваемость подобного рода источников достигается на просодическом уровне, чему способствует мелодия и подчиненное ритму произнесение стихотворных строк, сдержанная эмоциональность. Данный текст соотносится с множеством аналогичных протословов, так как имеет неожиданную рифму (*аэропорты – Форте, цунами – рекламе* и др.), направленную на удивление слушателя, рефрен

(«*Это «Тантум Верде Форте»*»), на котором акцентировано внимание, разговорную лексику («*если ты в теме*»). С точки зрения сюжетно-образной организации видеоролика наблюдается включение прецедентного лица, которым стал известный исполнитель-рэпер Тимати, использующий соответствующие жесты при чтении рэпа.

Исследование показало, что данный подвид тексто-во-стилистической вторичности является самым распространенным и часто применяемым в медиадискурсе. В большинстве случаев встречается подражание поп-музыке, рэпу, джазу, року, рок-н-роллу, шансону, оперному пению. Кроме того, не исключительно и использование латиноамериканского, классического, народного стиля.

При *имитации архаичных текстов* рекламный лингвистический материал насыщен устаревшими лексическими единицами, этикетными формулами обращения и приветствия и грамматическими конструкциями, характерными для высокого стиля речи. Сюжетно-образная система (детали интерьера, внешний вид, поведение героев и др.) и используемые фонетико-орфоэпические нормы в таких роликах, как правило, воссоздают ту эпоху, стилизации которой создатели рекламы в тексте и хотят добиться.

Например, радиореклама строительной компании «Девелопмент-Юг» представляет собой подражание возможному диалогу людей, живших в прошлых столетиях: «– *Сударыня, имею желание хоромы купить, залы и опочивальню просторную. // – Не извольте сомневаться. У нас и зодчий проверенный, и кошелек не оскудеет*». В качестве маркеров рассматриваемого вида вторичности можно выделить следующие языковые особенности: использование вышедшей из употребления формы вежливого обращения к незнакомой женщине (*сударыня*), устаревших слов (*хоромы, залы, опочивальню, извольте*), синтаксических конструкций (*имею желание, не извольте сомневаться*), инверсивного порядка слов (*опочивальню просторную, зодчий проверенный*), общего высокого стиля общения. Орфоэпические нормы звучащего текста тоже архаичны: полное оканье (*х[о]ромы, [о]п[о]чивальню, пр[о]сторную, с[о]мневаться, пр[о]веренный, к[о]шелек, не [о]скудеет*) указывает на функционирование старой фонетической традиции.

Включение во вторичный рекламный текст типичных лексических единиц и формально-синтаксических моделей, свойственных прототексту и сохранение общей содержательно-смысловой основы, иронически интерпретируемой создателями медиатекста, характерно для аудио- и видеороликов, имитирующих речевки, детские страшилки, клятвы и тексты, относящиеся к наивной детской картине мира. Сюжетная организация подобного рода реклам обычно сохраняет типичную фабулу первичных текстов и при необходимости подкрепляется просодическими средствами.

Текст радиорекламы торгового центра «Галерея», по нашим наблюдениям, имитирует пионерские речевки: «*Кто шагает дружно в ряд? // Шопоголиков отряд! // Этой ночью ты не спи, // В «Галерею» приходи! // Все со скидкой покупай, // Модный велик получай!*». Рассматриваемое речевое произведение апеллирует к ритмически организованному тексту, который обычно читает наизусть группа лиц в процессе строевой ходьбы. Необходимо заметить, что во вторичном рекламном тексте на просодическом уровне это учитывается, а подражание реализуется посредством громкого и четкого произнесения речевки хором. Сохранение

ритмической организации стихотворного текста, типичного для речевых инициального предложения (*«Кто шагает дружно в ряд?»*), вопросительных и восклицательных синтаксических конструкций, вопросно-ответной формы изложения и некоторых типичных лексических единиц (например, *«отряд»*) являются основными средствами создания стилизации в анализируемой рекламе.

Подражание текстам детских страшилок наблюдается в рекламном ролике жилого комплекса «Квартал А 101: *«– Тех, кто плохо себя ведет, забирают в заколдованный город, где все живут в темных каморках, и вместо парка там паркинг, и каждый день во двор приходят... // – Кто?! // – Чужие!»*. Анализируемый материал напоминает короткий детский рассказ с постепенно нарастающим эмоциональным напряжением, которое достигается при помощи введения типичных лексико-семантических конструкций (*«плохо себя ведет», «заколдованный город», «темных каморках»*) и использования градации и умолчания. Выдуманный текст, имеющий фольклорное начало, приносит ребенок с целью испугать собеседника. Об этом свидетельствует заключительное восклицательное предложение, передающее устрашающий финал, интонационно-просодические особенности речи участников общения (вкрадчивый голос, медленный темп, шепот) и фоновое музыкальное сопровождение. Сюжет и хронотоп ролика тоже подчеркивают вторичную природу рекламного текста, являясь типичными для большинства первооснов: действие происходит вечером в темной комнате, дети накрываются покрывалом и рассказывают друг другу страшные истории.

Имитацию типичных клятв в любви и верности содержит текст рекламы компании «Rehau»: *«Обещаю всегда быть у твоих ног, исполнять твои желания системой интеллектуального управления Neo. Гарантирую, что тебе всегда будет тепло и комфортно как минимум пятьдесят лет. Обещаю нести свет, беречь твоё тепло и сохранять тишину в доме всей системной глубиной своего профиля как минимум пятьдесят лет. Союз теплых полов и окон»* [14]. Подражание множеству источников осуществляется с помощью использования исходных синтаксических моделей (определенно-личные предложения, ряды однородных членов), типичных слов (*«союз», «беречь», «сохранять»*) и лексических выражений (*«Обещаю всегда быть у твоих ног», «исполнять твои желания»*). Структура и фабула текста в целом совпадает с протословом, однако изменение субъекта речи, дающего клятву в любви и верности, переосмысление содержания источника с учетом особенностей рекламируемого объекта создают общее пародийное звучание текста. Возвышенно-торжественный голос за кадром и спокойная мелодия и изображение сердец поддерживают имитацию протослова.

Особенности организации реклам, имитирующих тексты, характерные для *наивной детской картины мира*, можно выявить, проанализировав сюжетно-языковую специфику рекламного ролика продукции «Витамин»: *«Витамины живут в овощах. Когда овощи собирают, витамины уходят... Но они остаются, если овощи заморозит волшебник Витамин. Ну, потому что ученый дядя Витамин знает, как сохранить витамины»*. Типичные рассуждения ребенка и его метафорическое восприятие мира передаются благодаря созданию вымышленного рассказа посредством олицетворения увиденного. Главным персонажем

видеоматериала поэтому является маленький мальчик, размышляющий о реальности сообразно возрасту. В качестве собственно языковых признаков подобных вторичных рекламных произведений можно выделить следующие: незамысловатые лексико-семантические единицы и синтаксические конструкции, особые «детские» слова-номинации окружающих (*«дядя»*), окказиональное словотворчество (*«Витамин»*), междометия (*«ну»*), использование собирательных образов из различных сказок (*«волшебник»*), некоторое отступление от литературных норм или нарушение их (оформление придаточной части как самостоятельного предложения).

Нередко рекламные тексты строятся на основе пародирования прецедентной личности. Средствами создания стилизации в таких случаях преимущественно становятся интонационно-просодические характеристики звучащей речи с учетом индивидуальных голосовых особенностей, воспроизведение манеры произнесения слов и ведения беседы, обыгрывание типичных тем и узнаваемых сюжетов, стереотипно приписываемых той или иной языковой личности. Заметим, что лингвистический материал может содержать минимальное количество лексико-семантических единиц и грамматических конструкций, характерных для дискурса того лица, которому подражают. Такие вторичные рекламные тексты являются *имитацией речи конкретного говорящего*.

Для наглядного обоснования обратимся к рекламе радио «Шансон», в которой представлен речевой портрет президента В. В. Путина: *«Уважаемые радиослушатели. Радиовещание в нашей стране не стоит на месте. Благодаря внедрению инновационной технологии радио «Шансон» стало мультимедийной платформой, где мы с вами можем не только слышать, но и видеть все, что происходит в эфире. (Телефонный звонок) Простите, алло, да, Михаил Захарович, «Разгуляй» в Олимпийском? Двенадцатого ноября? И Лепс будет? Отлично. Обязательно заеду (конец телефонного разговора). В то же время визуализация программ, клипов и, конечно же, рекламы позволяет радио «Шансон» расширить и без того огромную аудиторию. Спасибо»*. Адекватное понимание специфики данной стилизации возможно только с учетом интонационно-просодических особенностей звучащей речи, то есть при сопоставлении особенностей приведенного текста с ритмико-звуковыми характеристиками голоса лица, подражающего известному политику. Успешному пародированию способствует спокойный и равномерный тон, частые и долгие паузы, служащие для выделения ключевых слов, низкая эмоциональность, общая структура речевого произведения (приветствие, информационное сообщение, телефонный разговор, благодарность за внимание) и некоторые лексические элементы (*«в нашей стране», «внедрению информационных технологий», «мы с вами»* и др.). В тексте достигается и имитация общественно значимой тематики речи, что тоже является немаловажным при воссоздании речевого портрета президента России.

Анализ фактического материала позволил выявить крайне низкую частотность использования интонационно-просодического пародирования конкретного прецедентного лица. Но все же нам удалось зафиксировать подражание голосовым и дискурсивным особенностям некоторых известных языковых личностей – советского радиоведущего

го Ю. Б. Левитана и ведущего телепрограммы «В мире животных» – ученого-зоолога Н. Н. Дроздова.

Языковое подражание в рекламе какой-либо социально-профессиональной общности лиц, осуществляемое преимущественно посредством копирования отличительных речевых примет, включающих акцент, различные фонетико-орфоэпические признаки, интонацию, тембр, темп, паузирование, создает вторичные тексты-имитации неопределенного множества однородных речей. В зависимости от источника подражания и преобладающего средства создания стилизации данную группу рекламных текстов можно разделить на следующие типы: 1) имитация речи представителей какой-либо национальности, 2) имитация речи представителей той или иной профессиональной группы, 3) имитация речи носителей диалекта, 4) имитация речи вымышленных существ.

Определим особенности рекламных текстов-имитаций речи представителей какой-либо национальности, рассмотрим рекламу лекарственного средства «Амбробене», звучащий текст которой воссоздает немецкий акцент: «Я из Германии прибыть, // Целебный капсул привозить, // От кашля помогать лечить! // Всего одну капсулу в день принимать, // И действия будет на сутки хватать» [15]. Приметой влияния чужеродного языка на произношение становится отступление от литературной нормы: искажение грамматических форм однородных глаголов-сказуемых («прибыть», «привозить», «помогать лечить») в предложении и нарушение согласования в словосочетании («целебный капсул»). Однако текст воспринимается именно как речь иностранца-немца в первую очередь посредством интонационно-просодических особенностей звучащего текста, произносимого героем ролика, внешне напоминающим собирательный стереотипный образ типичного баварца.

В результате исследования нами было выделено большое количество фактического материала, использующего подражание речевой специфике определенной национальной общности как основное средство создания текстово-стилистической вторичности. Достаточно часто наблюдается имитация английского, французского, адыгейского, итальянского акцента, реже – армянского и турецкого.

Приведем в качестве примера текста-имитации речи представителей той или иной профессиональной группы диалог героев рекламного ролика сотового оператора «МТС», который создает подражание стереотипной для русской национальной картины мира речи американских военных: «– Кто ты? // – Дед Мороз! // – На что ты готов? // – На все! // – На что на все? // – Дарить подарки каждый месяц! // – Да? // – Да! // – Круглый год? // – Круглый год! // – Да-да? // – Да! Да-да!» [16]. Ритмико-звуковые параметры представленного диалога апеллируют к военной сфере бытования, так как напоминают общение начальника и подчиненного солдата. Среди них наиболее специфичными являются быстрое, отчетливое и резкое произношение фраз, повышение тона голоса, высокая степень громкости, командная интонация. На структурном и лексическом уровнях можно заметить наличие простых формальных моделей, употребление однозначных семантических конструкций, повтор слов при ответе. Поведение героев тоже поддерживает общую пародийную природу видеоролика: позы, мимика, жесты и другие невербальные составляю-

щие представленного диалога вполне типичны для большинства американских комедийных фильмов о военных.

Подражание конкретной профессиональной речи можно считать явлением исключительным. На это указывает крайне низкая частотность включения подобных видеороликов в медиадискурс. Однако все же мы выявили функционирование текстов, пародирующих голосовые особенности речи спортсменов-тяжеловесов, спортивного комментатора, космонавта.

Обратим внимание на имитацию речи носителей диалекта в рекламном материале радио «Казак ФМ»: «*Душа просит праздника? Приходи к казаку на день рождение! Нам пять лет исполняется. Отмечать будем третьего декабря в Горпарке. Артисты кубанские свои таланты покажут, любимые ведущие конкурсы проведут. Будут там и мастерская частушек, и свадебный обряд, и анекдоты от Трегубыча, забавы и гуляния. Начало в четырнадцать часов. Приезжай у Краснодар третьего декабря*». Рассматриваемый текст наделен чертами южнорусского наречия, выраженными в фонетических и морфологических особенностях и отступлении от литературной нормы. Это подтверждает произнесение [ʏ] фрикативного («[ʏ]орпарке», «Тре[ʏ]убыча») на месте смычного [г], замена предлога «в» гласным [у] («у Краснодар»), употребление [т'] в окончании глаголов третьего лица настоящего времени («покажут», «проведут»). Стилизация под народную речь достигается также за счет инверсивного порядка слов («артисты кубанские», «пять лет исполняется» и др.), что характерно не столько для кубанского диалекта, сколько для фольклорных текстов в целом и особой формы номинации героя текста («от Трегубыча»).

В рекламе энергетического напитка «Red Bull», сюжет которого строится на диалоге человека и робота, играющих друг с другом в шахматы, представлена имитация речи вымышленных существ: «– Тебе меня не победить. Я могу просчитать наперед сто миллиардов ходов. Не-чест-но. Не-чест-но». Текст, произносимый роботом, характеризуется металлическим звучанием, ровным и монотонным тембром, паузами равной длины между предложениями, слоговой прерывистостью слов, полным отсутствием эмоциональности.

Подобного рода подражания практически отсутствуют в медиаматериале. В единичных случаях была зафиксирована «имитация» речи инопланетян и богатырей.

Итак, реализация текстово-стилистической вторичности в рекламе обеспечивает подражание протослову на лексико-грамматическом, сюжетно-образном и просодическом уровнях. Специфика первоисточника(ов) обуславливает разграничение рекламного материала на соответствующие виды имитаций с учетом особых средств их создания, в пределах которых считаем правомерным выделение конкретных подвидов. Кроме того, рекламные медиатексты допускают и контаминацию описанных вариантов стилизаций.

Так, реклама лекарственного препарата «Имудон» включает одновременно и отсылку к конкретному тексту (сказка Ш. Перро «Красная шапочка»), и подражание неопределенному множеству детских песен:

Бабушка (хриплым голосом): – *Дерни за веревочку – дверь и откроется. Заходи, внученька.*

Красная Шапочка (поет): *Если в горле воспаление – // Ни жевать и ни глотать, // Может, «Имудон» поможет вам*

с ангиной совладать // И, конечно, облегчит гингивит и стоматит! [17].

Таким образом, текстово-стилистическая вторичность является базовой категорией современных рекламных текстов. Наличие различных специфических признаков позволяет разделить вторичный материал на несколько видов, в пределах которых выделяются подвиды. *Имитация конкретных произведений* строится на подражании определенному и узнаваемому протослову с помощью разного рода средств и может быть разделена на *имитацию художественного текста, имитацию песни, имитацию кинофильма или мультфильма, имитацию телешоу или телепрограммы*. При *имитации неопределенного множества однородных произведений* наблюдается отсутствие четкой идентификации первоисточника и сохранение соотносительности с целым массивом прототекстов в зависимости от подвида, среди которых *имитация русских народных сказок и былин, имитация песен, имитация архаичных текстов,*

имитация речевых, имитация детских страшилок, имитация клятв, имитация текстов, характерных для наивной детской картины мира. Интонационно-просодическое пародирование широко известной личности является отличительным параметром *имитации речи конкретного говорящего*. Подражание лицам, объединенным той или иной социальной общностью, рассматривается как имитация неопределенного множества однородных речей, которые правомерно можно разделить на *имитацию речи представителей какой-либо национальности, имитацию речи представителей той или иной профессиональной группы, имитацию речи носителей диалекта, имитацию речи вымышленных существ*. Разумеется, приведенная классификация вторичных текстов достаточно условна, не является окончательной и может быть дополнена рассмотрением других речевых произведений с разных позиций.

Литература

1. Вербицкая М. В. Теория вторичных текстов: На материале современного английского языка: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2000. 47 с.
2. Майданова Л. М. Речевая интенция и типология вторичных текстов // Человек – Текст – Культура / под ред. Н. А. Купиной, Т. В. Матвеевой. Екатеринбург, 1994. С. 81–104.
3. Первухина С. В. Когнитивно-семантическая связь вторичных текстов и их текстов-источников // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2012. Т. 1. № 2. С. 116–124.
4. Алексеева М. С. Прецедентные феномены в интернет-рекламе предприятий ресторанного бизнеса: дис. ... канд. филол. наук. Нижний Тагил, 2009. 236 с.
5. Высоцкая И. В. Прецедентные феномены в современной рекламе // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2011. № 6-2. С. 112–116.
6. Нахимова Е. А. Прецедентные имена в массовой коммуникации. Екатеринбург: Уральский государственный педагогический университет, 2007. 207 с.
7. Постнова Т. Е. Прецедентные тексты в печатной рекламе: Лингвокультурологический аспект: дис. ... канд. культурол. наук. Москва, 2002. 189 с.
8. Акиншина К. Ю. Трансформация художественного образа в рекламе: философско-эстетический анализ // Ползуновский вестник. 2006. № 3-1. С. 19–27.
9. Михайловская Е. С. Типологические характеристики рекламного дискурса (на материале рекламных статей) // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2017. № 4-1. С. 152–156.
10. Маяковский // Vimeo.com. 18.06.2016. Режим доступа: <https://vimeo.com/136705464> (дата обращения: 21.02.2017).
11. Дело о пляшущих человечках // Vimeo.com. 18.06.2016. Режим доступа: <https://vimeo.com/168741296> (дата обращения: 21.02.2017).
12. Алиса Кожкина в рекламе Доктор Мом № 2 // YouTube. 18.02.2017. Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=6CWGN0vDARc> (дата обращения: 21.02.2017).
13. Реклама Тантум Верде Форте // YouTube. 03.10.2016. Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=5Wd4mcKNIWM> (дата обращения: 21.02.2017).
14. Реклама. Водяной теплый пол RENAУ // YouTube. 19.05.2015. Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=3oThzp6ZOR0> (дата обращения: 21.02.2017).
15. Реклама Амбробене // YouTube. 29.04.2014. Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=U2NT6AUAA-A> (дата обращения: 21.02.2017).
16. Реклама МТС. БЕЗЛИМИТИЦЕ // YouTube. 21.11.2016. Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=vUY8gf8E3zQ> (дата обращения: 21.02.2017).
17. Рекламный ролик «Имудон» // YouTube. 23.12.2016. Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=pVVVVI2PIJU> (дата обращения: 21.02.2017).

TEXT-STYLISTIC REPLICATION AS A BASIC CATEGORY OF MODERN ADVERTISING

Lidiya A. Isaeva^{1, @1}, Svetlana G. Budanova^{1, @2}, Alevtina G. Ryabinina^{1, @3}

¹ Kuban State University, 149, Stavropolskaya St., Krasnodar, Russia, 350040

@¹ vlisaev@rambler.ru

@² lanastar@bk.ru

@³ alyar2015@yandex.ru

Received 05.06.2017. Accepted 09.11.2017.

Keywords: advertising text, secondary text, imitation, stylization, text-stylistic secondary nature, precedential text

Abstract: This article describes a special type of advertising texts characterized by a text-stylistic replication. This property of text implies an intentional imitation of the original source by preserving its typical distinctive feature that depends on the type of the first principle. This makes it possible to recognize the imitation despite the changing lexical, grammatical and subject-shaped components. The paper features a specific differentiation of such texts based on linguistic and / or rhythmic-sound imitation of the proto-word while taking into consideration the elements of the plot and expressive means. From the point of view of peculiarities of imitation of this or that source, construction and artistic organization in the advertising space, the following types of text-stylistic secondary nature can be distinguished: 1) the imitation of specific works; 2) the imitation of an indefinite number of similar works; 3) the imitation of speech of a particular speaker; 4) the imitation of an indefinite number of similar speeches. Within each of these types the advertising material is divided into additional groups, depending on the type of source and means of creating stylization. The paper provides a description of the basic features of such secondary nature texts as well.

For citation: Isaeva L. A., Budanova S. G., Ruabinina S. G. Tekstovo-stilisticheskaya vtorichnost' kak bazovaya kategoriya sovremennoy reklamy [Text-Stylistic Replication as a Basic Category of Modern Advertising]. *Bulletin of Kemerovo State University*, no. 4 (2017): 181–189. DOI:10.21603/2078-8975-2017-4-181-189.

References

1. Verbitskaya M. V. *Teoriya vtorichnykh tekstov: Na materiale sovremennogo angliiskogo iazyka*. Avtoref. diss. doktora filol. nauk [The theory of secondary texts: on a material of modern English language. Dr. philol. Sci. Diss. Abstr.]. Moscow, 2000, 47.
2. Maidanova L. M. Rechevaia intentsiia i tipologii vtorichnykh tekstov [Speech intention and typology of secondary texts]. *Chelovek – Tekst – Kul'tura* [The person – The text – Culture]. Ed. Kupina N. A., Matveeva T. V. Ekaterinburg, 1994, 81–104.
3. Pervukhina S. V. Kognitivno-semanticheskaya svyaz' vtorichnykh tekstov i ikh tekstov-istochnikov [Cognitive-semantic link of secondary texts and their texts-sources]. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A. S. Pushkina = Bulletin of the Leningrad State University named after A. S. Pushkin*, 1, no. 2 (2012): 116–124.
4. Alekseeva M. S. *Pretsidentnye fenomeny v internet-reklame predpriatii restorannogo biznesa*. Diss. kand. filol. nauk [Precedent phenomena in Internet advertising of restaurant business enterprises. Cand. philol. Sci. Diss.]. Nizhnii Tagil, 2009, 236.
5. Vysotskaya I. V. Pretsidentnye fenomeny v sovremennoi reklame [Precedent phenomena in modern advertising]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo = Bulletin of the Nizhny Novgorod University named after N. I. Lobachevsky*, no. 6-2 (2011): 112–116.
6. Nahimova E. A. *Pretsidentnye imena v massovoi kommunikatsii* [Precedent names in mass communication]. Ekaterinburg: Ural'skii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet, 2007, 207.
7. Postnova T. E. *Pretsidentnye teksty v pechatnoi reklame: Lingvokul'turologicheskii aspekt*. Diss. kand. kul'turolog. nauk [Precedent texts in printed advertising: Linguoculturological aspect. Cand. cultural. Sci. Diss. Abstr.]. Moscow, 2002, 189.
8. Akin'shina K. Iu. Transformatsiia khudozhestvennogo obraza v reklame: filosofsko-esteticheskii analiz [Transformation of the artistic image in advertising: philosophical and aesthetic analysis]. *Polzunovskii vestnik = The Polzunovsky Bulletin*, no. 3-1 (2006): 19–27.
9. Mikhailovskaya E. S. Tipologicheskie kharakteristiki reklamnogo diskursa (na materiale reklamnykh statei) [Typological characteristics of advertising discourse (on the material of advertising articles)]. *Aktual'nye problemy gumanitarnykh i estestvennykh nauk = Actual problems of the humanities and natural sciences*, no. 4-1 (2017): 152–156.
10. Maiakovskii [Mayakovsky]. *Vimeo.com*, 18.06.2016. Available at: <https://vimeo.com/136705464> (accessed 21.02.2017).
11. Delo o plishushchikh chelovechkhakh [The case of the dancing men]. *Vimeo.com*, 18.06.2016. Available at: <https://vimeo.com/168741296> (accessed 21.02.2017).
12. Alisa Kozhikina v reklame Doktor Mom № 2 [Alice Kaikina in advertising Doctor No. 2]. *YouTube*, 18.02.2017. Available at: <https://www.youtube.com/watch?v=6CWGN0vDArc> (accessed 21.02.2017).
13. Reklama Tantum Verde Forte [Advertising Tantum Verde Forte]. *YouTube*, 03.10.2016. Available at: <https://www.youtube.com/watch?v=5Wd4mcKHIWM> (accessed 21.02.2017).

14. Реклама. Водяной теплый пол REHAU [Advertising. Radiant floor heating REHAU]. *YouTube*, 19.05.2015. Available at: <https://www.youtube.com/watch?v=3oThzp6Z0R0> (accessed 21.02.2017).
15. Реклама Ambrobene [Advertising Ambrobene]. *YouTube*, 29.04.2014. Available at: <https://www.youtube.com/watch?v=U2NT6AUAA-A> (accessed 21.02.2017).
16. Реклама MTS. БЕЗЛИМИТШЕ [Advertising MTS. БЕЗЛИМИТА]. *YouTube*, 21.11.2016. Available at: <https://www.youtube.com/watch?v=vUY8gf8E3zQ> (accessed 21.02.2017).
17. Рекламный ролик «Imudon» [Promotional video «Imudon»]. *YouTube*, 23.12.2016. Available at: <https://www.youtube.com/watch?v=pVVVVI2PIJU> (accessed 21.02.2017).

УДК 811.111'38: 82-31

ЛИНГВОСТИЛИСТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ КОНФЛИКТА МАТЕРИАЛЬНЫХ ЦЕННОСТЕЙ И АУТЕНТИЧНОСТИ В РОМАНЕ ДЖОНА БРЕЙНА «ПУТЬ НАВЕРХ»

Юлия А. Куцевич^{1, @1}, Елена Е. Маркадеева^{1, @2}

¹ Смоленский Государственный университет, Россия, 214000, г. Смоленск, ул. Пржевальского, 4

@1 julia_1807@list.ru

@2 lena123ivanova1@gmail.com

Поступила в редакцию 31.07.2017. Принята к печати 01.12.2017.

Ключевые слова: аутентичность, Джо Лэмптон, Джон Брейн, лингвостилистические средства, материалистическое мировоззрение, «Путь наверх».

Аннотация: В статье представлены результаты анализа лингвостилистических средств выражения конфликта материалистического мировоззрения и аутентичности главного героя в романе Джона Брейна «Путь наверх». Понятие «аутентичность» выступает в исследовании в качестве ключевого и трактуется нами как истинное «Я» героя, или его самоидентичность, не детерминированная внешними факторами, представленными, в частности, социальным контекстом жизни человека. Посредством языкового анализа текстовых фрагментов романа в исследовании показано, что аутентичность Джо Лэмптона подвергается разрушительному воздействию его утилитаристского подхода к жизни, воплощенного в убежденности героя в его праве на материальное благополучие и его желании преодолеть классовые границы любой ценой. В работе выявлены разноуровневые выразительные средства (повтор, метафора, оценочная лексика, волитивные лексемы, многосоюзие и другие), при помощи которых автор исследуемого художественного произведения на языковом уровне выражает идею конфликта внутреннего «Я» главного героя, его аутентичности и социально обусловленного стереотипа «богатство – это счастье».

Для цитирования: Куцевич Ю. А., Маркадеева Е. Е. Лингвостилистические средства выражения конфликта материальных ценностей и аутентичности в романе Джона Брейна «Путь наверх» // Вестник Кемеровского государственного университета. 2017. № 4. С. 190–196. DOI:10.21603/2078-8975-2017-4-190-196.

Настоящее исследование посвящено анализу стилистических средств, на лингвистическом уровне выражающих идею постепенной утраты внутренней свободы главным героем романа Джона Брейна «Путь наверх» вследствие возникновения противоречий между его «Я» и его стремлением следовать социальному стереотипу, в соответствии с которым счастье человека обусловлено материально-вещественным содержанием его жизни. Цель исследования состоит в выявлении и описании тех аспектов развития рассматриваемого художественного конфликта, которые выражены автором на уровне лингвостилистики. Таким образом, лингвостилистический анализ романа, как методологическая основа настоящей работы, определяет ее новизну, обусловленную отсутствием на настоящий момент комплексного исследования вышеназванного конфликта на уровне семантики языка как в романе «Путь наверх», так и в других произведениях литературного направления «Рассерженные молодые люди» (англ. “Angry young men”), сложившегося в Англии в 50-х гг. прошлого века на волне общественного протеста против буржуазных ценностей и развивавшегося в русле критического реализма.

Исследования по произведениям данного направления посвящены различным неязыковым аспектам описываемых в них проблем. Так, М. Демирель (M. Demirel) анализирует стремление главного героя соответствовать сложившемуся стереотипному образу обеспеченного человека [1]. М. М. Салман (M. M. Salman) исследует личность героя с позиции дилеммы морального выбора [2]. Работа А. Ролли (A. Rawley) посвящена проблемам амбиций, протеста, материализма и ряду других тем, поднимаемых, в частно-

сти, Джоном Брейном в его романе «Путь наверх». Э. Тесимер (E. Tesimer) делает акцент на психоаналитическом аспекте, изучая причины возникновения гнева главных героев произведений данного направления [3]. Исторический подход имеет место в исследовании М. Альварес Фаэдо (M. Alvarez Faedo), анализирующей отражение в художественной литературе отношения «Рассерженных молодых людей» к Британской империи [4].

Следует отметить, что новизна данной работы определяется и тем фактом, что в фокусе исследования впервые находится понятие «аутентичность», в комплексе с лингвостилистическим подходом позволившее нам не только проанализировать процесс утраты героем его самоидентичности с филологической точки зрения, но и более глубоко понять авторский замысел, а также, в широком смысле, оценить вышеназванное литературное течение на примере отдельного произведения.

Так, понятие «аутентичность» трактуется в психологии и философии как одна из ключевых характеристик целостной личности. В гуманистической психологии аутентичность понимается как «способность человека <...> отказываться от различных социальных ролей <...>, позволяя проявляться подлинным, свойственным только данной личности мыслям, эмоциям и поведению» [5]. Данному уровню развития личности предшествуют «этапы осознания относительности социальных норм, неэффективности поведенческих шаблонов, утверждения собственной ценности <...> с одновременным принятием на себя ответственности за аутентичное поведение в обществе» [5].

В экзистенциалистской философии аутентичность личности – понятие, «связанное с проблемами самоопределения и самоконституирования человека, характера обусловленности совершаемых им выборов и возможности быть автором собственной жизни» [6, с. 85]. Аутентичность личности подразумевает ее свободу от социальных условностей: «<...> the existentialist antihero <...> acts out of authenticity, i.e., in freedom from any conventional expectations about what so-called human nature <...> supposedly requires in a given situation» [7, p. 296]. В качестве естественной причины подавления аутентичности субъекта рассматривается социально-культурный контекст, вынуждающий его следовать социальным стереотипам: «The embeddedness of our existence in a cultural context explains our inveterate tendency toward inauthenticity. As we become initiated into the practices of our community, we are inclined to drift along with the crowd, doing what “one” does, enacting stereotyped roles, and thereby losing our ability to seize on and define our own lives» [8, p. 373].

Особый интерес для настоящей работы представляют «теории негативной дефиниции аутентичности» [9, с. 24] Л. Триллинга (L. Trilling) и В. А. Конева. Так, с точки зрения Л. Триллинга, «можно прийти к пониманию феномена аутентичности как чего-то первородного, естественного, социально не опосредованного», а источники неаутентичного, искажающие индивидуальность, «находятся вне человека» [9, с. 23]. К последним исследователь относит деньги, социум и машины («три М – Man, Machine, Money» [10, с. 139]). В концепции В. А. Конева в пространстве имманентных человеческой природе ценностных координат *ложь, насилие и алчность* [11] человек «настолько аутентичен, насколько он в состоянии побороть в себе низменные инстинкты и тем самым раскрыть свою подлинную уникальность и индивидуальность, т. е. стать таким, каким изначально задумал его Бог» [9, с. 24].

В контексте филологического исследования через призму лингвостилистики мы рассматриваем аутентичность героя как его подлинное «Я», проявляющееся в переживаемых им противоречиях на фоне его усилий по преодолению социальных барьеров и отказа от моральных ценностей.

Итак, роман Джона Брэйна «Путь вверх» – произведение, «ставшее своеобразным антиманифестом “философии успеха”» [12, с. 4]. Действие романа происходит в Англии в 1946 г. Герой произведения – участник Второй мировой войны, молодой провинциал Джо Лэмптон, в поисках лучшей жизни приехавший из небольшого промышленного городка с названием Дафтон в Уорли, город больших финансовых возможностей. Следуя социальным стереотипам, Джо пытается найти счастье, заключающееся, по его убеждению, в состоянии банковского счета. Такие взгляды заставляют Джо отречься от всего, что связывает его с прошлым, – его происхождения из простой рабочей семьи. Джо презирает и Дафтон, в котором его угнетали условия жизни и работы, а также жители, казавшиеся ему безжизненными «зомби». Приехав в Уорли, Джо упрямо верит, что заслуживает лучшей доли. С завистью он смотрит на обеспеченных мужчин, у которых есть не только лучший костюм и дорогой автомобиль, но и привлекательная девушка, «загоревшая на ривьерском пляже» [12, с. 36]:

(1) *For a moment I hated him. I saw myself, compared with him, as the Town Hall clerk, the subordinate penpusher, halfway to being a zombie, and I tasted the sourness of envy* [13].

Перевод: На какое-то мгновение я почувствовал к нему ненависть. Я увидел себя рядом с ним – муниципальный служащий средней руки, канцелярская крыса с перспективой стать «зомби» – и испытал горечь зависти [12, с. 36].

Как видно из примера (1), Джо осознает, насколько велика социальная пропасть, разделяющая его и богатого мужчину, за которым он наблюдает из окна кафе. Ненависть, мучающая его, дополнительно выражена посредством следующих отрицательно оценочных лексем: *hated, subordinate, penpusher, zombie, sourness, envy*. Отметим, что разговорная отрицательно оценочная лексема “penpusher” имеет коннотацию уничижительности (рус. «канцелярская крыса»), существительное “zombie”, в свою очередь, выражает идею «безжизненности» Джо, лишенного доступа к «источнику жизни» – деньгам. Кроме того, сравнивая себя с обеспеченным человеком, Джо отказывается от принятия себя, поддаваясь влиянию социальных стереотипов.

Герой понимает, что самое большее, на что он может рассчитывать в Дафтоне, – это подержанный недорогой «Остин-7», а не английский спортивный автомобиль престижной марки, которую Джо называет «просто дорогой игрушкой очень богатых людей» [12, с. 36]. Поэтому он делает свой выбор:

(2) *This didn't abate the fierceness of my longing. I wanted an Aston Martin, I wanted a three guinea linen shirt, I wanted a girl with a Riviera suntan – these were my rights, I felt, a signed and sealed legacy <...> I was going to enjoy all the luxuries which that young man enjoyed. I was going to collect that legacy. <...> clear and compelling <...> the call ordered me to do good to myself, not others* [13].

Перевод: Однако эти соображения не смягчили ярости моих неутоленных желаний. Мне нужен был «эстенмартин», и полотняная рубашка стоимостью в три гиней, и девушка, загоревшая на ривьерском пляже... Я был свято убежден, что имею на это право, законное, неоспоримое право человека. <...> Все блага, которыми наслаждается этот молодой человек, должны достаться и мне. Я возьму все, что принадлежит мне по праву. <...> Внутренний голос, повелевавший мне, звучал не менее отчетливо и властно <...> он призывал меня творить добро для себя, а не для других [12, с. 36].

В примере (2) сила желания Джо стать успешным выражена на уровне языка как эксплицитно (“the fierceness of my longing” – рус. «ярость моих неутоленных желаний», “compelling” – рус. «непреодолимое внутреннее побуждение»), так и имплицитно посредством повтора конструкций со значением волитивности “I wanted”, “I was going to”. В дополнение к семантической «интенсивности» существительные “fierceness” (showing strong feelings, often in a way that is violent [14]) и “longing” (wanting sth. very much especially if it does not seem to happen soon [14]) в структуре своего семантического значения также содержат сему «негативные эмоции». Продолжая сравнивать себя с богатым человеком, Джо размышляет о собственной неполноценности, постепенно утрачивая личностную аутентичность. Экстралингвистический фактор – понимание героем его желания как естественного и справедливого (“these were my rights, I felt, a signed and sealed legacy” – рус. «я

был свято убежден, что имею на это право, законное, неоспоримое право человека») – также выступает в качестве средства усиления идеи его одержимости желанием получить место «наверху».

Интерес представляет и следующий пример, иллюстрирующий непреодолимый характер желания Джо подняться вверх по социальной лестнице:

(3) *Then <...> something happened which changed my whole life. <...> I suppose that my instincts would have led me to where I am now even if I hadn't been sitting at the window of Sylvia's Café that afternoon. <...> I was certainly shown the way <...>* [13].

Перевод: А затем <...> произошло нечто, изменившее всю мою жизнь. <...> Возможно, мои инстинкты все равно привели бы меня туда, где я сейчас нахожусь, даже если бы я не сидел в тот день в кафе «Сильвия» за столиком у окна. <...> мне был указан путь к достижению цели <...> [12, с. 34].

В примере (3) проиллюстрирована одна из сторон личности Джо, по своей природе предрасположенного к вере в силу социальных различий. Герой называет свое желание инстинктом, способным привести его к цели, путь к которой он увидел, наблюдая за богатыми людьми. Форма пассивного залога (“I was certainly shown the way”) имплицитно указывает значение «Божественное провидение, судьба», которое Джо видит в сложившихся случайных обстоятельствах.

Путем к счастью для героя становится не карьерная лестница, на которую он надеялся в Дафтоне, а получение доступа к деньгам:

(4) *The ownership of the Aston Martin automatically placed the young man in a social class far above mine; but that ownership was simply a question of money. The girl <...> was as far beyond my reach as the car. But her ownership, too, was simply a question of money, of the price of the diamond ring on her left hand* [13].

Перевод: Обладание машиной «эстенмартин» автоматически ставило этого молодого человека на много ступенек социальной лестницы выше меня. Но чтобы обладать такой машиной, нужны были деньги – и только. Девушка <...> была столь же недостижима для меня, как и автомобиль «эстенмартин». Однако, чтобы обладать такой девушкой, тоже нужны были только деньги: все сводилось к стоимости бриллиантового обручального кольца на ее левой руке [12, с. 35].

Как видно из примера (4), Джо делает вывод, что для того, чтобы быть членом высшего общества, нужны только деньги. Повтор “was simply a question of money”, а также усилительное “simply” выступают в качестве средств эмпазы и выражают очевидность истины, которая открылась герою «с полной наглядностью» [13, с. 35]. Данная идея представлена еще более выразительно в переводе фрагмента посредством тире как средства экспрессивного синтаксиса («Но чтобы обладать такой машиной, нужны были деньги – и только»).

Переехав в Уорли, Джо знакомится со Сьюзен Браун, девушкой из обеспеченной семьи. По описанию Джо, Сьюзен – девятнадцатилетняя девушка категории № 1, согласно «Лэмптон-лэффордской докладной о любви» [12, с. 47], составленной Джо и его другом Чарльзом. Сьюзен хороша собой, и ее красота, по признанию Джо, отвечает тем стандартам, в соответствии с которыми девушкам, похожим на нее, «на страницах американских журналов неустанно преподносят часы фирмы Гамильтон

или <...> автомобили последних моделей» [12, с. 47]. Внешность Сьюзен привлекает Джо своей аристократической красотой, но еще более привлекательным он находит состояние ее отца, мистера Брауна, – богатого фабриканта, наиболее влиятельного человека в городе и, по выражению политолога и историка-американиста В. С. Зорина, представителя «денежной аристократии» [15, с. 139]:

(5) *“Who is she?” “Her father owns a factory near Leddersford. He's on the Warley Council.” She looked at me with a curious pity* [13].

Перевод:

– А кто она такая?

– У ее отца фабрика под Леддерсфордом. Он муниципальный советник в Уорли. Тетя Эмили с каким-то странным сожалением поглядела на меня [12, с. 124].

Как видно из диалога Джо и его тети, которая вырастила его после смерти его родителей, погибших во время авианалета на Дафтон, герой спешит рассказать о положении отца Сьюзен, ни слова не сказав о ней самой. Особый интерес в примере (5) представляет словосочетание “curious pity”, в котором существительное “pity” (рус. «сожаление») выражает неприятие родственниками Джо его прагматического отношения к Сьюзен, посредством прилагательного “curious” (рус. «странное») автор, как представляется, выражает идею непонимания героем членов своей семьи, а также, имплицитно, его уверенность в своей правоте.

Неискренность Джо в его отношении к Сьюзен очевидна не только его родственникам. Его страсть к деньгам отмечает и Чарльз:

(6) *“In love with her! Drivel! In lust with her. And Daddy's bank balance”* [13].

Перевод:

– Влюблен в нее! Чушь! Ты не прочь заполучить ее, а заодно и кругленький капиталец ее папаша [12, с. 121].

В примере (6) фальшь в чувствах Джо к Сьюзен, заметная Чарльзу, становится еще более явной благодаря разговорной лексеме с коннотацией неодобрения “drivel” (рус. «Чушь!»). Сила желания Джо эксплицитно выражена существительным “lust”, имеющим значение «страстное желание, жажда», нередко включающее коннотацию неодобрения (“often disapproving” [14]). Презрительное отношение Чарльза к семье Сьюзен дополнительно выражено существительным “daddy” (рус. «папаша»). В переводе данное значение также передано существительным «капиталец». Таким образом, именно друг открыто озвучивает реальные намерения Джо, мечтающего о банковском счете мистера Брауна, а не о Сьюзен.

«Холодная расчетливость и целеустремленный эгоизм» [15, с. 139] Джо настолько сильны в нем, что он не скрывает даже от Сьюзен, что брак с ней – это сделка на сто тысяч фунтов:

(7) *“Joe, do you really love me?” “You know I do. “How much?” “A hundred thousand pounds”, I said. “A hundred thousand pounds' worth”* [13]

Перевод:

– Джо, ты правда любишь меня?

– Ты знаешь, что да.

– А сильно?

– На сто тысяч фунтов, – сказал я. – На сто тысяч фунтов [12, с. 193–194].

Пример (7) иллюстрирует истинное отношение Джо к Сьюзен. Так, отвечая на вопрос Сьюзен “How much?”, Джо

фактически дает ответ на свой внутренний вопрос о том, за какую сумму из кармана мистера Брауна он готов отказаться от своего «Я» и жениться на нелюбимой женщине. Повтор “A hundred thousand pounds” экспрессивно передает силу убежденности Джо в верности избранного им пути. Оценивая свою жизнь через призму финансового благополучия и комфорта, Джо отождествляет счастье с материальной стороной жизни, разрушая свою аутентичность.

В нижеприводимом примере (8) Джо признается себе в том, что Сьюзен для него – лишь средство достижения цели:

(8) *I was taking Susan not as Susan, but <...> as the means of obtaining the key to the Aladdin's cave of my ambitions* [13].

Перевод: Но ведь и я тоже видел в Сьюзен не просто Сьюзен, а девушку категории № 1, дочь фабриканта, с чьей помощью я могу проникнуть в волшебную пещеру Аладдина, где скрыто все, что манит меня в жизни [12, с. 192].

Обращаясь к метафоре “Aladdin's cave” (“a place where great wealth is stored” [16]), а также называя Сьюзен средством получения ключа к богатствам ее отца, Джо вновь отмечает, насколько значимы для него его жизненные приоритеты. Существительное “ambition” (desire or determination to be successful, rich, powerful [14]) дополнительно выражает идею восприятия героем жизни с материальной точки зрения, что, по выражению Д. Д. Моросеевой, становится фактором искажения его индивидуальности [9, с. 23].

Однако, по мнению А. Ролли, увлекшись материалистичным подходом к жизни и делая ставку на вещи, лишенные духовности [17, р. 148], Джо страдает от собственного выбора. Порой Сьюзен, девушка не из мира Джо, одним своим существованием вызывает его гнев:

(9) *I felt angry. She was lucky, she'd always been lucky, she'd never known the reality of the cold bedroom and the stuffy living room with the blaring radio, she'd never had to worry about exams or a job or the price of new clothes, even her way of speaking with its touchingly childish affectations was a luxury no one of the working classes could afford* [13].

Перевод: Я почувствовал, как во мне поднимается злость. Ей хорошо говорить, ее жизнь баловала: ей не приходилось спать в нетопленной каморке, есть в душной общей комнате под вопли радио; не приходилось думать об экзаменах или о том, как достать работу, или где добыть денег на новый костюм; даже ее трогательная манера по-детски присюсюкивать была роскошью, которую не могли позволить себе девушки из рабочей среды [12, с. 191–192].

В примере (9) лексемы с отрицательной коннотацией “cold” (рус. «нетопленная»), “stuffy” (рус. «душная»), “blaring” (рус. «вопли»), “angry” (рус. «злость»), “worry” (рус. «думать») подчеркивают негативное отношение Джо к его прошлому в Дафтоне. Контекстуально обусловленные отрицательные коннотации лексем и их комбинаций “price” (рус. «деньги»), “touchingly childish affectations” (рус. «трогательная манера по-детски присюсюкивать»), “luxury” (рус. «роскошь»), “working classes” (рус. «рабочая среда»), а также лексемы «каморка», «достать» и «добыть» в переводе выражают резкое противопоставление героем своей жизни судьбе богатого человека. Повтор “she was lucky” и усиление “always” еще более экспрессивно передают идею отсутствия в его жизни тех благ, которые доступны Сьюзен с рождения. Повтор “she had never” служит усилению идеи страданий Джо, которые, по его убеждению, выпали на его долю.

Даже зубы Сьюзен вызывают у Джо негативные эмоции:

(10) *I loved looking at her teeth <...> but they always induced an uncomfortable inferiority* [13].

Перевод: Я любовался ее зубами <...> но они всегда возбуждали во мне беспокойное и неприятное чувство собственной неполноценности [12, с. 107].

Как показано в примере (10), все, что подарено Сьюзен судьбой, вызывает у Джо зависть. Испытываемое им при этом чувство собственной неполноценности эксплицитно выражено словосочетанием “uncomfortable inferiority” (рус. «беспокойное, неприятное, чувство неполноценности») и является следствием тяжелых переживаний героя о невозможности жить жизнью обеспеченного человека, что может быть рассмотрено как один из факторов искажения индивидуальности Джо под влиянием социума. Примеры (9) и (10) иллюстрируют его глубоко негативное отношение к обеспеченным людям, любого из которых, обращаясь к экспрессивной метафоре, Чарльз презрительно называет «капиталистической свиньей» [12, с. 37] (англ. “the capitalist beast” [13]). Таким образом, горячо желая стать одним из презираемых им представителей высшего общества Уорли и принимая деньги за прямой эквивалент счастья, Джо отвергает свое истинное «Я», утрачивая свою аутентичность.

Стремясь к своей цели, Джо Лэмптон сталкивается с преградой, которой, с одной стороны, является высшее общество Уорли, противостоящее ему в лице родителей Сьюзен и друга семьи Джека Уэйлса – офицера, бежавшего, в отличие от Джо, во время войны из лагеря для военнопленных:

(11) *I was undecided as to which to taste first; the plain dark chocolate of going out with a pretty girl, the Turkish Delight of vanity, the sweet smooth milk of love, the flavour of power, of being one up on Jack Wales, perhaps the most attractive of all, strong as rum* [13].

Перевод: <...> я никак не мог решить, какую же шоколадку мне отправить в рот сначала: простой, чуть горьковатый шоколад «Я провожу вечер с хорошенькой девушкой», нежный, сладкий молочный шоколад «Любовь», шоколад с ореховой начинкой «Тщеславие» или самый соблазнительный из всех, с начинкой из крепкого рома – «Я выиграл у тебя очко, Джек Уэйлс» [12, с. 96].

Из примера (11) видно, что, не любя Сьюзен, Джо более всего желает видеть моральное поражение Джека и «всех прочих» преуспевающих людей [12, с. 232]. Глубоко переживая свои сложные отношения с более успешными людьми в лице Джека, Джо утрачивает внутреннюю независимость и торжествует, получив малейшую возможность доказать свою состоятельность. В примере (11) чувство победы над Джеком, испытываемое Джо в связи с полученной им возможностью посетить театр со Сьюзен, передано положительными коннотациями лексем “pretty”, “delight”, “vanity”, “sweet”, “smooth”, “love”, “power”, “attractive”, “strong”, а также стилистической фигурой градации “plain dark chocolate – the sweet smooth milk – the most attractive of all, strong as rum” (рус. «простой, чуть горьковатый шоколад – нежный, сладкий молочный шоколад – шоколад с ореховой начинкой – самый соблазнительный из всех, с начинкой из крепкого рома»).

В следующем примере показано отрицательное отношение Джо не только к Джеку, но и к отцу Сьюзен:

(12) *I've beaten that bastard Wales. I'll marry her if I have to put her in the family way to do it. I'll make her daddy give me a damned good job. I'll never count pennies again* [13].

Перевод: Я обскакал этого наглеца Уэйлса. Я женюсь на ней, даже если для этого придется сделать ее матерью. Я заставлю ее папочку дать мне хорошее место – самое лучшее. Никогда теперь мне уже не придется считать гроши [12, с. 190].

Так, лексемы с отрицательной коннотацией “bastard”, “damned”, а также лексема “daddy”, приобретающая контекстуально обусловленную отрицательную коннотацию, имплицитно заставляют Джона ко всем обеспеченным людям в лице Джека Уэйлса и мистера Брауна. Решительность Джона эксплицитно выражена глаголом “will” (“used for showing that somebody is willing to do something” [14]), а также имплицитно повтором конструкции “I’ll do something” и местоимения “I”. В переводе лексема «обскакал», аналогично примеру (11), выражает чувство торжества Джона над Джеком, существительное «гроши», а также экспрессивный порядок слов в предложении «Никогда теперь мне уже не придется считать гроши» передают значение убежденности героя в верности его решения.

С другой стороны, замыслу Джона противостоит его тетя, которая просит его найти жену в своем кругу. Но Джон упрям и верит в свою правоту:

(13) “I love her. I’m going to marry her.” But I felt shame-faced as I spoke the words [13].

Перевод: – Я люблю ее. И хочу жениться на ней, – сказал я, но мне было как-то совестно произносить эти слова [12, с. 125].

Как видно из примера (13), Джон испытывает стыд, уверяя тетю в своей любви к Сьюзен. Стилистический прием бессоюзия в оригинале произведения (“I love her. I’m going to marry her.”) выражает упрямство Джона, готового, несмотря на осознание своей лжи, преодолевать преграду в виде тех моральных принципов, которые были привиты ему семьей. В этой связи интерес представляет мнение М. Демирель, согласно которому Джон идет против морали потому, что живет в иллюзиях и предубеждениях против успешных людей. Их стереотипные образы занимают значительное место в его мыслях, вытесняя собой его аутентичность: “The illusions and prejudices of Joe are there about the rich or the upper classes as well. Due to their prosperity, the rich are devoid of the good qualities and emotions according to the understanding of Joe. <...> The stereotypical characters occupy such a huge place in his mind that there is no place for the authenticity; as a result, he transforms into one of those characters” [1, p. 308–309]. Истинное «Я» Джона Лэмптона, не чувствующего любви к Сьюзен, описано посредством лексемы “shame-faced” (рус. «совестно»).

Живя в Уорли, Джон сталкивается еще с одним препятствием на пути к цели – влюбляется в Элис, замужнюю женщину намного старше него. Любовь к ней пробуждает в нем чувство одиночества, когда он находится рядом со Сьюзен:

(14) I felt loneliness come over me, real as the damp churchyard smell of the grass, melancholy as the sound of the brook in the little glen below us. I felt heavy <...> as if time might drag me into a world like a bad engraving, stiff and dark and dull and lost [13].

Перевод: Я <...> вдруг ощутил бесконечное одиночество – чувство это было таким же реальным, как кладбищенский запах сырой травы вокруг нас, и таким же грустным, как журчанье ручейка в соседнем овражке. На меня напала тоска <...> казалось, что время затягивает меня в

странный мир, похожий на скверную гравюру, – темный, унылый, бесприютный [12, с. 187].

В примере (14) показано, что в душе Джона несчастен. Он сравнивает одиночество с кладбищенским запахом сырой травы, подчеркивая этой метафорой, что, женившись на Сьюзен, он станет одним из «зомби», которых так презирает. Скрывая свою тоску от самого себя, Джон сравнивает ее со звуком ручья, который пробивается из почвы, напоминая о себе. Герой осознает, какой мир его ждет – грустный, тоскливый, плохой, темный, унылый, бесприютный (“melancholy”, “heavy”, “bad”, “stiff”, “dark”, “dull”, “lost”). Многосоюзие (“and”) усиливает отрицательную семантику данных лексем, внося во внутренний монолог Джона оттенок безысходности.

Одиночество Джона проявляется и в том, что, следуя социальному шаблону «богатство – это счастье», он боится показать Сьюзен свой настоящий характер, поскольку это может помешать достижению его цели:

(15) <...> she was taking me as the perfect lover and delightful companion, passionate and tender and exciting and infinitely wise; Susan might of course be prepared to take me with all my faults because she loved me so wholeheartedly <...> But I couldn’t afford to take any risks [13].

Перевод: <...> она же видела во мне идеального возлюбленного и человека, с которым приятно проводить время, – страстного и нежного, загадочного и бесконечно мудрого. Возможно, Сьюзен приняла бы меня со всеми моими недостатками, потому что она была по уши в меня влюблена <...> Но рисковать я не мог [12, с. 192].

Пример (15) иллюстрирует притворство героя. Лексемы с положительной коннотацией (“perfect”, “passionate”, “tender”, “exciting”, “wise”) описывают тот идеальный и в то же время неаутентичный образ, который он создал для Сьюзен. Многосоюзие (“and”) имплицитно усиливает значение большого количества положительных черт характера «идеального» Джона Лэмптона.

Джон осознает препятствующие ему классовые различия:

(16) She had <...> a conception of Joe Lampton which I’d never to depart from in the smallest detail. Self-pity and class-consciousness weren’t included in that conception [13].

Перевод: Я чувствовал, что у нее сложился определенный образ Джона Лэмптона и я во всем должен следовать ему. Жалость к себе и сознание классовых различий не вязались с этим образом [12, с. 192].

Из примера (16) следует, что ради сохранения созданного в глазах Сьюзен образа Джон готов всегда лгать ей, скрывая те мотивы, которые привели его к ней, все более отдаляясь от своего истинного «Я».

Однако, когда речь заходит о семье Джона, ему приходится говорить правду, что заставляет его чувствовать угрызения совести:

(17) It was perfectly true. But <...> I felt guilty. I was manoeuvring for position all the time, noting the effect of each word; and it seemed to devalue everything I said [13].

Перевод: Я сказал истинную правду. Но <...> я чувствовал угрызения совести. Я все время старался занять наиболее выгодную позицию, следил за впечатлением, которое производило каждое мое слово, и <...> все, что я говорил, теряло цену [12, с. 105–106].

Постоянно обманывая Сьюзен, Джон чувствует стыд, даже сказав правду о своих родителях. Таким образом, в

примерах (13) – (17) показаны истинные чувства героя, его аутентичность, которую он разрушает, отказываясь от любви к Элис ради материальных ценностей, которые сулят ему брак со Сьюзен. В финале романа Джо реализует свои мечты и, переступив не только через чувства Элис, но и через свои собственные, при трагических обстоятельствах, гибели Элис в автокатастрофе, женится на Сьюзен.

Итак, как следует из проведенного анализа, существенный объем проанализированной нами художественной информации, представленной в романе Джона Брейна «Путь наверх», реализуется на лингвистическом уровне посредством разноуровневых лингвистических средств, к которым мы относим повторы (“she was lucky”, “she had never”, “I wanted” и др.), многосоюбие, бессоюбие, метафоры (“Aladdin’s cave”, “the flavour of power”, “the damp churchyard smell of the grass”), лексемы со значением волевости (“lust”, “will”), эмоционально-оценочные лексемы (“penpusher”, “zombie”, “cold”, “damned”, “daddy” и др.) и ряд других. Обращаясь к лексическим средствам выразительности, а также к средствам экспрессивного синтаксиса, автор произведения наиболее полно раскрывает перед читателем художественный замысел романа и детально описывает конфликт материальных ценностей и аутентичности героя, или, иными словами, столкновение материалистического мировоззрения и духовности. Так, стремясь быть «автором собственной жизни» [6, с. 85], Джо Лэмpton переходит через классовые границы и, выбирая

материалистический подход к жизни, отрекается от своей аутентичности, своего внутреннего голоса, призывающего его к возвращению к моральным принципам и настоящему счастью с Элис. Такое мировоззрение, по замечанию А. Ролли, подрывает основы человечности и способствует разобщению людей: “Braine’s novel reveals that money can undermine one’s basic humanity. The burning desire for easy money can alienate us from the society and more so, from our loved ones” [17, p. 148].

С помощью вышеназванных стилистических средств автор описывает такие аспекты утраты главным героем его самоидентичности и внутренней свободы, как, например, его безудержное стремление преодолеть существующие в послевоенной Англии классовые различия и, нарушив моральные принципы, реализовать в своей жизни социальный стереотип «богатство – это счастье». Искажение аутентичности героя выражается и в его желании сравнивать себя со стереотипным образом богатого человека, а также в его неприятии собственной судьбы вследствие неудовлетворенности материальной стороной его жизни.

Таким образом, как представляется, проведенное лингвистическое исследование вносит определенный вклад в более глубокое понимание не только романа Джона Брейна «Путь наверх», но и центральной темы всего литературного направления «Рассерженные молодые люди».

Литература

- Demirel M. Alienation In Room At The Top: Joe Lampton’s Transformation Into The Stereotypical Others Of His Mind // International Journal of Eurasia Social Science. 2015. Vol. 6. № 18. P. 300–315.
- Salman M. M. Post-war British working-class fiction with special reference to the novels of John Braine, Alan Sillitoe, Stan Barstow, David Storey and Barry Hines. Diss. Dr. philol. Sci. The University of Leeds, 1990. 309 p.
- Tecimer E. The analysis of the theme of anger in John Osborne’s plays: Look Back in Anger, Inadmissible Evidence, Watch it Come Down // The Graduate School of Social Sciences of Middle East Technical University. 2005. P. 61.
- Alvarez Faedo M. John Osborne’s Angry Look Back on the declining British Empire // Culture and Power. The Plots of History in Performance. Cambridge: Cambridge Scholars Press, 2008. P. 163–171.
- Карвасарский Б. Д. Психотерапевтическая энциклопедия Режим доступа: http://dic.academic.ru/contents.nsf/enc_psychotherapeutic/ (дата обращения: 27.07.2017).
- Трубина Е. Г. Аутентичность // Современный философский словарь / под общ. ред. проф. В. Е. Кемерова. Лондон, Франкфурт-на-Майне, Париж, Люксембург, Москва, Минск: Панпринт, 1998. С. 85–95.
- McBride L. M. Existentialism // The Cambridge Dictionary of Philosophy. 2nd ed. / ed. by R. Audi. Cambridge: Cambridge University Press, 1999. P. 296–298.
- Guignon Ch. B. Heidegger, Martin // The Cambridge Dictionary of Philosophy. 2nd ed. / ed. by R. Audi. Cambridge: Cambridge University Press, 1999. P. 370–373.
- Моросеева Д. Д. Проблема аутентичности художественного высказывания в прозе Ингеборг Бахман: дис. ... канд. филол. наук; Самарский нац. исслед. ун-т им. акад. С. П. Королёва. Самара, 2016. 161 с.
- Хунагов Р. Д. Современная личность в поисках идентичности и аутентичности // Гуманитарий Юга России. 2012. № 3. С. 134–144.
- Конев В. А. Дантовы координаты (проблема определения ценностного бытия) // Вестник Самарского госуниверситета. Философия. 1995. Специальный выпуск. Режим доступа: <http://vestniksamgu.ssau.ru/gum/1995webSI/phy/1995SI0501.html> (дата обращения: 28.11.2017).
- Брейн Д. Путь наверх: роман / пер. Т. А. Кудрявцевой, Т. А. Озерской. М.: Астрель, 2010. 318 с.
- Braine J. Room at the top. Режим доступа: <https://knigogid.ru/books/666938-room-at-the-top/toread> (дата обращения: 25.07.2017).
- Oxford Advanced Learner’s Dictionary. 8th ed. Oxford: Oxford University Press, 2010. 1952 p.
- Зорин В. С. Роман «Путь наверх» и его автор (рецензия). Режим доступа: <http://knijky.ru/books/put-na-verh?page=137> (дата обращения 28.07.2017).
- Oxford English Dictionary on CD-ROM (v. 4.0). 2nd ed. Oxford: Oxford University Press, 2009
- Rawley A. Thematic Concerns in John Braine’s Room at the Top // The International Journal of Humanities & Social Studies. 2014. Vol. 2. № 5. P. 147–148.

LINGUOSTYLISTIC MEANS OF EXPRESSING THE CONFLICT OF MATERIAL VALUES AND AUTHENTICITY IN THE NOVEL «ROOM AT THE TOP» BY JOHN BRAINE

Yuliya A. Kutsevich^{1, @1}, Elena E. Markadeeva^{1, @2}

¹ Smolensk State University, 4, Przheval'skogo St., Smolensk, Russia, 214000

@1 julia_1807@list.ru

@2 lena123ivanova1@gmail.com

Received 31.07.2017. Accepted 01.12.2017.

Keywords: authenticity, Joe Lampton, John Braine, linguostylistic means, materialistic philosophy, Room at the Top.

Abstract: The article analyzes the linguostylistic means of expressing the conflict of material values and the hero's authenticity in the novel "Room at the Top" by John Braine. The concept "authenticity" represents the key component of this research and is treated as the real self of the hero, or his self-identity, which is not determined by any outer factors, such as the social context of one's life. By means of linguistic analysis the authors show that Joe Lampton's authenticity is ruined due to his utilitarian approach to life. The approach in question is expressed in the hero's belief in his right for prosperity and his desire to break class divisions at any cost. The article studies the expressive means (repetition, metaphor, emotional vocabulary, volitional vocabulary, polysyndeton, etc.) the author of the novel uses to convey the idea of the conflict between the hero's inner self, or his authenticity, and the social stereotype of "wealth is happiness".

For citation: Kutsevich Yu. A., Markadeeva E. E. Lingvostilisticheskie sredstva vyrazheniia konflikta material'nykh tsennostei i autentichnosti v romane Dzhona Breina «Put' naverkh» [Linguostylistic Means of Expressing the Conflict of Material Values and Authenticity in the Novel «Room at the Top» by John Braine]. *Bulletin of Kemerovo State University*, no. 4 (2017): 190–196. DOI:10.21603/2078-8975-2017-4-190-196.

References

1. Demirel M. Alienation In Room At The Top: Joe Lampton's Transformation Into The Stereotypical Others Of His Mind. *International Journal of Eurasia Social Science*, 6, no. 18 (2015): 300–315.
2. Salman M. M. *Post-war British working-class fiction with special reference to the novels of John Braine, Alan Sillitoe, Stan Barstow, David Storey and Barry Hines*. Dr. philol. Sci. Diss. The University of Leeds, 1990, 309.
3. Tecimer E. The analysis of the theme of anger in John Osborne's plays: Look Back in Anger, Inadmissible Evidence, Watch it Come Down. *The Graduate School of Social Sciences of Middle East Technical University*. 2005, 61.
4. Alvarez Faedo M. John Osborne's Angry Look Back on the declining British Empire. *Culture and Power. The Plots of History in Performance*. Cambridge: Cambridge Scholars Press, 2008, 163–171.
5. Karvasarskii B. D. *Psikhoterapevticheskaia entsiklopediia* [Psychotherapeutic Encyclopedia]. Available at: <http://dic.academic.ru/> (accessed 27.07.2017).
6. Trubina E. G. Autentichnost' [Authenticity]. *Sovremennyi filosofskii slovar'* [Modern Dictionary of Philosophy]. Ed. Kemerov V. E. London, Frankfurt-na-Maine, Parizh, Liuksemburg, Moskva, Minsk: Panprint, 1998, 85–95.
7. McBride L. M. *Existentialism. The Cambridge Dictionary of Philosophy*. Ed. by R. Audi. Cambridge: Cambridge University Press, 1999, 296–298.
8. Guignon Ch. B. Heidegger, Martin. *The Cambridge Dictionary of Philosophy*. Ed. by R. Audi. Cambridge: Cambridge University Press, 1999, 370–373.
9. Moroseeva D. D. *Problema autentichnosti khudozhestvennogo vyskazyvaniia v proze Ingeborg Bachmann*. Diss. kand. filol. nauk [The problem of authenticity of the artistic statement in Ingeborg Bachmann's prose. Cand. filol. Sci. Diss.]. Samara National Univ. named after academician S. P. Korolev. Samara, 2016, 161.
10. Khunagov R. D. Sovremennaia lichnost' v poiskakh identichnosti i autentichnosti [Modern personality in search of identity and authenticity]. *Gumanitarii Iuga Rossii = Humanitarian of the South of Russia*, no. 3 (2012): 134–144.
11. Konev V. A. Dantovy koordinaty (problema opredeleniia tsennostnogo bytiia) [Dante's coordinates (The Problem of Definition of Valuable Being)]. *Vestnik Samarskogo gosuniversiteta. Filosofii = Bulletin of the Samara State University, Philosophy, Special issue* (1995). Available at: <http://vestniksamgu.ssau.ru/gum/1995webSI/phil/1995SI0501.html> (accessed 28.11.2017).
12. Braine J. *Put' naverkh: roman* [Room at the Top]. Transl. Kudriavtseva T. A., Ozerskaya T. A. Moscow: Astrel', 2010, 318.
13. Braine J. *Room at the top*. Available at: <https://knigogid.ru/books/666938-room-at-the-top/toread> (accessed 25.07.2017).
14. *Oxford Advanced Learner's Dictionary*. Oxford: Oxford University Press, 2010, 1952.
15. Zorin V. S. *Roman "Put' naverkh" i ego avtor* [The novel "Room at the top" and its author]. Available at: <http://knijky.ru/books/put-naverh?page=137> (accessed 28.07.2017).
16. *Oxford English Dictionary on CD-ROM (v. 4.0)*. Oxford: Oxford University Press, 2009.
17. Rawlley A. Thematic Concerns in John Braine's Room at the Top. *The International Journal of Humanities & Social Studies*, 2, no. 5 (2014): 147–148.

УДК 81'42

ЛИНГВОПЕРСОНОЛОГИЧЕСКИЕ СТРАТЕГИИ ВОСПРИЯТИЯ ТЕКСТА (НА МАТЕРИАЛЕ ИНТЕРНЕТ-КОММЕНТАРИЕВ К ПОЛИТИЧЕСКИМ СТАТЬЯМ)**Наталья В. Мельник^{1, @1}, Ирина В. Савельева^{1, @2}**¹ Кемеровский государственный университет, Россия, 650000, г. Кемерово, ул. Красная, 6@¹ saikova@mail.ru@² saviren1973@mail.ru*Поступила в редакцию 05.04.2017. Принята к печати 21.09.2017.*

Ключевые слова: лингвоперсоналогия, языковая личность, персонотекст, стратегии восприятия, интернет-комментарий, политическая статья.

Аннотация: В статье представлено описание стратегий восприятия первичного текста политической статьи авторами интернет-комментариев. Соотношение между новостной статьей и комментариями к ней рассматривается в русле лингвоперсоналогии – теории языковой личности. Текст комментария является вторичным по отношению к первичному тексту новостной статьи политического содержания и поэтому отражает некоторые параметры первичного текста. В статье дается анализ стратегий восприятия текста, а также предлагается классификация стратегий на основе способа восприятия (холистическая и элементаристская стратегии), уровня восприятия (рациональная и иррациональная стратегии), и типа восприятия (импульсивная и рефлексивная стратегии). Реализация данных стратегий демонстрируется через анализ комментариев на русскоязычных и англоязычных новостных сайтах «Риа Новости», «The Guardian», «The Independent». Стратегический анализ интернет-комментариев к политическим статьям дает авторам основание утверждать, что внутри одного микротекста возможна реализация дихотомически противопоставленных стратегий, что говорит о комплексной природе языковой личности.

Для цитирования: Мельник Н. В., И. В. Савельева. Лингвоперсоналогические стратегии восприятия текста (на материале интернет-комментариев к политическим статьям) // Вестник Кемеровского государственного университета. 2017. № 4. С. 197–204. DOI:10.21603/2078-8975-2017-4-197-204.

Антропоцентризм современной лингвистики способствует формированию новых направлений, ставящих в центр внимания языковую личность. Одним из наиболее актуальных является лингвоперсоналогия – интегрированная область научного знания, основной задачей которой является описание языка как вариативной системы, определяемой качеством языковой способности человека.

Впервые термин «лингвоперсоналогия» был предложен В. П. Нерознаком в 1996 г. для наименования научной дисциплины, объектом которой является языковая личность. Системный подход к пониманию нового научного феномена был изложен в работе Ю. Н. Караулова «Русский язык и языковая личность», положившей начало формирования новых научных школ и направлений.

Сибирская лингвоперсоналогия сегодня приобретает методологический фундамент и выходит на новый виток развития. Представленность новейших исследований в серии монографий «Языковая личность: моделирование, типология, портретирование» является ценным вкладом в развитие отечественной лингвистики и способствует созданию комплексной системы описания языковой личности [1]. Специфические методы лингвоперсоналогии, с точки зрения И. В. Башковой, можно разделить на две основные группы: методики реконструкции языковой личности (например метод структурного моделирования) и речевое портретирование (метод лингвистического описания) [2].

Внутри лингвоперсоналогии выделяются два основных направления: лингвистическая персоналогия, ставящая в центр внимания языковую личность определенным образом

реализующую себя в языке, и персоналогическая лингвистика, строящая свои исследования на основе существующих продуктов деятельности языковой личности и реконструирующая типы личностей на основе анализа данных продуктов. Внутри последнего направления выделяется лингвистика текста. «Антропологический подход к изучению языковых единиц позволил и на текст взглянуть с новых позиций, с позиций лингвоперсоналогии, как на персонотекст, то есть текст в аспекте проявления в нем свойств языковой личности автора и адресата» [3, с. 240; 4].

Развитие текстоцентрического направления в лингвоперсоналогии охватывает все более широкие слои языка. В фокусе научных изысканий оказались не только художественные произведения, накопленные веками и зафиксированный в языке литературный пласт, но и динамически функционирующий на современном этапе текстовый продукт массовой культуры [5]. Если первоначально понятие «языковая личность» рассматривалось применительно к художественному образу в работах В. В. Виноградова, то сегодня совокупное влияние лингвистических и экстралингвистических факторов на речемыслительную деятельность человека обуславливает расширение предметной базы. Растущая популярность и доступность интернет-коммуникации дали возможность увидеть разнообразие языковых форм в спонтанной письменной деятельности рядовых носителей языка, наиболее представленных в глобальной сети «Интернет». Тексты, создаваемые пользователями сети на просторах Интернета, в том числе онлайн-комментарии сетевых статей, являются отражением новейших

тенденций в языке и дают возможность наблюдать и вычленять как общее, так и единичное в языковом сознании человека. Описание данных текстов в лингвоперсонологическом аспекте позволяет устанавливать факторы, влияющие на формирование тех или иных языковых предпочтений авторов, определять детерминанты языкового варьирования, в конечном итоге реконструировать языковую личность.

Прежде всего необходимо рассмотреть комментарий как элемент компьютерно-опосредованной коммуникации, т. к. среда является одним из факторов, детерминирующих процесс создания персонотекстов, в этой связи условно обозначаемой как «пространство возможностей» [1, с. 6]. Этот тип текста входит в сетевой жанр новостной веб-страницы, с одной стороны, а с другой стороны, – является современным гибридным образованием, возникшим на основе бумажного жанра комментария. В сетевом варианте к однозначным и устойчивым признакам жанра можно отнести лишь определенные требования формата: наличие «ника» или псевдонима, позволяющего публиковать опредмеченные реакции на сетевую новость и на другие комментарии, а также соблюдение требований конкретного веб-сайта, например запрет на публикацию в разделе комментариев рекламы и текстов, содержащих обценную лексику, прямые угрозы и рекламу [6, с. 50].

Функционально-стилистические ограничения при создании сетевого комментария достаточно расплывчаты, так как авторы комментариев, как правило, не ограничены рамками стиля и содержания. Письменная речь комментаторов носит бытовой характер, что не исключает присутствия в комментариях речевых норм, характерных для публицистического и художественного стиля. В целом для поля интернет-комментариев характерна связность по вертикали и по горизонтали: вертикальная характеризуется наличием единого текста-стимула, а горизонтальная выражается в возможности публикации комментариев в формате диалога, в режиме «вопрос – ответ». Кроме того, для комментариев характерна интеррогативность. Так, распространенным приемом внутри «коммента» является риторический вопрос, как форма рефлексии, или комментарий-псевдовопрос – вариант усеченного текста, не предполагающий ответ. «Комменты»-вопросы обращены ко всем и ни к кому.

В формате комментария отклонение от темы обсуждения вполне допустимо, хотя и не приветствуется другими пользователями. Аксиологическая составляющая текстов данного типа – это, безусловно, то, что позволяет объединить комментарии в жанр, их первичная функция заложена в названии. Комментарий – короткое спонтанное сообщение, призванное дать оценку событиям, фактам и мнениям, изложенным в новостном блоке. Оценочная деятельность в высшей степени субъективна, как правило, оценка комментаторами новости эксплицируется в соответствии с оппозицией «свой» – «чужой», которая перманентно представлена в обсуждении политики [7, с. 138]. «Действительно, не существует человека, который не пользовался бы понятием «хорошо/плохо». <...> если оценочное суждение становится гласным, то в способах его выражения каждый проявляет индивидуальность» [8, с. 191].

Помимо этого, высказываясь по той или иной теме и имея возможность оставаться анонимными, пользователи реализуют в спонтанных текстах свои языковые способности, предпочтения, умения в чистом виде. «Анонимность

общения в Интернете обогащает возможности для самопрезентации человека, предоставляя ему способы не просто создавать о себе впечатление по своему выбору, но и быть тем, кем он захочет. То есть, особенности коммуникации в Интернете позволяют человеку конструировать свою идентичность по своему выбору» [9].

По причине того, что объект исследования – текст, созданный как реакция на исходный текст, важно отметить некоторые особенности интернет-комментария в аспекте дериватологии. Во-первых, само появление комментариев в сети обусловлено аксиологической составляющей, то есть желанием дать оценку происходящему вокруг, а во-вторых, – гибкостью системы языка, позволяющей варьировать способы вербального выражения оценки. В противном случае на основе исходного текста возможно было бы создать только два вторичных текста: с положительной либо с отрицательной оценкой. Но количество производных текстов, появившихся как реакция на новостную статью, не ограничено и стремится к бесконечности, что объясняется вариативностью языковой способности личности и языковой системы. Данный подход предполагает учет деривационных характеристик текста, рассмотренных с позиций проявления персонных свойств личности. «Производство вторичных текстов имеет деривационный характер по той причине, что в его основе лежат процедуры свертывания и развертывания, коррелирующие с двумя взаимосвязанными речемыслительными процессами – восприятием и воспроизводством речевого сообщения» [10, с. 71; 11, с. 112].

Все вышеперечисленное позволяет рассматривать интернет-комментарии как продукты двух взаимосвязанных процессов: восприятия и интерпретации (или порождения), а также как персонотексты. По определению Н. Д. Голева, персонотекст – это текст, рассматриваемый в контексте проявления в нем персонных свойств личности [2, с. 7]. В интернет-комментариях читатель реализует свои языковые способности через ряд стратегий, на их выбор влияют ментальные и психологические характеристики человека. «Стратегический замысел определяет выбор средств и приемов его реализации, следовательно, речевая стратегия и речевая тактика связаны как род и вид» [12].

В данном исследовании предпринимается попытка анализа текстов интернет-комментариев с позиций реализации в них персонных свойств авторов комментариев. Основное внимание уделяется анализу стратегий, лежащих в основе восприятия исходной статьи и используемых языковой личностью для создания собственного продукта. «Восприятие ... текста в целом – сложный многоступенчатый акт, включающий в себя как бессознательные, интуитивные, так и осознанные мыслительные операции, строящийся на эмоциональном и рациональном постижении данной знаковой системы» [13]. В этой связи мы выделяем лингвоперсонологические стратегии восприятия текста на следующих основаниях:

- способ восприятия – это стратегический подход, используемый языковой личностью при работе с первичным текстом и его актуализация во вторичном тексте;
- уровень восприятия – это эмоциональный или рациональный уровень осмысления субъектом прочитанного;
- стиль восприятия – особая совокупность речевых элементов, приемов, используемых личностью в процессе восприятия исходного и создания собственного текстового

продукта, сформированная на основе импульсивного или рефлексивного опыта.

Анализ комментариев к интернет-статьям политической тематики на российских сайтах «Риа Новости», «Взгляд», а также на сайтах британских новостных изданий «The Independent», «The Guardian», позволил выявить ряд текстовых стратегий, рассмотренных в лингвоперсоналогическом аспекте, реализуемых на этапе восприятия первичного текста через конкретные речевые приемы – тактики. В продуктах письменно-речевой деятельности языковая личность реализует следующие стратегии восприятия:

1. Способ восприятия первичного текста. Холистическая и элементаристская стратегии.

«Интернет-комменты» являются опредмеченной реакцией на первичный текст, которая характеризуется спонтанностью ее выражения и отражает способ, которым личность читателя воспринимает прочитанное. Поэтому в данном аспекте можно говорить о двух основных стратегиях восприятия: фокус восприятия сосредоточен на общем смысле, читатель вычленяет главную идею, проблему, не обращая внимания на сопутствующие смыслы и проблемы, и реализует холистическую стратегию. Как правило, для холистической личности в речевой деятельности приемлемо использование ассоциаций, метафор и аналогий, например: *Вскрылся знойный нарыв, узнал весь мир где хакеры сидят*.

Иной способ восприятия характеризуется фрагментарностью, приоритетом частей, часто объектом восприятия служат отдельные смыслы, идеи и фразы. В данном случае этот способ находит свое выражение в комментарии через реализацию элементаристской стратегии восприятия. Для личности, воспринимающей информацию «снизу вверх», то есть от частей к целому, не характерно метафорическое мышление, в ее деятельности преобладает анализ, что иногда связано с доминированием левого полушария.

Продemonстрируем случаи реализации данных стратегий на примерах текстов комментариев, опубликованных на сайтах российских и британских газет:

The USA happily holds itself up as the greatest democracy on the planet, and they elected Donald Trump. (США счастливы быть величайшей демократической державой на планете, и она выбрали Дональда Трампа) [14].

В первом примере наблюдается действие холистической стратегии восприятия медиатекста. Стимулом для создания данного комментария послужила макротема, к которой отсылает статья под названием «EPA head Scott Pruitt denies that carbon dioxide causes global warming» (Глава Агентства по охране окружающей среды США Скотт Приуитт отрицает, что углекислый газ вызывает глобальное потепление), а именно вопрос общего плана, затрагивающий политику США. Автор комментария иронично характеризует не отдельного представителя, а политику страны в целом, используя тактики иронии и преувеличения *the greatest democracy on the planet*, таким образом, не заостряя внимание на конкретной новости, излагаемой в медиатексте.

Противоположная стратегия восприятия текста реализуется в интернет-текстах, комментирующих отдельные фрагменты новости-стимула. Рассмотрим следующий комментарий к той же статье. В данном тексте автор рефлексировал на ключевые слова из других реплик, в частности на понятие *democracy*. С помощью тактики противопоставления, он уточняет форму государственного управления,

таким образом проявляя элементаризм восприятия и реализуя соответствующую стратегию:

Not a Democracy, Constitutional Republic (Не демократия, а конституционная республика) [15].

Действие холистической и элементаристской стратегий восприятия наблюдается и в комментариях на русском языке. Например, в ленте обсуждений статьи «Пенс пообещал найти виновных в утечке материалов ЦРУ к WikiLeaks», часть комментариев эксплицируют обсуждение на уровне обобщений, как представлено в следующем тексте:

Змея пытается укунить свой хвост? А как же свобода и демократия? А как же неприкосновенность частной жизни? Надо записать дом Пенса, частную жизнь и опубликовать в интернете. Авось передумает [16].

В данном случае стимулом для комментария послужил «извечный» вопрос нарушения прав человека. Причем речевые тактики иронии и риторического вопроса в сочетании с анафорой демонстрируют склонность данной языковой личности к ассоциациям и сравнениям. Описанные тактики и речевые приемы указывают на правополушарный тип личности с преобладающим холистическим способом восприятия текста.

Элементаризм восприятия проявляется на уровне реализации соответствующей стратегии и характерен для русских комментаторов наряду с холистическими личностями. В следующем тексте-реакции можно наблюдать склонность автора использовать операционистский подход в процессе восприятия, а именно фокусировать свое внимание на таких составляющих, как отдельные факты, фразы и слова и в исходном тексте, и в других комментариях. Проиллюстрируем сказанное следующими комментариями:

Заметьте, он даже не отрицает факт прослушки и слежки [17].

Или:

«Речь идет об «одном из наиболее значительных случаев подрыва национальной безопасности». А если объективно, то в предложенном публике описании «способов наблюдения» и «инструментов для взлома компьютеров, мобильных телефонов и телевизоров» никакой смертельной угрозы для безопасности вроде бы нет [18].

В первом примере автор фактически комментирует одну деталь из исходного текста, а во втором рефлексия автора направлена на конкретные фразы из статьи. Данные тексты – результат действия элементаристских стратегий восприятия.

2. Уровень восприятия первичного текста. Рациональная и иррациональная стратегии.

Процесс восприятия текста является важной составляющей речемыслительной деятельности языковой личности, в которой задействованы разные области сознания, включая интуитивное, иррациональное и сознательное, рациональное. С позиций соционики, рациональный подход к окружающему и к себе самому заключается в «работе» с объектами, в качестве которых могут выступать и заимствованные идеи. Рациональная стратегия реализуется с помощью приемов анализа и констатации фактов, а также размышления, приемов сопоставления, сравнения, противопоставления. У иррациональных личностей имеется преувеличение параметров личностных жизненных процессов над параметрами форм конкретных объектов или самого субъекта. Иррациональная стратегия реализуется с помощью приемов апелляции к чувствам и эмоциям, выра-

жением преувеличенной личностной оценки, излишне категоричных суждений. Склонность языковой личности к рефлексии на интуитивном уровне, превалирование субъективного определяется по наличию в комментариях синтаксических конструкций и лексики, репрезентирующих субъективную модальность, например «показатели эвиденциальности» *якобы, будто бы, как будто, кажется, видимо, похоже* [19; 20].

В одном из текстов-реакций к политической статье «Сенатор от Крыма призвала признать ДНР и ЛНР» можно наблюдать использование иррациональной стратегии, реализуемой через категоричные высказывания в модусной части *трудно будет, пора закончить, разговаривать не будет, яркие эмоциональные сравнения и усилители точно, даже, однозначно*:

Я понимаю, что трудно будет признать эти республики. Но однозначно нужно их признавать и пора закончить этот беспредел и геноцид русских в собственной стране. Ведь сердце кровью обливается, гибнут люди, а так не должно быть)). Теперь Трамп точно с ВВ даже по телефону разговаривать не будет, иначе однозначно в отставку. С этим мальчиком дружить не надо, а то мама заругает! С такими правителями получат майдан в два счета, не пройдет и года! [21].

Наряду с приведенными примерами русских текстов в комментариях к статье на английском языке «Drive to replace UK-EU trade links with closer ties to Commonwealth» (Заменим торговлю с ЕЭС более тесным сотрудничеством со странами Содружества) также можно наблюдать действие иррациональной стратегии, реализуемой через тактики преувеличенно эмоциональных оценок в сочетании с описанием воображаемых сцен, категоричными отрицаниями, как в следующем примере:

Absolutely hilarious. I expect to see Mr Liam Fox heading out in a pith helmet. No one is going to give the UK a special deal. (Абсолютно потрясающе. Я ожидал увидеть Мистера Лайама Фокса, выдвигающегося в корсете. Никто не собирается связываться с СК) [22].

Напротив, рациональная стратегия восприятия реализована через использование цифровых данных для аргументации в другом комментарии к той же статье:

You can do trade with India from the EU, and even without the «advantage» of being a Commonwealth country. Exports to India in billion dollars:

UK 6

Germany 12

No no reason to leave the EU for trade with Commonwealth countries.

Вы можете торговать с Индией из Евросоюза, даже не будучи членом Содружества. Экспорт в Индию составляет (в млрд. долларов):

СК 6

Германия 12

Поэтому нет причин выходить из ЕЭС ради торговли со странами Содружества [23].

3. Стиль восприятия первичного текста. Импульсивная и рефлексивная стратегии.

Импульсивный стиль восприятия характеризуется спонтанностью реакции на прочитанный материал. Стремление языковой личности трансформировать рефлексию в вербализованный вариант превращается в стратегию, резуль-

татом действия которой являются разнообразные речевые тактики и приемы – эмотивные конструкции, высказывания-аллогизмы, а также эллиптические конструкции. Они практически лишены диктумной части, как, например, следующий комментарий к статье на портале «Риа Новости»: «Захарова потроллила посла США «опасностью» встреч с российскими дипломатами»:

Ай да Маша, ай да молодец! Так их, мерзавцев!!! [24].

Аналогичный пример – комментарий англоязычного пользователя:

Oh dear. Think of all those brown skinned people moving to the UK and taking 'your' jobs, houses, benefits. (О, дорогой. Подумай о всех темнокожих, переезжающих в Великобританию и отбирающих твою работу, дом, прибыль) [25].

Действие противоположной стратегии наблюдаем в другом тексте-реакции на ту же статью:

Мария Захарова - официальный представитель МИД РФ, а ведет себя как гопница - то калинку-малинку с платочком танцует, то шутит, как ей кажется - зло и остро... И удивляют комментарии- молодца... красавва... На такой должности серьезней надо быть – чем она лучше Псаки – та хоть милашка... [26].

Любопытно, что в данном тексте автор сообщения непоследователен в своем суждении, с одной стороны, наблюдается апелляция к аргументам и разуму *серьезнее надо быть*, а с другой стороны, в заключительной части текста он демонстрирует переход на уменьшительные номинации *та хоть милашка*. Данный пример эксплицирует вариативное действие стратегий и не подтверждает предположение о возможной корреляции между двумя стратегиями восприятия: иррациональной и импульсивной. Следовательно, в стратегическом плане возможно проявление асимметрии названных дихотомий: иррациональное – рациональное, импульсивное – рефлексивное.

Так, одновременное проявление иррационального и рационального в сочетании с рефлексивным стилем восприятия и, следовательно, реализацию рефлексивной стратегии можно наблюдать в комментариях к упомянутой выше статье из *The Guardian* «Drive to replace UK-EU trade links with closer ties to Commonwealth». Авторский стиль формируется на основе экспрессивности, выбора эмотивных конструкций типа *What a joke, Why on earth, What the hell* в сочетании с ретроспективой, представленной посредством анализа событий недавнего прошлого:

What a joke, pathetic...Long ago the 'Commonwealth' countries deserted the UK, to buy from Japan, China, Korea... Why on earth would they suddenly switch back to the old colonial master, and what the hell do we make that they'd want? Shortbread biscuits? Whisky? These Brexiters are such utter idiots. (Какая шутка, патетично... Давным-давно страны Содружества оставили СК ради торговли с Японией, Китаем, Кореей... Ради чего бы они внезапно вернулись к старому хозяину колониству, и какого черта мы выпускаем то, что им нужно? Песочное печенье? Виски? Эти сторонники «Брексита» откровенные идиоты) [27].

В данном микротексте прослеживается анафорическое моделирование текста с помощью эмфатических конструкций, что позволяет проследить реализацию иррациональной стратегии восприятия. Наличие целого ряда вопросительных предложений, на первый взгляд, говорит об импульсивном типе восприятия и соответствующей страте-

гии, но в противоположность этому, указывает на тенденцию к объяснительному размышлению и рациональности, что подтверждают факты, приводимые автором.

Суммируя все вышеизложенное, можно сделать вывод об обусловленности вариативности вторичных текстов-комментариев особенностями персониферы авторов. Интернет-комментарии к политическим статьям являются результатом интерпретационной деятельности рядовых носителей языка, реализующих ряд стратегий, различающихся в зависимости от способа восприятия первичного текста, от уровня

восприятия и от типа восприятия. Оппозиции *рационально-иррациональное* и импульсивное-рефлексивное могут асимметрично проявляться в пределах одного текста, что говорит о многоуровневой структуре языковой личности. Тем не менее анализ текстов-комментариев к статьям политической тематики демонстрирует корреляцию между письменной-речевой деятельностью и особенностями персониферы автора, что наиболее ярко проявляется в спонтанных интернет-текстах.

Литература

1. Оленев С. В., Лебедева Н. Б., Ким Л. Г., Шелепова Л. И., Араева Л. А., Орлова Н. В., Напреенко Г. В., Болотнова Н. С., Болотнов А. В., Антипов А. Г., Башкова И. В., Булгакова О. А., Евпак Е. В., Евсеева И. В., Киркинская Т. И., Колмогорова А. В., Курьянович А. В., Напреенко Г. В., Орлова Н. В., Чабаненко М. Г., Шкуропацкая М. Г., Шпильная Н. Н., Савельева И. В., Сухотерина Т. П. Языковая личность: моделирование, типология, портретирование. Сибирская лингвоперсонология / ред. Н. В. Мельник, Н. Д. Голев. М.: Ленанд, 2016. Ч. 2. 432 с.
2. Башкова И. В. Лингвоперсонология // Эффективное речевое общение (базовые компетенции): словарь-справочник. Электронное издание. 2-е изд., перераб. и доп.; Сибирский федеральный университет / под ред. А. П. Сковородникова. Красноярск, 2014. С. 281–282. Режим доступа: <http://elibrary.ru/item.asp?id=24493285> (дата обращения: 20.03.2017).
3. Попова О. А., Денисова О. А., Денисова Э. С., Оленев С. В., Паули Ю. С., Прокудина И. С., Шпильная Н. Н., Татаринцева Е. Н., Артемова Т. В., Аввакумова Е. А., Киркинская Т. И., Иванцова Е. В. Лингвоперсонология и личностно-ориентированное обучение языку: учеб. пособие / ред. Н. В. Голев; отв. ред. Н. В. Мельник. Кемерово, 2009. 384 с.
4. Голев Н. Д. Лингвоперсонологическая гипотеза языковой системности / отв. ред. У. М. Трофимова // Общетеоретические и типологические проблемы языкознания; Алтайская государственная академия образования имени В. М. Шукшина. Бийск, 2014. С. 6–12.
5. Мельник Н. В. Деривация русского текста: Лингвистические и персонологические аспекты. М.: Ленанд, 2014. 280 с.
6. Савельева И. В. Вариативность стратегий текстовосприятия и текстопорождения: лингвоперсонологический аспект (на материале текстов политических интернет-комментариев): монография. Кемерово: Кемеровский государственный университет, 2015. 220 с.
7. Савельева И. В. Современный политический дискурс и проявление его особенностей в жанре интернет-комментария к политической статье // Имплицитные и эксплицитные стратегии в восточноевропейском политическом дискурсе: материалы российской секции международной конференции «Ain't misbehavin'? Implicit and explicit strategies in Eastern European political discourse» / под ред. А. П. Чудинова, Э. В. Будаева; Цюрихский университет. Екатеринбург: УрГПУ, 2014. С. 133–141.
8. Герасимова А. С. Стратегия оценивания и ее тактики (на примере оценочных высказываний членов жюри телепроекта «Голос») // Экология языка и коммуникативная практика. 2015. № 1. С. 188–197. Режим доступа: <http://ecoling.sfu-kras.ru/wp-content/uploads/2015/04/Gerasimova-A.S.pdf> (дата обращения: 03.02.2017).
9. Сидорова М. Ю. Интернет-лингвистика: русский язык. Межличностное общение: монография. М.: 1989.ру, 2006. 193 с.
10. Мельник Н. В. Дериватологическая интерпретация вторичных текстов разных типов // Вестник Челябинского государственного университета. Серия Филология. Искусствоведение. 2012. № 13(268). С. 69–73.
11. Сайкова (Мельник) Н. В. Лингвоперсонологический анализ вторичного текста // Филологические науки. 2009. № 3. С. 110–117.
12. Ыйм Х. Я. Прагматика речевого общения // Теория и модели знаний: Труды по искусственному интеллекту. Тарту, 1985. С. 196–207.
13. Елина Е. А. Семиотика рекламы: учебное пособие. М.: Дашков и К, 2009. 136 с. Режим доступа: http://www.libma.ru/delovaja_literatura/semiotika_reklamy/index.php (дата обращения: 17.02.2017).
14. EPA head Scott Pruitt denies that carbon dioxide causes global warming // The Guardian. Comment from 10.03.2017. 3:12. Available at: <https://www.theguardian.com/environment/2017/mar/09/epa-scott-pruitt-carbon-dioxide-global-warming-climate-change> (дата обращения: 09.03.2017).
15. EPA head Scott Pruitt denies that carbon dioxide causes global warming // The Guardian. Comment from 10.03.2017. 3:46. Режим доступа: <https://www.theguardian.com/environment/2017/mar/09/epa-scott-pruitt-carbon-dioxide-global-warming-climate-change> (дата обращения: 10.03.2017).
16. Пенс пообещал найти виновных в утечке документов ЦРУ // РИА Новости. Комментарий от 10.03.2017. 8:59. Режим доступа: <https://ria.ru/world/20170310/1489680382.html> (дата обращения: 10.03.2017).

17. Пенс пообещал найти виновных в утечке документов ЦРУ // РИА Новости. Комментарий от 10.03.2017. 7:43. Режим доступа: <https://ria.ru/world/20170310/1489680382.html> (дата обращения: 10.03.2017).
18. Пенс пообещал найти виновных в утечке документов ЦРУ // РИА Новости. Комментарий от 10.03.2017. 7:38. Режим доступа: <https://ria.ru/world/20170310/1489680382.html> (дата обращения: 10.03.2017).
19. Падучева Е. В. Модальность // Проект «Русская корпусная грамматика». 2016. Режим доступа: <http://rusgram.ru/Модальность> (дата обращения: 05.01.2017).
20. Коломиец С. В., Медведева Е. В. Категория модальности в дискурсивном пространстве фэнтези (на материале произведений А. Нортон) // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 2-2. С. 269.
21. Сенатор от Крыма призвала признать ДНР и ЛНР // РИА Новости. Комментарий от 09.03.2017. 8:23. Режим доступа: (дата обращения: 09.03.2017).
22. Drive to replace UK-EU trade links with closer ties to Commonwealth // The Guardian. Comment from 11.03.2017. 1:28. Режим доступа: <https://www.theguardian.com/global-development/2017/mar/10/drive-to-replace-eu-trade-links-with-closer-ties-to-commonwealth-economies> (дата обращения: 10.03.2017).
23. Drive to replace UK-EU trade links with closer ties to Commonwealth // The Guardian. Comment from 11.03.2017. 1:41. Режим доступа: <https://www.theguardian.com/global-development/2017/mar/10/drive-to-replace-eu-trade-links-with-closer-ties-to-commonwealth-economies> (дата обращения: 10.03.2017).
24. Захарова потроллила посла США «опасностью» встреч с российскими дипломатами // РИА Новости. Комментарий от 03.03.2017. 15:16. Режим доступа: <https://ria.ru/politics/20170303/1489201484.html> (дата обращения: 03.03.2017).
25. Drive to replace UK-EU trade links with closer ties to Commonwealth // The Guardian. Comment from 11.03.2017. 1:31. Режим доступа: <https://www.theguardian.com/global-development/2017/mar/10/drive-to-replace-eu-trade-links-with-closer-ties-to-commonwealth-economies> (дата обращения: 10.03.2017).
26. Захарова потроллила посла США «опасностью» встреч с российскими дипломатами // РИА Новости. Комментарий от 03.03.2017. 14:48. Режим доступа: ria.ru/politics/20170303/1489201484.html (дата обращения: 03.03.2017).
27. Drive to replace UK-EU trade links with closer ties to Commonwealth // The Guardian. Comment from 11.03.2017. 1:32. Режим доступа: <https://www.theguardian.com/global-development/2017/mar/10/drive-to-replace-eu-trade-links-with-closer-ties-to-commonwealth-economies> (дата обращения: 10.03.2017).

LINGUOPERSONOLOGICAL STRATEGIES OF TEXT PERCEPTION (CASE STUDY OF INTERNET COMMENTS TO POLITICAL DISCOURSE)

Natal'ia V. Mel'nik^{1, @1}, Irina V. Savel'eva^{1, @2}

¹ Kemerovo State University, 6, Krasnaya St., Kemerovo, Russia, 650000

@1 saikova@mail.ru

@2 saviren1973@mail.ru

Received 05.04.2017. Accepted 21.09.2017.

Keywords: linguistic personology, language person, personotext, perception strategies, perception mode, perception level, perception type, Internet comment, political news story.

Abstract: The paper presents a description of perceptive strategies employed by the authors of Internet comments to political discourse. The correlation of the news story and the comments is seen in the linguopersonological perspective. The online comments are generically secondary texts if referred to the political news story considered to be a primary text and hence, they reflect certain features of the primary text. The paper deals with the analysis of text perception, and the authors give a classification of the strategies according to perception mode (holist vs serialist strategies), perception level (rational vs irrational strategies) and perception type (impulse vs reflection strategies). The implementation of the strategies revealed is shown through the analysis of online comments on Russian news website “Ria” and English websites “The Guardian” and “The Independent”. The strategically constructed analysis of Internet comments to political discourse enables the authors to assume that within a single microtext the simultaneous implementation of two opposed strategies may sometimes occur due to the complex structure of a language person in general and a language person of internet commentator in particular.

For citation: Mel'nik N. V., Savel'eva I. V. Lingvopersonologicheskie strategii vospriiatiia teksta (na materiale internet-kommentariiev k politicheskim stat'iam) [Linguopersonological Strategies of text Perception (Case Study of Internet Comments to Political Discourse)]. *Bulletin of Kemerovo State University*, no. 4 (2017): 197–204. DOI:10.21603/2078-8975-2017-4-197-204.

References

1. Olenov S. V., Lebedeva N. B., Kim L. G., Shelepova L. I., Araeva L. A., Orlova N. V., Napreenko G. V., Bolotnova N. S., Bolotnov A. V., Antipov A. G., Bashkova I. V., Bulgakova O. A., Evpak E. V., Evseeva I. V., Kirkinskaia T. I., Kolmogorova A. V., Kur'ianovich A. V., Napreenko G. V., Orlova N. V., Chabanenko M. G., Shkuropatskaia M. G., Shpil'naia N. N., Savel'eva I. V.,

Sukhoterina T. P. *Iazykovaia lichnost': modelirovanie, tipologiya, portretirovanie. Sibirskaia lingvopersonologiya* [Language Person: Modelling, Taxonomy, Portraying. Siberian Linguopersonology]. Ed. Mel'nik N. V., Golev N. D. Moscow: Lenand, part 2 (2016): 432.

2. Bashkova I. V. Lingvopersonologiya [Linguopersonology]. *Effektivnoe rechevoe obshchenie (bazovye kompetentsii)* [Effective Speech Communication (basic competences)]. 2nd ed. Ed. Skovorodnikov A. P. Krasnoyarsk, 2014, 281–282. Available at: http://elibrary.ru/download/elibrary_24548681_81935403.pdf (accessed 20.03.2017).

3. Popova O. A., Denisova O. A., Denisova E. S., Olenov S. V., Pauli Iu S., Prokudina I. S., Shpil'naia N. N., Tatarintseva E. N., Artemova T. V., Avvakumova E. A., Kirkinskaia T. I., Ivantsova E. V. *Lingvopersonologiya i lichnostno-orientirovannoe obuchenie iazyku* [Linguistic Personology and Individually Oriented Language Teaching: Course Book]. Ed. Golev N. V., Mel'nik N. V. Kemerovo, 2009, 384.

4. Golev N. D. Lingvopersonologicheskaya gipoteza iazykovoi sistemnosti [Linguopersonology Hypothesis of Language Systemacy]. *Obshcheteoreticheskie i tipologicheskie problemy iazykoznanii* [General Issues Of Language Theory and Typology]. Ed. Trofimova U. M. Biisk, 2014, 6–12.

5. Mel'nik N. V. *Derivatsiya russkogo teksta: Lingvisticheskie i personologicheskie aspekty* [Russian Text Derivation Studies: Linguistic and Personology Approaches]. Moscow: Lenand, 2014, 280.

6. Savel'eva I. V. *Variativnost' strategii tekstovospriiatiia i tekstoporozhdeniia: lingvopersonologicheskii aspekt (na materiale tekstov politicheskikh internet-kommentariiev)* [Variability of Text Perception and Text Generation Strategies: Linguopersonology Approach (Case Study of Political Internet Comments)]. Kemerovo: Kemerovskii gosudarstvennyi universitet, 2015, 220.

7. Savel'eva I. V. Sovremennyi politicheskii diskurs i proiavlenie ego osobennostei v zhanre internet-kommentariia k politicheskoi stat'e [Modern Political Discourse and Its Peculiarities in the Genre of Internet Comment]. *Implitsitnye i eksplitsitnye strategii v vostochnoevropeskom politicheskom diskurse: materialy rossiiskoi sektsii mezhdunarodnoi konferentsii «Ain't misbehavin'»? Implicit and explicit strategies in Eastern European political discourse*. Ed. Chudinov A. P., Budaev E. V. Ekaterinburg: UrGPU, 2014, 133–141.

8. Gerasimova A. S. Strategiya otsenivaniia i ee taktiki (na primere otsenochnykh vyskazyvaniy chlenov zhiuri teleproekta «Golos») [Evaluation Strategy and its Tactics (based on the TV Show “Voice” jury's evaluative discourse)]. *Ekologiya iazyka i kommunikativnaya praktika = Ecology of Language and Communicative Practice*, no. 1 (2015): 188–197. Available at: <http://ecoling.sfu-kras.ru/wp-content/uploads/2015/04/Gerasimova-A.S.pdf> (accessed 03.02.2017).

9. Sidorova M. Iu. *Internet-lingvistika: russkii iazyk. Mezhluchnostnoe obshchenie* [Internet linguistics: the Russian language. Interpersonal Communication]. Moscow: 1989.ru, 2006, 193.

10. Mel'nik N. V. Derivatologicheskaya interpretatsiya vtorichnykh tekstov raznykh tipov [Derivatology Interpretation of Various Secondary Texts]. *Vestnik Cheliabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Filologiya. Iskusstvovedenie = Cheliabinsk State University Bulletin. Philology. Arts*, no. 13(268) (2012): 69–73.

11. Saikova (Mel'nik) N. V. Lingvopersonologicheskii analiz vtorichnogo teksta [Linguopersonological Analysis of Secondary Text]. *Filologicheskie nauki = Philological Sciences*, no. 3 (2009): 110–117.

12. Yim Kh. Ia. Pragmatika rechevogo obshcheniia [Speech Interaction Pragmatics]. *Teoriia i modeli znaniy: Trudy po iskusstvennomu intellektu* [The Theory and Frames of Knowledge: Artificial Intelligence Papers]. Tartu, 1985, 196–207.

13. Elina E. A. *Semiotika reklamy* [The Semiotics of Advertising]. Moscow: Dashkov and Co, 2009, 136. Available at: http://www.libma.ru/delovaya_literatura/semiotika_reklamy/index.php (accessed: 17.02.2017).

14. EPA head Scott Pruitt denies that carbon dioxide causes global warming. *The Guardian*. Comment from 10.03.2017. 3:12. Available at: <https://www.theguardian.com/environment/2017/mar/09/epa-scott-pruitt-carbon-dioxide-global-warming-climate-change> (accessed 09.03.2017).

15. EPA head Scott Pruitt denies that carbon dioxide causes global warming. *The Guardian*. Comment from 10.03.2017. 3:46. Available at: <https://www.theguardian.com/environment/2017/mar/09/epa-scott-pruitt-carbon-dioxide-global-warming-climate-change> (accessed 10.03.2017).

16. Pens poobeshhal naiti vinovnykh v utechke dokumentov CRU [Pence has promised to find those responsible for leaking materials to WikiLeaks, CIA]. *RIA News*. Comment from 10.03.2017. 8:59. Available at: <https://ria.ru/world/20170310/1489680382.html> (accessed 10.03.2017).

17. Pens poobeshhal naiti vinovnykh v utechke dokumentov CRU [Pence has promised to find those responsible for leaking materials to WikiLeaks, CIA]. *RIA News*. Comment from 10.03.2017. 7:43. Available at: <https://ria.ru/world/20170310/1489680382.html> (accessed 10.03.2017).

18. Pens poobeshhal naiti vinovnykh v utechke dokumentov CRU [Pence has promised to find those responsible for leaking materials to WikiLeaks, CIA]. *RIA News*. Comment from 10.03.2017. 7:38. Available at: <https://ria.ru/world/20170310/1489680382.html> (accessed 10.03.2017).

19. Paducheva E. V. Modal'nost' [Modality]. *Proekt «Russkaia korpusnaia grammatika»* [“Russian Corpus Grammar” Project]. 2016. Available at: rusgram.ru/Модальность (accessed 05.01.2017).

20. Kolomiets S. V., Medvedeva E. V. Kategoriya modal'nosti v diskursivnom prostranstve fentezi (na materiale proizvedeniia A. Norton) [Modality in Fantasy Discourse (case study of Norton's Fiction)]. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniia = Modern problems of science and education*, no. 2-2 (2015): 269.

21. Senator ot Kryma prizvala priznat' DNR i LNR [Crimea Head Asked to Recognize DPR and LPR]. *RIA News*. Comment from 09.03.2017. 8:23. Available at: <https://ria.ru/politics/20170307/1489464552.html> (accessed 09.03.2017).

22. Drive to replace UK-EU trade links with closer ties to Commonwealth. *The Guardian*. Comment from 11.03.2017. 1:28. Available at: <https://www.theguardian.com/global-development/2017/mar/10/drive-to-replace-eu-trade-links-with-closer-ties-to-commonwealth-economies> (accessed 10.03.2017).

23. Drive to replace UK-EU trade links with closer ties to Commonwealth. *The Guardian*. Comment from 11.03.2017. 1:41. Available at: <https://www.theguardian.com/global-development/2017/mar/10/drive-to-replace-eu-trade-links-with-closer-ties-to-commonwealth-economies> (accessed 10.03.2017).

24. Zakharova potrollila posla SShA «opasnost'iu» vstrech s rossiiskimi diplomatami [Zakharova Warns US Ambassador about the Risks of Talking to Russian Diplomats]. *RIA News*. Comment from 03.03.2017. 15:16. Available at: <https://ria.ru/politics/20170303/1489201484.html> (accessed 03.03.2017).

25. Drive to replace UK-EU trade links with closer ties to Commonwealth. *The Guardian*. Comment from 11.03.2017. 1:31. Available at: <https://www.theguardian.com/global-development/2017/mar/10/drive-to-replace-eu-trade-links-with-closer-ties-to-commonwealth-economies> (accessed 10.03.2017).

26. Zakharova potrollila posla SShA «opasnost'iu» vstrech s rossiiskimi diplomatami [Zakharova Warns US Ambassador about the Risks of Talking to Russian Diplomats]. *RIA News*. Comment from 03.03.2017. 14:48. Available at: <https://ria.ru/politics/20170303/1489201484.html> (accessed 03.03.2017).

27. Drive to replace UK-EU trade links with closer ties to Commonwealth. *The Guardian*. Comment from 11.03.2017. 1:32. Available at: <https://www.theguardian.com/global-development/2017/mar/10/drive-to-replace-eu-trade-links-with-closer-ties-to-commonwealth-economies> (accessed 10.03.2017).

УДК 81'367; 81'367.6

ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О ЧАСТЯХ РЕЧИ В РОССИЙСКОЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ НАУКЕ

Дмитрий А. Самарин^{1, @}¹ Северо-Восточный федеральный университет им. М. К. Аммосова, Россия, 677000, Якутск, ул. Белинского, 58
@d.samarin.2015@mail.ru

Поступила в редакцию 27.07.2017. Принята к печати 14.11.2017.

Ключевые слова: часть речи, имя, глагол, синтаксис, предложение, грамматическая категория, знаменательные слова, служебные слова.**Аннотация:** В статье рассматриваются этапы развития представлений о частях речи в российской лингвистике. Цель данного исследования состоит в анализе и сопоставлении подходов в концепциях различных отечественных учёных-языковедов к выделению частей речи. Несмотря на то, что классификация слов в языках по частям речи имеет очень давнюю историю, восходящую ещё к античным грамматикам, и в русском языке в разные этапы его развития интерес к проблеме частей речи никогда не угасал. Аналитический обзор исследований, посвящённых данному аспекту, продемонстрировал, что теория частей речи в лингвистической науке имеет выраженный диалектический характер. В данной связи исследование происхождения и развития русских частей речи особо актуально для изучения не только русского языка, но и теории языка в целом. Как показывает данное исследование, в процессе выделения частей речи в русском языке менялись как их число, так и их статус. Обзор их эволюции в грамматических концепциях российских учёных представляется важным для понимания места этой категории в морфологической системе грамматики. Теоретическая значимость статьи заключается в раскрытии методов изучения частей речи и их интерпретации. Результаты проведённого исследования могут найти применение при подготовке курсов лекций и проведении семинарских занятий по общему языкознанию, истории языкознания, истории языка и теоретической грамматике.**Для цитирования:** Самарин Д. А. История развития представлений о частях речи в российской лингвистической науке // Вестник Кемеровского государственного университета. 2017. № 4. С. 205–210. DOI:10.21603/2078-8975-2017-4-205-210.

Слова в языке делятся на крупные разряды, называемые частями речи. Эта традиция берёт начало ещё с античных грамматик древнегреческих и латинских авторов. Часть речи (калька с лат. *pars orationis* и др.-греч. *μέρος τοῦ λόγου*) представляет собой категорию слов, обуславливаемую их морфологическими и синтаксическими характеристиками. В основе частеречной классификации многих языков мира находятся, прежде всего, имя (подразделяемое на существительное, прилагательное и т. п.) и глагол. Наряду с этим выделяются самостоятельные и служебные части речи.

Части речи представляют собой универсальную категорию. В статье «Части речи как способ отражения образа мира в языке (в аспекте изучения русского языка как иностранного)» О. И. Шарафутдинова обращала внимание на этот факт: «В каждом языке имеется система взаимосвязанных грамматических категорий, которые разнообразны по своему характеру и объёму» [1, с. 10]. Особый интерес поэтому представляют собой градации частей речи в русском языке и подходы к её установлению. В данной связи рационально рассмотреть в диахроническом (хронологическом) аспекте концепции наиболее выдающихся российских учёных-языковедов в их отношении к частям речи.

Формирование современной концепции частей речи русского языка прошло долгий и непростой путь. Начало их выделения в России было положено ещё до работ Михаила Васильевича Ломоносова (1711–1765). Все части речи сам автор «Российской грамматики» (1755) делил на две части: главные и служебные, далеко неравнозначные по числу компонентов. К главным (знаменательным) частям речи он

отнёс две – имя и глагол. Остальные шесть – местоимение, причастие, наречие, предлог, союз и междометие – были отнесены к служебным частям речи. Первый русский учёный констатировал: «Эти части слова, две главные, и шесть вспомогательных или служебных, должны быть по своей необходимости во всяком языке» [2, с. 26]. Больше число этих разрядов он фактически считал излишним. Теория частей речи М. В. Ломоносова согласуется с учением о восьми частях речи в античных грамматиках. Основные положения его грамматической системы были восприняты и разработаны в теориях последующих поколений российских лингвистов.

Иван (Ян) Орнатовский (род. в 1783/1784 г.), в отличие от М. В. Ломоносова, выделял в своей системе частей речи ещё один класс. В книге «Новейшее начертание правил российской грамматики, на началах всеобщей основанных» он поэтому отметил: «Российский язык имеет девять таких частей речи: I. Имя (*nomen substantivum*); II. Слово прилагательное (*vox adiectiva*); III. Слово числительное (*vox numerativa*); IV. Местоимение (*pronomen*); V. Глагол (*verbum*); VI. Наречие (*adverbium*); VII. Предлог (*praepositio*); VIII. Союз (*conjunctio*) и IX. Междометие (*interjectio*)» [3, с. 50]. Учёный, таким образом, уже выделил имя числительное, обозначающее количество предметов, из общего разряда имени, придав ему этим обособленный статус.

В «Русской грамматике» (1831) Александра Христофоровича Востокова (1781–1864) были сохранены традиционные восемь частей речи, известные ещё по ломоносовской грамматике. Но из имени как особая часть речи

выделено имя прилагательное. Учёный подчеркнул в своём труде: «Прилагательное имя есть разряд словъ, показывающий *признаки* предмета» [4, с. 28]. Далее он указывал, что это имя разделяется на качественное, изображающее качество; притяжательное, изображающее принадлежность, относительное, изображающее зависимость; числительное, изображающее счёт, а, кроме того, ещё и действительное, изображающее действие или состояние. В соответствии с этой классификацией, к разряду имён прилагательных у А. Х. Востокова также были отнесены современные имена числительные и причастия.

Итак, с грамматической теории А. Х. Востокова категория именных частей речи имеет свой законченный вид. Характеризуя нынешнее отношение к этой категории, З. Ф. Юсупова в статье «Проблемы соотношения научной и школьной грамматики (на примере именных частей речи)» отмечала, что в школьном курсе русского языка именные части речи изучаются с традиционной точки зрения, представлены именами существительными, прилагательными, числительными и местоимениями [5, с. 143]. За прошедший со времени создания «Русской грамматики» период времени их число не изменилось.

Фёдор Иванович Буслаев (1818–1898) в «Опыте исторической грамматики русского языка» (1858) посвятил учению о частях речи вторую часть – «Синтаксис». Он выделил в ней столько же частей речи, сколько и И. Орнатовский: «В языке девять частей речи, а именно: глагол, местоимение, имя существительное, имя прилагательное, имя числительное, наречие, предлог, союз и междометие» [6, с. 43]. Эти части речи он привычно делил на знаменательные и служебные. Специфичной чертой грамматики Ф. И. Буслаева, тем не менее, является отнесение вспомогательных глаголов к служебным словам.

В книге «Из записок по русской грамматике» (1874) Александра Афанасьевича Потебни (1835–1891), в отличие от предшественников, имеются лишь отдельные замечания о частях речи. При этом они проходят в сравнении с членами предложения, например: «Глагол, относящий своё лексическое содержание к грамматическим понятиям совершенности, несовершенности и степеней длительности, не есть тот глагол, который не знает этих категорий. Точно так изменчивое множество понятий заключается в отвлечении, которое мы называем «имя» [7, с. 101]. При изменении частных грамматических категорий в количественном и качественном плане меняется предложение. Девять частей речи учёный разделил на вещественные или лексические (знаменательные) и формальные (служебные). К первым из них харьковский лингвист отнёс имя существительное, имя прилагательное, имя числительное, глагол и наречие, а ко вторым – союзы, предлоги, частицы и вспомогательные глаголы. Исходя из этого, последователи А. А. Потебни вообще сократили число частей речи до четырёх.

Для Ивана Александровича Бодуэна де Куртенэ (1845–1929) части речи представляли собой внеязыковые представления, выраженные грамматическими средствами. И так как проблему определения частей русско-польский учёный не считал главной, его взгляды на неё были разбросаны в разных работах. В этом плане его позицию можно сравнить с взглядами А. А. Потебни. Но, например, в «Подробной программе лекций в 1876–77 уч. году» он решительно подчеркнул одну из задач синтаксиса: «Объяснение различия

частей речи как составных частей предложения» [8, с. 100]. Очевидно, что в подобном духе русско-польский языковед и рассматривал части речи. В монографии Ю. Л. Ситько по этому поводу указано: «Недостаток материала по нашему вопросу в трудах самого Бодуэна мы вынуждены восполнять анализом представлений его учеников (в первую очередь проф. В. А. Богородицкого), предполагая, что они в значительной степени соотносятся с взглядами учителя, являясь их систематическим продолжением» [9, с. 65]. Несмотря на этот факт, позиция В. А. Богородицкого в отношении частей речи отличалась от системы И. А. Бодуэна де Куртенэ.

В курсе «Сравнительное языковедение» (1901–1902) Филипп Фёдорович Фортунатов (1848–1914) изложил формально-грамматическое воззрение на части речи. В этом труде он писал: «В отдельных словах языка различаются слова полные, слова частичные и междометия» [10, с. 114]. Деление на части речи в российских и зарубежных грамматиках, унаследованное от древних, учёный считал ненаучным из-за смешения в нём грамматических и неграмматических классов слов. Именам числительным и местоимениям этот оригинальный учёный почти не нашёл места в своей классификации.

Василий Алексеевич Богородицкий (1857–1941) был уверен в незавершённости эволюции частей речи. В «Лекциях по общему языковедению» он сделал краткий обзор их образования с учётом сравнительно-грамматических данных. Выделив всего 12 частей речи, в 11-ой лекции «Морфологический анализ слов в психологическом освещении» казанский исследователь писал: «Прежде всего они группируются в два наиболее крупных раздела: 1) слова, служащие для обозначения умственных представлений и 2) слова эмоциональные» [11, с. 158]. Первый раздел состоит из а) слов с собственным значением и б) слов без собственного значения (формальных). Слова с собственным значением делятся на самостоятельные (имена существительные, личные местоимения и глаголы) и подчинённые (имена прилагательные (причастия), определительные-указательные местоимения и наречия (деепричастия)). К формальным словам относятся предлоги, союзы и частицы. Эмоциональные слова – это междометия. И. А. Бодуэн де Куртенэ критично отзывался об этой системе, считая, что В. А. Богородицкий смешал в ней морфологический, синтаксический, семасиологический и лексический принципы [12, с. 47]. Столь подробную градацию русско-польский учёный считал излишней.

В теориях Ф. Ф. Фортунатова и В. А. Богородицкого обращает на себя внимание обособленное положение междометий. Это неслучайно. А в соответствии с одной из наиболее ранних теорий, поддерживавшейся Я. Гриммом, Ж.-Ж. Руссо, Ч. Дарвином и другими учёными, именно с междометиями связано происхождение и первых слов. С этой стороны части речи можно рассматривать и как когнитивную категорию в языке. В статье «Естественные концепты и части речи» В. А. Гуреев в этой связи подчёркивал: «Последние рассматривались в качестве недифференцированных языковых образований, передающих самые различные «состояния души» человека» [13, с. 94]. Другой современный исследователь В. А. Иванов в работе «Употребление междометий в функции других частей речи в русском языке» писал: «В академических грамматиках русского языка междометия определяются

как неизменяемые слова, выражающие (но не называющие) эмоции или волеизъявления» [14, с. 36]. В такой функции междометия известны в наше время.

Алексей Александрович Шахматов (1864–1820) своё учение о частях речи изложил в «Синтаксисе русского языка» (1913). Один этот факт говорит о том, что понятие частей речи было отнесено им к сфере действия синтаксиса. Об этом свидетельствует и следующая формулировка: «Слово в его отношении к предложению или вообще к речи определяется в грамматике как часть речи» [15, с. 420]. Всего он выделял четырнадцать знаменательных, незначащих и служебных частей речи.

Александр Матвеевич Пешковский (1878–1933) в «Русском синтаксисе в научном освещении» не дал систематического рассмотрения частей речи, хотя в нём и есть раздел под таким названием. Все категории частей речи учёный рассматривал в синтаксическом разрезе. Синтаксическими для части речи он называл категории, грамматические значения которых выбираются в зависимости от сочетаемых с ними слов, а несинтаксическими, напротив, – такие, грамматические значения которых зависят от намерений говорящего. Учёный признавал только четыре части речи, указанные в его труде: «Имя существительное, имя прилагательное, глагол и наречие являются основными частями речи и основными грамматическими категориями её» [16, с. 102]. Остальные части речи он распределял между этими классами. За подлинно революционным подходом А. М. Пешковского в процессе такого решительного сокращения числа частей речи в русском языке скрывается его следование формализму школы Ф. Ф. Фортунатова, учеником которого он и был.

Лев Владимирович Щерба (1880–1944) считал удобным классификационный характер разделов о частях речи в российских грамматиках, хотя в них и игнорировалась часть слов, относящихся к разрядам наречий (которые он называл частицами). По этой причине части речи учёный делил на две соотносительные категории: знаменательные и служебные слова (статья «О частях речи в русском языке»). Первые из них, с самостоятельным значением, могут распространять слова и их сочетания: я хожу – я хожу кругом; они имеют фразовое ударение. В отличие от них, служебные слова выражают лишь связь между предметами мысли и неспособны распространять слова: *на, при, в, и, чтобы, быть, стать* (связки); у них нет ударения (кроме выделения слов по контрасту – *он не только был вкусный, но и будет вкусный*). Исследователь замечал: «Отнюдь не следует считать признаком служебных слов их неизменяемость, так как некоторые служебные слова изменяются, как например связки (спрягаются), относительные, какой (склоняются и изменяются по родам)» [17, с. 82–83]. С категорией знаменательных слов соотносимы более частные категории имён существительных и прилагательных, наречий, глаголов и иных частей речи. Неизменяемые слова, не относящиеся ни к какой из названных категорий, Л. В. Щерба причислял к выделенной им категории *состояния* (слова типа можно, нельзя и т. п.). Характеризуя систему частей речи ленинградского учёного, С. Кемпген отмечал «Эта работа не так интересна по причине своей частеречной классификации русского языка, ср. рис. 5, а, напротив, из-за теоретических положений автора» [18, S. 93]. С учётом специфики трёхчастного деления частей речи Л. В. Щербой (междометия – знаменатель-

ные слова – служебные слова) немецкий учёный считал его подход к систематизации скорее непоследовательным.

Система частей речи у Ивана Ивановича Мещанинова (1883–1967), как и у А. М. Пешковского, носила ярко выраженный синтаксоцентрический характер, вследствие чего морфологические категории (части речи) он выводил из синтаксических (членов предложения). Глава III книги И. И. Мещанинова «Члены предложения и части речи» даёт полное представление о его классификации частей речи – в ней 16 категорий (это в четыре раза больше, чем у А. М. Пешковского). В ней он писал о проявлении черт языка в основных, характеризующих свойствах частей речи, что отличает их от членов предложения как передатчиков в грамматическом строе предложения выделяемых понятийных категорий высказываний: «В частях же речи отражаются не одни только эти оттенки, присущие членам предложения, которые передаются ими в словесной форме. Части речи, кроме того, разнообразятся и своими свойствами» [19, с. 201]. Своей обширной классификацией учёный планировал охватить все языки (в одних частях речи может быть больше, в других – меньше).

Виктор Владимирович Виноградов (1895–1969) применял термин «часть речи» к разрядам слов с номинативной функцией. В объёмном труде «Русский язык. Грамматическое учение о слове» он писал: «Части речи прежде всего распадаются на две большие серии слов, отличающихся одна от другой степенью номинативной самостоятельности, системами грамматических форм и характером синтаксического употребления» [20, с. 44]. Кроме 7 традиционных частей речи он выделил 6 дополнительных. Его деление слов на «основные структурно-семантические типы»: 1) части речи (знаменательные слова), 2) частицы речи (служебные слова), 3) модальные слова и частицы, 4) междометия – и обоснование выделения модальных слов и «категории состояния» (вслед за его учителем, Л. В. Щербой) содействовало развитию диспута о принципах выделения частей речи в разных языках. Т. Брунс считал работу русского языковеда переработкой идей А. А. Шахматова и Л. В. Щербы, заявив: «Виноградов спланировал новый каталог лингвистических исследовательских дисциплин и разработал новую систематику частей речи, добавив к ним так называемые речевые частицы, модальные слова и слова состояния, категоризацию, которая по существу удерживается до нынешнего дня» [21, S. 47]. В. В. Виноградов, по его мнению, во многом интегрировал результаты, полученные его предшественниками. Сам трирский славист назвал части речи одной из основных сфер изучения в морфологии.

Различные принципы классификации частей речи предлагались и другими отечественными учёными: А. А. Зализняком, А. В. Бондарко, В. В. Бабайцевой, Ю. С. Степановым, В. Н. Мусатовым и прочими. Их взгляды в целом соответствуют принципам, положенным в основу многих традиционных грамматик. Они подтверждают логичность выделения известных частей речи и саму необходимость их существования. Неслучайно, например, В. Г. Руделёв в статье «Культура речи русского языка и состояние современной теории частей речи» назвал их «мерилом порядка в любом участке языка» [22, с. 6]. В современном русском языке, соответственно, различаются: 1) самостоятельные части речи: имя существительное, имя прилагательное, имя чис-

лительное, местоимение, глагол, наречие, предикатив, причастие и деепричастие и 2) служебные части речи: предлог, союз и частица, а также стоящие обособленно модальные слова и междометия (и звукоподражательные слова).

История научных исследований частей речи в российской лингвистике насчитывает около четырёхсот лет. За каждой приведённой в настоящей работе классификаци-

ей стоит фигура конкретного исследователя с его собственным мировоззрением и научной судьбой. Современная система частей речи, хорошо знакомая всем, знающим и изучающим русский язык, – это результат размышлений и научного поиска учёных, вписавших свои имена в историю российской лингвистической науки.

Литература

1. Шарафутдинова О. И. Части речи как способ отражения образа мира в языке (в аспекте изучения русского языка как иностранного) // *Lingua mobilis*. 2016. № 1(54). С. 8–13.
2. Ломоносов М. В. Российская грамматика. СПб: Типография Императорской Академии наук, 1755. 212 с.
3. Орнатовский И. Новейшее начертание правил российской грамматики, на началах всеобщей основанных (1810) // *Хрестоматия по истории русского языкознания. Учеб. пособие для филол. специальностей ун-тов и пед. ин-тов* / под ред. Ф. П. Филина. М.: Высшая школа, 1973. С. 39–44.
4. Востоков А. Х. Русская грамматика Александра Востокова, по начертанию его же Сокращенной грамматики, полнее изложенная. 12-е изд. СПб: Д. Ф. Фёдоров, 1874. 216 с.
5. Юсупова З. Ф. Проблемы соотношения научной и школьной грамматики (на примере именных частей речи) // *Филология и культура*. 2017. № 1(47). С. 142–147.
6. Буслаев Ф. И. Историческая грамматика русского языка. Издание пятое. [В 2-х частях]. Часть 2. Синтаксис. М.: Издание книжного магазина наследников братьев Салаевых, 1881. 394 с.
7. Потёбня А. А. Из записок по русской грамматике. Том I. Введение. Воронеж: Типография Н. Д. Гольдштейна, 1874. 161 с.
8. Бодуэн де Куртенэ И. А. Подробная программа лекций в 1876–77 уч. году (1877) // *Избранные труды по общему языкознанию*. М.: Издательство Академии наук СССР, 1963. Т. 1. С. 88–107.
9. Ситько Ю. Л. Бытование функционально-прагматической методологии в отечественном языкознании 60-х годов XIX века I половины XX века (на примере понятия части речи). Севастополь: Рибэст, 2007. 140 с.
10. Фортунатов Ф. Ф. Сравнительное языковедение: Общий курс. М.: URSS, 2010. 184 с.
11. Богородицкий В. А. Лекции по общему языковедению. Изд. 3-е. М.: URSS, 2010. 312 с.
12. Бодуэн де Куртенэ И. А. Лингвистические заметки и афоризмы // *Избранные труды по общему языкознанию*. М.: Издательство Академии наук СССР, 1963. Т. 2. С. 33–55.
13. Гуреев В. А. Естественные концепты и части речи // *Вопросы когнитивной лингвистики*. 2014. № 4(41). С. 92–96.
14. Иванов В. А. Употребление междометий в функции других частей речи в русском языке // *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика*. 2015. Т. 15. № 4. С. 36–41.
15. Шахматов А. А. Синтаксис русского языка. М.: Эдиториал УРСС, 2001. 624 с.
16. Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. М.: Языки славянской культуры, 2001. 544 с.
17. Щерба Л. В. О частях речи в русском языке // *Языковая система и речевая деятельность*. М.: Эдиториал УРСС, 2004. С. 77–100.
18. Kempgen S. “Wortarten” als klassifikatorisches Problem der deskriptiven Grammatik. Historische und systematische Untersuchungen am Beispiel des Russischen. München: Verlag Otto Sagner, 1981. X, 309 S.
19. Мещанинов И. И. Члены предложения и части речи. М.-Л.: Издательство Академии наук СССР, 1945. 322 с.
20. Виноградов В. В. Русский язык. Грамматическое учение о слове: учебное пособие. 4-е изд. М.: Русский язык, 2001. 720 с.
21. Bruns T. Einführung in die russische Sprachwissenschaft. Tübingen: Gunter Narr Verlag, 2007. 290 S.
22. Руделёв В. Г. Культура речи русского языка и состояние современной теории частей речи // *Неофилология*. 2016. № 1(5). С. 5–10.

THE HISTORY OF THE DEVELOPMENT OF IDEAS ABOUT PARTS OF SPEECH IN THE RUSSIAN LINGUISTIC SCIENCE

Dmitry A. Samarin^{1,*}

¹ Ammosov North-Eastern Federal University, 58, Belinskogo St., Yakutsk, Russia, 677000

* d.samarin.2015@mail.ru

Received 27.07.2017. Accepted 14.11.2017.

Keywords: part of speech, noun, verb, syntax, sentence, grammatical category, significant words, auxiliary words.

Abstract: The article features the phases of the development of ideas about parts of speech in the Russian linguistics. The aim of this research is to analyze and compare approaches to parts of speech made by various Russian linguists. In spite of the fact that the classification of words into parts of speech has a very long history, going back to ancient grammars, the interest in the matter has never expired, in the Russian language at various phases of its development as well. An analytical review of fundamental studies devoted to this aspect has demonstrated that the theory of parts of speech in the linguistic science has got a distinct dialectical character. In this connection the investigation of the origin and development of Russian parts of speech is especially relevant not only for Russian linguistics, but also for the theory of language in general. As this research reveals, both the number and the status of parts of speech has changed in the process of their segmentation in the Russian language. The overview of their evolution in grammatical conceptions of Russian scientists is important as it helps to define the place of this category in the morphological system of the grammar. The theoretical significance of the article is in the revelation of study methods applied to parts of speech and their interpretation. The results of the research conducted can be used in the preparation of lectures and seminars in general linguistics, history of linguistics, history of language and theoretical grammar.

For citation: Samarin D. A. Istorii razvitiia predstavlenii o chastiakh rechi v rossiiskoi lingvisticheskoi nauke [The History of The Development of Ideas about Parts of Speech in the Russian Linguistic Science]. *Bulletin of Kemerovo State University*, no. 4 (2017): 205–210. DOI:10.21603/2078-8975-2017-4-205-210.

References

1. Sharafutdinova O. I. Chasti rechi kak sposob otrazheniia obraza mira v iazyke (v aspekte izucheniia russkogo iazyka kak inostrannogo) [The parts of speech as a means of reflecting the image of the world in the language (in the aspect of learning Russian as a foreign language)]. *Lingua mobilis*, no. 1(54) (2016): 8–13.
2. Lomonosov M. V. *Rossiiskaia grammatika* [The Russian grammar]. Saint-Petersburg: Tipografiia Imperatorskoi Akademii nauk, 1755, 212.
3. Ornatovskii I. Noveishee nachertanie pravil rossiiskoi grammatiki, na nachalakh vseobshchei osnovannykh (1810) [The newest outline of the rules of the Russian grammar, on the basis of the universal one (1810)]. *Khrestomatiia po istorii russkogo iazykoznaniiia* [Reader on the history of Russian linguistics]. Moscow: Vysshaia shkola, 1973, 39–44.
4. Vostokov A. Kh. *Russkaia grammatika Aleksandra Vostokova, po nachertaniuu ego zhe Sokrashchennoi grammatiki, polnee izlozhennaia* [Russian grammar by Alexander Vostokov, on the outline of his same abridged grammar, more fully stated]. Saint-Petersburg: D. F. Fedorov, 1874, 216.
5. Iusupova Z. F. Problemy sootnosheniia nauchnoi i shkol'noi grammatiki (na primere imennykh chastei rechi) [The problems of correlation of scientific and school grammars (on the example of nominal parts of speech)]. *Filologiya i kul'tura = Philology and Culture*, no. 1(47) (2017): 142–147.
6. Buslaev F. I. *Istoricheskaya grammatika russkogo iazyka. Chast' 2. Sintaksis* [Historical grammar of the Russian language. Part 2. Syntax]. 5th ed. Moscow: Izdanie knizhnago magazina naslednikov brat'ev Salaevykh, 1881, 394.
7. Potebnia A. A. *Iz zapisok po russkoi grammatike. Tom I. Vvedenie* [From notes on Russian grammar. Volume I. Introduction]. Voronezh: Tipografiia N. D. Gol'dshteina, 1874, 161.
8. Boduen de Kurtene I. A. *Izbrannye trudy po obshchemu iazykoznaniiu* [Selected Works on General Linguistics]. Moscow: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, vol. 1 (1963): 88–107.
9. Sit'ko Iu. L. *Bytovanie funktsional'no-pragmaticheskoi metodologii v otechestvennom iazykoznanii 60-kh godov XIX veka I poloviny XX veka (na primere poniatii chasti rechi)* [The existence of a functional-pragmatic methodology in the Russian linguistics in the 60s of the XIX century – in the first half of the XX century (on the example of the notion of a part of speech)]. Sevastopol': Ribest, 2007, 140.
10. Fortunatov F. F. *Sravnitel'noe iazykovedenie: Obshchii kurs* [The comparative linguistics: The general course]. Moscow: URSS, 2010, 184.
11. Bogoroditskii V. A. *Leksii po obshchemu iazykovedeniiu* [Lectures on general linguistics]. 3d ed. Moscow: URSS, 2010, 312.
12. Boduen de Kurtene I. A. *Izbrannye trudy po obshchemu iazykoznaniiu* [Selected Works on General Linguistics]. Moscow: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, vol. 2 (1963): 33–55.

13. Gureev V. A. Estestvennye kontsepty i chasti rechi [Natural concepts and parts of speech]. *Voprosy kognitivnoi lingvistiki = The problems of cognitive linguistics*, no. 4(41) (2014): 92–96.
14. Ivanov V. A. Upotreblenie mezhdometii v funktsii drugih chastei rechi v russkom iazyke [The use of interjections as a function of other parts of speech in the Russian language]. *Izvestiia Saratovskogo universiteta. Novaia seriia. Serii: Filologiya. Zhurnalistika = Proceedings of the Saratov University. New series. Series: Philology. Journalism*, 15, no. 4 (2015): 36–41.
15. Shakhmatov A. A. *Sintaksis russkogo iazyka* [Syntax of the Russian language]. Moscow: Editorial URSS, 2001, 624.
16. Peshkovskii A. M. *Russkii sintaksis v nauchnom osveshchenii* [The Russian syntax in a scientific interpretation]. Moscow: Iazyki slavianskoi kul'tury, 2001, 544.
17. Shcherba L. V. O chastiakh rechi v russkom iazyke [On parts of speech in the Russian language]. *Iazykovaia sistema i rechevaia deiatel'nost'* [Language system and speech activity]. Moscow: Editorial URSS, 2004, 77–100.
18. Kempgen S. "Wortarten" als klassifikatorisches Problem der deskriptiven Grammatik. *Historische und systematische Untersuchungen am Beispiel des Russischen*. München: Verlag Otto Sagner, 1981, X, 309.
19. Meshchaninov I. I. *Chleny predlozheniia i chasti rechi* [The parts of the sentence and parts of speech]. Moscow-Leningrad: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1945, 322.
20. Vinogradov V. V. *Russkii iazyk. Grammaticheskoe uchenie o slove* [The Russian language. A grammatical doctrine of the word]. Moscow: Russkii iazyk, 2001, 720.
21. Bruns T. *Einführung in die russische Sprachwissenschaft*. Tübingen: Gunter Narr Verlag, 2007, 290.
22. Rudelev V. G. Kul'tura rechi russkogo iazyka i sostoianie sovremennoi teorii chastei rechi [The culture of speech of the Russian language and the state of the modern theory of parts of speech]. *Neofilologiya = Neofilology*, no. 1(5) (2016): 5–10.

УДК 81'27

БЛАГОПОЖЕЛАНИЯ В РОССИИ И КИТАЕ: ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ТОЧКА ЗРЕНИЯ**Ангелина В. Тихонова^{1, @1}, Ольга В. Чибисова^{1, @2}**¹ Комсомольский-на-Амуре государственный университет, Россия, 681013, г. Комсомольск-на-Амуре, пр. Ленина, 27

@1 kit_kat-96@mail.ru

@2 olgachibisova@yandex.ru

Поступила в редакцию 26.07.2017. Принята к печати 31.10.2017.

Ключевые слова: благопожелание, этнокультурные особенности текстов, поздравительные открытки, выразительные средства языка, русско-китайская коммуникация.

Аннотация: Предметом настоящего исследования являются формы реализации понятия «благопожелания» в России и Китае, которое занимает важное место в духовной культуре общества, поскольку регламентирует взаимоотношения между людьми в рамках принятых социальных статусов и ролей. Благопожелание обслуживает контактоустанавливающую (социативную или фатическую) функцию и поэтому широко присутствует в разных сферах человеческого общения. Актуальность исследования определяется расширением и укреплением международных связей, в которых доминирующая роль отводится благожелательным формам коммуникации. Целью работы является выявление универсальных и дифференцирующих признаков благопожелания в китайском и русском лингвосоциумах на базе реальных словоупотреблений, то есть определение культурно-универсальных и национально-специфических особенностей текстов, выражающих благопожелание. Методология исследования включает в себя семантический и коммуникативный анализ, которые позволяют выявить лексико-семантические, стилистические и грамматические особенности благопожеланий в русском и китайском языках. Основным материалом, используемым для решения поставленной задачи, явились поздравительные открытки, расположенные на интернет-сайтах с русскими и китайскими пожеланиями, использующимися по разным поводам. Знание особенностей этнической репрезентации благопожеланий будет способствовать улучшению взаимопонимания в русско-китайской коммуникации.

Для цитирования: Тихонова А. В., Чибисова О. В. Благопожелания в России и Китае: лингвистическая точка зрения // Вестник Кемеровского государственного университета. 2017. № 4. С. 211–218. DOI:10.21603/2078-8975-2017-4-211-218.

Благопожелание определяется как традиционное высказывание, целью которого является пожелание добра, блага и успеха в какой-либо деятельности себе или другому, отражающее психологию того или иного народа и занимающее важное место в жизни общества, то есть благопожелание является основой продуктивной коммуникации. Необходимость изучения языковых особенностей благопожеланий осознавалась многими учеными, направившими свои усилия на изыскания в данной области.

За последнее десятилетие были проведены исследования лингвистических и культурологических параметров пожеланий добра и зла в отдельно взятом языке такими учеными, как И. К. Завершинская [1], Н. А. Сомкина [2], Н. Г. Раджабова [3], Л. Ю. Зорина [4], Е. В. Песчанская [5], Н. Д. Михайлова [6], Х. Г. Магомедсалихов [7], Моради Митра [8]. Сравнительно-сопоставительное изучение благопожеланий на материалах нескольких языков предприняли Ю. А. Фролова [9], Л. М. Шатилова [10], Г. А. Бакирова [11], М. К. Халимбекова [12], П. М. Алиева [13], О. А. Ярцева [14], О. С. Шлапачков [15].

Но следует отметить, что нами не было выявлено сопоставительных исследований выражения благопожелания в русском и китайском языках, знание основных положений которых является необходимой частью языковой и межкультурной компетенции специалистов, работающих в сфере русско-китайских отношений.

В исследовании рассматриваются лексико-семантические и стилистические особенности текстов, выражающих

благопожелание. Целью работы является выявление универсальных и дифференцирующих признаков благопожелания в китайском и русском лингвосоциумах на базе пожеланий, расположенных на интернет-сайтах.

Основным материалом, используемым для решения поставленной задачи, являются поздравительные открытки. Было проанализировано по 8 интернет-сайтов с русскими и китайскими пожеланиями, использующимися по разным поводам. Отбор материалов исследования был произведен посредством двух крупнейших поисковых систем Интернета, являющихся лидерами в России (Google) и Китае (Baidu). Их фильтры предлагают сайты (например, русские: banquettes.ru; sms.a-angel.ru; pozdravitus.ru; pozdravok.ru; pozdravkin.com; китайские: daostory.com; magazeta.com accesschinese.com; sadpanda.cn; www.chinahighlights.com и др.), которые содержат наиболее полную и обширную информацию по запросу и являются самыми популярными среди пользователей Интернета. На сайтах представлено множество авторских текстов на различную тематику (новый год, день рождения, свадьба и т. д.), которые регулярно обновляются и пополняются новыми пожеланиями. Помимо этого, за пользователем всегда остается выбор формы пожеланий – стихотворная или прозаическая. Большинство русских сайтов ведутся людьми, занимающимися организацией различных праздников (свадьба и т. д.). Что касается китайских сайтов, то большинство из них ведут люди, постоянно посещающие Китай или живущие в данной стране. Некоторые из таких

сайтов содержат не только тексты пожеланий, но и предлагают своим читателям полезную информацию о социальной, культурной и экономической жизни страны. Главным редактором сайта «Daostory», к примеру, является специалист по межкультурным коммуникациям Востока и Запада. Все сайты функционируют по сей день, а большинство из них созданы в период с 2005 по 2012 годы. Важно отметить, что подборка пожеланий на сайтах обширна, что предоставляет возможность выбрать нужного адресата в зависимости от родственных, должностных, дружественных и других отношений. При анализе текстов благопожеланий использовались самые типичные пожелания и случаи их употребления.

Выявление определенной структуры предложений русского языка является затруднительным вследствие того, что в русском языке могут быть как простые (*быстрого пути*), так и сложные предложения (*желаем вам, чтобы ваш семейный корабль оказался прочным и надежным, чтобы он не разбился о быт и неприятности, чтобы ему не были страшны никакие шторма*). Все части сложных предложений обычно присоединяются друг к другу с помощью союзов и частиц (*но, чтобы, и, а, пусть*), однако бессюзная связь тоже присутствует (*будьте идеалом друг для друга, наслаждайтесь каждым прикосновением, вслушивайтесь в каждое слово друг друга*). Стоит отметить, что форма глагола в благопожеланиях грамматически соответствует будущему времени или настоящему времени в значении будущего.

Для типичных формул пожеланий характерно наличие различных адресантов, а значит для формул данного типа характерен выбор личного местоимения *я/мы*. Иначе дело обстоит с адресатом, ведь в пожеланиях не всегда элемент «кому» является обязательным. Однако роль данного элемента в поздравлении важна – он конкретизирует адресную направленность (*желаю тебе, новобранцам*).

Анализ состава всех пожеланий позволил выделить несколько наиболее употребительных моделей их построения. С учетом того, что найденные пожелания являются достаточно распространенными и включают в себя сразу множество моделей, то схемы выводились по отдельным предложениям, так как они чаще встречаются в речи. Для некоторых пожеланий характерна вступительная часть или обращение в начале предложений (*любовь – это та неразменная монета, которая теперь составляет ваш жилищный минимум*). Они не отражались в схемах в тех случаях, когда их присутствие или отсутствие не оказывало особого влияния на смысл благопожелания.

Так, с глаголом «желать» можно представить следующие грамматические конструкции:

1) (кто) + желаю(-ем) + (кому) + (чтобы) + пожелание:

– Дорогие молодожены, сегодня вы приступили к строительству вашего совместного корабля – вашей семьи. Желаем вам, чтобы ваш семейный корабль оказался прочным и надежным, чтобы он не разбился о быт и неприятности, чтобы ему не были страшны никакие шторма.

– Желаю чаще получать от судьбы хорошие знаки. Особенно денежные.

– Желаю научиться молодым своевременно подбрасывать дрова в пылающий костер любви.

– Свадьба – это старт новой, порой непростой, но такой сладкой жизни. Я желаю, чтобы это была веха долгой в жизнь.

2) хочу (кому) пожелать + кому + пожелание:

– Я хочу Вам пожелать никогда не унывать, не болеть и не грустить, и до ста лет прожить.

В благопожеланиях было выявлено употребление градационных и противительных союзов:

3) а) хочу пожелать + кому + не только + пожелание + но и + пожелание:

– Хочу пожелать вам не только достатка, но и изобилия; не только радости, но и огромного счастья.

– Хочется пожелать не только долгих семейных лет жизни, но терпения и умения построить тот корабль, который сможет выдержать в течении них любой шторм.

б) желаю + кому + (частица) не + пожелание + (союз) а + пожелание:

– Желаю тебе не волноваться, не бояться, а держаться уверенно, и блестяще проявить себя.

4) (кто) + от всего сердца желаю / хочется пожелать / от души желаю / искренне желаю + кому + пожелание:

– От всего сердца хочется пожелать вам простого семейного счастья.

– От души тебе пожелать хочу, чтобы экзамен стал для тебя лёгким, 5-минутным делом, желаю чувствовать себя уверенно, не поддаваться сомнениям и страхам, желаю собрать в кучу все знания, бравый оптимизм, интуицию и неподражаемую харизму.

– Я искренне тебе желаю в этот день собрать всю волю в кулак, сосредоточиться и за раз сдать этот экзамен.

Наиболее распространены предложения, которые имеют форму синтаксического побудительного наклонения. Они реализуются совместно с частицами «*пусть*», «*чтобы*», глаголом в повелительном наклонении «*будь*»:

а) пусть + пожелание (возможны однородные члены предложения):

– Пусть же ваша звезда любви горит ярко, освещая путь вашей новой семье и даря вам тепло.

б) будь(-те) + пожелание:

– Будьте идеалом друг для друга, наслаждайтесь каждым прикосновением, вслушивайтесь в каждое слово друг друга.

в) чтобы + кто / что + пожелание:

– Чтобы ваш дом всегда был светлым и в нем всегда мог найти приют ваш друг. Чтобы в нем всегда слышался смех и дети всегда были вам опорой и надеждой в нем.

Вводятся пожелания могут и с помощью перечисления отдельных слов:

– Берегите друг друга и наслаждайтесь каждым мгновением.

– Гармонии и взаимоуважения.

– Здоровья, любви, удачи, исполнения всех желаний.

Довольно редко в благопожеланиях встречается инверсивное построение пожелания, то есть такое, в котором объект желаний выносится в начало:

– Любите, дома мир храните, и не давайте ссорам войти в него.

Возможно применение конструкций с глаголом с предшествующими обстоятельствами образа действия, имеющими эмоционально-экспрессивное значение:

(от души / искренне) поздравляю(ем) + кого + желаю + (чтобы) + пожелание:

– Дорогие молодожёны, от души вас поздравляю и пожелать хочу долгой и счастливой тропы совместной жизни,

красивой мечты на двоих и радостных дней, вечной любви и доброго блага, уютного дома и достатка в нём.

– Милые, счастливые и любимые, дорогие молодожёны от души вас поздравляю и хочу вам пожелать жить вместе больше века в счастье и любви, быть друга для друга незаменимым человеком и зажигать в душе огни.

Встречаются благопожелания, в которых поздравление предшествует самому пожеланию:

а) поздравляю + (кого) + желаю + пожелание:

– Поздравляем вас с самым важным шагом в вашей жизни. Хотим пожелать вам, чтобы все дальнейшие шаги в жизни вы совершали вместе, твердо и в ногу.

– Поздравляю вас с днем свадьбы и желаю, чтобы в вашей семейной жизни медовый месяц длился вечно.

б) (кто) + примите (чьи) пожелания + пожелание:

– Молодожены, примите мои пожелания: любви, достатка, лебединой верности.

в) примите поздравления + чтобы + пожелание:

– Примите от нас такие поздравления: чтобы ваш дом всегда был светлым и в нем всегда мог найти приют ваш друг.

На основе выделенных схем можно сделать вывод, что для русского языка характерны побудительные формулы с частицей «пусть», союзом «чтобы» (при этом он может находиться как в середине пожелания, так и в начале пожелания), императивной формулой (повелительным наклонением) «будь».

Сравнительно часто прослеживаются благопожелания, основанные на полной логической схеме с глаголом «желать» кто + кому + пожелание (*желаю вам счастья и привольной богатой жизни*). Главный компонент большинства благопожеланий – совмещение личных местоимений с глаголами «поздравлять» (*поздравляю вас с новым учебным годом*), «желать». К ним возможно присоединение различных вступительных частей, указывающих на какой-либо конкретный праздник (*поздравляю тебя с...*) или выступающие в роли обращения (*дорогие, горячо любимые молодожены*), после чего уже и следуют собственно пожелания. Важной частью некоторых пожеланий является адресат: *желаю тебе, семье; поздравляю Вас*. Пожелания русского языка используются как в форме длинных распространенных текстов («С днем бракосочетания. Пусть ваша семья станет примером среди других семей. Будьте идеалом друг для друга, наслаждайтесь каждым прикосновением, вслушивайтесь в каждое слово друг друга. Находите вместе на вопросы и задачи ответы и решения. Дорожите каждой минутой. И пусть символом рождения вашей семьи станут счастливые глаза здоровых детишек»), так и довольно кратких фраз («Всегда зелёного света»).

Невербальные средства общения, используемые в устной речи при коммуникативном акте пожелания, на письме заменяются особыми элементами с эмоционально-экспрессивным значением: «от души», «искренне» и т. д.

На выбор подходящей формы пожеланий влияет множество различных факторов: возрастной, иерархический, культурный уровень участников речевого акта пожелания, продолжительность их знакомства и частотность контактов. Все перечисленные факторы влияют на выбор подходящей формы (ты / Вы) адресации (*желаем Вам в трудный день экзамена успехов, везения, достижения желаемого результата; желаю тебе денег море и любви вселенную*), объемность пожелания, наличие или отсутствие в нем рас-

пространителей. Вы-форма применяется в официальной обстановке, для демонстрации отдаления от человека и по отношению к мало и хорошо знакомым людям. В последнем случае выбор формы зависит от возрастного и социального статуса оппонента. Ты-форма используется в неформальной обстановке, в кругу близких и достаточно хорошо знакомых людей, когда говорящий равен по статусу адресату или занимает более высокое социальное положение относительно него (*счастья тебе, побыстрее написать диплом и отлично провести время*). На выбор благопожеланий влияет и тот факт, что русские отдают предпочтение неформальному общению. В этом случае можно сказать, что для русского лингвосоциума характерно использование нестандартных выражений личного характера (мужчину найти, чтобы не убежал). Временные параметры играют важную роль при выборе формулы благопожелания (доброе утро, приятного вечера). Однако они типичны для общения людей, находящихся на близкой дистанции в неформальной обстановке.

Фактор социальной дистанции и частотности общения, по нашему мнению, значительно влияет на выбор текста благопожелания. Пожелания будут иметь тем более индивидуальный и разнообразный характер, чем ближе будут отношения между людьми. Это определяется тем, что человек введен в курс дел адресата и, соответственно, пожелания касаются улучшения дел именно в этой конкретной сфере.

Анализ благопожеланий русского языка выявил наличие синонимов в предложениях. Их присутствие можно проследить как внутри одного пожелания (*желаю тебе успеха, везенья и, конечно же, удачи, не нервничай и не волнуйся, фортуна на твоей стороне*), так и в отдельных пожеланиях, обозначающих одно понятие, например, удачи в пути (*ровной дороги / гладкой дороги*). Синонимы могут и взаимозаменять друг друга, и сосуществовать параллельно. Кроме того, при формировании благопожеланий возможно использование фразеологических единиц: *держу кулаки и желаю тебе успешно сдать этот экзамен, желаю, чтоб всё прошло легко и быстро, просто и без проблем*, где, в данном случае, фразеологизмом будет являться «держать кулаки». К сожалению, в словарях не указано происхождение данного оборота, однако упоминается, что по поверью, в Средние века данный жест (сжатый кулак с прижатым большим пальцем) защищал от всякой нечисти (ведьм, демонов). В современном языке это выражение используется в качестве пожелания удачи человеку.

Анализ пожеланий китайского языка на сайтах выявил явное предпочтение использования простых предложений: 祝你考上理想的大学 – желаю поступить в университет твоей мечты. Однако нельзя отрицать присутствие сложных предложений: 新年的祝福, 平日的希冀, 愿你心境祥和, 充满爱意, 愿你的世界全是美满, 愿你一切称心如意, 快乐无比 – в Новый год и всегда желаю жить в гармонии и счастье, пусть красота наполняет ваш мир, а радость ваши дни. Тем не менее большинство сложных предложений состоят из множества простых, чаще всего устойчивых оборотов (чэньюев), которые могут употребляться отдельно. Поэтому можно говорить, что в большинстве случаев пожелание реализуется посредством использования схемы: желаю (祝) + кому + собственно пожелание. Первый способ построения пожеланий является типичным, однако с помощью изученного материала удалось выявить дополни-

тельные схемы. В китайском, как и в русском языке, пожелание вводится с помощью глагола «желать». Стоит отметить, что в выражениях с глаголом «желать» допускается использование различных глаголов с похожими значениями: 祝 (zhù) – 1) поздравлять; желать; 2) молиться, заклинать; 3) произносить тост; 愿 (yuàn) – 1) хотеть, мечтать, желать; 2) просить, я желал бы; 祝愿 (zhùyuàn) – желать, выражать пожелание:

1) 祝 (желать) + кому + пожелание + сравнительный союз 如 (подобно, как) + пожелание:

– 祝您福如东海长流水 – *желаю Вам счастья величиной как (如) Восточно-Китайское море.*

2) (кто +) 祝 (愿) (желать) + кому + пожелание:

– 祝你早日康复 – *желаю тебе скорейшего выздоровления.*

– 我们祝你尽快康复 – *мы желаем тебе скорейшего выздоровления.*

3) с глаголом «желать» и сопоставительными союзами:

愿 (желаю) + пожелание + 比 (гл. сопоставлять; сравнивать; быть приравненным к) + пожелание; (且) 比 + пожелание:

– 愿你们的爱情, 比膏油更加馨香; 比蜂房下滴的蜜更甜;

且比极贵的 珍宝更加宝贵 – *желаю (чтобы) ваша любовь была ароматнее еля, слаще медовых сот, кроме того (к тому же) дороже всех сокровищ.*

Кроме того, пожелания вводятся с помощью понятия 致以 (zhìyǐ), которому словари дают определения – выражать; высказывать, не акцентируя внимание на части речи:

4) 致以 (выражать) + кто + 对 (предлог направления действия, вводит дополнение адресата) + кому + пожелание:

– 致以对您与您的儿子/女子真诚的祝福 – *(молодой маме) наилучшие пожелания тебе и твоей дочке / твоему сыну.*

– 致以我对你们婚姻最真诚的祝福 – *в день вашей свадьбы мы поздравляем вас и желаем вам обоим всего наилучшего.*

Встречаются пожелания, в которых сначала выражается поздравление, а затем пожелание. В этом случае понятие «желать» может не употребляться, но подразумеваться. Схема данного предложения, как и вышеперечисленные схемы, сходна с русским языком:

1) 祝贺 (поздравляю) + кого + пожелание:

– 祝贺你们订婚并一切顺利 – *поздравляю вас с помолвкой (желаю) всего наилучшего.*

2) 祝贺 (поздравляю) + 愿 (желаю) + кого + пожелание:

– 祝贺, 愿你们幸福快乐 – *поздравляю, желаю вам обоим море счастья.*

Конструкции со вступительной частью и следующим пожеланием:

请接受 (примите) + пожелание:

– 请接受我节日的祝贺 – *примите мои лучшие пожелания (на открытках к рождеству).*

Конструкции с обстоятельством образа действия:

恭祝 (искренне желаю) + кому + пожелание:

– 恭祝新郎新娘永结同心 – *искренне желаю жениху и невесте вечно жить душа в душу.*

Пожелания с выражением надежды, молитвы:

1) 希望 (надеяться, мечтать) + чье / кому + пожелание:

– 希望我们合作愉快 – *надеемся, наше сотрудничество принесет плоды.*

– 希望你早日康复 – *надеемся на твое скорое выздоровление.*

2) 心想 (думать про себя, не высказываясь) + пожелание:

– 心想事成 – *молюсь об успешности дел (мнение об успехе в каком-либо деле) (пусть все ваши желания исполнятся).*

Встречаются пожелания, которые формируются с помощью слов или сравнения:

– 如山如阜如冈如陵 – *подобно горе и подобно холму, подобно бугру или сопке (пожелание долголетия и процветания).*

– 五福临门 – *пять счастлиих стучатся в дверь (стоят на пороге).*

На основе выделенных схем построения пожеланий можно сказать, что основную функцию в формировании текстов играет глагол «желать», который может употребляться совместно с глаголом 致以 (zhìyǐ) (выражать, высказывать) и сопоставительными союзами 比 (bǐ), 如 (rú). Нередко встречаются конструкции благопожеланий со вступительной частью вначале (поздравления, использование обстоятельств образа действия), пожелания, сформированные с помощью простого перечисления основных благ, а также они могут выражаться как надежда или молитва. Необходимо отметить, что в китайском языке присутствует временной (早上好 – *доброе утро*) и возрастной фактор, как и в русском языке, выбор ты / Вы-формы. Вежливая Вы-форма употребляется по отношению к людям старше в возрастном и статусном аспекте, в то время как ты-форма употребляется к друзьям и хорошо знакомым людям в общем. Помимо этого, в пожеланиях называется адресат, например, «*желаю жениху и невесте*», однако его использование прослеживается не во всех пожеланиях.

Несмотря на предпочтение русскими неофициального общения, где не исключено употребление разговорной лексики, стоит все же отметить малоупотребительность разговорных слов в пожеланиях. Из всего списка проанализированных пожеланий было обнаружено крайне мало примеров употребления разговорной речи в текстах: без *штрафов и бешеных бабулек; желаю, чтобы запаска не пригодилась; желаю, чтобы зелень не переводилась в твоих карманах, а удача указывала дорогу к ним*. В данных примерах, следуя Т. Ф. Ефремовой, «запаской» является запасная часть к чему-либо (шина, колесо) [16], и согласно «Словарю многих выражений» «бабулька» является разговорным [17].

В связи с предпочтением русскими неформального общения и, соответственно, употреблением в данном случае индивидуализированных пожеланий, нельзя не отметить тот факт, что они обслуживаются различными эмоционально-экспрессивными средствами, являющимися украшением благопожеланий. Реализация благопожеланий происходит с помощью художественных форм (поэзия и проза), синтаксических средств и т. д.

Наиболее значительную группу в русском языке составляют благопожелания, базирующиеся на метафоре. Изобилие метафорических пожеланий объясняется не только богатством русского языка, но и его эмоциональностью. Метафора базируется на сходстве явлений, впечатлений от них, и на сходстве реакций, которые они вызывают (*подбрасывать дрова в пылающий костер любви*). Не уступают метафоре в количестве и эпитеты, используемые для придания высказыванию большей выразительности и эмоциональности: *желаю тебе кавказского долголетия, сибирского здоровья, французской романтичности, мексиканского задора, африканского загара и главное – Европейского евро; олицетворения: пусть годы мчатся чередой, минув все ненастья, я Вам желаю всей душой, любви, здоровья, счастья; гиперболы: желаю вам жить и здравствовать еще сто лет; сравне-*

ния: еще тебе я пожелаю прожить всего лишь сотню лет, да так, чтоб жизнь твоя была такая, как ясный утренний рассвет. Было отмечено употребление такой речевой фигуры, как градация (климакс): дорогие жених и невеста, пусть ваша семья будет самой счастливой, а счастье будет таким огромным (гипербола), чтобы его хватило и вашим детям, и внукам, и правнукам, то есть перечисление слов (детям, внукам и правнукам) помогает ощутить нарастание эмоциональной содержательности и насыщенности.

Стоит отметить в текстах благопожеланий наличие метонимии, с помощью которой прямое название заменяется другим по смежности: *желаю, чтобы зелень не переводилась в твоих карманах, а удача указывала дорогу к ним*; зевгмы, которая допускает опущение слова, образующее однотипные синтаксические сочетания с другими словами в предложении: *желаю чаще получать от судьбы хорошие знаки, особенно денежные*. В данном примере слово «знаки» было опущено во втором предложении для его лаконичности. Не так часто можно заметить и употребление в благопожеланиях перифраза: *счастья, улыбок, чтобы было побольше белых полос и поменьше черных*.

В китайских пожеланиях стоит отметить употребление определенных чисел, например, дословно пожелание 五福临门 будет переводиться «*пять счастья стучатся в дверь (стоят на пороге)*», в то время как это выражение онлайн словарь БКРС переводит «*желаю абсолютного счастья*». Иначе говоря, «пять счастья» подразумевает чувство полного удовлетворения от пяти разноплановых событий, хотя может употребляться в качестве обобщенного понимания чувства благополучия и наслаждения, испытываемого человеком. Еще один пример с использованием чисел: тысяча 千 и сто 百 в пожелании 千禄百福 – *тысячи удач и счастья* акцентируют внимание на многочисленности и долгой продолжительности чего-либо желаемого. Несмотря на то, что числа присутствуют в пожеланиях и несут в себе колоссальное значение, все же наибольшую символичность чисел можно проследить в китайских надписях и рисунках к различным праздникам.

К сожалению, большая часть найденных пожеланий не содержит тропов, то есть можно говорить, что все они употребляются в прямом значении с перечислением пожеланий типичных благ. Тем не менее те пожелания, в которых используются эмоционально-экспрессивные средства языка, довольно интересны. В китайском языке существует широко разветвленная система изобразительно-выразительных средств (тропов), с помощью которой создается красочная и живописная речь. Анализ групп пожеланий позволил выявить простой и широко распространенный троп китайского языка – сравнение. Необходимо отметить, что обнаружение сравнения не представляет особых трудностей из-за использования в оборотах определенного набора признаков, а именно сравнительных союзов, в данном случае ими являются: 不如 (bùrú), 比 (bǐ), 如 (rú). Например, в поздравлении 福如东海, 寿比南山 (*желаю столько счастья, как восточное море, долголетия, как южная гора*) заложено пожелание огромного счастья, которое сравнивается с величиной Восточно-Китайского моря, и долголетия, которое сравнивается с возрастом горы Хэншань. Интересна группа метафорических моделей пожеланий, которые характеризуют объект речи с основой на разные виды образного сходства. Так, в благопожеланиях китайского языка было обнаружено использование фитоморфной

(祝你松柏常青, 永沐春风 – *желаю, чтобы вечнозеленый кипарис и сосна всегда купались в весеннем ветре*) и зооморфной (祝你龙马精神 – *желаю тебе обрести дух дракона и лошади*) метафор. В первом примере представлено пожелание долгих лет жизни и крепкого здоровья, во втором – сохранение высокой энергичности и жизнеспособности. Зооморфная метафора строится на ассоциациях с животными, фитоморфная же основана на сравнении с миром флоры. Можно сделать вывод, что китайцы переносят («проецируют») свои характеристики и нравы на различные существа, тем самым олицетворяя природу.

В китайских пожеланиях прослеживается использование гипербол, которые повышают экспрессивность высказывания, и в основном нацелены на пожелание какого-либо блага на достаточно продолжительное время (祝你们百年好合 – *желаю вам ладить друг с другом сто лет*) и в очень большом количестве (千禄百福 – *тысячи удач (Вам) и счастья*). Не менее характерны для пожеланий на китайском языке олицетворения: 愿你今生和幸福一起走过 – *желаю, чтобы ты и счастье шли (совместно) рука об руку всю жизнь*. Было выявлено использование в пожеланиях эпитетов: 祝新婚愉快, 甜甜蜜蜜 – *желаю счастья молодоженам и очень сладкой жизни*; метонимии: 祝福你们白头到老, 永浴爱河 – *желаю Вам дожить до седых волос (вместе состариться), вечно купаться в реке любви*; перифраза: 更上一层楼 – *подняться на один этаж выше (подняться ещё выше, добиться ещё больших успехов)*. В поздравлении 生日快乐! 愿你: 一天一天, 天天快乐; 一时一时, 时时微笑; 一分一分, 分分愉快; 一秒一秒, 秒秒幸运 – *поздравляю с днем рождения, желаю тебе каждый день веселиться, каждый час улыбаться, каждую минуту радоваться, каждую секунду быть счастливым* была выявлена ретардация, то есть перечисление нисходящих понятий (каждый день, час, минуту, секунду).

На лексическом уровне в китайских пожеланиях можно проследить употребление синонимов, которые не всегда переводятся на русский язык определенным аналогом, например, в пожелании 祝你生日美好无比 – *желаю Вам несравненного Дня рождения* понятия 美好 (měihǎo) *прекрасный* и 无比 (wúbǐ) *бесподобный* являются синонимами, однако переводятся одним словом «несравненный». В другом пожелании со сходным значением (祝您有一个特别的生日 – *желаю Вам необыкновенного Дня рождения*) употребляется слово 特别 (tèbié) *особенный, экстраординарный*, поэтому можно говорить, что синонимы обслуживают пожелания китайского языка так же, как и русского.

В пожелании 祝你精灵活泼 (*желаю тебе оставаться сообразительным и активным*) был выделен диалектизм 精灵 – лексическая единица, исключительно характерная для использования в речи населения определенной территории или же трактуемая иначе на разных территориях одной страны. В данном случае диалектизм 精灵 (jīnglíng), употребляемый в провинции Шаньдун, имеет значение «сообразительный, догадливый», хотя основное значение понятия – «призрак, привидение, дух, душа; эльф». Неосведомленность о таком нюансе повлекла бы за собой ошибочные перевод и трактовку данного пожелания.

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы.

Анализ грамматических, лексико-семантических и стилистических особенностей текстов пожеланий в китайской и

русской культурах показывает наличие культурно-универсальных и национально-специфических особенностей построения текстов пожеланий. Универсальным является употребление в пожеланиях как простых, так сложных предложений, использование в схемах построения пожеланий глагола «желать» (совместно с союзами); предшествование пожеланию поздравления; конструкции с обстоятельством образа действия; формирование пожеланий путем перечисления отдельных слов. Для обоих социумов характерно применение таких изобразительно-выразительных средств (тропов), как сравнение (со сравнительными союзами), метафора, гипербола, эпитет, олицетворение, метонимия, перифраз. На лексическом уровне было прослежено употребление в пожеланиях синонимов (как внутри группы, так и в

отдельных предложениях, обозначающих схожее понятие), устойчивых оборотов (чэньюй – в китайском, фразеологизм – в русском). Национально-специфическими признаками для русского языка являются использование частиц, имеющих повелительное и побудительное наклонения (пусть, чтобы, будь); употребление сопоставительных союзов (не только, но и; не, а); применение разговорных слов, градации (климакса) и зевгмы и инверсивного построения предложений. Отличительными характеристиками китайского языка являются использование стилистической фигуры ретардации и диалектизмов, то есть слов, распространенных на определенной территории.

Литература

1. Завершинская И. К. Речевой жанр пожелания и рекламное объявление // Лингвокультурология. 2008. № 2. С. 107–114.
2. Сомкина Н. А. Китайская традиция благопожеланий: символика животных и растений // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 13. Востоковедение. Африканистика. 2009. № 2. С. 77–86.
3. Раджабова Н. Г. Структурно-семантический анализ благопожеланий и проклятий даргинского языка: дис. ... канд. филол. наук. Махачкала, 2012. 146 с.
4. Зорина Л. Ю. К истории изучения вологодских диалектных благопожеланий // Вестник Череповецкого государственного университета. 2012. Т. 2. № 39(2). С. 81–85.
5. Песчанская Е. В. Способы выражения добрых пожеланий в традиционных и нетрадиционных китайских орнаментах // Известия Алтайского государственного университета. 2013. № 2-1(78). С. 187–191.
6. Михайлова Н. Д. Калмыцкие народные благопожелания: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Элиста, 2013. 25 с.
7. Магомедсалихов Х. Г. Благопожелания и проклятия аварцев: социо-коммуникативные функции, типология // Вестник Владикавказского научного центра. 2015. Т. 15. № 3. С. 27–35.
8. Моради Митра. Речевой акт «Пожелание», его реализация в ситуациях «Приветствия» и «Прощания» в русском языке // Преподаватель XXI век. 2017. № 1-2. С. 432–437.
9. Фролова Ю. А. Лингвокультурологическое описание лексико-семантического поля «праздник» в русском языке в сопоставлении с испанским и английским языками: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2009. 21 с.
10. Шатилова Л. М. Типологическое сопоставление имплицитных пожеланий «Успеха, удачи» (на материале немецкого и русского языков) // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 5. С. 149–154.
11. Бакирова Г. А. Вербализация смыслов концепта «Счастье» в благопожеланиях на татарском и английском языках // Вестник Чувашского университета. 2010. № 4. С. 188–192.
12. Халимбекова М. К. Гендерно-ориентированные благопожелания, обслуживающие речевой этикет (на материале лезгинского и английского языка) // Фундаментальные исследования. 2014. № 9-11. С. 2576–2579.
13. Алиева П. М. Лингвокультурологические параметры «зложеланий» арабского и аварского литературных языков // Вестник Дагестанского государственного университета. Серия 2: Гуманитарные науки. 2015. № 3. С. 92–99.
14. Ярцева О. А. Средства реализации речевого акта «пожелание / поздравление» (психолингвистическое исследование на материале русского, немецкого, испанского и итальянского языков) // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2015. № 4. С. 119–124.
15. Шлапаков О. С. Лингвостилистические особенности речевого акта «пожелание» в английском, французском, украинском и русском языках // Мовознавчий вісник. 2015. № 20. С. 172–176.
16. Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. М.: Русский язык, 2000. Режим доступа: <https://www.efremova.info/letter/+z.html?page=106> (дата обращения: 31.11.2017).
17. Словарь многих выражений. Режим доступа: https://all_words.academic.ru (дата обращения: 31.11.2017).

GOOD WISHING IN RUSSIA AND CHINA: LINGUISTIC POINT OF VIEW

Angelina V. Tikhonova^{1, @1}, Olga V. Chibisova^{1, @2}¹ Komsomolsk-on-Amur State University, 27, Lenina Ave., Komsomolsk-on-Amur, Russia, 681013

@1 kit_kat-96@mail.ru

@2 olgachibisova@yandex.ru

Received 26.07.2017. Accepted 31.10.2017.

Keywords: good wishing, ethno-cultural features of texts, greeting cards, expressive means of language, Russian-Chinese communication.

Abstract: The subject of this study is the forms of realization of the concept of “good wishing” in Russia and China, which occupies an important place in the spiritual culture of society, as it regulates the relationships between people within the accepted social statuses and roles. Good wishing serves a contact-fixing (societal or phatic) function and is therefore widely present in various spheres of human communication. The appropriateness of the research is defined by the expansion and strengthening of international relations, as well as by the dominance of well-favored forms of communication in the business environment. The aim of the research is to identify universal and differentiating signs of good wishing in Chinese and Russian linguistic societies on the basis of real usage, that is, the definition of cultural-universal and national-specific features of texts expressing good will. The methodology of the study includes a semantic and communicative analysis, which allows defining lexico-semantic, stylistic and grammatical features of good wishes in Russian and Chinese languages. The study material included on-line greeting cards with various Russian and Chinese wishes. Awareness of the ethnic representation specifics of good wishing will contribute to the improvement of mutual understanding in Russian-Chinese communication.

For citation: Tikhonova A. V., Chibisova O. V. Blagopozhelaniia v Rossii i Kitae: lingvisticheskaia tochka zreniia [Good Wishing in Russia and China: Linguistic Point of View]. *Bulletin of Kemerovo State University*, no. 4 (2017): 211–218. DOI:10.21603/2078-8975-2017-4-211-218.

References

1. Zavershinskaia I. K. Rechevoi zhanr pozhelaniia i reklamnoe ob»iavlennie [Speech Genre of Wish and Advertisement]. *Lingvokul'turologiia = Linguistic Culturology*, no. 2 (2008): 107–114.
2. Somkina N. A. Kitaiskaia traditsiia blagopozhelanii: simbolika zhivotnykh i rastenii [Chinese tradition of good wishes: animal and botanical symbolism]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 13. Vostokovedenie. Afrikanistika = Vestnik of Saint-Petersburg State University, Series 13. Asian and African Studies*, no. 2 (2009): 77–86.
3. Radzhabova N. G. *Strukturno-semanticheskii analiz blagopozhelanii i proklatii darginskogo iazyka*. Diss. kand. filol. nauk [Structural and semantic analysis of the good wishes and curses of the Dargin language. Cand. philol. Sci. Diss.]. Makhachkala, 2012, 146.
4. Zorina L. Yu. K istorii izucheniia vologodskikh dialektnykh blagopozhelanii [To the history of the Vologda dialect good-wishing studies]. *Vestnik Cherepovetskogo gosudarstvennogo universiteta = Cherepovets State University Bulletin*, 2, no. 39(2) (2012): 81–85.
5. Peschanskaia E. V. Sposoby vyrazheniia dobrykh pozhelanii v traditsionnykh i netraditsionnykh kitaiskikh ornamentakh [Some Ways to Express Good Luck in Traditional and Non-Traditional Chinese Ornaments]. *Izvestiia Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta = Izvestiya of Altai State University Journal*, no. 2-1(78) (2013): 187–191.
6. Mikhailova N. D. *Kalmytskie narodnye blagopozhelaniia*. Avtoref. diss. kand. filol. nauk [Kalmyk vernacular good-wishing. Cand. philol. Sci. Diss. Abstr.]. Ehlista, 2013, 25.
7. Magomedsalikhov Kh. G. Blagopozhelaniia i proklatiia avartsev: sotsio-kommunikativnye funktsii, tipologiia [Flavorings and curses of Avarian people: socially-communicative functions, typology]. *Vestnik Vladikavkazskogo nauchnogo tsentra = Vestnik of Vladikavkaz Scientific Centre*, 15, no. 3 (2015): 27–35.
8. Moradi Mitra. Rechevoi akt «Pozhelanie», ego realizatsiia v situatsiiakh «Privetstviia» i «Proshchaniia» v russkom iazyke [The speech act of “Wishing” and its performance in the situations of “Greeting” and “Farewell” in the Russian language]. *Prepodavatel' XXI vek = Prepodavatel XXI vek*, no. 1-2 (2017): 432–437.
9. Frolkova Yu. A. *Lingvokul'turologicheskoe opisanie leksiko-semanticheskogo polia «prazdnik» v russkom iazyke v sopostavlenii s ispanskim i angliiskim iazykami*. Avtoref. diss. kand. filol. nauk [Linguistic and cultural description of the lexical-semantic field «holiday» in Russian in comparison with the Spanish and English languages. Cand. philol. Sci. Diss. Abstr.]. Moscow, 2009, 21.
10. Shatilova L. M. Tipologicheskoe sopostavlenie implitsitnykh pozhelanii «Uspekha, udachi» (na materiale nemetskogo i russkogo iazykov) [Typological comparison of the implicit wishes «Success, good luck» (on the material of the German and Russian languages)]. *Vestnik Cheliabinskogo gosudarstvennogo universiteta = Chelyabinsk State University Bulletin*, no. 5 (2009): 149–154.

11. Bakirova G. A. Verbalizatsiia smyslov kontsepta «Schast'e» v blagopozhelaniiakh na tatarskom i angliiskom iazykakh [The verbalizations of the meanings of the concept «Happiness» in the system of Tatar and English Well-Wishing]. *Vestnik Chuvashskogo Universiteta = Bulletin of the Chuvash University*, no. 4 (2010): 188–192.
12. Khalimbekova M. K. Genderno-orientirovannye blagopozhelaniia, obsluzhivaiushchie rechevoi etiket (na materiale lezginskogo i angliiskogo iazyka) [Gender orientated wishes, which serve speech etiquette (on the material of the Lezgi and English languages)]. *Fundamental'nye issledovaniia = Fundamental research*, no. 9-11 (2014): 2576–2579.
13. Alieva P. M. Lingvokul'turologicheskie parametry «zlozhelanii» arabskogo i avarskogo literaturnykh iazykov [Lingvocultural parameters of ill wishes in Arabic and Avar literary languages]. *Vestnik Dagestanskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2: Gumanitarnye nauki = Herald of Dagestan State University. Series 2. The Humanities*, no. 3 (2015): 92–99.
14. Yartseva O. A. Sredstva realizatsii rechevogo akta «pozhelanie / pozdravlenie» (psikholingvisticheskoe issledovanie na materiale russkogo, nemetskogo, ispanskogo i ital'ianskogo iazykov) [Psycholinguistic study of Russian, German, Spanish and Italian speech acts of wishes and congratulations]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i mezhkul'turnaia kommunikatsiia = Proceedings of Voronezh State University. Series: Linguistics and intercultural communication*, no. 4 (2015): 119–124.
15. Shlapakov O. S. Lingvostilisticheskie osobennosti rechevogo akta «pozhelanie» v angliiskom, frantsuzskom, ukrainskom i russskom iazykakh [Linguostylistic features of the speech act “wish” in English, French, Ukrainian and Russian]. *Movoznavchii visnik = Linguistic Herald*, no. 20 (2015): 172–176.
16. Efremova T. F. *Novyi slovar' russkogo iazyka* [New Dictionary of the Russian Language]. Moscow: Russkii iazyk, 2000. Available at: <https://www.efremova.info/letter/+z.html?page=106> (accessed 31.11.2017).
17. *Slovar' mnogikh vyrazhenii* [Dictionary of many expressions]. Available at: https://all_words.academic.ru/ (accessed 31.11.2017).

УДК 82.09

МАСТЕРСТВО ЧИТАТЕЛЯ

Валерий И. Тюпа^{1, @}

¹ Российский государственный гуманитарный университет, Россия, 125993, Москва, Миусская площадь, 6
 @v.tiupa@gmail.com

Поступила в редакцию 17.08.2017. Принята к печати 25.10.2017.

Ключевые слова: автор, литературный текст, читатель, эмоциональная рефлексия, сотворчество, сопереживание, инкарнация смысла.

Аннотация: Статья посвящена вопросам культуры художественного восприятия литературных текстов. Адекватность литературного чтения выводится из эстетической специфики искусства слова: из особого статуса фигуры автора, из особой природы художественного смысла, из особой упорядоченности текста как совокупности факторов читательского впечатления. Вслед за Бахтиным литература трактуется как искусство «непрямого говорения», где автор «облекается в молчание», поскольку в литературном тексте мы никогда не имеем дело с речью самого писателя, она всегда опосредована фигурой говорящего героя или условного повествователя. Художественному восприятию литературных текстов можно и нужно учиться как читательскому мастерству. Культура чтения представляет собой взаимодополнительность двух разнонаправленных векторов: с одной стороны, достаточно глубокое и искреннее сопереживание сообщаемому, как если бы оно было действительной реальностью; с другой – сотворческую наблюдательность читателя по отношению к искусной сделанности текста, таящей в себе смысл произведения. Художественный смысл актуализируется читательским сознанием как взаимодополнительным по отношению к авторскому сознанию, манифестированному в тексте.

Для цитирования: Тюпа В. И. Мастерство читателя // Вестник Кемеровского государственного университета. 2017. № 4. С. 219–224. DOI:10.21603/2078-8975-2017-4-219-224.

Высокохудожественные тексты, именуемые «шедеврами», характеризуются абсолютной неслучайностью и значимостью всякого своего компонента и его местоположения в разворачивании целого. Такие произведения требуют поистине замедленного, не темпорально, а ментально замедленного чтения, или, иначе говоря, предполагают не только протяженность, но и глубину художественного восприятия. Поэтому «читать художественные книги сегодня многим кажется страшным расточительством времени. [...] Художественные тексты требуют совершенно особого – *неторопливого* – настроения. Имеется в виду настрой в буквальном смысле: на чтение художественной книги нужно на-строиться, как отлаживают строй музыкальных инструментов перед игрой. Этот строй, «лад» как раз извлекает нас из прозаической реальности, где мы должны что-то делать, куда-то стремиться» [1, с. 202]. Такому чтению, обусловленному не сиюминутными, а долговременными потребностями человеческой жизни, приходится учиться.

Художественные тексты, будучи продуктами особой, эстетической деятельности, представляют собой, по формуле Бахтина, «совокупность факторов художественного впечатления» [2, с. 18] и требуют для себя особого, специфического восприятия.

Первейшая особенность художественной литературы, выделяющая ее из всех родов текстопорождения, состоит в том, что она не сводится к «искусству слова», являясь искусством «непрямого говорения» [3, с. 289]. Фигура автора, действительного не с житейской, но с эстетической точки зрения, является гарантом смысла речевого целого. Эстетический субъект словесного творчества обращается к нам не на лингвистически мыслимом языке обычного словоупотребления, а на вторичном (художественном) языке.

Ему принадлежит только целое текста, смыслообразно сконпонованное из речений условных, воображенных субъектов речи: «чужих» ему или «своих других» для него. «От себя» писатель высказывается лишь в текстах, лишенных художественности.

Иногда писателю случается и в литературном произведении заговорить непосредственно от своего частного «я». Но во всех таких случаях художественная ткань текста рвется публицистической или иной вставкой, где словам и речевым конструкциям возвращается их первичная знаковая природа. Такую речь можно читать, не замедляясь. Тогда как речь художественную мало воспринимать семантически – ее необходимо *слышать*. Ритм, фоника, интонация, выбор слова и синтаксической конструкции – всё это факторы художественного впечатления, не улавливая которые, мы удаляемся от горизонта автора.

Бахтинская формула «непрямого говорения» указывает на такую особенность художественной речи, согласно которой в литературном тексте мы никогда не имеем дело с речью самого писателя. Автор здесь «облекается в молчание. Но это молчание может принимать различные формы выражения» [3, с. 353]. Он «говорит» с нами композицией текста и пространственно-временной организацией воображенного мира, а высказывается всегда устами другого: героя, рассказчика, повествователя. Так актер во время спектакля никогда не говорит от себя лично (а если заговорит вне роли – спектакль будет разрушен).

Даже в лирике настоящий поэт никогда не говорит от себя единственного, но от имени условного «лирического героя». Здесь «авторитет автора есть авторитет хора. Лирическая одержимость в основе своей – *хоровая одержимость*» (прим. автора: курсив М. М. Бахтина) [4, с. 31];

«лирика жива только доверием к возможной хоровой поддержке», без которого «начинается разложение лирики» [4, с. 232]. «О себе, – писал лирик-прозаик Пришвин, – я говорю не для себя: я по себе других людей узнаю и природу, и если ставлю «я», то это не есть мое «я» бытовое, а «я» производственное, не менее разнящееся от моего индивидуального «я», чем если бы я сказал «мы»» [5, с. 84].

Лирическое «я», как и «я» эпического или драматургического героя, автор мыслит не только изнутри (как себя самого), но и извне, со стороны (как человека определенного душевного склада, определенных возможностей, определенной социальной и моральной ценности). В силу такой специфики понимать художественный текст означает понимать его глубже, чем сам говорящий (герой), занимая позицию не тождественную, но аналогичную авторской: противоречащую логике позицию «причастной вненаходимости» по отношению к тексту как к чьему-то высказыванию. (Прим. автора: При переводе собрания сочинений Бахтина на китайский язык для передачи этой хитроумной формулировки пришлось соединить два древних иероглифа – со значениями «находиться внутри» и «находиться снаружи» – в один новый). Причастность, внутренняя принадлежность к ситуации общения для понимания абсолютно необходима. Незнание языка сделает меня непримечательным высказыванию, оставит вне ситуации и лишит понимания. В то же время «вненаходимость», напротив, предполагает непоглощенность коммуникативной ситуацией высказывания, сохранение интереса не только к тому, что говорится в тексте, но и к тому, как это говорится, и какой рецептивный эффект в себе таит.

В романе Толстого «Анна Каренина» есть памятное место – Каренин встречает на вокзале Анну, возвратившуюся из московской поездки:

– Да, как видишь, нежный муж, нежный, как на другой год женитьбы, сгорал желанием увидеть тебя, – сказал он своим медлительным тонким голосом и тем тоном, который он всегда почти употреблял с ней, тоном насмешки над тем, кто бы в самом деле так говорил.

Перед нами пример утроенной «причастной вненаходимости». Во-первых, Каренин отнюдь не поглощен тем нежным переживанием, какое он декларирует на словах: тональность его речи противоречит содержанию высказывания. Именно так строится, в частности, иронический художественный текст. Во-вторых, повествователь с высоты своей вненаходимости разоблачает это несоответствие перед читателем, который ведь не может слышать «голоса» и «тона» романного персонажа. В-третьих, и повествователь – это не сам Лев Николаевич, измысливший Каренина, а тот, «кто бы в самом деле так говорил», если бы литературный герой был действительным лицом.

Однако авторы литературных произведений нечасто прибегают к столь прямолинейным оценочным суждениям со стороны своего «заместителя» в тексте. Творческий избыток авторского видения находит свое выражение во всей всесторонней организации художественного высказывания. Формула «непрямого говорения» означает, в частности, что смысл художественного текста не сводится к значениям составляющих его слов. Он всегда много глубже и обширнее, чем сумма всех этих значений.

Во-первых, не только значения слов, но также их повторы и контрасты, их группировка и расположение, их звуча-

ние, их стилистическая окрашенность, знаменуемые ими пространственно-временные отношения – все аспекты текстуальной организации речи призваны служить «факторами художественного впечатления».

Во-вторых, без «художественного впечатления» от текста, то есть без особого рода читательской восприимчивости, понимание его именно как художественного, неосуществимо. При этом обычно возможно и прямое (информативное) прочитывание цепочки составляющих текст предложений, но оно извращает природу художественного высказывания. «Художественному впечатлению» можно и нужно учиться как читательскому мастерству.

Культура художественного восприятия представляет собой взаимодополнительность двух разноречивых моментов «причастной вненаходимости». С одной стороны, «художественное впечатление» предполагает достаточно глубокое и искреннее сопереживание сообщаемому, как если бы оно было действительной реальностью. С другой стороны, «художественное впечатление» предполагает сотворческую наблюдательность читателя по отношению к сделанности текста, за которым открывается хоть и не всегда вымышленная, но всегда лишь воображенная, а не вещественная реальность.

Основу такой двойственности составляет природа эстетических отношений, реализуемых художественным словом. Эстетическое отношение – в отличие от повседневных житейских (первичных) переживаний – это *эмоциональная рефлексия*, то есть метапереживание (переживание переживания).

Охваченный горем человек изнутри своей скорби не может создать художественное произведение об этом горе. Его стечения будут «прямым говорением». Для сотворения же, например, горестной элегии необходима «причастная вненаходимость»: необходимо не только «выразить» свое горе, но и передать глубину, одухотворенность, человечность, в конечном счете красоту человеческой скорби. Такого рода эстетическая «вненаходимость» обеспечивается тем, что в своем метапереживании поэт не забывает о мастерстве стихосложения и условностях поэтического жанра.

Вот как осознается этот творческий процесс Б. Л. Пастернаком в романе «Доктор Живаго»:

Под покровом общеупотребительной и привычной формы [...] кровное, дымящееся и неостывшее вытеснялось из стихотворений, и, вместо кровоточащего и болезнетворного, в них появлялась умиротворенная широта, подымавшая частный случай до общности всем знакомого. Он не добивался этой цели, но эта широта сама приходила как утешение...

Со-творческое (по отношению к автору) со-переживание (по отношению к герою), осуществляемое эстетически развитым читателем, – это тоже метапереживание некоторых первичных переживаний. В нем читателю и открывается – вслед за автором – смысл художественного высказывания как целого.

Мастерство чтения – в значении культуры художественного восприятия – является пронизательным *пониманием*, ориентированным на смысл, а не овладением некоторой информацией (суммой значений текста).

Ускоренное чтение, которому в наше время многие стараются научиться, стремится не собственно к смыслу, а к некоторому *результату* (возможно, и к смысловому) своих усилий. Поэтому оно протекает под знаком *конца* текста. Устремленность к значимому результату его и «ускоряет».

Смысловое же чтение акцентирует границы понимаемого высказывания как самобытного фрагмента действительности и, прежде всего, призвано сосредоточиться на *начале*, на «входе» в текст (первом слове, первой фразе, первом абзаце) [6] и на последующих трансформациях начального импульса. Это чтение с оглядкой, рекурсивное восприятие. Ведь смысл обнаруживает себя как связь между началом и концом речи, проложенная через сцепления всех ее фрагментов.

Рассуждающие о семантике речевой и вообще знаковой деятельности нередко отождествляют «смысл» и «значение» или сводят смысл к субъективной значимости. Между тем состав означаемого гораздо сложнее, это семантическое триединство:

1) знак имеет денотативное *значение* (объективная сторона семантики);

2) значение имеет ценностную *значимость* для пользователя (субъективная сторона семантики);

3) в контексте общения знак активизирует интерсубъективный *смысл* (концепт), которого нет ни за пределами сознания, ни в субъективной глубине обособленной психики.

Вслушаемся в рассуждение Бахтина: «Где находится государство? В психике, в физико-математическом пространстве, на бумаге конституционных актов? Где находится право? И тем не менее мы ответственно имеем дело и с государством, и с правом, более того – эти ценности *осмысливают* и упорядочивают как эмпирический материал, так и нашу психику, позволяя нам преодолеть ее голую психическую субъективность» (*прим.: курсив автора статьи*) [2, с. 53]. Право, которое имеет место только между людьми, может служить едва ли не наиболее очевидным примером онтологического феномена ценностно-смысловой *интерсубъективной* реальности.

Произведение искусства обладает действительным смыслом в такой же мере, в какой оно обладает действительным текстом. Это две неслиянные и нераздельные ипостаси произведения как художественной реальности, которая в своей онтологической специфике отнюдь не сводится к давнишней структуралистской формуле: текст + внетекстовые связи. Интерсубъективный смысл художественного высказывания не тождествен ни его объективному значению, ни его субъективной значимости. Словарное «значение изъято из диалога», но в нем обнаруживается «потенция смысла» [3, с. 350]. Эту потенцию необходимо реализовать в акте неизбежно субъективного восприятия, что делает смысл отнюдь не очевидным. Здесь восприятие «не есть понимание слов путем суммирования шаг за шагом словесных значений, оно есть следование за целостным смыслом говоримого, который всегда располагается за пределами сказанного» [7, с. 262].

Произведение искусства как ценностно упорядоченный воображенный мир представляет собой ментальный аналог мира природно-исторического. Вопреки скепсису Ролана Барта и иных адептов постмодернизма «у мира есть смысл» [3, с. 361]. Однако этот высший смысл действительного (незавершенного) мира для человека, живущего в нем, всегда остается непостижимой тайной, тогда как художественный смысл произведения, будучи концептом мира, творчески *завершенным* автором, доступен читательскому восприятию. Но его постижение требует читательской активности ответственного достраивания смыслового

целого, которое не сводится к идее, якобы «вложенной» писателем в произведение.

В то же время вопреки формуле Цветана Тодорова (автор якобы ставит слова, а читатель – смыслы) художественный смысл не отождествим и с индивидуальным читательским осмыслением. «Никакая речь [...] не имеет смысла, если она не воспринимается как вариация чего-то общего, что разделяется говорящим и его слушателями» [8, с. 530]. Смысл – интерсубъективен: он «требует множественности сознаний» [3, с. 350]; смысл есть «истинная конвергенция (когда два направления мысли коснулись какой-нибудь стороны одной и той же правды)» [9, с. 317].

Художественный смысл актуализируется читательским сознанием как взаимодополнительным по отношению к авторскому сознанию, манифестированному в тексте. Во взаимодополнительности этих интенций «имеет место приобщение» [3, с. 369] к общему для них смыслу, который не порождается ни одним из сознаний, но неявно присутствует в тексте до своей актуализации – подобно свету, существующему в мире прежде того, как возгорится излучающий его светильник [10, с. 70–71].

Как следует из приведенного выше рассуждения Пастернака, поэт (настоящий поэт, а не ремесленник стиха) не вкладывает готовый смысл в свой текст – к нему самому этот смысл «приходит» в творческом процессе текстопорождения. В этом еще одна существенная особенность «искусства непрямого говорения»: понять художественный текст вовсе не значит «разгадать» его замысел, разоблачить побудительные мотивы и цели писателя, выделить «главную мысль», ответить на злосчастный вопрос, «что хотел сказать автор». Лев Толстой, как известно, бурно возражал против подобного (увы, весьма расхожего) подхода к художественному письму:

«Если же бы я хотел сказать словами все то, что имел в виду выразить романом, то я должен был бы написать роман тот самый, который я написал, сначала. <...> Во всем, почти во всем, что я писал, мною руководила потребность собирания мыслей, сцепленных между собою, для выражения себя, но каждая мысль, выраженная словами особо, теряет свой смысл, страшно понижается, когда берется одна из того сцепления, в котором она находится. Само же сцепление составлено не мыслью (я думаю), а чем-то другим, и выразить основу этого сцепления непосредственно словами никак нельзя; а можно только посредственно – словами описывая образы, действия, положения» [11, с. 155].

Смысл художественного текста и есть эта «основа сцепления», а текст – само «сцепление» (*textus* значит: ткань, сплетение нитей). Для понимания такого смысла следует не заглядывать «за» текст, как это нередко приходится делать в случаях «прямого говорения», а пристально вглядываться в текстовые сплетения. Здесь понимаемое – такой смысл, который организация текста несет в себе (в качестве фокуса целостности) независимо от того, входило ли это в намерения писателя или нет. Художник не вправе отказаться от – вольно или невольно – проявленного им в тексте смысла, как не вправе и «догружать» его желательными, может быть, но недовоплотившимися смыслами.

Основу художественных сцеплений текста составляет эстетическое переживание жизни – эмоциональная рефлексия личностного присутствия в мире: героического, трагиче-

ческого, комического и др. способов самоактуализации *я-в-мире* (внутреннего – во внешнем). Это не эгоцентризм первичного самоощущения. Речь не идет о прямом самовыражении личности художника в текстах «непрямого говорения». Лев Толстой писал Н. Н. Страхову: «Вы говорите, что Достоевский описывал себя в своих героях, воображая, что все люди такие. И что ж! результат тот, что даже в этих исключительных лицах не только мы, родственные ему люди, но иностранцы узнают себя, свою душу. Чем глубже зачерпнуть, тем общее всем, знакомее и роднее» [11, с. 264].

Предмет эстетической рефлексии – не фактическое, не житейское, принадлежащее самому писателю, а творчески воображенное и, так сказать, общечеловеческое *я-в-мире*. Художественный смысл может включать в себя очень многое и различное, но обязательным ядром этого смысла оказывается концепция человеческой индивидуальности, личностной самоидентичности. О чем бы ни шла речь в художественном произведении, это всегда разговор о том, что это такое: быть «я»? существовать внутренне? присутствовать во внешнем мире в качестве мира внутреннего?

О смысле художественного текста можно говорить как о концепции, не забывая только, что концепция здесь не рациональная, а эмоционально-рефлексивная. Ее нельзя вычитать из текста как запрятанную между проходными фразами «главную мысль». Она разлита во всем тексте, на всех уровнях его организованности. Для ее понимания читателю необходимо развить в себе особого рода наблюдательность – восприимчивость к «факторам художественного впечатления».

Первое необходимое условие такого чтения состоит в различении двоякой упорядоченности этих «факторов»: *субъектной* организации текста (кто говорит и как говорит) и *объектной* (о каких предметах, лицах, явлениях, действиях говорится и что именно) [12]. Если объектная упорядоченность представляет собой систему факторов внутреннего (ментального) *зрения*, то субъектная – внутреннего (ментального) *слуха*. Это взаимодополнительные манифестации смысла художественного целого.

Один из наиболее пристально читаемых рассказов А. П. Чехова – «Студент». Прочтения весьма разнятся. Герою рассказа как раз открывается перспектива человеческой жизни, «полной высокого смысла» (финальное словосочетание текста), однако скептически настроенные читатели (из литературоведов укажу на Вольфа Шмида или А. Д. Степанова) не разделяют с ним этого просветления. С другой стороны, М. М. Гиршман оптимистически полагал, что явленный в произведении «переход от безнадежности к надежде» – «это не чья-либо иллюзия или мечта, а необходимость, корни которой таятся в объективном ходе бытия, а правда и красота – это именно всеобщие [...] ценности, направляющие сложное, запутанное и внутренне противоречивое течение жизни» [13, с. 142].

Такое прочтение совпадает с мнением самого писателя, отрицавшего приверженность пессимизму и ссылавшегося при этом на свой любимый рассказ. Но для нас это слишком слабый аргумент. Предмет мастерского чтения – данность текста, открытая взору каждого, а не затекстовые обстоятельства, добываемые комментаторами.

Типичный для Чехова открытый финал не позволяет спору интерпретаторов разрешиться победой одной из сторон. Однако художественные высказывания – в противовес

публицистическим – зовут не к спору, где сталкиваются разнородные ценностные значимости, а к согласию, приоткрывающему перспективу общего смысла. Но пока аргументация ограничивается, как это случается нередко, плоскостью фабулы, смысл остается непостижимым, поскольку художественный смысл принадлежит полиаспектной целостности произведения.

Обратившись к пристальному чтению общеизвестного рассказа, мы вдруг обнаруживаем, что первый абзац текста озвучен ассонансом фонемы У: ...*что-то живое жалобно гУдело, точно дУло в пУстУЮ бУтылкУ; по лУжам потянулись ледяные иглы, и стало в лесУ неУютно, глУхо и нелЮдимо*. Тогда как заключительная фраза текста озвучена ассонансом фонемы А: ...*невыразимо сладкое ожидАние счАстья, неведомого таинственного счАстья овладели им мАло-помАлу*. Первый ассонанс легко «дешифруется» концептом пустоты (в концовке наполняющейся), второй же – словами: ...*правда и красота, направлявшие человеческую жизнь там, ...продолжались непрерывно до сего дня и, по-видимому, всегда составляли главное*.

Мастерское чтение сродни актерскому исполнению (осуществляемому про себя), и динамика звучания чеховского текста, открывающаяся внутреннему слуху, солидаризирует нас с озарением героя. В речи повествователя нет слова «озарение», но слово *заря* присутствует в концовке.

Более того, пронизательному внутреннему зрению открывается, что в начале рассказа *стемнело, и там, где была деревня [...] все сплошь утонуло в холодной вечерней мгле, а голодному студенту не хотелось домой*; но в концовке происходит своего рода инверсия света и тьмы: *он глядел на свою родную деревню уже не во мгле, а при свете вечерней зари, благодаря которому нам открывается, что герою предстоит возвратиться домой (актуализирован мотив блудного сына), поднимаясь на гору. А в художественной реальности базовые пространственные отношения, в частности верха/низа, никогда не бывают нейтральными, это всегда ценностные ориентиры «следования за смыслом говоримого»*. Возвращение к тяготам жизни «родного дома и родного дола» (Бахтин) оборачивается духовным восхождением будущего священника.

Чем глубже мы погружаемся в чтение «Студента», тем меньше оснований для скептического прочтения у нас остается. Ибо субъектная и объектная упорядоченности текста в своей взаимодополнительности служат организацией читательского восприятия как коммуникативного события взаимодействия сознаний, в которых оживает смысл. «Всякое произведение искусства, – писал Толстой, – делает то, что воспринимающий вступает в известного рода общение с производившим или производящим искусство и со всеми теми, которые одновременно с ним, прежде или после его восприняли или воспримут то же художественное впечатление» [11, с. 355].

Встреча сознаний, направляемая текстуальной данностью произведения, может квалифицироваться как *инкарнация* общечеловеческого смысла, актуализация его потенциала [14]. Это отнюдь не привнесение читателем собственного смысла в мертвые следы живого письма, как сказал бы Деррида.

Рецептивный акт чтения столь же необходимое условие инкарнации смысла, как и креативный акт письма. Воображенный «мир иной» может обладать для писателя высочай-

шей субъективной значимостью, а отражение в нем действительной жизни – объективно-историческим значением, но смысл он обретет только в сотворческом сопереживании читателя – в «диалогическом согласии» их сознаний, за которым, по мысли Бахтина, «преодолеваемая даль и сближение (но не слияние)» [9, с. 364]. Эстетическое восприятие направляется интенцией согласия («Обыкновенно, получая истинно художественное впечатление, получающему кажется, что он это знал и прежде, но только не умел высказать» [11, с. 400]). В отличие от *процесса* усвоения информации художественное чтение *событийно*, разово, беспрецедентно, хотя и совершается в общем поле единого смысла, актуализируемого каждым читателем неповторимо (в меру собственной личностной

неповторимости): «В согласии всегда есть элемент нежданного, дара, чуда, ибо диалогическое согласие по природе своей свободно» [9, с. 364].

Культура художественного чтения, разумеется, не является врожденной, какова одаренность музыкальными способностями голоса или слуха. Она формируется опытом семейного чтения, уроками литературы, кругом читательского общения и личными усилиями читателя. В наше время мы переживаем период явного упадка этой культуры, чему со стороны филологии (круга профессиональных читателей) можно и нужно противостоять.

Литература

1. Фуксон Л. Ю. Чтение. Кемерово: Кузбассвуиздат, 2007. 266 с.
2. Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. М.: Художественная литература, 1975. 504 с.
3. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. 424 с.
4. Бахтин М. М. Собр. соч. В 7 т. М.: Русские словари, 2003. Т. 1. 955 с.
5. Пришвин М. М. Собр. соч. В 8 т. М.: Художественная литература, 1984. Т. 7. 480 с.
6. Фуксон Л. Ю. Интерпретация фрагмента текста как опыт «медленного чтения» // Сибирский педагогический журнал. 2015. № 3. С. 193–197.
7. Гадамер Г.-Г. Актуальность прекрасного. М.: Искусство, 1991. 368 с.
8. Розеншток-Хюсси О. Речь и действительность. М.: Лабиринт, 1994. 210 с.
9. Бахтин М. М. Собр. соч. В 7 т. М.: Русские словари, 1996. Т. 5. 730 с.
10. Анандавардхана. Дхваньялока. М.: Наука, 1974. 304 с.
11. Толстой Л. Н. О литературе. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1955. 806 с.
12. Тюпа В. И. Анализ художественного текста. М.: Академия, 2006. 336 с.
13. Гиршман М. М. Гармония и дисгармония в слове и в мире («Студент» А. П. Чехова) // Гиршман М. М. Литературное произведение: теория и практика анализа. М.: Высшая школа, 1991. С. 136–155.
14. Подковырин Ю. В. Понятие «инкарнации» в философии XX века и феномен смысла литературного произведения // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2012. № 6. С. 137–142.

READER'S SKILL

Valery I. Tyupa^{1, @}

¹ Russian State University for the Humanities, 6, Miusskay Square, Moscow, Russia, 125993

@ v.tiupa@gmail.com

Received 17.08.2017. Accepted 25.10.2017.

Keywords: author, fictional text, reader, emotional reflection, co-creation empathy, incarnation of sense.

Abstract: The article deals with the issues of artistic perception culture of fictional texts. The sufficiency of literary reading is derived from the aesthetic specificity of verbal art: from special status of an author's figure, from the special nature of the artistic sense, from the special text organization as a combination of the reader's impression factors. According to M. Bakhtin, literature is interpreted as the art of "indirect speaking", where the author "puts on silence" because in fictional text we never deal with the writer's speech, it is always mediated by the figure of the talking hero or the narrator. The artistic perception of fictional texts should be studied as a reader's skill. The culture of reading is the complementarity of two differently directed vectors: it is a deep and sincere empathy, as if it were reality; on the other hand – the reader's creativity in relation to the text artfulness, which conceals the meaning of the art work. The artistic sense is actualized by the reader's consciousness as complementary to the author's consciousness manifested in the text.

For citation: Tyupa V. I. Masterstvo chitatelia [Reader's Skill]. *Bulletin of Kemerovo State University*, no. 4 (2017): 219–224. DOI:10.21603/2078-8975-2017-4-219-224.

References

1. Fukson L. Iu. *Chtenie* [Reading]. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 2007, 266.
2. Bakhtin M. M. *Voprosy literatury i estetiki* [Questions of literature and aesthetics]. Moscow: Khudozhestvennaia literatura, 1975, 504.
3. Bakhtin M. M. *Estetika slovesnogo tvorchestva* [Aesthetics of verbal creativity]. Moscow: Iskusstvo, 1979, 424.
4. Bakhtin M. M. *Sobr. soch.* [Collected Works by Bakhtin M. M.]. Moscow: Russkie slovari, vol. 1 (2003): 955.
5. Prishvin M. M. *Sobr. soch.* [Collected Works by Prishvin M. M.]. Moscow: Khudozhestvennaia literatura, vol. 7 (1984): 480.
6. Fukson L. Iu. Interpretatsiia fragmenta teksta kak opyt «medlennogo chteniia» [Interpretation of a fragment of the text as an experience of «slow reading»]. *Sibirskii pedagogicheskii zhurnal = Siberian Pedagogical Journal*, no. 3 (2015): 193–197.
7. Gadamer H.-G. *Aktual'nost' prekrasnogo* [The relevance of the beautiful]. Moscow: Iskusstvo, 1991, 368.
8. Rosenstock-Huessy E. *Rech' i deistvitel'nost'* [Speech and reality]. Moscow: Labirint, 1994, 210.
9. Bakhtin M. M. *Sobr. soch.* [Collected Works by Bakhtin M. M.]. Moscow: Russkie slovari, vol. 5 (2003): 730.
10. Anandavardkhana. *Dkhvan'ialoka* [Light of Dhvani]. Moscow: Nauka, 1974, 304.
11. Tolstoy L. N. *O literature* [About the literature]. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoi literatury, 1955, 806.
12. Tyupa V. I. *Analiz khudozhestvennogo teksta* [Analysis of artistic text]. Moscow: Akademiia, 2006, 336.
13. Girshman M. M. *Literaturnoe proizvedenie: teoriia i praktika analiza* [Literary work: theory and practice of analysis]. Moscow: Vysshaia shkola, 1991, 136–155.
14. Podkovyrin Iu. V. Poniatie «inkarnatsii» v filosofii KhKh veka i fenomen smysla literaturnogo proizvedeniia [Notion of Incarnation in Philosophy of the XXth Century and Sense Phenomenon of Literary Work]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki = Philological Sciences. Issues of Theory and Practice*, no. 6 (2012): 137–142.

16+

Редакторы выпуска:

Долгих В. П., Митько Н. В., Рабкина Н. В., Плисенко С. В., Старикова Л. С.

Подписано к печати 23.10.2017. Формат А 4.

Дата выхода в свет 28.12.2017.

Печать офсетная. Бумага Sveto Copy. Усл. печ. л. – 28,25. Уч.-изд. л. – 23,86.

Тираж 500 экз. Заказ № _____

Цена свободная.

ФГБОУ ВО «Кемеровский государственный университет».

Россия, Кемеровская область, 650000, г. Кемерово, ул. Красная, 6, <http://kemsu.ru>.

Отпечатано ООО ПК «ОФСЕТ». 650001, Кемерово, ул. Пролетарская, д. 9.